

1894 г. 70.

ИЗВѢСТІЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО

ИНСТИТУТА
КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО ВЪ НѢЖИНѢ.

1894

ТОМЪ XIII.

годъ.

Содержаніе:

I. Официальный отдѣлъ.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ за 1891¹/₂ учебный годъ, читанный на актѣ 14 сент. 1892 г. (стр. 1—6). Такой-же отчетъ 1892²/₃ учебный годъ, читанный на актѣ 30 авг. 1893 г. (стр. 7—14).—Уставъ Нѣжинскаго Историко-филологическаго Общества при Историко-филологическомъ Институтѣ Князя Безбородко (стр. 1—7).

II. Неофициальный отдѣлъ.

1. *Добіашъ А. В.* Этюды по Платону. 1. Разборъ взгляда Шаршмидта на Платона. (Стр. 1—66).
2. *Турцевичъ И. Г.* О важности изученія Римской государственности и главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ ея. Вступительная лекція, читанная 7 Декабря 1892 г. (Ст. 1—23).

III. Приложение.

- Глезовъ М. И.* Изъ начальной исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII в. Историко-критическое изслѣдованіе (Стр. 1—209).
- Птуховъ Е. В.* Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности. II—III. (Стр. 33—68).

А
щества.
14

НѢЖИНЪ.
Типо-Литографія Е. Ф. Венгера,
домъ Глезера.

КІЕВЪ.
Типографія Корчакъ-Новицкаго,
Михайлов, ул., домъ № 4.

1894.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-
Филологическаго Института Князя Безбородко.

Директоръ Института Ф. Галбке.

І.

Официальный отдѣлъ.

О Т Ч Е Т Ъ

О СОСТОЯНІИ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО ЗА 1891/, УЧЕВНЫЙ ГОДЪ.

I.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ СЛУЖАЩИХЪ.

1) Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія 7 Февраля 1892 года Директоръ Института Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Н. Е. Скворцовъ* командированъ за границу на одинъ годъ съ ученою цѣлью.

2) Приказомъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 11 Августа 1892 года ординарный профессоръ Института по Римской словесности Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Р. А. Фохтъ*, по выслугѣ свыше 32 лѣтъ по учебному вѣдомству, уволенъ отъ службы согласно прошенію съ 7 Іюля съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундиръ послѣдней должности присвоенный.

3) Экстраординарный профессоръ *А. М. Фогель*, по выслугѣ двухъ трехлѣтій въ должности ученаго секретаря, въ засѣданіи Конференціи отъ 1 Іюня 1892 года вновь избранъ на ту же должность, со 2-го Мая.

4) Наставникъ студентовъ и преподаватель Института *М. И. Дилеевъ* произведенъ, за выслугу лѣтъ, въ чинъ Надворнаго Совѣтника.

5) Врачъ Института и Гимназіи, Коллежскій Ассессоръ *И. Н. Самойловичъ* награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени, согласно статуту сего ордена, 3 Февраля 1892 года.

II.

У Ч А Щ І Е С Я.

Къ началу истекшаго 18⁹¹/₉₂ учебнаго года всѣхъ студентовъ въ Институтѣ состояло 48; въ теченіе учебнаго года уволены изъ Института 2 студента I курса, изъ нихъ 1 по болѣзни и 1 по прошенію. По результатамъ испытаній переведены въ высшіе курсы: съ I на II—19 студентовъ, со II на III—3 и съ III на IV—12 студентовъ. Всѣ 12 студентовъ IV курса окончили курсъ ученія и удостоены званія учителя гимназіи.

Во время минувшихъ каникулъ одинъ изъ студентовъ II курса, находясь въ отпуску въ домѣ родителей, умеръ. Такимъ образомъ оставалось студентовъ 33.

Вновь поступило: на I курсъ а) по аттестатамъ зрѣлости безъ испытанія 9, въ томъ числѣ два казенныхъ стипендіата Институтской Гимназіи; б) по аттестатамъ же зрѣлости, послѣ испытанія по древнимъ языкамъ, 2; в) по особому испытанію зрѣлости, установленному для воспитанниковъ духовныхъ семинарій, 7; г) переведены изъ университетовъ, согласно прошеніямъ, 2 студента на II курсъ; всего принято вновь на I курсъ 18 и на II—2.

Такимъ образомъ, въ настоящее время состоитъ въ Институтѣ студентовъ: на I курсѣ 18, на II—20, на III—3 и на IV—12, всего 53 студента.

III.

Состояніе учебной части въ Институтѣ въ 18⁹¹/₉₂ учебномъ году.

Объемъ преподаванія по отдѣльнымъ предметамъ былъ слѣдующій:

I. По Закону Божію законоучитель *Святловъ* излагалъ студентамъ III курса курсъ православно-христіанскаго вѣровученія, 2 часа въ недѣлю.

II. По исторіи церкви преподаватель *Дилеевъ* читалъ студентамъ III курса историческаго отдѣленія исторію церкви Византійско-восточной со времени патріарха Фотія до половины XV в. и, въ связи съ нею, исторію образованія и даль-

нѣйшей судьбы церкви славянскихъ въ Моравіи, Панноніи и Болгаріи, 2 часа.

III. По философіи и д. экстра-ординарнаго профессора *Малеванскій*, по 2 часа въ ведѣлю, читаль студентамъ I курса—логику, II курса—психологию, III курса—исторію философіи.

IV. По педагогикѣ г. Директоръ Института руководилъ студентовъ IV курса въ разборѣ основныхъ вопросовъ изъ области гимназической дидактики и въ практическомъ примѣненіи важнѣйшихъ дидактическихъ правилъ, 1 часъ.

Преподаватель *Лилевъ* студентамъ IV курса читаль исторію педагогики, 1 часъ.

V. По Римской словесности: ординарный профессоръ *Фохтъ* студентовъ классическаго отдѣленія IV курса упражнялъ въ толкованіи эподъ Горація, 2 часа, и въ переводѣ съ русскаго на латинскій языкъ, 2 часа; тѣмъ же студентамъ объяснялъ Tacit. Hist. lib. II, 2 часа; студентамъ классическаго и историческаго отдѣленій IV курса читаль Римскія государственныя древности, 2 часа; студентамъ классическаго и словеснаго отдѣленій IV-го курса читаль исторію литературы Августова вѣка, 1 часъ; студентамъ словеснаго отдѣленія III курса исторію Римской литературы съ начала ея до конца Цицеронова вѣка, 2 часа; руководилъ домашнимъ чтеніемъ студентовъ классическаго отдѣленія IV курса.—Экстра-ординарный профессоръ *Фогель* упражнялъ студентовъ I и II курсовъ совмѣстно въ толкованіи Цицерона и Виргилія, по 2 часа, и тѣхъ же студентовъ въ латинской грамматикѣ, посредствомъ устныхъ и письменныхъ экстенпоральныхъ и домашнихъ переводовъ съ русскаго на латинскій, а иногда съ латинскаго на русскій языкъ, 2 часа; такимъ же путемъ упражнялъ въ латинской грамматикѣ студентовъ историческаго и словеснаго отдѣленій III и IV курсовъ, 2 часа; тѣмъ же студентамъ объяснялъ Ливія, 2 часа; руководилъ домашнимъ чтеніемъ студентовъ I и II курсовъ и студентовъ историческаго и словеснаго отдѣленій III и IV курсовъ.

VI. По Греческой словесности Инспекторъ Института ординарный профессоръ *Добинъ* руководилъ упражненіями студентовъ I и II курсовъ въ греческой грамматикѣ посредствомъ письменныхъ классныхъ и домашнихъ переводовъ съ русскаго языка на греческій, 2 часа; такими же упражнені-

ями студентовъ III курса, 2 часа; объяснялъ студентамъ I курса Оукидида, 2 часа; упражнялъ студентовъ II и III курсовъ въ толкованіи Демосеена, 2 часа; руководилъ домашнимъ чтеніемъ студентовъ I и III курсовъ.—Ординарный профессоръ *Ждановъ* упражнялъ студентовъ классическаго отдѣленія IV курса въ толкованіи Эврипида, 2 часа; руководилъ грамматическими упражненіями студентовъ всѣхъ отдѣленій IV курса, 2 часа; объяснялъ студентамъ всѣхъ отдѣленій IV курса Эсхила и Аристофана, 2 часа; читалъ студентамъ классическаго и словеснаго отдѣленій IV курса исторію греческой литературы, 2 часа; руководилъ домашнимъ чтеніемъ студентовъ IV курса.—Преподаватель *Кирилловъ* объяснялъ студентамъ I и II курсовъ Илиаду Гомера, 2 часа; читалъ студентамъ III курса историческаго отдѣленія курсъ государственныхъ древностей Крита, Спарты и Аѣинъ, 2 часа; руководилъ домашнимъ чтеніемъ студентовъ II курса.

VII. По Всеобщей Исторіи ординарный профессоръ *Люперольскій* читалъ студентамъ I и II курсовъ совмѣстно курсъ Римской исторіи, 3 часа; излагалъ студентамъ историческаго отдѣленія III и IV курсовъ совмѣстно—исторію среднихъ вѣковъ, 3 часа.

VIII. По Русской Исторіи ординарный профессоръ *Бережковъ* студентамъ I и II курсовъ совмѣстно излагалъ исторію Смутнаго времени, исторію Московскаго государства въ XVII в. и исторію Петровскаго времени, 2 часа; студентамъ III курса историческаго отдѣленія курсъ исторіи Московскаго государства въ XVII в. и обзоръ исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв., 2 часа; со студентами IV курса историческаго отдѣленія докончилъ обзоръ исторіи Россіи новаго времени и обзоръ новой исторіографіи русской, 2 часа.

IX. По Русскому и Славянскому языкамъ экстра-ординарный профессоръ *Качановскій* читалъ студентамъ I и II курсовъ исторію Русскаго языка, 2 часа; студентамъ III курса словеснаго отдѣленія славянскія нарѣчія, 1 часть; славянскія литературы, 1 часть; студентамъ IV курса словеснаго отдѣленія славянскія литературы, 1 часть; руководилъ работами студентовъ IV курса словеснаго отдѣленія по обозрѣнію учебной литературы по славянскому и русскому языкамъ, 1 часть.

X. По Русской литературѣ экстра-ординарный профессоръ *Пытуховъ* читалъ студентамъ I и II курсовъ совмѣстно

исторію русской литературы съ XI по XVI столѣтіе, 2 часа; студентамъ III и IV курсовъ словеснаго отдѣленія—исторію русской литературы XVII и начала XVIII в., 3 часа.

XI. По Нѣмецкому языку преподаватель *Меринг* со студентами старшаго отдѣленія переводилъ Бернштейна біографію Гумбольта, 1 часъ; студентовъ младшаго отдѣленія упражнялъ въ грамматикѣ посредствомъ перевода статей изъ хрестоматіи Гретмана, 2 часа.

XII. По Французскому языку преподаватель *Мишель* со студентами старшаго отдѣленія переводилъ *Tartuffe* Мольера, 1 часъ; со студентами младшаго отдѣленія переводилъ статьи изъ хрестоматіи Фену, 2 часа.

IV.

Объ ученыхъ трудахъ профессоровъ и преподавателей.

Въ истекшемъ учебномъ году профессора и преподаватели Института напечатали:

Инспекторъ *А. В. Добіашичъ*: Переводъ діалога Платона „*Θεэтетъ*“ отдѣльною книгою.—Законоучитель *П. Я. Свѣтловъ*: „Папская непогрѣшимость во свѣтѣ исторіи“ (въ Православномъ Обзорѣніи); „Пророческіе и вѣщіе сны, апологетическое изслѣдованіе въ области библейской психологіи“ (отдѣльною книжкою).—Ординарный профессоръ *С. Н. Ждановъ*: „Къ Эврипидову Ипполиту“ (въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія).—Ординарный профессоръ *М. Н. Бережковъ*: „Планъ завоеванія Крыма, составленный Юріемъ Крижаничемъ“ (въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія) и „Замѣтка о значеніи слова „унейнъ“ (въ Вѣстникѣ Славянства).—Экстра-ординарный профессоръ *В. В. Качановскій*: 1) Герцеговина во второй половинѣ XV вѣка; 2) Старо-сербскій словарь; 3) Янъ-Амосъ Коменскій, другъ человѣчества и одинъ изъ виновниковъ новаго возрожденія чешской національности; 4) Очеркъ литературы XVIII и начала XIX вѣка у православныхъ Сербовъ; 5) Славянскій „Физиологъ“; 6) Къ исторіи вопроса о Св. Кириллѣ Словенскомъ; 7) Рѣшеніе судьбы Болгаріи, Македоніи и Старой Сербіи *Spectatoromъ*; 8) Краледворская рукопись; 9) Объясненіе словъ: годъ, рожденица, станянинъ и ярула; 10) Очеркъ исторіи послѣднихъ десятилѣтій Рѣчи Посполитой; 11) Къ исторіи

письменности у Словенцевъ; 12) Сорокалѣтіе со дня смерти В. А. Жуковскаго; 13) Поэзія А. В. Кольцова; 14) Общій взглядъ на древнюю исторію Сербіи и ея источники; 15) Разборы сочиненій: а) Кирилло-Мееодіевскіе вопросы Г. Бараца; б) Дополнительные замѣчанія къ разбору „Этимологическаго словаря Миклошича“ Р. Брандта; в) Ernest Denis: Fin de l'indépendance bohême, t. I; г) Сочиненія Козлова; д) Переводъ князя Д. Цертелева „Рабочая комната“ изъ Фавста; е) Исторія новѣйшей русской литературы А. Скабичевскаго; ж) П. Смирновскаго: Учебникъ русской грамматики; з) Арабажина: Казиміръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность; и) М. Н. Бережкова „Планъ завоеванія Крыма, составленный Крижаничемъ“; 16) Некрологи И. А. Гончарова, I. I. Первольфа, Н. А. Попова и др. и 17) большинство библиографическихъ замѣтокъ въ издаваемомъ имъ „Вѣстникѣ Славянства“.—Наставникъ-руководитель *И. В. Добіанъ* издалъ книгу „Комментарій къ рѣчамъ Демосеена противъ Филиппа“, вып. I.

О Т Ч Е Т Ъ

О СОСТОЯНІИ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ЗА 189²/₃ УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

I.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ СЛУЖАЩИХЪ.

1) Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія 12 Іюля сего года Директоръ Института, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Н. Е. Скворцовъ* уволенъ согласно прошенію въ отставку.

2) Высочайшимъ приказомъ 21 того-же Іюля Округной Инспекторъ С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Ф. Ф. Гельке* назначенъ Директоромъ Института.

3) Приказомъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія экстра-ординарный профессоръ Института по предмету Римской словесности *А. М. Фотель* утвержденъ ординарнымъ профессоромъ Института по тому-же предмету, съ 12 Февраля сего года.

4) Приказомъ Г. Министра преподаватель 1-й Кіевской Гимназіи *И. Г. Турцевичъ* утвержденъ и. д. экстра-ординарнаго профессора Института по предмету Римской словесности, съ 30 Октября 1892 года.

5) Съ разрѣшенія Г. Министра завѣдывающему Гимназіею при Институтѣ *А. Θ. Абрамову* поручено было преподаваніе латинской грамматики на I курсѣ Института въ теченіе истекшаго 189²/₃ учебнаго года.

Всемилостивѣйше награждены за отличіе по службѣ Инспекторъ и ординарный профессоръ *А. В. Добіанъ* орденомъ Св. Анны 2 степени, ординарный профессоръ *М. Н. Березковъ* орденомъ Св. Станислава 2-й степени, наставникъ студентовъ *М. И. Дилеевъ* орденомъ Св. Анны 3 степени и экстра-ординарный профессоръ *Е. В. Пытуховъ* орденомъ Св. Станислава 3 степени.

Произведенъ за выслугу лѣтъ въ чинъ Коллежскаго Совѣтника наставникъ студентовъ *М. И. Дилеевъ*.

II.

У Ч А Щ І Е С Я.

Къ началу истекшаго 189²/₃ учебнаго года всѣхъ студентовъ въ Институтѣ состояло 53. Въ теченіе учебнаго года уволены изъ Института по прошеніямъ 1 студентъ I курса и 1 студентъ II курса, и умеръ 1 студентъ II курса. По результатамъ испытаній переведены въ высшіе курсы съ I на II—17 студентовъ, со II на III—18 и съ III на IV—3. Всѣ 12 студентовъ IV курса удостоены званія учителя гимназіи; а именно, по историческому отдѣленію: *Бугославскій* Владиміръ, *Волковъ* Григорій, *Корбелецкій* Яковъ, *Макке* Алексѣй, *Назаревъ* Сергій, *Постернаковъ* Александръ, *Пришибисовъ* Николай и *Рукавишниковъ* Антонъ, и по словесному отдѣленію *Безимъ* Карлъ, *Кузнецовъ* Константинъ, *Кузнецовъ* Степанъ и *Куклинъ* Иванъ. Изъ нихъ до сихъ поръ уже получили назначенія на учительскія и воспитательскія должности: *Макке* въ Евпаторійскую Прогимназію, *Назаревъ* въ Вятскую Гимназію, *Постернаковъ* въ Мариупольскую Женскую Гимназію, *Рукавишниковъ* въ Ставропольскую Гимназію, *Кузнецовъ* Константинъ—въ Екатеринбургскую Гимназію, и *Кузнецовъ* Степанъ въ Пермскую женскую Гимназію; *Безимъ* представленъ къ опредѣленію на должность учителя въ Троицкую Гимназію. Изъ студентовъ прежнихъ выпусковъ представлены къ опредѣленію на учительскія мѣста: *Стефанцевъ* въ Читинскую Гимназію, *Автономовъ* Павелъ—въ Евсейскую Гимназію, *Нельмовъ* въ Нѣжинскую женскую Гимназію; назначены *Палвода* и *Падалка* воспитателями при пансіонѣ Виленской 1 Гимназіи, *Булатовъ*—преподавателемъ Елецкаго

уѣзднаго училища и *Ходзицкий*—преподавателемъ Юрьевского реального училища.

III.

СОСТОЯНИЕ УЧЕБНОЙ ЧАСТИ.

I. По Закону Божію священникъ *Свѣтловъ* изложилъ студентамъ III курса православно-христіанское вѣроученіе въ видѣ систематическаго курса догматико-апологетическихъ чтеній, 2 часа.

II. По Философій и. д. экстра-ординарнаго профессора *Малеванскій* читалъ студентамъ I курса логику, II курса—психологію, III курса—исторію философій, по 2 часа.

III. По Греческому языку ординарный профессоръ Инспекторъ Института *Добіашъ* руководилъ грамматическими упражненіями студентовъ I и II курсовъ, по 2 часа; объяснялъ студентамъ I курса Панегирикъ Исократы, 2 часа; студентамъ II и III курсовъ совмѣстно трагедію Софокла „Эдипъ царь“, 2 часа.—Ординарный профессоръ *Ждановъ* объяснялъ студентамъ IV курса трагедію Эсхила „Персы“ и комедію Аристофана „Лягушки“, 2 часа; читалъ студентамъ IV курса словеснаго отдѣленія исторію греческой литературы, 2 часа; руководилъ грамматическими упражненіями студентовъ III и IV курсовъ, 2 часа.—Наставникъ студентовъ *Кирилловъ* объяснялъ студентамъ I и II курсовъ совмѣстно изъ Одиссеи Гомера кн. VIII и IX, 2 часа; студентамъ III курса историческаго отдѣленія излагалъ Греческія государственныя древности, 2 часа.

IV. По Латинскому языку ординарный профессоръ *Фозалъ* объяснялъ студентамъ III и IV курсовъ совмѣстно Taciti Hist. lib. V, с. 1—13, 2 часа; тѣхъ же студентовъ упражнялъ въ Латинской грамматикѣ посредствомъ устныхъ и письменныхъ экстермпоральныхъ и домашнихъ переводовъ съ русскаго на латинскій языкъ, 2 часа; такимъ же образомъ упражнялъ въ латинской грамматикѣ студентовъ II курса, 2 часа; студентамъ I и II курсовъ совмѣстно объяснялъ Sallustii Jugurtha с. 1—30, 2 часа; студентамъ I и II курсовъ совмѣстно объяснялъ въ первое полугодіе избранныя элегіи Овидія, 1 часъ.—И. д. экстра-ординарнаго профессора *Турцевичъ* объяснялъ студентамъ I и II курсовъ совмѣстно избранныя элегіи

Овидія, 2 часа; студентамъ IV курса историческаго отдѣленія излагалъ важнѣйшіе отдѣлы Римскихъ государственныхъ древностей, 2 часа.

V. По Славянскому и Русскому языкамъ экстра-ординарный профессоръ *Качановскій* изложилъ студентамъ I и II курсовъ совмѣстно старо-славянскій языкъ, 2 часа; студентамъ IV курса словеснаго отдѣленія, при 2 часахъ въ недѣлю, изложилъ славянскія нарѣчія (польское, чешское и лужицкое); славянскія литературы (болгарскую, сербскую и польскую) и, при 1 часѣ въ недѣлю, славяно-русскія древности, и руководилъ занятіями студентовъ IV курса словеснаго отдѣленія по составленію рефератовъ на предложенныя имъ темы.

VI. По Русской словесности экстра-ординарный профессоръ *Плутуховъ* читалъ студентамъ I и II курсовъ совмѣстно обзорнѣе памятниковъ народной русской словесности, 2 часа; студентамъ IV курса словеснаго отдѣленія исторію русской литературы XVIII и XIX в. до Батюшкова включительно, съ прибавленіемъ обзора главнѣйшихъ мѣній, высказанныхъ въ наукѣ и критикѣ о Пушкинѣ, Грибоедовѣ, Лермонтовѣ и Гоголѣ, 3 часа; во второмъ полугодіи, съ прибавленіемъ къ упомянутымъ 3 часамъ 1-го дополнительнаго, читались и разбирались въ аудиторіи нѣкоторыя произведенія или ихъ части, о которыхъ говорилось на лекціяхъ. Затѣмъ, 1 часъ въ недѣлю употребленъ былъ на чтеніе и разборъ Гамбургской драматургіи Лессинга.

VII. По Всеобщей исторіи ординарный профессоръ *Люперольскій* читалъ студентамъ I и II курсовъ совмѣстно исторію Греціи съ древнѣйшихъ временъ до Македонскаго завоеванія, 3 часа; студентамъ III и IV курсовъ историческаго отдѣленія совмѣстно исторію новыхъ вѣковъ, 2 часа; руководилъ практическими занятіями тѣхъ же студентовъ въ исторической семинаріи по составленію ими рефератовъ на заданныя имъ темы, 1 часъ.

VIII. По Русской исторіи ординарный профессоръ *Бережковъ* студентамъ I и II курсовъ совмѣстно изложилъ обзоръ главныхъ источниковъ и историческихъ трудовъ и сообщилъ краткое руководственное обзорнѣе исторіи кievско-цареградскаго времени, 3 часа; студентамъ III и IV курсовъ историческаго отдѣленія, послѣ обзора главныхъ источниковъ, изложилъ исторію Петровскаго времени, 2 часа; тѣмъ же студентамъ прочиталъ спеціальный курсъ о Котонихинѣ, въ

дополненіе къ ранѣе изложенному общему курсу исторіи Московскаго государства въ XVII в., 1 часъ.

IX. По Педагогикѣ наставникъ студентовъ *Лилеевъ* студентамъ IV курса изложилъ гимназическую педагогику, 2 часа.

X. По Нѣмецкому языку преподаватель *Мерингъ* студентовъ младшаго отдѣленія упражнялъ въ этимологіи посредствомъ перевода статей изъ хрестоматіи Гретмана и изъ *Jonas: Musterstücke deutscher Prosa*, 2 часа; со студентами старшаго отдѣленія читалъ *Zöllner: Religion und Philosophie bei den Römern*, 1 часъ.

XI. По Французскому языку преподаватель *Мишель* на младшемъ отдѣленіи, по 2 часа въ недѣлю, читалъ статьи изъ хрестоматіи Фену, а на старшемъ отдѣленіи статьи изъ хрестоматіи Анспаха, 1 часъ.

Домашнимъ чтеніемъ студентовъ по древнимъ языкамъ руководили: по Греческому языку орд. проф. *Ждановъ* на IV курсѣ, Инспекторъ *Добіашъ*—на I и III курсахъ, наставникъ студентовъ *Кирилловъ* на II курсѣ; предметомъ домашняго чтенія служили для студентовъ IV курса Филиппики Демосеева и та или другая трагедія Софокла; для студентовъ III курса Антигона Софокла и діалогъ Платона Фѣдонъ; для студентовъ II курса Геродотъ (IV кн.) и первыя двѣ книги Иліады Гомера; на I курсѣ Анабазисъ Ксенофонта (3 книги) и Одиссея Гомера; по Латинскому языку—орд. проф. *Фогель* въ первое полугодіе—на всѣхъ четырехъ курсахъ, во второе полугодіе—на II, III и IV курсахъ; и. д. э. о. проф. *Турцевичъ*—во второе полугодіе на I курсѣ; предметомъ домашняго чтенія были для студентовъ IV курса—первыя двѣ Филиппики Цицерона и *Horatii Epistularum I, 1. 2. 7. 19. II, 1* или его же *De arte poetica*; для студентовъ III курса *Livii lib. XXII* и *Horatii Serm. I, 1. 5. 6. 9. II, 6*; для студентовъ II курса *Sallustii Catilina* и *Ciceronis in Catilinam orationes: I и III*, и по двѣ книги Энеиды Виргилія, по собственному выбору студентовъ; для студентовъ I курса *Caesaris de bello civili lib. I—III* и избранныя мѣста изъ *Метаморфозъ* и *Элегій* Овидія. Провѣрка домашняго чтенія происходила на трехъ младшихъ курсахъ въ концѣ каждаго полугодія, на IV курсѣ въ концѣ перваго полугодія и на выпускныхъ экзаменахъ.

Преподаватели, излагавшіе студентамъ предметъ въ видѣ систематическаго курса, имѣли со своими слушателями въ

продолженіе учебнаго года по два собесѣдованія, за исключеніемъ и. д. экстра-ординарнаго профессора *Турчанина*, приступившаго къ преподаванію въ Институтѣ только подъ конецъ первой половины учебнаго года и имѣвшаго со студентами одно собесѣдованіе. Студенты IV курса къ концу учебнаго года подали по одному изъ предметовъ своей специальности кандидатскія сочиненія, которыя преподавателями вообще были признаны вполнѣ удовлетворительными; болѣе другихъ удостоились одобренія сочиненія студентовъ словеснаго отдѣленія 1) *Безина* „Рассмотрѣніе вопроса о словахъ о Полку Игоревѣ“; 2) *Кукушкин* „Біографія Адама Мицкевича въ связи съ его литературною дѣятельностью“; и 3) въ особенности обратило на себя вниманіе сочиненіе студента словеснаго отдѣленія *Кузнецова* Степана, написанное на тему „Сравнительное изученіе былинъ объ Ильѣ Муромцѣ и южно-славянскихъ ильсень о Маркѣ Кралевичѣ“; по отзыву профессора Качановскаго эти сочиненія, исправленныя и дополненныя, заслуживаютъ быть напечатанными; студентовъ историческаго отдѣленія 4) *Назарьева* „Ближній бояринъ царя Алексѣя Михайловича Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Опытъ біографіи и характеристики“; 5) *Макке* „Маржеретово описаніе Московскаго государства. Критическое изслѣдованіе“; 6) *Волкова* „Путешествіе Императрицы Екатерины II въ Южную Россію въ 1787 году. Историческій рассказъ“.

Студенты IV курса въ первую четверть истекшаго учебнаго года посѣщали уроки по древнимъ и русскому языку, русской словесности и по исторіи въ гимназій, а со второй четверти сами упражнялись въ преподаваніи. Всѣ студенты дали по 4 урока древнихъ языковъ, въ младшихъ и старшихъ классахъ, и по 1 уроку русскаго языка въ младшихъ классахъ; студенты историческаго отдѣленія по 2 урока исторіи, студенты словеснаго отдѣленія по 3 урока церковно-славянскаго языка и исторіи русской литературы, въ старшихъ классахъ.

IV.

ТРУДЫ ПРОФЕССОРОВЪ и ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

Въ истекшемъ 189²/₃ учебномъ году профессора и преподаватели Института напечатали или приготовили къ печа-

тя: Законоучитель священник *Святловъ* 1) „Человѣкъ и животное въ психическомъ отношеніи“ въ журналѣ *Вѣра и Разумъ*, 1892, №№ 21—22. 2) „Образчикъ плохой услуги православной апологетики и чистой наукѣ въ статьѣ П. Соколова: „къ вопросу о психологическомъ отношеніи человѣка и животныхъ. Критическая замѣтка по поводу брошюры сваящ. Святлова: Человѣкъ и животное въ психическомъ отношеніи. Огвѣтъ автора.“ Особую брошюрою. 3) „Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ. Опытъ изъясненія догмата искупленія“. Особую книгою.—Профессоръ *Дюперольскій*: 1) „Воспоминанія о бывшемъ Законоучителѣ въ Нѣжинскомъ Историко-филологическомъ Институтѣ протоіерей А. Ф. Хойнацкомъ“; 2) „Народныя пѣсни, записанныя въ Вятской губерніи“, въ *Вѣстникѣ Славянства*.—Профессоръ *Бережковъ*: „Троицко-Сергіева Лавра въ смутное время Московскаго государства“ (*Извѣстія Института Князя Безбородко т. XII*).—Профессоръ *Пытуховъ*: 1) „Николай Васильевичъ Гоголь. Замѣтка о его письмахъ къ Н. Я. Прокоповичу“. *Русская Старина* 1892, Ноябрь. 2) „Изъ исторіи русской литературы XVII в. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ“. Изданіе Общества Любителей древней письменности, ХСП. 1893. 3) „Болгарскіе литературные дѣятели древнѣйшей эпохи на русской почвѣ“. Ж. М. Н. П. 1893. Апрель. 4) „Изъ исторіи древне-русскаго Пролога“. (*Извѣстія Института Князя Безбородко т. XII*). 5) Рецензіи на нѣкоторыя вновь вышедшія книги, въ *Живой Старинѣ* и *Кіевской Старинѣ* за 1893 г.—Наставникъ студентовъ *Лилеевъ*: 1) „Церковно-государственное служеніе Русской землѣ Преподобнаго Сергія и основанной имъ обители“. 2) „Новые матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и Стародубѣ XVII—XVIII в.“ (*Извѣстія Института Князя Безбородко, т. XII*).—Профессоръ *Качановскій*: 1) „Сербскій эпосъ“ (ст. 3); 2) „Къ исторіи письменности у словенцевъ“; 3) „Взглядъ на древнюю исторію Сербіи и ея источники“; 4) „Очеркъ исторіи послѣднихъ десятилѣтій „Рѣчи Посполитой“; 5) „Поэзія А. В. Кольцова“. 6) „Сорокалѣтіе со дня смерти В. А. Жуковскаго“; 7) Къ „характеристикѣ Рязанскаго говора“; 8) „Къ исторіи ереси стригольниковъ“; 9) „Описаніе одного рукописнаго евангелія малорусскаго письма“. 10) Разборъ: 1. Чтеній по исторіи славяно-русской палеографіи Д. Прозоровскаго; 2. статьи Н. Петрова „Новоот-

крытый Кіевскій проповѣдникъ“; 3. статьи А. Петрова „Замѣтки по Угорской Руси“; 4. Маретича „Slaveni u davnini“; 5. Словаря русскаго языка вып. I издавнаго П-мъ отдѣленіемъ Академіи. Наукъ; и критическія и библиографическія замѣтки въ издаваемомъ имъ „Вѣстникѣ Славянства“.

Оконченъ печатавіемъ и вышелъ въ свѣтъ XII т. Извѣстій Института Князя Безбородко, въ составъ котораго, кромѣ официальнаго отдѣла, состоящаго изъ отчетовъ о состояніи и дѣятельности Института за 18⁸⁹/₉₀ и 18⁹⁰/₉₁ учебные годы, вошли указанная выше статьи проф. *Бережкова*, *Плутухова*, наставника студентовъ *Лилеева* и статья наставника-руководителя Сребницкаго: „Преподобный Сергій защитникъ земли Русской“.

На основаніи § 49 ВѢСОЧАЙШЕ утвержденнаго 21 Апрѣля 1875 г. Устава Историко-филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ утверждаю 12 Марта 1894 года.

Министръ Народнаго Просвѣщенія,
Статсъ-Секретарь Графъ Деляновъ.

У С Т А В Ъ

Нѣжинскаго Историко-филологическаго Общества при Историко-филологическомъ Институтѣ Князя Безбородко.

ЦѢЛЬ ОБЩЕСТВА.

§ 1.

Общество имѣеть своею цѣлью содѣйствовать разработкѣ и распространенію историко-филологическихъ знаній и взаимному обмѣну мыслей по вопросамъ изъ области этихъ знаній.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА.

§ 2.

Кругъ научныхъ занятій Общества составляютъ всѣ предметы, относящіеся къ области историко-филологическихъ знаній. Особый отдѣлъ его занятій составляютъ вопросы педагогическіе.

§ 3.

Для достиженія указанной цѣли Общество устраиваетъ засѣданія съ чтеніемъ и обсужденіемъ рефератовъ и сообщеній по соответствующимъ научнымъ и педагогическимъ вопросамъ, заботится по мѣрѣ силъ

объ изданіи своихъ трудовъ, о приобрѣтеніи книгъ, рукописей и т. п. предметовъ, входитъ въ сношенія съ другими учеными и общественными учрежденіями.

СОСТАВЪ ОБЩЕСТВА И УПРАВЛЕНІЕ ЕГО ДѢЛАМИ.

§ 4.

Общество состоитъ изъ членовъ почетныхъ и дѣйствительныхъ.

§ 5.

Въ почетные члены избираются лица, извѣстныя своими учеными трудами и другими заслугами дѣлу историко-филологическаго знанія и образованія, а также лица, оказавшія особыя услуги Обществу. Почетные члены избираются въ общемъ собраніи членовъ Общества, по предложенію одного изъ членовъ, посредствомъ закрытой баллотировки, при чемъ для избранья требуется не менѣе двухъ третей голосовъ.

§ 6.

Дѣйствительными членами могутъ быть 1) лица, состоящія на учебной службѣ въ Институтѣ и институтской гимназій; въ члены Общества они зачисляются безъ баллотировки лишь по заявленію предсѣдателю о своемъ желаніи вступить въ число членовъ Общества; 2) прочія лица, какъ живущія въ Нѣжинѣ, такъ и иногородныя; они избираются въ члены Общества въ общемъ собраніи, по предложенію одного изъ членовъ, посредствомъ закрытой баллотировки, абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

§ 7.

Дѣйствительные члены Общества уплачиваютъ ежегодный взносъ въ его кассу въ размѣрѣ *пяти* руб.; не уплатившій взноса въ теченіе двухъ лѣтъ считается выбывшимъ изъ числа членовъ. Этотъ ежегодный взносъ можетъ быть замѣненъ единовременнымъ въ *пятьдесятъ* рублей.

§ 8.

Управленіе дѣлами Общества принадлежитъ общему собранію его членовъ

§ 9.

Общее собраніе избираетъ изъ своей среды должностныхъ лицъ: предсѣдателя, срокомъ на три года, секретаря, казначея—обоихъ срокомъ на 1 годъ, и библіотекаря. Кандидаты на эти должности предлагаются по запискамъ членовъ; избраніе производится посредствомъ закрытой баллотировки абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

Въ случаѣ отсутствія названныхъ лицъ, обязанности ихъ исполняютъ ихъ товарищи, избираемые тѣмъ же порядкомъ и на тѣ же сроки.

§ 10.

Предсѣдатель созываетъ и руководитъ засѣданіями Общества, устанавливаетъ очередь предметовъ разсужденія въ нихъ, руководитъ преніями, наблюдаетъ за порядкомъ въ засѣданіяхъ и за исполненіемъ Устава Общества и сносится отъ имени Общества съ правительственными и общественными учрежденіями и частными лицами.

§ 11.

Секретарь Общества ведет протоколы засѣданій, переписку по дѣламъ Общества, составляет отчеты, докладываетъ Обществу о дѣлахъ.

§ 12.

Казначей принимаетъ поступающія въ кассу Общества суммы, ведетъ денежные счета по приходо-расходнымъ книгамъ, исполняетъ распоряженія Общества объ употребленіи его денежныхъ средствъ, докладываетъ Обществу о состояніи суммъ. Для провѣрки дѣйствій казначея въ началѣ гражданскаго года избирается Обществомъ особая ревизіонная Коммиссія, состоящая изъ 3-хъ членовъ.

§ 13.

Библіотекаръ завѣдываетъ книгами, рукописями и т. п. предметами научныхъ занятій.

ЗАСѢДАНІЯ ОБЩЕСТВА.

§ 14.

Предметы засѣданій Общества составляютъ: выслушивание и обсужденіе научныхъ и педагогическихъ рефератовъ и сообщеній членовъ Общества или постороннихъ лицъ; разрѣшеніе вопросовъ о печатаніи трудовъ, представляемыхъ въ Общество; избраніе членовъ Общества и должностныхъ лицъ; распоряженія объ употребленіи денежныхъ средствъ Общества; обсужденіе текущихъ дѣлъ.

§ 15.

Чтеніе рефератовъ можетъ происходить, сколько бы ни было членовъ въ засѣданіи; занятіе же остальными дѣлами возможно лишь при условіи наличности

не менѣе половины членовъ, проживающихъ въ данное время въ Нѣжинѣ. Въ случаѣ неявки такового числа членовъ, вопросы, предлагавшіеся для обсужденія въ этомъ засѣданіи, назначаются на слѣдующее, въ которомъ и обсуждаются при всякомъ числѣ членовъ.

§ 16.

Лицами, не состоящими членами Общества, рефераты могутъ читаться съ предварительнаго разрѣшенія предсѣдателя.

§ 17.

Дѣла въ Обществѣ вообще рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ голосовъ его членовъ (исключеніе составляютъ случаи, указанные въ §§ 5 и 27).

§ 18.

Сроки засѣданій Общества опредѣляются общимъ собраніемъ его членовъ; въ случаѣ надобности предсѣдатель можетъ созывать сверхъ очередныхъ засѣданій и чрезвычайныя.

§ 19.

Засѣданія Общества бываютъ закрытыя и открытыя: въ закрытыхъ присутствуютъ одни члены Общества; въ открытыхъ кромѣ членовъ могутъ присутствовать и гости, введенные членами по заявленію о томъ предсѣдателю. Студенты Института могутъ посѣщать засѣданія Общества съ разрѣшенія Институтскаго начальства.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА.

§ 20.

Труды Общества составляютъ особый отдѣлъ въ

издаваемыхъ Институтомъ Князя Безбородко „Извѣстiяхъ“, по печатаются на счетъ Общества; сюда входятъ протоколы засѣданiй Общества и, въ качествѣ приложенiй къ нимъ, статьи членовъ, одобренныя Обществомъ для печатанiя. Труды Общества могутъ выходить, кромѣ того, въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, брошюръ, безсрочныхъ сборниковъ. Съ авторами трудовъ, издаваемыхъ Обществомъ, послѣднее можетъ входить въ соглашенiе о вознагражденiи ихъ извѣстнымъ числомъ оттисковъ.

§ 21.

Обществу предоставляется печатать самостоятельные труды и изслѣдованiя по предметамъ занятiй Общества; читанные въ обществѣ рефераты; изданiя памятниковъ и другихъ научныхъ матерiаловъ; переводы. Вопросъ о допущенiи къ печати на средства Общества и отъ его имени рѣшается относительно каждаго труда посредствомъ закрытой баллотировки абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

ПРАВА ОБЩЕСТВА И СРЕДСТВА ЕГО.

§ 22.

Труды Общества могутъ выходить безъ предварительной цензуры; на выпускъ же въ свѣтъ отдѣльнаго повременнаго изданiя Обществомъ должно быть испрошено разрѣшенiе подлежащей власти.

§ 23.

Общество имѣетъ свою печать съ надписью „Печать Историко-филологическаго Общества при Институтѣ Князя Безбородко“.

§ 24.

Средства Общества составляются изъ членскихъ

вносовъ, изъ добровольныхъ пожертвованій, изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи изданій Общества, и изъ сбора за публичныя лекціи, читаемыя въ его пользу.

§ 25.

Суммы, поступающія въ Общество, принимаются казначеємъ, при чемъ текущія суммы вносятся въ правительственное кредитное учрежденіе, а капиталы обращаются въ правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и вносятся на храненіе въ Государственный Банкъ.

§ 26.

Институтъ Князя Безбородко даетъ у себя помѣщеніе для засѣданій Общества, для его библіотеки и другихъ коллекцій.

§ 27.

Для постановленія о закрытіи Общества требуется согласіе не менѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ его членовъ. Въ случаѣ же закрытія Общества, все его имущество поступаетъ въ собственность Историко-филологическаго Института Князя Безбородко.

· II.

Неофициальный отдѣлъ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

ЭТЮДЫ

— ПО —

ПЛАТОНУ.

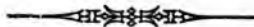
I.

РАЗБОРЪ ВЗГЛЯДА

ШАРШМИДТА НА ПЛАТОНА.

А. ДОВІАШЪ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1894.

По свидѣтельству Діогена Лаертійскаго (III. 35—Кобетъ), у Θрасила были сгруппированы сочиненія Платона въ слѣдующія тетралогіи.

- 1) Евелфронъ, Апологія Сократа, Критонъ, Фѣдонъ;
- 2) Кратилъ, Θεэтитъ, Софистъ, Политикъ;
- 3) Парменидъ, Филिवъ, Симпосіонъ, Фѣдръ;
- 4) Алкивіадъ I, Алкивіадъ II, Иппархъ, Антѣрасты;
- 5) Θεагъ, Хармидъ, Лахитъ, Лисисъ;
- 6) Еввѣдимъ, Протагоръ, Горгій, Менонъ;
- 7) Иппій I, Иппій II, Іонъ, Менексенъ;
- 8) Клитофонъ, Политія, Тимей, Критій (неоконченный);
- 9) Мипось. Законы, Эпиномисъ, тринадцать писемъ.

Цифру 36 (т. е. 9 тетралогій, по 4 сочиненія въ каждой) передѣлываетъ тотъ же Θрасилъ по другому счету на 56, разбивая Политію на 10, а Законы на 12 отдѣльных „діалоговъ“. Всѣ эти 56 *δίαλογοι* Θрасилъ считаетъ подлинными (*γνήσιοι*); остальные вошедшія въ *Corpus Platonicum* сочиненія:—*Μίδων*, *Ἐρωξίας*, *Ἀλκίων*, *Ἀχέφαλοι*, *Ἀξίλοχος*, *Φάλακας*, *Δημόδοχος*, *Χαλιδών*, *Ἐβδόμη* и *Ἐπιμενίδης*,—принимались, по свидѣтельству Діогена Лаертійскаго (III. 37), за подложныя какъ самимъ Θрасиломъ, такъ и другими древними учеными всѣми безъ различія (*ὁμολογουμένως*).

Изъ приведенныхъ „подложныхъ“ сочиненій до насъ не дошли: *Μίδων*, *Φάλακας*, *Χαλιδών*, *Ἐβδόμη* и *Ἐπιμενίδης*. За то въ Платоновскихъ кодексахъ встрѣчаемъ еще 4 небольшихъ сочиненія подъ слѣдующими заглавіями: *Ὅροι*, *περὶ δικαίου*, *περὶ ἀρετῆς* и написанный на дорійскомъ нарѣчій рефератъ о Тимеѣ Локридскомъ и его учении—*περὶ ψυχᾶς κόσμου καὶ φύσιος*. Изъ этихъ заглавій первое, *Ὅροι*,—Діогенъ приводитъ въ перечнѣ сочиненій племянника Платона Сневснпа (IV. 1. 11), а заглавія *Περὶ δικαίου* и *Περὶ ἀρετῆς* встрѣчаются въ перечнѣ 33 діалоговъ, записанныхъ будтобы со словъ Сократа скитотомомъ Симономъ (Діог. Лаерт. II. 13,2). Но конечно, эти заглавія представляютъ лишь общія обозначенія

темъ, на которыя, надо полагать, разсуждалъ не одинъ Сократъ, и на которыя подъ такими же заглавіями могъ писать не одинъ Симонъ.

Итакъ, уже древніе готовы были не считать подлинно-платоновскимъ всего того, что въ публикѣ вращалось подъ именемъ великаго писателя. Впрочемъ, судя по тому, что дошло до насъ, подъ ихъ аэетисъ попали сочиненія очень незначительныя какъ по объему, такъ и по содержанію, и этотъ аэетисъ не помѣшалъ древнимъ критикамъ держаться представленія о Платонѣ, какъ о самомъ плодovitомъ литераторѣ. Они даже представляютъ его писателемъ *πρωτα μὲν διδραμάων, ἔπειτα δὲ καὶ μελῶν καὶ τραγυδιῶν* (Диог. Лаерт. III. 6). Наши скептики призадумываются надъ такимъ представленіемъ о Платонѣ и указываютъ на одно мѣсто въ Фэдрѣ, гдѣ Платонъ высказывается *de protivz* писательства. Вотъ самое мѣсто.

„Какой то египетскій *δαίμων*, по имени *Θεῖθ*,—такъ разсказываетъ Сократъ въ Фэдрѣ (274. Д и слѣд.),—изобрѣтъ между прочими *τέχναις* и *γράμματα*, отправляется въ *Θивы* (египетскія) и похваляется своими изобрѣтеніями передъ царемъ, который и разсуждаетъ съ нимъ какъ о полезной, такъ и о вредной сторонѣ каждой изъ его *τέχναις*. Когда очередь дошла до *γράμματα*, то *Θεῖθ* и говорить: „Въ этой наукѣ, царь, найдено *φάρμακον μνήμης τε καὶ σοφίας*“. Царь въ отвѣтъ на это сказалъ: „Иной способенъ изобрѣтать *τέχναις*, а иной судить о нихъ. На счетъ *τῶν γραμμάτων* и долженъ сказать, что тебя, какъ отца ихъ, одно лишь пристрастіе заставляеть говорить противоположное дѣйствительному ихъ значенію. Трудно развивать память тамъ, гдѣ можно положиться на письмо, и гдѣ внѣшніе, совсѣмъ посторонніе знаки служатъ надежнымъ толчкомъ для воспроизведенія въ памяти чего бы то нибыло. Такимъ образомъ, *γράμματα* поддерживаютъ не память, а забывчивость, и могутъ быть *φάρμακον не μνήμης, α ὑπολήψεως*. Что же касается *σοφία*, то не открываютъ ли твои *γράμματα* удобный путь скорѣе къ мнимой, чѣмъ къ истинной мудрости? Люди-многоначитанные лишь, а не то что прошедшіе правильную школу, будутъ считать себя многознающими, на дѣлѣ же будутъ невѣждами и такими, что съ ними трудно будетъ и разсуждать, словомъ,—это будутъ не мудрецы, а лже-мудрецы“.

— „Какъ это у тебя, — отвѣчаетъ своему собесѣднику Фэдръ,—сейчасъ наготовѣ и египетскія, и какія угодно сказанія“.

„Жрецы Додонскаго храма, любезнѣйшій, утверждали, что первыя вѣщія сказанія исходили отъ дуба. Они не настолько были мудры, какъ вы, теперешняя молодежь, и не прочь были въ своей простотѣ выслушивать дубъ и скалу, лишь бы узнать истину. А ты, вмѣсто того чтобы исключительно имѣть въ виду, такъ ли или не такъ говорить, очень видимо занятъ тѣмъ, кто говоритъ и откуда онъ“.

— „Мѣткій отвѣтъ, и я согласенъ на счетъ *грамматъ*, что это именно такъ, какъ утверждалъ *иванецъ*“.

„Итакъ, тотъ, кто черезъ *грамматъ* считалъ бы себя вполне „преподавшимъ“ какое нибудь знаніе, равно какъ и тотъ, кто рассчитывалъ бы найти для себя въ такихъ *грамматъ* что нибудь ясное и надежное, оба они были бы очень наивны и, конечно, не знали бы вѣщихъ словъ египетскаго царя, такъ какъ оба они въ *грамматъ* видѣли бы нѣчто большее, чѣмъ просто средство *знающему* лишь *припомнить* то, о чемъ трактуется въ сочиненіи“.

— „Правильно“.

„Странна, въ самомъ дѣлѣ, участь письма и совершенно похожа на судьбу живописи. Произведенія этой послѣдней стоятъ, какъ живыя, а когда ихъ спросишь о чемъ нибудь, то они переважно молчатъ. То же самое бываетъ съ такъ называемымъ „словомъ“, составленнымъ по правиламъ риторическаго искусства. Слушаешь его съ такимъ чувствомъ, какъ будто оно само уразумѣло все то, о чемъ въ немъ говорится, а между тѣмъ, если захочешь у него поучиться и обратиться къ нему за разъясненіемъ чего нибудь, то оно только и будетъ тебѣ повторять все одно и то же. Если же оно вдобавокъ къ этому еще написано, то оно ужъ потомъ цѣликомъ ходитъ по рукамъ не только понимающихъ, но и тѣхъ, для кого оно вовсе не написано, и совершенно неспособно говорить лишь съ кѣмъ слѣдуетъ, а передъ остальными молчать. Неудивительно поэтому, что иной и отнесется къ нему не такъ, какъ должно, и даже побранить его незаслуженно, такъ что оно часто нуждается и въ помощи своего творца, само же ни защититъ себя, ни помочь себѣ не въ состояніи.“

— „И это ты вѣрно говоришь“.

„Поговоримъ теперь о другомъ „словѣ“, родственникѣ перваго, и рассмотримъ, какъ это второе слово происходитъ, и насколько оно по своей природѣ лучше и сильнѣе перваго“.

— „Какое слово ты имѣешь въ виду, и какое ты разумѣешь его происхожденіе?

„Слово, составленіе котораго основано не на правилахъ риторическаго искусства, а на глубокомъ знаніи дѣла; слово, которое записывается не въ книгѣ, а въ душѣ человѣка, желающаго чему нибудь научиться; слово, способное защитить себя и знающее, передъ кѣмъ говорить и передъ кѣмъ молчать“.

— „Ты разумѣешь слово „спеціалиста по предмету“, и притомъ слово живое и одушевленное, коего лишь „тѣнью“ по справедливости можно назвать слово, изложенное письменно“?

„Непремѣнно. И вотъ ты мнѣ отвѣтъ на слѣдующее. Неужели разумный земледѣлецъ, заинтересованный тѣмъ, чтобы сѣмя взошло, какъ слѣдуетъ, и дало хорошіе плоды, усмотрять для себя серьезное дѣло въ сажаніи такого сѣмени въ Адопсовы сады и въ полученіи возможности черезъ какіе нибудь восемь дней любоваться видомъ прекрасныхъ цвѣтковь? Не будетъ ли все это скорѣе имѣть для него значеніе одной лишь забавы, устроенной имъ ради самого Адонійскаго праздника, настоящее же дѣло для него будетъ заключаться въ томъ, чтобы, воспользовавшись всѣмъ знаніемъ земледѣлія, посѣять сѣмя въ подходящую почву и довольствоваться полученіемъ черезъ восемь мѣсяцевъ надлежащихъ плодовъ?“

— „Онъ именно такъ и отнесется къ дѣлу, какъ ты говоришь, и будетъ усматривать только въ послѣднемъ нѣчто для себя серьезное, а въ первомъ—лишь забаву“.

„А о человѣкѣ, обладающемъ знаніемъ справедливаго, прекраснаго и благаго, утверждать ли намъ развѣ, что онъ въ засѣваніи сѣмени выкажетъ меньше благоразумія, чѣмъ земледѣлецъ“?

— „Нѣтъ“.

„Стало быть, и онъ не будетъ считать для себя серьезнымъ дѣломъ, что называется, лить воду въ рѣшето и перомъ да чернилами сѣять сѣмя, не располагающее для собственной поддержки живымъ словомъ само по себѣ не обучающее истинѣ въ достаточной степени“.

— „Надо полагать, не будетъ“.

„Конечно нѣтъ. Эти бумажные сады онъ, вѣроятно, будетъ себѣ устраивать только ради забавы и въ письменныхъ произведеніяхъ, если вообще займется писательствомъ, будетъ укладывать лишь памятные записки (ὀπομνημονεύματα) какъ для

себя, на старость лѣтъ, когда память ослабѣетъ, такъ и для всякаго другого, кто, можетъ быть, шелъ однимъ съ нимъ путемъ къ познанію вещей. При видѣ этихъ садовъ въ полномъ цвѣту онъ, понятно, будетъ испытывать полнѣйшее удовольствіе и, въ то время какъ иные будутъ искать себѣ забаву въ чемъ нибудь другомъ, „освѣжая“ себя пирушками и т. п., онъ, надо полагать, будетъ находить себѣ пріятное времяпрепровожденіе именно въ такихъ занятіяхъ“.

— „Да, Сократъ, вижу теперь рядомъ съ однимъ, менѣе годнымъ, другое, прекраснѣйшее времяпрепровожденіе людей, которые умѣютъ отдыхать за перомъ“.

„Но еще прекраснѣе этой забавы, по моему мнѣнію, та свободѣ, когда ты, подыскавъ себѣ подходящую душу, диалектическимъ путемъ и со знаніемъ дѣла сажашь и сѣешь въ ней живое и одушевленное слово, способное поддержать и себя, и сѣятеля, никогда не пропадающее безплодно, а напротивъ, хранящее въ себѣ такой зародышъ, изъ какаго непременно выростутъ новыя слова,—у иныхъ одно, а у иныхъ другое, смотря по такимъ или инымъ духовнымъ задаткамъ ихъ,—причемъ въ этихъ новыхъ „словахъ“ получаетъ безсмертіе самый зародышъ, дѣлая счастливымъ своего сѣятеля,—счастливымъ настолько, насколько это вообще возможно для человѣка“.

— „Да, это еще прекраснѣй“...

Впечатлѣніе отъ приведеннаго мѣста изъ Фѣдра у всякаго, кажется, должно получиться вовсе не такое, будто Платонъ имѣлъ предубѣжденіе противъ писательства; напротивъ, упоминая о „прекрасномъ времяпрепровожденіи“, которымъ образованные люди умѣютъ замѣнить себѣ пирушки грубыхъ людей, Платонъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду именно свое собственное „времяпрепровожденіе“. Судить иначе о данномъ мѣстѣ значило бы поддаваться впечатлѣнію нѣсколькихъ отрывочныхъ фразъ, вырванныхъ изъ контекста, и оставаться глухимъ къ цѣлому произведенію со всею его стилистическою или, скажемъ вѣрнѣе, художественной обработкой. А между тѣмъ, безъ надлежащаго углубленія въ эту обработку трудно понять такого писателя, какъ Платонъ. При чтеніи Платона никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что онъ, въ своихъ сочиненіяхъ, не простой собиратель тезисовъ или сухой построитель силлогизмовъ, а философствующій писатель-художникъ, который иногда какимъ нибудь стилистическимъ приѣмомъ, особымъ оборотомъ

въ композиціи,—вообще эстетическимъ аффектомъ,—скажетъ гораздо больше, чѣмъ удастся уяснить другому черезъ выкладываніе хотя бы и сложнаго и глубокаго, но сухаго логическаго построенія. Думается, что Платонъ, примѣняя цвѣточки Адонисовыхъ садовъ къ своимъ собственнымъ литературнымъ произведеніямъ, имѣлъ въ виду не только лучшія изъ положеній, добытыхъ его философскимъ размышленіемъ, но и лучшую и красивѣйшую форму ихъ передачи. Естественно думать и то, что самъ Адонисовъ цвѣтокъ; который долженъ былъ служить выраженіемъ его взгляда на писательство, и появленіе самого діалога „Фэдръ“ относится къ вполне уже зрѣлымъ годамъ Платона, когда у него самого уже насобиралось нѣсколько такихъ ὑπομνηματικῶν на старость лѣтъ вродѣ напр. „Протагора“ и другихъ, можетъ быть, подобныхъ ему по содержанію и изяществу изложенія діалоговъ, и когда онъ самъ уже былъ σπεῖρον и φότεῖον въ душахъ другихъ свое „живое и одушевленное слово“, т. е. когда онъ открылъ въ Аѳинахъ школу въ Академіи. Въ юношескіе годы, когда Платонъ былъ еще самъ лишь πανθάνων, онъ своими διδύραμβοι, μέλη и τραγῳδίαи, а затѣмъ и сочиненіями философскаго содержанія только набирался въ писательствѣ той μελέτη и ἐπιστήμη, которая, какъ онъ говоритъ въ томъ же Фэдрѣ (269, Д), вмѣстѣ съ сознаваемымъ имъ за собою природнымъ дарованіемъ (φύσις) составляютъ для желающаго τέλειος γενέσθαι два единственныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одно безъ другаго немислимыхъ условія. Кромѣ желанія μελετᾶσθαι и достигнуть ἐπιστήμην, его съ раннихъ лѣтъ, надо полагать, поощряло къ литературной дѣятельности еще и честолюбіе и мечтаніе о будущей славѣ литератора; едва ли онъ составлялъ исключеніе и шелъ противъ общаго направленія своего времени, когда люди его круга и его дарованій всѣ стремились ἀθάνατοι γενέσθαι λογογράφοι ἐν πόλει и ἰσοθέους ἡγούντο αὐτοὶ τε αὐτοῦς ἔτι ζῶντες, καὶ οἱ ἔπειτα γιγνώμενοι ταῦτα ταῦτα περὶ αὐτῶν ἐνόμιζον, θεώμενοι αὐτῶν τὰ συγγράμματα (Фэдръ 258, С).

Разница между установленіемъ Corporis Platonici у Эрасила и результатомъ пересмотра вновь всего наслѣдія, доставшагося намъ подъ именемъ Платоновскихъ сочиненій, поражаетъ насъ особенно у Шаршмидта въ его „Sammlung der Platonischen Schriften zur Scheidung der echten von den unechten“. Bonn (1866). Изъ 36 діалоговъ, принятыхъ Эрасиломъ въ каталогъ подлин-

ныхъ сочиненій Платона, Шаршмидтъ признаетъ подлинными только девять, а именно: Протагора, Горгія, Симпосіонъ, Фэдра, Фэдона, Феэтита, Политію, Тимея и Законы. Кромѣ того онъ „находитъ затруднительнымъ для себя достаточно сильно возразить тому, кому субъективное увлеченіе „Апологіей Сократа“ и „Критономъ“ внушило бы увѣренность въ подлинности *этихъ двухъ* сочиненій“.

Представляя основныя соображенія, которыя довели Шаршмидта до такого результата, мы тутъ же, при каждомъ отдѣльномъ соображеніи, представимъ и свои замѣчанія и возраженія.

„Много писалось о сочиненіяхъ Платона и его философіи,—говоритъ Шаршмидтъ,—но до сихъ поръ не пришли ни къ какому прочному выводу ни по вопросу о подлинности и хронологическомъ порядкѣ появленія въ свѣтъ Платоновскихъ сочиненій, ни о содержаніи Платоновской философіи. Надобно не совмѣстно разбирать всѣ эти вопросы; надобно вопросъ о подлинности рѣшать *отдѣльно* отъ прочихъ. Только тогда, когда будетъ установлено, какія собственно сочиненія принадлежатъ Платону и какія нѣтъ, можно будетъ приступить и къ выясненію хронологическаго порядка сочиненій Платона и понять всѣ стадіи въ развитіи его, какъ философа“ (стр. 1). Шаршмидтъ рѣшаетъ только первый вопросъ,—вопросъ о подлинности.—Конечно, подлинность, хронологическій порядокъ и постепенность философскаго развитія суть три *отдѣльные* вопросы, но все же,—такъ мы возразимъ Шаршмидту,—это вопросы такого свойства, что отъ разсматриванія ихъ врозь могутъ получиться, выражаясь математическимъ терминомъ, лишь три разныхъ геометрическихъ мѣста, изъ коихъ каждое представляетъ массу всевозможныхъ „предположеній“; а чтобы изъ этой массы „предположеній“ какое нибудь одно превратилось въ „положеніе“, нужно, чтобы эти три геометрическія мѣста въ какомъ нибудь одномъ пунктѣ встрѣтились, другими словами,—надо каждый изъ этихъ вопросовъ рѣшать въ связи съ двумя другими.

„Пользуются,—говоритъ Шаршмидтъ дальше,—для доказательства подлинности того или другого сочиненія Платона Аристотелемъ. Это, можно сказать, единственный изъ древнихъ ученыхъ *достоверный* свидѣтель литературной дѣятельности Платона (свидѣтельства другихъ, болѣе позднихъ писателей не заслуживаютъ никакого довѣрія); однако и Аристотелемъ нужно пользоваться въ данномъ случаѣ съ большою осторожностью. Ссылки на Платона, хотя бы онѣ и казались вполне ясными и

глубоко захватывающими въ то или другое сочиненіе, приписываемое Платону не могутъ имѣть для насъ никакого значенія, если онѣ встрѣчаются въ *псевдо*-Аристотелевскихъ сочиненіяхъ. Затѣмъ, если мы имѣемъ дѣло не съ ясною ссылкой, а только лишь съ общимъ намекомъ на Платона, то, хотя бы этотъ намекъ встрѣчался въ подлинномъ Аристотелѣ, нужно всегда имѣть въ виду одну возможность: можно всегда предположить, что кто нибудь изъ послѣ—Аристотелевскихъ писателей воспользовался этимъ общимъ намекомъ для того, чтобы черезъ воспроизведеніе его у себя въ одинаковой съ Аристотелемъ формулѣ, т. е. черезъ помѣщеніе у себя такой формулы или въ качествѣ *loci communis* посреди текста, или даже въ качествѣ главной темы разсужденія, можно было ему собственное сочиненіе выдать за Платоновское передъ неразборчивымъ почитателемъ греческой классической литературы, будь этимъ почитателемъ одно лицо, или цѣлое учрежденіе⁴.

„Безъ всякихъ колебаній можно признать засвидѣтельствованными Аристотелемъ лишь слѣдующіе діалоги Платона.

1) Политію, Тимея и Законы. Подлинный Аристотель приводитъ, во—первыхъ, полныя заглавія этихъ сочиненій, указывая при этомъ на Платона, какъ на ихъ автора, и кромѣ того и содержаніе, на которое онъ намекаетъ въ такихъ случаяхъ, вполне соответствуетъ тому, что встрѣчается въ самихъ сочиненіяхъ, носящихъ эти заглавія.

2) Фэдона и Симпосіонъ. Хотя Аристотель, приводя ссылки, почерпнутыя несомнѣнно, судя по содержанію ихъ, изъ этихъ двухъ сочиненій, не упоминаетъ объ ихъ авторѣ, а называетъ лишь ихъ заглавія (Симпосіонъ подъ заглавіемъ *ἑρωτικῶν λόγων*), однако контекстъ, въ которомъ встрѣчаются эти ссылки, именно критическій разборъ *Платоновскихъ* философскихъ возрѣній, прямо ведетъ къ заключенію, что Аристотель считалъ именно Платона авторомъ этихъ сочиненій.

3) Фезгита и Фэдра. Заглавіе *Φαῖδρος*, и притомъ безъ обозначенія автора, встрѣчается въ III книгѣ Риторики; но такъ какъ эта книга считается не подлинно-Аристотелевскою, то само это указаніе особаго значенія не имѣетъ. Въ подлинныхъ сочиненіяхъ Аристотеля не упоминается заглавіе ни того, ни другого діалога, но зато тамъ и сямъ приводятся, какъ Платоновскія, нѣкоторыя такія мысли, которыя, иногда даже въ тѣхъ же

самихъ выраженіяхъ, встрѣчаются именно въ этихъ двухъ діалогохъ и только въ нихъ.

4) Горгія. Хотя Аристотель, приводя разъ, именно de Sophist, elenchis с. 12, 173 А. 7—Bekker, заглавіе Γοργίας и при немъ ссылку, напоминающую намъ нашего Горгія, и не указываетъ на Платона, какъ на его автора, но зато въ Риторикѣ встрѣчаются мѣста, которыя можно найти только въ Горгіи, и эти мѣста самъ Аристотель выдаетъ именно за Платоновскія. (Шаршмидтъ, стр. 2—3 и 95).

Въ приведенномъ „практическомъ“ исполненіи „осторожной“ провѣрки Платона Аристотелемъ Шаршмидтъ пользовался матеріаломъ, собраннымъ по вопросу о ссылкахъ Аристотеля на Платона Юбервегомъ въ сочиненіи „Über die Echtheit und Zeitfolge Platonischer Schriften“, (Wien 1861), стр. 130—184, а по отношенію къ Горгію сочиненіемъ Шпенгеля „Über die Rhetorik des Aristoteles (Abhandlung der Kgl. Bayr. Akad. der Wissensch. Classe I. Bd. VI. Abth. II. J. 1851).

Намъ не могутъ не броситься въ глаза два обстоятельства. Во-первыхъ, странно, что Шаршмидтъ, признавши подлинными восемь діалоговъ Платона по одному „внѣшнему“ критерию,—а только такой критерій, конечно, и представляютъ собою ссылки Аристотеля на Платона,—затѣмъ, по внутреннему критерию, изъ громаднаго *Corporis Platonici* не нашелъ возможнымъ оставить за Платономъ ни одного сочиненія, за исключеніемъ лишь Протагора; послѣдній діалогъ, какъ говоритъ Шаршмидтъ, хотя и не засвидѣтельствованъ Аристотелемъ „безусловно ясно“ (*nicht von vornherein klar ist*—стр. 95), тѣмъ не менѣе носитъ на себѣ характеръ полнаго *chef d'oeuvre* (Meisterstück) Платона. Во-вторыхъ мы должны указать на слѣдующее. Если засвидѣтельствованіе Аристотелемъ такого діалога, какъ „Феэтитъ“, Шаршмидтъ нашелъ возможнымъ отнести подъ категорію „безусловно ясныхъ“, то что же ему мѣшало отнести туда же хотя бы прежде всего „Филива“. У Юбервега „Филивъ“ вмѣстѣ съ „Феэтитомъ“ составляютъ по степени ясности засвидѣтельствованія ихъ Аристотелемъ одну общую группу (см. у Юбервега стр. 200). Аристотель въ *Ником. Этикѣ* X. 2. 1172. В. говоритъ такъ: „Идоники утверждаютъ, что одна только *ἡδονή* можетъ быть *самимъ* благомъ (*τὸ ἀγαθόν*); ибо когда де она присоединяется къ какому нибудь другому благу, какъ напр. къ *τῷ δικαιοπραγεῖν* или къ *τῷ σωφρονεῖν*, то это послѣднее дѣлается

αἰρετώτερον черезъ присоединеніе къ нему τῆς ἡδονῆς, тогда какъ „само“ благо (τὸ ἀγαθόν) можетъ дѣлаться αἰρετώτερον только само собою (αὐτὸ ἑαυτῷ). Такое разсужденіе идониковъ,—возражаетъ Аристотель,—доказываетъ только, что ἡδονή есть лишь одно изъ благъ и при томъ ничуть не выше другихъ, такъ какъ о *всякомъ* благѣ можно сказать, что оно, присоединяясь къ другому, дѣлаетъ его αἰρετώτερον, чѣмъ когда оно одно. Платонъ,—говоритъ Аристотель дальше,—совершенно правильно *отрицаетъ*, чтобы ἡδονή была само благо (τὸ ἀγαθόν). Платонъ именно представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, что ἡδὸς βίος вмѣстѣ съ φρόνησις есть αἰρετώτερον, чѣмъ безъ φρόνησις, а разъ такое μικτόν, т. е. такое соединеніе τοῦ ἡδέος βίου съ φρόνησις, есть κρείττον (разумѣй: αἰρετώτερον), то ἡδονή не можетъ быть само благо, такъ какъ само благо должно быть αἰρετώτερον само по себѣ (αὐτό), т. е. въ чистомъ своемъ видѣ, а не въ соединеніи съ чѣмънибудь другимъ (οὐδενός γὰρ προστεθέντος αὐτὸ τὰγαθὸν αἰρετώτερον γίγνεσθαι). Никто никогда,—говоритъ подъ конецъ Аристотель уже отъ себя,—не станетъ признавать за само благо (τὸ ἀγαθόν) чтонибудь, дѣлающееся αἰρετώτερον подъ условіемъ присоединенія къ нему еще чего то, что само по себѣ есть благо (τῶν καθ' αὐτὸ ἀγαθῶν)“.

Приведенная ссылка на Платона есть, какъ Юбервегъ совершенно правильно замѣчаетъ, сжатое воспроизведеніе того, что мы встрѣчаемъ въ болѣе распространенномъ видѣ, но почти въ тѣхъ же выраженіяхъ въ „Филивѣ“ 20, E. и слѣд., а затѣмъ 60, C.—Шаршмидтъ находитъ возможнымъ принять эту ссылку Аристотеля за summarium разсужденія о ἡδονῆ не въ „Филивѣ“, а въ „Протагорѣ“ 353, C—358, C (см. у Шаршмидта стр. 280). Если такъ, то чѣмъ же тогда засвидѣтельствованіе Аристотелемъ „Протагора“ будетъ не „безусловно яснымъ“? На дѣлѣ, конечно, мы должны разсуждать совершенно иначе. Непосредственное впечатлѣніе отъ мѣста въ „Протагорѣ“ 353, C—358, C, переданное нами въ нашемъ переводѣ „Протагора“ стр. 64—72 (Кіевъ 1890), такое, что Сократъ, согласившись, для виду, принять вмѣстѣ съ Протагоромъ за главную задачу жизни исканіе радости и избѣжаніе печали, доказываетъ затѣмъ, что этой задачи нельзя достигнуть безъ ἐπιστήμη; Аристотелевская же ссылка на Платона представляетъ собою строго построенный силлогизмъ съ опредѣленными propositiones и логически точно выведенною изъ нихъ conclusio, и этотъ силлогизмъ проведенъ именно въ „Филивѣ“. Напрасно Шаршмидтъ толкуетъ, что „Филивѣ“ написанъ

послѣ изданія Ником. иѳенки, и что авторъ его, для того чтобы выдать его за Платоновское сочиненіе, воспользовался, какъ темой для него, не только главною, построенной-де на „Протагорѣ“, формулировкой въ Аристотелѣ Платоновской теоріи объ отношеніи τὸ ἀγαθὸν къ ἡδονῇ, но и разными частностями изъ Аристотеля, причемъ онъ-де иногда даже и не понималъ настоящаго смысла этихъ частныхъ замѣчаній и ихъ взаимнаго отношенія (см. Шаршмидта стр. 281). Путь, которымъ идетъ Аристотель въ первыхъ пяти главахъ десятой книги Ником. Иѳенки, слѣдующій. Разобравъ критически въ первыхъ двухъ главахъ положительные и отрицательные отвѣты своихъ предшественниковъ на вопросъ, есть ли ἡδονὴ τὸ ἀγαθόν,—въ томъ числѣ, стало быть, и отрицательный отвѣтъ Платона,—онъ затѣмъ, начиная съ третьей главы, излагаетъ *свое* ученіе и доказываетъ, что какъ ἡδονή, такъ и λόπη есть нѣчто, хотя и отличное отъ дѣятельности (ἐνέργεια), но непременно сопровождающее эту ἐνέργειαν, причемъ ἡδονή ее усиливаетъ (τελειοῖ), а λόπη ей мѣшаетъ. Такъ, музыкантъ съ удовольствіемъ слушаетъ прекрасную музыку и недоволенъ, если долженъ заниматься чѣмъ нибудь другимъ, когда исполняется хорошая пѣска. Конечно, въ такой ученой работѣ, какъ разборъ идоническихъ и анти-идоническихъ теорій, не обходится безъ того, чтобы не попадались разсужденія, напоминающія намъ и о другихъ мѣстахъ „Филива“ помимо тѣхъ, которыя заключаютъ въ себѣ главную формулировку Платоновской теоріи. Да это естественно уже потому, что и авторъ „Филива“, и Аристотель разрабатываютъ, хотя бы и съ разными теоретическими тенденціями, одинъ и тотъ же матеріалъ. И не въ непониманіи какимъ то псевдо-Платономъ того или другого мѣста Аристотеля, а въ различіи угловъ зрѣнія, подъ которыми разсматривается одинъ и тотъ же матеріалъ, слѣдуетъ видѣть причину того, что одна и та же вещь у автора „Филива“ является въ такомъ, а у Аристотеля въ другомъ свѣтѣ.

Да, причины не принимать засвидѣтельствованіе Аристотелемъ „Филива“ столь же „безусловно яснымъ“, какъ засвидѣтельствованіе „Фезтита“, нѣтъ никакой, за исключеніемъ развѣ непонятнаго пока *предубѣжденія* со стороны Шаршмидта *противъ* „Филива“. Ниже мы поймемъ это предубѣжденіе и увидимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его безосновательность.

Черезвычайно большихъ усилій стоило Шаршмидту ослабить построенную Юбервегомъ тоже на свидѣтельствѣ Аристо-

теля аргументацію подлинности еще другого діалога. Въ пятой книгѣ *Метафизики* (V. 2. 1026. В.) Аристотель говоритъ, что Платонъ указалъ, какъ на сферу занятій софистовъ, на τὰ μὴ ὄντα. Это мѣсто Аристотелевой *Метафизики* напоминаетъ намъ слова Элеата—гостя въ діалогѣ „Софистъ“, гласящія такъ: ὁ μὲν οὖν σοφιστῆς ἀποδιδράσκων εἰς τὴν τοῦ μὴ ὄντος σκοτεινότητα, τριβῆ προσεκτόμενος αὐτῆς, διὰ τὸ σκοτεινὸν τοῦ τόπου κατανοῆσαι χαλεπός. Шаршмидтъ (стр. 197) думаетъ, что не нужно было никакого діалога „Софистъ“, а что совершенно достаточно было другихъ діалоговъ Платона, чтобы Аристотель могъ выставить, какъ взглядъ Платона на софистику, свою формулу οὐ τὰ μὴ ὄντα,—формулу, правда-де, сжатую и у Платона не встрѣчающуюся, но такія „перефразировки“ были-де въ его вкусѣ. „Особенно рѣзкими и рельефными чертами,—говоритъ Шаршмидтъ,—Платонъ обрисовалъ софистику въ *Политіи* VI, 492, А—494, В, и трудно не видѣть, какъ легко давалась Аристотелю на основаніи этого мѣста его сжатая формулировка Платоновой критики софистовъ“.

Въ шестой книгѣ *Политіи* 492, А—494, В Сократъ говоритъ Адиманту слѣдующее. „Чѣмъ больше даровать человѣкѣ, тѣмъ больше зла онъ можетъ сдѣлать, если среда, въ которой онъ находится, нехороша. Или ты согласишься съ мнѣніемъ толпы, что есть какіе то юноши, развращаемые софистами, и что есть какіе то софисты, развращающіе какъ нибудь особенно юношей? Не является ли этими софистами, и притомъ самыми ужасными, сама та толпа, которая высказываетъ подобное мнѣніе? Не она ли способна воспитать и сдѣлать такимъ, какимъ только пожелаетъ, всякаго,—и стараго, и молодого, и мужчину, и женщину? Вспомни, какъ она судитъ и ридитъ на вѣчахъ, въ судилищахъ, въ лагеряхъ или въ другихъ собраніяхъ; вспомни, съ какимъ шумомъ раздастъ она на право и на лѣво то похвалы, то порицанія, не зная мѣры ни въ томъ, ни въ другомъ и будучи поддерживаема въ этомъ самими тѣми скалами и мѣстами, гдѣ она собирается, такъ какъ скалы, вторя ея крику и гаму, усугубляютъ весь трескъ ея похвалъ и порицаній. При такомъ положеніи вещей какое еще частное воспитаніе можетъ устоять противъ того, чтобы его не размыла и не унесла съ собою волна этихъ похвалъ и порицаній? Кто устоитъ противъ того, чтобы не отождествиться въ своихъ взглядахъ съ самой толпой? Да, Адимантъ, вотъ наши настоящіе воспитатели и „софисты“,—толпа! А когда ей не удастся „словомъ“ убѣдить тебя идти за

нею, то она „дѣломъ“ принудить тебя къ этому и готова, если ты не поддаешься ей, лишить тебя и гражданской чести, и имущества, и даже жизни. Безумно было бы со стороны частнаго человѣка или софиста даже пытаться осмилить ее и сообщить тебѣ черезъ воспитаніе какія нибудь мнѣя начала. Нѣтъ, не было и не бываетъ никогда другой нравственности, въ смыслѣ выработки гражданской доблести, рядомъ съ тою нравственностью, какую воспитываютъ эти наставники. Я говорю, конечно, объ *обычныхъ* явленіяхъ у людей; что можетъ случиться по *божескому* произволенію, то, конечно, какъ говорится, не въ счетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если при такомъ положеніи нашей общественной жизни кто нибудь уцѣлѣетъ и выйдетъ такимъ, какимъ человѣку слѣдуетъ быть, то не должно будетъ сказать, что его спасъ именно Богъ. Конечно, нехорошо (*ἀτοκον*), если какіе нибудь единичные воспитатели,—а такихъ толпа и называетъ софистами, видя въ нихъ своихъ конкуррентовъ въ дѣлѣ воспитанія,—нанимаются воспитывать въ юношахъ, да еще подъ именемъ мудрости, не иное что нибудь, какъ только умѣнье поддѣлываться подъ толпу, считая ее для себя указомъ. Когда я думаю о всемъ этомъ, то мнѣ всегда представляется, будто я вижу предъ собою громадное, сильное и упитанное животное. Всѣ его капризы, его норовъ—изучаются, и въ этомъ изученіи доходятъ до того, что знаютъ, съ какой стороны подойти къ животному, въ какомъ мѣстѣ можно дотронуться до него, что дѣлаетъ его свирѣпымъ, что—кроткимъ, какой когда голось оно само издаетъ, и какой чужой голось его или раздражаетъ, или успокаиваетъ и т. д. И вотъ, представимъ себѣ, что такіе люди, изучивъ долгодѣтнимъ опытомъ все сказанное выше, вдругъ захотѣли бы назвать это мудростью, обучать этому другихъ, и при этомъ совершенно не задавали бы себѣ вопроса, что—по истинѣ прекрасное, позорное, благо, зло, справедливость, безправіе, а употребляли бы эти слова лишь по указу самого чудовища и называли бы благомъ, что *ему* нравится, зломъ,—что *его* сердить и т. д., ни о чемъ дальше не спрашивая, а такъ и принимая за справедливое и за прекрасное все, диктуемое тѣмъ оппортунизмомъ, въ который ихъ ставятъ чудовище. А между тѣмъ, разница между такимъ оппортунизмомъ и дѣйствительностью блага—большая, только они этой разницы ни сами не видятъ, ни другимъ не могутъ разъяснить. Конечно, живя съ людьми и ставя себя,—больше, чѣмъ это надо,—въ за-

висимость отъ нихъ въ своей,—ремесленной ли или общественной,—дѣятельности, создаешь себѣ какое то особое положеніе,—такъ называемую Діомидовскую необходимость,—дѣлать все то, что они хвалятъ; но чтобы такая дѣятельность дѣйствительно была прекрасна и блага,—этого, я думаю, никто не брался да никогда и не возьмется доказывать, не рискуя вызвать улыбку на лицѣ слушателя. Затѣмъ, ты припомни себѣ, что самая идея прекраснаго, т. е. нѣчто „одно“, въ противоположность многочисленнымъ прекраснымъ предметамъ, или говоря вообще,—идея чего нибудь, т. е. нѣчто „одно“, въ противоположность многочисленнымъ такого или иного качества вещамъ,—къ толпѣ никогда не пристанетъ, и толпа ея никогда не узнаетъ, а потому и „философомъ“ толпа быть не можетъ. Не можетъ она по той же причинѣ и не отворачиваться отъ философствующихъ, точно также какъ не могутъ не отворачиваться отъ нихъ и тѣ отдѣльныя личности, которыя, ведя съ толпою общеніе, задаются цѣлью понравиться ей“.

Вотъ, что говорится въ Политіи 492,А—494,В. Не трудно усмотрѣть, что это мѣсто находится внѣ всякой связи съ тѣмъ указаніемъ Аристотеля, въ которомъ Платонъ выставляется опредѣляющимъ сферу занятій софистовъ τοῖς μὴ οὖν; не трудно усмотрѣть это особенно тогда, если примемъ во вниманіе весь тотъ контекстъ, въ которомъ встрѣчается упомянутая ссылка на Платона. Контекстъ этотъ слѣдующій:

Разъясняя философскій терминъ ἔν, Аристотель въ четвертой книгѣ Метафизики (IV. 6, 1015 В) говоритъ, что, во первыхъ, нѣчто можетъ быть ἔν само по себѣ, какъ напр. φάκελλος, который, хотя въ немъ должно быть нѣсколько прутьевъ, все же самъ по себѣ, какъ φάκελλος, долженъ быть непременно связанъ изъ этихъ прутьевъ, причемъ связка (δέσμος) дѣлаетъ отдѣльные прутья необходимыми частями τοῦ ἐνός. Вторыхъ,—разсуждаетъ Аристотель дальше,—въ ἔν сочетаются вещи иногда по случайному совпаденію (κατὰ τὸ συμβεβηχός). Такъ, однимъ (ἐν) можетъ быть: ученый+Корискъ (и тогда мы говоримъ: „ученый Корискъ“), или же „ученый“+„справедливый“, (если напр. оба эти качества случайно соединились въ одномъ какомъ-нибудь лицѣ). Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно утверждать, что „Корискъ“ и „ученый Корискъ“—одно и то же, если, разумѣется, ученость случайна въ Корискѣ, и съ представленіемъ о Корискѣ, вслѣдствіе этой случайности, связывается представленіе объ

учености. Также можно, пожалуй, утверждать, что „ученый Корискъ“ и „справедливый Корискъ“—одно и то же, когда, опять таки, и ученость, и справедливость случайно соединились въ Корискѣ, такъ что къ представленію объ „ученомъ Корискѣ“ примѣшивается представленіе о справедливости, а къ представленію о „справедливомъ Корискѣ“ примѣшивается представленіе объ учености. То же самое выходитъ съ прибавленіемъ иногда къ родовому понятію качественныхъ словъ; въ самомъ дѣлѣ, при извѣстныхъ случайныхъ совпаденіяхъ (κατὰ τὸ συμβεβηκός) все равно—сказать: „человѣкъ“, или:—„ученый человѣкъ“, именно когда къ представленію о человѣкѣ примѣшивается, вслѣдствіе случайнаго совпаденія, представленіе объ „учености“ или независимо отъ всякаго другого представленія, или въ зависимости отъ представленія объ отдѣльномъ лицѣ, напр. Корискѣ, соединяющемъ въ себѣ и свое родовое понятіе „человѣкъ“, и случайное качество ученаго“.

Вотъ, съ какимъ разсужденіемъ Аристотеля слѣдуетъ сопоставить для лучшаго уясненія нашего вопроса и самое то мѣсто, гдѣ Аристотель помѣщаетъ ссылку на мнѣніе Платона о софистахъ. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ (т. е. V, 2, 1026, B) Аристотель говоритъ слѣдующее. Слово τὸ ὄν имѣетъ нѣсколько значеній: то его относятъ къ случайно присутствующему въ чемъ нибудь (τὸ ὄν κατὰ τὸ συμβεβηκός), то подъ нимъ разумѣютъ истинное (τὸ ὡς ἀληθές) въ противоположность ложному, которое тогда будетъ τὸ μὴ ὄν (τὸ μὴ ὄν ὡς ψεῦδος), то оно обозначаетъ категорію и т. д. Объ τὸ ὄν κατὰ συμβεβηκός прежде всего замѣтимъ, что наука (θεωρία) къ нему никакого отношенія не имѣетъ; ни одной специальности, будь она πρακτικὴ, или ποιητικὴ, или чисто θεωρητικὴ, нѣтъ дѣла до такого ὄν. Ни одного домостроителя не интересуется при постройкѣ дома то, что можетъ συμβαίνειν со строимымъ имъ домомъ, а такихъ συμβαίνοντα безчисленное множество: для кого онъ можетъ выйти пріятнымъ, для другого вреднымъ, для третьяго полезнымъ, вообще,—чѣмъ то еще другимъ помимо всего того, что для дома, какъ дома, есть настоящее ὄν. Поэтому Платонъ въ нѣкоторомъ смыслѣ не дурно отвелъ софистикѣ сферу τοῦ μὴ ὄντος (διὸ Πλάτων τρέπων τινὰ οὐ κακῶς τὴν σοφιστικὴν περὶ τὸ μὴ ὄν ἔταξεν). Въ самомъ дѣлѣ, разсужденія софистовъ вращаются, такъ сказать, больше всего на почвѣ τῶν συμβεβηκόντων. Постоянно слышатся разсужденія вродѣ слѣдующихъ: одно ли и то же или нѣтъ: „ученый“ и „грам-

матикъ“, или:—одно ли и то же или нѣтъ: „ученый Корисвъ“ и „Корискъ“, или:—слѣдуетъ ли цѣлый предметъ, какъ онъ въ настоящее время есть, но не всегда былъ, а только когда то „сдѣлался“,—слѣдуетъ ли этотъ *цѣлый* предметъ, т. е. *весь его составъ*, принять за „сдѣлавшійся“, такъ чтобы о человѣкѣ, который, будучи ученымъ, сдѣлался вдругъ грамматикомъ, можно было сказать, что онъ, какъ грамматикъ, сдѣлался ученымъ и т. д. Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что τὰ συμβεβηκότα есть нѣчто близкое къ τὰ μὴ ὄντα, въ противоположность къ τὰ ὄντα, съ которыми имѣетъ дѣло наука, и въ которыхъ есть всегда φθορὰ ἰγένεσις,—въ такомъ смыслѣ, что изъ одного исчезающаго возникаетъ по закону необходимости другое“.

То же самое разсужденіе встрѣчаемъ и въ десятой книгѣ Метафизики (X, 8, 1064, В), причемъ самая ссылка на Платона получаетъ немного другой видъ и выражена словами: διὸ Πλάτων οὐ κακῶς εἶρηκε φήσας τὸ σοφιστὴν περὶ τὸ μὴ ὄν διατρίβειν. Здѣсь слово διατρίβειν напомнило Шаршмидту выраженіе „τριβῆ προσαπτομένους“ приведеннаго нами мѣста изъ „Софиста“, и онъ, ухватившись за это и считая вообще десятую книгу Метафизики сомнительною относительно подлинности (verdächtig), счелъ возможнымъ (!) воспользоваться и этимъ обстоятельствомъ для усиленія доказательства неподлинности самого „Софиста“ (см. Шаршм. стр. 99).

Дѣло, конечно, не въ употребленіи или неупотребленіи слова διατρίβειν, дѣло въ τὸ μὴ ὄν. Изъ всего контекста, окружающаго ссылку на Платона,—съ διατρίβειν ли она приведена или безъ него,—не трудно замѣтить, что Аристотель выраженіемъ τὸ μὴ ὄν и не думалъ, какъ предполагаетъ Шаршмидтъ, „сжато формулировать“ какое то, какъ мы видѣли, совершенно постороннее и ничего общаго съ ссылкой не имѣющее разсужденіе въ Политіи, а хотѣлъ представить это выраженіе какъ *ipsisima verba* Платона; иначе, зачѣмъ ему нужно было прибавлять слова τρέπον τινὰ (*въ нѣкоторомъ смыслѣ* недурно и т. д.), и зачѣмъ нужно было всю цитату обставлять довольно пространнѣмъ объясненіемъ отношенія между его, Аристотеля, συμβεβηκότα и—чужимъ, значить!—выраженіемъ τὸ μὴ ὄν.

Впрочемъ, не одною этой комбинаціей, т. е. не однимъ приведеніемъ въ связь Аристотелевой цитаты съ Политіей Шаршмидтъ думалъ ослабить значеніе „Софиста“ и даже сдѣлать его излишнимъ. Кто непремѣнно хотѣлъ бы видѣть въ ссылкѣ Ари-

стотеля *собственные* слова Платона, тому онъ предлагаетъ другую комбинацію и говоритъ: „Платонъ могъ употребить слово τὸ μὴ ὄν когда нибудь въ своей школѣ, въ устной рѣчи, и Аристотель могъ знать *оттуда* это выраженіе, какъ его оттуда могъ знать и авторъ подложнаго „Софиста“; послѣдній то, т. е. авторъ „Софиста“, толкуетъ однако это выраженіе,—а въ этомъ заключается одно изъ главныхъ доказательствъ подложности Софиста,—совершенно не въ смыслѣ Платоно—Аристотелевскаго опредѣленія софистики“.

„Въ Софистѣ—разсуждаетъ Шаршмидтъ на стр. 198 и слѣд.,—толкуется, правда, τὸ μὴ ὄν въ смыслѣ τοῦ ψεῦδους, и казалось бы, что „Софистъ“ непосредственно долженъ согласоваться въ этомъ отношеніи съ „Θεэтитомъ“, гдѣ тоже ψευδῆ δοξάζειν приводится въ связь съ δοξάζειν τὰ μὴ ὄντα; а между тѣмъ въ „Θεэтитѣ“ разъясняется τὸ μὴ ὄν такого ψεῦδος въ смыслѣ чисто логическомъ,—въ смыслѣ разъединенія (Trennung; какого это разъединенія?) понятій, которыя въ сужденіи мыслятся вмѣстѣ (der im Urtheile zusammengedachten Begriffe; трудно понять это мѣсто Шаршмидта), авторъ же „Софиста“—говоритъ Шаршмидтъ далѣе,—не понявъ этого разъясненія τοῦ μὴ ὄντος, толкуетъ самъ τὸ μὴ ὄν метафизически, какъ несуществованіе въ дѣйствительности того, что наша душа мыслить. При этомъ автору Софиста приходится признать существованіе несуществующаго и прибѣгать для этого къ теоріи ο κοινωρία τῶν γενῶν (er ist gezwungen ein εἶναι des μὴ εἶναι anzunehmen auf Grund der κοινωρία τῶν γενῶν).

Въ приведенномъ разсужденіи Шаршмидта все отъ начала до конца есть ψεῦδος,—есть τὸ μὴ ὄν въ истинномъ Платоно—Аристотелевскомъ смыслѣ. Что касается „Θεэтита“, то въ немъ, конечно, можно отыскать и τὸ μὴ ὄν, но тогда оно непременно выступаетъ лишь какъ отображеніе дѣйствительно постоянно толкуемаго въ этомъ діалогѣ понятія τοῦ ὄντος,—τῆς ἀληθείας, тожъ,—причемъ содержаніе этого послѣдняго понятія, мѣняясь даже по ходу бесѣды (на это мы указали на стр. 78 и 90 нашего перевода Θεэтита—Кіевъ 1891), опредѣляется разнo и, ко всему этому, опредѣляется вовсе не съ точки зрѣнія Платона (ибо Платонъ и его Сократъ сами относятся отрицательно ко всему, что имъ приходится разбирать), а съ точки зрѣнія тѣхъ, чье ученіе Платонъ подвергаетъ критикѣ въ данномъ діалогѣ. Слово „τὸ ὄν“ въ діалогѣ „Θεэтитѣ“ опредѣляется то въ смыслѣ такого или иного впечатлѣнія или, точнѣе,—такого или иного „ощущенія“, проникающаго въ душу

отъ такого или иного предмета черезъ вѣшніе органы чувствъ, то въ смыслѣ вообще частей (однако, *частей!*) содержанія человѣческой мысли, каковыми частями могутъ быть не только упомянутыя „впечатлѣнія“ (напр.: синее, зеленое, горькое), но и „нѣчто, черпаемое душею изъ самой себя“ (-тожество, различіе и т. д.). Подразумѣвая подъ τὰ ὄντα только *части* содержанія человѣческой мысли, собесѣдникъ Сократа, конечно, не обращаетъ вниманія на то, будетъ ли при этомъ вся мысль правильна или неправильна, и такимъ образомъ получаетъ τὰ ὄντα, т. е. ἀλήθειαν, и при неправильной мысли. Вотъ, въ какомъ смыслѣ затрогивается τὸ ὄν или ἀλήθεια въ діалогѣ „*Θεэтитъ*“ по пути въ разъясненію главнаго вопроса „*Θεэтита*“, — опредѣленія знанія. Соотвѣтственно такому смыслу τοῦ ὄντος τὸ μὴ ὄν или τὸ ψεῦδος должно являться, какъ нѣчто будтобы невозможное, такъ какъ чувствовать (=получать впечатлѣніе) или мыслить (черпать душѣ изъ самой себя) можно только „*что нибудь*“, а слѣдовательно всегда и τὸ ὄν, т. е. ἀλήθειαν. (До такого absurdum Сократъ и довелъ бесѣду, слѣдуя своей тенденціи не только критически разобрать, но и сѣронизировать ученіе Протагора о человѣкѣ, какъ „*мѣрѣ*“ всего“. См. нашего перевода стр. 79).

Такое, — иронизируемое, будто бы невозможное, — μὴ ὄν во все не непонято авторомъ „*Софиста*“, какъ думаетъ Шаршмидтъ; напротивъ, авторъ *Софиста* дѣлаетъ его предметомъ особаго разъясненія, и притомъ совершенно въ *Θεэтитовскомъ* смыслѣ, относясь къ нему также отрицательно и иронически, какъ и авторъ *Θεэтита* (см. *Софиста* 237 А и слѣд.). Одинаковому, — т. е. отрицательному и ироническому, — отношенію къ такому μὴ ὄν авторовъ *Θεэтита* и *Софиста* вполне соотвѣтствуетъ и одинаковость въ обоихъ діалогахъ „*діалектической силы*“ разсужденія о немъ. Этимъ разсужденіемъ имѣется въ виду и въ *Θεэтитѣ*, и въ *Софистѣ* лишь озадачить собесѣдника и читателя и навести ихъ на мысль о другомъ содержаніи какъ τοῦ ὄντος въ смыслѣ ἀλήθειας, такъ и τοῦ μὴ ὄντος въ смыслѣ τοῦ ψεῦδους. Но въ дальнѣйшемъ ходѣ разсужденія „*Θεэтитъ*“ и „*Софистъ*“ принимаютъ различныя направленія. Въ „*Θεэтитѣ*“ Сократъ выходитъ изъ того положенія, что еслибы дѣйствительно все то, что мы „*чувствуемъ*“ или „*черпаемъ изъ себя*“, было ὄν, тогда бы не было никакой ψευδῆς δόξα, а между тѣмъ всѣ люди готовы въ той или иной области признавать лишь за не-

многими ὀρθῶν δόξων и только къ этимъ немногимъ обращаться за совѣтами и помощью. Затѣмъ Сократъ продолжаетъ: „Чувствуемое и черпаемое душою изъ самой себя составляетъ лишь „матеріалъ“ для мышленія. Самое же мышленіе, это—рѣчь, которую душа ведетъ сама съ собою, ставя себѣ вопросы и давая на нихъ отвѣты—то положительныя, то отрицательныя. Окончательному установленію въ нашей душѣ такой или иной δόξα по такимъ вопросамъ всегда предшествуетъ болѣе или менѣе продолжительное „колебаніе“. При этомъ самое то „чувствуемое“ и „черпаемое душою изъ самой себя“, что входитъ въ мышленіе и составляющуюся черезъ мышленіе δόξων, наша душа или впервые еще только „уловляетъ“ тутъ же, при составленіи τῆς δόξης, или же вторично уже восстанавливаетъ въ себѣ, какъ запаматованное ею съ прежняго времени. Я понимаю,—говоритъ Сократъ,—какъ можетъ составиться ψευδῆς δόξα при соприкосновеніи памятуемаго душою съ прежняго времени съ уловляемымъ тутъ же впервые. Если я вижу издали человѣка, то получаемое тутъ-же отъ него впечатлѣніе,—не достаточно, быть можетъ, точное благодаря именно тому, что самъ этотъ человѣкъ находится вдали,—въ одно и то же время вызываетъ во мнѣ памятуемое съ прежнихъ временъ,—притомъ памятуемое, вслѣдствіе измѣнчивости памяти, тоже не совсѣмъ отчетливо,—и тогда то и можетъ случиться, что я этого впервые замѣченнаго мною человѣка принимаю не за того, кто онъ есть въ дѣйствительности, а за другого кого нибудь изъ извѣстныхъ мнѣ съ прежняго времени лицъ. Словомъ, тутъ можетъ со мной случиться то, что бываетъ иногда съ надѣвающимъ обувь, когда онъ, не разсмотрѣвъ хорошенько ни башмака, ни ноги, надѣваетъ лѣвый башмакъ на правую ногу или наоборотъ. Но какъ это составляется ψευδῆς δόξα, когда мышленіе опирается исключительно только на памятуемое, да притомъ хорошо памятуемое, это уразумѣть я,—говоритъ Сократъ,—затрудняюсь. Какъ, наприимѣръ, объяснить, что математикъ, имѣя дѣло съ числомъ одиннадцать,—не съ одиннадцатью какихъ нибудь предметовъ, которые тутъ-же передъ глазами, и отъ которыхъ приходится получать, быть можетъ еще впервые, да еще издали, впечатлѣніе, а съ „теоретическимъ“ числомъ одиннадцать, извѣстнымъ ему, математику, изъ прежняго опыта,—вдругъ при разныхъ вычисленіяхъ объявляетъ это число одиннадцать за двѣнадцать. Разрѣшить это свое недоумѣніе я могъ-бы только тогда, если-бы зналъ, что такое знаніе“.

Какъ извѣстно, Сократъ такъ таки и не добился отъ Θεэтиты опредѣленія знанія: ни одинъ изъ отвѣтовъ, предлагаемыхъ Θεэтитомъ на данный вопросъ, не удовлетворяетъ его.

Посмотримъ теперь, какъ разсуждаетъ авторъ Софиста по поводу непризнаваемаго софистами $\mu\eta\ \delta\upsilon\tau\omicron\varsigma$ или иначе, — $\psi\epsilon\upsilon\delta\omicron\upsilon\varsigma\ \delta\acute{o}\xi\eta\varsigma$ „Вы софисты, — говоритъ онъ, — утверждаете, что все, входящее въ содержаніе мысли, будь это „впечатлѣніе“ отъ внѣшняго міра, или нѣчто „черпаемое душою изъ самой себя“, есть $\delta\upsilon\nu$, и слѣдовательно $\mu\eta\ \delta\upsilon\nu$ и $\psi\epsilon\upsilon\delta\omicron\upsilon\varsigma\ \delta\acute{o}\xi\eta\varsigma$ немислимы. Припомните себѣ однако, что на вопросъ, что такое собственно $\delta\upsilon\tau\omicron\varsigma$, намъ предлагаются разныя рѣшенія. Отъ однихъ мы слышимъ какую то сказку о трехъ $\delta\upsilon\tau\omicron\varsigma$, источникахъ всего, которые то воюютъ между собой, то дружатся, и которые производятъ и растятъ все остальное. Другіе толкуютъ о двухъ $\delta\upsilon\tau\omicron\varsigma$ (о двухъ противоположностяхъ, вродѣ мокраго—сухаго, теплаго—холоднаго), которыя, соединяясь между собой, и производятъ все. Элеаты, наконецъ, признаютъ одно только $\delta\upsilon\nu$. Спрашивается: если указываютъ, напримѣръ, на два $\delta\upsilon\tau\omicron\varsigma$, каковы теплое и холодное, и если говорятъ, что обѣ эти противоположности „есть“, и что каждая изъ нихъ „есть“, то какъ вы смотрите на выраженіе „есть“? Не есть-ли это— $\delta\upsilon\tau\omicron\varsigma$, обозначающее существованіе ($\omicron\upsilon\delta\iota\acute{\alpha}\nu$), и не есть ли эта $\omicron\upsilon\delta\iota\acute{\alpha}$ въ содержаніи вашей мысли третье $\delta\upsilon\nu$ рядомъ съ самими противоположностями? Точно также, когда говорятъ, что „все есть одно“ ($\pi\acute{\alpha}\nu\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\ \acute{\epsilon}\nu$), то уже самая эта фраза заставляетъ васъ признавать не одно $\delta\upsilon\nu$, а цѣлыхъ три: одно $\delta\upsilon\nu$ (именно цѣлость— $\acute{\epsilon}\lambda\omicron\nu$) я вижу въ выраженіи „все“, второе ($\omicron\upsilon\delta\iota\acute{\alpha}\nu$)—въ выраженіи „есть“, а третье (недѣлимость)—въ словѣ „одно“. Присмотримся теперь къ ученію тѣхъ философовъ-антиподовъ, у которыхъ вопросъ обѣ $\delta\upsilon\tau\omicron\varsigma$ рѣшается признаніемъ—съ одной стороны однихъ только невидимыхъ, неподвижныхъ, вѣчно однихъ и тѣхъ-же идей ($\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$), а съ другой—признаніемъ однихъ только поддающихся ощущеніямъ, постоянно мѣняющихся и находящихся вѣчно въ движеніи вещей. Конечно, истина по срединѣ: есть и $\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$, есть и $\kappa\acute{\iota}\nu\eta\sigma\iota\varsigma$. Но опять таки, если мы скажемъ: $\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$ и $\kappa\acute{\iota}\nu\eta\sigma\iota\varsigma$ есть, то мы этимъ указываемъ уже на три $\delta\upsilon\tau\omicron\varsigma$ или $\gamma\acute{\epsilon}\nu\eta$ (=понятія), а именно: 1) $\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$, 2) $\kappa\acute{\iota}\nu\eta\sigma\iota\varsigma$ и 3) $\omicron\upsilon\delta\iota\acute{\alpha}\nu$ или $\delta\upsilon\nu$ (разумѣй $\delta\upsilon\nu$ какъ $\acute{\epsilon}\xi\omicron\chi\acute{\eta}\nu$, въ отличіе отъ вышеприведенныхъ $\delta\upsilon\tau\omicron\varsigma$, въ которыя теперешнее $\delta\upsilon\nu$ входитъ, какъ низшее понятіе). Тезисъ, неопровержимый послѣ всего сказаннаго,—продолжаетъ разсуждать авторъ Софиста,—именно тезисъ, что каждое изъ упомя-

нугыхъ трехъ γένη представляетъ собою нѣчто отличное (ἕτερον) отъ остальныхъ двухъ и тождественное (αὐτόν) съ самимъ собою, ведетъ къ признанію новыхъ двухъ γένη, именно „отличія“ и „тождества“. Вообще,—говорится далѣе въ Софистѣ,—всякихъ γένη безчисленное множество, но чтобы не усложнять себѣ дѣла, ограничимся въ своей бесѣдѣ пока пятью указанными γένη. Мы говоримъ напр.: „κίνησις есть“, и этимъ указываемъ на два γένη (на κίνησιν и на ὄν), какъ на нѣчто отличное другъ отъ друга, но въ то же самое время какъ на нѣчто, соединимое между собой,—какъ на нѣчто такое, въ чемъ κίνησις μετέχει τοῦ ὄντος, или иначе, въ чемъ κίνησις κοινῶναι τῷ ὄντι. Нельзя сказать, чтобы всякое γένος было соединимо со всякимъ другимъ γένος; такъ, напр., στάσις очевидно не можетъ μετέχειν τῆς κινήσεως (мы не можемъ сказать: τὸ ἕστηκός κινεῖται), такъ какъ черезъ подобное соединеніе уничтожилась бы самая φύσις τῆς στάσεως. Также и наоборотъ, была-бы бессмыслица говорить: τὸ κινούμενον ἕστηκε. Вопросъ о соединимости отдѣльныхъ γένη между собой можно сравнить съ вопросомъ о соединимости звуковъ при составленіи изъ нихъ цѣлыхъ словъ,—цѣлой рѣчи, или же съ вопросомъ о соединимости разныхъ тоновъ при составленіи изъ нихъ гармоническаго цѣлаго. Какъ въ области звуковъ и тоновъ правильно можетъ рѣшать этотъ вопросъ только лишь знающій, именно—γραμματικός въ первой, а μουσικός—во второй, точно также и для правильнаго рѣшенія вопроса о соединимости или несоединимости τῶν γένωνъ требуется знаніе. Изъ нашихъ γένη только лишь тождество и различіе, какъ то показано въ вышеприведенномъ тезисѣ, всегда соединимы съ остальными тремя. Тождество и различіе въ вопросѣ о соединимости или несоединимости τῶν γένωνъ играютъ роль, одинаковую съ ролью гласныхъ звуковъ въ слогахъ. Мы можемъ сказать напр., что κίνησις тождественна (разумѣй: сама съ собой), и что κίνησις отлична (—хотя-бы напр. отъ той-же στάσις). Точно также и всякое другое γένος будетъ само по себѣ—τὸ αὐτόν, а по отношенію къ другимъ γένη—ἕτερον. Соединяя какое нибудь γένος съ ἕτερον (=съ понятіемъ различія), мы этимъ самымъ разобщаемъ его съ другимъ какимъ-бы то ни было γένος. Выраженіе, указывающее на это его разобщеніе черезъ приобщеніе къ нему самому (черезъ κοινῶναι) понятія ἕτερον,—стало быть, выраженіе „κίνησις ἕτερον напр. τοῦ ὄντος“ (=„κίνησις—отлична отъ ὄν“),—можетъ быть замѣнено выраженіемъ „κίνησις—не ὄν“ (κίνησις οὐκ ὄν). Этимъ выраженіемъ мы, конечно, выставляемъ лишь κίνησιν

чѣмъ то „особо стоящимъ“ среди всего остальнаго, и оно не мѣшаетъ вовсе объявить ту же κίνησιν, если только наше знаніе насъ въ этомъ поддерживаеъ, за соединимую съ ὄν и сказать, что κίνησις—ὄν или „κίνησις ἔστι“.

Итакъ, все дѣло,—выясняетъ намъ діалогъ,—въ знаніи. Что такое знаніе,—не опредѣляется окончательно въ Софистѣ, какъ то не опредѣлено и въ Θεэтиѣ. Во всякомъ случаѣ, подкладка всего разсужденія о знаніи не логическая въ Θεэтиѣ и не метафизическая въ Софистѣ, какъ думаетъ Шаршмидтъ, а какъ мы видѣли, психологическая въ Θεэтиѣ и логическая (=діалектическая) въ Софистѣ. Умѣнье различить идеи, разложить каждый предметъ на рядъ идей, усмотрѣть повтореніе одной и той же идеи въ рядѣ предметовъ, умѣнье собирать низшія идеи въ высшую или раздѣлять высшую на низшія и, наконецъ, подниматься отъ ряда предметовъ къ идеѣ,—вотъ требованія, необходимыя для того, чтобы научиться διακρίνειν κατὰ γένος, ἧ τε κοινωνεῖν ἕκαστα δδναιαι καὶ δεκτὴ μῆ.

Мы видѣли, какъ авторъ Софиста исподоволь вводитъ въ свое разсужденіе отрицаніе „οὐκ“. Фразу, напр., „κίνησις ἕτερον στάσεως“ онъ передѣлываетъ на фразу „κίνησις οὐ στάσις“, фразу „κίνησις ἕτερον ὄντος“—на фразу „κίνησις οὐκ ὄν“ и т. д. Въ послѣдней фразѣ слово ὄν замѣняетъ собою употреблявшееся раньше въ Софистѣ ἔστι, т. е. ἔστι не въ смыслѣ нашей грамматической связи, а въ смыслѣ выраженія τῆς οὐσίας; соединеніе (κοινωνία) этой οὐσία съ какимъ нибудь другимъ γένος, являясь результатомъ строго діалектической комбинаціи, служитъ выраженіемъ философской ἀλήθεια. Затѣмъ авторъ нашего діалога, нисколько не уклоняясь отъ той же логической стороны рѣшенія вопроса, поворачиваетъ свою бесѣду съ 257 А на новый путь. „Есть,—говоритъ онъ,—на одной сторонѣ одно только γένος ὄν (=οὐσία), а на другой безчисленное множество другихъ γένη. По отношенію къ этой безчисленной массѣ другихъ γένη само ὄν есть ἕτερον, т. е. въ ней, въ этой массѣ, само ὄν не встрѣчается, вся она есть ἕτερον τοῦ ὄντος или есть, слѣдуя вышеприведеннымъ выраженіямъ, οὐκ—ὄν“. Это то οὐκ—ὄν или μῆ—ὄν имѣетъ такое отношеніе къ ὄν, какъ напр. μῆ—μέγα къ μέγα, μῆ—καλόν къ καλόν и т. д. Μῆ—μέγα или μῆ—καλόν является, конечно, лишь „сборнымъ“ выраженіемъ для всѣхъ другихъ γένη, за исключеніемъ самого μεγάλου или καλοῦ, стало быть,—для всѣхъ γένη, которыя суть ἕτερα τοῦ μεγάλου или ἕτερα τοῦ καλοῦ (а потому сами—не μέγα или не

καλά), и какъ напр. изъ того, что мы признаемъ такіе или иные виды τῆς ἐπιστήμης (γραμματικῆν, μουσικῆν и т. д.), вытекаетъ, что мы должны признать и самое ἐπιστήμην, такъ изъ того, что „естъ“ другія γένη помимо μεγάλου или καλοῦ, вытекаетъ, что „естъ“ и само μὴ—μέγα. Точно также, если „естъ“ другія γένη помимо ὄντος, то „естъ“ и μὴ—ὄν. Напрасно, стало быть, софисты упорствуютъ, будто нѣтъ никакого μὴ—ὄν. Оно „естъ“, оно есть „сборное“ выраженіе всего того, что только не есть само ὄν, и они въ этихъ μὴ—ὄντα и возвращаются, оставляя совершенно въ сторонѣ ὄν и не заботясь совершенно о томъ, чтобы строго диалектическимъ путемъ и со знаніемъ дѣла доходить до соединенія того или другого γένους съ ὄν (=οὐσία), т. е. до философской ἀλήθεια; они объ этомъ и не могутъ заботиться, такъ какъ они только и стремятся къ тому, чтобы придать себѣ видъ знающихъ все, между тѣмъ какъ всего знать нельзя, и вопросъ о соединимости τῶν γενῶν можетъ быть рѣшенъ *только* знающимъ“.

Какого еще ббльшаго сходства желаетъ Шаршмидтъ между Софистомъ и Аристотелевскою цитатой? Какое непониманіе Платоно—Аристотелевскаго μὴ—ὄν онъ нашель въ Софистѣ? Не слѣдуетъ ли скорѣе отнести непониманіе Платоно—Аристотелевскаго μὴ—ὄν и самого Софиста къ нему, Шаршмидту? Да, основаній подозрѣвать подлинность Софиста, какъ Платоновскаго сочиненія, нѣтъ никакихъ. Или, быть можетъ, Шаршмидту бросается въ глаза то обстоятельство, что въ Софистѣ Сократъ молчитъ, и что главная роль дана Элеатскому гостю? Не служить ли это скорѣе доказательствомъ подлинности діалога, такъ какъ отъ подражателя, особенно если онъ имѣлъ въ виду обмануть публику, слѣдовало-бы скорѣй ожидать, что онъ воспользуется *всѣми* внѣшними приемами Платона и не преминетъ отвести главную роль въ своемъ діалогѣ именно Сократу, разъ *Сократъ* фигурируетъ въ большинствѣ Платоновскихъ діалоговъ *главнымъ* дѣйствующимъ лицомъ. Позволительно думать, что Сократъ не выступаетъ здѣсь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ лишь потому, что здѣсь не было мѣста высокимъ и широко захватывающимъ патетическимъ экскурсіямъ, до которыхъ такъ любитъ подниматься Сократъ въ Платоновскихъ сочиненіяхъ.

Находятъ еще страннымъ, зачѣмъ собесѣдникъ элеатскаго гостя въ „Софистѣ“, Θεэтитъ, является не такимъ живымъ и остроумнымъ, какимъ онъ представленъ въ названномъ по немъ діалогѣ; странно-де это потому, что авторъ Софиста

съ первыхъ же строкъ выставляетъ свой діалогъ по отношенію къ сочиненію „Феэтитъ“ лишь вторымъ актомъ, дѣйствіе котораго происходитъ непосредственно на слѣдующій день послѣ акта *последняго* сочиненія. — Какъ извѣстно, Сократъ заканчиваетъ бесѣду въ „Феэтитѣ“ такими словами: „завтра, Феэтитъ, увидимся опять на томъ же мѣстѣ“. Соотвѣтственно этому, „Софистъ“ начинается съ обращенія старика Феодора (тоже собесѣдника въ „Феэтитѣ“) къ Сократу съ такими словами: „вотъ мы здѣсь, Сократъ, согласно вчерашнему уговору и привели къ тебѣ гостя изъ Елеи, великаго философа“. Намъ кажется, что нѣкоторое неравенство ролей Феэтита въ двухъ различныхъ „актахъ одной и той же драмы“ не должно подавать повода къ подозрѣнію подлинности втораго акта. Едва ли въ данномъ случаѣ слѣдуетъ говорить объ актахъ въ строгомъ драмато-эстетическомъ смыслѣ. Указанное соотвѣтствіе между заключительными словами „Феэтита“ и начальными „Софиста“, равно какъ и одинаковый составъ общества, обучаемаго въ „Феэтитѣ“ Сократомъ, а въ „Софистѣ“, элеатскимъ гостемъ, должны служить выраженіемъ лишь тѣснѣйшей связи между *предметами разсужденія* въ томъ и другомъ діалогѣ. И неизвѣстно еще, когда Платонъ послѣ изданія „Феэтита“ приступилъ къ „Софисту“, и когда счелъ себя приготовленнымъ заняться выясненіемъ второй стороны вопроса, поставленнаго въ „Феэтитѣ“. Если въ послѣднемъ діалогѣ Феэтитъ и играетъ такую важную роль (на нее онъ былъ постоянно вызываемъ Сократомъ, желавшимъ на немъ испытать свое повивальное искусство), то не даромъ же діалогъ носить его имя, а въ „Софистѣ“ чтó же оставалось дѣлать Феэтиту, какъ отзываться на объясненія элеатскаго гостя словами: „да“, „согласенъ“, „то есть какъ?“, „не понимаю“ и т. д., когда элеатскій гость не споръ ведетъ съ нимъ, какъ съ софистомъ, а самъ „ловитъ звѣря—софиста“ только лишь, такъ сказать, въ его присутствіи.

Не имѣеть, наконецъ, никакого отношенія къ вопросу о подлинности „Софиста“ и то обстоятельство, что Аристотель, приводя взглядъ Платона на софистовъ, употребилъ аористъ *ἔταξεν*. По поводу этого аориста Шаршмидтъ отсылаетъ насъ въ Юбервегу, который на стр. 140, 149 и др. устанавливаетъ такое правило, что цитаты изъ имѣвшихся подъ рукою *сочиненій* Платона Аристотель приводитъ настоящими временами *λέγει, φησί*, иногда и perfect-ами *εἶρηκεν, γέγραφε*, а собственные *историческія* воспоминанія вводитъ imperfect'-ами и аористами *ἔφη, εἶπε* и т. д. Позво-

лительно возразить, что глаголь $\tau\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega$ не есть глаголь dicendi (въ X книгѣ метафизики сказано: $\delta\acute{\iota}\delta\ \text{Πλάτων}\ \text{οὐ}\ \text{κακῶς}\ \text{εἶ}\ \rho\ \eta\ \chi\ \epsilon\ \phi\acute{\eta}\sigma\alpha\varsigma$ и т. д.); едва ли мы ошибаемся противъ правильнаго чувства языка, если въ словѣ $\acute{\epsilon}\tau\alpha\acute{\xi}\epsilon\nu$ находимъ смыслъ. „дошелъ въ своихъ разсужденіяхъ о софистахъ до того, что нашелъ возможнымъ отвести имъ сферу $\mu\grave{\eta}\ \delta\upsilon\tau\omicron\varsigma$ “ Такой смыслъ вовсе не противорѣчить тому, чтобы его отнести именно къ *письменнымъ* произведеніямъ Платона; а если такъ, то слово $\acute{\epsilon}\tau\alpha\acute{\xi}\epsilon\nu$ есть *raison de plus* для доказательства подлинности Софиста, такъ какъ въ $\mu\grave{\eta}\ \delta\upsilon$ Аристотель приводитъ *подлинное* выраженіе Платона, и слово $\acute{\epsilon}\tau\alpha\acute{\xi}\epsilon\nu$ при такомъ смыслѣ, какой мы ему придаемъ, указывало бы тогда на употребленіе этого выраженія только въ *одномъ* сочиненіи, а это сочиненіе и есть именно Софистъ.

Перейдемъ къ новому, по числу третьему (ср. выше стр. 9), основному соображенію Шаршмидта.

„По діалогамъ,—говоритъ онъ на стр. 4,—подлинность которыхъ доказана черезъ ссылки на нихъ Аристотеля, слѣдуетъ составить критерій для остальныхъ, приписываемыхъ Платону сочиненій; ибо доказанныхъ Аристотелемъ діалоговъ совершенно достаточно для того, чтобы не только уяснить себѣ цѣль и мотивы такого своеобразнаго направленія литературной дѣятельности этого философа, но и усвоить себѣ правильный взглядъ какъ на композицію и художественную сторону его произведеній, такъ и на весь характеръ (*Gehalt und Sinn*) Платоновскаго ученія“. Какъ уже сказано, критерію, добытому изъ засвидѣтельствованныхъ Аристотелемъ діалоговъ Платона, Шаршмидтъ не нашелъ соотвѣтствія ни въ одномъ номерѣ *Corporis Platonici*, за исключеніемъ „Протагора“. Что за причина такого поразительнаго результата? Читалъ ли онъ внимательно *Corpus Platonicum*? Впечатлѣніе, произведенное на него каждымъ сочиненіемъ въ отдѣльности, онъ передаетъ въ анализѣ содержанія, и этотъ послѣдній служитъ ему вездѣ точкой опоры для аетиса. Въ видѣ образца такого анализа мы приведемъ анализъ того же „Филива“, по отношенію къ которому Шаршмидтъ упорно отрицаетъ свидѣтельство Аристотеля.

Сократъ,—анализируетъ Шаршмидтъ на стр. 284—288,—выступаетъ въ самомъ началѣ діалога съ *готовымъ* уже (это де противъ обыкновенія) тезисомъ, который онъ затѣмъ (очень-де странно!) самъ долженъ признать за односторонній. Тезисъ этотъ таковъ, что умъ, разумѣніе, знаніе, памятованіе и прочее въ этомъ родѣ

есть благо. Тезисъ этотъ противопоставленъ тезису идониковъ, съ котораго начинается бесѣду съ Сократомъ Протархъ, именно тезису, что радость есть благо.

Затѣмъ-де идетъ цѣлый рядъ главъ, въ коихъ авторъ Филіва разсуждаетъ о томъ же, что составляетъ первую часть содержанія „Парменида“, т. е. объ отношеніи одного (ἓν) къ многому (πολλά—разумѣй: реальные предметы, воплощающіе въ себѣ „одну идею“), причемъ выставляются на видъ, также какъ и въ Парменидѣ, тѣ „апоріи“, которыя вызываетъ собою Платоновское ученіе объ идеяхъ, и восхваляется діалектика, какъ даръ неба, и все это дѣлается де для того, чтобы въ концѣ концовъ объявить о предстоящей задачѣ найти и различить другъ отъ друга всевозможные виды—съ одной стороны „знанія“, а съ другой—„радости“, если въ дѣйствительности таковыя существуютъ (р. д. 19. В)

Читатель-де ожидаетъ, что поставленная разъ задача сейчасъ же будетъ діалектически исполнена, но на такое ожиданіе авторъ Филіва отвѣчаетъ повтореніемъ спорнаго между Сократомъ и Протархомъ вопроса, послѣ чего сейчасъ же слѣдуетъ и рѣшеніе этого вопроса, недостаточно, впрочемъ, обоснованное. Вопросъ рѣшается слѣдующимъ образомъ: Предположимъ,—говоритъ Сократъ,—двѣ жизни,—одну такую, гдѣ дѣйствуетъ одинъ разумъ (гдѣ есть φρόνησις), а другую, полную радости, но лишенную разумѣнія. Въ послѣднемъ случаѣ радость оставалась бы вполнѣ несознательною, и у насъ получилась бы жизнь совершенно нечеловѣческая,—жизнь, къ которой никто и не стремился бы. Но съ другой стороны, кто пожелалъ бы и *такой* жизни, въ которой былъ бы дѣятеленъ одинъ только разумъ и не испытывалась бы при этомъ ни радость, ни печаль?—Сказаннаго, по представленію автора „Филіва“, достаточно, чтобы убѣдились не только Протархъ, но и самъ Сократъ, что благомъ можетъ быть только жизнь, соединяющая въ себѣ и разумѣніе, и радость.

Казалось бы,—такъ разсуждаетъ Шаршмидтъ,—что приведенный выводъ представляетъ собою нѣчто окончательное въ спорномъ вопросѣ объ ἡδονή и φρόνησις. А между тѣмъ, ниже (pg. 33) Сократъ долженъ будетъ объявить, что жизнь, гдѣ дѣйствуетъ одинъ только разумъ, стало быть,—жизнь хотя и безрадостная, но въ то же время и безпечальная, есть самая божественная, а въ концѣ діалога онъ откроетъ цѣлый рядъ высшихъ человѣческихъ благъ, съ коими φρόνησις и ἡδονή должны будутъ дѣлиться своимъ значеніемъ. Въ виду этихъ, имѣю-

щихъ послѣдовать ниже соображеній, Сократъ, не желая себѣ противорѣчить, въ настоящемъ мѣстѣ бесѣды сейчасъ же объявляетъ свой выводъ о жизни, соединяющей въ себѣ и разумѣніе, и радость, чѣмъ то лишь предварительнымъ (*vorgläufig und unvollständig*) и переходитъ къ опредѣленію метафизическихъ категорій, въ которыя вошли бы *φρόνησις* и *ἡδονή*. Все существующее, — разъясняется рр 23С—27В, — подпадаетъ или подъ *ἀπειρον*, или подъ *πέρας*, или подъ *μικτόν γένος* (соединеніе τοῦ ἀπειροῦ съ *πέρας*), или подъ категорію, которая обусловлена самою *μῆξις* въ *μικτόν γένος*, именно *αἰτία*.

Жизнь, соединяющая въ себѣ *φρόνησιν* и *ἡδονήν* и выходящая побѣдительницею изъ спора между Сократомъ и Протархомъ о благѣ, подводится подъ третью категорію, *ἡδονή*—подъ категорію τοῦ ἀπειροῦ, а разумъ, этотъ царь неба и земли, по единогласному сужденію мудрецовъ, — подъ *αἰτία*. Для чего, — говорить Шаршмидтъ, — понадобилось установленіе этихъ категорій, — мы опять таки не знаемъ. Авторъ Филива, отыскавъ категоріи, дѣлаетъ неожиданный поворотъ въ новому вопросу: въ чемъ и какъ происходятъ (*ἐν ᾧ τέ ἐστίον καὶ διὰ τί πάθος γίγνεται*) *ἡδονή* и *φρόνησις*, прежде же всего *ἡδονή*. Отвѣтъ-де получается такой, что *ἡδονή* происходитъ въ *μικτόν γένος*, „такъ какъ“ (*sic*) печаль есть разложеніе цѣлаго (собственно: *Lösung des Wesens*), а *ἡδονή* есть нѣчто, сопровождающее возстановленіе гармоніи“.

„Рр. 32—55 слѣдуетъ болѣе детальное и снабженное разными экскурсами разъясненіе τῆς ἡδονῆς (*Auseinandersetzung über die Lust*). Это мѣсто считалось уже древними самою главною частью діалога и, дѣйствительно, отличается де не только большою детальною въ разборѣ, но и вообще важными указаніями.

Послѣ главной части, авторъ „Филива“ начинаетъ де толковать о *νοῦς* и *ἐπιστήμη*. Забывъ совершенно (по мнѣнію Шаршмидта) о *φρόνησις*, на которой должно бы быть сосредоточено все его вниманіе, и не рѣшивъ, въ чемъ и какъ эта *φρόνησις* происходитъ, онъ разбираетъ разные (*sic!*) виды или, если угодно, методы τῆς ἐπιστήμης, — одинъ, предметомъ котораго служитъ невидимое, вѣчно сущее и всегда одинаковое, а второй, имѣющій дѣло съ осязаемымъ и преходящимъ. При этомъ де указывается на *νοῦς* и *φρόνησις* (*sic*), какъ на имѣющіе отношенія къ *первому* виду τῆς ἐπιστήμης.

Затѣмъ-де слѣдуетъ краткое повтореніе объ отношеніи какъ τῆς φρονησεως, такъ и τῆς ἡδονῆς къ благу и о невозможности су-

ществованія, при предположеніи этого блага, τῆς φρονήσεως безъ ἡδονῆς и τῆς ἡδονῆς безъ φρόνησις, а также о томъ, что только въ соединенной съ ἡδονῆς φρόνησις можно найти лучшее (das beste).

Конецъ діалога посвященъ - де разсмотрѣнію условій и элементовъ (Bedingungen und Ingredienzen) той μίξις, которая дѣлаетъ жизнь наилучшею и ведетъ къ обладанію высшимъ благомъ. При этомъ разнымъ ἡδοναί и φρονήσεσι устраивается авторомъ „Филива“, такъ сказать, очная ставка (werden persönlich einander gegenübergestellt); ἡδοναί ничего не имѣютъ противъ того, чтобы φρονήσεσι присоединились къ нимъ, между тѣмъ какъ φρονήσεσι выговариваютъ себѣ общеніе лишь съ тѣми ἡδοναί, которыя раньше были признаны за ἀληθεῖς и καθαραί.

„Такимъ образомъ“, — заключаетъ де свое разсужденіе Сократъ, — „мы съ тобой, Протархъ, дошли—если не до прекраснѣйшаго завершенія искомаго понятія—somit wäre der gesuchte Begriff aufs schönste vollendet (ἐμὸς μὲν γὰρ καθάπερ εἰ κόσμος τις ἀσώματος ἄρξων καλῶς ἐμφύχου σώματος ὁ νῦν λόγος ἀπειργάσθαι φαίνεται), то по крайней мѣрѣ до преддверія блага, въ каковомъ благѣ, представляющемъ собою μίξιν, предстоитъ намъ еще отыскать и опредѣлить αἰτίας. Эти αἰτίαι суть Maas u. Angemessenheit (μέτρον и ὀμμετρον), придающія благомъ характеръ истины и красоты. Въ результатѣ, стало бытъ, (?) выходитъ, что принадлежность высшаго человѣческаго блага составляютъ: 1) Maass, Gemessenheit u. Schicklichkeit (μέτρον καὶ μέτριον καὶ καίριον); 2) des Maassolle, Schöne, Vollandete u. Genugsame (ὀμμετρον καὶ καλὸν καὶ τὸ τέλειον καὶ ἱκανόν); 3) Geist u. Verständigkeit; 4) Wissenschaften, Künste u. richtige Meinungen; 5) die schmerzlosen, reinen, den Sinnesvorstellungen folgenden Lüste.

Этимъ, какъ то-де самъ Сократъ подчеркиваетъ въ третій разъ въ заключительныхъ словахъ діалога, опровергнуты, какъ одностороннія, тѣ противопоставленныя другъ другу предположенія, изъ коихъ вышли Сократъ и Протархъ въ началѣ бесѣды“.

Таковъ анализъ содержанія Филива у Шаршмидта. Понятно, что сочиненіе, заслужившее такого анализа, не могло выйти изъ подъ пера не только Платона, но и любого второстепеннаго писателя-мыслителя. Но въ томъ то и дѣло, что все, приведенное нами изъ Шаршмидта, не есть анализъ, а есть результатъ самаго поверхностнаго передлистыванія „Филива“, сдѣланнаго, кажется, не безъ тенденціи сгруппировать отдѣльно выхваченныя

мѣста такъ, чтобы сочиненіе показалось какъ можно болѣе нелѣпнымъ. Представляемъ *свое* изложеніе содержанія „Филива“.

„Итакъ ты, Протархъ,—начинаетъ Сократъ, входя сразу *in medias res*,—берешься быть въ нашей бесѣдѣ представителемъ взгляда утомившагося Филива, который утверждаетъ, что для всякаго живаго существа благо заключается въ испытываніи радости. По нашему мнѣнію, познавать, уразумѣвать, запоминать познаваемое, имѣть правильный взглядъ на вещи и умѣть ихъ правильно обсудить, все это—*выше* „радости“ и цѣннѣе для такого существа, которое способно быть причастнымъ тому и другому (т. е. радости и разумѣнію); а для существъ, способныхъ быть причастными еще бѣльшему, это познание, уразумѣваніе и т. д. есть и всегда будетъ самымъ полезнымъ изъ всего, того бѣльшаго, коему они причастны. Вотъ тебѣ, Протархъ, два мнѣнія, и бесѣда наша должна показать, кто изъ насъ правъ. Конечно, у насъ будетъ идти рѣчь не о самомъ познаніи внѣ познающаго и не о самой радости внѣ радующагося, а о такомъ или иномъ *состояніи души*, дѣлающемъ человѣка счастливымъ. Быть можетъ, въ нашемъ разсужденіи окажется въ преимуществѣ такое состояніе души, которое будетъ чѣмъ то третьимъ *помимо* того, что утверждаетъ каждый изъ насъ. Тогда, разумѣется, не будемъ вполнѣ правы ни ты, ни я; но все же сама радость возьметъ верхъ надъ разумомъ, если это третье окажется больше сроднымъ съ радостью, и наоборотъ, разумъ возьметъ верхъ надъ радостью, если оно окажется больше сроднымъ съ разумомъ.

— Я увѣренъ,—замѣчаетъ Филипъ, пустившій Протарха въ состязаніе съ Сократомъ,—и никогда не перестану быть увѣреннымъ въ первенствѣ радости.

„Увидимъ,—говоритъ Сократъ.—Во всякомъ случаѣ, радость хотя и есть нѣчто одно, въ то же время однако представляетъ большое разнообразіе: невоздержанныхъ радуютъ ихъ необузданные поступки, воздержанныхъ радуется ихъ воздержаніе, неразумныхъ радуютъ ихъ бессмысленныя мечты и надежды, разумныхъ радуется ихъ уразумѣваніе вещей и т. д.

— Да,—отвѣчаетъ завладѣвшій вполнѣ порученной ему ролью Протархъ,—разнообразны здѣсь причины, вызывающія радость, но сама радость во всѣхъ этихъ случаяхъ есть нѣчто всегда тождественное съ собою.

„И цвѣтъ, любезнѣйшій, остается всегда цвѣтомъ, а все таки есть цвѣта самыя противоположныя (черный и бѣлый). Не найдутся ли и въ ἡρώαι такія противоположности“?

— Какое намъ до этого дѣло?

„А такое, что ты же утверждаешь, что вся ἡδονή есть ἀγαθόν. Еслибы ты сказалъ, что τὸ ἡδύ есть ἡδύ, то мое замѣчаніе о цвѣтахъ не имѣло бы мѣста. Но разъ ты ко всей ἡδονῇ предцируешь новое понятіе, не заключающееся въ самомъ ἡδύ, то это еще вопросъ, идетъ ли этотъ одинъ твой предикатъ ко всѣмъ ἡδοναί. Я, по крайней мѣрѣ, думаю и утверждаю, что могутъ быть ἀγαθαί ἡδοναί, но есть и κακαί“.

— Нѣтъ; всякая ἡδονή, по-скольку она ἡδονή, есть ἀγαθή.

„Ну да, это мы опять на старомъ мѣстѣ. Ты этого различенія τῶν ἡδονῶν на тавія или другія не бойся; я въ такомъ же положеніи, какъ и ты. Вѣдь вотъ, я говорю точно также, что „всякое знаніе—хорошо“. Ты бы противъ меня сдѣлалъ такое же замѣчаніе, какое я дѣлаю противъ тебя, и тогда мы оба принуждены будемъ поставить особымъ предметомъ обсуждения, на-сколько мы въ самомъ дѣлѣ въ правѣ предцировать ты къ ἡδοναί, а я къ ἐπιστήμαι совершенно новое и притомъ одно понятіе“.

— Такъ и сдѣлаемъ.

„Вопросъ тутъ въ ἕν и πολλά. Извѣстно, что всегда πολλά могутъ оказаться чѣмъ то однимъ и, наоборотъ, ἕν—чѣмъ то многимъ, не въ томъ смыслѣ, что напр. ты, одинъ, будешь въ молодые годы низкаго роста, а въ пожилые—высокаго, и не въ томъ смыслѣ, что ты, одинъ, имѣешь и руки, и ноги, и голову и т. д., а въ томъ смыслѣ, что мы разсуждаемъ о человѣкѣ, въ противоположность животному, какъ о чемъ то одномъ, или о благѣ, въ противоположность злу, какъ о чемъ то одномъ, а на ряду съ этимъ говоримъ о многихъ людяхъ, о многихъ благахъ и т. д. Это то „одно“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „многое“, практикуемое обыкновенно при дѣленіяхъ (классификаціяхъ), вызываетъ большіе споры“.

— Какіе это споры?

„Спрашиваютъ, слѣдуетъ ли понимать такое одно, какъ нѣчто *дѣйствительно* существующее? Затѣмъ, какъ это „одно“, всегда одно и то же и несоединимое ни съ представленіемъ о возникновеніи, ни съ представленіемъ объ исчезновеніи,—какъ это „одно“ представить себѣ съ одной стороны вѣчно „стоящимъ“, какъ одно, и тѣмъ не менѣе присутствующимъ въ безчисленномъ „преходящемъ“?—представить ли это себѣ въ видѣ чего то раздѣленнаго на это проходящее и тоже многочисленнаго, или въ

видѣ „нераздѣленнаго“, и, такимъ образомъ, присутствующаго въ многочисленномъ всегда отдѣльно отъ самого себя? Казалось бы, что послѣднее—самое немислимое, т. е. чтобы одно и то же было „однимъ“ и въ самомъ себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и въ многочисленныхъ предметахъ. Все это необходимо выяснитъ, такъ какъ, оставляя это невыясненнымъ, мы могли бы придти въ большое затрудненіе“.

— Да, это надо выяснитъ, но какъ?

„Начать съ того, что ἓν и πολλά часто являются чѣмъ то тождественнымъ, и эта тождественность ἐνός и πολλῶν преслѣдуетъ насъ, мыслящихъ, всюду въ нашихъ разсужденіяхъ. Ею то и злоупотребляютъ софисты и пользуются ею для того, чтобы сбить собесѣдника, завлекая его въ область или τοῦ ἐνός, когда нужно бы собственно говорить о πολλά, или наоборотъ, въ область τῶν πολλῶν, когда рѣчь должна бы идти объ ἓν. Чтобы и съ нами не случилась такая ταραχὴ, будемъ помнить вотъ что. По моему представленію, точно Проміеѳеѳ перенесъ къ людямъ отъ боговъ какой то огонь, самый яркій, и наши праотцы, болѣе близкіе къ богамъ и стоявшіе выше насъ, получивъ этотъ даръ, такъ усвоили дѣло и такъ его и передали потомству, что де все существующее кроетъ въ себѣ конечно и ἓν, и πολλά, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что этому существующему привита рядомъ съ безграничностью (ἄπειρον) и ограниченность (πέρας). А потому де слѣдуетъ всегда въ существующемъ схватить само ἓν, =одну идею, а потомъ эту одну идею дѣлить на двѣ или,—если нужно,—на три, каждую изъ этихъ получившихся отъ дѣленія идей опять дѣлить точно такъ же, пока первоначальное ἓν не окажется не то что πολλά и безграничнымъ, а количественно ограниченнымъ и, относительно цифры этого количества, точно опредѣленнымъ. Вообще, нельзя разсуждать о безграничномъ въ πολλά до тѣхъ поръ, пока не будетъ точно опредѣлено то количественно ограниченное, которое находится между ἓν и ἄπειρα, а тогда ужъ можно „пустить“ это ἓν и въ ἄπειρα. Такъ, есть нѣкая одна идея тона, и въ то же время есть и безграничное множество разныхъ тоновъ. Но назвать себя μουσικός'омъ не имѣлъ бы права тотъ, кто зналъ бы только о существованіи этой одной идеи тона и безграничности всевозможныхъ тоновъ и не умѣлъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ: 1, раздѣлить тоны на сферы высокихъ, глубокихъ и среднихъ; 2, опредѣлить въ каждой изъ этихъ сферъ количество интервалловъ при такомъ или иномъ „гармоническомъ цѣломъ“; 3, измѣрить долготу тона и установить на основаніи

этого измѣренія такое или другое *metrum*, такой или другой ритмъ и т. д. Иногда приходится начинать не съ высшаго *ἔν* съ дѣленія этого *ἔν* на разряды по нисходящей степени, а поступать, такъ сказать, обратнымъ порядкомъ. Такъ, тотъ великй мудрецъ, которому пришло на мысль разобратъся въ *ἄπειρον* звуковаго разнообразія человѣческой рѣчи, прежде всего замѣтилъ самостоятельно произносимые полные звуки, какъ *α*, *ο* и т. д. и, опредѣливъ ихъ количество, назвалъ ихъ однимъ именемъ *φωνήματα*. Рядомъ съ ними выдѣлялись *φθόγγοι α, λ* и т. д., а за ними *ἄφθογγα β, π* и т. д. Опредѣливъ количество видовъ въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ, онъ такимъ образомъ нашелъ количественно ограниченный и строго установленный рядъ чего то, что онъ при всемъ его разнообразіи могъ понять какъ высшее *ἔν*, назвавъ его *στοιχεῖον*“.

— Это все такъ. Но для чего ты это говоришь?

„А для того, чтобы мы поняли, что и намъ предстоитъ, разъ у насъ идетъ споръ объ *ἡδονή* и *φρόνησις*, не только признать въ каждомъ изъ этихъ двухъ понятій и *ἔν*, и *πολλά*, но и опредѣлить точно количество, а также и качество (одно обусловлено другимъ) этихъ *πολλά*“.

— Это для меня будетъ трудно. Не возьмешься ли ты за это опредѣленіе? А можетъ быть, ты какъ нибудь и безъ этого опредѣленія найдешь путь къ рѣшенію нашего вопроса.

„Да, пова можно обойтись и безъ него и разсуждать вотъ какъ. Несомнѣнно, что *ἀγαθόν* есть нѣчто въ самомъ себѣ законченное и само себя удовлетворяющее (*τελειώτατον καὶ ἰκανόν*)“.

— Да, и все остальное существующее только къ *ἀγαθόν* и стремится, какъ къ своей цѣли.

„Непремѣнно. И сообразно съ этимъ, всякій, познающій такое или иное *ἀγαθόν*, ловитъ его, къ нему стремится, желая его захватить, имъ завладѣть, а о другомъ заботится лишь постольку, по-скольку оно кончается такимъ или инымъ *ἀγαθόν*. Такимъ образомъ, для того чтобы мы были въ правѣ называть благомъ—ты *ἡδονήν*, а я—*φρόνησιν*, нужно каждому изъ насъ показать въ своемъ предметѣ присутствіе этого законченнаго въ себѣ и удовлетворяющаго себя. А между тѣмъ, что касается твоей *ἡδονή*, то она не есть сама въ себѣ окончательное нѣчто, не удовлетворяетъ сама себя и не мыслима безъ другого чего то; она немислима прежде всего безъ того, что я вначалѣ ставилъ выше ея, т. е., безъ *φρόνησις* однимъ словомъ, безъ *φρόνησις*“.

Ибо не созная того, что ты радуешься, можешь ли ты радоваться? Не памятуя ничего, можешь ли ты уловить сознаниемъ хоть одинъ радостный моментъ, — можешь ли вообще наслаждаться воспоминаниемъ о радости? Вообще, ничего не „представляя“, можешь ли ты „представить“, что ты радуешься? Лишенный возможности разсуждать, способенъ ли ты на мысль, что ты когда нибудь *будешь* радоваться“?

— Какъ ты меня ошеломилъ твоимъ разсуждениемъ. Дѣйствительно, теперь я вижу, что одною только радостью безъ *νοῦς* никто жить не захочетъ.

„Подожди еще; быть можетъ, ты скажешь то же и о моей *φρόνησις*. Быть можетъ, ты скажешь, что и одною только *φρόνησις* никто не захочетъ жить, не испытывая при этомъ радости, а то и печали“.

— И это правда.

„А если бы жить тѣмъ и другимъ вмѣстѣ“.

— О да, на это всякій согласится.

„Итакъ, достаточно ясно доказано, что не твоя *ἡδονή* есть *ἀγαθόν*, такъ какъ она не удовлетворяетъ сама себя“.

— Но и не твой *νοῦς*, Сократъ, такъ какъ и онъ не удовлетворяетъ самого себя.

„Да, что касается *μοῖο νοῦς*, то это, пожалуй и такъ. Не то сказалъ бы я о божескомъ, настоящемъ *νοῦς*; тамъ дѣло обстоитъ иначе. Въ нашей же „смѣшанной“ жизни, — въ той жизни, гдѣ приходится вмѣстѣ съ *φροναίν* также и *χαίρειν* (да не только *χαίρειν*, но и *λοπεῖσθαι*), я, пожалуй, отказываюсь для *μοῖο νοῦς* отъ пальмы *полной* побѣды надъ всѣмъ остальнымъ, но я хотѣлъ бы похлопотать хоть о второмъ призвѣ именно для него. Вѣдь не все въ этой „смѣшанной“ жизни будетъ играть одинаково важную роль. Ты, конечно, будешь стоять за то, что самую важную роль въ ней играетъ *ἡδονή*, и будешь добиваться для *ἡδονή* втораго приза; я же думаю, что второй призъ останется за *νοῦς*, а твоя *ἡδονή* едва ли удостоится даже и третьяго“.

— Плохо было бы для обожателей *τῆς ἡδονῆς*.

„Увидимъ. Самъ Богъ проложилъ намъ путь къ предстоящему разсужденію. Онъ намъ указалъ, какъ раньше упомянуто, на *ἄπειρον* и *πέρας* во всемъ существующемъ. Примемъ же такимъ образомъ прежде всего въ *τὰ ὄντα* эти два вида (*εἶδη*), т. е. *ἄπειρον* и *πέρας*, а рядомъ съ ними сейчасъ же и третій, именно

нѣчто смѣшанное изъ ἄπειρον и πέρας. Однако, какой я смѣшанной; я все устанавливаю и считаю „виды“!

— А что?

„Мнѣ нуженъ еще одинъ „видъ“.

— Какой?

„Мнѣ нужно еще понятіе *причины* смѣси, разъ я говорю о смѣси. А потому прибавь еще къ перечисленнымъ тремъ видамъ четвертый, — „причину смѣси“.

— Можетъ быть, тебѣ еще пятый понадобится, — „разъединеніе“ смѣси?

„Можетъ быть, но не теперь. Каждый изъ этихъ четырехъ видовъ представляетъ собою, конечно, и ἔν, и πολλά. Возьмемъ сначала ἄπειρον; примѣръ такого ἄπειρον мы находимъ въ ψυχρότερον, θερμότερον и т. д. (Сократъ имѣетъ въ виду, выражаясь грамматическимъ терминомъ, всѣ сравнительныя степени). Какую бы мы себѣ ни представили степень теплаго, разъ мы говоримъ θερμότερον, то должно допустить степень теплаго еще большую представляемой нами, причемъ со своею противоположностью это θερμότερον никогда не сходится, такъ какъ всякое θερμότερον будетъ θερμότερον τοῦ ψυχρότερου. То же самое выйдетъ въ θάσσον, βραδύτερον и др. Во всѣхъ такихъ примѣрахъ рисуется представленіе τοῦ μᾶλλον (=все больше и больше) или τοῦ ἧττον (=все меньше и меньше), и это представленіе дѣлаетъ всѣ эти πολλά чѣмъ-то однимъ (ἔν). Въ противоположность этому должны быть примѣры другихъ πολλά, при которыхъ должно рисоваться представленіе равнаго, двойнаго, вообще мѣры, и эти примѣры должны составлять другое ἔν, именно πέρας, не такъ ли“?

— Такъ.

„Теперь соедини всѣ эти θερμότερα-ψυχρότερα, ξηρότερα—ὕγροτερα, πλείον-ἐλάττω, θάττω—βραδύτερον, μείζων-ομικρότερον и т. д. съ видомъ τοῦ πέρας“.

— Не понимаю.

„Съ тѣмъ видомъ, πολλά котораго мы, правда, ближе не разбирали и не сводили въ ἔν, но который станетъ очевиднымъ, когда мы найдемъ самоѣ μῆξις изъ него и изъ ἄπειρον“.

— Все таки не понимаю.

„Съ видомъ равенства, двойнаго и всего такого, что, устанавливая двѣ вышеуказанныя противоположности τοῦ ἀπειρον въ ихъ стремленіи усиливаться безпредѣльно и не сходиться, и вла-

гая въ нихъ „соразмѣрность“, вводить въ нихъ такое или другое численное отношеніе (ἀριθμὸν).

— Понимаю, и смѣсь изъ такого ἄπειρον и πέρας будетъ нѣкая γένεσις, да?

„Да, такая γένεσις, какъ напримѣръ μουσική, когда налагаемъ πέρας на βαρότερον и ὀξύτερον въ голосѣ, на βραδύτερον и βραχύτερον въ длительности тона, и много другихъ можно привести примѣровъ, представляющихъ такую же гармонію, какъ музыкальная,—напримѣръ: здоровье тѣла, чередованіе временъ года и т. д., не такъ-ли“?

— Такъ.

„И ты понимаешь, что μουσική и другія подобнаго рода Πολλά, поскольку въ томъ или другомъ изъ нихъ есть γένεσις, постольку каждое изъ нихъ есть τὸ γιγνόμενον или, что то же, τὸ ποιούμενον. Ποιούμενον предполагаетъ собою τὸ ποιῶν, иными словами,—αἰτίαν; и мы, значить, не дурно поступили, принявъ четыре вида въ τὰ ὄντα, именно: ἄπειρον, πέρας, μίχτην ἢ γιγνομένην οὐσίαν и αἰτίαν τῆς γένεσεως, не такъ ли?“

— Такъ.

„Это мы будемъ постоянно имѣть въ виду, а теперь перейдемъ къ слѣдующему разсужденію. Побѣда у насъ, по нашему главному вопросу, какъ ты помнишь, уже рѣшена и осталась по отношенію къ намъ, людямъ, за „смѣшанной жизнью“. Дѣло идетъ только о второмъ призѣ, кому его отдать, — ἡδονῆ или φρονήσι, не такъ ли?“

— Такъ.

„Сама-то смѣшанная жизнь есть несомнѣнно одно изъ πολλά, принадлежащихъ къ третьему изъ перечисленныхъ нами видовъ, такъ какъ она представляетъ собою не одно даже, а нѣсколько всевозможныхъ ἄπειρα, связанныхъ ὑπὸ τοῦ πέρατος. Ты съ этимъ согласенъ?“

— Согласенъ.

„А твоя ἡδονή, точно также какъ и λύπη,—къ какому изъ четырехъ видовъ она относится? Имѣеть ли она πέρας, или же она есть скорѣе одно изъ тѣхъ πολλά, въ которыхъ рисуется представленіе τοῦ μᾶλλον (=все больше да больше)“?

— Конечно, она одно изъ такихъ πολλά, ибо она не могла бы быть полнымъ благомъ, если бы она не могла расти до безконечности.

„Точно такъ-же, любезнѣйшій, какъ и λόγῃ безъ этого условия не была бы полнымъ зломъ. Но не въ этомъ дѣло; теперь, когда у насъ *μικτῆφόρος* оказался *μικτὸς βίος*, намъ бы хотъ частичку блага отыскать для *ἡδοναί*, мы и этимъ будемъ довольны. Итакъ, *ἡδονήν* мы отнесли къ *ἀπέραντα*. А *νοῦς* и *φρόνησιν* и все такое къ чему отнести? Мудрецы говорятъ, что *νοῦς* есть царь неба и земли, и правильно говорятъ; утверждать, что весь міръ, какъ мы его видимъ, управляется слѣпымъ случаемъ, кажется мнѣ даже грѣшнымъ. Какъ тѣла живыхъ существъ, состоящія изъ четырехъ извѣстныхъ стихій,—именно: огня, воды, воздуха и земли,—представляютъ собою только часть міроваго тѣла, причемъ эти огонь, вода и т. д. въ нашихъ тѣлахъ суть лишь слабые *отблески* величественныхъ огня, воды и пр. этого міроваго тѣла, послѣднимъ питаемые и поддерживаемые, такъ и дѣши, принадлежащія живымъ существамъ и оживляющія ихъ, суть лишь слабые части одной совершенной „міровой“ души, оживляющей міровое тѣло. И какъ и въ насъ при *ἄπειρον*, *πέρας* и *μικτόν*,—*κοινόν* то жъ,—есть нѣкоторая *αἰτία*, которая и тѣло направляетъ къ тому, чтобы оно правильно развивалось, а въ случаѣ разстройства здоровья его исцѣляетъ, и самую душу дѣлаетъ такую, какова она есть, вообще всѣмъ въ насъ и въ окружающемъ насъ мірѣ распоряжается къ лучшему,—а имя этой *αἰτία* есть *σοφία*,—такъ и въ общемъ *κόσμος* при его *ἄπειρον*, *πέρας* и *μικτόν* должна быть такая же *αἰτία*, такой же *νοῦς* (*σοφία* то-жъ), который опять таки, будучи совершеннѣй, чѣмъ въ нашемъ маленькомъ человѣческомъ мірѣ, производитъ въ этомъ общемъ *κόσμος* болѣе совершенное и болѣе прекрасное. Отъ этого то общаго *νοῦς* опять таки исходитъ и имъ поддерживается—въ нашей человеческой душѣ слабѣйшій *νοῦς*, у Зевса же—царственный (какъ и сама душа его царственна), а у другихъ боговъ—такой или иной, смотря по тому, что „каждому изъ нихъ любо“. Итакъ, нами выяснена принадлежность *τῆς φρονήσεως* и *τῆς ἡδονῆς* къ такому или другому виду,—принадлежность *τῆς φρονήσεως* къ *αἰτία*, а *τῆς ἡδονῆς* къ *ἄπειρον*. Теперь, для рѣшенія вопроса о второмъ призвѣ предстоитъ намъ прослѣдить, гдѣ каждый изъ этихъ двухъ претендентовъ на второй призвѣ проявляется въ нашей человеческой жизни, и что происходитъ въ насъ, когда они проявляются. Какъ раньше мы подводили подъ „видъ“ *сначала ἡδονήν*, а *потомъ* только *φρόνησιν*, такъ и данный вопросъ будемъ рѣшать на первомъ мѣстѣ по отношенію къ *ἡδονῇ*. Но раньше я долженъ предупредить тебя, что

въ нашемъ вопросѣ ἡδονήν можно разсматривать лишь въ связи съ λύπη“.

— Если такъ нужно, то такъ и дѣлай.

„Затѣмъ я сразу вижу, что о проявленіи τῆς ἡδονῆς и вмѣстѣ съ τῆς λύπης мы можемъ говорить только по отношенію къ κοινόν“.

— Къ какому это κοινόν?

„Къ тому же самому κοινόν, на которое мы указывали, когда мы разъясняли третій видъ въ τὰ ὄντα“.

— Стало быть, къ здоровью, да?—о гармоніи ты, помнится, также говорилъ, не такъ ли?

„Прекрасно ты вспомнилъ. Ты разсуди. Я утверждаю, что когда нарушается гармонія, тогда происходитъ боль, возстановленіе же гармоніи производитъ радость. Такъ, голодь, производящій боль, есть нарушеніе нормальнаго состоянія, и эта боль превращается въ удовольствіе, коль скоро станешь насыщать желудокъ. Есть, впрочемъ, другой видъ неприятныхъ и пріятныхъ состояній, чисто душевныхъ; это—ожиданіе въ будущемъ чего нибудь печальнаго и причиняющаго боль—съ одной стороны и чего нибудь хорошаго—съ другой. Этотъ видъ радости и печали ты хорошо замѣтъ; тутъ строго различена печаль отъ радости,—одно съ другимъ здѣсь не смѣшано,—а это для нашего изслѣдованія весьма важно. Принятіе всѣхъ этихъ положеній въ такомъ видѣ, въ какомъ я ихъ представилъ, ведетъ тебя, однако, къ признанію, помимо радостнаго и печальнаго настроенія, еще третьяго состоянія,—того состоянія, которое бываетъ, когда гармонія ни не нарушается, ни не возстанавливается. Это состояніе не предполагаетъ ни печали, ни радости. Оно намъ напоминаетъ ту „исключительно-разумовую“ жизнь, о которой мы говорили раньше, какъ о божественной, такъ какъ, дѣйствительно, божеству не приходится ни печалиться, ни радоваться. Это обстоятельство также слѣдуетъ запомнить, такъ какъ оно при присужденіи втораго приза можетъ получить для φρόνησις весьма важное значеніе. А теперь вернемся къ разсмотрѣнію радости и печали“.

— Изволь.

„Мы выйдемъ отъ чисто душевной ἡδονή и λύπη. Нужно замѣтить, что чисто душевныя ἡδοναί и λύπαι происходятъ въ насъ только благодаря памяти, т. е. благодаря тому, что мы имѣемъ возможность вспомнить такія или другія ἡδονά; или

λόγος, которыя когда-то были нами испытываемы или, иначе говоря, проникли, какъ впечатлѣнія, черезъ наши тѣлесныя органы чувствъ въ нашу душу (другія могли остаться и незамѣченными душою). Мы понимаемъ, однако, и кстати тутъ же и замѣтимъ, что не однѣ „чисто душевныя“ ἡδοναὶ и λύκαι возможны при ρνήμη, но что вмѣстѣ съ тѣмъ возможны и ἐπιθυμίαι, и голодь, въ сущности, не есть одно только неприятное ощущеніе пустоты въ желудкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе (ἐπιθυμία) насыщенія. Такимъ образомъ то, что раньше было противопоставлено чисто душевной λύπη и ἡδονή, является чѣмъ-то не исключительно тѣлеснымъ, а смѣшаннымъ, причемъ душа сама отъ себя ἐπιθυμᾷ совершенно противоположнаго той боли, которую испытываетъ тѣло. Къ этой то ἐπιθυμία ужь потомъ присоединяется чисто душевная—или ἡδονή, если мы дѣйствительно ἐπιτίσομεν и προσδοκῶμεν скорого насыщенія (а тогда мы чувствуемъ одновременно и λύπην со стороны тѣла, и ἡδονήν со стороны души), или же λύπη, если мы οὐ προσδοκῶμεν и φοβούμεθα, что, быть можетъ, и не наступитъ насыщеніе (а тогда насъ терзаетъ двойная λύπη,—и со стороны тѣла, и со стороны души)“.

— Это вѣрно.

„Воспользуемся теперь только что добытымъ результатомъ для рѣшенія вопроса, всегда ли ἡδοναὶ и λύκαι бываютъ ἀληθεῖς, или же иногда и ψευδεῖς“.

— Какъ же, Сократъ, возможно, чтобы ἡδονή или λύπη была когданибудь ψευδής?

„Стало быть и φόβος не бываетъ никогда ψευδής?—а что же скажемъ мы о προσδοκία и δόξα“?

— Насчетъ возможности ψευδοῦς δόξης я спорить не стану, но ложность всего остального, а наипаче τῶν ἡδονῶν и λύπων, я отрицаю“.

„Значитъ, ни во снѣ, ни въ состояніи сумасшествія ни съ кѣмъ не бываетъ того, что онъ только мнитъ себя радующимся или печалющимся, а на дѣлѣ о радости или печали и рѣчи быть не можетъ“?

— Положимъ, съ такимъ недоумѣніемъ встрѣчаемся всюду, но справедливо ли оно или нѣтъ,—это вопросъ.

„Въ такомъ случаѣ мы рассмотримъ этотъ вопросъ. Ты, конечно, согласишься со мной, что если τῇ δόξῃ присуща или ἀλήθεια, или ψεῦδος, то сама δόξα черезъ это становится не просто мнѣніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстнаго качества мнѣніемъ. Неужели ἡδονή или λύπη должна быть мыслима безъ

всякаго дальнѣйшаго качества? Ты же самъ признаешь, что ἡδονή бываетъ и слабая, и сильная,—бываетъ она и дурная“...

— Такъ что же изъ этого?

„Такъ неужели мы, называя δόξα ложною, когда содержаніе ея ошибочно, не назовемъ и ἡδονήν и λύπην ложными, когда онѣ ошибаются насчетъ того, чему первая радуется и чѣмъ вторая печалится“?

— Назовемъ; но въ томъ то и дѣло, что сама ἡδονή никогда не ошибается; она есть всегда дѣйствительная, а ошибаться можетъ только δόξα, сопровождающая ἡδονήν.

„Да что же такое δόξα? Это есть рѣчь (λόγος), съ которою человѣкъ обращается къ себѣ или, можетъ быть, къ другимъ, и въ которой онъ послѣ нѣкотораго колебанія останавливается на чемъ нибудь, какъ окончательномъ, причесъ опоромъ ему служить,—во 1-хъ, впечатлѣнія отъ внѣшняго міра (а эти впечатлѣнія могутъ быть, особенно при слишкомъ большой отдаленности наблюдаемаго предмета, ложны), а во 2-хъ,—и память. При этомъ память представляетъ собою нѣчто вродѣ тетради, въ которую душа наша записываетъ весь этотъ λόγος со всѣми деталями процесса, доводящаго λόγον до δόξα. Но память представляетъ не только записную тетрадь, но и альбомъ съ живыми картинами, вполне соответствующими λόγῳ, своею живостью его дополняющими и притомъ правильными или ложными, какъ и самый λόγος. Эти то картины могутъ возникать во мнѣ не только по отношенію къ прошедшему или настоящему, но и по отношенію къ будущему времени, и если я хорошій человѣкъ и любимъ богами, то будущность будетъ мнѣ рисоваться въ правильномъ свѣтѣ, въ противномъ же случаѣ—въ ложномъ. Какъ бы то ни было, будущность рисуется такою или иною всякому; всѣ мы полны надеждъ, причемъ надежды суть не болѣе не менѣе, какъ тѣ же λόγοι, сопровождаемые картинами, въ которыхъ я вижу не только свою будущность, но и себя самого въ радостномъ настроеніи. Если такимъ образомъ ἐλπίδες,—эти чисто душевныя ἡδοναί, все равно какъ и λύπαι,—суть не болѣе, какъ λόγοι, то онѣ и должны имѣть качество τῶν λόγων, т. е. должны быть или ἀληθεῖς, или ψευδεῖς. Всякій λόγος всегда есть „дѣйствительный“, но это ему не мѣшаетъ быть и ложнымъ. Такъ и указанная здѣсь ἡδοναί будутъ всегда дѣйствительными, но это нисколько не мѣшаетъ имъ быть и ложными, точно также какъ могутъ быть ложными противоположныя ταῖς ἐλπίσι φόβοι“.

— Это вѣрно.

„Есть, Протархъ, еще другой родъ ложныхъ ἡδοναί и φόβοι. Я говорю о томъ состоянiи души, когда человѣкъ одно испытываетъ, а совершенно противоположнаго ἐπιθυμεῖ и ждетъ въ будущемъ. И не видитъ ли человѣкъ это будущее, такъ какъ оно отдалено, совершенно иначе, чѣмъ оно будетъ въ дѣйствительности? Отдаленный по мѣсту предметъ кажется намъ меньше, чѣмъ онъ въ дѣйствительности; то же бываетъ и съ предметами отдаленными по времени, и часто ощущенiе τῆς ἡδονῆς заглушается ощущенiемъ τῆς λύπης и наоборотъ (совершенно понапрасну, значить, является ψεῦδος) только лишь потому, что одно изъ этихъ ощущенiй передъ глазами, а другое отдалено“.

— И это вѣрно.

„Не „настоящую“ радостью нужно считать и то состоянiе (принимаемое, однако, многими за „радостное“), когда человѣкъ уже успѣлъ освободиться вполнѣ отъ какой нибудь боли въ тѣлѣ,— когда тѣло его, (а о тѣлѣ только и можетъ быть рѣчь въ данномъ случаѣ) уже пришло въ совершенно нормальное состоянiе, и когда печаль отъ нарушенiя этого состоянiя и радость отъ возстановленiя его уже прошли. Если ты возразишь мнѣ, что такое состоянiе невозможно, такъ какъ тѣло находится въ постоянномъ движенiи, а слѣдовательно въ постоянной φόρᾳ и καταστάσει, то вѣдь только крупныя φόραί и καταστάσεις проникаютъ въ душу, возбуждая то печаль, то радость, мелкiя же φόραί и καταστάσεις остаются незамѣченными душею, не чувствуются ею и должны сопровождаться чѣмъ то третьимъ *помимо* радости и печали“.

— Я согласенъ, что это третье *нужно* признать, какъ нѣчто отличное не только отъ радости, но и отъ печали, и какъ существующее *рядомъ* съ поименованными двумя состоянiями.

„Да, Протархъ, есть цѣлый классъ людей, которые, дѣйствительно, не видятъ въ этомъ третьемъ никакой радости, но вмѣстѣ съ тѣмъ они,—не потому, что глубоко внизли въ дѣло, а просто по какой то благородной „угрюмости“ своего характера,— настаиваютъ на томъ, что вообще никакой радости нѣтъ, и что вся привлекательная сторона того, что мы называемъ радостью, есть γοῦτημα, а не радость. Послушаемъ и мы этихъ мудрецовъ, не для того, чтобы самимъ сдѣлаться сторонниками ихъ ученiя, а въ виду того, что бесѣда съ ними доведетъ насъ до познанiя истинныхъ ἡδοναί, которыя мы наконецъ противопоставимъ тѣмъ

ложнымъ ἥδοναι, разсматриваніемъ которыхъ мы занимались до сихъ поръ. Они говорятъ приблизительно такъ. Кто хочетъ познать сущность твердости, тотъ долженъ разсматривать твердость на тѣхъ предметахъ, на которыхъ она проявляется въ самой сильной степени. Точно также тотъ, кто желаетъ познать сущность такъ называемой радости, тотъ долженъ разсматривать эту радость въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она проявляется въ самой сильной степени. Понятно, что ἥδονή сильнѣе, гдѣ сильнѣе ἐπιθорία, а сильная степень τῆς ἐπιθорίας есть несомнѣнно признакъ болѣзненности, относится ли эта болѣзненность къ тѣлу (обратимъ вниманіе на жажду у находящагося въ лихорадѣ), или къ душѣ (извѣстно, что только здоровые душою держатся мудрой пословицы: μηδὲν ἄγαν). Когда у человѣка сильная чесотка, и онъ начинаетъ расцарапывать больное мѣсто, доводя себя до такого состоянія, что яростно кричитъ отъ... радости (!), то называть ли намъ это радостью, или же скорѣе печалью? Это не радость и не печаль, а просто зло, какое то σφιχτόν κακόν (смѣсь изъ печали и радости). Такая смѣсь радости съ печалью, которую мы принимаемъ то за печаль, то за радость, смотря по тому, что въ ту или другую минуту преобладаетъ,—такія, я говорю, ρίξαις бываютъ или чисто тѣлесныя, или чисто душевныя, или душевно-тѣлесныя. Чисто тѣлесную ρίξαις мы сейчасъ видѣли на чесоткѣ. Душевно-тѣлесную ρίξαις печали съ радостью слѣдуетъ усматривать во всякомъ такомъ состояніи, когда тѣло чувствуетъ боль, а душа съ радостью ждетъ уничтоженія этой боли. Чисто же душевныя ρίξαις бываютъ во всякомъ порывѣ гнѣва, страха, тоски, любви, ревности, зависти и т. п. Не напрасно Омиръ говоритъ, что гнѣвъ, точно *сладкій медъ*, вкрадывается въ душу. Даже тогда, когда смотрять какую нибудь трагическую сцену, мы замѣчаемъ, что люди—съ одной стороны восторгаются, а съ другой—и плачутъ. Не иначе слѣдуетъ говорить о душевномъ настроеніи, вызываемомъ комическими сценами“.

— Вотъ этого я ужъ совсѣмъ не понимаю.

„А это я тебѣ сейчасъ объясню. Слово „зависть“ у насъ принято понимать въ смыслѣ нѣкоторой λότης, не такъ-ли?“

— Такъ.

„Но завистливый не радуется ли собственно бѣдѣ ближняго?“

— И очень.

„Бѣдою же не бываетъ ли у людей прежде всего невѣжество?“

— Да.

„А невѣжество не есть ли нѣчто противоположное тому, къ чему насть направляетъ дельфійская надпись *γυῶθι σεαυτόν*“.

— Да.

„Это то невѣжество раздѣляется на три вида. Или люди думаютъ, что они имуществомъ богаче, чѣмъ они на дѣлѣ, или они смотрятъ на себя, какъ на красавцевъ, когда они вовсе не красавцы, или же (а это бываетъ чаще всего) мнятъ себя обладателями добродѣтели вообще и мудрости въ частности, въ то время когда они—глупцы. Когда человѣкъ, проявляющій невѣжество въ какомъ нибудь изъ указанныхъ отношеній, играетъ видную роль въ обществѣ, то мы не можемъ надъ нимъ смѣяться, такъ какъ онъ можетъ намъ отомстить, и смотримъ на него, какъ на своего врага и ненавидимъ его. Но надъ человѣкомъ невѣжественнымъ и притомъ слабымъ по своему общественному положенію, значить,—такимъ, что онъ намъ вредить, а слѣдовательно быть нашимъ врагомъ не можетъ, мы любимъ посмѣяться, и тутъ то и возникаетъ комизмъ не только на сценѣ, но и въ жизни. Смѣяться же значить радоваться, радоваться невѣжеству ближняго значить радоваться его бѣдѣ, а радоваться бѣдѣ ближняго значить обнаруживать зависть, т. е. чувство, которое есть и *λοπήρον*; выходитъ, что настроеніе души, вызываемое комизмомъ, есть такая же *μῖσις λοπῶν καὶ ἡδονῶν*, какъ настроеніе, вызываемое трагизмомъ, — жизненнымъ ли, сценическимъ ли,—все равно“.

— Съ этимъ нельзя не согласиться.

„Дольше, кажется, останавливаться здѣсь не на чемъ. Если и есть, быть можетъ, какія нибудь недомолвки, то ихъ оставимъ ужъ на слѣдующій разъ. Сказанное же здѣсь даетъ намъ полное основаніе утверждать, что все, что мы называемъ *πάθημα*, будь это *πάθημα* чисто тѣлесное, или чисто душевное, или душевно-тѣлесное, полно *συγχεκραμένης ἡδονῆς λόπαις*, и трудно говорить здѣсь о настоящей *ἡδονῇ*.“

— Такъ гдѣ же, Сократъ, *ἀληθεῖς ἡδοναί*.

„Онѣ есть. Изъ за нихъ, т. е. изъ за того, чтобы онѣ были виднѣе, я и приводилъ все сказанное. Есть нѣкоторыя совершенно чистыя *ἡδοναί*, появленіе которыхъ не сопряжено ни съ какою *λόπη*, и если самого предмета, возбуждающаго такую *ἡδονήν*, нѣтъ, то его отсутствіе нами не чувствуется. Къ такимъ *ἡδοναί* принадлежатъ: 1) лицезрѣніе красоты,—не такой красоты,

какъ ее обыкновенно понимаютъ, т. е. не *предметовъ*, красивыхъ благодаря чему то постороннему, а *самого того, что дѣлаетъ* предметы красивыми, и что есть красота *сама по себѣ* т. е. правильности чертъ, соразмѣрности, чистаго цвѣта; 2) выслушивание гладкихъ и ясныхъ тоновъ,—не того, стало быть, что красиво благодаря этимъ тонамъ, а самихъ этихъ тоновъ; 3) ощущение хорошаго запаха; послѣдняя ἡδονή, впрочемъ, менѣе божественна, чѣмъ первыя двѣ, но то обстоятельство, что и это ощущение можетъ не быть сопряжено съ λόπη, ставитъ его на ряду съ первыми двумя. (Ты понимаешь, что вездѣ я имѣю въ виду и различаю двойкаго рода ἡδονάς: восприниманіе красиваго *самого по себѣ* и восприниманіе *предмета*, красиваго благодаря чему то постороннему); 4) приобрѣтеніе знаній. И приобрѣтеніе знаній есть ἡδονή καθάραι и не сопряжено съ λόπη. Я не говорю здѣсь о *жаждѣ* знаній и о томъ сожалѣніи, которое въ насъ пробуждается, когда мы потеряли знаніе,—когда мы то или другое забыли. Эта жажда и это сожалѣніе суть, конечно, λύπαι, но эти λύπαι пробуждаетъ въ насъ уже разсудокъ (λογισμός), само же приобрѣтеніе или забвеніе познаній совершается въ насъ безъ всякой λύπαι, на равнѣ съ первыми тремя ἡδοναί“.

„Вотъ тебѣ, Протархъ, καθάραι ἡδοναί, не сопровождаемыя никакими λύπαι. Въ нихъ нѣтъ и той неугомонности,—желанія всегда чего то другого и большаго (ἀμετρία),—какая была въ прежнихъ ἡδοναί; въ нихъ есть ἐμμετρία. Ихъ мы не поставимъ подъ видъ τοῦ ἀπειροῦ, какъ прежнія, а причислимъ ихъ къ τὰ ἕμετρα. А теперь мнѣ отвѣть: видишь ли ты ἀλήθειαν въ томъ σφοδρόν и πόλιν и μέγα первыхъ ἡδοναί, или же скорѣе въ этомъ εἰλικρινές и καθάρων, хотя бы оно и было самое незначительное, вторыхъ ἡδοναί? Видишь ли ты,—я остаюсь въ области самихъ вторыхъ ἡδοναί,—видишь ли, говорю я, больше правды хотя бы въ самой незначительной по объему, но *чистой* бѣлизнѣ, чѣмъ въ бѣлизнѣ, хотя бы занимающей самую большую площадь, но при этомъ загрязненной другими цвѣтами? Видишь ли правду и въ ἡδονῇ, загрязненной λύπαις, или же ты ее усматриваешь скорѣе въ послѣднихъ ἡδοναί, которыя суть ἄλοποι?“

— Конечно, въ послѣднихъ, которыя суть ἄλοποι.

„Еще одно. Тонкіе мыслители говорятъ, что ἡδονή есть только γένεσις, и что въ ней οὐσία нѣтъ. Это положеніе придется разъяснить“.

— Разъясняй.

„Постоянно встрѣчаемъ въ мѣрѣ нѣчто двойное,—одно, существующее *само въ себѣ*, а другое, *стремящееся* въ первому. Такое двойное представляютъ собою напр.—любимецъ съ одной стороны и любящій—съ другой. Ты мнѣ представь другой какойнибудь примѣръ въ области тѣхъ *отношеній*, о которыхъ мы говоримъ, какъ о чемъ-то *третьемъ* между двумя предметами.“

— Я не вполне понимаю.

„Я ничего труднаго не спрашиваю. Вопросъ, который здѣсь не я поставилъ, а который вызванъ самимъ ходомъ разсужденія, насъ съ тобою немного сбиваетъ. Проще будетъ поставить его такъ: Рѣчь идетъ о существованіи чего то *двойнаго*, какъ вполне *готоваго*; одно „существуетъ“, какъ нѣчто *готовое*, ради другого, а это другое *тоже* „существуетъ“, какъ нѣчто *готовое*, но изъ за него чтонибудь третье, для достиженія „существующаго“, „дѣлается“ (*γίνεται*)“.

— Насилу я понялъ.

„Ты поймешь больше при дальнѣйшемъ разсужденіи. Ты различи въ самомъ дѣлѣ: „дѣланіе“ чегонибудь (*γένεσιν*) и *готовый* предметъ (*ὄνεια*)“.

— Различаю.

„Теперь я спрошу тебя: существуетъ ли въ мѣрѣ „дѣланіе“ ради *готовыхъ* предметовъ, или же, наоборотъ, *готовые* предметы существуютъ ради „дѣланія“?“

— Ты меня спрашиваешь, существуетъ ли напр. кораблестроеніе ради кораблей, или корабли ради кораблестроенія?

„Да, именно нѣчто въ этомъ родѣ я имѣю въ виду въ своемъ вопросѣ.“

— Такъ ты бы и отвѣтъ на этотъ вопросъ представилъ.

„Я представляю, и ты смотри, такъ ли я отвѣчаю. Я бы сказалъ, что есть *инструменты*, какъ нѣчто готовое, которые существуютъ ради „дѣланія“, и есть „дѣланіе“, которое существуетъ ради другихъ, опять таки „изготавливаемыхъ“ и имѣющихъ быть *готовыми* предметовъ“.

— Это ясно.

„Такимъ образомъ, если *ἕδονή* есть *γένεσις*, а не *ὄνεια*, то она должна здѣсь быть *ради* какой-нибудь, отличной отъ нея, *ὄνεια*.“

— Вѣрно.

„А что же имѣетъ право быть скорѣе отнесеннымъ въ *ἄγαθά*?—та *ὄνεια*, ради которой существуетъ *γένεσις*, или сама

γένεσις, которая существуетъ лишь ради чего-нибудь другого?“

— Конечно, οὐσία.

„А потому, Протархъ, зло насмѣхаются надъ принимающими ἡδονήν за ἀγαθόν тѣ, которые объявляютъ ее за простую γένεσιν. Зло насмѣхаются они надъ тѣми, которые готовы терпѣть и жажду, и голодъ, и все, лишь бы въ нихъ эта γένεσις совершалась, — та γένεσις, которая имѣетъ и свою φθорάν. Въ самомъ дѣлѣ, предпочитающій *эту* жизнь предпочитаетъ именно только γένεσιν и φθорάν и тѣмъ самымъ отказывается отъ *той* жизни, гдѣ *безъ радости*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *безъ печали* можно бы φρονεῖν ὡς οἷοντε χαράωτατα. Не странно ли у этихъ людей и то, что они, не признавая никакого ἀγαθόν ни въ тѣлѣ, ни въ мірѣ вообще, а признавая его только въ человѣческой душѣ, а здѣсь усматривая его *только* въ ἡδονῇ, вмѣстѣ съ тѣмъ не ставятъ ни вочто ἀνδρείαν, σωφροσύνην и другія душевныя доблести, такъ что найдоблестнѣйшій человѣкъ, разъ онъ чувствуетъ λύπην, долженъ быть по ихъ мнѣнію κακός, и наоборотъ, самый развращенный въ душѣ человѣкъ, разъ онъ наслаждается ἡδονῇ, будетъ у нихъ ἀγαθός.“

— Да, все это крайне бессмысленно, Сократъ.

„Разберемъ теперь, какъ разобрали ἡδονήν, также всесторонне и νόον и его ἐπιστήμην, чтобы, нашедши самый чистый видъ τῆς ἐπιστήμης, потомъ, когда будемъ ἐπιστήμην и ἡδονήν соединять воедино, имѣть передъ собою „истинныя“ части того и другого.“

— Прекрасно.

„Наша ἐπιστήμη или проявляется въ томъ нашемъ „производительствѣ“, которое мы предпринимаемъ для общаго пользованія на основаніи такой или другой „науки“, или имѣетъ чисто самообразовательный характеръ. Въ первой ἐπιστήμῃ, т. е. въ такъ называемыхъ спеціальностяхъ *ремесленною* характера, если отнять ариметику, метретику и статистику, остается *очень немною* чисто научнаго. Въ музыкѣ, напр. то, на чемъ у насъ обыкновенно построено улавливаніе высоты того или другого тона, есть простое *гаданіе*, требующее продолжительнѣйшаго упражненія и многотрудной выработки навыка. То же самое почти можно сказать о врачебномъ искусствѣ, агрономіи, кораблеуправленіи и стратегическомъ искусствѣ. Еще скорѣе всего приобѣгаютъ къ точнымъ математическимъ наукамъ всякаго рода спеціальности по строительной части.

„Только послѣднія, т. е. точныя математическія науки (арифметика, геометрія, логистика и т. д.) представляютъ собою во всѣхъ разобранныхъ „спеціальностяхъ“, если таковыя къ нимъ прибѣгаютъ, нѣчто такое по отношенію къ чистотѣ τῆς ἐπιστήμης, что по отношенію къ чистотѣ τῆς ἡδονῆς представляли собою лицезрѣніе красоты, выслушиваніе гладкихъ и ясныхъ тоновъ и т. д. Но какъ тамъ мы различали два вида чистыхъ ἡδοναί, изъ коихъ одинъ былъ гораздо выше другого, такъ и здѣсь мы должны различать два вида математическаго знанія: одно есть математическое знаніе *практиковъ*, а другое, гораздо выше перваго, математическое знаніе *философствующихъ*, занимающихся не считаніемъ быковъ, какъ торговцы, и не выстругиваніемъ круга по циркулямъ, какъ строители, а уразумѣвающихъ единицу, какъ нѣчто недѣлимое, кругъ въ его отвлеченномъ отъ круглыхъ предметовъ видѣ и т. д.

„Къ этому то высшему математическому знанію по степени чистоты присоединяется и даже превосходитъ его, занимая въ этомъ отношеніи *первое* мѣсто между знаніями, другая ἐπιστήμη, которая есть „наука наукъ“, — діалектика. Она-то способна раскрыть намъ то вѣчное, никогда неизмѣняющееся, по истинѣ „существующее“ (въ противоположность къ *преходящимъ* явленіямъ), которому посвящаютъ *всю* свою жизнь *великіе* люди занимаясь имъ въ области *великихъ* предметовъ, каковы вся природа и вселенная, но безъ діалектики, могутъ высказать о немъ однѣ лишь δόξαι, а не что-нибудь прочное. Если другіе предъ тобою до небесъ превозносятъ риторикѣ и указываютъ тебѣ на то, что она способна подчинить себѣ *все*, располагая средствами не принудить, а силою убѣжденія склонить къ чему найдешь нужнымъ, то такія похвалы не должны тебя сбивать. Пусть риторика служитъ громаднѣмъ орудіемъ вліять на другихъ, пусть она приноситъ громадную пользу въ практической жизни, мы спрашиваемъ здѣсь не о *размѣрахъ* пользы, а объ *истинности* и *прочности* знаній, хотя бы то было въ самомъ *незначительномъ* объемѣ. Риторика относится къ діалектикѣ въ данномъ случаѣ такъ, какъ та громадная площадь загрязненной бѣлизны къ *чистой*, хотя бы и на самой незначительной площади, бѣлизнѣ въ вопросѣ объ ἡδονῇ. И если *къ* чему примѣнимы νόος и φρόνησις (=разумѣніе), — эти самыя дорогія для насъ имена, — то это *прежде* всего къ діалектикѣ, а за ней къ тѣмъ *точнымъ* наукамъ, о которыхъ мы говорили выше,

— Я съ этимъ согласенъ.

„Теперь мы, отыскавъ чистый видъ τῆς ἡδονῆς и τῆς φρονήσεως, должны бы приступить къ сліянію воедино τῶν ἡδονῶν и τῶν ἐπιστημῶν. Но предварительно возстановимъ въ памяти вкратцѣ весь ходъ нашей бесѣды. Филіевъ утверждалъ, что *радость* есть прямая цѣль всѣхъ живыхъ существъ, и что къ ней должны всѣ стремиться; она де есть „само“ благо, и слова „благо“ и „радость“ суть де только два разныхъ названія для одного и того же. Сократъ же утверждалъ,—вопервыхъ, что соотвѣтственно двумъ *разнымъ* словамъ мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ и съ двумя *разными* ихъ содержаніями, а вовторыхъ, что „причастна“—то къ содержанію τοῦ ἀγαθοῦ скорѣе φρόνησις, чѣмъ ἡδονή. Затѣмъ мы раскрыли содержаніе слова τὸ ἀγαθόν въ томъ смыслѣ, что τὸ ἀγαθόν, у кого оно пребываетъ во *всей* своей полнотѣ, должно само себя удовлетворять и не исвать другого чего-нибудь вдобавокъ къ себѣ. Этого удовлетворенія самому себѣ мы, рассматривая *особо* жизнь исключительной радости и *особо* жизнь исключительнаго разума, не нашли у *человѣка* ни въ ἡδονῇ, такъ какъ сама наличность ея обусловлена дознаніемъ этой наличности *разумомъ*, ни въ φρόνησις, такъ какъ мы не могли себѣ представить, чтобы *человѣкъ* могъ жить хорошо безъ *всякой* радости. Такимъ образомъ мы дошли до необходимости μὴ γίνεσθαι τὰς ἡδονὰς и разные виды проявленія τῆς φρονήσεως, находя въ этой *μῆτις* то загороженное—было со всѣхъ сторонъ жилище, въ коемъ непремѣнно должно скрываться ἀγαθόν, и вопросъ шель уже не о первомъ, но во всякомъ случаѣ о второмъ призвѣ и о томъ, кому этотъ второй призъ присудить,—ἡδονῇ ли, или φρονήσι. Мы рассмотрѣли отдѣльные виды τῶν ἡδονῶν и отдѣльные виды проявленія τῆς φρονήσεως, отдѣлили въ тѣхъ и другихъ *хадарά* отъ менѣе *хадарά*, и теперь предстоитъ принять намъ самое *μῆτις*, чтобы разрѣшить поставленный нами вопросъ. Конечно, *καλή* (=правильная) *μῆτις* даетъ намъ право рассчитывать на то, что мы въ ней скорѣе найдемъ искомое, чѣмъ если бы она была произведена нами какъ-нибудь *неправильно*. Итакъ, съ помощью боговъ, приступимъ къ *μῆτις*“.

— Такъ.

„Казалось бы, что прежде всего слѣдуетъ соединить самый чистый видъ τῆς φρονήσεως съ самымъ чистымъ видомъ τῆς ἡδονῆς. Пусть, въ такомъ случаѣ, будетъ на свѣтѣ такой *человѣкъ*, φρόνησις котораго ограничивается уразумѣніемъ, чтó такое

διχαοοβνη сама по себѣ, что такое кругъ самъ по себѣ,—словомъ, уразумѣніемъ того вѣчнаго, прочнаго, неизмѣняющагося, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неосвязаемаго и невидимаго, до котораго, какъ мы раньше говорили, должна доводить насъ діалектика. Объ *освязаемыхъ* кругахъ и шарахъ и т. д.,—словомъ о тѣхъ матеріальныхъ и постоянно измѣняющихся предметахъ, которые лишь въ несовершенномъ видѣ дѣлаются такъ или иначе „причастнымъ“ къ совершенному и невидимому, онъ не будетъ имѣть ни малѣйшаго понятія“.

— Смѣшнаго человѣка рисуешь намъ, Сократъ.

„А что? Можетъ быть, ты находишь нужнымъ „примѣшать“ и знаніе этихъ земныхъ несовершенныхъ линеекъ, круговъ и т. д.“

— Я думаю; иначе, такой человѣкъ себѣ и дороги домой не найдетъ, не говоря ужъ о томъ, что самого то дѣла не построитъ.

„Можетъ быть, намъ слѣдуетъ „примѣшать“ знаніе той музыки, которая у насъ оказалась въ практикѣ построенною по большей части на одномъ гаданіи?“

— Это мнѣ кажется *необходимымъ*, если наша жизнь должна быть хоть сколько-нибудь похожа на жизнь.

„Быть можетъ, тебѣ угодно, чтобы я, какъ плохой привратникъ, поддался напору *всей* этой массы цѣпляющихся одно за другое знаній, отворилъ дверь настежь и впустилъ ихъ всѣ?“

— Да я вообще не вижу, какое изъ знаній могло бы намъ принести что-нибудь другое, кромѣ пользы, разъ мы обладаемъ „чистыми“ знаніями.

„Хорошо, они впущены мною всѣ. Что же теперь прикажешь дѣлать съ ἡδοναί? Не открыть ли и имъ дверь настежь?“

— На счетъ ἡδοναί дѣло другого рода. Осторожность, кажется, требуетъ, чтобы впущены были сначала только καθαρὰ ἡδοναί.

„Я исполняю твое желаніе. Но что же дальше? Очевидно, въ вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли или нѣтъ такую или другую ἡδονή принять въ нашъ крѣпость, надлежитъ руководиться тѣмъ же, чѣмъ мы руководились при принятіи въ него τῶν ἐπιστημῶν, т. е. годностью и пользою для такого μὴ τὸς βίος.“

— Да, но какъ же намъ это сдѣлать?

„Лучше всего спросить самыя ἡδονάς и ἐπιστήμας. На счетъ ἡδοναῖ дѣло, кажется, просто. Онѣ, конечно, всѣ въ одинъ голось скажутъ, что вообще быть *одному* чему-нибудь, *безъ* соединенія съ чѣмъ-нибудь другимъ,—быть ему только въ *чистомъ* его видѣ,—невозможно на свѣтѣ и бесполезно; что же касается ихъ самихъ, то онѣ де предпочли бы съ-глазу-на-глазъ жить *именно* съ φρόνησις, которая, какъ вообще способная „сознавать“ все, „сознала“ бы и каждую изъ нихъ. Иначе, однако, выйдетъ должно-быть разговоръ съ φρόνησις. На вопросъ, нужны ли ей *еще* какія нибудь ἡδοναῖ, она намъ поставитъ *отъ себя* вопросъ: какія ἡδοναῖ? Мы тогда спросимъ еще яснѣе: кромѣ тѣхъ истинныхъ ἡδοναῖ, которыя мы къ тебѣ уже присоединили, нужны ли тебѣ еще тѣ μίγματα и σφοδρόταται ἡδοναῖ, о которыхъ у насъ шла рѣчь раньше? На этотъ вопросъ νοῦς и φρόνησις намъ, конечно, отвѣтятъ: Для чего Сократъ, могутъ намъ понадобится такія ἡδοναῖ,—онѣ, которыя для насъ представляютъ тысячи затрудненій и приводятъ своею бѣсноватостью въ крайнее волненіе тѣ души, въ которыхъ мы живемъ, не даютъ прежде всего намъ *самимъ* развиться, а наши плоды уничтожаютъ, внося въ души свою небрежностью къ намъ забывчивость и забвеніе. Что касается твоихъ „истинныхъ“ и „чистыхъ“ ἡδοναῖ, то ты такъ и знай, что мы съ ними, что называется, свои. Мы ничего не имѣемъ и противъ присоединенія къ намъ всякихъ другихъ ἡδοναῖ, которыя мирятся со здоровьемъ, благоразуміемъ, воздержаніемъ,—вообще съ „доблестью“,—и сопровождаютъ доблестъ такъ, какъ спутники сопровождаютъ своего бога. Но ἡδονάς, сопровождающихъ безуміе и всякое другое зло, присоединять къ νοῦς было бы крайнею нелѣпостью со стороны человѣка, который только къ тому и долженъ стремиться, чтобы вся эта μίξις и κράσις была какъ можно лучше (καλλίστη), чтобы въ ней одно къ другому шло (=чтобы она была ἀστασιωτάτη), и чтобы онъ при помощи ея могъ узнавать, чтó для него и для всего того, что его окружаетъ, благо и полезно, и, по возможности, позналъ бы и самую идею блага“.

— Я согласенъ съ тѣмъ, что отъ φρόνησις и νοῦς много отвѣта ждать нельзя.

„А для того, чтобы эта μίξις была дѣйствительно καλλίστη и ἀστασιωτάτη,—для того, чтобы въ тѣхъ ἡδοναῖ, которыя νοῦς допускаетъ къ себѣ помимо вышешоименованныхъ ἀληθεῖς и χαθαραῖ, не оказались какія-нибудь незванныя ἡδοναῖ,—для этого,

согласись, нужно къ ней прибавить вообще „истинность“ (*ἀλήθειαν*). Трудно, вообще, чему бы то нибыло быть истиннымъ,— а наша *μῆτις* должна быть непременно таковою,—въ чемъ сама „истинность“ отсутствуетъ“.

— Конечно.

„Больше, я думаю, для нашей *μῆτις* не понадобится. Правильность ея, какъ и всякой *μῆτις*, обусловлена: 1) мѣрою, чтобы въ нее не вошло слишкомъ много или слишкомъ мало чего-нибудь; 2) соразмѣрностью (=красотою), чтобы одно шло къ другому, а затѣмъ, 3), какъ мы уже сказали въ частности о нашей *μῆτις*, „истинностью“. И если прежде жилище, въ которомъ пребываетъ *ἀγαθόν* нашей жизни, загорожено было для насъ со *всѣхъ сторонъ*, то теперь мы имѣемъ основаніе сказать, что въ *преддверье* этого жилища мы уже проникли; и хотя намъ нельзя похвалиться, что само это *ἀγαθόν во всей его наготѣ* передъ нами, тѣмъ не менѣе можемъ быть увѣрены, что съ этими тремя терминами, т. е. терминами мѣры, красоты и истинности, вполне захвачено и оно. Теперь спрашивается: съ чѣмъ же больше сродна „красота“,—съ *φρόνησις*, или же съ *ἡδοναί*, которыя иногда, хотя и мирятся со здоровьемъ напр., однако боются дневнаго свѣта? Конечно, съ *φρόνησις*. Съ чѣмъ же больше сродна „мѣра“,—съ *φρόνησις*, или съ *ἡδονή*, которая сама по себѣ не знаетъ мѣры? Опять съ *φρόνησις*. Такое же, если не большее, преимущество мы должны признать за *φρόνησις* передъ *ἡδονή* и относительно „истинности“. Ибо если *φρόνησις* и *ἀλήθεια* не есть просто таин нѣчто одно и то же, то во всякомъ случаѣ одно съ другимъ какъ нельзя больше сходится. Итакъ, Протархъ, безъ стѣсненія разглашай всюду и самъ, и черезъ пословъ, что *ἡδονή* не есть первое приобрѣтеніе, и даже не второе, а что если нашъ *βίος* есть вообще *μικτός*, то *первое* условіе для правильной *μῆτις* въ немъ есть *мѣра, умѣренность, своевременность*, второе—*соразмѣрность, красота*,—вообще, нѣчто *безъ недостатковъ* составленное и себя *ополнѣ удовлетворяющее*, а на третьемъ мѣстѣ уже можешь поставить,—но только не *ἡδονήν*, а именно *φρόνησιν*, объявленную нами за одинаковую съ *ἀλήθεια*; на четвертомъ мѣстѣ поставь *разныя знанія и искусства*, такъ какъ они все же, по вопросу объ *ἀγαθόν*, гораздо выше, чѣмъ вслкая, хотя бы самая чистая, *ἡδονή*, пятое мѣсто займутъ уже „чистыя“ и безпечальныя *ἡδοναί*, а что дальше слѣдуетъ, на томъ, какъ говоритъ Орфей, пусть пѣсня замолкнетъ. Остается теперь подвести итоги нашему разсужденію“.

-- Такъ и сдѣлаемъ.

„Противъ Филива, принимающаго за благо ἡδονήν во всей ея полнотѣ, я,—въ виду всего того, что потомъ въ нашемъ разсужденіи получило надлежащее выясненіе,—утверждалъ, что для *человѣческой жизни* *ἡδονή* есть нѣчто гораздо высшее и лучшее, чѣмъ ἡδονή. Конечно, я видѣлъ, что благаго для человѣка на свѣтѣ много, а потому и заявилъ, что бороться за *пальму первенства* для φρόνησις я не намѣренъ, но что *второй* призъ долженъ достаться ей, φρόνησις, а не ἡδονή. Дѣйствительно, вполне удовлетворяющею самое себя не оказалась въ *человѣческой жизни* ни ἡδονή, ни φρόνησις; но когда нами было найдено то третье, которое оказалось выше обонхъ нашихъ претендентовъ на второй призъ, то именно *ἡδονή* оказался ему болѣе родственнымъ, а не ἡδονή. Ἠδονή у насъ очутилась только на *пятомъ* мѣстѣ, первую же она для *человѣка* не окажется никогда, хоть бы всѣ быки, всѣ лошади и незнаю еще какія животныя заявили, что ее, и одну ее они ищутъ. И напрасно плотскія наслажденія и всякія ἡδοναὶ звѣрей принимаются за болѣе вѣскія доказательства, чѣмъ τῶ λόγῳ, когорые вѣщаетъ Муза философа“.

— Это вѣрно.

„Кажется, я кончилъ“.

— Кое что, Сократъ, осталось еще не выясненнымъ. Надѣмся, что ты, болѣе привычный къ такого рода бесѣдамъ, не отважешься выяснитъ намъ и это, если мы тебя попросимъ; я же тебѣ о недосказанномъ другой разъ напомню.

Вотъ что, по нашему мнѣнію, получило *только ясное* выраженіе въ „Филивѣ“. Кстати напомнимъ, что „Филивѣ“, весь какъ есть, представляетъ собою не болѣе какъ *одинъ*, правда широко развѣтвленный, силлогизмъ,—тотъ же самый силлогизмъ, который въ самомъ сокращенномъ видѣ Аристотель, ссылаясь при этомъ на Платона, приводитъ въ *Ником.* *поискѣ*. Надѣмся, что теперь читатель найдетъ наше прежнее о томъ заявленіе не безосновательнымъ. Думаемъ также, что представленнымъ нами изложеніемъ содержанія „Филива“ вполне достигнута и *ваша* *главная* цѣль. Сопоставивъ *наше* изложеніе съ „анализомъ“ Шаршмидта, читатель найдетъ, что такіе анализы, какой представляетъ Шаршмидтовскій анализъ „Филива“,—а то же самое Шаршмидтъ продѣлываетъ и съ другими діалогами,—слишкомъ поверхностны для того, чтобы можно было ими пользоваться для

проврѣрки „безусловно ясно“ засвидѣтельствованными діалогами другихъ сочиненій, которыя или дѣйствительно, или по мнѣнію Шаршмидта, Аристотелемъ вовсе не засвидѣтельствованы. Мы, по крайней мѣрѣ, при изученіи „Филива“ во всѣхъ его подробностяхъ, никакъ не могли найти въ немъ какого-нибудь отсутствія логической послѣдовательности (Mangel an logischer Consequenz), какихъ-нибудь неясностей и безсмыслицъ (Unklarheiten und Gedankenlosigkeiten), какой-нибудь діалогической жалкой композиціи (an der Hand der dialogischen Form ein leidliches Ganze), шаткости методики (es fehlt jede Sicherheit schulmässiger Methodik), дѣтской аргументаціи (kindisches Argument) или сбивчивости понятій (Schiefheiten und Doppelsinnigkeiten, welche aus der unklaren Vermischung empfangener und schlecht-verstandener, ohne logische Consequenz aneinander gebrachter Begriffe herkommen). Все это усмотрѣлъ Шаршмидтъ (и долженъ былъ усмотрѣть при такомъ неправильномъ анализѣ), чтобы затѣмъ, совершенно послѣдовательно, отвергнуть и самое сочиненіе. Въ одномъ мы съ Шаршмидтомъ согласны. Тѣхъ высокопатетическихъ мѣстъ, отсутствіе которыхъ мы замѣтили въ „Софистѣ“, объясняя его тамъ отсутствіемъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, самого Сократа, наблюдается и въ „Филивѣ“, несмотря на то, что здѣсь самъ Сократъ руководитъ бесѣдою. Шаршмидтъ это называетъ Blässe. Мы бы это назвали діалектическою осторожностью, въ противоположность божественной вдохновенности Сократа, проявляющейся въ другихъ діалогахъ. Последнее не есть непремѣнное условіе Платоновскихъ сочиненій. Въ „Фѣдрѣ“ (а его Шаршмидтъ признаетъ подлиннымъ), именно въ той его части, гдѣ Платонъ собственно переходитъ къ „діалектической“ разработкѣ своей темы (послѣ приведенія „образцовъ“ рѣчей), тоже наблюдается такая осторожность.

Переходимъ къ четвертому и послѣднему изъ тѣхъ основныхъ соображеній, которыя побудили Шаршмидта такъ сильно сократить *Corpus Platonicum*. Онъ опирается въ этомъ четвертомъ соображеніи на Шпенгеля и на слова Діогена Лаэртійскаго, который говоритъ (Cobet. Diog. III. 25), что есть *de λόγος πρῶτον γράψαι αὐτὸν τὸν Φαῖδρον καὶ γὰρ ἔχει μνηρὰ ὧδες τι πρόβλημα*. Шаршмидтъ полагаетъ, что изданіе „Фѣдра“ должно быть отнесено къ *очень раннему* возрасту Платона, такъ какъ въ самомъ діалогѣ упоминается объ Исократѣ еще какъ о *νέος*, а извѣстно де, что Исократъ родился даже нѣсколькими годами

раньше, чѣмъ самъ Платонъ. Если такимъ образомъ,—продолжаетъ Шаршмидтъ,—раннее появленіе діалога „Фэдръ“ внѣ всякаго сомнѣнія, то это бросаетъ странный свѣтъ на всю группу такъ называемыхъ Сократовскихъ діалоговъ, которые, по всей вѣроятности,—можно даже сказать, *настроено*,—появились *послѣ* смерти Сократа (откуда это знаетъ Шаршмидтъ?) и потому должны бы быть написаны Платономъ, если бы онъ былъ дѣйствительно ихъ авторомъ, лишь *послѣ* діалога „Фэдръ“. Это,—разсуждаетъ Шаршмидтъ,—невозможно, такъ какъ въ „Фэдрѣ“ Сократъ уже *высоко* идеализированъ, и рядомъ съ этимъ діалогомъ очень трудно устоять такимъ слабымъ, сравнительно, сочиненіямъ, какими представляются почти всѣ діалоги „Сократовской“ группы (Шаршмидтъ стр. 77; сравни и стр. 375).

Что касается словъ Діогена Лаертійскаго, то они не должны имѣть для насъ въ вопросѣ о времени изданія „Фэдра“ важнаго значенія. Главная задача „Фэдра“—разъясненіе различія между настоящимъ и кажущимся ораторомъ, и Діогеново *μυρακῶδες* можетъ быть отнесено развѣ лишь къ тому заманыванію въ свѣти соблазна, которое попало въ „образцовую рѣчь“, послужившую не *главною* темою разсужденія, а только *поводомъ* къ ней. (Вѣдь не „*юношески свѣжее*“ слѣдуетъ подразумѣваться подъ словомъ *μυρακῶδες*; ибо тогда *μυρακῶδες* будутъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ *очень* многіе діалоги Платона). Притомъ указываніе на *μυρακῶδες* носить на себѣ характеръ большаго субъективизма и чего-то таковаго, что не должно мѣшать отнести изданіе „Фэдра“, какъ мы то предположили и выше (смотри стр. 8), къ болѣе зрѣлымъ годамъ Платона. Говорить о *μυρακῶδες* въ Фэдрѣ совершенно неумѣстно особенно тогда, если весь сюжетъ Фэдра основанъ на реминисценціи факта *дѣйствительно имѣвшаго мѣсто* въ учительской дѣятельности Сократа.

Но нѣчто совершенно странное представляетъ собою разсужденіе Шаршмидта и въ другомъ отношеніи. Въ „Фэдрѣ“ Сократъ, разобравши рѣчь Лизія и доказавши, что составителю *настоящихъ λόγων* нужно быть непременно *философомъ*, которымъ де Лизій въ своей рѣчи вовсе не оказался, говоритъ Фэдру, чтобы онъ передалъ это мнѣніе своему другу (Лизію). Тогда Фэдръ обращается къ Сократу съ вопросомъ: Что же ты велишь передать *твоему* другу, Исократу? Сократъ,—этимъ кончается діалогъ,—отвѣчаетъ: Молоды онъ еще; но кажется мнѣ, что по своимъ дарованіямъ онъ выше Лизія, да и нравъ у него благород-

ный. Я не удивляюсь, если тѣ λόγοι, за которые онъ теперь принимается, современемъ возвысятъ его надъ другими составителями λόγων, словно надъ дѣтьми. А можетъ быть, эта его дѣятельность и не удовлетворитъ его, и къ чему-нибудь высшему будетъ его толкать его божественная „искра“. Сама природа вложила въ умъ этого человѣка какую то любовь къ мудрости.

Странность, на которую мы намекали, и которую позволилъ себѣ Шаршмидтъ, заключается въ томъ, что время *факта*, о которомъ говорится въ сочиненіи, онъ переноситъ на время *написанія* сочиненія. Изъ того, что въ „Фэдрѣ“ упоминается объ Исократѣ, какъ о молодомъ еще человѣкѣ (Шаршмидтъ употребляетъ выраженіе „jugendliches Alter“), выводится заключеніе, что діалогъ „Фэдръ“ и *написанъ* былъ Платономъ въ молодые годы Исократа, а слѣдовательно, еще въ болѣе молодые годы Платона (Платона, какъ извѣстно, считаютъ на семь лѣтъ моложе Исократа). Въ такомъ случаѣ напр. діалогъ „Протагоръ“, въ коемъ самъ главный собесѣдникъ, Сократъ, представленъ тоже еще молодымъ, а именно,—по сопоставленію разныхъ данныхъ, упоминаемыхъ въ этомъ діалогѣ,—приблизительно 36-и лѣтъ, долженъ бы быть написанъ Платономъ въ то время, когда его, Платона, совсѣмъ еще на свѣтѣ не было (ибо Платонъ еще только родился, когда Сократу было уже 40 лѣтъ). Къ такому абсурду, конечно, совершенно неприкосновененъ Шпенгель, на котораго Шаршмидтъ въ данномъ случаѣ ссылается, вовсе, оказывается, не усвоивъ его мысли.

Шпенгель (Isokrates и Platon, Abhandlgg. der K. bayr. Akad. d. Wiss. VII Bd., III. Absch. München 1855) подобралъ рядъ мѣстъ изъ сочиненій Исократа, въ которыхъ онъ видитъ или между строкъ, а то и прямо выраженные нападки вичливаго оратора на великаго философа, свидѣтельствующія де о такихъ личныхъ отношеніяхъ и о такомъ разладѣ во взглядахъ на вещи между Исократомъ и Платономъ, что при нихъ дѣлается немислимою та великая похвала, которой Платонъ въ своемъ „Фэдрѣ“ удостоилъ Исократа. По этому,—разсуждаетъ Шпенгель,—„Фэдръ“ долженъ былъ появиться еще до установленія этихъ личныхъ отношеній и этого разлада, то есть до достиженія Исократомъ 40-лѣтняго, а Платономъ 33-лѣтняго возраста, такъ какъ къ этому возрасту, приблизительно, нужно де отнести появленіе той рѣчи Исократа (κατὰ τὸν σοφιστῆν), въ которой впервые обнаруживаются эти отношенія.“

Все сказанное Шпенгель находить возможным утверждать на основаніи слѣдующихъ мѣстъ изъ Исократъ: κατὰ τῶν σοφιστῶν 1—8, περὶ ἀντιδόσεως 258—294, Παναθηναϊκός 26—32, Ἠλένη 1—7, Παναθηναϊκός 117 и Φίλιππος 12.

По нашему, Шпенгель смотритъ на Исократъ неправильно.

Исократъ въ своихъ рѣчахъ часто затрогиваетъ вѣчный вопросъ,—лучше ли учить молодежь тому, что непосредственно приходится практиковать въ жизни, или же слѣдуетъ держаться въ обученіи и воспитаніи юношества того „спекулятивнаго“ направленія, которое въ особенности въ его время получило столь широкое распространеніе.

Во второй части даннаго вопроса идетъ рѣчь о такихъ предметахъ, какъ геометрія, астрономія, „эристика“ и тому под. (καὶ τὰ τοιαῦτα τῶν μαθημάτων—περὶ ἀντιδ. 261), и Исократъ рѣшаетъ самый вопросъ *изъ пользы* названныхъ предметовъ. Это свое рѣшеніе онъ, впрочемъ, сопровождаетъ,—въ отрезвленіе „защитниковъ не по разуму“ „спекулятивныхъ“ предметовъ,—такимъ наставленіемъ, что де, конечно, люди вовсе не для того живутъ, чтобы сдѣлаться математиками, астрономами, эристами и т. д.; что находить цѣль жизни въ занятіяхъ этими предметами долженъ развѣ только тотъ, кто избралъ себѣ профессіей преподавать ихъ другимъ; что для другихъ они имѣютъ значеніе лишь нѣкоторой гимнастики ума“ (γυμνασία τῆς ψυχῆς—περὶ ἀντιδ.); что они хотя пригодны только для болѣе *зрѣлаго* возраста (ἀνδρακώτατα), но должны въ этомъ возрастѣ играть въ сущности ту же роль,—на высшей, конечно, ступени,—какую на низшей ступени играютъ грамматика, музыка и другіе школьные предметы *дѣтскаго* возраста, т. е. дѣлать ихъ способными рῶον καὶ θᾶττον τὰ οἰοδαίωτα καὶ κλειονες ἄξια τῶν παιγμάτων ἀποδέχουσαι καὶ μανθάνειν (περὶ ἀντιδ. 265).

Всякое такое разсужденіе о пользѣ „спекулятивныхъ“ предметовъ въ смыслѣ лишь орудія развитія *ума* учащейся молодежи,—повторяю,—высказывается не безъ тенденціи противъ излишне увлекающихся поклонниковъ этихъ предметовъ. Для усиленія этой тенденціи Исократъ любитъ приправлять такіа разсужденія колкими замѣчаніями особенно по адресу „эристовъ“. Это,—говоритъ онъ,—все люди, готовые наобѣщать молодежи такихъ вещей, какихъ они никогда не въ состояніи дать. Такъ, они любятъ увѣрять всякаго въ ихъ способности научить доблести (ἀρετῇ) и проповѣдуютъ, что вся эта *ἀνδρία*, *καρροσύνη*, *δικαιοσύνη* есть въ сущности нѣчто одно, *одна ἀρετῇ*,

и что эта ἀρετή не есть что-нибудь намъ прирожденное, а приобрѣтается одною лишь ἐπιστήμη (Елѣνῆ 1), которою они де и обладаютъ. Какъ будто въ самомъ дѣлѣ есть на свѣтѣ такая τέχνη, при помощи которой можно *вложить* (ἐνεργάσασθαι) эту ἀρετήν въ человѣка независимо отъ того, какова его φύσις,—хорошая, или дурная (περὶ ἀντιδ. 274).

И какую,—разсуждаетъ Исократъ дальше объ эристахъ,—особую пользу могутъ принести эти ихъ разные ученые диспуты (ἄριδες)? Я не удивлялся бы, если бы они такъ горячились изъ-за какихъ нибудь новыхъ открытій; а то вѣдь о всѣхъ этихъ матеріяхъ, о которыхъ они устраиваютъ диспуты, и даже о болѣе сложныхъ, давно уже все написано. Кто, въ самомъ дѣлѣ, теперь еще въ состояннн перещеголять какого нибудь Горгія, осмѣливавшагося сказать, что „ничего изъ τὰ ὄντα нѣтъ“, или Зинова, провозглашающаго одно и то же и возможнымъ, а съ другой стороны опять невозможнымъ, или Милисса, открывшаго, при безграничномъ количествѣ всевозможныхъ ὄντα, что „все“ есть „одно“? Не лучше ли бросить всю эту болтовню, которая направлена къ уличенію кого-то и чего-то. а на дѣлѣ сама давно уличена, и не лучше ли диспутировать съ юношами о вещахъ, болѣе полезныхъ для нихъ, какъ будущихъ гражданъ? (Елѣνῆ 1—5).

Шпенгель думаетъ, что Исократъ, посмѣиваясь надъ эристами, имѣетъ въ виду между прочимъ посмѣяться и надъ Платономъ, а въ мѣстѣ, гдѣ говорится о *единой* доблести и ея изучимости, онъ видитъ *прямое* указаніе именно на Платона и *только* на него. Но, во первыхъ, Исократъ нигдѣ Платона по имени не называетъ, *само же* слово „эристъ“, а главное,—то содержаніе, которымъ его Исократъ надѣляетъ въ перечисленныхъ выше мѣстахъ, не даетъ намъ *никакого* права думать о Платонѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если гдѣ, то именно у Платона слова „ἐριστής, ἐριστική“ τέχνη получили вполне презрительное значеніе, причемъ содержаніе его у Платона нисколько не отличается отъ того содержанія, какое ему придаетъ Исократъ.

Платонъ, выводя на сцену эристовъ (софисты то-жъ), любить, конечно, прежде всего поиронизировать надъ ихъ бесплоднымъ умничаніемъ и сбиваніемъ съ толку, посредствомъ не глубокой, но хлесткой фразы и посредствомъ разныхъ софизмовъ и риторическихъ уловокъ, такихъ же недалекихъ людей

какъ они сами. При этомъ онъ даетъ намъ почувствовать все превосходство надъ эристикю своей *диалектики*, какъ чего то, ведущаго съ полною твердостью, шагъ за шагомъ, къ такимъ результатамъ по разнымъ отраслямъ знанія, о вакихъ до Платона ни одному изъ эристовъ и не снилось.

Если указанная сторона эристики у Исократъ особенно не выдвинута, то она у Платона представляетъ сравнительно съ обрисовкою эристики у Исократъ лишь нѣкоторый плюсъ; а затѣмъ Платонъ, уже наравнѣ съ Исократомъ, постоянно по-смѣивается надъ софистами, какъ совершенно напрасно претендующими на обладаніе умѣніемъ научить кого-нибудь доблести. Представителемъ такихъ „учителей“ у Платона фигурируетъ Протагоръ. Выставивъ *именно* Протагора, точь-въ-точь какъ Исократъ (смотри у Исократъ 'Ελένη 2) защитникомъ мысли доблести о единствѣ и обладателемъ якобы такой *ἐπιστήμη*, при помощи которой *ἀρετή*, не коренящаяся де вовсе въ нашей φύσις, можетъ быть преподаана всякому такъ, какъ преподаются другія знанія, Платонъ, въ названномъ по имени этого софиста діалогѣ, доказываетъ всю *неправильность* такого взгляда на *ἀρετήν*, а слѣдовательно, самъ не имѣетъ *ничего общаго* съ нимъ. Если мы и слышимъ отъ Платона тезисъ, что *ἀρετή* есть *ἐπιστήμη*, то это нѣчто совершенно другое, чѣмъ проповѣдывали софисты,—нѣчто, провозглашеніе чего мыслимо было лишь *на развалинахъ* софистическаго ученія,—нѣчто, чего Исократъ во всѣхъ своихъ нападкахъ и намекахъ на „учителей доблести“ совершенно не имѣлъ въ виду. На *ἐπιστήμην* Платона въ *его* тезисѣ объ *ἀρετή* мы должны смотрѣть не какъ на какую-нибудь внѣшнюю τέχνην, которую можно и самому усвоить, и другому передать, какъ усваиваютъ и другимъ передаютъ умѣнье шить сапоги, и надъ приложеніемъ которой къ *ἀρετή* и смѣется Исократъ,—не въ болѣе, однако, степени, чѣмъ смѣется самъ Платонъ,—а какъ на преобладаніе въ самомъ добестномъ лицѣ „ознающаго“ разума надъ остальными сторонами души,—какъ на руководство „познающаго“ разума всею душевною жизнью человѣка. Такая *ἐπιστήμη*,—толкуетъ Платонъ въ противоположность взгляду Протагора на *ἀρετήν* и въ противоположность тому, на что *Исократъ* указываетъ, какъ на не нравящееся ему у софистовъ,—можетъ появиться въ человѣкѣ лишь при правильномъ, *гармоничномъ* сочетаніи разныхъ добрыхъ сторонъ τῆς φύσεως нашей

души, и сама есть не что иное, какъ хорошо направленная путемъ „воспитанія“ $\psi\acute{o}\sigma\kappa\ \tau\acute{\eta}\varsigma\ \phi\omega\chi\eta\varsigma$.

Платонъ проповѣдуетъ и *единство* $\tau\acute{\eta}\varsigma\ \acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\acute{\eta}\varsigma$, но опять таки въ совершенно другомъ смыслѣ, чѣмъ Протагоръ; и хотя Исократъ у себя дальше не разъясняетъ выраженіе „ $\mu\acute{\iota}\alpha\ \acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\acute{\eta}$ “, тѣмъ не менѣе несомнѣннымъ становится то, что нападки его относятся къ *Протагоровскому* пониманію единства, а не къ *Платоновскому*, такъ какъ о Протагорѣ только и идетъ рѣчь во всемъ томъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о $\mu\acute{\iota}\alpha\ \acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\acute{\eta}$. А разница между Протагоровскимъ единствомъ $\tau\acute{\eta}\varsigma\ \acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\acute{\eta}\varsigma$ и Платоновскимъ—существенная: Протагоръ, представляя себѣ разныя части $\tau\acute{\eta}\varsigma\ \acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\acute{\eta}\varsigma$, какъ части *одного цѣлаго*,—какъ части лица (носъ, уши, глаза и. т. д.), допускалъ, что могутъ быть люди въ этомъ отношеніи безглазые, но съ носомъ, безносые, но съ глазами и. т. д., а Платонъ говоритъ, что разныя части $\tau\acute{\eta}\varsigma\ \acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\acute{\eta}\varsigma$ суть только разныя внѣшнія проявленія одной и той же $\psi\acute{o}\sigma\kappa$ души, и что разъ мы въ однихъ случаяхъ проявляемъ *одну* часть, или лучше,—одну сторону $\tau\acute{\eta}\varsigma\ \acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\acute{\eta}\varsigma$, то не можемъ въ другихъ случаяхъ не проявлять и другой ея стороны.

Нельзя не назвать неосторожностью со стороны Шпенгеля и то, что въ нападкахъ Исократа на софистовъ за „ихъ ученые диспуты на старыя тезисы Георгія, Зинова, Мелисса“ и т. п. онъ видитъ намеки на Платона. Хотя Платонъ въ своихъ сочиненіяхъ и разсуждаетъ о тезисахъ Мелисса и другихъ, но эти разсужденія *въ его діалогахъ*,—а въ школѣ онъ, надобно полагать, велъ себя не иначе,—производятъ впечатлѣніе не „ученыхъ диспутовъ на старыя тезисы“,—впечатлѣніе не какого-то школьнаго передѣлыванія тѣхъ или другихъ теоремъ такимъ же путемъ, какимъ тѣ же самыя теории давно уже усвоены „наукою“,—впечатлѣніе, стало быть, не чего то такого, отъ чего въ результатѣ должна получиться или вящая побѣда давно уже извѣстнаго тезиса, или поражение его другимъ, такимъ же, быть можетъ, старымъ тезисомъ, а впечатлѣніе личной ориентировки Платона среди того философскаго тумана, въ который онъ, самъ философъ, былъ поставленъ исторіею, и изъ котораго онъ, отдѣлываясь въ немъ ироніею отъ одного, разбирая діалектически другое, а кое что и поэтизируя себѣ и усваивая какъ способное вдохновить и поддержать его самого, имѣеть вывести философскую мысль на совершенно новую дорогу.

Напрасно также Шпенгель ищет какое-то скрытое порицание (einen versteckten Tadel) Платону въ словахъ Исократата, обращенныхъ къ Филиппу въ рѣчи Φίλιππος § 12. Рѣчь эта, какъ извѣстно, написана уже послѣ смерти Платона и въ указанномъ мѣстѣ читается такъ: Ἠβουλήθη ποιῆσαι φανερόν, ὅτι τὸ μὲν ταῖς πανηγύρεσιν ἐνοχλεῖν καὶ πρὸς ἅπαντας λέγειν τοὺς συντρέχοντας ἐν αὐταῖς πρὸς οὐδένα λέγειν ἐστίν, ἀλλ' ὁμοίως οἱ τοιοῦτοι τῶν λόγων ἄκυροι τυγχάνουσιν ὄντες τοῖς νόμοις καὶ ταῖς πολιτείαις ταῖς ὑπὸ τῶν σοφιστῶν γεγραμμέναις. δεῖ δὲ τοὺς βουλομένους μὴ μάτην φλοαρεῖν, ἀλλὰ προὔργου τι ποιεῖν καὶ τοὺς οἰομένους ἀγαθὸν τι κοινὸν εὐρηκέναι τοὺς μὲν ἄλλους εἶαν πανηγυρίζειν, αὐτοὺς δ' ὧν εἰσηγούνται ποιήσασθαι τινα προστάτην τῶν καὶ λέγειν καὶ πράττειν δουαμένων καὶ δόξαν μεγάλην ἔχόντων, εἴπερ μέλλουσι τινες προσέξειν αὐτῷ τὸν νοῦν.— „Я хотѣлъ выяснитъ,—таковъ смыслъ этого мѣста,—что говорить о такихъ важныхъ вещахъ передъ народомъ въ торжественныхъ собраніяхъ ровно ничего не поможетъ; такія рѣчи пропадаютъ такъ же даромъ, какъ всѣ эти теоріи о законахъ и государствахъ, которыя строятъ въ своихъ сочиненіяхъ софисты. Нужно, если желаешь дѣйствительно сдѣлать дѣло, бросить многоглаголаніе въ собраніяхъ и отыскать себѣ *сильное* лицо, которое захотѣло бы прежде всего тебя выслушать, а затѣмъ, проникшись твоими идеями, постоятъ за нихъ и провести ихъ“.

Въ приведенномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о мысли, за которую Исократъ ломалъ копья всю свою жизнь, именно,—чтобы кто-нибудь заставилъ Эллиновъ забыть о ихъ взаимныхъ недоразумѣніяхъ и единодушно броситься на общаго врага Перса. И если Исократъ подъ теоріями о законахъ и государствахъ разумѣетъ здѣсь Νόμοος и Πολιτείαν Платона, а подъ софистами, пишущими о такихъ теоріяхъ, самого Платона, то подъ говорящими передъ народомъ въ торжественныхъ собраніяхъ онъ долженъ разумѣть самого себя, и тогда, гдѣ же тотъ versteckter Tadel, о которомъ говорить Шпенгель? Не слышится ли скорѣе во всемъ этомъ мѣстѣ ein versteckter Lob Платону, и не говоритъ ли Исократъ такъ: напрасно мы съ тобою, Платонъ, трудились,—ты надъ своими сочиненіями о законахъ и государствахъ, а я надъ своими панегирическими рѣчами; самое лучшее обратиться и т. д.

Итакъ, намеки, встрѣчающіеся въ сочиненіяхъ Исократата по адресу эристовъ, не даютъ никакого повода къ предположенію враждебныхъ отношеній между Исократомъ и Платономъ.

Также и разница взглядовъ на философію у того и у другого писателя,—вопервыхъ, вовсе не та, какъ ее обрисовываетъ Шпенгель, а затѣмъ и наводитъ на совершенно другія размышленія, чѣмъ на предположеніе враждебныхъ отношеній.

Что касается взгляда *Исократ* на философію, то:

1) По его мнѣнію не заслуживаютъ названія философіа всѣ тѣ вышеупомянутые предметы (астрономія, геометрія, эридика и т. д.), изученію которыхъ такъ любили предаваться въ его время молодые люди, искавшіе высшей παιδεία (ἀντιδ. 266).

2) Хотя онъ и признаетъ за этими предметами пользу для высшей παιδεία, тѣмъ не менѣе не ихъ знаніемъ у него опредѣляется содержанія понятія πεκαδειωμένος ἀνὴρ. Соотвѣтственно тому, что человѣкъ, какъ постоянно на то и указываетъ Исократъ, рожденъ для „слова и дѣла“ (λέγειν καὶ πράττειν) въ своемъ (человѣческомъ) обществѣ, нашъ ораторъ считаетъ πεκαδειωμένον того, кто „прекрасно (καλῶς) справляется со всѣми случайностями въ жизни, умѣетъ найтись въ разныхъ положеніяхъ, т. е. умѣетъ правильно взглянуть (имѣетъ правильную δόξαν) на попадающіяся ему на пути обстоятельства и пользоваться ими для дѣла, въ общеніи съ другими не погрѣшаетъ противъ приличія и справедливости, прощаетъ чужому неумѣнію обращаться съ людьми, но самъ въ то же время никогда не позволяетъ себѣ выйти изъ границъ благородства и обходительности, владѣетъ собою въ минуты радости, горю же не поддается, а встрѣчаетъ его, какъ подобаешь мужу и, что самое главное, не даетъ себя избаловать удачамъ, если таковыя улыбнулись ему, не забывается при нихъ и не зазнается, вообще никогда не сходитъ съ почвы благоразумія и больше радуется чему-нибудь хорошему, чѣмъ добился своими способностями и своимъ пониманіемъ, чѣмъ тому, что, быть можетъ, досталось ему просто счастьемъ“. „Кто,—кончаетъ Исократъ Παναθην. 32,—выказываетъ перечисленные здѣсь душевные качества и при томъ не какія-нибудь одни изъ нихъ, а *все* въ одинаковой степени, того я называю φρόνιμον καὶ τέλειον καὶ πάσας ἔχοντα τὰς ἀρετὰς и, вообще, πεκαδειωμένον“.

3) *Настоящую ἐπισημήνην*, которая указывала бы намъ *безошибочный* путь для каждаго нашего „слова или дѣла“ (ὅτι πρακτέον ἢ λεκτέον ἐστίν), Исократъ считаетъ недоступною для человѣческой природы. Въ этомъ отношеніи,—повторяетъ онъ постоянно,—у человѣка можно говорить лишь о томъ, что называется δόξα

и есть само по себѣ,—такъ мы выразились бы при истолкованіи этой Исократовской *δόξα*, — нѣкоторое лишь „чутье“. Такимъ образомъ о *человѣческой σοφία*, по его мнѣнію, можно говорить въ смыслѣ обладанія лишь этимъ чутьемъ и, соотвѣтственно этому, „*φιλοσοφίєю*“ могутъ быть названы занятія, больше всего способствующія развитію такого чутья. Такими занятіями Исократъ признаетъ прежде всего занятія въ его *собственной* школѣ, заключавшіяся въ томъ, чтобы на высокихъ сюжетахъ и на темахъ, касающихся великихъ „общественныхъ дѣлъ“ (*περὶ τῶν κοινῶν πραγμάτων*), воспитать въ себѣ и полюбить великія и облагораживающія мысли, приводя эти послѣднія въ надлежащее сознаніе черезъ выработку для нихъ точнаго по выраженіямъ, правильнаго логически и, вообще, обработаннаго надлежаще „слова“ (*λόγος*), которое, такимъ образомъ, вполнѣ согласуясь съ внутреннимъ чутьемъ, звучало бы правдивостью и черезъ то способно было бы *πείθειν τοὺς ἀκούοντας* (сравни *περὶ ἀντιδ.* 271 и слѣд.).

И у Платона постоянно указывается на *λέγειν καὶ πράττειν ἐν τῇ πόλει*, какъ на *главную* роль „свободнаго“ чловѣка. Надъ тѣми „учеными“ людьми, которые изъ-за своей „учености“ неспособны съ пользою принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ, онъ смѣется не меньше, чѣмъ Исократъ (да, весь отрывокъ 173 С—175 С въ діалогѣ „*Θεэтитъ*“ звучитъ иронически), и когда Протагоръ, въ названномъ по немъ діалогѣ, объявилъ Иппократу, что его *μάθημα* есть *εὐβουλία περὶ τε τῶν οἰκείων, ὅπως ἂν ἀρίστα τὴν αὐτοῦ οἰκίαν διοικοῖ, καὶ περὶ τῶν τῆς πόλεως, ὅπως τὰ τῆς πόλεως δυνατώτατος ἂν εἴη καὶ πράττειν καὶ λέγειν*, то Платонъ, въ лицѣ Сократа, отзывается о самой задачѣ, какъ о *великомъ дѣлѣ*, а только къ *Протагору*, какъ *учителю* этого великаго дѣла, онъ отнесся весьма скептически. Да могъ ли иначе и смотрѣть на людей тотъ мыслитель, у котораго однимъ изъ самыхъ капитальныхъ трудовъ является *именно* *полιτεία*,—сочиненіе, въ коемъ Платонъ, представивъ намъ великолѣпнѣйшій образчикъ *τῆς πόλεως*, не только ни одного ея члена не оставляетъ безъ таковой или иной роли въ общемъ ея дѣлѣ, но еще раскрываетъ пути, по которымъ было бы возможно лучше *воспитать* каждаго изъ этихъ членовъ къ его роли. И у *него*, какъ у Исократа, всѣ школьные предметы непрофессиональнаго характера (геометрія, астрономія и т. д.) имѣютъ цѣлью не знаніе ихъ, а должны изучаться *ἐπι παιδεία*, а что касается понятія

πειθαρχήμενος, то въ томъ его содержаніи, какое мы нашли у Исократъ, едвали можно указать на что-нибудь такое, чего бы мы, только въ болѣе еще развитомъ видѣ, не нашли и у Платона, не исключая даже того политическаго, такъ сказать, эгоизма въ смыслѣ позволительности даже войною добиваться у сосѣда того, что отъ него нужно для удобства своей собственной Полит. сравни Πολιτ. 374 Д. который у Исократъ нашелъ себѣ выраженіе Παιδ. 117, и на который Шпенгель, опять-таки не правильно, указываетъ, какъ на нѣчто, въ чемъ де взгляды Платона и Исократъ расходятся между собою.

Чтобы наконецъ окончательно опредѣлить дѣйствительную разницу взглядовъ на философію у Платона и у Исократъ, достаточно сказать слѣдующее. Исократъ принимаетъ за философію то, что давала ея школа, и на что въ сущности нужно смотрѣть опять-таки только, какъ на одно изъ μαθήματα ἐπὶ παιδείᾳ, какими были и геометрія и пр., съ тою только, быть можетъ, разницею, что въ ряду другихъ μαθήματα ἐπὶ παιδείᾳ ея μαθήματα могло съ достоинствомъ занять *ключительное* мѣсто. Платонъ указываетъ въ своей теоріи о воспитаніи на *диалектику*, какъ на *ключительное* μαθήματα въ παιδείᾳ (полит. 534 E) или, выражаясь точнѣе, дѣлаегъ послѣ изученія разныхъ другихъ μαθήματα обязательнымъ для *лучшихъ* умовъ (но *только* для нихъ!) усвоеніе еще и диалектики. Лишь у *диалектически* дисциплинированныхъ умовъ онъ допускаетъ возможность успѣховъ и въ философіи, самое же философію онъ опредѣляетъ, какъ стремленіе—въ томъ переходящемъ, что мы встрѣчаемъ здѣсь на свѣтѣ, въ томъ, что намъ, какъ мы выражаемся, „дано въ опытѣ“, познавать вѣчныя идеи, изъ коихъ самая высшая есть идея высшаго блага. Познающаго эту идею Платонъ опять-таки не считаетъ какимъ-нибудь отшельникомъ въ мірѣ, а отводитъ ему высшую роль въ πόλις,—роль правителя, всѣмъ же остальнымъ „философствующимъ“—роли *помощниковъ* правителя.

Едвали такая разница во взглядахъ на философію могла послужить поводомъ къ какимъ-нибудь *враждебнымъ* отношеніямъ между Исократомъ и Платономъ. Вообще на этотъ счетъ, казалось бы, правильнѣе будетъ разсуждать такъ. Тою „философіею“, которая во время обоихъ поименованныхъ дѣятелей преподносилась учащейся молодежи, и которая въ *собственной* ея области какъ по отношенію къ φύσις, такъ и по отношенію къ ἦθικῃ,—заклучалась въ пустой эристикѣ, были одинаково недовольны и Исократъ, и Платонъ. У Исократъ,—серьезнаго вообще

ионка,—выразилось это недовольство въ полномъ отрѣшеніи даже во *внѣшнихъ* приѣмахъ (діалоговъ онъ не писалъ!) отъ всего, что напоминало бы собою эрстику, и въ ограниченіи философскихъ,—гесрестиве ионическихъ,—студій тѣмъ выше охарактеризованнымъ направленіемъ, какое онъ придаетъ въ своей риторической школѣ *общему* образованію. Такая реформа Исократъ, какъ вполне оригинальная, сразу должна была обратить на себя вниманіе тѣхъ молодыхъ людей, которые искали высшаго ученія; нося въ себѣ вообще здоровые образовательные элементы, а результатами своими вполне удовлетворяя всякаго, кто имѣлъ возможность пользоваться ею, она должна была содѣйствовать полному успокоенію самого реформатора. Платонъ,—тоже по преимуществу ионикъ,—открылъ борьбу съ эристами (такъ должно было показаться постороннему наблюдателю) ихъ же въ сущности оружіемъ (тѣми же діалогами!) и, не имѣя, по своимъ убѣжденіямъ и по своему характеру, никакой причины не уважать Исократъ, самъ однако, какъ человѣкъ болѣе молодой и придерживаясь въ своей литературной дѣятельности одинаковыхъ съ эристами *внѣшнихъ* приѣмовъ, долженъ былъ выказать высшую осторожность (и выказалъ ее!), чтобы нападки Исократъ на эристовъ его не коснулись, и долго долженъ былъ себѣ пробивать дорогу, чтобы заслужить вниманіе такихъ *здоровомыслящихъ*, по его понятію, людей, какъ Исократъ, и чтобы дѣйствительно было *признано*, что его „эристика“ не есть пустая эристика его предшественниковъ, а нѣчто совершенно новое. И вотъ, естественно думать, что въ то время, когда Платону дѣйствительно удалось составить себѣ имя не простаго эриста, а настоящаго діалектика, и когда признано было, что діалектика, особенно въ его рукахъ, есть дѣйствительно орудіе, при посредствѣ котораго можно самымъ положительнымъ образомъ дойти до великихъ истинъ,—въ это время довольный *своимъ* дѣломъ Исократъ слишкомъ уже, такъ сказать, рутинизировался въ своихъ занятіяхъ для того, чтобы вносить въ нихъ интересъ къ результатамъ, добытымъ совершенно другимъ лицомъ и совершенно другимъ путемъ.

Нежеланіе въ своемъ дѣлѣ выказывать интересъ къ дѣлу другого лица не значитъ, конечно, относиться враждебно къ этому другому лицу. Правда, оно не ведетъ прямо къ предположенію и особенной *сердечности* къ другому лицу; но даже при отсутствіи сердечности со стороны Исократъ мы понимаемъ, что для скром-

наго Платона,—для дѣятеля, повторяемъ, болѣе молодаго и не имѣвшаго причины не уважать Исократѣ и ослаблять въ себѣ когда бы то ни было это чувство уваженія,—никогда не могло быть *поздно* (хотя бы просто изъ-за того, чтобы Исократѣ больше привлечь на свою сторону) припомнить въ своемъ сочиненіи *дѣйствительный*, надо полагать, фактъ похвальнаго отзыва Сократа объ Исократѣ.

Кажется, нѣтъ нужды болѣе доказывать, что помѣщеніе въ „Фэдрѣ“ отзыва объ Исократѣ *не ведетъ* къ необходимости относить изданіе „Фэдра“ къ болѣе молодымъ годамъ Платона. Такимъ образомъ, и четвертое, — оно же и послѣднее, — „основное“ соображеніе Шаршмидта оказывается такимъ же неосновательнымъ, какъ и всѣ другія.

Вообще Шаршмидтъ является по отношенію къ Платону крайне неосторожнымъ и перекритичномъ.

(Примѣчанія и дополненія къ мѣстамъ настоящей статьи, вызывающимъ, быть можетъ, недоумѣніе, послѣдуютъ въ слѣдующемъ выпускѣ).

А. Добіашъ.

Пѣжинъ 31 Декабря,
1893 года.

О важности изученія римской государственности и главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ ея¹⁾.

Милостивые Государи!

Мнѣ предстоитъ читать вамъ Римскія древности; я избралъ именно отдѣлъ о государственныхъ учрежденіяхъ древняго Рима и сначала въ видѣ введенія къ курсу считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о важности этого изученія и наиболѣе характерныхъ чертахъ древне-римской государственности.

Изъ всѣхъ частей Римскихъ древностей самая обширная и несомнѣнно самая важная это часть о государственныхъ учрежденіяхъ и обычаяхъ Рима. И это не потому только, что вообще государственная жизнь каждаго народа естественно представляетъ большой интересъ и привлекаетъ къ себѣ особенно вниманіе историковъ; нѣтъ, государственность Римлянъ заслуживаетъ предпочтительно и преимущественно вниманія предъ всякою другою древняго міра. Это вѣдь былъ народъ древности, по преимуществу политически одаренный, съ умомъ направленнымъ на все практическое, и въ этой именно области проявившій наиболѣе самостоятельности и оригинальности, народъ, имѣвшій грандіозную исторію міроваго значенія. Мьянческій праотецъ римлянъ такъ предрекаетъ ихъ историческую миссію:

¹⁾ Вступительная лекція, читанная 7 Декабря 1892 г. Здѣсь печатается съ добавленіемъ нѣсколькихъ примѣчаній.

Tu regere imperio populos, Romane, memento.

Haec tibi erunt artes.

Regere populos imperio было специальнымъ искусствомъ и наукою Римлянъ по ихъ же собственному признанію. Они отлично понимали свое превосходство въ этой области и призваніе¹⁾ и даже самолюбивые Греки nil nisi sua mirantes исполнѣ признавали это за ними²⁾. Высшей награды въ загробной жизни удостоиваются по представленію Римлянина—разумью извѣстную фантазію Цицерона *Somnium Scipionis* въ его *De re publica*—именно великіе дѣятели въ этой практической области: устроители государственнаго порядка, хранители и защитники его, правители. Сципіонъ тамъ говорить своему сыну: „Будь увѣренъ, что для всѣхъ тѣхъ, которые охраняли отечество, умножали его, помогали ему, уготовано на небѣ опредѣленное мѣсто, гдѣ они будутъ вѣчно блаженствовать; вѣдь изъ всего того, что есть на землѣ ничто такъ не пріятно тому, правящему этимъ міромъ верховному богу, какъ общества людей, основанныя на правѣ, называемыя государствами; ихъ правители и хранители пришли съ неба и туда-же возвратятся.“

Государственное устройство Римлянъ есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, величественныхъ явленій древней жизни и исторіи вообще. Оно долгое время обеспечивало въ извѣстной мѣрѣ свободу и порядокъ, затѣмъ подъ его эгидою

1) Цицеронъ *Tuscul. I, 1*: mores et instituta vitae resque domesticas ac familiares nos profecto et melius tuemur et lautius, rem vero publicam nostri maiores certe melioribus temperaverunt et institutis et legibus. Quid loquar de re militari? in qua cum virtute nostri multum valuerunt, tum plus etiam disciplina. Iam illa, quae natura, non litteris adsecuti sunt, neque cum Graecia neque ulla cum gente sunt conferenda. Quae enim tanta gravitas, quae tanta constantia, magnitudo animi, probitas, fides, quae tam excellens in omni genere virtus in ullis fuit, ut sit cum maioribus nostris comparanda? Ливій, I, prooemium: aut me amor negotii suscepti fallit aut nulla umquam res publica nec maior nec sanctior nec bonis exemplis ditior fuit.

2) Полибій (VI, 11) называетъ государственный строй Римлянъ κάλλιστον σύστημα τῶν κατ' ἡμᾶς πολιτειῶν.

весьма значительная культура распространилась по громадному пространству. Это было первое большое и долго существовавшее государство древняго классическаго міра съ большими культурными задачами. Оно просуществовало значительно болѣе 1000 лѣтъ, имѣло дѣло со всѣмъ міромъ, прошло разныя, весьма интересныя стадіи историческаго развитія и потому повліяло на политическое развитіе послѣдующихъ вѣковъ. Самостоятельное политическое развитіе греческихъ государствъ послѣ подчиненія ихъ Риму приостанавливается; даже въ автономныхъ городахъ, каковы напр. Аѣины, въ управленіе Римляне ввели нѣкоторыя перемѣны; учрежденія Ликурга отмѣнены были во 2-мъ вѣкѣ до Р. Х. Римъ же, основаніе котораго восходитъ приблизительно къ столь-же древнему времени, какъ и греческихъ государствъ, продолжаетъ свое политическое развитіе еще два вѣка до Р. Х.; затѣмъ слѣдуетъ длинный періодъ національной монархіи. Ясно, что столь продолжительное и спокойное политическое развитіе должно было отложиться въ весьма опредѣленныя и устойчивыя формы; кромѣ того при столь продолжительномъ развитіи римскій государственный строй могъ перейти отъ узко общиннаго типа наконецъ къ болѣе широкому и представляетъ въ извѣстный періодъ переходную ступень отъ стараго античнаго типа государства къ новому.

Государственный строй греческихъ политій представляетъ, конечно, тоже большой интересъ; но все таки римская государственность заслуживаетъ предпочтительно вниманія и изученія. У Грековъ преобладалъ индивидуализмъ и они дали поэтому классическіе образцы въ тѣхъ именно областяхъ, гдѣ личная инициатива творчества главное (у нихъ между прочимъ, находимъ, въ противоположность къ Римлянамъ, болѣе отдѣльныхъ выдающихся законодателей); Римляне наоборотъ, страдали недостаткомъ такого индивидуализма, разнообразія формъ и проявленій жизни; но зато формы общественной и государственной жизни, право они выработали гораздо совершеннѣе, яснѣе и прочнѣе. Право, конечно, далеко не все въ жизни народа и отдѣльнаго лица, но выработка нормъ для этого рода отношеній весьма важное и трудное дѣло. Что римское право въ узкомъ смыслѣ слова оказало громадное вліяніе на право новыхъ народовъ, что оно „перешло въ плоть и кровь“ западныхъ народовъ новой

Европы и считается и по нынѣ столь-же классическимъ, какъ литература и искусство Грековъ, это всѣми признается и повторяется, хотя далеко не всѣ ясно и живо могутъ представить себѣ это вліяніе¹⁾. Еще труднѣе усмотрѣть и прослѣдить вліяніе римской государственности, собственно государственнаго права, учрежденій и идей древняго Рима на политическую жизнь средневѣковой и новой Европы; но вліяніе Рима и въ этой области было несомнѣнно весьма значительно. Средневѣковой исторіи нельзя изучать безъ знакомства съ римскою государственностью (преимущественно послѣдняго періода имперіи). Припомнимъ, Мм. Гг., хотя бы эту свящ. римскую имперію, которая все не должна кончиться, Карла Великаго, устройство италіянскихъ городскихъ республикъ, городскія коммуны, это папство, наследующее римскія идеи всесвѣтной власти и единства, организующее вмѣсто римской свою громадную сѣть администраціи, пользуясь при этомъ прямо древне-римскими кадрами, удерживающее и ревниво охраняющее вездѣ тотъ-же міровой языкъ державнаго Рима²⁾. Укажу еще на частный примѣръ изъ исторіи христіанства: въ древнѣйшей христіанской еkkлeзiи выборы духовныхъ властей производятся клиромъ и затѣмъ предлагаются на формальное одобреніе народу; развѣ это не сколокъ съ выборовъ римскихъ магистратовъ (или муниципальныхъ) въ сенатъ и ренунціація ихъ затѣмъ передъ народомъ?

На востокъ византійская имперія хранитъ право и государственные порядки перваго Рима. Можно бы указать еще не мало моментовъ въ исторіи среднихъ вѣковъ и новаго времени, когда вліяніе римскихъ политическихъ формъ и идей сказывалось болѣе или менѣе значительно. Такъ напр.

¹⁾ Римское частное право стали изучать значительно раньше, чѣмъ государственное. Рецепція римскаго гражданскаго права въ средніе вѣка, ein fast märchenhaftes Stück Geschichte, какъ называетъ ее Іерингъ, слишкомъ бросается въ глаза, такъ какъ тутъ имѣло мѣсто заимствование цѣликомъ и заразъ.

²⁾ Іерингъ, Geist d. röm Rechts, I, 2.... ohne das centralisirende heidnische Rom würde kein christliches Rom entstanden sein.

подъ вліяніемъ римскаго законодательства изъ средневѣковаго феодализма, обладательства землею выработались высшія чистыя понятія государства, чисто государственной общей, цѣльной и единой власти и чисто государственныхъ отношеній. Гдѣ начало бюрократической централизаціи¹⁾ и муниципальнаго самоуправления²⁾, суда присяжныхъ и под. . . ?

И въ настоящее время остались не только многочисленныя римскіе термины въ государственной области у всѣхъ образованныхъ народовъ, полное пониманіе которыхъ возможно только при знаніи римскаго *ius publicum*; нѣтъ, живутъ и теперь еще не только ихъ *vocabula*, но и *res*. Откуда *царь*, *Kaiser*, *имперія*, *императоръ*, *республика*, *магистратура*, *диктатура* и многое другое? откуда государственныя орлы, инсигній власти, порфіра, титулы и под. . . ?

Знаменательно, что у новыхъ европейскихъ (западныхъ) народовъ—не только романскихъ, но и другихъ, почти нѣтъ своихъ національныхъ обозначеній для понятія „государство“ или онѣ мало употребительны.

Т. Моммзенъ, окончивъ свое знаменитое *R. Staatsrecht* въ предисловіи къ 3-му тому его говоритъ: „Моя работа была, конечно, не напрасной, потому что вѣдь несомнѣнно въ-первыхъ, что ни одно политическое и ни одно историческое изслѣдованіе большаго стиля не можетъ игнорировать Римъ, и во-вторыхъ, что не изученіе прагматической или выдающей

1) О значеніи римской имперіи см. книгу М. Драгоманова „Вопросъ объ историческомъ значеніи римской имперіи и Тацитъ“.

2) Моммзенъ, *R. Staatsrecht*, III, 773: *Wie die Republik in nothwendiger Consequenz endigt mit der Verwandlung des italischen Städtebundes in die Roma communis patria, so endigt der Principat damit die Provincialgemeinden alle erst zu städtischer Gestaltung zu führen und dann gleichfalls in Bürgerstädte umzuwandeln. Das Ergebniss dieser Entwicklung niedergelegt wie es ist in den Rechtsbüchern, hat insbesondere durch diese mächtig und zum Theil segensreich auf diejenige Entwicklung von Staat und Gemeinde eingewirkt, welche das Fundament unserer Civilisation ist.*

себя за таковую традицію, а изученіе политическихъ учрежденийъ даетъ пониманіе римской исторіи ¹⁾).

Изученіе государственныхъ учрежденийъ древняго Рима представляетъ прекрасную и необходимую школу для историка, юриста и даже филолога. Въ послѣднее время и историки права отводятъ все болѣе и болѣе мѣста въ своихъ сочиненіяхъ государственному праву Рима. Такъ сдѣлалъ напр. Карлова; первую часть его *Römische Rechtsgeschichte* можно очень рекомендовать изучающимъ римскія государственныя учрежденія.

Надъ обширною областью римскаго государственнаго права къ тому-же много потрудились новыя ученые и въ томъ числѣ многіе первостепенныя. Древне-римская государственность, какъ древняя жизнь вообще, не такъ многосложна, какъ новая и поэтому еще особенно изученіе ея рекомендуется, какъ наиболѣе подходящее для молодыхъ адептовъ науки. Но при сравнительно меньшей сложности вы найдете въ ней всѣ стадіи весьма долгаго развитія.

Греки дали міру классическія образцы въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ вообще, а Римляне—въ области права и государственныхъ учрежденийъ. Это, конечно, не значитъ, чтобы всѣ формы Римлянъ годились для всѣхъ; нѣтъ, но онѣ были истинно національны и въ извѣстной мѣрѣ удовлетворяли своему времени и потому будутъ всегда представлять большой интересъ. Вѣрно сказалъ поэтъ: *Wer seiner Zeit genügt hat, der hat gelebt für alle Zeiten.*

Я сказалъ, что римская государственность сравнительно менѣе сложна и постольку легче для пониманія. Однако, съ другой стороны, при разрозненности, частью недостаточности, неполнотѣ и отрывочности древней традиціи и вслѣдствіе отдаленности отъ насъ по времени этого міра и вообще большой оригинальности римскихъ государственныхъ учреж-

¹⁾ Die Arbeit wird ja wohl nicht verloren sein; denn zweierlei steht nun einmal fest: keine politische und keine historische Forschung im grossen Stil kann absehen von Rom, und das Studium nicht der pragmatischen oder der sich dafür gebenden Tradition, sondern das der politischen Institutionen führt ein in die Erkenntniss der römischen Geschichte.

деній и идей, изученіе ихъ представляетъ много трудностей, требуетъ много труда и терпѣнія. Поэтому, хотя польза изученія предмета вполне сознается только по изученіи его, не бесполезно, уже приступая къ нему, указывать хоть въ общихъ чертахъ на эту пользу и важность означеннаго предмета, дабы каждаго изъ васъ при работѣ ободряла нѣкоторая увѣренность, что *die Arbeit wird nicht verlogen sein*.

Одинъ русскій изслѣдователь источниковъ римской исторіи по поводу изученія ихъ говоритъ слѣдующее: „часто изслѣдователю можетъ показаться, что нѣтъ соотвѣтствія между трудностью задачи и результатами ея; но онъ не можетъ не почерпнуть новыхъ силъ въ сознаніи, что развитіе римской государственности имѣетъ типическое значеніе для всего позднѣйшаго человѣчества, что человѣчество нашло въ ней грунтъ, на которомъ оно могло возвести дальнѣйшія построенія; всѣ возможности различныхъ разновидностей государства—энергической бюрократической монархіи, старчески мудрой аристократіи, всенароднаго участія въ государственныхъ дѣлахъ—были намѣчены въ этомъ государствѣ, которое началось общиной и кончилось міромъ. Бѣльшее значеніе, чѣмъ вообще признается, имѣетъ римская государственность и для русскаго историческаго развитія, которое получаетъ смыслъ и оправданіе единственно въ рѣшеніи крупныхъ всемірныхъ вопросовъ: все индивидуальное и детальное мы до сихъ поръ принуждены были заимствовать отъ нашихъ западныхъ сосѣдей. Поэтому освѣщеніе вопросовъ, касающихся римской исторіи, также какъ римскаго права, есть дѣло первой важности для русской научной литературы“. Да, въ самомъ дѣлѣ, существенные элементы культуры, а часто и всѣ детали ея, какъ выражается этотъ авторъ, намъ русскимъ, какъ и древнимъ Римлянамъ, пришлось заимствовать у другихъ народовъ; но и мы должны, какъ Римляне, приумножить эту культуру, сдѣлать ее болѣе универсальною и распространить по громадному пространству; вѣдь и намъ судьба дала тоже нашъ громадный *orbis—orbis Rossicus* и *imperium*—будемъ надѣяться—*sine fine*; на этомъ нашемъ *orbis* мы должны много потрудиться, сдѣлать изъ него вполне цивилизованную *patriam communem* многихъ народовъ. Какъ же естественно поэтому намъ живо интересоваться исторіей и учрежденіями великаго народа древности, подвизавшагося

тоже на громадной міровой аренѣ!... Къ сожалѣнію, литература по римскому государственному праву на русскомъ языкѣ пока крайне бѣдна; можно сказать даже, совсѣмъ не существуетъ.

Вамъ, Мм. Гг., придется прослушать здѣсь у меня очень небольшое; самымъ лучшимъ результатомъ этихъ моихъ немногихъ лекцій было бы, по моему мнѣнію, еслибы мнѣ удалось хотя только обстоятельнѣе и убѣдительнѣе выяснитъ вамъ кое-что изъ того, о чемъ говорю сегодня, и возбудить въ васъ серьезное желаніе самимъ взяться за изученіе нашего предмета. При такомъ желаніи и самодѣтельности въ ваши годы многое можно изучить, а безъ этого никто никогда ничему не научился. Даже основательное изученіе хорошаго курса и лучшихъ пособій по нашему предмету еще не все: необходимо усердное вникновеніе въ авторовъ и др. источники, необходимо много и часто надъ всѣмъ этимъ думать, стараться самостоятельно воссоздавать прошедшее.

Перехожу къ указанію и краткому разъясненію важнѣйшихъ характеристическихъ чертъ древне-римской государственности.

За все долгое время своего существованія на всѣхъ стадіяхъ своего развитія она являетъ нѣкоторыя постоянныя весьма характерныя черты. Это 1) ея большая оригинальность, вполне національный характеръ. Цивилизація классическихъ народовъ древности вообще была весьма оригинальна, развивалась болѣе самостоятельно и болѣе органически, чѣмъ цивилизація новаго времени. Римлянамъ по разнымъ причинамъ пришлось болѣе заимствовать извнѣ, чѣмъ Грекамъ, но въ нѣкоторыхъ областяхъ жизни и культуры заимствованія ихъ были незначительны, а оригинальность собственного національнаго развитія весьма велика.

Римляне отнюдь не чуждались заимствованій у другихъ народовъ. Они постепенно въ свою *civitas* приняли Италиковъ и не Италиковъ, такъ что городъ Римъ расширился сначала до предѣловъ Италіи, а потомъ и весь *orbis* сталъ *compinis patria*, изъ городской общины вышла міровая, универсальная держава. Принималъ Римъ чужихъ боговъ, чужое искусство и культуру вообще; но наименѣе заимствованій у Римлянъ находимъ въ области государственной, а если и были какія заимствованія въ этой области вначалѣ, то заимство-

важное совершенно претворялось, развивалось далѣе совершенно въ римскомъ духѣ и такимъ образомъ становилось совершенно римскимъ и давало иные, новые результаты.

Трудно, даже невозможно теперь убѣдительно доказать сколько нибудь значительное вліяніе на развитіе государственнаго строя Римлянъ со стороны Грековъ, Этрусковъ, Карфагенянъ. Нѣкоторые ученые видятъ греческое вліяніе въ реформахъ Сервія—Туллія, уже древніе видѣли его въ законодательствѣ децемвировъ. Отъ Этрусковъ Римляне будто заимствовали нѣкоторыя внѣшнія отличія своей магистратуры, а также—это несомнѣнно болѣе важно—кое-что въ области религіозно-культурной, напр. гаруспицину и гаруспиковъ. Какъ къ нашимъ предкамъ волхвы приходили изъ Чуди, такъ въ древній Римъ Этрурія поставляла своихъ гаруспиковъ. Нѣкоторые хотятъ видѣть финикійско-карфагенское вліяніе въ институтѣ двоевластія и вообще коллегіальности римской магистратуры. Тождественность института двухъ царей, позднѣе двухъ консуловъ въ Римѣ съ институтомъ двухъ царей въ Спартѣ и суфкетовъ, называвшихся тоже царями, въ Карфагенѣ и другихъ финикійскихъ колоніяхъ слишкомъ де очевидна и была замѣчена уже древними. Но, если и допустить тутъ дѣйствительное заимствованіе первой идеи, во всякомъ случаѣ нигдѣ это начало коллегіальности не получило столь своеобразнаго, послѣдовательнаго развитія и не примѣнилось такъ долго и въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ Римѣ. Вся система строгаго разграниченія и оживленнаго взаимодѣйствія магистратуры, сената и народа есть де общее явленіе римскаго, карфагенскаго и нѣкоторыхъ греческихъ развитій (какъ спартанскаго и критскаго), находившихся подъ финикійскимъ вліяніемъ. Конечно, тутъ были нѣкоторыя общія черты, но только нѣкоторыя, и есть-ли основаніе и необходимость объяснять ихъ заимствованіемъ? Во всякомъ случаѣ знаменательно, что Полибій находилъ удивительнымъ, наиболѣе замѣчательнымъ сочетаніе и взаимодѣйствіе трехъ указанныхъ элементовъ именно въ римскомъ государственномъ строѣ, а не въ карфагенскомъ или иномъ. Дальше, видятъ вліяніе карфагенскихъ учреждений на римскія въ системѣ управленія покоренными областями; самая идея устройства провинцій внушена, быть можетъ, организаціей карфагенскаго управленія въ Сициліи. Нѣкоторые ученые (напр. Моммзенъ) считаютъ

не лишеннымъ вѣроятія, что Римляне вмѣстѣ съ провинціальною организаціею заимствовали у Карфагенянъ также институтъ легатовъ, состоявшихъ при главнокомандующихъ и намѣстникахъ провинцій, полагаютъ, что эти легаты вполне соответствовали карфагенскимъ герусіастамъ и были тоже контролирующими агентами правительства (сената) при главнокомандующихъ; но самъ Моммзенъ называетъ этотъ контроль очень умѣреннымъ, а другіе ученые и совсѣмъ отрицаютъ его существованіе и такое назначеніе римскихъ легатовъ.

Допускаютъ и въ реформахъ Августа, собственно въ области благоустройства столицы, города Рима, нѣкоторое вліяніе александрійскихъ порядковъ. Но что это значитъ, когда весь этотъ такъ называемый принципатъ, имъ основанный по мнѣнію самаго компетентнаго его изслѣдователя (Моммзена) есть отъ начала до конца во всемъ вполне специально римское созданіе, „последнее странное и вмѣстѣ величественное произведеніе государственнаго генія Римлянъ“? Съ Діоклетіана монархія принимаетъ болѣе восточный характеръ; но и тутъ не надо преувеличивать чуждыхъ вліяній, не слѣдуетъ слишкомъ много придавать значенія внѣшности. Діоклетіанъ заботился объ укрѣпленіи римской державы; для этого онъ считалъ нужнымъ упрочить императорскую власть, увеличить престижъ ея; отсюда приданный ей внѣшний блескъ. Выработка сложной бюрократической организаціи подготовлялась постепенно уже въ предыдущіе вѣка. Наслѣдственности императорской власти вѣтъ по прежнему; императоръ не считаетъ *gen publicum* своимъ достояніемъ; Діоклетіанъ возвращается къ дуализму верховной власти и наконецъ, послѣ долгаго правленія добровольно слагаетъ съ себя власть, какъ нѣкогда диктаторъ Сулла.

Несомнѣнно между народами древности въ области культуры и другихъ было больше заимствованій и взаимнаго вліянія, чѣмъ сколько можно константировать намъ теперь. Востокъ далъ Европѣ многихъ домашнихъ животныхъ и культурныя растенія; весьма вѣроятно, что типъ греческой и римской одежды, а равно жилищъ восточный типъ и заимствованъ съ Востока. Но, повторяемъ, заимствованіе началъ и идей отнюдь не исключаетъ иногда весьма значительной оригинальности и національнаго характера въ развитіи.

Римляне познакомились первоначально съ мощеніемъ городскихъ улицъ и дорогъ, а также съ искусственнымъ проведеніемъ воды у Грековъ или Кароагенянъ, или, какъ нѣкоторые думаютъ, у Этрусковъ. Но они настолько усовершенствовали технику въ этой области, пользовались ею такъ гениально и въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, что ихъ аркады и ихъ шоссе справедливо считаются замѣчательными памятниками ихъ національнаго практическаго генія. Мечъ римскихъ легионаріевъ назывался *gladius Hispanus*; но это римскій мечъ: онъ покорилъ и Испанію и весь міръ.

Такъ безспорно, что и государственный строй Римлянъ выработался въ непрерывномъ развитіи изъ глубины народнаго характера и богатаго историческаго опыта, весьма оригиналенъ и вполне націоналенъ, даже при наличности нѣкоторыхъ заимствованій извнѣ. А отсюда слѣдуетъ, что при изученіи древне-римскихъ учрежденій никакъ нельзя прилагать къ нимъ чужихъ мѣрокъ, особенно новаго времени. Чтобы рѣшить напр. вопросъ, былъ-ли такъ называемый принципатъ вполне монархіею *de jure*, слѣдуетъ непремѣнно точно уяснить себѣ, по возможности, каковá была въ дѣйствительности у Римлянъ (первая) монархія, предшествовавшая республикѣ и какъ представляли себѣ, съ какими непремѣнными признаками, римскую монархію и римскую республику римскіе теоретики и практическіе политики и вообще Римляне времени республики. Только въ такомъ случаѣ мы дадимъ опредѣленіе принципата, которое будетъ вѣрно и полезно.

Вторая въ высшей степени характеристическая черта римской государственности это непрерывность, преемственность и постепенность ея развитія, необычайная крѣпость и живучесть традиціи въ ней, строго органическое и послѣдовательное развитіе, и при этомъ консервативность, встрѣчающаяся въ такой степени почти только въ религіозной области. Въ концѣ республики Римляне все еще изучаютъ законы XII таблицъ. За все время существованія республики въ государственномъ строѣ не было существеннаго измѣненія основныхъ формъ. Да и о переходѣ отъ царскаго режима къ республиканскому Ливій говоритъ: *libertatis originem inde magis, quia annum imperium consulare factum est, quam quod deminutum quicquam sit ex regia potestate, numeres. Права*

царя съ извѣстными ограниченіями переходять къ консуламъ; имя царя сохраняется въ сакральной сферѣ (*rex sacrisculus*); по мѣрѣ надобности иногда восстанавливается на короткій срокъ полная единая власть въ видѣ диктатуры. Съ уравненіемъ плебеевъ въ правахъ съ патриціями *tribuni plebis*, спеціальныя защитники плебейскихъ интересовъ, не перестаютъ существовать, они остаются съ тѣмъ-же именемъ, избираются по прежнему только изъ плебеевъ, но на самомъ дѣлѣ становятся магистратами всего народа и соотвѣтственно этому расширяются кругъ ихъ дѣйствій и права. Впослѣдствіи императоры имѣли *tribuniciam potestatem*, но все таки продолжало существовать и *tribuni plebis*. Принципатъ вообще во всемъ старается примѣнить къ республиканскимъ порядкамъ, сохранить старину, и во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ возвращается съ полновластію магистратуры начала республики. Изъ принципата постепенно въ теченіе трехъ вѣковъ вырабатывается имперія послѣдняго времени; но и въ ней мы все таки находимъ и патриціевъ и консуловъ, преторовъ, квесторовъ и даже, хотя и какъ *poten sine pondere*, народныхъ трибуновъ; императорская власть по прежнему не наследственна и пр. Римъ, ниспедши уже собственно на степень муниципальнаго города имперіи, все таки есть нѣчто болѣе того: его городская дума привлекается иногда къ участию въ правительственныхъ дѣлахъ. Историкъ Аммианъ Марцеллинъ говоритъ о комиціяхъ въ Римѣ въ IV вѣкѣ послѣ Р. Х.¹⁾ Даже христіанскіе императоры Рима носятъ титулъ и инсигнии великаго понтифика. А вотъ примѣръ изъ низшей сферы. Разныя субалтерны римскихъ магистратовъ (они давались государствомъ изъ свободныхъ людей и притомъ гражданъ), каковы *scribae*, *lictore*s и пр., обозначавшіеся общимъ именемъ аппараторовъ или декуріаловъ, такъ какъ они составляли декуріи (родъ корпорацій, коллегій). Эти декуріалы существуютъ въ Римѣ еще въ VI в. послѣ Р. Х., ставши му-

1) Даже гораздо позже въ Римѣ находимъ этотъ призракъ стариннаго народнаго права (*simulacrum libertatis*) именно мы читаемъ, что въ 800 году Карла Великаго избираетъ римскимъ императоромъ *populus Romanus*—несомнѣнно, посредствомъ аккламаціи.

ниципальнымъ учрежденіемъ Рима, они не состоятъ болѣе при магистратахъ (отъ нѣкоторыхъ магистратуръ не оставалось уже и имени), а несутъ службу при римскомъ сенатѣ; но это несомнѣнно преемники прежнихъ декуріаловъ и обозначаются тѣмъ-же стариннымъ именемъ *decuriales urbis Romae*; они продолжали существовать даже послѣ паденія имперіи.

Вообще старина въ области государственнаго строя сохранилась Римлянами съ величайшею *pietas*; уничтожить совсѣмъ что-нибудь существовавшее въ этой области было противно ихъ совѣсти.

„Несмотря на свой консерватизмъ—говоритъ профессоръ Герье ¹⁾—Римляне были способны къ прогрессу и имѣли богатую историческую жизнь. Но борьба новыхъ идей со старыми была у нихъ очень упорна и продолжительна, давая возможность вполнѣ развернуться силѣ какъ стараго, такъ и новаго начала—и оттого жизнь римлянъ отличалась такою прочностью, а прогрессивное ихъ развитіе выразилось въ столькихъ посредствующихъ ступеняхъ и фазахъ любопытныхъ для историка.“

Въ связи съ этимъ упорнымъ консерватизмомъ Римлянъ находился и имъ вызывався ихъ *формализмъ*, которымъ былъ проникнутъ весь римскій національный духъ. Онъ проявился особенно въ ихъ религіозной жизни, въ области права вообще и въ ихъ государственномъ строѣ. Они боялись нарушить форму, измѣнить названіе; новое содержаніе облекалось въ старыя формы, допускались разныя уловки, сдѣлки, фикціи²⁾ чтобы только могло казаться, что старая форма и право не нарушены.

Изъ консерватизма и формализма вытекала еще одна характерная черта римскаго государственнаго строя, это из-

1) „Августъ и установленіе римской имперіи“ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1877 годъ.

2) Смыслъ и значеніе фикцій въ римскомъ правѣ вообще выясняетъ Іерингъ *Geist des röm. Rechts*, III, 226 и сл. 3-го изд., гдѣ между прочимъ говоритъ: *Besser Ordnung mit Fiction, als Unordnung ohne Fiction.*

вѣстный *дуализмъ* или *параллелизмъ* въ учрежденіяхъ. Когда новаго начала никакъ нельзя было втиснуть въ старую форму, когда невозможно было сліяніе и никакая фикція, то два учрежденія, два порядка, принципы оставались рядомъ, параллельно и такъ существовали, пока со временемъ одно не вытѣсняло другого. Этотъ дуализмъ проявлялся во многихъ установленіяхъ гражданскаго права Римлянъ, но еще болѣе въ политической исторіи и государственномъ правѣ: патриціи и плебеи, магистраты патриційскіе и плебейскіе, *comitia septuaginta* рядомъ съ *comitia tributa*, граждане и Италики, боже-ства исконно римскія и принятія государствомъ иноземныя и соотвѣтственно этому дуализмъ въ жречествѣ и обрядѣ (*sacra ritu Romano* и *ritu Graeco*). Тотъ-же дуализмъ проникаетъ установленный Августомъ принципатъ, который Моммземъ назвалъ діархіею.

Хотя консервативный формализмъ всегда присущъ былъ дѣятельности Римлянъ въ области государственной жизни, составляя ея характерную черту, но въ то-же время они никогда не были въ этой области доктринерами, какъ и вообще не были ни въ чемъ теоретиками; они были всегда, употребляя ихъ-же слова, *empirici*, а не *rationales*. Ужъ не разъ обращалось вниманіе на то, что среди Римлянъ почти не было геніевъ, и въ частности геніальныхъ государственныхъ дѣятелей и законодателей. Цицеронъ говоритъ о государственномъ строѣ Римлянъ-собственно Катонъ такъ будто не разъ говорилъ, по словамъ Сципіона (*De re publica* II, 1): *ob hanc causam praestare nostrae civitatis statum ceteris civitatibus quod in illis singuli fuissent fere, qui suam quisque rempublicam constituissent legibus atque institutis suis, ut Creten-sium Minos, Lacedaemoniorum Lycurgus nostra autem respublica non unius esset ingenio, sed multorum, nec una hominis vita, sed aliquot constituta saeculis et aetatibus.*

Уже гораздо раньше Цицерона Полибій (VI, 11) сказалъ о римскомъ государственномъ строѣ, что онъ установленъ былъ не сразу и не по теоріи, а выработанъ въ теченіе вѣковъ опытомъ практической жизни¹⁾. Римляне не толь-

¹⁾ Указавъ главныя черты государственнаго строя Спарты, установленнаго Ликургомъ, Полибій продолжаетъ (изд.

во ничего не строили въ своемъ государствѣ по теоріи, но и не имѣли никогда официальной кодификаціи ихъ государственнаго права, систематическаго свода государственныхъ законовъ, не дали они и научно-теоретическаго изложенія, систематической обработки государственнаго права. У нихъ было не мало законовъ, касавшихся разныхъ сторонъ и вопросовъ государственнаго устройства и управленія, но никогда никакого общаго государственнаго уложенія, никакого основнаго государственнаго закона, именно писаннаго. Многія, и при томъ весьма важныя, основныя положенія государственнаго права никогда не получили формы писаннаго закона, а существовали и имѣли огромное значеніе, какъ *mos maiorum*, *consuetudo*. Законы, которыми учреждались отдѣльныя главныя магистратуры, обыкновенно не опредѣляли точно ихъ компетенцій и способовъ дѣйствія; эти компетенціи устанавливались и разграничивались постепенно соотвѣтственно потребностямъ государственной жизни. При такомъ положеніи дѣла у Римлянъ, при всемъ ихъ великомъ уваженіи къ писанному закону и разъ установившемуся обычаю, оставалось достаточно простора и для самоопредѣленія и благотворнаго вліянія личности носителей власти²). Право въ узкомъ смыслѣ слова задумывалъ было кодифицировать Юлій-Цезарь, но не успѣлъ этого сдѣлать; затѣмъ выполнены были при императорахъ официально нѣкоторыя работы въ этомъ

Динд.): *Ἐκείνος μὲν (Ликургъ) οὖν λόγῳ τινὶ προειδόμενος πόθεν ἕκαστα καὶ πῶς πέφυκε συμβαίνειν, ἀβλαβῶς συνεστήσατο τὴν πολιτείαν. Ῥωμαῖοι δὲ τὸ μὲν τέλος ταῦτό πεποιήνται τῆς ἐν τῇ πατρίδι καταστάσεως, οὐ μὴν διὰ λόγου, διὰ δὲ πολλῶν ἀγώνων καὶ πραγμάτων ἐξ αὐτῆς ἀεὶ τῆς ἐν ταῖς περιπετείαις ἐπιγνώσεως αἰρούμενοι τὸ βέλτιον οὕτως ἦλθον ἐπὶ ταῦτό μὲν Λυκούργῳ τέλος, κάλλιστον δὲ σύστημα τῶν καθ' ἡμᾶς πολιτειῶν.*

2) Иерингъ, *Geist d. röm Rechts* II, 45 (3 изд.): „Оглубокомъ политическомъ инстинктѣ Римлянъ свидѣтельствуешь то, что они, какъ ни привыкли къ фиксированію и объективированію всего въ гражданскомъ правѣ, однако не поддались соблазну сдѣлать то-же самое въ области публичнаго (государственнаго) права. Въ то время какъ въ области граждан-

родѣ; а общій сводъ права примѣнительно къ потребностямъ времени сдѣланъ былъ, какъ извѣстно, только при Юстиніанѣ. Систематизировали право юристы, имѣвшіе извѣстное оффиціальное положеніе. Но наименѣе сдѣлано было въ этомъ родѣ и юристами въ области государственнаго права. Мы знаемъ почти только, что у Римлянъ были сборники прецедентовъ и правилъ, руководства частнаго характера для отдѣльныхъ магистратуръ или изложенія отдѣльныхъ сторонъ государственнаго строя и управленія для практическихъ цѣлей.

Необычайный формализмъ и консерватизмъ древнихъ Римлянъ, ихъ фикціи и под. въ государственной практикѣ въ наше время обыкновенно мало находятъ сочувствія. Но именно наше время, отличающееся высокимъ развитіемъ историческаго изслѣдованія, наиболѣе поняло Римлянъ и всю своеобразность ихъ политическаго развитія и строя.

„При обсужденіи историческаго явленія—говорить и проф. Герье—сголъ чуждаго нашимъ нравственнымъ и политическимъ понятіямъ, нужно особенно остерегаться анахронизма или не-исторической точки зрѣнія и не примѣнять къ прошедшему мѣрка современной цивилизаціи. Когда наше общество сознало какую-нибудь нравственную истину, какое-нибудь новое требованіе справедливости, оно требуетъ

скаго судопроизводства законъ совсѣмъ связывалъ руки магистрату, они понимали, что въ отношеніяхъ государственной жизни должно господствовать не мертвое правило, а живое, свободное разумѣніе, и не лишали магистратуру возможности дѣлать добро въ благомъ намѣреніи отнять у нея средства дѣлать зло.“

Моммзенъ называетъ римское государство *Rechtsstaat in höchster Potenz*, но это, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы въ немъ все основывалось на писанномъ законѣ и все было регламентировано: напротивъ, законовъ, писаннаго формальнаго права, регулировавшаго государственную жизнь, у Римлянъ было сравнительно мало, если принять въ соображеніе обширность задачъ и продолжительность ихъ политическаго развитія; но рядомъ съ закономъ у нихъ стоялъ обычай и все то, что народная совѣсть считала важнымъ, справедли-

немедленнаго проведенія въ жизнь въ ущербъ прежнему складу вещей, въ ущербъ практическимъ интересамъ, которые должны пострадать отъ этой перемѣны. Мы въ области государственной и общественной дѣйствительности XVIII вѣка, поставившаго теорію и требованіе разума несравненно выше жизни и исторіи. Мы вслѣдствіе этого всегда готовы передѣлать существующее, данное исторіею, въ пользу политическаго принципа . . . Совершенно иначе относились къ дѣлу римляне; инымъ путемъ шла ихъ историческая жизнь. Прогрессъ совершался у нихъ не путемъ теоретическаго размысленія, а вырабатывался практическою жизнью, онъ сознавался

вымъ, священнымъ, τὰ εἰωθότα νοήματα народа; отступленіе отъ этого безъ особыхъ уважительныхъ причинъ встрѣчало всегда протестъ со стороны народа, иногда даже вымывало вниманіе власти. Самые законы, оставаясь неизмѣнными по буквѣ, иногда толковались и примѣнялись такъ, какъ того требовали mores populi, а иногда, какъ не соответствующіе таковымъ, и совсѣмъ не примѣнялись. *Free by law, slave by custom*: cette devise du citoyen anglais était aussi celle du magistrat romain, qui se glorifiait de son respect pour la tradition et considérait la coutume comme une des bases les plus solides de l'état (Лабуле). Иерингъ говоритъ о значеніи для римскихъ должностныхъ лицъ обычая, публичности государственной жизни, всесторонняго контроля со стороны общества и пр.: „Свободныя по закону, должностныя лица были окружены невидимою силою, которая не мѣшала имъ дѣлать хорошее, но удерживала ихъ при всякой попыткѣ сдѣлать дурное. Въ этой невидимой силѣ и въ патриотическомъ духѣ, самоотверженности, уваженія къ старинѣ и пр. заключалась самая лучшая сторона римскаго государственнаго устройства и только она дѣлала его тѣмъ, чѣмъ оно было. Если же мы оставимъ ихъ безъ вниманія, а будемъ держаться только внѣшняго государственнаго механизма, формальнаго права, то, конечно, это государственное устройство должно показаться намъ однимъ изъ самыхъ несовершенныхъ, какія когда-либо существовали, и самая плохая изъ нашихъ новыхъ конституцій превосходила бы его безконечно.“

прежде потребностью, чѣмъ разумомъ. У нихъ идея слѣдовала за фактами.“ Да, несомнѣнно XVIII вѣкъ не понималъ Римлянъ, слишкомъ идеализировалъ ихъ республику и уничижалъ несправедливо безъ мѣры ихъ имперію. Но нашъ вѣкъ воздалъ должное Римлянамъ, и увлеченіе теорією теперь уже далеко не то, что въ XVIII вѣкѣ. По крайней мѣрѣ не всѣ современные народы въ одинаковой мѣрѣ являются дѣтьми XVIII вѣка въ ихъ государственной жизни. Тогда какъ Французы болѣе рабствуютъ теоріи, государственная жизнь Англичанъ, напротивъ, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ много напоминаетъ древне-римскую, и мы считаемъ не лишнимъ для поясненія выше указанныхъ чертъ государственной жизни Римлянъ сравненіемъ привести здѣсь слѣдующее интересное мѣсто изъ одного французскаго автора¹⁾ объ англійскомъ государственномъ строѣ: „Въ 1793 г. Héault de Séchelles потребовалъ изъ Національной Библіотеки экземпляръ законовъ Минаоса. Подобную ошибку сдѣлалъ бы тотъ, кто вздумалъ бы искать текста англійской конституціи. Англичане не любятъ кодификаціи, которая де каменитъ законы (*pétrifie les lois*); ихъ конституція не писана, не имѣетъ официальной редакціи. Извѣстные юристы могли дѣлать своды различныхъ актовъ и органическихъ текстовъ; но никогда законодатель не санкціонировалъ этихъ сборниковъ. Это конституція обычная; она состоитъ изъ совокупности обычаевъ и прецедентовъ, которые обозначаютъ словомъ *common law*. Поэтому она лишена точности, неопредѣленна, безпорядочна, и лордъ Пальмерстонъ могъ сказать, говоря о ней: „Я готовъ дать хорошее вознагражденіе тому, кто бы мнѣ далъ экземпляръ ея.“... Въ этомъ государственномъ строѣ благодаря работѣ скрытой и постепенной, происходятъ незамѣтные измѣненія, прогрессивныя улучшенія. Какъ въ природѣ, развитіе идетъ постепенно, безъ потрясеній. Безъ системы, безъ единства статуты присоединяются къ статутамъ; они суть результаты событій и отвѣчаютъ потребностямъ настоящаго дня. Этотъ строй имѣетъ неистощимую способность принаравливаться (*adaptation*). . . . Кромѣ того, можно думать, что Англичане, умѣя измѣнять

¹⁾ Bousquet de Florian, *Revision des Constitutions*, стр. 241 и сл.

въ государственныхъ порядкахъ, что нужно, колеблются, боятся это объявлять: слово пугаетъ ихъ болѣе чѣмъ самое дѣло и на любимую французскую формулу: *Tout nouveau, tout beau* они отвѣчаютъ пословицею: *The new is false*. Ни одна реформа не является у нихъ, какъ нововведеніе: объявляя какое-либо новое право, они выводятъ его изъ тысячи разсѣянныхъ обычаевъ и рѣшительно повторяютъ, что они только возобновляютъ старинное право, которымъ англійскій народъ всегда де пользовался. Самая замѣчательная черта этой конституціи—это непрерывность существованія всѣхъ учрежденій, составляющихъ ее, несмотря на постоянныя измѣненія и часто весьма значительныя, коимъ подвергаются власти, ихъ привилегіи и пр. Умѣніе приноравливаться есть особый, характерный талантъ Англичанъ; кто сравнится съ ними въ трудномъ искусствѣ соединять безъ потрясенія настоящее съ прошедшимъ и извлекать наибольшую пользу изъ прежде существовавшаго для потребностей настоящаго? . . . По природѣ своего ума Французъ любитъ однообразіе, логику, и ходъ историческихъ событій еще усилилъ это его природное предрасположеніе . . . Наша конституція есть научный трактатъ, цѣльное научное произведеніе. Англичане, наоборотъ, не любятъ обобщать, боятся стать жертвами логики, отказываются кодифицировать свою конституцію, желая сохранить эти счастливыя непоследовательности, эти полезныя несообразности и противорѣчія, которыя имѣютъ полное право существовать въ учрежденіяхъ, такъ какъ онѣ находятся уже въ самой жизни, въ природѣ вещей. Ихъ исторія не представляетъ ни одного кореннаго и общаго переворота. Ихъ конституція есть дѣло вѣковъ, собраніе привилегій и правъ, восходящихъ къ незапамятнымъ временамъ. Это методъ послѣдовательности, удивительно идущій къ народу, который говоритъ, что народъ безъ прошедшаго есть народъ безъ будущаго. . . Мы, не имѣя крѣпкихъ традицій, предаемся спекулятивнымъ изысканіямъ; Англичане, сторонники утилитарной политики, не исправляютъ злоупотребленій, не поправляютъ ошибокъ, пока онѣ не стали опасностью. Отсутствіе логики не оправдываетъ въ ихъ глазахъ необходимости ревизіи (конституціи)^а. Извѣстный специалистъ по государствовѣдѣнію Р. Моль говоритъ (*Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften*, III, 8):

„Въ Англіи со времени Нормановъ государство, что касается конституціи и администраціи, развивалось постоянно на одной и той же основѣ и никогда внѣшняя сила не направила его на чуждые пути. (Даже кратковременная республика и лишеніе трона Стюартовъ представляютъ такъ мало нѣчто существенно отличное, что, напротивъ, можно сказать, они порождены стремленіемъ сохранить и естественно развивать существующее право). Перемены вводились въ немъ посредствомъ улучшеній въ частностяхъ, часто даже только посредствомъ правовыхъ фикцій, слѣдовательно съ сохраненіемъ формально того, что оказывалось негоднымъ. Всѣ нынѣ существующія учрежденія можно безъ всякихъ насильственныхъ прыжковъ вывести изъ прежнихъ порядковъ и всегда можно указать ихъ постепенное генетическое развитіе. Таково-же направленіе и въ литературѣ (по государственному праву): она главнымъ образомъ историческая или технически-юридическая, при чемъ къ дѣлу не привлекаются искусственныя системы и отвлеченныя основанія“.

Какъ все это напоминаетъ древнихъ Римлянъ! Кажется, будто это о нихъ говорится. „Англійскій парламентъ можетъ сдѣлать все потому, что онъ все дѣлалъ, а дѣлалъ все потому, что онъ родился и состарѣлся вмѣстѣ съ обществомъ и принималъ руководящее участіе во всѣхъ событіяхъ его исторіи“. Невольно при этихъ словахъ вспоминаешь о римскомъ сенатѣ, который въ извѣстный періодъ республики правительствовалъ въ Римѣ и черезъ Римъ во всемъ мірѣ, будучи *de jure* только совѣтомъ, коего правительственныя права не были формально обоснованы никакимъ актомъ. Д' Израэли говорилъ: „Англійскіе нравы спасаютъ Англію отъ ея законовъ (*English manners save England from its laws*).“ „*Moribus antiquis stat res Romana virisque* ¹⁾—говорили формалисты Римляне. Ихъ законы, ихъ государственный строй выработаны были ихъ духомъ и жизнью и соотвѣтствовали имъ. Пока былъ живъ духъ въ народѣ и крѣпки его нравы и обычаи, полезны были и законы; если же законы ставили Римлянина въ затруднительное положеніе, то и онъ умѣлъ по своему спастись отъ своихъ законовъ: онъ прибѣгалъ напр.

1) Цицеронъ, *De re publica*, V, I.

къ разнаго рода фикціямъ; когда ему больно было рушить священную старицу, онъ совершалъ нѣкоторую *ria graus* и дѣлалъ дѣло со спокойною совѣстью.

Упомянутыя нами характерныя черты и особенности римской государственности весьма важны вообще и въ частности при изученіи ея, въ методологическомъ отношеніи; онѣ должны въ значительной мѣрѣ опредѣлять способъ изученія и изложенія государственныхъ учреждений Рима, и въ частности ими объясняются нѣкоторые вопросы, иначе неразрѣшимые. Давно уже было обращено вниманіе на то, что преданіе о государственныхъ учрежденіяхъ древняго Рима при необыкновенной послѣдовательности, постепенности и консервативности въ ихъ развитіи должно было сохраниться у Римлянъ вѣрнѣе, чѣмъ былевая ихъ исторія древнѣйшихъ вѣковъ. Выше мы уже привели слова Моммзена, что изученіе государственныхъ учреждений Рима есть единственный ключъ къ пониманію римской исторіи. Правильному пониманію такъ называемаго принципата долго мѣшало именно игнорированіе этихъ коренныхъ и всеглашнихъ свойствъ римскаго народнаго ума и особенностей политическаго развитія: ученые хотѣли видѣть въ принципатѣ только узурпацію, военный деспотизмъ, просто фактическое положеніе дѣлъ, не имѣвшее никакого правоваго обоснованія.

Государственныя учрежденія Рима излагаются у важнѣйшихъ писателей специалистовъ по этому отдѣлу не одинаковымъ образомъ. Беккеръ дѣлилъ матеріалъ по историческимъ періодамъ (цари, республика) и въ каждомъ отдѣлѣ рассматривалъ систематически магистратуру, сенатъ и народныя собранія. Ту-же систему вы найдете въ учебникѣ Виллемса, переведенномъ на русскій языкъ. У Ланге собственно историческая часть уже слишкомъ обширна сравнительно съ отдѣлами систематико-антикварными; при этомъ Ланге систематическое изложеніе главныхъ элементовъ государственнаго строя приурочиваетъ къ отдѣльнымъ періодамъ республики (далѣе республики онъ не пошелъ). Послѣднее его методологическое нововведеніе, кажется, не нашло подражателей. Въ послѣднее время вышелъ значительный трудъ тюбингенскаго профессора Герцога *Geschichte und System der römischen Staatsverfassung*, обнимающій царскій періодъ, республику и принципатъ. Для cadaго періода сначала дана исторія кон-

ституціоннаго развитія, а затѣмъ систематическое изложеніе учреждений (система). Историческія части труда Герцога такъ обширны, что можно сказать, представляютъ нѣчто отдѣльное и самостоятельное сами по себѣ. Герцогъ, а также и другіе ученые, напр. Шиллеръ, вообще слѣдуютъ *системѣ* Моммзена, хотя по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ болѣе или менѣе расходятся съ нимъ. У Моммзена находимъ исключительно систематическое изложеніе римскихъ государственныхъ учреждений безъ раздѣленія въ схемѣ по историческимъ періодамъ и конструктивно-синтетическое направление. Уже самое заглавіе его знаменитаго труда *Römisches Staatsrecht* указываетъ на то, съ какой точки зрѣнія онъ въ немъ разсматриваетъ учрежденія Рима.

Здѣсь схематизмъ, юридическія подраздѣленія и толкованія доведены до крайности. Съ одной стороны, разсмотрѣніе отдѣльно каждой категоріи государственныхъ учреждений Рима по ея идеѣ, какъ чего-то одинаго за все время ея существованія, представляется несомнѣнно вполне естественнымъ и рациональнымъ въ виду того, что, какъ мы видѣли, у Римлянъ въ развитіи ихъ государственныхъ учреждений имѣла мѣсто замѣчательная послѣдовательность и непрерывность. Но, съ другой стороны, такое изложеніе представляетъ, какъ все таки одностороннее, не малую опасность. При римскомъ консерватизмѣ и формализмѣ, при большомъ вліяніи такого фактора, какъ *mos majorum*, иногда невозможно опредѣлить, насколько содержаніе соотвѣтствовало формѣ и насколько въ данномъ случаѣ власть дѣйствовала на основаніи формальнаго, строгаго права. У Римлянъ должно было быть нерѣдко большое несоотвѣтствіе между формою и содержаніемъ; вотъ тутъ-то строгій схематизмъ иногда можетъ породить фальшь; систематикъ долженъ непремѣнно очутиться иногда въ затруднительномъ положеніи и противорѣчить самому себѣ¹⁾.

¹⁾ Такъ какъ многое въ римской государственной жизни основывалось не на строгомъ формальномъ правѣ, а на обычаяхъ государственной практики, отъ которыхъ дозволятельны были и отступленія по уважительнымъ причинамъ, то, понятно, въ нашихъ источникахъ не мало такпхъ противорѣчій, которыя собственно не противорѣчія, стремленіе же во

Römisches Staatsrecht Моммзена—самая замѣчательная и капитальная работа по римскому государственному праву въ настоящее время; она въ высшей степени оригинальна и самостоятельна; въ ней почти нѣтъ указаній на новую литературу предмета (кромѣ указаній на собственныя свои многочисленныя работы исключенія въ этомъ отношеніи авторъ дѣлаетъ весьма рѣдко), а только положенія и аргументація автора, при чемъ приводится масса цитатъ изъ источниковъ. Трудъ Моммзена составляетъ первые три тома семитомнаго Handbuch der römischen Alterthümer Моммзена (прежде Беккера) и Марквардта. Теперь нѣсколько частей его уже переведено на французскій языкъ.

Иванъ Турцевичъ.

что бы то ни стало устранить эти противорѣчія и возвести къ формальному единству и послѣдовательности, будетъ дѣйствительнымъ великимъ противорѣчіемъ исторіи и духу римскаго государственнаго права. Римское государственное право въ обширномъ смыслѣ слова во многомъ не можетъ быть конструировано по текстамъ законовъ и под., такъ какъ таковыхъ для многихъ случаевъ у насъ теперь не имѣется или и совсѣмъ никогда не существовало, а приходится часто абстрагировать его изъ фактовъ римской исторіи, и опять о римскомъ государственномъ правѣ можно сказать то-же, что Мольтъ говоритъ объ англійскомъ: „Nirgends fließt das praktische (Staats) Recht so sehr mit der Geschichte zusammen, als in England; daher ist auch nicht immer eine Scheidung von Rechtswissenschaft und Geschichte.“

III.

Приложеніе.

**Изъ начальной исторіи раскола на Вѣткѣ и въ
Стародубьѣ.**

Историко-критическое изслѣдованіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О времени происхожденія Стародубовскихъ и Черниговскихъ раскольничьихъ слободъ.

Давно и прочно установилось въ нашей литературѣ по исторіи раскола то мнѣніе, что первымъ раскольничьимъ поселенцемъ въ Стародубскихъ предѣлахъ былъ московскій попъ Кузьма, имѣвшій свой приходъ при церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, вмѣстѣ съ двадцатью „духовными дѣтьми своими“. Въ первый разъ на попа Кузьму, какъ на перваго поселенца изъ раскольниковъ въ этомъ краѣ, указалъ извѣстный раскольничій писатель безпоповщинскаго толка Иванъ Алексѣевъ въ своей „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“, написанной имъ въ началѣ второй половины XVIII вѣка, а именно въ 1755 г. Съ тѣхъ поръ это указаніе безпоповщинскаго историка повторялось и повторяется всѣми писателями, касавшимися такъ или иначе исторіи раскола вообще и Стародубскаго въ частности, хотя и не всѣ эти писатели одинаково относились къ этому свидѣтельству Ивана Алексѣева. Одни изъ нихъ принимали свидѣтельство его безъ всякихъ оговорокъ и историческихъ поясненій, признавая за нимъ силу и значеніе достовѣрнаго историческаго свидѣтельства, не нуждавшагося въ провѣркѣ и историческомъ удостовѣреніи, тогда какъ другіе, принимая указаніе Алексѣева, какъ единственное дошедшее до насъ свидѣтельство о первоначальномъ поселеніи раскольниковъ въ Стародубскомъ полку, старались и стараются объяснить и провѣрить тѣ историческія данныя, которыми обставлено это указаніе у самаго Ивана Алексѣева. Къ первой категоріи писателей изъ второй половины XVIII в., когда появились въ нашей исторической литературѣ первые болѣе или менѣе систематическіе опыты по исторіи раскола, прежде всего

нужно отнести столь извѣстнаго въ литературѣ по исторіи раскола протоіерея Андрея Іоаннова Журавлева, чаще просто Андрея Іоаннова, какъ автора „Историческаго извѣстія о раскольникахъ“, первое изданіе котораго вышло въ 1784 г. (Обзоръ дух. литерат. преосв. Филарета), а второе издано П. Б. въ С.-Петербургѣ въ 1787 г., и затѣмъ какъ автора „Полнаго историческаго извѣстія о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ“, имѣвшаго нѣсколько изданій, начиная съ 1794 г. Изъ писателей ближайшихъ къ намъ по времени къ этой же категоріи нужно отнести: А. Н. Муравьева, А. Щапова и преосвященнаго Макарія. Во главѣ писателей второй категоріи, пытавшихся провѣрить и такъ или иначе удостовѣрить свидѣтельство Ивана Алексѣева, нужно поставить бывшаго архіепископа Черниговскаго Филарета Гумилевскаго и извѣстнаго знатока исторіи русскаго раскола П. И. Мельникова¹⁾. Въ послѣднее время тѣмъ же вопросомъ зани-

¹⁾ «Полн. историч. изв.» протоіерея *Журавлева* имѣло уже 6 изданій: первое въ 1794 г., пятое въ 1855 г. и послѣднее въ 1890 г. «Историч. изв. о раск.» ему же приписано. еще *Социковымъ* (4410). И дѣйствительно, это послѣднее въ миниатюрѣ (всего 48 стр. въ 12-^о) представляетъ «Полное ист. изв.» со всѣми его достоинствами и недостатками. Ср. Полн. изв. по 2 изд. 1795 г. ч. 1, стр. 84—85, 98. Мы пользовались вторымъ изд. «Ист. изв.» См. также Матеріалы *Березина—Ширяева*, VIII, стр. 28; *Геннади*, Гр., Справ. слов. о рус. писат. и ученыхъ, т. II, стр. 13. Здѣсь прямо «Ист. изв.» приписывается о. Журавлеву, какъ и у Социкова. Инымъ образомъ высказывается *А. С. Прулягинъ* въ книгѣ: «Расколь-септанство». К. 1. М. 1887. Онъ приписываетъ его *Чашикову* и раскрываетъ инициалы издателя П. Б. (Петръ Богдановичъ). Стр. 16. Ср. объ авторѣ этой книжки и у А. Д. Черткова въ «Всеоб. библиотекѣ Россіи или каталогѣ книгъ для изученія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ». М. 1838 г., отд. III, р. 1, № 27, стр. 225.—*Муравьевъ*: Расколъ, обличаемый своею исторіею. Спб. 1854, стр. 133—134.—*Макарій*: Ист. рус. раскола. Изд. 2. Спб. 1858. Стр. 322—323.—*Щаповъ*: Рус. расколъ старообрядства. Казань. 1859, стр. 7 и др. По отношенію къ вопросу о времени поселенія попа Кузумы въ Стародубѣ у Щапова замѣтна нѣкоторая путаница: въ одномъ случаѣ это поселеніе онъ приурочиваетъ почему-то къ 1675 г., тогда какъ въ другомъ случаѣ, напр. на стр. 532, согласно съ Ив. Алексѣевымъ, относятъ тотъ же фактъ ко времени послѣ собора 1666—1667 гг.—*Филаретъ*: Ист. стат. опис. чер. еп. кн. IV, стр. 79 (Черняговъ,

мались: мѣстный Черниговскій изслѣдователь г. М. Доброгаевъ, напечатавшій довольно объемистую статью въ мѣстныхъ епархіальныхъ извѣстіяхъ за 1884 г. (№№ 20—24) подъ заглавіемъ: „Первыя времена раскола въ Стародубѣ“, и извѣстный дѣятель по разработкѣ исторіи Малороссіи А. М. Лазаревскій, посвятившій въ своемъ недавнемъ трудѣ: „Описаніе старой Малороссіи“ (т. I. Стародубскій полкъ. Кіевъ. 1888—1889 г.) послѣднюю главу раскольничьимъ слободамъ, находившимся въ Стародубскомъ полку, и сообщившій о нихъ нѣсколько весьма интересныхъ новыхъ данныхъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти попытки удостовѣрить свидѣтельство Алексѣева разнаго рода историческими соображеніями, за недостаткомъ положительныхъ и точныхъ данныхъ, не сопровождались успѣхомъ и не выяснили вопроса о времени и условіяхъ первоначальнаго поселенія раскольниковъ въ Стародубскомъ полку. Справедливость требуетъ сказать и то, что какъ бы и не старались удостовѣрить свидѣтельство Ивана Алексѣева, одно оно будетъ имѣть только относительное значеніе въ вопросѣ о времени происхожденія стародубскихъ раскольничьихъ слободъ, и всегда будетъ нуждаться въ другихъ, болѣе полномѣсныхъ, свидѣтельствахъ, въ особенности изъ времени первоначальнаго поселенія раскольниковъ въ предѣлахъ Стародубья. А такія свидѣтельства есть, и, какъ увидимъ далѣе, значительно расходятся съ указаніемъ безпоповщинскаго писателя—историка, а тѣмъ болѣе съ тѣми побочными историческими соображеніями, которыя составились на основаніи этого свидѣтельства у комментаторовъ послѣдняго. Вотъ почему снова необходимо пересмотрѣть этотъ вопросъ и поставить его на надлежащую дорогу.

Разсмотримъ прежде всего свидѣтельство Ивана Алексѣева. Онъ такъ говоритъ о поселеніи раскольниковъ въ Стародубѣ: „Настоящу въ Москвѣ велію на старовѣрцы гоненію, а наипаче вины ради сея, понеже въ лѣто 7174 отъ всякаго священнѣйшаго чина въ Москвѣ соборъ бѣ, и на немъ о коемъ-ждо священномъ дѣйствѣ съ подтвержденіемъ изверженія, отлученія, проклятія, подробну нововводимое установленіе положено, и писано,—то свитокъ наречено, кое при служебникѣ въ

1873 г.), Труды Кіев. Дух. Акад. 1860 г., № 2, ст.: «Ист. свѣд. о раск. черн. еп.»—Мельниковъ, П. И. Ист. очерки поповщины. М. 1864 г., стр. 61—62.

лѣто 7176 напечатано,—откуда всякъ священнодѣйствующій и людинѣ опасно наблюдаемъ въ томъ баше. Сего ради небреженія нѣкто бывшій въ Москвѣ попъ именемъ Козма, службу имѣя въ церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, видя сія належапія, совѣтъ положи съ духовными дѣтьми своими, отыти въ Стародубскіе предѣлы: баше бо ему на той часъ стародубскій полковникъ зѣло знаемъ и другъ Гавріилъ Ивановичъ, его же въ нѣвоихъ напастехъ укрываше. И угодно бысть всѣмъ совѣщаніе то: оставивше жительства своя, поидоша въ Стародубъ. Полковникъ же, видѣвъ Козму попа, любовное пріятство всѣмъ сущимъ съ нимъ показа, и на прошенія ихъ во атаману Куркускому (Курковскому) Ламакѣ, повелѣвая листомъ онимъ отвести имъ на житьство мѣсто нарицаемое Понуровку. И тамо вси пришедшіи съ Козмою, числомъ 20, поселишася при рѣцѣ Ревнѣ, въ лѣто 7177. Въ Великороссіи же елико день, толико умножашеся на сторовѣрцы гоненіе, ищущетые, и къ новшествамъ принуждающе силою и муками; коихъ страшныхъ прещеній, не могуще носити, многіе народы, оставляюще своя природная мѣста, сродники и други, течаху въ Стародубскую область, и тамо пустыни населяюще. Откуда населися Бѣлый Колодезь и Синей, Замішево, Шеломы, слободы“¹⁾).

Ясно, что Иванъ Алексѣевъ, ставя въ связь поселеніе раскольниковъ въ Стародубскихъ предѣлахъ въ соборомъ 1666—1667 гг. и мѣрами его противъ раскольниковъ, инициативу поселенія въ этихъ предѣлахъ раскольниковъ, по случайному обстоятельству, по знакомству съ стародубскимъ полковникомъ Гавріиломъ Ивановичемъ, приписываетъ московскому попу Всесвятской церкви на Кулишкахъ Кузьмѣ. Самымъ лучшимъ историческимъ удостовѣреніемъ свидѣтельства Алексѣева, безъ сомнѣнія, могли бы служить какіе—либо церковно-приходскіе акты, которые указывали бы на попа Кузьму, какъ на настоятеля Всесвятской церкви на Кулишкахъ во время московскаго собора 1666—1667 гг., или въ ближайшее къ нему время. До настоящаго времени, всѣ писавшіе о первоначальныхъ временахъ раскола въ Стародубѣ, за недостаткомъ прямыхъ указаній на этотъ счетъ и вполне полагаясь на свидѣтельство

1) Тихомировъ, Н. С. Лѣтоп. рус. лит. в древн. т. IV, стр. 57. «Истина», кн. 29, мартъ—апрѣль 1875 г., 7—8.

Алексѣева, обходили этотъ пунктъ и не пытались даже его выяснить, не смотря на то, что Ив. Алексѣевъ, писавшій свою исторію спустя почти цѣлое столѣтіе послѣ поселенія здѣсь раскольниковъ, и не могъ быть авторитетнымъ въ данномъ случаѣ историкомъ. А между тѣмъ по церковно-приходскимъ актамъ, сохранившимся и до нашего времени, попъ Кузьма былъ дѣйствительно въ Москвѣ при Всесвятской церкви на Кулишкахъ, за Варварскими воротами, въ такъ называемомъ Бѣломъ городѣ; но только не въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII в., какъ оказывается по свидѣтельству Алексѣева, а въ концѣ семидесятыхъ. По приходнымъ книгамъ патриаршаго казеннаго приказа Всесвятскій на Кулишкахъ попъ Кузьма платилъ обкладныя деньги въ 185 году, т. е. въ 1676—1677 г., и только въ одномъ этомъ году; до него попомъ здѣсь былъ въ 165—184 годахъ Семень Григорьевъ, послѣ него Никита въ 186—193 годахъ ¹⁾. Это современное оффиціальное указаніе о попѣ Кузьмѣ несомнѣнно надежнѣе и достовѣрнѣе свидѣтельства не современника, а лица уже жившаго почти столѣтіе спустя послѣ того факта, о которомъ оно говоритъ. На этомъ основаніи мы и вправѣ отодвинуть время поселенія раскольниковъ въ Стародубьѣ, съ попомъ Кузьмою во главѣ, къ концу семидесятыхъ годовъ XVII в., а не шестидесятыхъ, какъ обыкновенно до сихъ поръ утверждали нами историки раскола (Журавлевъ, Муравьевъ, Фидаретъ, Макарій, Мельниковъ и др.), т. е. во времени царствованія Ѳедора Алексѣевича.

Что и въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича были, или, вѣрнѣе, продолжались тѣ большія „належанія“ и „страшныя прещенія“ на московскихъ раскольниковъ, о которыхъ говоритъ въ данномъ случаѣ Ив. Алексѣевъ,—фактъ несомнѣнный, тѣмъ болѣе, что ни самъ царь, ни его ближайшіе духовные совѣтники не имѣли никакихъ симпатій къ ревнителямъ старины, которыя несомнѣнно были у его отца, „тишайшаго“ царя. Кромѣ извѣстныхъ уже въ литературѣ данныхъ объ этихъ „належаніяхъ“ и „прещеніяхъ“, мы укажемъ на слѣдующій менѣе извѣстный фактъ изъ того же времени. 185 года, октября 25,

¹⁾ Матеріалы для исторіи, археологій и статистики Московскихъ церквей, собранныя изъ книгъ и дѣлъ прежде бывшихъ патриаршихъ приказовъ В. И. и Г. И. Хомпоговыми, при руководствѣ И. Е. Забѣлина. Ч. I. М. 1884 г. стр. 493.

т. е. въ 1676 г., посланъ былъ указъ Спасо-новаго монастыря, что на Москвѣ, архимандриту Макарію, объ отобраніи старыхъ служебниковъ и сосудовъ деревянныхъ въ Спасовѣ новомъ монастырѣ и въ подмонастырскихъ слободахъ. Это повидимому тотъ же патриаршій указъ объ отобраніи служебниковъ и раздатѣ новыхъ, которымъ повелѣвалось за утайку старыхъ служебниковъ взыскивать пени по 10 руб. Объ этомъ патриаршемъ указѣ упоминается въ грамотѣ Новгородскаго митрополита Корнилія, данной 30-го ноября 1680 г. архимандриту Соловецкаго монастыря Иларіону, по поводу отобранія служебника старой печати у нѣкоего попа Степана церкви Іоанна Предтечи въ Кандаляжскомъ уѣздѣ и о взысканіи съ него пенныхъ денегъ. Указъ патриаршій въ грамотѣ м. Корнилія отнесенъ къ 185 г., т. е. 1676—1677 г., какъ и вышеупомянутый указъ новоспасскому архимандриту Макарію объ отобраніи старыхъ служебниковъ и сосудовъ деревянныхъ¹⁾. Въ связь съ мѣрами правительства противъ раскольниковъ нужно поставить и тѣ раскольничьи самосожженія, о которыхъ дошли болѣе опредѣленныя извѣстія изъ времени именно этого царствованія (1676—1682 гг.), какъ напр. о самосожженіи въ Пошехонскомъ уѣздѣ, въ Бѣлосельской волости, въ приходѣ церкви св. Пятницы 1920 чел., въ Сибири на заимкѣ при рѣчкѣ Березовкѣ 1700 чел., по другимъ свѣдѣніямъ 300 чел., въ Мехонской волости, въ д. Мостовой близъ Исетскаго острога и пр.²⁾. Стро-

¹⁾ Ibidem, 1, 845. Книги и дѣла дворцоваго патриарш. приказа, № 3. Грамота новгородскаго м. Корнилія 1680 г. помѣщена въ Географ., историч. и статист. опис. Соловецкаго монастыря, составл. архим. Досвѣеми. Изд 2, ч. 3. М. 1853 г. стр. 226—227, № XXIII.

²⁾ О самосожженіи въ Пошехонскомъ уѣздѣ извѣстенъ разсказъ Игнатія старца при Углицкомъ Воскресенскомъ монастырѣ, какъ очевидца, состояншаго священникомъ церкви св. Пятницы въ 1676—1683 гг. «Розыскъ» Дмитрія Ростовскаго. М. 1824 г., стр. 585. О др. самосожженіяхъ изъ этого времени см. тамъ же, стр. 573, 580, 582. Доп. къ акт. ист. VIII, № 50. Ист. Рос. Соловьева, XIII, стр. 310. Ист. раскола Макарія, стр. 272. Подробности объ этихъ самосожженіяхъ можно найти въ кн. Д. И. Сапожникова: Самосожж. въ рус. расколѣ. М. 1891. Стр. 8—19. (Изъ III кн. «Чт. въ общ. ист. и древн. росс»... 1891.). Въ дополненіе къ сказанному тамъ о началѣ раскольничьихъ самосожженій замѣтимъ, что есть опредѣленныя из-

гое отношеніе къ раскольникамъ еще болѣе было усилено въ началѣ 1681 г., въ виду извѣстій о ихъ умноженіи въ Сибири, а также во многихъ внутреннихъ и пограничныхъ городахъ и мѣстахъ, о распространеніи ими своихъ тетрадокъ и книгъ для совращенія православныхъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ тогда же правительство предписало администраціи принять строгія мѣры въ „возбраненіе распространенія раскола“, „чтобъ тѣхъ воровъ и имъ пристанища нигдѣ не было“. Эти мѣры вмѣстѣ со многими другими, по письменнымъ предложеніямъ самаго царя, были потомъ одобрены на соборѣ, составившемся въ Москвѣ въ ноябрѣ 1681 г. подъ предсѣдательствомъ патріарха Іоакима¹⁾.

Можно сказать даже болѣе, что именно только со времени этого царствованія духовная власть, въ лицѣ патріарха Іоакима (1674—1690 гг.), принялась болѣе или менѣе энергично и систематично за борьбу съ расколомъ и его проявленіями, и что только съ этого времени борьба эта приняла съ той и другой стороны крайне рѣзкій и даже ожесточенный характеръ. Со стороны духовной власти преслѣдовалось настойчиво все, что напоминало собою старину въ извѣстномъ вкусѣ: книги, сосуды, ризы, кафтаны. Со времени же патріарха Іоакима стали строго

вѣстія о нихъ и пзъ времени царствованія Алексѣя Михайловича. Такъ въ одномъ изъ хронографовъ 2-й редакціи съ русскими прибавленіями, хранящемся теперь въ археографической комиссіи, на л. 119 читаемъ: «Въ 180 и 181 г. (1672—1673), за умноженіе грѣхъ вашихъ предъ Господомъ Богомъ, простые люди невѣжи, хуляще божественное писаніе и новоправные съ греческихъ переводовъ книги, и сложеніе тріехъ перстовъ крестнаго знаменія, и не слушая отцовъ своихъ духовныхъ наказанія, многіе на покаяніе не приходили и св. божественныхъ таинъ не причащались, и къ церквамъ Божиимъ не ходили и св. иконамъ не поклонялись, прельстясь въ богоотступниковъ, отъ многихъ враговъ невѣжъ отъ пустынниковъ собирались вмѣстѣ въ домѣхъ и въ овны, сами жглись многіе и съ малыми младенцами, въ Нижегородскомъ уѣздѣ и въ иныхъ мѣстахъ». Барсуковъ, Н. Рукоп. арх. ком. Сиб. 1882 г. Стр. 81. Ср. Ист. Рус. раскола Макарія. Сиб. 1858 г. Стр. 265.

¹⁾ Акт. ист. V, № 75. Ист. рус. раск. Макарія, 361—362. Въ одной изъ грамотъ царя Ѳедора Алексѣевича, отъ 20 апрѣля 1681 г., о розыскѣ и поимкѣ раскольниковъ въ Орловѣ и Орловскомъ уѣздѣ (Орловъ-нынѣ с. Воронежскаго у.), данной Семену Ивановичу Павловскому, предписывалось: «Когда въ Орловѣ закащикъ, или кому

слѣдить и за тѣмъ, чтобы во главѣ приходоѡ, особенно въ столицѣ, не стояли по крайней мѣрѣ явные сторонники раскола ¹⁾.

Гораздо труднѣе опредѣлить личность стародубскаго полковника, называемаго Иваномъ Алексѣевымъ Гавриломъ Ивановичемъ, котораго укрывалъ „въ нѣкоихъ напастяхъ“ въ Москвѣ попъ Кузьма и который потому былъ Кузьмѣ знакомцемъ и другомъ. Полковника съ именемъ Гаврила Ивановича не было во главѣ Стародубскаго полка за все время существованія малороссійскаго козачества. Пресвященный Черниговскій Филаретъ въ изданномъ имъ „Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи“ (кн. VII, стр. 79) высказалъ предположеніе, что это былъ не полковникъ украинскій, т. е. по мѣстности стародубскій, а присланный изъ Москвы воевода. Такое предположеніе покойный Филаретъ строилъ на основаніи пріятельской связи попа Кузьмы съ Гавриломъ Ивановичемъ, считая болѣе естественными дружескія отношенія московскаго попа къ своему земляку—воеводѣ, чѣмъ къ полковнику—малоруссу. По многимъ соображеніямъ это предположеніе не можетъ быть

духовныя дѣла приказаны, такихъ воровъ къ тебѣ присылать или для сыску и поиски ихъ о служилыхъ людѣхъ тебѣ говорить учнуть, и ты бѣ тѣхъ воровъ принималъ, и про то ихъ воровство розыскивалъ, и для сыску и поимки ихъ служилыхъ людей чѣмъ заващивалъ, или кому духовныя дѣла приказаны, давалъ, и всякое вспоможеніе въ томъ дѣлѣ чинилъ по сему нашему В. Г. указу безъ всякаго мотчанья, неотымаясь ни чѣмъ, чтобы тѣхъ воровъ и имъ пристанища въ Орловѣ и Орлов. уѣздѣ нигдѣ не было». Царская грамота Павловскому напечатана въ Воронежскихъ Губ. Вѣд. за 1859 г. № 2.

¹⁾ О преслѣдованіи м. Іоакимомъ старыхъ ризъ и кафтановъ сохранилось любопытное, хотя и позднѣйшее указаніе въ письмахъ извѣстнаго государственнаго человѣка временъ Ѳедора Алексѣевича и Софьи Алексѣевны, стоявшаго высоко и по своему европейскому образованію, князя Василья Васильевича Голицына. Въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ перваго крымскаго похода онъ писалъ Ѳедору Шакловитому: «О патріаршей дурости подавляюсь: отпши, что порокъ на тѣхъ ризахъ и какимъ подобіемъ? Такъ же и про мои, что у церкви, что порокъ? И не посылали ли ко мнѣ?» При послѣдующемъ розыскѣ смыслъ этого мѣста изъ своего письма онъ объяснялъ такъ: «про святѣйшаго патріарха писалъ для того, что онъ подобралъ изъ Барашей ризы и кафтаны, и служить въ нихъ не велѣлъ; а тѣ де ризы церковному чину не противны». Розыск. дѣло о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ. Т. III. Спб. 1888 г. 1103, 1975. Объ отноше-

принято, и прежде всего потому, что въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. воеводство держалось въ Стародубѣ всего два съ нѣсколькими мѣсяцами года, а именно съ 1666 г. по 1668 г. Единственнымъ стародубскимъ воеводой за это время былъ князь Игнатій Григорьевичъ Волконскій, убитый въ 1668 г. возмущившимся народомъ¹⁾. Во вторыхъ, это предположеніе не можетъ быть оправдано и по той простой причинѣ, что никто, кромѣ мѣстнаго полковника, не имѣлъ права раздавать полковую землю для поселенія. Извѣстно, что всякій полковникъ

ніяхъ Голицына къ п. Іоакиму: Устряловъ: Ист. Петра Вел. 1, 349—350. Смирновъ: Іоакимъ, п. Московскій. Стр. 234—236. При п. же Іоакимѣ, по раскольничьимъ свидѣтельствамъ, была составлена «Присяга хотящимъ взыти на степенъ священства», въ которой посвящаемый отрицался двуерстнаго сложенія знаменія креста и прочихъ церковныхъ обычаевъ, уважаемыхъ старообрядцами, какъ древне-церковныхъ установленій. По однимъ спискамъ время изданія этой присяги относится къ 1679 г., какъ наприм. въ сборн. Хлудов. библ. №№ 345 и 349, по другимъ къ правленію царевны Софьи Алексѣевны. См. списокъ этой присяги въ сборн. Высокопреосв. Макарія № 85. (Ак., 165) при церковно-археол. музеѣ Кіев. Д. Ак., лл. 119—126. Опис. кіев. рукоп. собр. В. І. Н. И. Петрова, стр. 133. (Чт. въ общ. ист. и Др. Росс. 1892 г., кн. 1). Списки этой присяги особенно распространены между беспоповцами, какъ наглядное обличеніе русской церкви въ ея отступленіяхъ и нововведеніяхъ, изъ которыхъ будто бы явно по ихъ понятію даже и въ настоящее время паденіе церкви, отрогнувшей древнія установленія. См. Днев. доворныя записи о москов. раскольникахъ, ч. 3—7, стр. 43. (Чт. въ общ. ист. и Др. Рос. кн. 1, 1892 г.). Г. А. Поповъ въ Опис. Хлудовскихъ рукописей категорически заявляетъ, что подобнаго изданія не было, и что, стало быть, присяга эта есть «очевидная поддѣлка» (стр. 628). Болѣе обстоятельное изслѣдованіе о подложности существующей между старообрядцами священнической «присяги», составленной будто бы при п. Іоакимѣ, въ 1679 г., принадлежитъ проф. Ивановскому въ его ст.: «Мнимая священнич. присяга п. Іоакима». (Правосл. Собесѣд. 1879 г., ч. II, стр. 336—363). Ср. наше Опис. рукоп. Черн. сем. биб. № 126, стр. 111.

• 1) *Маркевичъ*, Н. Ист. Мал. 111, 132, 160, 176.—Ист. стат. опис. Черн. еп. VII, 77. Здѣсь, между прочимъ, приведенъ весьма интересный актъ 1667 г. по поводу воровства съ указаніемъ на судъ *купы*: «и панъ воевода (Волконскій) велѣлъ собрать мужовъ и купу учинить».

какъ въ военное время, такъ и въ мирное самовластно распоряжался на всей территоріи своего полка, хотя поступленіе его въ должность, какъ лица выборнаго, и зависѣло отъ воли подчиненныхъ. Онъ имѣлъ право пожалованій, взималъ подати, творилъ судъ и расправу, водилъ своихъ полчапъ на врага и т. д. Словомъ, всякій полковникъ управлялъ своимъ полкомъ точно такъ же, какъ гетманъ правилъ своей Малороссіей; по власти это былъ своего рода средневѣковый феодальный баронъ.

Еще менѣе можетъ быть оправдано предположеніе П. И. Мельникова, что Гавріиль Ивановичъ былъ „не стародубскій полковникъ, какъ пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ своей исторіи о бѣгствующемъ священствѣ, а вѣроятно одинъ изъ сотниковъ стародубскаго полка“, если сотникамъ не принадлежало право раздачи для поселенія земель въ предѣлахъ своей сотни. Г. Доброгаевъ, въ указанной выше статьѣ, старается доказать изъ самыхъ обстоятельствъ, при которыхъ, по разсказу Алексѣева, состоялся отводъ земли пришедшимъ съ помозь Кузьмою московскимъ раскольникамъ, что этотъ отводъ былъ дѣломъ полковника, а не сотника. Именно, по разсказу Алексѣева, дѣло представляется такъ. Когда попъ Кузьма съ духовными дѣтьми своими пришелъ въ Стародубъ, то его знакомецъ и другъ полковникъ, дружески принявъ бѣглецовъ, по ихъ просьбѣ написалъ листъ и послалъ ихъ къ Курковскому атаману Ломакѣ,—вѣрнѣе Ломакѣ,—чтобы онъ отвелъ имъ мѣсто для жительства и поселенія—Понуровку¹⁾). Прежде всего здѣсь, по Доброгаеву, важно то, что раскольники приходятъ въ г. Стародубъ, и, слѣдовательно, если вѣрно предположеніе П. И. Мельникова, то къ стародубскому сотнику, или, что тоже, къ сотнику первой сотни полка. А между тѣмъ, соображаетъ далѣе г. Доброгаевъ, Курковскій курень входилъ въ составъ не первой стародубской полковой сотни, а второй, имѣвшей свои, отдѣльные отъ первой сотни, курени, и своихъ, подчиненныхъ лишь этому сотнику второй сотни, атамановъ. Невѣроятно, заключаетъ далѣе г. Доброгаевъ, чтобы сотникъ первой сотни распоряжался и и повелѣвалъ въ предѣлахъ чужой сотни; да и жилъ де сотникъ второй сотни, по всей вѣроятности, не въ Стародубѣ, а въ какой нибудь, изъ подчиненныхъ ему мѣстностей. Не смотря

¹⁾ Курковичи—сѣло Стародубскаго уѣзда въ 30 в. отъ уѣзднаго города, а Понуровка—въ 25 в. отъ того же города.

однако же на несомнѣнную правильность этого послѣдняго заключенія съ формальной стороны, оно, въ сожалѣнію, не имѣетъ подъ собой ровно никакой исторической почвы, о которой, по-видимому, такъ заботливо хлопоталъ г. Доброчаевъ, подробно и обстоятельно анализируя извѣстіе Ивана Алексѣева о поселеніи раскольниковъ въ Понуровкѣ. Дѣло въ томъ, что только почти въ концѣ гетманства Разумовскаго сотни полковая (стародубская) и почепская были подраздѣлены каждая на двѣ сотни, которыя, сохранивъ свои названія, и стали называться „первыми“ и „вторыми“. Съ такимъ названіемъ эти сотни вошли и въ Румянцовскую опись Малороссіи. Но такого дѣленія на сотни не было въ стародубскомъ полку ни при гетманѣ Брюховецкомъ, когда былъ образованъ самостоятельный стародубскій полкъ, независимый отъ Нѣжинскаго, въ составъ котораго входило Стародубье на первыхъ порахъ по образованіи малороссійскихъ полковъ, ни при гетманѣ Самойловичѣ, когда всего вѣроятно явился въ Стародубъ московскій попъ Кузьма съ 20-го новыми насельниками Малороссіи ¹⁾.

По-видимому болѣе основаній имѣетъ другое объясненіе г. Доброгаева, относящееся къ тому же удостовѣренію свидѣтельства Ивана Алексѣева, именно, что Курковичи были дѣйствительно мѣстомъ пребыванія куреннаго атамана. „По актамъ,—говоритъ онъ,—даже самый курень этотъ, состоявшій не изъ одного селенія Курковичъ, а и другихъ вокругъ его лежащихъ деревень, равно какъ и атаманъ въ немъ живущій назывались курковскими. Далѣе, по повѣсти Алексѣева, курковскій атаманъ Ламака отводитъ пришедшимъ къ нему съ листомъ отъ стародубскаго полковника мѣсто для поселенія — Понуровку... И здѣсь также повѣсть говоритъ вполне согласно съ исторіей. Понуровка лежитъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ (7-ми) отъ села Курковичъ, и, конечно, была въ районѣ курковскаго атамана, курень котораго обнималъ собою довольно значительное пространство земень Стародубскаго полка. Значитъ, совершенно

¹⁾ Нѣкоторыя документальныя указанія о Стародубскомъ полку и его сотняхъ можно найти въ указанномъ выше трудѣ г. Лазаревскаго, стр. 13, 111—112. Ср. А. Ю. Р., X, 830—838. При г. Брюховецкомъ было сначала 7 сотень, потомъ изъ части Погарской была образована 8-я Бакланская, а въ началѣ XVIII в., при полковникѣ Жоравкѣ образовалась и 9-я — Новомѣстская.

естественно было стародубскому полковнику, какъ говорится въ повѣсти, писать листъ не къ другому какому, а именно къ курковскому атаману, чтобы онъ отвелъ московскимъ бѣглецамъ урочище Понуровку, мѣстность котораго лежала въ его районѣ⁴ (стр. 857). Въ подтвержденіе той же своей мысли г. Доброгаевъ указываетъ и на то, между прочимъ, что въ мѣстныхъ актахъ, хотя и позднѣйшихъ, именно 1718 года, среди владѣльцевъ курковскими землями встрѣчаются также и владѣльцы изъ фамиліи Ломакъ, напр., какъ Архипъ Ломака,—значковый товарищъ и куренный атаманъ въ 1724 г., по купчимъ и вѣчистымъ записямъ, приложеннымъ къ Румянцевской описи Малороссіи, — замѣтимъ между прочимъ (Румянц. оп. LXXXIII, л. 426). Въ немъ г. Доброгаевъ видитъ потомка, упоминаемаго въ повѣсти Алексѣева атамана Ломаки. Всѣ эти соображенія г. Доброгаевъ строитъ на нѣкоторыхъ указаніяхъ, встрѣчающихся въ обзорѣніи Румянцевской описи, составленномъ А. М. Лазаревскимъ и Н. А. Константиновичемъ, въ которомъ приведены и нѣкоторыя выдержки изъ актовъ, приложенныхъ къ описи. Однако сдѣланныя здѣсь указанія сами по себѣ не настолько категоричны и полны, чтобы на нихъ можно было вполне положиться. Такъ нѣтъ въ нихъ ровно никакихъ указаній на районъ курковского атамана, а равно и на то, чтобы Понуровка въ концѣ XVII в. входила въ составъ курковского куреня. Въ многочисленныхъ купчихъ вѣчистыхъ записяхъ и другихъ актахъ XVII—XVIII в., приложенныхъ Румянцевскими ревизорами въ описанію села Курковичъ (всѣхъ ихъ до 100), нѣтъ даже ни одного указанія на курковскій курень и его атамановъ до 1711 г. При разграниченіи грунтовъ шештаковскихъ, тимоновскихъ, курковскихъ, машовскихъ, карповскихъ и семіоновскихъ въ 1688 г. войсковымъ товарищемъ Захаромъ Шійкевичемъ и Иваномъ Бѣловерецкимъ, дозорцею гетманскимъ почеповскимъ, со стороны Курковичъ присутствовали: войтъ Ѳедоръ Юревичъ, Леонъ и Стефанъ Ломаченки и др. О курковскомъ атаманѣ во все не упоминается, между тѣмъ упомянуть Тимоновскій (*Ibidem*, лл. 41, 75, 378). Далѣе, извѣстно изъ первой подробной переписи Малороссіи 1723 года (Компуты) и книги Генеральнаго слѣдствія по стародубскому полку, какъ и другихъ указаній, что село Курковичи до 1730 г. входило въ составъ магистратскихъ сельъ, а затѣмъ было отдано въ ранговое владѣніе. На этомъ основаніи съ большимъ правомъ можно разжаловать

Ломаку изъ атамановъ, какъ называетъ его Иванъ Алексѣевъ, въ волостные сотники, завѣдыванію которыхъ подлежали магистратскія села, подѣленные по отбыванію земскихъ повинностей на волости ¹⁾).

Замѣтимъ встать, что и село Курковичи служило мѣстомъ поселенія раскольниковъ. Въ такъ называемыхъ „Компутахъ“ или первой подробной переписи населенія по Стародубскому полку какъ козаковъ, такъ и посольства, произведенной въ 1723 г. по распоряженію президента Малороссійской коллегіи Вельяминова и хранящейся теперь въ подлинникѣ въ кievской археографической комиссіи, при описаніи села Курковичъ замѣчено: „Въ семь же селѣ Давидъ Расоренокъ зъ расколу перекрестился, грунтовій. Андрей Расоренокъ, раскольникъ, грунтовій“, и „у нихъ три хаты подсуѣдковъ“. „Сіи всѣ селу не помогаютъ“ (Компуты полку Стародуб., лл. 423—424). На курковскихъ раскольниковъ есть интересныя указанія и въ Румянцевевои описи Малороссіи ²⁾).

Кто же былъ тотъ полковникъ, который оказалъ содѣйствіе и помощь московскимъ бѣглецамъ, явившимся въ Малороссію на жительство во главѣ съ попомъ Кузьмой, и далъ имъ мѣсто для поселенія на земляхъ Стародубскаго полка? По соображеніямъ г. Доброгаева, это былъ извѣстный своею печальною судьбою полковникъ Петръ Ивановичъ Рославецъ, превратившійся потомъ въ раскольникъ преданіи, которымъ и пользовался Ив. Алексѣевъ, въ полковника Гавріила Ивановича, подъ какимъ именемъ и сталъ извѣстенъ въ исторіи раскола. Мало

1) «Компуты» стародуб. полка 1723 г.,—рш., хранящаяся въ Киев. Археографической Ком.—Книга Генерал. слѣдствія по стародуб. полку 1730 г.,—рш., хран. въ коллегіи П. Галагана. Подробности о той и другой рук. см. у Лазаревскаго въ Опис. Ст. Мал. Т. I, предисловіе, VI—X. Здѣсь же замѣтимъ, что въ Малороссіи XVII—XVIII в. возможно былъ переходъ изъ невойсковыхъ, мѣщанскихъ должностей, въ войсковыя, напр. изъ войтовъ въ полковые обозные, какъ это было напр. въ 1687 г. съ Ис. Ерм. Деревянкой въ Стародубѣ (Генер. слѣд. о маетн. стар. п.). Лазаревскій: Опис. Ст. Мал. 1, 27, 64—65 и др.

2) Румянц. оп. LXXXIII, л. 63 и д. Ср. также лл. 137, 149, 151, 159, 195, 176, 348, 549—550. Въ одномъ случаѣ «Расорій» названъ *козакомъ* с. Курковичъ.—Обыватель Лужевскій Яковъ Андреевичъ Неклюдовъ, 76 л., въ 1767 г. показалъ, что онъ родился въ селѣ Курковичахъ. Ibid. CXVII, лл. 48—49.

того, онъ утверждаетъ, что пошъ Кузьма могъ и хорошо знать Рославца и быть даже въ дружбѣ съ нимъ, потому что де Рославцу на своемъ вѣку не разъ пришлось побывать и въ Москвѣ. При этомъ г. Доброгаевъ указываетъ на поѣздку его въ Москву въ 1665 году, когда Рославецъ ѣздилъ туда въ качествѣ уполномоченнаго отъ Стародубскаго полка вмѣстѣ съ гетманомъ Брюховецкимъ, и прожилъ тамъ будто бы болѣе чѣмъ круглый годъ, именно съ сентября 1665 г. до конца октября 1666 г. Въ это-то время, по соображеніямъ г. Доброгаева, Рославецъ и сошелся съ попомъ Кузьмой, нашель въ немъ дѣятельнаго покровителя и защитника въ „нѣвоихъ напастяхъ“, какъ говорить Ив. Алексѣевъ, за что потомъ и отблагодарилъ его въ 1669 г., когда прежній его покровитель самъ съ единомышленниками своими пришелъ въ Стародубъ просить у него мѣста для поселенія (Ibidem, стр. 862—863).

И это соображеніе не имѣетъ за себя ровно никакихъ историческихъ основаній, по крайней мѣрѣ, когда оно приурочено къ 1665 году. Прежде всего невѣрно то, что Рославецъ, какъ уполномоченный отъ Стародубскаго полка, пробылъ въ Москвѣ болѣе чѣмъ круглый годъ въ свитѣ гетмана Брюховецкаго. Въ данномъ случаѣ г. Доброгаевъ довѣрился нѣкоторымъ хронологическимъ указаніямъ, сдѣланнымъ ошибочно (по недосмотру или просто по невѣдѣнію) въ исторіи Малороссіи Н. Маркевича, не повѣривъ ихъ по другимъ, болѣе надежнымъ пособіямъ. Точно извѣстно, что Брюховецкій съ своею громадною ассистенціею, состоявшею изъ 535 человекъ, прибылъ въ Москву 11-го сентября 1665 г., а отбылъ 20 декабря того же года. За все время пребыванія малороссійскаго гетмана въ столицѣ какъ за нимъ самимъ, такъ и за пріѣхавшей съ нимъ старшиной зорко слѣдили приставленные къ нимъ для почета и секретнаго надзора пристава, доносившіе о всемъ ими замѣченномъ въ Малороссійскій Приказъ боярину Салтыкову. Въ акты этого приказа занесенъ даже такой случай, какъ писарь Захаръ Шійкевичъ, подпивши на пирѣ у князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, поругался съ переяславскимъ протопопомъ Бутовичемъ, назвалъ его „брехуномъ“, замахнулся сначала на него ножомъ, а потомъ вилкой, и „лаялъ“ позорными словами судью и полковниковъ, за что потомъ и угодилъ въ Сибирь, по настоянію гетмана. На счетъ Рославца въ современныхъ событіяхъ записяхъ нѣтъ никакихъ указаній, даже намека на какія либо „напасти“,

отъ которыхъ онъ могъ бы урыватья у Всесвятскаго попа Кузьмы на Кулишвахъ, и только въ позднѣйшемъ дѣлѣ 1669 г. упоминается, что гетману была подана въ Москвѣ челобитная на Рославца въ 1665 г. о насильственномъ завладѣнн имъ разныхъ товаровъ и пр., принадлежавшихъ въ Почепѣ Брянскому посадскому человѣку Брынцову. Челобитная повидимому не имѣла никакихъ послѣдствій для Рославца. Вскорѣ послѣ того онъ, какъ извѣстно, былъ снова возстановленъ на стародубскомъ полковничествѣ тѣмъ же Брюховецкимъ, которымъ былъ въ 1663 г. въ первый разъ поставленъ и которымъ потомъ былъ скоро смѣненъ въ томъ же 1663 году ¹⁾).

Былъ въ жизни Рославца другой случай пребыванія его въ Москвѣ, который дѣйствительно можетъ быть поставленъ въ нѣ-которую связь съ рассказомъ Ив. Алексѣева и указаніемъ, сдѣ-ланнымъ нами о попѣ Кузьмѣ. Это было въ 1676 г., когда у Рославца возникла мысль отдѣлить Стародубскій полкъ отъ гетманскаго управленія и отчислить его къ разряду слободскихъ

¹⁾ М. А. М. И. Д. Д. М. Св. 409, № 300. Въ этомъ дѣлѣ о захватѣ Рославцемъ разныхъ товаровъ сообщаются слѣд. подробности: 21-го сентября 1669 г. подалъ челобитную на имя Государя брянчанинъ, посадскій человѣкъ, Аника Брынцовъ, о томъ, чтобы ему возвращены были пожитки, оставшіеся послѣ убитаго въ Малороссіи брата его Анисима, которыми насильственно завладѣлъ въ Почепѣ Петръ Рославецъ съ товарищи, всего на сумму 1090 руб., а именно: 1000 п. соли по цѣнѣ 300 руб., 4 половинкамъ сукна кармазину—240 р., кострожи сукна 15 половинокамъ—240 р. и т. д. Фактъ захвата по челобитной произошелъ еще въ 167 г., т. е. въ 1659—1660 г. И «того моего брата Анисима изъ тѣхъ товаровъ и лошадей и денегъ погубили, и погуби его, Анисима, тѣло ево вкинули въ волю»; захватили и лавку, которая была у Брынцовыхъ въ Почепѣ и которою въ 1669 г. владѣлъ Петръ Рославецъ. «И въ прошломъ, государь, въ 174 г.,—писалъ Аника въ челобитной 1669 г.,—билъ челомъ тебѣ, великому государю, братъ мой родной Савелій, и челобитную подалъ на Москвѣ гетману Брюховецкому,—въ то время былъ онъ гетманъ на Москвѣ,—и по тому челобитью, государь, брата моего Савелія, онъ, Петръ Рославченко, передъ гетманомъ и передъ полковники и передъ многими старшины распрашиванъ, и онъ, Петръ, въ тѣхъ животахъ передъ гетманомъ и передъ полковники и передъ старшины не заирался, и какъ тебѣ, великому государю, измѣнилъ Ивашка Брюховецкой и черкасы, и за тою ихъ измѣною тѣ животы товарные и кони и ружье

полковъ. Не нашедши сочувствія и поддержки своей мысли у большинства мѣстной полковой старшины, онъ самъ отважился на рѣшительную борьбу съ гетманомъ Самойловичемъ и поѣхалъ въ Москву, полагая, что его мысль должна придтись по вкусу московскому правительству и соответствовать его политическимъ видамъ болѣе тѣснаго прикрѣпленія Малороссіи къ государству. Разсчеты его однако же не оправдались; тогдашніе московскіе политическіе дѣятели не сочли возможнымъ стать на его сторону, потому что онъ дѣйствовалъ „противно войсковому праву и должному послушанію“, безъ совѣта старшины и гетманскаго вѣдома. Дальнѣйшій ходъ дѣла привелъ его подъ караулъ и оковы. 20-го августа того же года полковникъ „колодникъ“ ушелъ изъ подъ караула, но скоро однако былъ пойманъ за Смоленскими воротами, когда шелъ изъ Бѣлаго города въ Земляной городъ. Приведенный въ малороссійскій приказъ онъ показалъ: „какъ вышелъ я на дворъ, взошелъ на церковь, а съ ней опустился на улицу и пошелъ. Хотѣлъ я пробраться къ Карачевцу Григорію Юрасову, но двора его не нашелъ, и хотѣлъ идти въ Новодѣвичій монастырь, чтобы тамъ перебыть, пока не уѣдетъ изъ Москвы гетманскій посланецъ Солонина, который домогался, чтобъ ему отдали меня отвести къ гетману; какъ бы только Солонина уѣхалъ, я опять пришелъ бы въ приказъ. Не нашедши Юрасова двора, я ночевалъ подлѣ церкви, не знаю какой, а утромъ пошелъ за Смоленскія ворота: тамъ встрѣтилъ меня стрѣлецъ и привелъ сюда. Изъ Москвы я бѣжать не думалъ, совѣтниковъ къ побѣгу не было у меня и подкупа никому не давалъ. Взялъ я на харчъ пятьдесятъ (у Костомарова пять) рублей и тѣ цѣлы“... Далѣе въ „Распросныхъ рѣчахъ“ Рославца записано: „А пошелъ де онъ къ Юрасову тому, которой бывалъ у него въ Почепѣ..., и сказали де ему, что дворъ того Юрасова въ той сторонѣ, гдѣ Дѣвичь монастырь.... А кто, государь, про то ему сказалъ, про то въ распросѣ не скажетъ“....¹⁾

брата моего Анисима не сысканы...» О дѣлѣ Брынцовыхъ писано было изъ приказа и новому гетману; но чѣмъ оно кончилось—неизвѣстно. П. Рославецъ пользовался повидимому расположеніемъ Брюховецкаго. Лазаревскій: Опис. Стар. Мал. 15.

¹⁾ М. А. М. Ю. Столб. Малорос. прик. № 5918. У Костомарова въ его «Рукавѣ» извлеченія изъ этого столбца неточны и неполны по содержанію. Ср. тамъ же кн. Малорос. прик. № 43, л. л. 149—150.

По розыску оказалось, что Григорій Юрасовъ умеръ, а сынъ его Аванасій объявилъ, что не знаетъ Рославца. Розыскъ больше ничего не даетъ; въ розыскомъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы указывали на связь Рославца съ потомъ Кузьмой или лицами близкими къ нему; тѣмъ не менѣе Рославецъ очутился въ Бѣломъ городѣ, т. е. тамъ, гдѣ былъ приходъ попа Кузьмы. Весьма вѣроятно, что Рославецъ задумалъ бѣжать изъ Москвы при посредствѣ раскольниковъ, съ которыми онъ имѣлъ связи и по поселенію ихъ въ Стародубскомъ полку раньше попа Кузьмы, и по своимъ торговымъ оборотамъ, веденнымъ имъ по широкую руку, и именно съ Москвой. По своимъ торговымъ оборотамъ онъ имѣлъ обширныя связи съ карачевцами, съ торговыми людьми Сѣвска, Трубчевска, Брянска, Путивля и Рыльска, бывшими его комиссіонерами по торговлѣ съ Москвой, особенно горѣлкой и пр. У торговыхъ людей Трубчевска и Брянска, какъ оказалось потомъ по слѣдствію о имуществѣ Рославца, которое настойчиво и заботливо розыскивалось гетманомъ Самойловичемъ, хранились, очевидно, на всякій случай, и деньги Рославца, вещи серебряныя, мѣдныя и оловяныя и всякая домашняя рухлядь. Въ ту пору среди торговыхъ людей этихъ городовъ было уже не мало раскольниковъ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ указывалъ собору 1681 года, между прочимъ, вмѣстѣ съ другими мѣстами на города Путивль и Сѣвскъ, какъ на такіе, въ которыхъ развратники и противники св. церкви умножились. Этимъ обстоятельствомъ мотивировалось также въ то время и учрежденіе новыхъ епархій въ этихъ мѣстностяхъ. Въ 70-хъ годахъ XVII в. въ рыльскомъ уѣздѣ уже было два монастыря Льговскій и Амонскій (по другой редакціи—Монскій), бывшіе центрами раскольниковъ на этой русской окраинѣ, откуда раскольники переселялись потомъ съ одной стороны на Донъ, съ другой въ Малороссію. Эти-то связи Рославца съ раскольниками и могли привести его къ мысли—избавиться при посредствѣ ихъ отъ того затруднительнаго положенія, въ которое онъ попалъ, желая угодить Москвѣ, всегда стремившейся возможно тѣснѣе ссѣпить связь Малороссіи съ Великороссіей и умалить отдѣльную самобытность вновь присоединившагося края, и добиться независимаго отъ гетманской власти положенія. Въ это время онъ и могъ дать московскимъ раскольникамъ обѣщаніе поселить ихъ въ своемъ полку, котораго однакоже не имѣлъ возможности привести въ исполненіе, такъ

кавъ послѣ московской тюрьмы тотчасъ же попалъ въ Батурино, на генеральный судъ, приговорившій его къ смертной казни. 12-го января 1677 года, когда должна была совершиться казнь Рославца, гетманъ Самойловичъ объявилъ царскую грамоту о дарованіи преступнику жизни и о препровожденіи его въ Москву и ссылкѣ въ Сибирь вмѣстѣ съ нѣжинскимъ протопопомъ Адамовичемъ, сопровосновеннымъ къ его дѣлу¹⁾.

Г. Лазаревскій полагаетъ, что въ полковникѣ Гаврилѣ Ивановѣ слѣдуетъ видѣть тогдашняго стародубскаго обознаго Гаврила Дащенко, который въ 1669 году былъ и наказнымъ пол-

¹⁾ Дѣло Рославца подробно и обстоятельно разказано Н. И. Костомаровымъ въ его «Руинѣ». Вѣст. Ев. Авг., 1880 г., гл. VIII, стр. 417—430. Лазаревскій, А. М. Оч. малорос. фам. Рус. Арх. 1875 г., стр. 249, 403. У послѣдняго дѣло Рославца ошибочно отнесено къ болѣе раннему времени. О стараніи гетмана Самойловича розыскать имущество Рославца въ Брянскѣ и Трубчевскѣ см. кн. Малор. врик. № 46, л. л. 2, 4 и др. — О широкихъ торговыхъ предпріятіяхъ Рославца свидѣтельствуетъ предложеніе его боярину А. С. Матвѣеву о поставкѣ вина въ Москву, сдѣланное въ 1674 г. А. Ю. Р., XI, 673. — О раскольникахъ въ Сѣвскѣ, Рыльскѣ, и другихъ городахъ по сосѣдству съ Малороссіей см. А. И. V, № 75, стр. 109—116. П. С. З. II, № 898. Допол. къ Ак. Ист. XII, № 17, показаніе старца Наѳанаила, по прозванію Аргутки. — Алексѣевъ: ист. о бѣгств. свящ. у Тихонравова, стр. 54—56. Полн. соб. пост. и расп. по вѣд. прав. испов. Рос. вми. III, стр. 70—71 (Спб. 1875 г.); V, № 838. — Въ концѣ XVII в. обширныя земли по р. Сейму пожалованы были гетману Мазепѣ, который и основалъ въ предѣлахъ нынѣшней Курской губерніи селенія: Ивановку, Степановку, Мазеповку, Коренево, Крупецъ и друг. Ему же приписываютъ, и повидямому несправедливо, основаніе селенія Амонь, нынѣ село Рыльского уѣзда, при р. Амонѣ. Спис. населен. мѣстъ по свѣд. 1862 г. Курской губ. Спб. 1868. XXXVI, 110. М. М. Плохинскій: Гетманъ Мазепа въ роли великорусскаго помѣщика. Сборн. Харьк. историко-филолог. общ. т. IV, стр. 26, 36. См. Тамъ же Опись, составл. въ 1708 г. для вотчинной конторы кн. А. Д. Меньшикова, стр. 44. Во всѣхъ этихъ селахъ какъ въ то время, такъ и впоследствии селились раскольники; особенно извѣстны были потомъ раскольники Крупецкіе, стоявшіе въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Стародубскими. Въ концѣ XVII в. въ городахъ Курской губерніи поселялись и стрельцы. Ibid., XXXVII. Амонская пустынь, въ 9 в. отъ Рыльска, въ 1725 г. приписана была къ Волинской пустыни Николаевского Рыльского монастыря, не имѣла ни крестьянъ, ни пашень, а содержала 25 монаховъ. Опис. док. и д., хрон. въ арх. св. Сив. VI, 416—418

ковникомъ. Основаніе для такого соображенія онъ находитъ и въ томъ, что около этого времени Дащенко „взялъ въ свое владѣніе село Солову, очень близкое къ Понуровѣ, гдѣ, по его позволенію, и поселились раскольники“ (стр. 440). Соображенія эти, неособенно состоятельныя и сами по себѣ, не имѣютъ ровно никакого значенія въ виду вышеприведенныхъ данныхъ о времени появленія попа Кузьмы въ Стародубщинѣ.

Полковника, позволившаго московскимъ раскольникамъ, съ попомъ Кузьмой во главѣ, „оселиться“ въ Понуровѣ, нужно искать среди преемниковъ Рославца по стародубскому полковничеству. Непосредственнымъ его преемникомъ былъ городской атаманъ Тимошей Алексѣевъ, простой не грамотный человѣкъ, не сохранившій въ современныхъ актахъ даже своего родового прозвища. Во время Чигиринскаго похода онъ былъ замѣненъ Ѳедоромъ Лувьяновичемъ Молчаномъ, сложившимъ подъ Чигириномъ свою голову. Послѣ Молчана полковникомъ былъ поставленъ Григорій Карповичъ Коровка-Вольскій, или просто въ актахъ Карповичъ, нерѣдко—Коровченко-Вольскій. Въ сентябрѣ 1678 г. Коровченко былъ уже въ Стародубѣ. Это былъ человѣкъ расторопный, ловкій, умѣвшій пользоваться обстоятельствами. На своемъ полковничьемъ посту онъ дѣйствовалъ такъ, какъ и извѣстный намъ его предшественникъ — Петръ Ивановичъ Рославецъ: забиралъ села въ свое „ранговое“ владѣніе, не спрашивая разрѣшенія гетмана, раздавалъ ихъ по своему усмотрѣнію своимъ подручнымъ урядникамъ, и прежде всего своимъ дѣтямъ и родственникамъ, строилъ водяныя мельницы и поселялъ около нихъ слободы. Была у него и своего рода политика въ заселеніи слободъ, вѣроятно унаслѣдованная имъ отъ того же Рославца. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ „листовъ“, относящихся къ дѣлу заселенія слободъ, именно въ „листѣ“ нѣкоему пану Курилу Яковлевичу, почеповскому атаману, отъ 1 октября 1678 г., подтверждая право „на селище пустое называемое Кугучево“, отданное Курилѣ еще Рославцемъ, онъ разрѣшаетъ ему и „слободу осажовати людьми посторонними, якъ то зъ литовскихъ и иныхъ краевъ зажими, а не тутейшими старѣнными людьми“. Въ другомъ его листѣ мы знакомимся и съ тѣми условіями, на которыхъ селились въ слободахъ пришлые люди. Вотъ что читаемъ въ этомъ послѣднемъ листѣ: „Ознаймемо симъ писаніемъ нашимъ каждому, кому бы о томъ вѣдати надлежало, а особливе пану сотнику мглинскому, атаману городовому зъ то-

вариствомъ, такъ тежъ и войту зъ мѣщанами: какъ ставши передъ нами панъ Михайло Силковичъ, осадца слободы на Будищахъ Бердишевскихъ подъ рѣкою Вороницею, презентовалъ поданній отъ бывшаго полковника пана Тимооея универсала, же би пустоши не ваковали овшемъ, же би людьми, за щасливимъ пана гетмана рейментомъ, наполнени были, а *давши слобожанами волности на десять лѣтъ закликати*. Зачимъ позволяемъ таковой побожній христіанству честній учинокъ, абы люди збиралися и разширалися на вѣчную славу его милости пану гетману, въ помешканю своемъ стосуючися, симъ нашпмъ подтверждаемо пана Михаила Силковича, осадцу тоей слободки, унѣверсаломъ, давши ему зуполную моць людей збирати и оную слободу осаживати, позволяя тежъ онимъ слобожаномъ пашнѣ и пожнѣ до рѣки Дзѣвовкова и до лѣса Осова разчиняти и распаховати, якъ ето тилко можетъ. Зачимъ абы вся старшина вишреченная такъ осадци нашому, яко слобожанемъ, въ разживаню и распахованню поль и пожень не только зъ мѣста Мглина, лечъ и до мѣста служачихъ сель, абы не важились кривди и шкоди чинити подъ не ласкою нашею, вамъ приказуемъ. Данъ въ Почепѣ битностю нашею октоврія 29-го дня 1678 року“¹⁾.

Ко времени полковничества въ Стародубѣ Григорія Карповича Коровки-Вольскаго (1678—1680 г.) всего вѣроятнѣе и можно отнести поселеніе въ Стародубскомъ полку московскаго попа Кузьмы съ 20 едннмышленниками, его духовными дѣтьми. Это опредѣленіе времени поселенія попа Кузьмы согласуется и съ вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ приходныхъ книгъ патриаршаго казеннаго приказа, единственнымъ пока документальнымъ указаніемъ о попѣ Кузьмѣ. По всей вѣроятности имя этого полковника и видоизмѣнилось въ раскольникѣмъ преданіи въ имя Гавріила Ивановича.

Но это было далеко не первая раскольникѣя колонія въ Стародубскомъ полку. Гораздо раньше поселенія здѣсь попа Кузьмы мы встрѣчаемся съ раскольниками, жившими въ разныхъ мѣстностяхъ Стародубья. О поселеніи ихъ имѣются и разнаго рода документальныя данныя, печатныя и рукописныя, хотя и

¹⁾ Обзор. Рунянц. оп. Мал. IV 604—605. Ср. 457, 575, 643—644. О дѣятельности Коровки-Вольскаго до полковничества см. въ Ист. Русовъ (М. 1846), стр. 177—178.

весьма немногочисленные, въ обзорѣнію которыхъ мы теперь и перейдемъ.

Великорусскіе поселенцы и раньше появленія и населенія сѣверныхъ уѣздовъ нынѣшней Черниговской губерніи и южныхъ Могилевской раскольниками появлялись и поселялись здѣсь.

Съ того времени какъ литовское государство окрѣпло, утвердилось и втянуло въ себя и эти искони русскія земли, населеніе сосѣдней восточной Руси, особенно со стороны Посемья, гдѣ жизнь была черезъ чуръ тяжела, благодаря татарскому гнету, начало эмигрировать сюда, какъ въ мѣста болѣе покойныя, болѣе свободныя отъ татарскаго гнета. Правители Литвы, искавшіе для завоеванія новыхъ областей и ведшіе упорную борьбу съ нѣмецкими рыцарскими орденами, дорожили каждымъ новымъ человѣкомъ, селившимся въ предѣлахъ ихъ владѣній, всячески старались сохранять всѣ особенности славянской патриархальной общины, быстро клонившейся къ упадку въ сосѣдней Польшѣ. Обстоятельства измѣнились, когда возобладали и здѣсь польскіе порядки, и естественнымъ слѣдствіемъ ихъ явился отливъ населенія въ южныя области, когда-то сильно разоренныя татарами. Съ другой стороны, задолго до освобожденія Малороссіи отъ поляковъ, выходцы изъ сѣверовосточной Руси являлись и поселялись здѣсь. Указанія на этотъ счетъ довольно многочисленны; ближе къ дѣлу, мы укажемъ на листъ того-же Стародубскаго полковника Коровченко-Вольскаго, отъ 8 октября 1680 г., въ которомъ констатируется фактъ поселенія великороссійскихъ людей въ сѣверной Малороссіи въ 1628 г. ¹⁾

Съ освобожденіемъ Малороссіи отъ власти поляковъ и съ изгнаніемъ ихъ начинается усиленное переселенческое движеніе въ сѣверную Малороссію, какъ со стороны польской, такъ и великорусской. Уже въ статьяхъ Юрія Хмельницкаго говорится о значительномъ наплывѣ великоруссовъ изъ пограничныхъ съ Малороссіей великороссійскихъ городовъ. Въ 1672 г. „Заоцкіе помѣщики всѣхъ городовъ, стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, жильцы, и городовые дворяне и дѣти боярскіе“ били челомъ на малороссійское духовное и свѣтское начальство и на бозаковъ, по поводу укрывательства ими бѣглыхъ крестьянъ. Особенно они жаловались на Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго и новгородсѣверскаго, за которымъ, по ихъ сло-

1) Арх. Чернг. казен. пол., № 1199. Ср. Ак. Ю. и З. Р. VII, 187.

вамъ, „поселилось камарицкихъ бѣглыхъ драгунъ и крестьянъ и оныхъ прихожихъ людей больше пяти тысячъ“¹⁾. Шли сюда великороссійскіе крестьяне и иные прихожіе люди по разнымъ поводамъ: или чтобы избѣжать наказанія за преступленія на мѣстѣ своего первоначальнаго жительства, или просто избавиться отъ тяжелой помѣщичьей власти, и это были далеко не единичные случаи. Иногда и голодъ заставлялъ выселяться и искать куска хлѣба гдѣ нибудь на чужой сторонѣ²⁾. Быть можетъ по этой именно причинѣ, какъ намъ неоднократно приходилось слышать отъ старожиловъ, Черниговская губернія и до сихъ поръ пользуется дурною репутаціею у жителей правобережной Украины, даже на Волыни, т. е. какъ мѣсто поселенія многихъ выходцевъ или „сходцевъ“, пользовавшихся всегда на Руси не доброю славою. Еще въ прошломъ и началѣ настоящаго столѣтія, по народнымъ преданіямъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самыхъ сѣверныхъ уѣздовъ нынѣшней Черниговской губерніи до того укрывалось много разнаго рода бѣглецовъ, что жители нерѣдко должны были выѣзжать на полевныя работы не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ³⁾. Приблизительно съ 60-хъ годовъ XVII в.

¹⁾ Акт. отн. къ ист. юж. и зап. Рос. IX. Спб. 1877. Стр. 855--859. Ср. V, 53, 90; 111, №№ 348, 351 и 362.

²⁾ Въ «Компутахъ» стародуб. полка 1723 г., между прочимъ, отмѣченъ слѣд. фактъ. При описи слоб. Бельни, въ которой находилось 7 безгрунтовыхъ убогихъ домохозяевъ, замѣчено: «сіи шість человекъ, опрочъ Ив. Андриѣва, великороссійской породы, не въ давнихъ на слободу сію записнихъ числахъ, отпущени, сказывали, для прокормленія отъ своихъ бояръ; а мѣють знову на свои возвратитися жилищи». Л. 791. Ср. у Желябужскаго въ Зап. стр. 213. Бѣгали сюда крестьяне и по болѣе интимнымъ поводамъ. Такъ бѣглый крестьянинъ Ивашка Романовъ, бѣжавшій вмѣстѣ съ другими, показывалъ по своей поимкѣ, что они бѣжали отъ помѣщика, потому что послѣдній «жонъ ихъ ималъ къ себѣ насильствомъ попеременно для блуднаго воровства. И о томъ они извѣщали отцу его духовному села Юркова попу Семену Ѳедорову, и, не стерпя, бѣжали къ Москвѣ и были челомъ на то п. Іоакиму въ его духовномъ патріаршемъ приказѣ». Не помогъ мужикамъ и патріархъ. М. А. М. Ю. кн. малорос. прик. № 34, 1674—5 г., л. 659 об. и др.

³⁾ Домонтовичъ, М. Мат. для географ. и стат. Рос., собр. офицерами генер. шт. Черн. губ. Спб. 1865 г. Примѣчаніе, стр. 533.

къ прежнимъ мотивамъ выселенія изъ Великороссіи присоединился новый—религіозный, гоненіе за содержаніе древняго благочестія, значительно усилившее притокъ сюда великороссійскаго населенія. Это послѣднее усиленіе великорусскаго элемента указывается и въ современныхъ малороссійскихъ лѣтописяхъ. Въ лѣтописи Самовидца, составленной, если и не въ цѣломъ своемъ составѣ, то въ значительной своей части, въ предѣлахъ Сѣверщины, или въ ближайшей къ ней мѣстности, если не въ самомъ Стародубѣ, отмѣченъ подъ 1676 годомъ и фактъ поселенія великороссійскихъ раскольниковъ въ стародубскомъ полку. Говоря о взятіи царскими войсками Соловецкаго монастыря, за упорство его монаховъ въ расколѣ, и отмѣчая кратко главнѣйшія разногласія раскольниковъ съ православными, или непринятія ими „новопоставленныя рѣчи“ на московскомъ соборѣ 1666—1667 гг., Самовидецъ замѣчаетъ: „И за тѣ новіе рѣчи многихъ чернцовъ, поповъ и свѣцкаго стану людей у земли московской помордовано, же того не хотѣли приимати, але на старомъ держалися, яко передъ тимъ було. *И мноіе выходили на Украину на мешканя ку сѣверу*, позоставивши набитки свои, а иннихъ и у силку позасилано“¹⁾. Такимъ образомъ Самовидецъ ставитъ въ связь поселеніе раскольниковъ въ сѣверскихъ предѣлахъ съ московскимъ соборомъ 1666—1667 гг. На эту же связь, какъ мы и видѣли выше, указываетъ и безпоповщинскій историкъ Иванъ Алексѣевъ, авторъ „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“.

Нельзя точно и опредѣленно указать ни годъ появленія, ни лицо, которое занесло сюда расколъ; но несомнѣнно одно, что расколъ появился здѣсь очень рано, почти одновременно съ другими наиболѣе извѣстными мѣстностями, въ которыхъ ояъ свилъ себѣ довольно прочное гнѣздо, какъ напр. Поморье, Керженецъ и др. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что стародубскій край издавна уже находился въ живыхъ торговыхъ сношеніяхъ

¹⁾ Лѣт. Самовидца, изд. кіев. врем. ком. по разб. древ. акт. Кіевъ. 1878 г., стр. 131—132. Ср. Чт. моск. общ. ист. и древ. Рос. 1846 г., № 2, стр. 66.—Припомнимъ и то, что царь Алексѣй Михайловичъ на соборѣ 1666 г. свидѣтельствовалъ, что какъ доходить слухъ до его царскихъ ушей, расколъ существуетъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ, весяхъ и селахъ, и не только въ Россіи, а и въ другихъ странахъ.

съ Москвой, изъ которой и исходило и распространялось раскольническое движеніе. И первыми организаторами раскола вездѣ были Москичи, какъ и здѣсь. Изъ показаній по дѣлу о наслѣдствѣ Шелковникова и по дѣлу о грабежѣ пятисотеннаго Чубаровскаго полка Родіона Боровкова 1700 г. видно, что московскіе раскольники селились въ самомъ городѣ Стародубѣ и въ предѣлахъ Стародубскаго полка еще во времена полковничества Петра Рославца, т. е. во всякомъ случаѣ до 1676 года ¹⁾. Вѣроятно и то, что первые, вышедшіе сюда раскольники, нашли удобное поле для своей пропаганды: здѣсь гораздо раньше раскольниковъ поселилось значительное число великорусскихъ крестьянъ и другихъ выходцевъ, среди которыхъ расколъ, не имѣя „возбраненія себѣ“, свободно могъ расширять сферу своей дѣятельности, охватывая крѣпкой сѣтью какъ раньше поселившихся здѣсь, такъ и постоянно вновь приливавшихъ колонистовъ.

Имѣется и другое, болѣе компетентное, мѣстное и современное свидѣтельство о поселеніи раскольниковъ въ Сѣверщинѣ до появленія здѣсь попа Кузмы съ 20 московскими выходцами, ревнителями старообрядства. Такъ, Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій и новгородсѣверскій, въ письмѣ отъ іюля 1677 года, къ тогдашнему стародубскому навазному полковнику Михаилу Рубцу, пишетъ: „мнѣ вельце ласковый пане полковнику наказный стародубовскій, въ Дуку Святомъ наймилшій сыну. Русскіе люде слободки Демянкувской суплѣвовали до насъ чрезъ честного отца Іякова Халчинского, абыми имъ книги, которыя намъ высланный честный отецъ Сіомашко позабѣровши въ ихъ, положилъ въ церкви Рождества пресвятой Богородицы стародубовской, казали повернути. За чимъ мы, склонившися на ихъ прозбу, просимъ милости твоей—рачь вм. . . оные книги честному отцу Іякову Халчинскому, розказати выдати; а онъ, ведлугъ розказаня нашего, повиненъ будетъ онимъ отдати, що и повторе жадаючи, архиерейское мое благословеніе милости твоей засилаю. Зъ монастыра Всемилоствяга Спаса архимандріи новгородской іюля—року 1677.

¹⁾ М. А. М. И. Д. Д. М. Дѣло о наслѣдствѣ Шелковникова. Мат. для начал. ист. раск. на Вѣткѣ и въ Старод., № 9, стр. 72. М. А. М. Ю. Кн. Малорос. прик. № 83,—показаніе раскольника Федора Степанова, жившаго въ Еленкѣ. См. тамъ же, въ Матер., № 11, стр. 97, 100 и 101.

Милости твоей всѣхъ благъ желающий пастырь Лазарь Барановичъ, архиепш черняговскій, новгородскій и проч. рукою¹⁾.

Письмо о Демянковскихъ раскольникахъ архіепископа Лазаря Барановича къ тогдашнему наказному полковнику—важный историческій документъ какъ для уясненія вопроса о первоначальномъ поселеніи раскольниковъ въ Стародубскомъ полку, такъ и для уясненія отношеній ихъ къ мѣстной епархіальной власти, о которыхъ нѣтъ пона никакихъ другихъ свѣдѣній изъ XVII в. Изъ этого письма впервые оказывается, что мѣстная епархіальная власть если не немедленно по поселеніи здѣсь великорусскихъ раскольниковъ, то, во всякомъ случаѣ, въ скоромъ времени послѣ того, нашла возможнымъ принять противъ нихъ извѣстныя мѣры, практиковавшіяся въ то время и въ Москвѣ, главномъ очагѣ раскола въ ту пору. Какими соображеніями или мотивами руководился при этомъ Лазарь Барановичъ, сдѣлавъ первоначально распоряженіе объ отобраніи старыхъ книгъ у раскольниковъ, а потомъ измѣнивъ первоначальное распоряженіе и приказавъ снова возвратитъ ихъ раскольникамъ—изъ письма невидно; во всякомъ случаѣ его отношеніе къ новопоселившимся здѣсь раскольникамъ—фактъ но-

¹⁾ Подлинникъ этого письма находился въ свое время у А. С. Лашкевича, теперъ покойнаго. Въ первый разъ оно издано А. М. Лазаревскимъ въ его «Опис. Ст. Малор.» 1, 180. Упоминаемый въ письмѣ Л. Барановича свящ. *Іаковъ Хатчинскій*—тотъ самый, котораго полковникъ Рославецъ побилъ и котораго 13 авг. 1677 г. «назадъ обурився, виволокши зъ олтара, по службѣ божой, сродзе били и на смерть забили бы, ежели бы не оборонилъ полковникъ наказній, з своими припавши козаками». Дѣтоп. Самов., стр. 136—137. Онъ же, въ качествѣ архіерейскаго конюшаго, принималъ участіе, вмѣстѣ съ тѣмъ же Рославцемъ и генеральнымъ писаремъ Мокриевичемъ, въ отиравленіи гетмана Многогрѣшнаго въ Москву въ мартѣ 1672 г., по сверженіи его съ гетманства. Письма преосв. Лаз. Барановича. Изд. 2. Черниговъ. 1865 г. Стр. 163. Ср. 172. Акт. Юж. и Зап. Рос. IX, 113, 116, 335, 337, 904.—Здѣсь же кетати замѣтимъ, что отъ одного изъ ученыхъ московскихъ аристовъ намъ приходилось слышать, что въ столбцахъ Малороссійскаго Приказа М. А. М. Ю. или другихъ дѣлахъ того же архива ему приходилось встрѣчать отписку Лазаря Барановича въ Москву о стародубскихъ раскольникахъ. Къ какому времени относились отписка—неизвѣстно. Наши личные поиски по этому указанію въ московскомъ архивѣ не сопровождались успѣхомъ.

вый и въ известной мѣрѣ освѣщаетъ намъ церковное ихъ положеніе на первыхъ порахъ на новомъ мѣстѣ жительства. Кромѣ того, письмо это исправляетъ и ту часто повторяемую ошибку, что въ с. Демьянкахъ раскольники поселились изъ Понуровки, когда ихъ стали выгнать изъ послѣдней по указу царевны Софьи Алексѣевны къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику Семену Ивановичу Самойловичу (1680—1685 гг.). Объ этомъ указѣ упоминаетъ Иванъ Алексѣевъ¹⁾. Между тѣмъ изъ сопоставленія вышеприведенныхъ данныхъ и письма Лазаря Барановича ясно видно, что село Демьянки раньше поселенія попа Кузумы въ Понуровкѣ было населено раскольниками; въ первой половинѣ 1677 г. они здѣсь уже находились, и по отношенію къ нимъ принимались известныя мѣры со стороны мѣстной епархіальной власти.

Нѣтъ точныхъ документальныхъ указаній, когда именно раскольники поселились въ слободѣ Демьянкахъ; только одно несомнѣнно, что они здѣсь не были первоначальными засельниками. По показанію старожиловъ въ 1729 г. „завладѣнія лядскаго на шляхетскомъ Абрамовича грунтѣ, по его же Абрамовича приказу, Демьянки осажовали Денисъ и Милюшка; и тѣмъ селомъ онъ, Абрамовичъ, ажъ до Хмельнищины владѣлъ; а послѣ лядскаго владѣнія тѣмъ селомъ владѣли Небаба и Блаватскій“... Въ 1704 году Демьянки отданы были гетманомъ Мазепою стародубскому полковнику Михаилу Миклашевскому, въ родѣ котораго и остались. Въ 1723 году, когда произведена была первая подробная перепись стародубскаго полка и вмѣстѣ всей Малороссіи, здѣсь было всего только три раскольничьихъ двора, тогда какъ крестьянъ Миклашевскаго грунтовыхъ 93 двора и бобыльскихъ 32 хаты. О матеріальномъ положеніи этихъ раскольниковъ Демьянковскихъ въ переписныхъ книгахъ замѣчено: „Въ семь же селѣ 3 двора раскольниковъ: сіи всѣ кгрунтовіи и велми можлие, а селу жадной помощи не чинятъ“. Какъ велика была разница между числомъ раскольниковъ въ селѣ Демьянкахъ во время Лазаря Барановича и во время переписи 1723 года, судить трудно за недостаткомъ на то данныхъ; изъ общаго тона вышеприведеннаго письма Лазаря Барановича можно, кажется, заключить, что „русскіе люди слободки Демьянковской

1) Тихонравовъ, Н. С. Лѣт. рус. лит. т. IV. Отд. 111, стр. 58.

поселены были не въ такомъ ограниченномъ количествѣ дворовъ, какъ свидѣтельствуется перепись 1723 г. ¹⁾).

Къ первымъ раскольниковымъ поселеніямъ въ стародубскомъ полку нужно отнести и упоминаемыя Ив. Алексѣевымъ слободы: Понуровку, Бѣлый и Синій Колодези, Замышевъ, Шеломы и Митокровку.

О времени заселенія раскольниками слободы Понуровки, находившейся „въ Ключу Стародубовскомъ“, имѣются слѣдующія данныя. Въ „Выписи изъ книгъ мѣскихъ стародубовскихъ права Майдебургскаго“, отъ 3-го іюля 1714 г., по дѣлу капитона Никиты Михайлова Шелковникова, составленной на основаніи болѣе раннихъ документовъ и хранящейся въ настоящее время въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, о времени заселенія слободы Понуровской сказано, что мать Шелковникова съ своими двумя сыновьями, работникомъ Павломъ Ѳедоровымъ и др. жила „въ селѣ Понуровцѣ при покойнаго Рославца полковничествѣ“. Отсюда мы въ правѣ заключить, что московскій попъ Кузьма и его двадцать духовныхъ дѣтей и не были первоначальными засельниками слободы Понуровской, какъ она называется въ „Роспросныхъ рѣчахъ“ 1700 г. по дѣлу того же Шелковникова, и что, стало-быть, Понуровка какъ раскольническая слобода была осажена раньше 1676 г., когда прекратилось полковничество П. И. Рославца ²⁾. О поселеніи раскольниковъ въ Понуровкѣ имѣется и другое болѣе раннее официальное свидѣтельство, чѣмъ свидѣтельство безпоповщинскаго историка Ивана Алексѣва. Именно въ Книгѣ генеральнаго слѣдствія по стародубскому полку 1729—1730 гг., между прочимъ, замѣчено о поселеніи здѣсь раскольниковъ слѣдующее: „Село Понуровка осажована слободою и въ оной слободѣ сначала жили раскольники, великороссійскіе люди; по висилки же зъ Понуровки раскольщиковъ, какъ осѣли тамъ малороссійской породы люди, тѣмъ селомъ Понуровкою Семионъ да Яковъ гетмана Самойловича сини владѣли. А когда

¹⁾ «Компуты» стародуб. полка 1723 г., ст. 450—455. Лазаревскій, А. М. Опис. ст. Малор. 1, стр. 179—180. Ханенко, А. И. Опис. мѣст. Черн. губ. въ пред. бывш. старод. полка. Черниговъ. 1890 г. Стр. 28—29.

²⁾ М. А. М. И. Д. Подлинные малороссійскіе акты (архивъ старый, отд. 2). См. Мат. для ист. раск. на Вѣтеѣ и въ Старод., № 7 стр. 60. № 9, стр. 72.

гетманъ Самойловичъ зъ дѣтьми своими посланъ въ силу, то оное село Понуровку гетманъ Мазепа на себе взялъ и опредѣлилъ подъ видѣние двора своего Баѳланского, а потомъ зъ своего владѣнія тотъ же гетманъ Мазепа полковниковѣ стародубскому Михайлу Миклашевскому 1693 года надасть не на рангъ "... Упоминается о раскольникахъ въ Понуровкѣ и въ переписи 1723 г.: „Мицко москаль зъ раскола окрестился и грунтовій. Сей не належить до посполства и не помоществуеть“¹⁾.

¹⁾ Книга генеральнаго слѣдствія по стародуб. полку—реп. библ. коллегіи П. Галагана въ Кіевѣ, № 9, л. 5, ст. 11 об. «Компуты» старод. полка 1723 г., л. 423 об. *Ханенко А. И.* «Опис. мѣст. Черн. губ. въ пред. бывш. старод. полка.» См. *Понуровка*. Стр. 53—55. Въ Румянцевской описи Малороссіи встрѣчаются нерѣдко указанія на то, что раскольники жили въ Понуровкѣ и въ первой половинѣ XVIII в. Такъ о Млинскихъ обывателяхъ Ст. Сем. Вдовенкѣ, 57 л., и Саввѣ Сем. Вдовенкѣ, 63 л., замѣчено, что они родились въ Малороссійскомъ селѣ Понуровкѣ. Т. LXXXII, подвор. бѣд. №№ 5—6; ср. тамъ же №№ 19—21. Въ подвор. вѣд. войта слоб. Чуровичъ, при опис. бездв. избы Анд. Ѳед. Новиченкова, 52, замѣчено, что отецъ его бывалъ малороссіянинъ стародуб. полка с. Понуровки и вышелъ въ Чуровичи въ 1746 г. Ibid. CXVII, л. 7. Ср. подвор. вѣд. Воропьковскаго войта, лл. 5—6, 10 об., 19, 50 и 55.—Въ одномъ изъ своихъ донесеній св. синоду чернигов. еп. Иродіонъ Жураковскій писалъ въ 1723 г., что понуровскій раскольникъ Дмитрій Безсчастновъ умышленно вѣнчалъ своего сына въ православной церкви съ православною дѣвицею, а потомъ перекрестилъ ее раскольникимъ попомъ Борисомъ и держалъ вмѣстѣ съ сыномъ въ расколѣ. Опис. док. и дѣл арх. св. син. IV, № 1323, п. 11, стр. 156—158.—О положеніи раскольниковъ въ Понуровкѣ въ XVIII в. см. *Х. Ш. А. Д. М.*, № 2414. лл. 703, 709—713 и др.—Въ Ист. стат. опис. черн. еп. на вопросъ: «временные поселенцы Понуровки раскольники, были ли первыми поселенцами ея?» отвѣчено: «нѣтъ, мѣсто *нарицаемое Понуровка* (такъ говоритъ *Ив. Алексѣевъ* въ своей повѣсти) извѣстно было и безъ нихъ». Мало того, утверждается, на основаніи какого то неразъясненнаго мѣстнаго преданія, что въ Понуровкѣ былъ когда-то монастырь въ честь Рождества Іоанна Предтечи, и что приходскій древній храмъ Понуровки въ честь св. Тройцы основанъ не позже 1676 г. Кн. VII, стр. 79—80. При такихъ неосновательныхъ попыткахъ объяснять мѣстное преданіе съ наименьшею вѣроятностію можно относить его и къ раскольникамъ, какъ, первымъ дѣйствительнымъ поселенцамъ здѣсь, на что вышеуказанныя данныя и даютъ право.

Изъ показаній по дѣлу о грабежѣ пятисотеннаго Чубаровскаго полка Родіона Боровкова 1700 г. видно, что раскольники селились въ Понуровѣ и послѣ 1693 г., когда она перешла по универсалу г. Мазепы къ Миклашевскому ¹⁾).

Сопоставляя офіціальное свидѣтельство Книги генеральнаго слѣдствія съ свидѣтельствомъ Ивана Алексѣева, о времени и поселенія въ Понуровкѣ поца Кузьмы, и тѣми новыми данными и основанными на нихъ соображеніями, которыя нами приведены выше по поводу этого поселенія, можно, кажется, придти къ тому довольно вѣроятному заключенію, что Понуровка какъ слобода, осаженная раскольниками, при посредствѣ Курковского куреннаго атамана, или, вѣрнѣе, волостнаго сотника Ломаки, по истеченіи льготныхъ лѣтъ, о которыхъ по большей части точно говорилось во всякомъ „осадномъ листѣ“, первоначально входила въ составъ сель, подлежащихъ „по послушенству“ стародубскому магистрату. Осаженные на магистратскихъ земляхъ слободы часто потомъ переходили во владѣніе къ разнымъ генеральнымъ и полковымъ чинамъ, гетманамъ и полковникамъ, какъ извѣстно, крайне самовластно распоряжавшимися магистратскими землями, селами и слободами. Захватъ этихъ послѣднихъ былъ однимъ изъ самыхъ общеупотребительныхъ приѣмовъ для генеральной и полковой старшины увеличить свои земельныя владѣнія. По крайней мѣрѣ извѣстный намъ полковникъ П. П. Рославецъ широко практиковалъ этотъ приѣмъ, какъ потомъ и другіе стародубскіе полковники по его слѣдамъ. Такъ изъ осаднаго листа на поселеніе Азаровки (Назаровки), выданнаго полковникомъ Рославцемъ въ маѣ 1670 г., видно, что новую слободу позволялось заводить осадцѣ „Тимошовѣ Павловичу“ (вѣроятно раскольнику, какъ догадывается г. Лазаревскій), „обывателей бившему... ухровскому“, съ правомъ вольности на пять лѣтъ, а потомъ, „которыи лѣта волно виживши, отъ всякихъ подачокъ, подлеглости городской стародубовской всякой мають послушными и повинными бити“... По прошествіи пяти льготныхъ лѣтъ Азаровка однако же отдавала „послушенство“ не стародубскому магистрату, а выдавшему осадный листъ полков-

¹⁾ М. А. М. Ю. Кн. малорос, прик., № 83. Показаніе Понуровскаго раскольника Вас. Ник. Толстопятова. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод., № 11, стр. 98.

нику Рославцу и затѣмъ его преемникамъ-полковникамъ ¹⁾. Тоже, вѣроятно, было и съ Понуровной, хотя мы и не имѣемъ документальныхъ указаній на этотъ счетъ. Изъ первоначальныхъ раскольниковыхъ поселеній, упоминаемыхъ Иваномъ Алексѣевымъ. Замишевъ также принадлежалъ сначала въ числу магистратскихъ сель, а потомъ перешолъ на рангъ стародубскихъ полковниковъ. Изъ позднѣйшихъ раскольниковыхъ поселеній въ качествѣ магистратскихъ сель, или, по тогдашнему техническому выраженію, „къ помочи мѣской“, осажены были: слобода Зыбкая (нынѣ г. Новозыбковъ) въ 1701 году и Тимошкинъ перевозъ въ 1703 г.,—обѣ по разрѣшенію полковника Миклашевскаго, и вскорѣ по поселеніи здѣсь раскольниковъ отданы были гетманомъ во владѣніе разрѣшившему ихъ поселенію полковнику ²⁾.

Относительно Синяго и Бѣлаго Колодезей, Замышева, Митьковки, за исключеніемъ слободы Шеломы, какъ мѣстахъ раскольниковыхъ поселеній, имѣется почти одно свидѣтельство Ивана Алексѣева. Какъ въ „Компутахъ“ 1723 года, такъ и въ „Книгѣ генеральнаго слѣдствія“ о маетностяхъ по стародубскому полку 1729—1730 г., нѣтъ ровно никакихъ указаній о поселеніи здѣсь раскольниковъ. О Синемъ колодезѣ въ послѣдней сказано только то, что это село (22 двора) „осажовано на войсковой землѣ слободою за владѣніа бывшихъ полковниковъ стародубовскихъ и купно зъ волостю Чолховскою надлежало и надлежитъ на рангъ полковничій“ (л. 3 об.). Тоже подтверждено и въ 1731 году при разсмотрѣніи генеральною старшиною добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ (л. 2 об.). Въ позднѣйшей Румянцевской описи Малороссіи 1767 г., т. СХVI, въ вѣдомости зыбковскаго войта Ивана Масленникова о приписныхъ къ слободѣ Зыбкой и бѣжавшихъ, между прочимъ, замѣчено о вдовѣ Парасковѣ Радіоно-

¹⁾ Осадный листъ на поселеніе Азаровки напечатанъ Лазаревскимъ въ Опис. ст. Мал. 1, 180—181. См. тамъ же и другія сообщаемыя имъ данныя о смѣнѣ владѣльцевъ. По листу полковника Як. Самойловича 1686 г. с. Азаровка отдана «ку вспартю домовихъ потребъ» стародубскому войту Исааку Ермолаевичу Деревнянкѣ. Кн. генер. слѣд. о маетностяхъ старод. полка. Ср. Ханенко, А. И. Опис. мѣст. въ пред., быв. старод. п. Стр. 1—2.

²⁾ Ист. стат. оп. черн. еп. VII, 199. Лазаревскій: Опис. ст. Мал. 1, 433. Ср. зап. о жизни протоіерея Верховскаго. Спб. 1877. Стр. 927.

новой Назаровой, 50 лѣтъ, что „мужъ ея бывалъ изъ малороссіянъ стародубовскаго полка Синяго Колодезя, живалъ въ подданствѣ за стародубскими полковниками“. Село Синій Колодезь до марта 1719 года находилось въ ранговомъ владѣніи стародубскихъ полковниковъ, когда официально „по добротной пріязни“, а на самомъ дѣлѣ въ качествѣ взятки было уступлено полковникомъ Лукьяномъ Жоравкой генеральному судѣ Ивану Чарнышу¹⁾. При слѣдствіи о границахъ Синяго Колодезя, при отдачѣ чолховской волости съ ранговыми деревнями, пожалованными графу П. А. Румянцеву Высочайшимъ указомъ отъ 10-го ноября 1770 г., на основаніи разныхъ документовъ, было выяснено, что с. Синій Колодезь при криницѣ съ такимъ же названіемъ былъ поселенъ на земляхъ манюковскихъ приблизительно въ послѣдней четверти XVII в., когда еще село Манюки принадлежало къ числу ратушныхъ селъ. При томъ же слѣдствіи, владѣльцы манюковскіе, братья Велинскіе, показали, что село Синій Колодезь „начало поселенія своего имѣеть такое, что подлѣ Колодезя, прозываемаго Синяго, кой состоялъ внутрѣ дачь манюковскихъ, *оселились были сперва раскольники*, а, за выходомъ ихъ оттоль, пошли въ ихъ жилища малороссіяне. и по тогдашней въ переходѣ свободы, мало по малу умножившись, когда уже завели слободу, то ради отбыванія общенародныхъ податей и повинностей, причислена она стала къ ратушнымъ деревнямъ; но однако жъ и затѣмъ, не имѣя никакихъ удѣльныхъ принадлежностей, состояла всегда на такомъ основаніи, что какъ люде оселились тамо не въ особомъ какомъ обрубѣ, но въ грунтѣ манюковскомъ, безъ всякаго универсального на то дозволенія, но съ дозволенія манюковскихъ обывателей, а не съ какого особливаго отводу“....²⁾ Надо полагать, что на тѣхъ же условіяхъ поселялись и жили и первоначально осѣвшіе здѣсь раскольники.

¹⁾ Румянц. Оп. CXVI. Вѣд. Зыб. войта, л. 144 об. Выраженіе вѣдом. — «изъ малороссіянъ» — нужно понимать въ смыслѣ родившагося въ Малороссіи (см. ниже). Старообрядцы вообще не смѣшивались съ кореннымъ населеніемъ Малороссіи, какъ и теперь въ слободахъ чрезвычайно рѣдки родственныя связи съ малороссіянами. Отдѣльные случаи однакоже были, особенно на первыхъ порахъ. — Сулимовскій Архивъ, 198—199.

²⁾ Отдаточноя книга Чолховской волости. Лазаревскій: Опис. Стар. Малорос. I, 416.

О Бѣломъ Колодезѣ точно извѣтно, что онъ поселенъ во время полковничества П. И. Рославца, а осадилъ его для себя на вольномъ мѣстѣ полковой обозный Гаврило Дащенко. Исторія этого поселенія довольно подробно разсказана въ извѣстной уже намъ „Книгѣ генеральнаго слѣдствія о маестностяхъ стародубскаго полка. „Село Бѣлый Колодезь,—сказано тамъ,—начала, по позволенію стародубскаго полковника Рославца, на вольномъ мѣстѣ осадилъ бывший тогда обозный полковій стародубовскій Гаврило Дащенко, которому на осаду того села и позволительное открытое письмо отъ того же полковника Рославца 1673 года августа 12 дня дано, которымъ онъ, Дащенко, обозный, по смерти свою, а по немъ жена, а по смерти жени его синъ ихъ Андрей Дащенко, безъ всякаго уряду, по смерти же свою владѣлъ. Потомъ тимъ селомъ Бѣлымъ Колодеземъ владѣли полковникъ стародубовскій Коровка, а потомъ Симеонъ и Яковъ Гетманичи, потомъ Михайло Миклашевскій, по немъ (съ 1709 г.) судья полковій Прокопъ Силенко, по универсалу гетмана Скоропадскаго. Послѣ тотъ же гетманъ Скоропадскій отдалъ во владѣніе тое село Бѣлый Колодезь своимъ универсаломъ 1719 году Андрею Миклашевскому въ замѣну с. Полѣвки, отцу его и наслѣдникамъ его въ вѣчніе года жалованною монаршою грамотою утвержденного, которое онъ гетманъ Скоропадскій на себе у его Миклашевскаго отобралъ, а къ ратушѣ оное Бѣлый Колодезь никогда не надлежало и не надлежитъ“ (л. 48 об. 49). Тоже потдтвердила и генеральная старшина въ 1731 г. (л. 14). Въ универсалѣ гетмана Скоропадскаго на село Бѣлый Колодезь, при отдачѣ его Миклашевскому, между прочимъ, сказано, что это село въ 1714 году было отдано полковымъ судьей Силенкомъ сыну, его Тимоѣю, и что послѣдній „знать приеро зъ тамошними селянами обходился, что оное въ державѣ его змалолюднѣло“. Это-то обстоятельство гетманъ и выставлялъ основаніемъ отдачи его „въ зуполное владѣніе п. Андрею Миклашевскому“ ¹⁾. Сопоставляя данныя Книги генеральнаго слѣдствія и гетманскаго универсала 1719 г. съ свидѣтельствомъ Ивана Алексѣева, можно съ вѣроятностью полагать, что обозный Дащенко при основаніи заселилъ свою слободу великорусскими выходцами—раскольниками, но что потомъ они отсюда или были вытѣснены во время пол-

¹⁾ Обзор. Румянц. оп. Мал. IV, 723, 751—752,

ковничества С. И. Самойловича, по требованію московскаго правительства, какъ свидѣтельствуеть Ив. Алексѣевъ, или ушли отсюда въ періодъ времени между 1714—1719 гг., когда сталъ слишкомъ круто обходиться съ поселенцами тогдашній владѣлецъ слободы Тимошей Силенко. Нужно принять во вниманіе въ послѣднемъ случаѣ и то, что, по гетманскому универсалу, время выселенія поселянъ изъ Бѣлаго Колодезя какъ разъ совпадаетъ съ временемъ образованія описныхъ раскольничьихъ слободъ, когда раскольники легально получили право независимаго отъ воли малороссійскихъ державцевъ существованія и охотно селились на отведенныхъ имъ по государеву указу земляхъ.

О времени заселенія Замишева и слободы Шеломы имѣются нѣкоторыя и болѣе или менѣе точныя указанія. О первомъ извѣстно то, что это село первоначально входило въ составъ магистратскихъ сельъ, а потомъ перешло на рангъ стародубскихъ полковниковъ, и въ 1695 году была уже тамъ церковь, какъ значится въ листѣ полковника Миклашевскаго. Во время полковничества С. И. Самойловича село это находилось при самой границѣ, было во владѣніи этого полковника и заселялось раскольниками, по крайней мѣрѣ до времени преслѣдованія раскольниковъ этимъ послѣднимъ, т. е. приблизительно до 1682—1684 гг. Въ „Роспросныхъ рѣчахъ“ по дѣлу о наслѣдствѣ Никиты Михайлова Шелковникова предъ судомъ войсковымъ генеральнымъ, отъ 1-го сентября 1700 г., а также и въ „Выписи изъ книгъ мѣскихъ стародубовскихъ права майдебургскаго“ 1714 г. прямо удостовѣряется тотъ фактъ, что раскольники селились въ Замишевѣ во время полковничества С. И. Самойловича, и что потомъ, во время его гоненія на „капитоновъ“, многіе изъ нихъ „ушли на Вѣтку за пана Халецкаго на житье“. Есть и позднѣйшія указанія на поселеніе раскольниковъ въ с. Замишевѣ, напр. въ Румянцевской описи Малороссіи. Въ подворной вѣдомости чуровичскаго войта, поданной румянцевскимъ ревизоромъ 14 октября 1767 г., о обывателѣ слободы Чуровичъ Григоріѣ Слѣпцовѣ, 47 лѣтъ, замѣчено: „малороссійской природы, стародубовскаго полка, с. Замишева, переселился въ Чуровичи въ 1759 г.“ Выраженіе: „малороссійской природы“—въ этого рода документахъ значитъ просто—родившійся въ Малороссіи, точно также часто говорится о рас-

кольниковыхъ, вышедшихъ изъ Польши, что они „польской націи“, — изъ Лифляндіи, что они „шведской націи“ ¹⁾).

О слободѣ Шеломы извѣстно, что она поселена на землѣ значковаго товарища Аѳанасія Зѣнченка, но о времени ея поселенія до сихъ поръ никѣмъ не было сдѣлано никакихъ указаній, даже и приблизительныхъ, за недостаткомъ относящихся сюда данныхъ. По универсалу гетмана Мазепы 1702 года, отъ 27-го іюля, за Зѣнченкомъ были утверждены двѣ его слободы — Людковщина и Шоломинь. Точный смыслъ гетманскаго универсала даетъ основаніе полагать, что обѣ слободы были поселены гораздо раньше времени выдачи универсала. „Маючи“, говорится въ немъ, „на своихъ старожитнихъ грунтахъ двѣ слободцѣ, одну прозываемую Людковщину, а другую Шоломинь, посажены въ томъ же стародубовскомъ полку, панъ Аѳанасій Зѣнченко, старинній и знатній того полку Стародубовскаго товарищъ, проситъ насъ о утвержденіи оныхъ зъ людьми въ нихъ будущими“ ²⁾... По вѣдомости перваго слободскаго управителя Василія Морозова, составленной въ 1759 г., „слобода Шеломы поселена въ дачахъ значковаго товарища козака Силы Зѣнченка, на рѣчкѣ Корнѣ, въ 7203 году“, т. е. въ 1695 г. По той же вѣдомости далѣе оказывается, что „оную слободу осаживалъ козелецкаго уѣзду помѣщика Семена Талачина, деревни Храпкиной, крестьянинъ Василій Сычевъ. Осадное письмо онымъ Шеломовскимъ обывателямъ, по объявленію ихъ, было дано и въ бывшій пожаръ згорѣло, о чемъ поданное отъ нихъ доношеніе свидѣтельствуєтъ“ ³⁾. Какъ состоявшая изъ сплошнаго раскольническаго населенія, слобода эта съ 1715 года вошла въ составъ описныхъ государевыхъ раскольническихъ слободъ.

Нѣсколько позднѣе упомянутыхъ слободъ, по разсказу Алексѣева, была основана слобода *Митковка*, осаженная сыномъ пришедшаго въ Стародубье попа изъ Бѣлева Степана,

¹⁾ М. А. М. И. Д. Д. М. Дѣло о наслѣдствѣ Шелковникова. См. въ «Матер. для нач. ист. на Вѣткѣ и въ Стародубѣ». № 9, стр. 72. № 7, стр. 60. Руминц. оп. СХVII, л. 3 об. подв. вѣд. чуров. войта. Ср. СХVI, вѣдом. Митков. войта, л. 55 и др.—Лазаревскій: Опис. ст. Мал. 1, 419.

²⁾ Ист. стат. опис. черн. еп. VII, 200 Ср. 233 стр. Рум. оп. СХVI Опись бѣлая, ревизорская. Л. 1.—Обозр. Рум. Оп. Мал. стр. 661.

³⁾ X. И. А. Д. М. № 3125.

Дмитріємъ Степановымъ, по имени котораго и названа. Время основанія и этой слободы съ точностію неизвѣстно; но по Алексѣеву она основана раньше 1682—1684 гг., когда попъ Кузьма вмѣстѣ съ Степаномъ Бѣлевскимъ должны были удалиться отсюда въ польско-литовскіе предѣлы и поселиться „въ области пана Халецкаго, при рѣцѣ Вѣткѣ“. Такъ начала, по словамъ Ивана Алексѣева, или, вѣрнѣе, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, продолжала свое существованіе, все болѣе и болѣе усиливаясь, знаменитая въ исторіи поповщинскаго раскола Вѣтка, распространившая потомъ широко свое вліяніе среди русскаго староо́рядства. Относительно Митьковки слѣдуетъ однако замѣтить, что въ 1767 г. митьковскій войтъ Антонъ Заболоцкій въ поданной румянцевскимъ ревизорамъ вѣдомости доносилъ, что слобода Митьковка осажена на ранговомъ грунтѣ, по универсалу гетмана Скоропадскаго, въ 1709 году, прилагая при вѣдомости и гетманскій универсалъ, не сохранившійся въ приложеніяхъ къ Румянцевской описи въ ея теперешнемъ видѣ (т. СХVI). Между тѣмъ въ Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи (кн. 1, 127) сказано, что Митьковка поселена въ 1703 г. и что осадчимъ ея былъ нѣкто Семень Савельевъ. Въ приведенномъ здѣсь отрывкѣ изъ гетманскаго универсала 1709 г., гетманъ писалъ: „Въ слободѣ нашей Митьковской, которая недавно начала осѣдати, немашь осадчаго“, почему и поручалась обязанность осадчаго упомянутому Савельеву. Откуда заимствованъ универсалъ—не указано. Намъ удалось найти копію этого универсала въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ малороссійскихъ дѣлъ, № 3125, въ числѣ разныхъ приложеній къ дѣлу о причиненіи климовскими и митьковскими раскольниками многихъ обидъ и разореній и завладѣніи грунтами у разныхъ обывателей, подчиненныхъ ропскому вотчинному правленію рейхсъ графскаго сіятельства А. Г. Розумовскаго. Вся переписка по этому дѣлу относится къ 1754—1759 гг. Универсалъ на поселеніе Митьковки, напечатанный нами въ „Матеріалахъ для начальной исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ“, № 13, стр. 106, данъ Скоропадскимъ въ Глуховѣ 20-го сентября 1709 г.; въ немъ осадчему Семену Савельеву поручалось въ новозаводимой слободкѣ „всякіе порядки устраивати“ и всѣ грунты „по Ирпу и по за Ирпью будучіе, до той слободки належачіе, досматривать“. Въ вѣдомости 1759 года о движеніи и составѣ слободскаго населенія

управитель Морозовъ между прочимъ писалъ, что слобода Митьковка отъ Климовой отстоитъ въ 5 в., „поселена въ тогда содер­жащейся дачи гетманской надъ рѣчкою Митьковкою 1709 года“, и что „осажоваль ту слободу, ярославскаго уѣзда, Якова Григорьева сына Кафтырева крестьянинъ, изъ деревни Заболотья, Семень Савиновъ“ (на самомъ дѣлѣ Савельевъ). Такимъ образомъ о времени заселенія Митьковки есть два разнорѣчивыхъ свидѣтельства, съ одной стороны—свидѣтельство Алексѣева, весьма правдиваго раскольникьяго историка, съ другой—документальное свидѣтельство осаднаго листа 1709 г. Эта разнорѣчивость свидѣтельскихъ показаній даетъ основаніе для весьма вѣроятнаго предположенія, что Митьковка, какъ раскольникская слобода, подобно Понуровкѣ, прекратила свое существованіе тогда, когда попы Кузьма и Стефанъ, въ силу гоненій на раскольниковъ въ Стародубѣ въ время полковничества С. И. Самойловича, ушли на Вѣтку, о чемъ по отношенію къ Понуровкѣ свидѣтельствуетъ и Алексѣевъ, а потомъ была восстановлена въ началѣ XVIII в. по осадному листу гетмана Скоропадскаго. Въ пользу этого предположенія говорить и самбе названіе слободы ¹⁾).

О поселеніи другихъ слободъ до 1682—1684 гг., когда начались въ Стародубѣ преслѣдованія раскольниковъ и имѣлось въ виду при этомъ, по словамъ Ивана Алексѣева, привлечь ихъ „къ новодогматствованію“, свѣдѣній нѣтъ; да вѣроятно и не было другихъ слободъ до этого времени, кромѣ отдѣльныхъ поселеній раскольниковъ по городдмъ и другимъ

¹⁾ Ср. Стародубье. Зап. протоіер. Т. А. Верховскаго, ч. 11, стр. 80. Багалъй, Д. И. Новый историкъ Малороссіи. Ред. на кн. А. М. Лазаревскаго: «Опис. ст. Малор.» Спб. 1891. Стр. 92—93. Здѣсь почтенный ученый дѣлаетъ нѣкоторыя дополненія къ нашей статьѣ: «Къ вопросу о времени происх. стародуб. раскольникскихъ слоб.», напеч. въ Кіев. Ст. за авг. и сент. 1889 г., на основаніи обширнаго дѣла Харьк. ист. Архива, № 3125, которымъ и мы теперь пользуемся; но дѣлаетъ эти дополненія не довольно точно и обстоятельно, напр. ни слова не говоритъ о томъ, къ какому времени относятся заимствованныя имъ документальныя свѣдѣнія; и относительно времени поселенія Митьковки говоритъ, что будто бы мы имѣли въ виду въ данномъ случаѣ только извѣстіе Алексѣева, что совершенно несправедливо. Не весьма удачно проф. Багалъй исправляетъ и нашу якобы ошибку относительно имени Митьковскаго осадчаго, называя его С. Савиновымъ, а

мѣстностямъ сѣверной Малороссіи, болѣе или менѣе населеннымъ и торговымъ. Такъ не безъ основанія можно полагать, что мѣстечко *Серединая-Буда*, находившееся около великороссійской границы, заселено было во время гетманства Самойловича великороссійскими поселенцами, т. е. главнымъ образомъ раскольниками. Оно было тѣмъ удобно для поселенія раскольниковъ, что находилось въ то время около великороссійской границы. Въ XVIII в. это мѣстечко было довольно виднымъ промышленнымъ центромъ, съ значительнымъ великорусскимъ населеніемъ, раскольничьимъ по преимуществу.

То же нужно сказать и о *Семеновкѣ*, теперешнемъ мѣстечкѣ новозыбковского уѣзда, которое заселено было сыномъ гетмана Самойловича, полковникомъ стародубовскимъ Семеномъ Ивановичемъ, занявшимъ значительное пространство земель по рѣчкѣ Ревнѣ и посадившемъ тутъ большую слободу, за которой и осталось его имя. Поселенная среди обширныхъ въ ту пору лѣсовъ, покрывавшихъ берега рѣчки Ревны, слобода эта скоро привлекла значительное населеніе—изъ малоруссовъ, бѣлоруссовъ и великоруссовъ, и въ началѣ XVIII в. была уже однимъ изъ видныхъ мѣстныхъ торговыхъ центровъ, гдѣ происходила между сѣверомъ и югомъ Малороссіи мѣна произведеній сельскаго хозяйства и промысла ¹⁾.

О количествѣ раскольничьихъ поселенцевъ въ стародубовскихъ предѣлахъ до 1682—1684 гг. судить трудно, за недостаткомъ какихъ бы то ни было цифровыхъ данныхъ на этотъ

не С. Савельевымъ, на основаніи не самого осадчяго листа, сохранившагося въ копіи въ томъ же дѣлѣ Харьковскаго историческаго архива, а позднѣйшей вѣдомости управителя Морозова, о составѣ и числѣ слободскаго населенія въ 1759 г., поданной Кіевской губернской канцеляріи.

1) Рус. Историч. Библ. VIII, 949 п. д. Въ Ист. стат. опис. черн. еп. VII, стр. 262, высказано невозможное предположеніе относительно времени основанія Семеновки, а именно: «Семеновка—по названію поселеніе не гетманское, иначе оно называлось бы Сеньковкою; но, по всей вѣроятности, *дотатарское*. Это подкрѣпляется и тѣмъ, что Семеновка, какъ и вся Погарская волость, принадлежала зятю князя Свидригайла, *Корсаку*, и въ послѣдствіи до конца XVIII вѣка была во владѣніи Корсаковъ». Между тѣмъ первымъ владѣльцемъ Семеновки изъ Корсаковъ былъ зять С. И. Самойловича Михаилъ Богдановичъ Корсакъ, не болѣе какъ смоленскій шляхтичъ. Рус. Арх.

счетъ. Съ другой стороны и нѣтъ достаточныхъ основаній полагать, чтобы раскольничье населеніе на первыхъ порахъ было довольно значительно въ заселенныхъ имъ слободахъ. На незначительность собственно раскольничьего населенія указываетъ и незначительное число раскольничьихъ поселеній и возможность быстрого вытѣсненія раскольниковъ при полковникѣ—гетманичѣ Семенѣ Ивановичѣ Самойловичѣ (1682—1684 гг.), по указу царевны Софьи Алексѣевны, если безусловно вѣрить разсказу Ивана Алексѣева. Возможно здѣсь однако же нѣкоторое преувеличеніе со стороны послѣдняго. Дѣло въ томъ, что раскольники селились какъ на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Легко было расправиться и попытаться даже обратить „къ новодогматованію“, согласно упоминаемому Алексѣевымъ указу царевны Софьи Алексѣевны, тѣхъ изъ нихъ, которые были поселены на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ и которые потому находились въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи высшей полковой власти; но не такъ легко и удобно было это сдѣлать съ тѣми раскольниками, которые поселились и жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Извѣстно, какъ послѣдніе дорожили великороссійскими поселенцами, предпочитая ихъ рѣшительно мѣстнымъ посполитымъ и всячески стараясь вытѣснить послѣднихъ изъ давно насиженныхъ ими родныхъ мѣстъ, потому что послѣдніе не легко поддавались закрѣпощенію со стороны козацкой старшины, только что самой вышедшей изъ того же народа. Интересныя данныя въ этомъ отношеніи приведены въ историко-юридическомъ очеркѣ А. М. Лазаревскаго: Малороссійскіе посполитые вѣрстьяне (стр. 61, 74 и др.). Извѣстны и многочисленныя жалобы великороссійскихъ помѣщиковъ на малороссійское духовное и свѣтское начальство и на козаковъ, по поводу укрывательства и невыдачи бѣглыхъ вѣрстьянъ. Въ упомянутой выше челобитной царю Алексѣю Михайловичу за оцкіе помѣщики писали: „люди, государь, напи и вѣрстьяне, заворовавъ многіе, побивъ помѣщиковъ своихъ, а пные пожегши,

1875 г. 1, 445 и д. Таковы и нерѣдко догадочныя предположенія Ист. стат. ош. черн. еп. Нѣкоторые изъ нихъ были указаны въ статьѣ покойнаго Н. А. Константиновича: «Замѣтки о трудахъ архіеп. Филарета по опис. черниг. губ.». См. Зап. черниг. губ. стат. комит., вв. II, вып. 5—6.

бѣгають отъ насъ за рубежъ въ малороссійскіе города и живутъ, бѣгая отъ насъ, въ малороссійскихъ городѣхъ, за епископы и за козаками въ городѣхъ и на посадѣхъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ. И мы, холопи твои, съ твоимъ великого государя указомъ, съ грамоты и съ отписки отъ воеводъ, къ нимъ въ малороссійскіе города, для тѣхъ своихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, ѣздимъ; и они, епископы и старшина и козаки, намъ, холопомъ твоимъ, тѣхъ нашихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ не выдаютъ, и насъ, холопей твоихъ, бьютъ и грабятъ и многихъ побиваютъ до смерти, а иныхъ въ воду сажаютъ". Особенно горько жаловались помѣщики на малороссійскихъ духовныхъ владѣльцевъ, главнымъ образомъ на Лазаря Барановича, не брезговавшихъ никѣмъ изъ приходившихъ къ нимъ бѣглыхъ людей и крестьянъ и не выдававшихъ никого, „хотя бы и прямо съ висѣлицы приходили къ нимъ“, писали помѣщики.

Послѣднее наше соображеніе всего болѣе подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ 1684 г., т. е. въ самый моментъ миссіонерскаго преслѣдованія слободскихъ раскольниковъ со стороны полковника С. И. Самойловича, была основана и заселена исключительно раскольниками новая слобода *Еленка*, надъ рѣчкою Еленкою, въ дачахъ бунчуковаго товарища Михаила Иванова Рубца. Осадчимъ этой слободы былъ крестьянинъ костромскаго уѣзда, села Даниловскаго (нынѣ уѣздный городъ Ярославской губерніи), дворцовой государевой волости, Мелентій Максимовъ сынъ Пановъ. Такъ опредѣляется время заселенія этой слободы и личность осадчаго въ Переписныхъ книгахъ полковника Ергольскаго и потомъ повторяется въ Переписныхъ книгахъ капитана Брянчанцова—1718 и 1729 гг. ¹⁾ Тотъ же годъ заселенія слободы Еленки указывается и въ упомянутой выше вѣдомости слободскаго населенія, составленной въ 1759 г. управителемъ Морозовымъ. Въ Румянцевской описи есть нѣкоторыя разнорѣчія съ этимъ указаніемъ, хотя и несущественныя. Тамъ сказано, что Еленка была основана или осажена въ 1682 г. войсковыми товарищами Михайломъ и Ильею Рубцами на грунтахъ пана Горяина Черноокскаго.

¹⁾ Переписныя книги 1718—1726 гг. сохранились не въ полномъ видѣ, а только по 7 раскольниковымъ слободамъ, а именно: Еленка, Воронка, Лужковъ, Зыбой, Климовой, Клиновъ—въ Моск. Арх. Мин. Юст., кн. малоросс. прик. № 118, и Радули—въ Моск. Арх. Мин. ин. дѣлъ: св. 71, № 3, по второму реестру малоросс. дѣлъ съ 1700 г.

За исключеніемъ неточности въ указаніи времени заселенія этой слободы въ Румянцевской описи, остальные показанія послѣдней подтверждаются другими данными. Извѣстно, что при возникшихъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка спорахъ за границы между селомъ Нижнимъ и Еленкою спрошены были почти всѣ жившіе тогда Рубцы, какъ о времени поселенія Еленки, такъ и о первоначальной границѣ Еленскихъ земель. Всѣ они показали, что Еленку селилъ Михаилъ Рубецъ, а Василіи Юрьевичъ Рубецъ, внукъ Ильи Ивановича Рубца, показалъ, что „вѣдаетъ онъ, по которіе именно урочища землю и другія угодія дѣдъ его Васильевъ, Михайло Ивановъ Рубецъ, къ той слободѣ Еленкѣ отводилъ, при первомъ поселеніи той слободы, которіе урочища именно слѣдуютъ: отъ шляху *татарскою*, который шляхъ лежитъ изъ Стародуба до Чернѣгова, противъ бортной сосны Явима Рубца, которая сосна стоитъ, вѣдучи отъ Стародуба, по лѣвой сторонѣ, на черніе лозы, отъ чернихъ лозъ до сосны, прозываемыя Баба; отъ той сосны до дороги, которая идетъ изъ с. Истобокъ въ слободу Еленку... А про вышеозначенную межу и урочища вѣдаетъ онъ, Василій Рубецъ, потому, что отъ второго Перекопского походу, а оной походъ котораго именно былъ году, сказать не упомянуть, показанной слободы Еленки половина въ наслѣдственномъ владѣніи его. Василія Рубца, имѣлася, до описи означенной слободы на великого государя кіевскаго гварнизону полковниковъ Ергольскимъ 1715 году“. Какъ въ этомъ дѣлѣ о границахъ между селомъ Нижнимъ и Еленкою, такъ и въ прошеніи Рубцовъ 1729 г. гетману Даниилу Апостолу, при попыткѣ ихъ вернуть отобранныя раскольничьи слободы снова въ свое владѣніе, нѣтъ даже никакихъ намековъ на то, чтобы первоначальнымъ поселенцамъ Еленки дѣлались какія либо затрудненія при поселеніи въ религиозномъ отношеніи, или чтобы они подвергались какому либо преслѣдованію мѣстныхъ властей за вѣру. Въ переписныхъ книгахъ полковника Ергольскаго и капитана Брянчанинова указывается на значительное число Еленскихъ обывателей, пребывающихъ въ слободѣ съ 1684 года. Фактъ этотъ краснорѣчиво говоритъ самъ за себя и не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ ¹⁾.

¹⁾ Румянц. Оп. Мал. СХVII, вѣдом. Еленскаго войта Ивана Красилка. Гаврило Ив. Шалушкинъ, 61 г., въ 1767 г. показалъ, что отецъ его

Упоминаемый Ив. Алексѣевымъ указъ царевны Софіи Алексѣевны къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику Самойловичу, вслѣдствіе котораго раскольники были вытѣснены изъ Понуровки и другихъ заселенныхъ ими слободъ, неизвѣстенъ. О немъ упоминаетъ только Иванъ Алексѣевъ. По его словамъ, „Софья Алексѣевна пріимши скипетръ царства великороссійскаго“ и услышавши о населеніи стародубскихъ слободъ, повелѣла послать указъ къ поименованнымъ властямъ, чтобы они „забѣглие народы, или ласкою, или прещеніемъ градскимъ къ новымъ догматамъ приводили“. Раскольники, въ слѣдствіе этого указа, согласно свидѣтельству того же Алексѣева, разбѣжались, и только немногіе „къ новодогматствованію приступиша“, которые не захотѣли лишиться „стяжанія и домовъ.“ Попытки снова возвратиться на облюбованныя уже мѣста, по прошествіи нѣкотораго времени, когда подидимому „зѣлость гоненія“ уже стихла, также не имѣла успѣха; потому что „паки отъ того же Симеона гоненіе наста“. Происхожденіе упомянутого указа, въ существованіи котораго врядъ ли и можно сомнѣваться, какъ увидимъ ниже, можетъ быть объяснено слѣдующими уже несомнѣнно достовѣрными историческими данными.

Извѣстно, что стрѣлецкіе бунты по кончинѣ царя Ѳедора Алексѣевича были вмѣстѣ и раскольничьими бунтами, такъ какъ имѣлось въ виду „и патриарха и властей поставигь, кого изберуть народомъ, которые бѣ старыя книги любили“ ¹⁾. Это соединенное движеніе стрѣльцовъ и раскольниковъ отозвалось и въ Малороссіи. Русскіе торговые люди производили въ ней тревогу своими разсказами о стрѣлецкихъ возстаніяхъ и рас-

попеховскаго уѣзда, д. Струена, помѣщ. Ѳед. Ив. Малыгина крестьянинъ, пришелъ въ Еленку 89 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1678 г. Вѣд. Зыбк. войта. Т. СХVI, л. 16 об.—Х. И. А. Д. М. № 3125.—Лазаревскій: Опис. ст. Мал. 1, 445--446.—Обозр. Румянц. Оп. Мал., стр. 709.

¹⁾ Записки Желябужскаго съ 1682 г. по 2-е іюля 1709 г. Спб. 1840. Стр. 11. Зап. Крекшина, стр. 41. Бунтъ 1682 г. хорошо помнили и боялись повторенія его еще въ 1689 г. Такъ В. В. Голицынъ въ отпискахъ къ Ѳ. Шаковитому изъ крымскаго народа спрашивалъ: «Нѣтъ ли какова воровства отъ бунтовщиковъ? И на слѣдствіи потомъ объяснялъ, что дѣло шло о тѣхъ бунтовщикахъ, «которые остались отъ 190 году, изъ стрѣльцовъ противника». Розыск. дѣла о Ѳ. Шаковитомъ, III, с. 1176. Ист. Росс. Соловьева, XIII, 351 стр.

правѣ съ боярами. Пошли и въ Малороссіи толки о томъ, чтобы подняться народу и обобратъ значныхъ старшинъ и орандарей, возбудившихъ противъ себя народную ненависть. Были и весьма злонамѣренные толки со стороны русскихъ людей. Путивльскій купецъ Бѣляевъ распускалъ слухи въ городѣ Котопѣ, что подъ Путислемъ остануются тайно царскія войска и будутъ рубить старшинъ козацкихъ. Толки эти однако же своевременно дошли до гетмана Самойловича: онъ написалъ къ народу успокоительный универсалъ и сообщилъ о положеніи дѣлъ въ Малороссіи боярину Василью Васильевичу Голицыну. Между прочимъ онъ писалъ: „Досадны намъ зѣло неразумныхъ людей великороссійскихъ слова бездѣльныя, что межъ народомъ нашимъ верозмышленно вносятъ расколь; толкуя вездѣ черни тотъ случай, который въ царствующемъ градѣ Москвѣ, по допущенію Божію, великимъ людемъ учинился, и поведеніе инако изворачивая подкидаютъ допущенія той же черни, чтобы и здѣсь надъ нами, надъ старшиною, отъ чего Боже сохрани, учинили вредительство; а дѣется то отъ Путивльцевъ и отъ иныхъ горожанъ людей торговыхъ“. По донесенію его изъ Москвы данъ былъ указъ боярину Петру Ивановичу Хованскому, начальствовавшему тогда надъ бѣлогородскимъ краемъ, подтвердить торговымъ людемъ, чтобы они, подъ опасеніемъ смертной казни, не смѣли разсѣзать въ народѣ пустыхъ рѣчей. Это было въ 1682 г. 1).

Московскія стрѣльція и раскольническія движенія отзывались особенно сильно между стрѣльцами Кіева, Переяславля, Чернигова и Батурина. Въ описяхъ столбцовъ Кіевскаго повытья за 190—200 гг., составленныхъ въ концѣ XVII в. подъячими малороссійскаго приказа, находятся прямыя указанія на этотъ счетъ. Вотъ эти указанія.

„191 г. Отписка изъ Сѣвка Леонтія Неплюева и подъ отпискою гетманскій листъ о посылѣ подъячаго Василя Баутина въ Кіевъ зъ грамотами отъ возмущенія о уговорѣ стрѣльцовъ московскихъ“.

„Отписка изъ Кіева, что приказу Малыя Россіи подъячій Василій Баутинъ посылалъ о уговорѣ отъ смуты московскихъ стрѣльцовъ въ Кіевъ и Переяславль“.

1) М. А. М. И. Д. Д. М. Св. 59. Письмо Самойловича въ рус. переводѣ, отъ 8-го августа. Универсалъ отъ 16-го іюня 1682 г. Акт. Зап. Рос. V, 168.

„Роспросные рѣчи капитана Карпа Хлудова, что онъ, будучи въ Кіевѣ, слышалъ московскихъ полковъ отъ стрѣльцовъ, и что ихъ великихъ государей грамоту, которая прислана о измѣнѣ князя Ивана Хованскаго, называли воровскою и подъячаго Василя били“.

„Великихъ государей грамота въ Кіевѣ, что посыланъ былъ приказу Малыя Россіи подъячей Василій Баутинъ, изъ села Воздвиженскаго, о измѣнѣ князя Ивана и сына его Андрея Хованскаго, будучи онъ въ Кіевѣ тое грамоту объявилъ и чтена всѣмъ полкамъ вслухъ, и московскихъ разныхъ полковъ стрѣльцы тое грамоту называли воровскою и непристойныя слова говорили и подъячеге били и въ тюрьмѣ держали, и грамоту къ себѣ взяли, я за то генералу—порутчику, и полковникамъ, и нижнихъ чиновъ начальнымъ людямъ, и рейтарамъ, и солдатамъ, и стрѣльцамъ указъ сказанъ, чтобы они къ той шатости не приставали и никакова зла не чинили, и они стрѣльцы били челомъ государемъ, чтобъ въ той винѣ великія государи простили, а воровъ и заводчиковъ они выдали, и велѣно тѣхъ стрѣльцовъ держать въ тюрьмѣ до указа, а въ винахъ они прощены“ (л. 46—47) ¹⁾.

Доходили до правительства слухи и болѣе опаснаго для государства характера. Изъ дѣла о московскомъ стрѣльцѣ Ивана Озерова полка Вавилкѣ Григорьевѣ видно, что въ 1684—1685 г. въ Малороссіи ходили толки о сношеніяхъ Малороссійскихъ козаковъ съ Донскими, и что послѣдніе предлагали первымъ: „буде де они, Малороссійскихъ городовъ козаки, съ ними, Донскими козаками, пойдутъ къ Москвѣ, и они съ ними соединятся, и о томъ бы дали имъ, Донскимъ козакамъ, малороссійскихъ городовъ козаки письмо“. На основаніи этихъ слуховъ въ началѣ 1685 г. Вавилка писалъ такую „грамотку“ окольникему Ѳ. И. Шаховскому: „вѣли вѣтры, и онъ, Вавилко, тѣ вѣтры, будучи въ Острѣ городѣ, поималъ, и *что было въ 190, и нынѣ тожь будетъ*, и чтобъ онъ, окольникей, билъ челомъ великимъ государемъ, чтобъ его, Вавилка, взять въ Москвѣ, покаместъ земля травою (не) укрылася“... ²⁾.

Правительство приняло свои мѣры противъ мятежныхъ стрѣльцовъ и раскольниковъ какъ въ столицѣ, такъ и въ про-

¹⁾ Кіевскій столъ разряднаго приказа: ст. Н. Н. Оглоблина. Ср. Розыск. дѣла о Ѳед. Шаковатомъ. Изд. арх. ком. т. I, ст. 467—468.

²⁾ М. А. М. Ю. Столб. Малоросс. прик. № 5981.

винціяхъ. Шакловатый, новый начальникъ стрѣльцовъ послѣ казни Хованскаго, пришелъ къ мысли перебрать всѣ стрѣлечкіе полки, удалить крамольниковъ и оставить въ Москвѣ только такихъ, на которыхъ можно было положиться. Стрѣльцы сомнительной вѣрности, „пьяницы, и зернщики, и всякому злудѣлу пущіе заводчики и раскольники“, исподоволь были переведены въ украинные города. Въмѣстѣ съ разсылкой по городамъ эти мятежные стрѣльцы разносили по государству и ядъ раскола и духъ мятежа ¹⁾. Не мало ихъ потомъ и на всегда поселилось въ Малороссіи и въ частности въ стародубскихъ раскольничьихъ слободахъ, какъ показываетъ между прочимъ и вышеупомянутое дѣло о грабежѣ пятисотеннаго Чубаровскаго полка Родіона Боровкова ²⁾.

Еще круче было поступлено съ раскольниками и ихъ предводителемъ попомъ Никитой Пустосвятомъ. Всѣ „неистовые отцы“ были перехватаны и выданы властямъ, а Никита Пустосвятъ поплатился даже жизнью: казненъ главы отсѣченіемъ. Другіе были взяты на патриаршій дворъ съ ихъ книгами и тетрадами, разсажены порознь и подвергнуты увѣщаніямъ, отъ смерти же были избавлены Хованскимъ, по настоянію котораго отданы были только архіереямъ подъ крѣпкія начала въ смиреніе: „зане не покашася отъ злобъ своихъ“. Такимъ образомъ дѣятельность раскольниковъ была совершенно парализована въ столицѣ; раскольники присмирѣли и не могли явно ходить по улицамъ царствующаго града, а нѣкоторые должны

¹⁾ Докладная выписка 25 декабря 192 г. въ связиіи Медвѣдева. Тоже и царскій указъ отъ 30 декабря 1683 г. съ боярскимъ приговоромъ объ удаленіи изъ Москвы нѣкоторыхъ стрѣлечкихъ полковъ въ Акт. арх. экспед. IV, № 280.

²⁾ М. А. М. Ю. кн. Малорос. прик. № 83. См. въ «Матер. для нач. исг. раск. на Вѣткѣ и въ Старод.» № 11, стр. 94.—Есть указанія, что московскіе стрѣльцы и раньше этого времени убѣгали въ Малороссію и поселялись въ ней. М. А. М. Ю. кн. Мал. прик. № 35. 7183—1675 г., лл. 70—85 и д. 408—410 и д. Ср. кн. того же прик. № 10, 1670—1671 г., а также № 6 того же 1670—1671 г. Столб. №5964, дѣло 1680 г.—М. А. М. И. Д. Д. М.: св. 404, № 186, 7177 г. Пам. изъ посол. приказа льякамъ Аѳ. Башмакову и Сем. Кареву о сыску бѣжавшихъ Кіев. стрѣльцовъ съ русіисью. Св. св. 401. № 18, 1669 г., отъ 25 янв.

были даже оставить Москву, скрываться по другим мѣстамъ, градамъ и весямъ, тайно распространяя свои прелести ¹⁾.

Успокоивъ волненія въ столицѣ, правительство принялось и за областныя проявленія смуть, руководясь при этомъ преданіями московскаго государства. Прежде всего посланы были грамоты воеводамъ, чтобы они поставили крѣпкіе караулы и заставы на перевозахъ „и въ иныхъ причинныхъ мѣстахъ“, ловили и распрашивали на крѣпко бѣжавшихъ съ Москвы стрѣльцовъ про ихъ товарищей и понаровщиковъ, а отписки присылали въ приказъ. „Сентября въ розныхъ числѣхъ бѣжали съ Москвы изъ разныхъ полковъ надворной пѣхоты многіе люди невѣдомо для чего; а для тайнаго проходу надѣваютъ на себя деревенскихъ мужиковъ кафтаны сермяжные и иное такое же платье, чтобъ ихъ не poznали“... Правительство заботилось, чтобы областные жители не вѣрили никакимъ распускаемымъ „прелестнымъ и смутнымъ“ словамъ и письмамъ, а властямъ предоставлялось право „то лихое дѣло искоренять по своему разсмотрѣнію“. 30-го ноября 1683 г. правительство издало указъ—не пропускать безъ проѣзжихъ грамотъ въ малороссійскіе города духовнаго и мірскаго чина людей по Калужской и Тульской дорогамъ ²⁾.

Вскорѣ послѣ окончанія раскольничьяго бунта Никиты Пустосвята, т. е. послѣ 5-го іюня 1682 года, былъ принятъ рядъ энергическихъ мѣръ церковною и гражданскою властями, находившимися тогда въ полной солидарности, и прямо противъ раскола, распространившагося тогда уже далеко и широко по областямъ. Въ царскихъ указахъ по этому поводу воеводамъ и приказнымъ людямъ ставилось на видъ, чтобы они сыскивали церковныхъ мятежниковъ по городамъ, пригородамъ и уѣздамъ и приводили ихъ въ приказы духовныхъ дѣлъ для вразумленія, употребляя при этомъ, въ случаѣ протеста, и служивыхъ людей. Кромѣ того повелѣвалось: тѣхъ изъ мятежниковъ, которые останутся упорными въ своихъ заблужденіяхъ, пытатъ накрѣпко, бить на козлѣ кнутами и даже казнить смертію—жечь; а тѣхъ, которые покаются, хотя и отпустить на свободу, но не иначе,

¹⁾ Увѣтъ, л. 70 Зап. Медвѣдева, стр. 29—30 Зап. Крешнина, 44. Собр. госуд. грам. IV, № 152, стр. 461.

²⁾ Собр. госуд. грам. IV, № 160. Доп. къ Акт. ист. X. №№ 55 и 59. Акт. эксп. IV, № 279. II. С. З. 11, №№ 1002 и 1053.

какъ „съ поручными записями, чтобы имъ впредь расколу не чинить, и порутчикамъ того за ними смотрѣть; а буде они явятся въ прежней мерзости, а порутчики того смотрѣть за ними не станутъ и въ томъ на нихъ извѣщать не будутъ, и за то имъ быть въ смертной казни, а порутчивамъ въ жестокомъ наказаніи безъ всякаго милосердія“. Въстѣ съ тѣмъ архіереямъ повелѣвалось, чтобы они по всей Россіи старались разыскивать раскольниковъ и предавать ихъ суду. Епископы съ своей стороны разсылали грамоты, чтобы подчиненные имъ священники строго слѣдили и записывали, кто ходитъ къ церкви Божіей; въ грамотахъ повелѣвалось „приходскимъ попамъ присылать въ судный приказъ росписи за руками“, кто именно противникъ церковный, не бываетъ у исповѣди. А если священники именныхъ списковъ давать не учнутъ, быть отлученными вѣчно отъ священства; а раскольникамъ быть „въ ссылке по монастырямъ и въ заточеніи подъ крѣпкимъ началомъ, доколѣ они отъ упрямства своего отстанутъ и принесутъ истинное покаяніе и раскольничать престанутъ“)“. Мѣры эти завершены статьями 1685 г., по которымъ раскольниковъ, какъ враговъ церкви и государства, велѣно было розыскивать, ловить и жечь съ ихъ жилищами; даже раскаяніе и нежеланіе болѣе находиться въ рядахъ раскола не сопровождалось освобожденіемъ отъ наказанія: раскаявшіеся ссылались въ большіе монастыри и содержались тамъ въ великомъ береженіи, за крѣпкимъ карауломъ, подъ надзоромъ искусныхъ старцевъ, и выпускались только послѣ достаточнаго удостовѣренія въ томъ, что они оставили безповоротно раскольниковую прелесть. Кто перекрещивалъ другихъ, хотя бы послѣ и раскаялся, подлежалъ смертной казни; подлежали смертной казни безъ всякаго милосердія и проповѣдники самосожженія. Наказаніе постигало и тѣхъ, которые или перекрещивались по увлеченію и винулись въ томъ безъ всякаго противности, или оказывались вообще виновными въ церковной противности, въ недавнемъ времени были противниками церкви и при допросахъ показывали, что дѣлали то по невѣдѣнію, или по какому либо принужденію: таковыхъ подвергали біенію кнута и отсылкѣ къ архіереямъ. Кнутъ, ссылка въ *дальніе города* грозила и всѣмъ тѣмъ, которые тайно держались раскольниковыми

‘) Рукоп. Солов. библ. № 20, стр. 329—330. Царская грамота отъ 14-го ноября 1882 г. Акт. Ист. V, № 100.

ской прелести; на мѣстахъ своего невольнаго водворенія они подвергались строгому надзору тамошнихъ воеводъ и приказныхъ людей, обязанныхъ доносить о всякихъ ихъ противностяхъ великимъ государямъ. Кнутъ и батоги грозили и намѣреннымъ покровителямъ раскола и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые какимъ бы то ни было образомъ содѣйствовали раскольникамъ и ихъ дѣлу. Принимавшіе на поруки противниковъ церкви и не доносившіе о неоставленіи ими упорства церкви подвергались денежной пени въ размѣрѣ 50 руб., а въ случаѣ несостоятельности—ссылкѣ; заявленіе о невѣдѣніи упорства неосвобождало отъ наложенія наказанія на поручителей. Имѣніе раскольниковъ какъ казенныхъ и сосланныхъ, такъ равно и имѣніе ихъ поручителей, ссылаемыхъ по несостоятельности, отписывалось на государей и продавалось по оцѣнѣ. Таковы по существу упомянутыя статьи 1685 года противъ раскольниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу соборнаго опредѣленія 1681 года и царскихъ указовъ, въ свое время не приведенныхъ въ дѣйствіе, епархіальныя власти стали теперь требовать отъ воеводъ, вотчинниковъ и помѣщиковъ выдачи раскольниковъ и приведенія ихъ въ духовные приказы для расправы съ ними, подвергая ихъ или увѣщанію и монастырскому смиренію, по мѣрѣ вины, или предавали гражданскому суду. Такимъ образомъ какъ гражданская, такъ и церковная власть руководились въ данное время въ своихъ отношеніяхъ къ раскольникамъ принципомъ смиренія раскольниковъ, „преценіемъ и наказаніемъ“. При такихъ условіяхъ раскольникамъ оставался одинъ исходъ: бѣжать на окраины, гдѣ надзоръ за ними уже по мѣстнымъ условіямъ былъ все таки слабѣе, чѣмъ во внутреннихъ предѣлахъ государства, или за рубежъ, въ страны подвластныя державамъ иновѣрнымъ и иноплеменнымъ, чуждымъ и враждебнымъ русскому имени. Это раскольники и дѣлали: они появились на всѣхъ окраинахъ государства, даже въ отдаленной Сибири, и за рубежами — польскимъ и шведскимъ, пробираясь даже въ предѣлы Турціи. Такъ появились раскольники „зарубежные“ или „заграничные“,—явленіе великой важности и обширнаго значенія въ исторіи нашего русскаго раскола... При страшныхъ преслѣдованіяхъ раскольники двинулись на окраины и за рубежъ цѣлыми толпами; оставшіеся въ Россіи сожигались цѣлыми сотнями въ разныхъ мѣстностяхъ. Преслѣдованіе это доходило до ужасающихъ размѣровъ, если вѣрить вполне раскольничьимъ показаніямъ, во

всякомъ случаѣ, конечно, сильно преувеличенномъ. Въ одномъ раскольничьемъ рукописномъ синодикѣ между прочимъ отмѣчено: „Въ Пальѣ островѣ скончавшихся 1687 г. марта 24,—инока Игнатія, инока Матвѣя... и иже съ ними 2700; на Березовѣ на Волгѣ скончавшихся въ 1687 г. августа 9 инока Германа, инока Ефрема, Ѳотиніи, Евѣиміи и всѣхъ иже съ ними скончавшихся 1500“. Рук. В. М. Ундольскаго, № 161, л. 41—44. Уже самая округленность этихъ цифръ внушаетъ подозрѣніе. У Theiner'a (Monuments, p. 295) говорится, что въ 1685 года передъ пасхой п. Іоакимъ будто-бы сжегъ въ срубѣхъ въ Москвѣ 90 человекъ. На этотъ фактъ однакоже нѣтъ пока ровно никакихъ указаній въ русскихъ источникахъ, даже раскольничьихъ.

Достигали ли своей цѣли всѣ эти мѣры и преслѣдованія раскольниковъ—другой вопросъ, на который и сами принимавшіе эти мѣры и преслѣдовавшіе раскольниковъ отвѣчали отрицательно. „Многіе раскольники притворствомъ своимъ и лукавымъ обращеніемъ выманивались, и уходя изъ монастырей, куда были сосланы за упорство въ расколѣ, въ инныя мѣста, чинили противности горше перваго“, говорится въ одномъ правительственномъ актѣ¹⁾. Извѣстно, какія смуты были вызваны на Дону явившимися изъ Москвы и ея окрестностей раскольниками и стрѣльцами, бѣжавшими сюда главнымъ образомъ изъ разныхъ мѣстъ ихъ ссылки, преимущественно изъ Полатова, Кротоояка и иныхъ пограничныхъ городовъ: на Дону въ 80-хъ годахъ XVII в. образовалась сильная противомосковская партія, выставившая расколъ своимъ знаменемъ въ борьбѣ съ государствомъ,—борьбѣ, разразившейся извѣстнымъ раскольничьимъ мятежомъ на Дону, такъ хорошо облѣдованнымъ В. Г. Дружининымъ въ его магистерской диссертациі: „Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.“ (Спб. 1889 г.). И изъ Малороссіи, гдѣ также была хотя и незначительная еще по числу колонія московскихъ раскольниковъ и раскольничавшихъ или сочувствовавшихъ расколу стрѣльцовъ, доходили въ то время добъ Москвы неблагоприятныя извѣстія, а именно, что и тамъ вѣютъ дурныя вѣтры, „и что было въ 190 г., и нынѣ тожь будетъ“. Такова по своему содержанію вышеупомянутая извѣтная „грамотка“ кіевскаго стрѣльца Вавилки Григорьева. Правда, раскольники здѣсь были неопасны, потому что были еще немногочисленны, а главное

¹⁾ А. А. Э. т. IV, № 284.

не имѣли прочной опоры въ коренномъ населеніи Малороссіи, какъ это было на Дону; но и здѣсь были неспокойные общественные элементы, недовольные московской политикой по отношенію къ Малороссіи, мечтавшіе о вольной козачинѣ и способные стать противъ Москвы подъ какимъ бы то ни было знаменемъ, лишь бы поживиться на ея счетъ и добыть себѣ „зипуны“, постарой традиціи козацкой.

Не слѣдуетъ забывать, что въ 1682 г. масса замѣшанныхъ въ московскихъ смутахъ того времени лицъ была сослана въ Малороссію. Въ 1683 г. сѣвскій воевода Леонтій Романовичъ Неплюевъ, именовавшій себя и намѣстникомъ стародубскимъ, по общему совѣту съ гетманомъ Самойловичемъ, въ бытность свою въ Москвѣ, представлялъ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, чтобы сосланные въ Малороссію въ 1682 г. были возвращены и награждены, „потому что то разграбленіе и ссылки воспріяли безвинно“. Представленіе сѣвскаго воеводы сопровождалось успѣхомъ: „послѣ того изъ ссылки многіе къ Москвѣ взяты“; но не всѣ. Такъ онъ высказывался въ своихъ челобитныхъ 1690 г., когда и самъ попалъ въ ссылку по дѣлу Шалковитаго ¹⁾.

Въ это время эмигрировали не только стрѣльцы, посадскіе люди—раскольники, но и боярскіе рабы и холопы, такъ какъ стрѣлецкіе бунты имѣли такое же направленіе и возбуждены были одной причиной, какъ и бунты въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Какъ тогда, такъ и теперь была провозглашена свобода боярскимъ людямъ. Это было опасное для государства движеніе, потому что крѣпостное право прямо вытекало изъ развитія силы московскаго государства, и, чтобы сломить его учрежденія, нужно было побороть и уничтожить эту силу. Вотъ

¹⁾ Розыск. дѣла о Федорѣ Шалковитомъ и его сообщникахъ. Изд. археограф. ком. Спб. 1875. Т. I, 462, 470. Т. II, 539, 580—581, 585—588. Кромѣ стрѣльцовъ, расколоучители «присовокуниша къ своему начинанію лестными глаголами» многихъ посадскихъ людей Москвы. Послѣдніе тоже собирались и совѣщались, «каво бо имъ старую вѣру утвердити». При этихъ «совѣщаніяхъ» борцы «за старую вѣру» нерѣдко, «яко дивіе звѣри ярящеса, не внимающе правдѣ, при всемъ народѣ, били вешадно» тѣхъ, кто осмѣливался подавать голосъ за покорность православной церкви, и «оное свое біеніе свирѣбое, аки поборники правыя вѣры и тои оборонители вмѣняша». Были сосланные и изъ посадскихъ людей. Зап. рус. людей. Изд. Сахарова. Стр. 18.

почему московское правительство постаралось энергически прекратить попытки къ свободѣ боярскихъ людей и уничтожить слѣды возникшихъ стремленій (П. С. З. 11, № 992). Строгія мѣры правительства въ этомъ отношеніи заставили, конечно, многихъ холоповъ спасаться бѣгствомъ отъ наказанія, какъ видно изъ многихъ строгихъ постановленій относительно бѣглыхъ. Какъ велико было это эмиграціонное движеніе, можно судить по тому, что въ одномъ сѣвскомъ уѣздѣ съ 1682 г. „предъ прежнимъ прибыло близко тысячи дворовъ“, какъ свидѣтельствовалъ въ вышеуказанныхъ челобитныхъ 1690 г. бывший сѣвскій воевода Л. Р. Неплюевъ. Эти бѣгле холопы, какъ въ это время, такъ и въ послѣдующее, до самой отмѣны вѣрнопостнаго права, доставляли наибольшій контингентъ для усиленія и укрѣпленія раскола на русскихъ окраинахъ.

Естественно, стало быть, какъ то, чтобы московское правительство приняло свои мѣры противъ поселившихся въ Малороссіи раскольниковъ, такъ и то, что московскія смуты времени царевны Софьи Алексѣевны, какъ и послѣдующія конца XVII в., дали значительный контингентъ новыхъ поселенцевъ для Малороссіи и повели къ образованію новыхъ раскольничьихъ слободъ. Такъ уже въ 1684—1685 г. поселена была новая раскольничья слобода *Деменка*, на земляхъ тростанскихъ, ранговыхъ. Въ вѣдомости 1759 г. перваго слободскаго управителя Морозова прямо сказано: „слобода Деменка поселена въ дачахъ стародубскаго полковника въ 7192 (1694—5) году, надъ рѣчкою Деменкою, а осаживалъ эту слободу козельскаго уѣзда, Іосифа Волоколамскаго монастыря села Векна, крестьянинъ Максимъ Аванасьевъ Пузеевскій“, и что потомъ на владѣніе грунтами слобожанамъ было дано „письмо отъ бывшаго полковника стародубскаго Михаила Миклашевскаго въ 1700 г.“¹⁾ Иное указаніе на время поселенія этой слободы сдѣлано въ позднѣйшей Румянцевской Описи. По послѣднему указанію Деменка поселена въ 1691 г., по разрѣшенію полковника Миклашевскаго, и что осадчимъ ея былъ выходецъ Тимофеей Максимовъ, т. е. сынъ Максима Пузеевскаго, бывший въ послѣдствіи осадчимъ Тимошкина Перевоза²⁾. Естественно нужно отдать предпочте-

¹⁾ Х. И. А. Д. М. № 3125. Арх. Черн. Казен. Палаты, №№ 1200—1204 и др.

²⁾ Румянц. Оп. Малор. Т. СХVII, л. 890.

ніе первому указанію, какъ болѣе раннему и болѣе положительному въ своихъ подробностяхъ.

Къ 1691 году относится поселеніе другой раскольничьей слободы—*Воронка*. Слобода *Воронькъ*, или по тогдашней малороссійской терминологіи *Воронецъ*, поселена была на грунтахъ бунчуковаго товарища Якова Михайлова Рубца, надъ рѣчкою *Воронкомъ*, и сначала осаживалъ эту слободу крестьянъ села *Заболотья*, ярославскаго уѣзда, помѣщика Якова Григорьева *Кафтырева*, *Игнатій Ивацовъ*, сынъ *Волкъ* (*Волковъ*). Эти свѣдѣнія согласно повторяются въ Переписныхъ книгахъ полковника *Ергольскаго* и *Брянчанинова* и въ указанной вѣдомости 1759 г. управителя *Морозова*. Въ *Румянцевской* Описи поселеніе этой слободы отнесено къ болѣе раннему времени, именно къ 1687 г. ¹⁾.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., въ эпоху преобразовательной дѣятельности Петра Великаго и отрицательнаго отношенія къ старорусскимъ обычаямъ и преданіямъ,—когда раскольники распустили молву, что настало время антихристова, что Москва—мерзкое море и темный Вавилонъ, а жители вавилоняне, слуги антихристовы, сыны погибели, носящіе парики съ хвостами,—появилось, или, по выраженію того времени, „осѣло“ не мало раскольническихъ слободъ въ сосѣдней Польшѣ и до десятка въ сѣверной Малороссіи. Русскіе суевѣры въ то время толпами бѣжали изъ православныхъ городовъ и сель, деревень и починковъ, какъ изъ царства антихристова, въ скиты и пустыни раскольническія, находившіяся вдали отъ непосредственнаго надзора гражданской и духовной власти, на окраинахъ, государства или даже за его предѣлами, какъ въ мѣста спасенія, чуждыя еретическихъ „новоперемѣнъ“ и процвѣтавшія древлецерковнымъ благочестіемъ. Св. Димитрій Ростовскій въ своемъ *Розыскѣ* о раскольнической вѣрѣ, со словъ лицъ бывавшихъ и живавшихъ въ *Брянскихъ* лѣсахъ и другихъ убожищахъ раскола, свидѣтельствуетъ, что многіе раскольники въ то время „во инныя страны преселишася, и въ Польшу мнози поидоша, тамо бо въ нѣкихъ мѣстахъ множество, якоже сказуютъ, поселилися. (Ч. I, л. 26). Такъ, въ 1694 г., а не въ 1700 г., какъ сказано въ *Румянцевской* Описи (т. CXVII, вѣдомость войта *Фотія* *Томи-*

¹⁾ М. А. М. Ю. Кн. Малорос. прик. № 118. Рум. Оп. Ibidem. Обзор. Румянц. Оп. стр. 709.

лина), получила свое начало въ стародубскомъ полку слобода *Лужокъ*, нынѣшніе *Лужки*, надъ рѣчкою Черемошкою, на брахловскихъ грунтахъ бунчуковаго товарища Игнатія Ильича Рубца. Осадчимъ этой слободы былъ посадскій человѣкъ города Бѣлева Никифоровъ Стряпчевъ. Въ первой четверти XVIII в., по своей незначительности, она называлась еще слободкой *Залужьемъ*. 1694 годъ, какъ годъ заселенія этой слободы указанъ въ Переписныхъ книгахъ п. Ергольскаго и капитана Брянчанинова, а также въ вѣдомости 1759 г. слободскаго управителя Морозова ¹⁾.

Къ самому началу XVIII в. относится заселеніе двухъ раскольническихъ слободъ—Зыбкой и Злынки.

О заселеніи слободы Зыбкой (теперешняго г. *Новозыбкова*) имѣются слѣдующія данныя. Въ 1701 году, 12 сентября, выданъ былъ полковникомъ Миклашевскимъ фундушевый листъ и высланы были „певнія особы для отведенья и ограниченья на тую слободку грунту, аби тоей слободѣ поселеніе было безъ обиди людской и помежныхъ селець“. 29-го іюня 1702 г., регентъ войсковой канцеляріи Василій Чуйкевичъ, именемъ гетмана Мазепы, подтвердилъ произведенное посланными полковникомъ и мѣстными „старинными людьми“ ограниченіе назначенныхъ грунтовъ подъ поселеніе, съ тѣмъ, чтобы „Апанасъ Зѣиченокъ и потомки его, подданіе его тожъ и помежныхъ селець жители въ опредѣленномъ грунтѣ слобожанамъ не важилися перешкоди чинити и насилія, а зъособна тѣ-же и слобожани же би не шкодили дереву бортному въ грунтахъ такъ Апанасовихъ Зѣиченковихъ, яко и помежныхъ селець вступу не имѣли, перешкоди жадной и наименшой шкоди не чинили, подъ виною рублей двохъ сотъ на ясневелможного добродѣя положенного“. Въ-стѣ съ тѣмъ Чуйкевичъ обяывалъ слобожанъ, „подъ вишечи-

¹⁾ М. А. Ю. Кн. Малорос. прик. № 118. См. Переп. книги Ергольскаго и Брянчанинова.—Х. И. А. Д. М. № 3125.—Показаніе Румянц. Описи, на которомъ до сихъ поръ основывалсь въ опредѣленіи времени заселенія стародубскихъ слободъ вообще и въ частности Лужковъ, исправляется теперь по болѣе раннимъ указаніямъ. О названіи этой слободы *Залужьемъ* см. въ Обзор. Рум. оп. IV, 675. Ср. также показаніе раскольницы Олены «изъ села Залужа», по дѣлу 1700 г. о грабежѣ пятисотеннаго чубаровскаго полка Родіона Боровкова. М. А. М. Ю. Кн. Мал. прик. № 83. «Матер. для нач. вст. раск. на Вѣтѣ и въ Старод.», № 11, стр. 102. .

санною виною неотступкою, аби Зибкой жители слободскіе столко дуброви, гдѣ ся Зѣнченку подобаетъ у его грунтѣ, виробили роспахали и вигноили, якъ широкостю поле отеханное Зѣнченково сягаеть, зъ которого засѣвъ теперешній озимій забрать Зѣнченку позволяемъ волно, безъ жадной *отъ москалей* перешкоди, до которого по занятію посѣву южъ Зѣнченко вѣчно неповиненъ будетъ и потомки его интересоваться и никто съ тамошнихъ помижныхъ селець жителей вступу въ тое мѣти неволенъ подѣ вишеписанной зарукой¹⁾.

Къ 1701 году поселеніе этой слободы отнесено и въ Переписныхъ книгахъ Ергольскаго и Брянчанинова (1718—1729 гг.). Тамъ же замѣчено, что первоначально осаживалъ эту слободу крестьянинъ деревни Спѣсивцевой, Рыльскаго уѣзда, помѣщика Афанася Григорьева Спѣсивцева, Ерема Карповъ, бывший впоследствии слободскимъ бурмистромъ²⁾.

Эта новая слобода, по тогдашнему административному раздѣленію, была поселена въ сотнѣ Топальской, „на урочищи Зибкой, между тростянскими и иными селцами помежными, надъ рѣчкою Корною, у вершенѣ, надубровѣ“, около стариннаго села *Людковщины*. Она была осажена „къ помочи мѣской“, какъ и многія другія раскольническія слободы въ предѣлахъ Стародубья.

Есть основаніе относить начало поселенія слободы Зибкой, какъ и Лужковъ, къ болѣе раннему времени, чѣмъ 1694—1701 годы. Если вѣрить показаніямъ обывателей—старожиловъ слободы Зибкой, даннымъ румянцевскимъ ревизорамъ въ 1767 г., относительно времени поселенія ихъ дѣдовъ и отцовъ, то на-

1) Листъ полковничій 1701 г. напечатанъ въ Истор.-стат. Оп. Черн. еп., кн. 11, стр. 199—200. Подтвердительный листъ войсковой канцеляріи регента Чуйкевича въ Обзор. Рум. оп. Малорос. IV, 681—682.

2) М. А. М. Ю. Кн. Мал. прик. № 118. Въ вѣдомости 1759 г. сказано, что «слобода Зибкая поселена въ ранговыхъ дачахъ стародубскаго полковника въ 1701 г. надъ рѣчкою Зибкою», что осадчему Еремѣ Карповѣ «отъ помѣщика отпускное 1704 г. дано письмо», и что «на поселеніе имѣются двѣ крѣпости: первая 1701 г. за рукою бывшаго полковника стародубскаго М. Миклашевскаго, вторая 1702 г. зъ уряду гетманства Мазепина, за подписомъ регента канцеляріи войсковой Чуйкевича, отъ онаго Мазепы присланного»: Х. И. А. Д. М. № 3125.

чало поселенія этой слободы нужно относить къ 90-мъ или даже къ 80-мъ годамъ XVII в. Такъ братья Гридины показывали, что дѣдъ ихъ „природной“ Каширскаго уѣзда, крестьянинъ Жерковской волости, д. Акуловой, „пришолъ въ слободу Зыбкую тому нынѣ 70 лѣтъ“. Тоже говорили дѣти Тимоѳея Карпова, Евсей и Самсонъ Карповы, равно и Никифоръ Ларионовъ Карповъ, хорошо помня, что первыхъ дѣдъ, а втораго отецъ вышли изъ деревни Спѣсивцевой, Рыльскаго уѣзда, будучи крестьянами Аѳанасія Григорьева Спѣсивцева. Братья Уколовы (4) показывали, что дѣдъ ихъ, будучи посадскимъ человѣкомъ г. Одоева, пришелъ тому назадъ 71 годъ; дѣти Якова Молчанова (3) въ свою очередь показывали, что отецъ ихъ, будучи уроженцемъ Ярославскаго уѣзда с. Сеславки, Спасскаго монастыря крестьяниномъ, пришелъ 72 года тому назадъ; къ тому же времени относили поселеніе своего дѣда братья Костерины, Ѳедоръ и Степанъ, по отцу Ларионовы, занимавшіеся во время Румянцевской описи въ слободѣ „обученіемъ грамотѣ дѣтей и отъ того пропитаніе имѣвшіе“, а Трифонъ Васильевъ Стариковъ—своего отца. Дѣдъ первыхъ былъ дворцовымъ крестьяниномъ костромскаго уѣзда, даниловской волости, д. Салова, доннынѣ существующей, а отецъ послѣдняго—дворцовымъ крестьяниномъ Верхней слободки г. Брянска. Гаврило Карповъ, 65 лѣтъ, сынъ перваго слободскаго бурмистра, извѣстнаго Еремы Карпова, находившагося въ перепискѣ съ кievскими губернаторами-князьями—Д. М. Голицынымъ и Ив. Юрьевичемъ Трубецкимъ, и самъ бывший бурмистромъ нѣсколько разъ, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XVIII в., показалъ, что отецъ его вышелъ въ слободу Зыбкую 79 лѣтъ назадъ и былъ крестьяниномъ упомянутаго помѣщика Спѣсивцева. А Корнѣй Перфильевъ Карповъ, 70 л., показалъ, что отецъ его былъ тоже крестьяниномъ Спѣсивцева и вышелъ тому назадъ 81 годъ ¹⁾.

Указанія эти отчасти подтверждаются и другими данными. Въ числѣ рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, въ собраніи В. М. Ундольскаго, есть весьма замѣча-

¹⁾ Румянц. Оп. СХVI, вѣдом. войта слоб. Зыбкой, лл. 4—6, 34—35, 48, 62, 64, 67—68, 71—72. Ср. также лл. 86 об., 90, 94 об., 97 об., 140, 147 об. и др.—Въ квитовомъ записѣ, по дѣлу Шелковникова, отъ 22 мая 1701 г., въ числѣ другихъ подписался и Ярема Карповъ, житель «въ слободѣ Зыбкой». См. въ Матер. № 10, ст. 93.

тельная рукопись подъ № 436: святцы и пасхалія, на 280 л., въ 8-ку, писанная скорописью XVII в. Самая пасхалія писана въ 1623 году; но въ концѣ ея есть нѣсколько позднѣйшихъ замѣтокъ, главнымъ образомъ путеводнаго характера, сдѣланныхъ раскольниками относительно поволжскихъ и стародубскихъ ихъ поселеній, собственно о томъ, какъ до нихъ добраться. Эти замѣтки писаны или въ самомъ концѣ XVII в., или въ самомъ началѣ XVIII в. Покойный В. М. Ундольскій по почерку относилъ ихъ къ XVII в. Изъ поволжскихъ раскольничьихъ поселеній упоминаются здѣсь извѣстные раскольничьи тамошніе починки—Березовъ и Ларіоновъ, а изъ стародубскихъ только слобода Зыбкая. Именно тамъ сказано: „Припаметовать: ѣхать по дорогѣ отъ Городца до Москвы, а отъ Москвы до Калуги, ко Ивану Стефанову Кадмину, отъ Калуги до Брянска въ Черкасской городокъ, на Почепъ, а отъ Почепа во Стародубъ, а въ Стародубѣ вопрошать Цыгановыхъ Ивана, и онъ бы возвѣстилъ о Василии Петровѣ Костеринныхъ и о деревни ихъ, Зыпковѣ“. Въ Переписныхъ книгахъ полковника Ергольскаго и „Компютахъ“ 1723 г. въ числѣ обывателей слободы Зыбой мы встрѣчаемъ только Ивана Васильева Костерина, 70 л., и сына его Ларіона; Василия Петрова уже очевидно не было въ живыхъ въ то время, если не считать его въ числѣ „бобылей“ подъ именемъ Василия Петрова, но безъ обозначенія фамиліи¹⁾.

Относительно болѣе ранняго поселенія слободы Лужковъ, чѣмъ 1700 г., какъ сказано въ Румянцевской Описи Малороссіи, и даже чѣмъ 1694 г., какъ сказано въ Переписныхъ книгахъ Ергольскаго и Брянчанинова, говорятъ нѣкоторыя показанія лужковскихъ обывателей, данныя румянцевскимъ ревизорамъ. Такъ, вдова Пелагея Дмитріева, 60 л., показала, что мужъ ея пришелъ въ Лужки тому назадъ 71 годъ. Андрей Леонтьевъ, 31 года, показалъ, что дѣдъ его, по происхожденію дворцовой крестьянинъ востромскаго у., с. Данилова, сошелъ оттуда 79 лѣтъ назадъ, а отецъ его въ слободѣ Лужкахъ и родился. Еще болѣе отодвигаетъ назадъ начало поселенія Лужковъ показаніе

¹⁾ Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго. М. 1870. № 436, ст. 325.—Переп. кн. Ергольскаго: М. А. М. Ю. Кн. малор. прик. № 118. Компюты Старод. полка 1723 г., л. 583.—Кіев. центр. арх.: св. дѣлъ переселенческихъ. Костерины были выходцы Костромскаго уѣзда, изъ д. Саловой, дворцовые крестьяне Даниловской волости.

84-лѣтняго старца Дмитрія Ефремова Потемкина, показавшаго, что отецъ его, посадскій города Бѣлева, сошелъ тому назадъ въ Лужки 81 годъ 1).

Злынка была поселена въ денисковскихъ и лысовскихъ грунтахъ, по общему съ обѣихъ сторонъ злыновцевъ съ денисковцами и лысовцами согласію, и въ 1702 г. называлась еще „новозачавшейся слободкой“. „Рову 1702 ноября 22“ въ стародубскомъ магистратѣ записанъ актъ о поземельномъ разграниченіи между жителями села Лысыхъ и новозачавшейся селиться слободкой Злынкой; въ 1703 г., по распоряженію полковника Миклашевскаго, произведено было разграниченіе злыновскихъ земель отъ Денисковскихъ сотникомъ Ипутскимъ Осипомъ Антоновичемъ, при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ это разграниченіе въ соответствующихъ актахъ довольно точно указано. Въ вѣдомости 1759 г. довольно положительно утверждаетъ, что „слобода Злынка поселена въ 1700 г. въ ранговыхъ дачахъ стародубскаго полковника, надъ рѣчкою Злынкою“, что „оную слободу осаживалъ сѣвскаго уѣзда, дворцовой Комарицкой волости, села Новоселокъ, крестьянинъ Логинъ Голубицкій“. Далѣе въ той же вѣдомости читаемъ: „о поселеніи той слободы одна выпись отъ магистрата стародубскаго 1702 г. за подписомъ рукъ въ томъ магистратѣ присутствующихъ, въ которой свидѣтельствуютъ, что отъ бывшаго полковника стародубскаго Михаила Миклашевскаго универсалъ былъ данъ; до 1703-г. отъ сотника Ипутскаго Юсифа Антоновича оригинальное письмо имѣется“ 2).

Съ 1703 года началось заселеніе раскольниками слободы *Тимошкина Перевоза*, по листу отъ 2-го іюля полковника Миклашевскаго, дозволившаго осадчому Тимоѣю Максиму, сыну Максима Аванасьева Пузеевскаго, бывшаго осадчего деменскаго, имѣть хуторъ на р. Ипути и содержать тамъ поромъ, съ тѣмъ, что поселенцы будутъ жить три года бесплатно. Ти-

1) Румянц. Оп. Вѣдом. войта Томила, лл. 4, 5, 16, 18—19, 23 и друг.

2) Ист. стат. опис. Черн. ен. 1, 126, прилѣ. 258. Лазаревскій: Опис. Стар. Малор. 1, 451. Въ войтовской вѣдомости 1767 г. (Рум. Оп. СХVI), какъ и въ вѣдом. 1759 г. слободскаго управителя утверждаетъ, что Злынка поселена въ ранговомъ грунтѣ полковниковъ стародубскихъ. Х. И. А. Д. М. № 3125.

мошкинъ Перевозъ поселенъ на старотростанскихъ земляхъ, и, какъ Зыбка, „ку помочи мѣской“, подь условіемъ заселенія отведенныхъ урочищъ „заграничными людьми“¹⁾).

Въ 1704 г. Тимошкинъ Перевозъ съ слободами Зыбкою, Деменкою и Злыною отданъ универсаломъ гетмана Мазепы въ личное владѣніе полковнику Миклашевскому. См. Экстрактъ, учиненный въ кiev. губернской канцеляріи, по дѣлу о спорныхъ земляхъ между раскольниками слоб. Деменки и Тимошкина Перевоза, въ связкахъ кievскаго центрального архива. Лазаревскій: Опис. Ст. Мал. 1, 31—33.

Въ 1706 г. поселена была одна слобода въ Черниговскомъ полку, на земляхъ Черниговскаго Троицко-Ильинскаго монастыря, при рр. Добрянкѣ и Немильнѣ. Названіе свое эта слобода, окруженная при своемъ основаніи со всѣхъ сторонъ лѣсами, получила отъ рѣчки Добрянки, а послѣдняя, по Шафонскому, „отъ лѣса Добраго именуемаго“²⁾. Осадный листъ на поселеніе этой слободы былъ выданъ 1-го апрѣля 1706 г. тогдашнимъ архимандритомъ монастыря Варлаамомъ Васильевичемъ, по которому позволялось „заведенной быти слободѣ на грунтѣ монастыря... за Черностаевкою, селомъ монастырскимъ“, а право заселенія слободы предоставлялось осадчому „пану Онисиму Ѳеодоровичу“. По управительской вѣдомости 1759 г. осадчій Добрянскій называется „бѣлевитиномъ, посадскимъ человѣкомъ, Анисимомъ Ѳеодоровымъ Софроновымъ“³⁾.

Въ 1707 г. поселена была новая раскольничья слобода въ дачахъ бунчуковаго товарища Ивана Лаврентьевича Борозды, при небольшой рѣченкѣ Туроснѣ, въ 50 в. отъ полковаго города Стародуба. Это столь извѣстныя теперь въ промышленномъ отношеніи *Клиницы*, имѣющіе въ настоящее время 11 большихъ суворныхъ фабрикъ и много иныхъ промышленныхъ заведеній.

1) Подлинный универсалъ полковника на имя осадчаго Тим. Максимова хранится въ архивѣ Черн. казенной палаты, № 1204. Ср. Рум. опис. Мал. т. СХХ. Зап. о жизни протоіерея Верховскаго. Спб. 1874 г., стр. 927. Лазаревскій: Опис. Ст. Мал. 1, 452—453.

2) Шафонскій, Аѳ. Чернигов. намѣств. топограф. опис. Изд. М. Судіенка: Кіевъ. 1851. Стр. 311, 319.

3) Обзор. Румянц. Опис. Мал. 1, 73—74. Х. И. А. Д. М. № 3125.— О земельныхъ спорахъ Добрянцевъ съ Троицко-Ильинскимъ монастыремъ, начиная съ 1720 г. тамъ же см. дѣло подь № 2969.

Первоначально осаживалъ эту слободу, костромскаго уѣзда, дворцовой государевой Даниловской волости, крестьянинъ изъ приселка Николы Хабарова, Василий Аванасьевъ сынъ Клиповъ, отъ котораго эта слобода и получила свое названіе ¹⁾). Нынѣ называется она „посадомъ“ и управляется на общемъ городскомъ основаніи.

Шведское нашествіе на Украину не остановило ни дальнѣйшаго притока сюда великорусскаго населенія, ни образованія новыхъ раскольничьихъ слободъ. Въ 1708 г., по разрѣшенію полковника Скоропадскаго, на чолховскихъ грунтахъ, „въ помощь волости чолховской“, надъ рѣчкою Ирпою, осажена слобода *Климова*, названная такъ по имени осадчаго, „зъ заграници зашлаго Клима Ермолаевича“, мѣщанина мѣстечка Головчина, которому поставлялось условіемъ при заселеніи слободы „осажовати людей... не тутешнихъ, але также зъ заграници зашлихъ“, съ предоставленіемъ „воли“ на семь лѣтъ. На первыхъ порахъ она называлась и *Песочанской* слободкой по рѣчкѣ Песочной ²⁾).

Въ томъ же 1708 г. поселена была и другая раскольничья слобода въ Черниговскомъ полку, въ дачахъ черниговскаго полковника Павла Леонтьевича Полуботка, на рѣкѣ Днѣпрѣ—*Радуль*. Осадчимъ этой слободы былъ крестьянинъ Филиппъ Костылевъ, Сѣвскаго уѣзда, дворцовой государевой Крупецкой волости, дер. Коваленокъ ³⁾).

Около того же времени образовалось еще двѣ раскольничьи слободы въ Стародубскомъ полку: *Чуровичи* и *Городище*.

Раскольничья слобода *Чуровичи*, правильнѣе, согласно болѣе древнему прозванію того Хвоевскаго или Фоевскаго урочища, на которомъ она была поселена, *Шуровичи*, заселилась рас-

¹⁾ М. А. М. Ю. Кн. Малор. прик. № 118. Переписныя кн. Ергольскаго и Брянчанинова. — Х. И. А. Д. М. № 3125: вѣдом. слоб. управителя Морозова.

²⁾ См. тамъ же Переп. кн. Ергольскаго и Брянчанинова и вѣд. 1759 г. Морозова. Румянц. оп. Мал., т. СХVІ, войтов. вѣдом. П. С. З. XI, № 8365.

³⁾ Переп. кн. Ергольскаго и Брянчанинова и вѣдом. Морозова. См. также дѣло о возвращеніи земель, занятыхъ радульскими раскольниками, по доношенію о томъ черниговскаго полковника и бригадира Милорадовича, женатаго на Софѣѣ Семеновнѣ Полуботковнѣ. Х. И. А. Д. М. № 2414. Ср. П. С. З. № 2889. Верховскій: Стародубье. Казань, Ч. III, стр. 60—64.

вольниками, вышедшими изъ сосѣдней Литвы. Сотникъ стародубскій Иванъ Марковичъ Чарнолузскій, на земляхъ котораго они первоначально поселились, писалъ 11-го апрѣля 1709 г.: „Вамъ войтови Хвоевскому зъ мужиками чиню видно симъ моимъ писаніемъ, ижъ любо поселилися були слобожане по першомъ моемъ благоволенію и позволенію ниже Хвоевичъ на бору при млинку нашомъ. Однакъ теперъ донесъ мнѣ панъ Потапъ Гуляницкій, осадчій ихъ, же оніе слобожане на него ропшуть и не хотятъ на бору ведля млинна жити, але хотятъ расходитись въ прежніе свои жилища за границу; що онъ жъ панъ Потапъ Гуляницкій просилъ мене всиловне, же имъ позволити осисти на Чуровичахъ, а именпо на логу прозываемомъ Довгомъ, а же би не роспускати ихъ изнову за границу. Теди уважившися, же вы въ тотъ куть дубровы не здолѣете пахать, а и у отчинѣ Куршеновцѣ васъ кривдятъ, то позволяя имъ на вышепоманутомъ логу сѣсти и дуброву роздѣрять и пахать по самыя рубежи и границу куршановскую и по границу и рубежи чолховскіе, а отъ вашего боку и чуровского поля по Старинскій логъ; а далей отъ Старинского логу не мають и на пядь за логъ удиратися—деклярую. А пожнѣ тіе жъ бабинскіе на Истровци имъ попускаю, а больше нигдѣ неповинни вступатися, развѣ гдѣ въ ограниченю на своей дубровѣ и низинѣ кто схочетъ собѣ росчистити и косити; а до Ваги и Цати (рѣчекъ) въ сѣновосахъ жадного и наименшого не будутъ мѣти вступу. Тимъ васъ упевнюю, що абисте моей воли и сему указу не були спречними..., того жадаю и зичу всѣмъ вамъ отъ Господа добраго здоровья“... Универсаломъ отъ 23-го іюня 1709 г. гетманъ Скоропадскій дозволилъ сотнику Чарнолузскому „слободу въ грунтахъ хвоевскихъ, на урочищи прозываемомъ Щуровичи, по мѣри грунтовъ хвоевскихъ, биле би то було безъ кривди сусѣдскихъ грунтовъ, осадити“. Замѣтимъ встати, что самъ Чарнолузскій только въ 1707 г. выпросилъ себѣ село Хвоевичи или Фоевичи у гетмана Мазепы, какъ свидѣтельствуеть универсалъ послѣдняго отъ 9-го января того года. По вѣдомости 1700 г. слободского управителя Морозова слобода эта была поселена въ 1708 г., и что осадчій ея Гуляницкій былъ мѣщаниномъ мѣстечка Шаргородки изъ за польской границы ¹⁾.

1) Обзор. Рум. оп. IV, 687. Ист.—стат. оп. Черн. еп. VII, 237—238. X. И. А. № 3125.

Изъ прошенія зарубѣжныхъ раскольническихъ монаховъ и разныхъ тамошнихъ слобожанъ, поданнаго гетману Разумовскому въ іюнѣ 1760 г., видно, что въ то время были „Старые Чуровичи“ и „Новые Чуровичи“, управляемые совмѣстно. О заселеніи „Новыхъ Чуровичъ“ въ указанномъ документѣ разсказывается, что эти „Новые Чуровичи“ поселены были на пустомъ излишнемъ грунтѣ „описной слободы Старыхъ Чуровичъ, которой отнять насилствомъ у сумѣжника бунчуковаго товарища Петра Чернолуцкаго...“. Далѣе разсказывается, что „на ономъ отнятомъ старыхъ Чуровичъ обывателями грунтѣ поселена вновь указомъ изъ кievской губернской канцеляріи слободка зовомы новы Чуровичи, на которой слободѣ поселились, по силѣ указу, перешедшіе со означенными слободы старыхъ Чуровичъ обыватели, вольные, природные поляки, которые по своей родительской и прародительской присягѣ на вѣрность записались въ Россійскомъ государствѣ во вся дни живота своего жить и радѣть неизмѣнно, а именно: Логинъ, Семень, Тихонъ, Савелій Гуляницкіе, Трофимъ Жуковъ зъ братьями“¹⁾.

Слобода *Городище*, при р. Деменкѣ, поселена была на тростанскихъ грунтахъ, по универсалу стародубскаго полковника Лукьяна Жоравки, данному по вѣдомости 1759 г. въ 1710 г., а по Румянцевской описи въ 1709 г. Осадчимъ ея былъ Борисъ Поляковъ, вышедшій сначала въ Польшу изъ козельскаго уѣзда, крестьянинъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря, какъ и позднѣйшіе поселенцы здѣсь Бѣлокопытовы. Въ 1767 г. слобода эта называлась уже хуторомъ и была причислена къ сосѣдней слободѣ Деменкѣ. Городищемъ же она названа потому, что поселена была „на старомъ Городищѣ“²⁾.

Въ началѣ втораго десятилѣтія XVIII в. на территоріи стародубскаго полка осажено еще три слободы. Это, во пер-

1) Х. И. А. Д. М. № 6673. Прошеніе иноковъ Вѣтковскаго и Лаврентьевскаго монастырей Θεодосія и Филарета, и др. заграничныхъ и мѣстныхъ раскольниковъ. См. въ Матер. № 45, стр. 206.

2) Въ Компутахъ 1723 г. Городище называется слободою, какъ и въ другихъ актахъ того времени. Ср. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. рос. имп. IV, стр. 167. — Дазаревскій: Опис. ст. Мал. I, 453—454. Въ вѣдомости 1759 г. говорится: «На Городище отъ бывшаго полковника стародубскаго Лукьяна Жоравки въ 1710 г. универсалъ имѣется».

выхъ, слобода *Ардонъ Чернецкая*, иногда въ актахъ—*Ордонъ, Ерденка*, по рѣчкѣ Ерденкѣ, на земляхъ Кіево-печерской лавры, съ разрѣшенія архимандрита Аеоносія Миславскаго. Осадчимъ ея былъ Никифоръ Пантелеймоновъ сынъ Шаровъ „съ товариствомъ раскольническихъ слободъ жителями стародубского полку“, пришедшій изъ княжества литовскаго. Поселенцамъ дано было льготы на 8 лѣтъ, съ условіемъ, „по dokonчанію тѣхъ восьми лѣтъ, поклону дать до обители святопечерской: денегъ золотихъ сто доброй монеты, пудъ меду и лисицу“ ¹⁾.

Въ 1712 г., въ свободномъ государевомъ лѣсу Ходятинѣ, какъ сказано въ Румянцевской Описи (т. LXXXII), осажена слобода *Млынка*, иногда называемая въ актахъ *Княжой*, при рѣченкѣ Млынкѣ, притоѣ Соловы, Лукою Ивановымъ Куколевымъ, отъ имени значковаго товарища Андрея Яковлева, у ко-

¹⁾ Лазаревскій, тамъ же, стр. 457—461. Ср. Опис. Кіево-Печ. Лав. Изд. 2. Кіевъ. 1831 г. Стр. 292. По поводу исторіи лаврскихъ земельныхъ владѣній, находившихся на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ послѣднее время высказано было тенденціозное недоумѣніе новымъ историкомъ Малороссіи А. М. Лазаревскимъ (Опис. Ст. Малорос. 1, 386—388). На томъ основаніи, что въ 5 грамотахъ, выданныхъ лаврѣ въ 1680 г. царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, нѣтъ никакихъ упоминаній, ни общихъ, ни частныхъ, о волостяхъ лаврскихъ стародубскихъ—Бобовицкой, Попогорской и Лыщицкой, упоминаемыхъ въ грамотѣ 1720 г., выданной однако на основаніи предшествующихъ грамотъ, почтенный изслѣдователь приходитъ къ тому заключенію, что эти волости были приобрѣтены лаврой помимо пожалованій и пожертвованій. Мало того, тутъ же почтеннымъ историкомъ прямо высказывается и та мысль, что лаврскіе городничіе могли прямо захватывать въ пользу лавры цѣлыя деревни. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ тремъ указаннымъ лаврскимъ стародубскимъ волостямъ, эта мысль оказывается совершенно ложною. Въ Акт., относ. къ ист. зап. Рос., т. V, № 19, стр. 72—73, приведена *Мъновая записъ Кіев. митроп. Петра Мошлы Бѣлорусскому епископу Іосифу Горбацкому, о уступкѣ Кіево-печерскихъ монастырскихъ селъ—Печерска, Борсуковъ, Цыркова и Тарасовичъ во владѣніе Мошлевской архіерейской канцеларіи, по поводу замѣны ихъ на волость Попову Гору яко смяженую съ лаврскою отчиною*. Записъ эта выдана 9 декабря 1644 г. и хранится въ архивѣ бывшихъ греко-унитскихъ митрополитовъ, при свят. Синодѣ. Она даетъ положительное указаніе, какъ приобрѣтены лаврой стародубскія ея обширныя маестности. Ср. Багалъй, Д. Ив.; Новый Ист. Малорос. Рец. на книгу А. М. Лазаревскаго; Опис. Ст. Мал. Сиб. 1891 г., стр. 97.

тораго потомъ скоро была отобрана однимъ изъ прикащиковъ князя А. Д. Меншикова. По словамъ управительской вѣдомости 1759 г. „слобода Млинка поселена, какъ усматривается изъ дѣлъ, въ 1710 году, а потомъ была во владѣніи за бывшимъ княземъ Меншиковымъ“. Изъ того же источника оказывается, что до 1742 г. окладъ съ Млинки платился въ почепскую канцелярію, а въ 1742 г. „по затѣйному челобитью“ отданы были млинскіе обыватели мглинскому атаману Матвѣю Соханскому, зятю вышеупомянутаго значевога товарища Яковлева; съ 1743 г. вѣдались они уже въ Глуховѣ, въ министерской канцеляріи, а потомъ съ 1752 г. въ кievской губернской канцеляріи, въ качествѣ описной раскольниковской слободы. Изъ той же вѣдомости мы узнаемъ, что слобода Млинка до 1735 г. три раза была описываема: въ 1715 г. полковникомъ Ергольскимъ, потомъ въ 1725 г. подполковникомъ Сухаревымъ и наконецъ въ 1735 г. маіоромъ Павловымъ.

Наконецъ въ 1713 г. начала заселяться послѣдняя раскольниковья слобода въ Стародубѣ—*Свяцкая, Святская* на земляхъ Кіево-печерской лавры, при рѣчкѣ Очесѣ, въ трехъ миляхъ отъ Кіево-печерской маенности Бобовичъ, съ разрѣшенія вышеупомянутаго архимандрита Миславскаго. Осадчимъ этой слободы былъ нѣкто „Іоакимъ Ивановичъ зъ товариствомъ своимъ..., бывшими жителями мѣстечка Халча, держави великого князства литовского“, вышедшими оттуда „ради великихъ своихъ кривдъ и бѣдъ неunosнихъ“. Халчанскіе выходцы—раскольники выговорили себѣ право „слободы“ на 6 лѣтъ и обязались давать лаврѣ въ льготное отъ повинностей время обычные поклонные деньги, пудъ меду и лисицу. Разрѣшительный универсалъ на поселеніе слободы Свяцкой былъ выданъ 18 іюня 1713 г. ¹⁾.

Кромѣ указанныхъ мѣстъ поселенія, раскольники селились въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ не были первоначальными населенными и жили вмѣстѣ съ кореннымъ малороссійскимъ населеніемъ, въ особенности въ мѣстахъ пограничныхъ и торговыхъ. Такъ въ то время с. *Марчилина-Буда* въ значительной мѣрѣ наполнилась

¹⁾ Лазаревскій. Опис. ст. Мал. I, 461—463. Ист. стат. опис. Черн. еп. вн. I, 127. Румянц. оп. Мал., т. СХХ. П. С. З. XI, № 8365. Опис. Кіевопеч. лав. стр. 292.

великорусскими поселенцами—раскольниками. 24 февраля 1713 г. была челомъ Петру Великому капитана Родіона Васильева Волжинскаго жена Марья Васильева въ томъ, что „въ прошлыхъ годѣхъ и разныхъ мѣсяцѣхъ и числѣхъ бѣжали отъ нея изъ сель и деревень крѣпостные ея люди и ея крестьяне“, покравъ пожитки и лошадей и „бѣжали изъ Карачевскаго уѣзда с. Кислина, да Орловскаго уѣзда с. Селехова, да изъ д. Коптевой, да изъ Рыльскаго уѣзда изъ с. Городенскаго—въ Глуховъ, и живутъ нынѣ въ с. Марчихинѣ-Будѣ, которымъ селомъ владѣеть гетманъ Скоропадскій“. Всѣхъ бѣжавшихъ было 18 семействъ. Волжинская предварительно была челомъ и самому гетману, но онъ ей отдалъ только одного крестьянина, бѣжавшаго снова въ 1712 г.; остальныхъ не отдавалъ на томъ основаніи, что „они якобы ей не крѣпки“. Царская грамота къ гетману о возвращеніи бѣжавшихъ отъ Волжинской крестьянъ съ женами и дѣтьми, въ которой приведенъ и списокъ ихъ, дана 15 марта 1713 г. Съ образованіемъ описныхъ государевыхъ раскольниковыхъ слободъ въ Стародубѣ Марчихинобудянскіе раскольники выходили въ эти послѣднія, какъ и изъ другихъ подобныхъ поселеній, не желая оставаться посполитыми подданными малороссійскихъ владѣльцевъ ¹⁾).

¹⁾ Царская грамота къ гетману Скоропадскому по челобитью Волжинской хранится въ подлинникѣ въ архивѣ Черниг. губерн. стат. комит. О выходѣ марчихинобудянскихъ раскольниковъ въ описныя слободы указанія есть въ Румянц. оц., напр. въ т. СХVII, при опис. слоб. Шеломы, лл. 2 об., 19 об. и др., какъ и въ другихъ дѣлахъ прошлаго вѣка, напр. въ дѣлѣ о Лужковской лжехристовщинѣ 1747 г. См. показаніе Моисеева. Х. И. А. Д. М. № 21299. Ср. тамъ же № 15161. Въ 1736 г. раскольниковъ было въ Марчихиной-Будѣ только 7 м. и 8 ж., въ 1790 г. 113 м. и 99 ж., въ 1827 г. 142 м. и 146 ж. До 1828 г. была у марчихинобудянскихъ раскольниковъ своя часовня съ колоколами. Послѣ пожара, истребившаго часовню вмѣстѣ съ 80 дворами жителей, раскольникамъ не позволено было здѣсь вновь селиться, и они поселились въ 5 в. отъ Буды, въ Родіоновѣ, гдѣ живутъ и доселѣ. Въ 60-хъ годахъ, по историко-статист. опис. Черн. еп., здѣсь было до 70 дворовъ раскольниковыхъ. Ист. стат. опис. Черн. еп. VII, стр. 360. По данныхъ губернскаго статистическаго комитета за 1887 г. всѣхъ раскольниковъ разныхъ сектъ числилось по Глуховскому уѣзду, въ томъ числѣ и въ Марчихиной Будѣ, 250 м., 266 ж.

Совмѣстно съ кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ раскольники жили и въ другихъ мѣстахъ въ стародубскомъ и черниговскомъ полкахъ, какъ можно заключить изъ того, что нижеуказанныя села попали въ Переписныя книги полковника Ергольскаго. Такъ, при описаніи с. Кириковки, въ Компутахъ 1723 г., „въ реестрѣ сотни новомѣской всего посольства“, замѣчено; „двѣ хатки пана хоружаго (Стефана Якимовича), у которыхъ живутъ великороссійскіе люде записніи господиномъ полковникомъ Ергольскимъ“ (л. 479). Такое замѣчаніе сдѣлано и при описаніи с. Красковичей, сотни мглинской, бунчуковаго товарища Василія Завадовскаго: „Въ семь же селѣ отписніе Ергольскимъ грунтовіе: Васка Кравченкоу, Романъ Хватѣевъ, Канашъ Хватѣевъ, Иванъ Сапуновъ бобыль. Сіи всѣ не чинятъ жадной помочи селу нѣ в чомъ“ (л. 681 об). Въ извѣстномъ Дневникѣ Н. Д. Ханенка подъ 12 іюля 1732 г. замѣчено: „Въ Архиповичахъ мешваючіи раскольцики, называючіесь Неключовы и Росеріи“...¹⁾.

Подобнаго же рода указанія встрѣчаются и въ позднѣйшей Румянцевской описи; напр., по даннымъ послѣдней, раскольники жили въ д. Перелазѣ Попогорской власти, владѣнія Кіевопечерской лавры (т. СХVII, л. 3); въ с. Перелюбѣ, черниговскаго полка (см. подворную вѣдомость войта слоб. Клинцовъ).

Дальнѣйшій ростъ самостоятельныхъ раскольничьихъ поселеній въ стародубскихъ и черниговскихъ предѣлахъ былъ установленъ резолюціей Петра I, на представленіи кіевскаго губернатора князя Дмитрія Михайловича Голицына, о томъ, что „въ стародубскомъ уѣздѣ поселены слободы великороссійскаго народа раскольники и комисарь пишетъ, что въ оныя слободы ѣхать опасенъ, дабы не разбѣжались за границу“. Разслѣдованіе о великороссійскихъ насельникахъ Малороссіи показало, что въ предѣлахъ стародубскаго и черниговскаго полковъ на земляхъ гетмана Скоропадскаго и другихъ Малороссійскихъ державцевъ, а равно на магистратскихъ и монастырскихъ земляхъ расселилось значительное количество великороссійскихъ людей, и въ томъ числѣ 16 раскольничьихъ слободъ, всего 377 дворовъ. Относительно раскольниковъ Государь повелѣлъ 28-го февраля 1715 г. не настаивать на возвращеніи ихъ на преж-

¹⁾ Дневникъ генер. хоруж. Н. Ханенка 1727—1753 г. Изд. ред. «Кіев. Ст.». Кіевъ. 1887. Стр. 119.

нее жительство, а лишь положить ихъ въ окладъ. Въ слѣдующемъ 1716 г. князь Голицынъ сдѣлалъ распоряженіе, на основаніи именнаго царскаго указа, чтобы поселившимся въ Малой Россіи раскольникамъ никто обидѣ не чинилъ и никакими дѣлами ихъ не вѣдалъ, и во владѣніи грунтовъ, которыми они владѣли, никто не интересовался, подъ опасеніемъ штрафа, а жить имъ раскольникамъ на тѣхъ грунтахъ, на которыхъ они жили, и землями, и всякими угодьями владѣть тѣми, которыми они владѣли, невозбранно. Такимъ образомъ стародубскіе и черниговскіе раскольники сдѣлались совершенно независимыми отъ власти Малороссійскихъ державцевъ, духовныхъ и свѣтскихъ, и были причислены къ вѣдомству кievской губернской канцеляріи ¹⁾. Владѣльцы, само собою понятно, не довольные этой правительственной мѣрой по устройству новаго положенія раскольниковъ въ Малороссіи, стали вслѣдствіе притѣснять и вытѣснять этихъ невыгодныхъ теперь для нихъ великороссійскихъ поселенцевъ, которыхъ сначала такъ охотно принимали и „закликали“ на перебой другъ передъ другомъ, давая имъ всевозможныя льготы, нерѣдко въ ущербъ мѣстнымъ посполитымъ. И имъ удалось, вопреки распоряженію князя Голицына, или подчинить себѣ, или вытѣснить раскольниковъ изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили смѣшанно съ малоруссами и бѣлоруссами, хотя и эти послѣдніе раскольники въ большинствѣ случаевъ были включены въ опись полковника Ергольскаго ²⁾. Кіевопечерской лаврѣ удалось даже въ 1741 г. возвратитъ и старыхъ „подданныхъ“ и земли, занятыя раскольничьими слободами.

1) П. С. З. № 2889 и 8365. X. И. Д. М. № 3125. См. указъ князя Голицына 1716 г. въ Матер., № 16, стр. 109. Въ извлеченіи этомъ указъ извѣстенъ давно.

2) Компюты по Стародуб. полку 1723 г., лл. 431, 479, 681. Ср. Обзор. Румянц. Оп. Мал. IV, 481—482, 516. Дневн. Н. Ханенко, стр. 119 — Отдѣльные случаи поселенія раскольниковъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ была однакоже и послѣ 1715—1716 г. Такъ Радульскій раскольникій войтъ Иванъ Колесниковъ доносилъ въ 1755 г. въ волостную контору, что на земляхъ Анастасіи Полуботковой жительствоуютъ и подъ ея протекціей находятся «люди великороссійскаго прирожденія и крестятся двѣми персты, и для моленія ходятъ въ одну часовню, и прочіе обряды содержатъ съ ними единогласно, и жены за ними побраны изъ разныхъ описныхъ слободъ жителей, а въ казну Ея И. В. годоваго оброка не платятъ и ни въ

Не смотря однако на то, что съ 1715 г. новыхъ раскольничьихъ слободъ въ стародубскомъ и черниговскомъ полкахъ не заводилось, притокъ сюда великороссійскихъ раскольниковъ не сокращался, а, напротивъ того, все болѣе и болѣе усиливался до конца XVIII в. и даже вплоть до отмѣны крѣпостнаго права.

Все нами вышесказанное, по вопросу о времени происхожденія стародубскихъ и черниговскихъ раскольничьихъ слободъ, можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Колонія московскихъ раскольниковъ, выведенная попомъ Кузьмою въ Сѣверщину, по сказанію Ивана Алексѣева, не была первою раскольничьею колонією на земляхъ стародубскаго полка. Гораздо раньше этихъ московскихъ раскольниковъ были здѣсь великороссійскіе поселенцы раскольники, неизвѣстные намъ по мѣсту своего первоначальнаго жительства. Поселеніе этихъ послѣднихъ нужно относить къ концу шестидесятыхъ или къ началу семидесятыхъ годовъ XVII в., а колонію московскихъ раскольниковъ съ попомъ Кузьмою во главѣ— къ концу семидесятыхъ годовъ.

2) На первыхъ же порахъ по поселеніи раскольниковъ въ Стародубскихъ предѣлахъ, на нихъ было обращено вниманіе мѣстныхъ властей— свѣтской и духовной, и послѣдняя, въ лицѣ знаменитаго мѣстнаго іерарха Лазаря Барановича, принимала по отношенію къ нимъ соотвѣтственныя мѣры, практиковавшіяся и въ Москвѣ, главномъ очагѣ раскола въ ту пору, хотя и не такъ настойчиво, какъ въ послѣдней.

3) Поселившіеся съ попомъ Кузьмою въ Понуровкѣ московскіе раскольники, по всей вѣроятности, были направлены сюда Стародубскимъ полковникомъ Григоріемъ Карповичемъ Коровкою—Вольскимъ (1678—1680 гг.), и поселены здѣсь при

какія общенародныя повинности вспомошествованія имъ, Радульцамъ, не дають... Х. И. А. Д. М., № 14985: Дѣло, по письму Кіевскаго вицегубернатора Ив. Ив. Костюрина, о присылкѣ рапорта отъ Анастасіи Полуботковой о жительствующихъ въ ея протекціи раскольникахъ, отъ 3-го апрѣля 1756 г.—Кромѣ того, въ слободѣ Млинкѣ, кромѣ такъ называемыхъ записныхъ раскольниковъ, были по вѣдомости Кіев. губ. канцеляріи 1761—1762 г. раскольники, жившіе между подданными полковника Сухарева, капитана Бухарина и обознаго полковаго Стародубскаго Юркевича: муж. 16, ж. 10. Ibidem, № 3125. Кіев. центр. Арх. св. дѣлъ о колонизаціи сѣверной Малороссіи.

посредствѣ Курковскаго куреннаго атамана, или вѣриѣ, волостнаго сотника Ломаки. Весьма вѣроятно, что и Понуровка, какъ раскольникыя слобода, первоначально входила въ составъ магистратскихъ сель, какъ и Курковичи до 1730 г., пока не завладѣлъ ею полковникъ—гетманичъ С. И. Самойловичъ, при которомъ раскольники были удалены отсюда, какъ и изъ другихъ мѣсть, населенныхъ ими, по сказанію Ив. Алексѣева.

4) Понуровка, какъ раскольникыя слобода, была осажена раньше 1676 г., во время полковничества П. И. Рославца, и что, стало быть, Московскій попъ Кузьма и его 20 духовныхъ дѣтей и не были первоначальными засельниками „слободы Понуровской“, какъ она называется въ „Роспросныхъ рѣчахъ“ 1700 г. по дѣлу Шелковникова.

5) Удаленіе раскольниковъ изъ Понуровки и другихъ заселенныхъ ими мѣсть въ Стародубскомъ полку находилось въ связи съ стрѣleckими и раскольникыими движеніями въ Москвѣ въ правленіе царевны Софьи Алексѣевны, такъ какъ эти движенія находили отѣликъ и въ колоніяхъ Московскихъ раскольниковъ въ Стародубьѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, напр. на Дону, и среди стрѣльцовъ, находившихся въ Малороссійскихъ городахъ, и грозили безпорядками въ самой Малороссіи, тогда еще далеко не усвоенной.

6) Удаленіе это повидимому не было общимъ, а частнымъ, такъ какъ оно, какъ есть основаніе полагать, коснулось только тѣхъ раскольниковъ, которые поселились и жили на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, находившихся въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи высшей полковой власти вмѣстѣ съ жившими на нихъ поселенцами. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы раскольники были удалены и съ земель частныхъ державцевъ или владѣльцевъ.

7) Поселеніе раскольниковъ въ Стародубьѣ на первыхъ порахъ было немногочисленно и стало усиливаться со времени стрѣleckихъ и раскольникыихъ движеній, въ правленіе царевны Софьи Алексѣевны, и послѣдующихъ конца XVII в., а особенно въ эпоху преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Большинство нынѣ существующихъ стародубскихъ и черниговскихъ раскольникыескихъ слободъ возникло именно въ эту послѣднюю эпоху.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Условія поселенія и первоначальной жизни великороссійскихъ раскольниковъ въ Стародубскихъ и Черниговскихъ слободахъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.

Мѣстомъ первоначальнаго поселенія великороссійскихъ раскольниковъ въ Малороссіи главнымъ образомъ были сѣверные уѣзды нынѣшней Черниговской губерніи: Стародубскій, Мглинскій, Суражскій и Новозыбковскій, а частію и сосѣдніе съ ними. Съ давнихъ поръ эта часть сѣверной Малороссіи или нынѣшней Черниговской губерніи, входящая по своему географическому положенію въ составъ Днѣпровско-сожской низменности, составляя пограничную область, съ своими непроходимыми въ прежнее время лѣсами, обиліемъ рѣкъ и болотъ, служила надежнымъ убѣжищемъ для всевозможныхъ перебѣжчиковъ, укрывавшихся здѣсь изъ Польши и Литвы, какъ и изъ сосѣднихъ областей Московскаго государства. Но самая сильная колонизація этого края, называвшагося изстари „сѣверскимъ“ или просто „сѣвромъ“, „сѣверіей“, съ его сохранившимися отъ древности поселеніями и „городами“, началась лишь съ XVII в., и опять со стороны Литвы и Польши, какъ и Московскаго государства. Уже Поляки, отхватившіе въ эпоху смутнаго времени значительную часть сѣверскаго края отъ Московскаго государства, энергично заботились о заселеніи его, привлекая сюда переселенцевъ разнаго рода льготными условіями и обѣщаніями ¹⁾.

¹⁾ Нѣкоторые данныя для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины при польскомъ владычествѣ даютъ слѣдующія изданія: Акты Южной и Западной Россіи (т. I—III); Архивъ Юго-Западной Россіи т. I; Сборникъ Императ. Рус. Историч. Общ. т. XXXV и др.; Румянцевская Опись; матеріалы, извлеченные изъ архивовъ въ Историко-Статист. Опис. Черн. еп. и др. Относительно Стародубья въ частности не мало указаній можно найти на этотъ счетъ въ I т. Опис.

Во время польскаго владычества наиболѣе дѣятельное участіе въ колонизаціи края принимали крупные землевладѣльцы изъ Поляковъ, какъ наприм. Николай Абрамовичъ, Александръ Пясочинскій, Янъ Куницкій, панъ Мухавецкій, Криптофъ Фащъ и др. Относительно перваго извѣстно, что ему даны были кородемъ обширныя маетности около Мглина и самый Мглинъ, второму—Погаръ, Новгородсѣверскъ, Глуховъ, съ окрестными селами и деревнями, въ то время еще довольно слабо заселенными. Пясочинскій, при помощи своего сѣверскаго управителя, нѣкоего Мацѣя Стахорскаго, быстро заселилъ доставшіяся на его долю маетности новыми поселенцами, вышедшими изъ сосѣднихъ польско-литовскихъ и московскихъ пограничныхъ областей. (Historyczne Pamiatki Свѣндкаго, Варшава, 1858 г., 1, 393). О приѣмахъ, какіе употреблялись имъ и его управляющими при завлеченіи великорусскихъ крестьянъ на новыя мѣста поселенія, даетъ намъ нѣкоторое понятіе одинъ изъ актовъ самаго начала второй половины XVII в., который приложенъ къ дѣлу 1725 г. по челобитью помѣщика Максима Васильева Мясоѣдова о бѣглыхъ его крестьянахъ, поселившихся въ Погарскомъ уѣздѣ „подъ часъ войны зачатія гетману Хмелницеому съ кородемъ полскимъ и съ Рѣчю посполитою“. Оказывается, что Пясочинскій просто разсылалъ по русскимъ окраинамъ своихъ агентовъ, которые и „закликали“ русскихъ людей „на слободу“. Такъ рассказывалъ въ 1657 г. предъ Гавриломъ Еремѣенкомъ, сотникомъ Погарскимъ, нѣкій „Макаръ Артемовъ съ Рославцины о выходѣ, якими часи вышолъ съ секою съ за бискупа Парцевскаго въ северскій край на слободу, чувши закликъ за пана Пясочинскаго“... ¹⁾ Тоже дѣлали и другіе круп-

ст. Малороссіи А. М. Лазаревскаго, а также въ трудахъ А. И. Ханенка: 1. Историч. Опис. нѣкоторыхъ мѣстностей Черниг. губ. (Новгородъ-сѣверскій уѣздъ). Черниговъ. 1887 г. 2. Опис. мѣстностей Черниг. губ. въ предѣлахъ бывшаго Стародуб. полка. Черниговъ. 1890 г.

¹⁾ Х. И. А. Д. М. № 1813. Дѣло по челобитью М. В. Мясоѣдова о сысканныхъ имъ въ 1725 г. въ с. Дарѣвскѣ бѣглыхъ его крестьянахъ, поселившихся здѣсь издавна и жившихъ тутъ уже четвертымъ поколѣніемъ. Въ челобитной Мясоѣдовъ писалъ, что въ прошлыхъ годахъ бѣжали отъ отца его Василья Нефедьева крѣпостные крестьяне изъ Брянскаго уѣзда, Поцпнской волости, изъ д. Вязовска, Макаръ Артемовъ съ женою и дѣтьми и др., и что правнуки Артемова Илья и Парфенъ Парфеновы живутъ въ с. Дарѣвскѣ, По-

ные и мелкіе землевладѣльцы въ краѣ изъ поляковъ; они же строили для переселенцевъ дома и давали широкія льготы въ отбываніи подданическихъ повинностей и въ пользованіи разнаго рода грунтами. Такъ панъ Криштофъ Фаць, державца села Солоновки, осадивши слободку на Солоновскомъ грунтѣ, изъ которой впоследствии образовалось мѣстечко, нынѣ городъ Городня, далъ слобожанамъ вольность на 30 лѣтъ и широкое

гарской сотни. По челобитью М. въ сентябрѣ 1725 г. Парфеновы были сысканы въ Стародубскую судебныхъ дѣлъ канцелярію, отданы подъ караулъ, но не были отданы челобитчику. 4-го ноября изъ генеральной канцеляріи присланъ указъ въ полковую, чтобы правящій полковыми дѣлами «дѣло Мясоѣдова о Илиіи и Парфенѣ Парфеновыхъ спорядивши обстоятельно для крайнего рѣшенія самое подлинное, такожь и означенныхъ Парфеновыхъ прислалъ при доношеніи въ генеральную в. к. во всякой скорости». Въ приложенной къ дѣлу сказкѣ селянъ Дарѣевскихъ «совѣтно тамошній Даріевскій попъ Романъ зъ атаманомъ, товариствомъ и посполствомъ сознали, что якъ прадѣдъ Илиіи Парфенова зайшолъ въ с. Даріевскъ и чи Московской породы или нѣтъ—никто зъ селянъ не вѣдаетъ, только де слшшали отъ давно уже помершихъ того с. Даріевска старожиловъ, же оній Макаръ былъ первій жилецъ на осадѣ слободы с. Даріевска и прійшолъ къ осадчому (Васютѣ Василюву) того села; якъ поселился на грунтѣ, и тецерь на ономъ же живеть, и якъ тогда служилъ козацко, такъ и теперь служить»... Въ генеральной канцеляріи Илья Парфеновъ предъявилъ листъ сотника Погарскаго Гаврила Еремѣенки отъ 18 января 1657 г., въ которомъ подробно рассказывалась исторія выхода Артемова изъ Рославщины и поселенія на слободѣ въ Дарѣевкѣ. Оказывается, что по выходѣ изъ Рославщины со всѣми животами (10 коровъ, 20 овецъ, 20 свиней, 40 осмаченъ жита и 20 овса) онъ попалъ въ Брянщинѣ въ руки боярина Ив. Мясоѣдова, который и поселилъ его «квалтомъ въ пустомъ своемъ селищи въ Вязовскомъ», гдѣ и жилъ Артемовъ около 5 л., и потомъ бѣжалъ «къ Погару за полковництвомъ на Стародубѣ Апанаса Еремеевка, обестился полковнику и сталъ жити въ Погарскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Даріевску на слободѣ за осадчимъ Васютою Василювимъ»... Интересны и слѣд. подробности въ данномъ листѣ: «И почувши тотъ бояринъ..., что тотъ Макаръ живеть у Погарщинѣ въ Даріевску, билъ челомъ его милости пану *гетману наказному съверскому*, пану *Ивану Золотаренку*..., именуючи его за старожила. И его милость панъ гетманъ наказній... прислалъ писаніе свое до его милости пана полковника Стародубовскаго, пана Петра Рославца, абы панъ Петръ Рославецъ, п. с., роспиталъ людей вѣдомыхъ..., чи стародавній тотъ жилецъ

право пользоваться его власными землями. Объ этихъ широкихъ льготныхъ условіяхъ поселенія долго вспоминали мѣстные жители и потомъ, уже во времена гетманщины, при Малороссійскихъ державцахъ ¹⁾).

Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Московскому государству приливъ въ нее бѣглыхъ крестьянъ, слугъ и разныхъ служилыхъ людей не только не прекратился, но даже еще болѣе усилился. Этому отчасти способствовали и условія внутренней жизни Малороссіи, которыя стали въ ней слагаться по изгнаніи Поляговъ. Свобода отъ пановъ и всякихъ обязанностей къ нимъ, провозглашенная въ то время Малороссійскимъ посольствомъ, привлекала сюда массу крестьянъ изъ сосѣднихъ великорусскихъ пограничныхъ областей. Въ такъ называемыхъ „новыхъ статяхъ“, постановленныхъ по настоянію центрального русскаго правительства, при избраніи въ гетманы Юрія Хмельницкаго въ 1659 г., и принятыхъ новымъ гетма-

Макаръ за тимъ бояриномъ, аби нѣтъ; если стародавній, то казаль того Макара и зъ семею тому боярину видати; а если прихожій, албо якъ задержаній, то не казаль выдавати... Макаръ не былъ выданъ. «А закрѣпи руць въ подлинномъ писмѣ никакихъ не имѣтся»: такъ замѣчено въ «выписи войсковой генер. канц.» по этому дѣлу. Указываетъ ли эта канцелярская замѣтка на сомнительность самаго «письма» — мы не знаемъ; но въ старинномъ дѣлопроизводствѣ документы «безъ закрѣпи рукъ» — нерѣдкость. Указанія «письма» на Стародубскихъ полковниковъ (наказныхъ) — Еремѣнка и Рославца, Погарскаго сотника Гаврилу Еремѣнка и наконецъ наказнаго гетмана Ив. Золотаренка совпадаютъ по времени съ обстоятельствами поселенія Артемова. Аонасій Еремѣнко наказнымъ полковникомъ для «сѣвера» былъ въ 1654 г. А. Ю. З. Р. X, 542. До 1752 г. с. Дарѣвскъ числилось ратушнымъ селомъ, когда Разумовскимъ отдано Н. Д. Хаменку. Въ Ист. статист. Опис. Черн. еп. (VII, 49—52) Дарѣвскъ, какъ и Дарѣвичи, связываются съ именемъ какой-то древней сѣверской княгини Даріи, мѣстопробываніемъ которой якобы было находящееся въ 4 в. отъ Дарѣвска с. Городище, гдѣ и до сихъ мортъ площадь съ насыпью храма называется *юродкомъ*. Вышеприведенныя данныя говорятъ другое.

¹⁾ Зап. Черн. губ. стат. ком. кн. II, в. 1 и 2, стр. 109—110. Ист. стат. Опис. Черн. еп. VI, 193—194. Домонтовичъ: Черн. губ. Спб. 1865. Стр. 605. Черн. губ. Вѣд. 1852 г., № 39. Шафонскій: Опис. Черн. намѣстнич. Обзор. Рум. Опис. Мал. стр. 90—92, 526—527.

номъ и козацкой старшиной, въ пунктѣ 16 весьма категорично сказано, что „въ прошлыхъ въ 162 и въ 163 и въ 164 годѣхъ, изъ Брянскаго, изъ Карачевского, изъ Рилскаго, изъ Путивлскаго уѣздовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ люди и хрестіане многіе разбѣжались въ Черкасскіи города, и въ Новгородѣхъ Сѣверскій, въ Почепъ и Стародубъ, и изъ тѣхъ городовъ приходячи къ помѣщикамъ своимъ и вотчинникамъ, вслѣдствіе злости и разореніе нестерпиміе дѣлаютъ“. Московское правительство не могло, конечно, не обратить серьезнаго вниманія на это опасное для него явленіе; оно дѣйствительно тотчасъ и постаралось принять противъ него прежде всего свои обычныя канцелярскія мѣры. Такъ уже въ январѣ 1655 г. челобитствовалъ на царское имя одинъ изъ представителей Московской гостиной сотни, именно какой-то Михаилъ Рыбенскій, чтобы послана была къ Малороссійскому гетману Богдану Хмельницкому царская грамота о сыскѣ укрывающихся въ Малороссіи бѣглыхъ его людей. Челобитью Рыбенскаго данъ былъ надлежащій ходъ: царская грамота гетману была послана. Въ первой половинѣ слѣдующаго 1656 г. отправлено было уже нѣсколько царскихъ грамотъ къ тому же гетману и по тому же предмету. Тоже было и въ послѣдующее время, въ гетманство Выговскаго. При избраніи въ гетманы Юрія Хмельницкаго центральное Московское правительство уже вмѣнило въ обязанность новому гетману и всей его старшинѣ сыскивать „воровъ-бѣглецовъ“, отдавать ихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, „и впередъ заказъ учинити крѣпкій, которіи боярскіи люди и хрестіане впередъ учнутъ бѣгать въ Черкасскіи города, и тѣхъ бы никто въ Черкасскихъ городѣхъ не пріймалъ, чтобъ въ томъ въ тѣхъ порубежныхъ городѣхъ ссори, а служивимъ людямъ разоренія не было. А о которіихъ о бѣглихъ о чихъ людехъ или о хрестіанехъ учнутъ изъ городовъ воеводи писать, и тѣхъ би отдавать назадъ; а если будетъ кто пріймать тѣхъ бѣглихъ людей и хрестіанъ, и тѣхъ карать смертію“ ¹⁾. По 7-му пункту послѣдующихъ Глуховскихъ статей, подтвержденныхъ потомъ и при избраніи въ гетманы Самойловича, вмѣнялось также въ обязанность „Малороссійскимъ жителямъ служивихъ людей, солдатовъ

¹⁾ Лѣтопись Сам. Велича: 1, 418—419.—М. А. М. Д. Д. М.: св. 10, № 2, дѣло Михаила Рыбенскаго, отъ 28-го января 1655 г. св. 12, январь—апрѣль 1656 г. и др.

и драгуновъ и всякихъ чиновъ людей, которые, не похота великому государю, его царскому величеству, служить, такихъ людей боярскихъ и крестьянъ, которіе учиня убыство или разбой или иное что своровавъ въ Малороссійскіе города прибѣгутъ, не принимать и у себя не держать, и по той статьи измѣникъ Демко Малороссійскимъ жителемъ завазу о томъ никакова не учинилъ и по тайной своей измѣнѣ и приниманіе тѣхъ бѣглецовъ попустилъ... И новообранному гетману и генеральной старшинѣ и всему войску запорозкому никакихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ впредь не принимать; а которіи до сего времени приняты, и тѣхъ отпускать послѣ нынѣшняго договору вскорѣ"... При избраніи Мазепы козацкая старшина просила Московское правительство, чтобы „русскихъ давнихъ на Украинѣ людей не ввозить, которіе зашли давно“, и обѣщалась, согласно прежнимъ пунктамъ, „бѣглецовъ не принимать“ 1).

Однако всѣ эти обычныя канцелярскія мѣры московскаго правительства преслѣдуемой имъ цѣли не достигали: бѣгство крестьянъ и разныхъ служилыхъ людей въ Малороссію не прекращалось, какъ не прекращался и пріемъ ихъ въ Малороссію. Ихъ принимали здѣсь какъ разные представители козацкой старшины, въ томъ числѣ полковники и гетманы, такъ архіереи и монастыри. При томъ, чѣмъ дальше тѣмъ больше увеличивается число челобитствованій разныхъ чиновъ людей о сыскѣ и возвращеніи бѣглыхъ людей и крестьянъ, поселившихся въ гетманской Малороссіи. Къ шестидесятымъ годамъ XVII в. относятся челобитствованія Львова, Сафонова, Хитрово, Пальчикова, князя Долгорукова и многихъ другихъ видныхъ московскихъ сановниковъ того времени 2). Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ въ Посольскомъ Приказѣ

1) Сборникъ документовъ, относящ. къ исторіи Малороссіи XVII—XVIII в. Рукоп. библ. историко-филологич. Инстит. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, № 3316, стр. 67—68, 83—84.

2) М. А. М. И. Д. Д. М. св. 19, 1664 г., дѣло отъ 31-го апрѣля по челобитью Львова; отъ 8-го сентября, по челобитью Сафонова о бѣглыхъ крестьянахъ, съ указаніемъ прямо на Лазаря Барановича, въ архіерейскихъ маестностяхъ котораго были поселены бѣглецы. Св. 20, 1665 г., отъ 21 февраля, по челобитью М. Хитрово. См. также св. 21, отъ 1667 г.; св. 38, отъ 1673 г. Ср. Соловьевъ, Ист. Россіи. XI, 178. Ак. юж. и зап. Росс. V, 212—213.

велись особья записныя книги всѣмъ царскимъ грамотамъ, посылаемымъ къ гетману, полковникамъ и черниговскому архіерею, по челобитью всякихъ чиновъ людей, о сысѣ бѣглыхъ крестьянъ и слугъ и иныхъ сюда относящихся дѣлахъ. Одна изъ такихъ записныхъ книгъ, обнимающая періодъ времени отъ 10-го ноября 1676 г. по 8 ноября 1688 г., на 103 листахъ, хранится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ разрядѣ малороссійскихъ дѣлъ, при связкѣ 46, подъ 1676 г. Изъ значительнаго числа царскихъ грамотъ, помѣщенныхъ здѣсь по указаннымъ дѣламъ, видно, что бѣглецы жили по преимуществу въ Почепскомъ, Погогорскомъ, Стародубскомъ, Новгородѣверскомъ, Глуховскомъ и Черниговскомъ уѣздахъ, и жили въ селахъ и деревняхъ гетманской Малороссіи „переходя“ съ мѣста на мѣсто. Изъ тѣхъ же грамотъ, какъ и другихъ тогочасовыхъ указаній, видно и то, что бѣглецы находили себѣ пріютъ главнымъ образомъ въ селахъ и деревняхъ стародубскихъ полковниковъ и мѣстной старшины, въ томъ числѣ до 1676 года преимущественно въ маестностяхъ извѣстнаго по злополучной своей судьбѣ полковника Петра Ивановича Рославца. Есть не мало указаній, что великороссійскіе люди селились также въ значительномъ числѣ и въ маестностяхъ черниговскаго и новгородѣверскаго архіепископа Лазаря Барановича. Челобитьями къ государю о поселеніи бѣглыхъ людей и крестьянъ въ Малороссіи наполнена также почти цѣлая книга Малороссійскаго Приказа, хранящаяся теперь въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи и обнимающая собою 1674—1675 гг. ¹⁾.

¹⁾ М. А. М. Ю. Кн. Малорос. прик. № 34, лл. 34—35, 41—42, 550—551, 700—706 и друг. Въ числѣ бѣглыхъ уже въ 1674—1675 года встрѣчаются крестьяне изъ Костромской, Ярославской и другихъ подмосковныхъ губерній. Въ грамотѣ къ гетману, отъ 30 сентября 1674 г., по поводу челобитья Матвѣя и Никиты Васильевыхъ Обросимовыхъ, о бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ изъ Карачевскаго уѣзда, Самовской волости, д. Соколова, царь между прочимъ писалъ: «Да онъ же Матвѣй далъ *въ наученіе въ Почепъ* Павлу да Максиму *деуль* своихъ *дворовыхъ крѣпостныхъ робятъ* Наумку да Оську Васильевыхъ; а отъ ученья далъ онъ 5 рублей. И нынѣ стародубскій полковникъ Петръ Рословецъ, да братъ его полковникъ же Овдѣй, тѣхъ ево робятъ ему не отдають. А бѣглецы ево люди и крестьяне живутъ въ малороссійскихъ городахъ, которые города вѣдаетъ онъ стародубскій полковникъ да братъ его Овдѣй, и тѣхъ де людей и кре-

Любопытно, что постоянныя напоминанія, требованія и даже угрозы московскаго правительства, чтобы малороссійскіе державцы не принимали бѣглыхъ людей и высылали изъ Малороссіи уже поселившихся великорусскихъ „приходцевъ“, произвели только то дѣйствіе, что малороссійскія власти въ концѣ концовъ стали всячески игнорировать и прикрывать предъ московскимъ правительствомъ факты этихъ поселеній въ Малороссіи. Таковой политики по отношенію къ московскому правительству держался уже гетманъ Самойловичъ, какъ видно изъ объясненія имъ факта поселенія раскольниковъ въ сѣверной Малороссіи. Въ инструкціи отъ 12 января 1685 г., данной имъ старшему войсковому канцеляристу Василью Кочубею, при отправленіи его въ Москву, въ которой между прочимъ шла рѣчь о разграниченіи Малороссіи съ Польшею и посожскихъ селахъ, онъ писалъ: „А что и подданные въ тѣхъ селцахъ (посожскихъ) обрѣтаются, по большей части межъ ими суть таковы, которые съ ихъ Царского Пресвѣтлого Величества державы поушли, а еще капитонскою ересію повреждены, откуда и сюды въ города и села regimentу нашего приходи, они тайно простыхъ людей общихъ прелщаютъ, которымъ тамошняя шляхта для подданской должности была рада и имѣла ихъ въ своей оборонѣ. Которыхъ капитоновъ, что въ тѣ времена (приходили), велѣли мы беречь и задерживать. Тогда (въ 1684 г.) писалъ къ сыну моему, полковнику стародубскому, шляхтичъ Халецкій, прося, дабы изъ его маетности, что надъ Сожемъ, для торговъ и иныхъ потребъ такимъ людямъ сюда пріѣзжати было волно, чего мы, соблюдая покой людской, не позволили“... Прекраснымъ комментариемъ къ этому мѣсту гетманской инструкціи служить „листъ“ Семена Ивановича Самойловича, полковника стародубскаго, къ отцу—гетману, отъ 2-го сентября 1684 г., по поводу тѣхъ же раскольниковъ. Въ этомъ послѣднемъ полковникъ — гетманичъ писалъ: „по явственной воли и указу велможности вашей еще преже сего, а наипаче сихъ временъ, когда я вѣры проклятой капитонской тако сихъ въ Стародубовщинѣ въ пустыни укороненныхъ еще преже мене поганнымъ своимъ гнѣздомъ, и нѣкоторые отъ нашихъ имъ же послѣдующихъ, началъ присматриватъсь и добрѣ притиснулъ не

стьянъ ухорониваютъ. Лл. 41—42. Подобнаго рода указанія встрѣчаются и въ столбцахъ малороссійскаго приказа, хранящихся въ томъ же М. А. М. Ю.

только заключеніемъ, но и знатнымъ наказаніемъ. Такъ способомъ такимъ же и на тѣхъ, которые отсюда прежде времени въ лядскую сторону убѣжавъ, поселились недалеко въ Халетчинѣ отъ рубежа нашего вездѣ, по примѣтнымъ мѣстамъ, составамъ своимъ, прилежно приказалъ стеречь, оберегая, дабы ни одинъ человѣкъ отъ тѣхъ провлятыхъ отсюда сюды не былъ пропущенъ, наипаче таковъ чтобъ пойманъ и задержанъ былъ, для того, что безпрестанно отсюда сюды подѣзжая будто для исправленія какова нарочного дѣла..., нашихъ уже подговариваютъ къ себѣ людей и тайно вывозятъ“¹⁾). Такъ разнорѣчиво говорили объ одномъ и томъ же предметѣ отецъ и сынъ. По словамъ гетмана число раскольниковъ въ Стародубѣ было и крайне незначительно и являлись они сюда какъ бы случайно изъ-за польской границы, и что случайно явившихся оттуда раскольниковъ берегли и задерживали, по его приказанію. По словамъ сына—раскольники здѣсь укоренились уже давно, и что многие изъ нихъ переехали въ Халетчину изъ Стародубья и подговаривали къ тому же и оставшихся въ Стародубѣ, по поводу чего и были приняты имъ тѣ энергическія мѣры противъ раскольниковъ, о которыхъ онъ говоритъ въ письмѣ къ отцу—гетману.

Крестыанскія переселенія, начавшіяся издавна изъ старинныхъ областей Московскаго государства и особенно усилившіяся со времени извѣстныхъ реформъ Годунова, указали потомъ путь для эмиграціоннаго движенія и раскольникамъ. Такъ это было сѣверѣ и сѣверовостокѣ, въ Поволжьѣ и на Дону; такъ это было и въ сѣверной Малороссіи, какъ и въ сѣверозападномъ и югозападномъ краяхъ Россіи.

Относительно сѣверной Малороссіи въ частности можно отмѣтить и другой поводъ къ переселенію сюды раскольниковъ, преимущественно и прежде всего московскихъ: это давнія политическія и торговыя связи сѣверной Малороссіи съ Москвою, естественно увеличившіяся съ присоединеніемъ ея къ Московскому государству при Богданѣ Хмельницкомъ. Первая раскольниковья колонія и въ Стародубѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ поселенія раскольниковъ, составила изъ коренныхъ москвичей, торговыхъ людей, первыхъ послѣдователей раскола, увле-

¹⁾ М. А. М. Ю. Столб. Малорос. Прив. № 5901, лл. 28 — 29. Копія канцелярскихъ переводовъ съ подлинниковъ. Мат. для истор. раск. на Вѣткѣ и въ Старод. V. №№ 2—4, стр. 38—44.

ченныя своими духовными отцами. Въ качествѣ торговыхъ людей московскіе раскольники могли свободно и легко пробираться въ Стародубье, какъ и въ другія мѣста, не смотря на всѣ стѣсненія и преслѣдованія ихъ, особенно со времени правленія царевны Софьи Алексѣевны, послѣ извѣстныхъ стрѣлецкихъ и раскольническихъ бунтовъ въ Москвѣ, когда правительство издало даже указъ—не пропускать безъ проѣзжихъ грамотъ въ малороссійскіе города духовнаго и мірскаго чина людей по Калужской и Тульской дорогамъ ¹⁾. Фактъ первоначальнаго поселенія въ Стародубѣ именно московскихъ раскольниковъ одинаково отмѣчается и въ раскольничьихъ источникахъ, какъ наприм. въ „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“ Ивана Алексѣева, и въ немногихъ уцѣлѣвшихъ архивныхъ дѣлахъ о слободскихъ раскольникахъ изъ конца XVII и начала XVIII в. Въ послѣднемъ отношеніи особый интересъ представляютъ слѣд. дѣла: во—первыхъ дѣло о наслѣдствѣ Никиты Михайлова Шелковникова, вышедшаго въ малолѣтствѣ изъ Москвы въ Стародубье съ матерью, братомъ и другими лицами, еще во время полковничества въ Стародубѣ П. И. Рославца, т. е. до 1676 г.; во—вторыхъ, дѣло о разграбленіи въ Москвѣ въ 1700 г. дома пятисотнаго Чубарова полка Родіона Боровкова, въ которомъ довольно замѣтное участіе принимали и стародубскіе раскольники, бывшіе московскіе стрѣльцы и другіе выходцы изъ Москвы и подмосковныхъ селъ. Сюда же нужно отнести и позднѣйшее дѣло о Лужковской лжехристовщинѣ конца первой половины XVIII в. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ находится ясное указаніе на торговыя и родственныя связи слободскихъ малороссійскихъ раскольниковъ съ московскими. Изъ дѣла же о разграбленіи дома Родіона Боровкова узнаемъ и то, что московскіе стрѣльцы—раскольники свили себѣ довольно прочное гнѣздо въ Стародубщинѣ еще съ 1682 года, и что поселившіеся въ ней въ то время стрѣльцы находились въ постоянныхъ и живыхъ сношеніяхъ съ прежними своими московскими товарищами до послѣдняго стрѣлецкаго бунта 1698 года включительно. Интересно, что большинство поселившихся въ то время въ Стародубь стрѣльцовъ принадлежало къ полку Михаила Протопопова. Дѣло Боровкова, по связи своей съ послѣднимъ стрѣлецкимъ бунтомъ, обратило на себя особенное вниманіе мос-

¹⁾ П. С. З. № 1053.

ковскаго правительства; но его предписанію 1701 г. слѣдствіе и розыскъ производились въ особой смѣшанной комиссіи при генеральной канцеляріи въ Батуринѣ, состоявшей на этотъ разъ изъ присланныхъ изъ Москвы великороссійскихъ чиновъ, какъ и мѣстныхъ представителей генеральной старшины, подъ предсѣдательствомъ самаго гетмана. Дыба, виска, встряска, кнуты, жженіе огнемъ и прочія ужасныя по жестокости орудія пытки,— все это на этотъ разъ было перенесено изъ Москвы въ Батуринъ и обливалось кровью попавшихся участниковъ преступленія. Изъ розыска выяснилось, что нѣкоторые изъ стародубскихъ участниковъ московскаго грабежа въ то время успѣли уже разбѣжаться по разнымъ мѣстамъ, главнымъ образомъ на Донъ и въ сосѣднюю Польшу¹⁾. Розыски и даже казни стрѣльцовъ производились въ Батуринѣ, по требованію московскаго правительства, и раньше 1701 г., именно въ 1699 г., и стояли повидимому въ связи съ стрѣлецкимъ бунтомъ 1698 года, какъ видно изъ листа къ царю гетмана Мазепы, отъ 11 іюля того же года, о казни стрѣльца Бориса Соколова, полка стольника и полковника Григорія Анненкова. По поводу этой казни гетманъ писалъ государю: „Дай Богъ, абы и всѣ въ невѣрной ку вамъ, великому Государю, службѣ и недоброхотствѣ и въ воровствѣ будучіи люде таковое жъ воспріяли наказаніе“²⁾. Преслѣдованія и розыски поселившихся въ Стародубѣ стрѣльцовъ были такъ дѣйствительны въ то время, что ихъ вовсе не оказывается какъ слободскихъ поселенцевъ по Перениснымъ книгамъ полковника Ергольскаго и капитана Брянчанинова (1715—1729 гг.), и только въ позднѣйшей Румянцовской Описи въ нѣкоторыхъ

¹⁾ Дѣла Шелковникова, Боровкова и о лужковской лжехристовщинѣ см. въ «Матер. для ист. раск. на Вѣт. и въ Старод.», №№ 5, стр. 44; 7, стр. 60; 9, стр. 72; 11, стр. 94—95 и д.; 25, стр. 137 и др. О пятисотномъ Чубарова полка Родіонѣ Боровковѣ см. нѣкоторыя подробности въ Ист. Петра Великаго Устрялова, т. III, стр. 163, 165 и др. Въ іюнѣ 1698 г., при разгарѣ послѣдняго стрѣлецкаго бунта, Боровковъ отговаривалъ своихъ мятежныхъ полчанъ отъ противленія властямъ въ Торопцѣ и имѣлъ сначала нѣкоторый успѣхъ въ томъ, хотя и очень недолго, а потомъ отдѣлился отъ мятежниковъ.

²⁾ М. А. И. Д. Архивъ старый, отд. 2. Малороссійскіе подлинныя акты.

слободахъ появляются дѣти бывшихъ стрѣльцовъ въ качествѣ выходцевъ съ Дону и другихъ мѣстъ ¹⁾).

Московскіе собственно раскольники не были однако единственными насельниками стародубскихъ и черниговскихъ раскольническихъ слободъ. Вопросъ о томъ, изъ какихъ именно мѣстностей обширной Россіи и изъ какихъ общественныхъ слоевъ эмигрировали сюда переселенцы—раскольники въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., разрѣшается съ болѣею или меньшею опредѣленностью при посредствѣ данныхъ, находящихся въ уцѣлѣвшихъ отчасти переписныхъ и окладныхъ книгахъ 1715—1718 г. полковника Ергольскаго и таковыхъ же книгахъ 1729 г. капитана Брянчанинова, составленныхъ въ указанное время по распоряженію центрального правительства. Данныя этихъ двухъ переписей даютъ возможность болѣе точно указать тѣ основные элементы, изъ которыхъ составлялось въ то время раскольничье населеніе въ стародубскихъ и черниговскихъ слободахъ. Къ сожалѣнію, эти переписныя и окладныя книги извѣстны пока только по 7 раскольничьимъ слободамъ, изъ которыхъ три заселены были въ концѣ XVII в., начиная съ 1684 г., а именно: Еленка, Воронокъ и Лужки, и четыре—въ первое десятилѣтіе XVIII в.: Зыбкая, Клиницы, Климова и Радуль. По даннымъ этихъ переписныхъ книгъ, въ которыхъ указывалось какъ время основанія той или другой слободы, такъ и время поселенія самихъ слобожанъ, равно какъ и то, откуда и когда они вышли, къ какому общественному слою принадлежали на мѣстѣ первоначальнаго жительствова, чѣмъ занимались на новомъ мѣстѣ поселенія, какой окладъ платили и пр., первоначальный составъ слободскихъ насельниковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Оказывается, что за періодъ времени отъ 1684 г. по 1729 г. поселилось въ указанныхъ 7 раскольничьихъ слободахъ 610 семействъ въ 356 дворахъ, а въ нихъ м. п. было

¹⁾ Румянц. Оп. Малор. (СХVI—СХVII). Такъ въ вѣдомости Клиновскаго войта про домохозяина двора № 191-го Илью Борисова, сына Черкаскаго, замѣчено: «стрѣльцовъ сынъ, 46 л., род. на Дону въ Дурновской станицѣ, вышелъ въ Польшу въ 1748 г., а въ слоб. Клиницы въ 1751 г.» л. 80 об. Въ дворѣ подъ № 298 жилъ «природный г. Пронска стрѣлцовой старой слободы стрѣльцовъ сынъ» Григорій Моисеевъ, 38 л. Л. 129 об. Въ вѣдом. Деменскаго войта тоже замѣчено про Евст. Спирид. Бочерова, 72 л., вышедшаго въ Деменку въ 1743 г. л. 19.

1413 душъ, ж. п. 1369 душъ, т. е. приблизительно почти по 8 душъ на каждый дворъ. Въ числѣ 610 семействъ было 56 семей посадскихъ людей разныхъ великороссійскихъ городовъ, 155 с. крестьянъ дворцовыхъ государевыхъ волостей, 249—помѣщичьихъ, 69—монастырскихъ, 67 с. разныхъ выходцевъ изъ за польскаго рубежа, представители которыхъ уже не помнили, изъ какихъ великороссійскихъ мѣстъ вышли ихъ отцы и дѣды. Въ числѣ остальныхъ 14 семействъ было 7 с. дворовыхъ людей, 4 с. лицъ духовнаго званія, въ томъ числѣ внукъ московскаго священника, церкви Николая Чудотворца, что близъ Красной площади, Харитонъ Ивановъ Шильниковъ, 45 л., отецъ котораго вышелъ въ слободу Еленку въ 1685 г., и 3 семьи козачи. Въ числѣ посадскихъ людей было 8 выходцевъ изъ Москвы, 12 изъ Калуги, 5 изъ Бѣлева, по 4 изъ Брянска и Орла, по 3 изъ Ярославля, Костромы, Курска, Рославля и Рыльска, по 2 изъ Великихъ Лукъ, Путивля и Бѣлгорода и по 1 изъ Вязмы и Юрьева Польскаго.

Главную массу выходцевъ составляли крестьяне дворцовые, монастырскіе и помѣщичьи; большинство изъ нихъ были выходцами изъ центральныхъ губерній нынѣшняго московскаго промышленнаго района: Костромской, Ярославской, Московской и другихъ, примыкавшимъ къ нимъ. А именно цифры говорятъ слѣдующее: въ указанныхъ раскольничьихъ слободахъ поселилось 195 семействъ изъ предѣловъ тогдашней Костромской губерніи, именно изъ уѣздовъ: Костромскаго—123 с., Галицваго—72; 58 семействъ изъ Ярославской губерніи: изъ Пошехонскаго у. 30 с., Ярославскаго—18 и Ростовскаго—10; 35 семействъ изъ разныхъ уѣздовъ Московской губерніи, 33—Калужской, 31—Тульской, 29—Орловской и 21—Курской. Остальная масса выходцевъ неравномѣрно распредѣляется между слѣдующими губерніями: 12 с. приходится на Смоленскую, 11—на Новгородскую, 9—на Нижегородскую, по 7 с. на Вологодскую и Псковскую, по 6 с. на Тверскую, Владимірскую и Черниговскую и 1 с. на Симбирскую. Этими данными о мѣстоприсхожденіи первоначальныхъ слободскихъ поселенцевъ опровергается то нерѣдко высказываемое мнѣніе, что выходцы—раскольники въ стародубскихъ и черниговскихъ слободахъ были по преимуществу изъ сосѣднихъ съ Малороссіей великороссійскихъ губерній. По даннымъ тѣхъ же переписныхъ книгъ можно указать и время наибольшаго прилива новыхъ насельниковъ въ Малороссію. Изъ конца XVII в. наибольшее число раскольниковъ

поселилось въ Стародубѣ въ 1684, 1694 и 1699 гг.: въ первомъ изъ указанныхъ годовъ поселилось ихъ 37 семействъ, во второмъ 26 и третьемъ—16. Но особенно усилился приливъ ихъ въ Стародубе съ 1700 г.: такъ въ 1700 г. поселилось ихъ 40 с., въ 1701 г.—33, въ 1702 г.—50, 1708—43, 1709—36, 1715 г.—20, 1720 г.—31 и 1721 г.—17 с. и т. д.

Стародубе представляло для бѣглецовъ — раскольниковъ значительныя удобства, и въ смыслѣ отдаленности края отъ административныхъ центровъ, и въ смыслѣ легкости пробраться сюда. Есть въ Россіи гораздо болѣе отдаленныя и еще болѣе глухія мѣста, посреди непроходимыхъ лѣсовъ и топей, куда убѣгали и гдѣ скрывались наши сектанты; но лѣса Стародубья представляли исключительныя для этого удобства, вслѣдствіе и своей близости къ великороссійскимъ предѣламъ и вслѣдствіе разнаго рода удобствъ здѣсь скрыться отъ преслѣдованій властей. Недаромъ среди великорусскихъ раскольниковъ очень рано составилось представленіе, что нигдѣ лучше жить имъ, раскольникамъ, нельзя, какъ въ Стародубѣ: оно стоитъ близъ рубежа; окажется нужда бѣжать, можно уѣхать въ Польшу, минуя заставы, а потомъ, возвратясь, записаться выходцемъ изъ-за границы, и что наши живутъ тамъ свободно въ 17 слободахъ и ихъ не беспокоятъ за вѣру. Такъ разсуждали въ 1743 г. моковскіе наставники Данилова толка въ письмѣ къ своему собрату ¹⁾.

Менѣе удобны были хозяйственно-экономическія условія поселенія великорусскихъ раскольниковъ въ сѣверной Малороссіи.

Извѣстно, что на долю болѣе раннихъ насельниковъ сѣверной Малороссіи достались и болѣе доброкачественныя земли, а на долю позднѣйшихъ—худшія, песчаныя и глинистыя, почти сплошь покрытыя хвойными лѣсами ²⁾. Различіе въ качествѣ почвенныхъ условій, при которыхъ естественно приходилось селиться въ этомъ краѣ новымъ его колонизаторомъ, сравнительно съ болѣе ранними его насельниками, повело за собою и дальнѣйшее различіе въ экономическомъ быту населенія сѣверной Малороссіи. Между прочимъ великорусскіе поселенцы, раскольники по преимуществу, заняли именно худшія земли

¹⁾ Ист. стат. опис. Черн. еп. кн. I, стр. 137—138.

²⁾ Нѣкоторыя о томъ соображенія можно найти въ книгѣ А. М. Лазаревскаго: Опис. Ст. Малор. I, 105—111.

Днѣпровско-Сожской низменности, гдѣ почва всюду песчаная, мѣстами переходящая и въ сыпучій песокъ, только кое-гдѣ встрѣчаются клочки лучшей почвы, гдѣ пахатная земля занимаетъ менѣе одной пятой всей площади заселеннаго ими района, лѣсъ, заросли и кустарники составляютъ и теперь почти одну половину, гдѣ неудобныхъ земель больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ сѣверной Малороссіи. Эта недоброкачественность почвенныхъ условій рано заставила великорусскихъ переселенцевъ—раскольниковъ имѣть заработки внѣ своего хозяйства, искать ихъ въ неземледѣльческихъ промыслахъ или у себя на мѣстѣ, или же въ отдаленныхъ отъ своего мѣста отхожихъ промыслахъ.

И въ сѣверной Малороссіи, какъ и вообще на русской территоріи XVII—XVIII вв., все народное хозяйство находилось еще въ первобытныхъ формахъ: промышленности мануфактурной, фабричной и заводской почти не существовало даже въ мѣстахъ со скученнымъ населеніемъ. На всемъ протяженіи обширной и въ то время русской территоріи въ общемъ распространеніи была только промышленность земледѣльческая и натурально—торговая, существовавшая рядомъ, не отдѣляясь другъ отъ друга и находясь вмѣстѣ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Другими словами: сословіе торговцевъ было въ то же время и сословіемъ земледѣльцевъ, соединяя въ себѣ нерѣдко и функціи служилаго сословія. Такъ было вездѣ; такъ было и въ сѣверной Малороссіи. Съ значительною колонизаціею края въ XVII в., усилившею и населеніе и потребность большаго производства даже сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, а равно и количество рабочихъ рукъ, край этотъ быстро усилился въ торгово—промышленномъ отношеніи и скоро пріобрѣлъ значеніе торгово—промышленнаго центра. Не даромъ онъ и раньше назывался „краемъ городовъ“. Быстрому развитію торговой промышленности здѣсь въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. способствовало также географическое и политическое положеніе края, находившагося въ Днѣпровско-деснянскомъ бассейнѣ и бывшаго въ то время пограничнымъ краемъ съ Польшей, гдѣ также не было мѣстной производительности. Значительное торгово—промышленное оживленіе было внесено сюда въ это время и пришлымъ великорусскимъ элементомъ, главнымъ образомъ раскольниками,—выходцами по большей части изъ центральныхъ губерній промышленнаго московскаго района, гдѣ рано

проявившаяся борьба за существованіе выразилась изобрѣтеніемъ промысловъ во всемъ ихъ разнообразіи. При скудости почвенныхъ условій для хлѣбопашества на своихъ земляхъ, гдѣ, по словамъ современныхъ слобожанъ, лучшія земли—„врѣпенькій песочекъ“, худшія—песокъ и низкія глееватыя, они на первыхъ же порахъ явились здѣсь естественными посредниками при сбытѣ продуктовъ мѣстной промышленности между производителями и потребителями, и на этомъ посредствѣ основали свое благосостояніе. Уже по переписнымъ книгамъ раскольниковыхъ слободъ полковника Ергольскаго (1715—1718 г.) и капитана Брянчанинова (1729 г.) можно отмѣтить въ каждой слободѣ десятки дворовъ, хозяева которыхъ занимались разными промыслами. Здѣсь мы находимъ постоянныя замѣчанія, что тѣ или другіе слобожане торгуютъ коноплянымъ масломъ (особенно много было торговцевъ этимъ продуктомъ), солью и рыбой, то дегтемъ и кожаными товарами; то занимаются скупкой пеньки и конопли, то извозомъ; про иныхъ замѣчается, что шьютъ русскія рукавицы или сапоги, про другихъ, что дѣлаютъ и продаютъ дожки деревянные (Галичане и Балахонцы), русскія сани и телѣги, безмѣны и пр. Есть также указанія на торговля занятія слобожанъ по городамъ Малороссіи, на приготовленіе простыхъ полотенецъ, на иконописное (Владимірцы), кузнечное, прядильное (Вяземцы) и другія мастерства и промыслы¹⁾.

¹⁾ О торговлѣ слобожанъ по городамъ Малороссіи, кромѣ Перевисныхъ книгъ Ергольскаго и Брянчанинова, имѣются и другія указанія. Такъ, извѣстный паломникъ, московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ, потомъ раскольникій старецъ Леонтій, нашелъ въ Малороссійскихъ городахъ въ началѣ 1702 г. «боголюбцевъ»—раскольниковъ, Калужанъ и Бѣлевичей, какъ содержателей постоянныхъ дворовъ и разныхъ торговцевъ, которые его принимали къ себѣ съ людьми его, «покоили и кормили и всякое поможеніе чинили, что сродницы»... Рус. Арх. 1863 г., кн. 1, стр. 33—34. Изъ дѣла 1709—1710 г. о разграбленіи мѣстными жителями въ г. Борзняѣ, во время шведской войны, разныхъ купеческихъ товаровъ, видно, что калужскіе купцы—раскольники торговали здѣсь сѣрымъ сукномъ, толстымъ полотномъ, оливой, корнями для крашенія яицъ, инбиремъ, шнурками, иглками, золотомъ малярскимъ, цѣной прutowой, смирной, дротомъ тонкимъ, цинамономъ и пр. Черниг. Губ. Вѣдом. 1852 г., № 22, стр. 233—235. Съ 1715 г. въ гетманство Скоропадскаго не разъ предпринимались ограничительныя мѣры противъ слобожанъ въ от-

Рано появилось у слобожанъ и занятіе огородничествомъ и отчасти садоводствомъ, которыми они успѣшно и умѣло продолжаютъ заниматься и теперь. Въ то же время стала проявляться въ раскольниковыхъ слободахъ и собственно заводская промышленность. Такъ уже капитанъ Брянчаниновъ нашелъ около слободы Клинцовъ въ 1729 г. заводъ „Москвитина, посадского человѣка, Барашевской слободы, Ивана Григорьева сына Соболящикова. А въ ономъ заводѣ дѣлають у него юфти и бѣлыя кожи, изъ которыхъ шьютъ сапоги нѣмецкіе и русскіе и рукавицы, и продаются въ Малой Россіи. У него жъ Соболящикова въ Нѣжинѣ имѣются лавки, въ которыхъ торгуютъ мѣхами, полотнами и крашеною“¹⁾). Въ Румянцовской Описи

ношеніи торговли въ селахъ и деревняхъ, а также и въ городѣ Стародубѣ. 5-го февраля 1719 г. гетманъ писалъ стародубскому полковнику Жоравѣ, чтобы «раскольники и ишіе великороссійскіе торговые люди жадною мѣрою не ваялись дворовъ и коморъ въ Стародуби наймати и промысловъ торговыхъ заводити и кромѣ ярмарковъ оными гендлювати, такожъ по селахъ лѣ, пенки, воску и меду скуповувати», и что они, не смотря на прежнія ограничительныя мѣры, не только «од тихъ своихъ промысловъ не поскрогились», а еще «овіе и розширяють». «Матер. для нач. ист. раск. Вѣтѣ и въ Стародуб.» №№ 15, 17 и 19, стр. 108, 110, 111, 112, 114. Въ дѣлѣ 1754 г. о притѣсненіяхъ по торговлѣ со стороны малороссійскихъ властей слободы Воронка Василя Мельникова и слободы Еленки Василя Романовского, торговавшихъ въ Глуховѣ, есть указаніе, что они торговали въ Глуховѣ «посудомъ, медами и пр., такожъ содержали столцѣ, на которыхъ мѣняютъ денги». Репортъ глуховскаго сотника и атамана. Х. И. А. № 16031, л. 7. Въ Румянц. Опис., т. СХVII, въ вѣдом. Воронцовскаго войта о Елисеѣ Васильевѣ Мельниковѣ замѣчено, что «торгуетъ по Малороссіи, а наиболѣе въ Глуховѣ, гдѣ имѣеть в торговни лавки, пенькой, мыломъ, пряниками и вымѣиваетъ и продаетъ на столцѣ всякія старинныя и прочія серебряныя вещи»... Л. 5. Князь Мих. Мих. Щербатовъ въ своей «Статистикѣ въ разсужденіи Россіи», — сочиненіи, писанномъ въ 1776—1777 гг., — замѣчаетъ о стародубскихъ раскольниковыхъ слободахъ, что «сіи слободы богатятся великою ихъ торговлею нязъ Польши»... Чт. въ общ. ист. и древ. Росс. 1859 г., кн. 111, стр. 18.

¹⁾ М. А. М. Ю. Кн. Малоросс. прик. № 118. Переп. кн. по слоб. Клинцамъ. Заводъ Соболящикова появился въ 1718 г. и первоначально принадлежалъ московскому купцу М. Осокину, а въ 1724 г. перешелъ къ братьямъ Соболящиковымъ. Х. И. А. Д. М. № 3125.

указывается еще болѣе широкое развитіе торгово—промышленной и заводской дѣятельности, а также и то, что торговая предпримчивость слобожанъ стала выходить далеко за предѣлы Стародубья, распространяясь на сѣверозападный и югозападный края и Польшу съ одной стороны, южную Малороссію и Новороссію—съ другой. Изъ ней видно, что слобожане въ качествѣ бродячихъ торговцевъ, шалочниковъ, портныхъ, скорняковъ, шорниковъ, красильщиковъ, каменщиковъ, рукавишниковъ, иконописцевъ и иныхъ „художниковъ“ переходили по Малороссіи и сосѣднимъ съ нею областямъ изъ города въ городъ, изъ мѣстечка въ мѣстечко и т. д. Мало того, слободскіе торговцы проникли не только въ сосѣдную Польшу, но и болѣе отдаленную отъ нихъ Германію. Стародубскій купецъ, съ другой стороны, въ прошломъ вѣкѣ зналъ хорошо и Поволжье, всѣ его входы и выходы, такъ что могъ служить своимъ знаніемъ мѣстности даже тамошнимъ разбойникамъ (Мордовцевъ: Пониговая вольница, стр. 28), какъ равно хорошо зналъ Донъ, Крымъ, Запорожье. Въ настоящее время старообрядческія слободы Черниговской губерніи, знаменитыя нѣкогда своимъ упорствомъ въ расколѣ, не менѣе знамениты своею промышленностью и торговою дѣятельностью. Благодаря имъ, сѣверная часть губерніи приняла теперь рѣшительно промышленный характеръ.

На какихъ же условіяхъ великорусскіе раскольники селились въ сѣверной Малороссіи?

Поселеніе великорусскихъ раскольниковъ въ сѣверныхъ уѣздахъ нынѣшней Черниговской губерніи относится къ тому времени, когда возстаніе Хмельницкаго произвело полный переворотъ въ общественныхъ и поземельныхъ отношеніяхъ Малороссіи, когда съ освобожденіемъ отъ временнаго и неестествен-

Радулчане по Шафонскому въ прошломъ вѣкѣ занимались славомъ лѣса, продажей деревянной, глиняной и стеклянной посудой и пр. Ч. II, стр. 317. Въ Дневникѣ Н. Д. Ханенка встрѣчаются такія указанія о мастерствахъ слобожанъ, именно подъ 24 августа 1733 г. замѣчено: «Договорилъ раскольника оправдать книги до церкви Левенской пять» ...; подъ 27 декабря 1742 г.: «учинена расплатка зъ москалемъ Митрофаномъ Исаевымъ... Сдѣлалъ же онъ намъ дубовыхъ дверей 8 одинакихъ и двойныхъ, а одни липовые, да еще взялъ одни дѣлать двери дубовые простые, да поднялся сдѣлать столыкъ дубовый же». Стр. 122 в 187.

наго политическаго союза съ Польшей и католичествомъ начался въ исторіи ея новый строй жизни, рѣзко отличавшій ее отъ Польши и Россіи, въ особенности въ поземельныхъ отношеніяхъ. Особенность сложившихся въ Малороссіи общественныхъ и поземельныхъ отношеній, послѣ того какъ мечъ казацкій расторгнулъ неестественный союзъ и освободилъ ее отъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ — польскихъ пановъ, опредѣлила потомъ общественное и поземельное положеніе и вновь поселившихся въ ней великорусскихъ раскольниковъ. Лучшимъ руководствомъ въ данномъ случаѣ для уясненія этихъ вновь сложившихся отношеній можетъ служить изслѣдованіе А. М. Лазаревскаго: „Малороссійскіе посполитые крестьяне“ (1648—1783), напечатанное имъ въ 1866 г. въ „Запискахъ Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета“ (кн. 1).

Извѣстно, что съ изгнаніемъ Поляковъ не стало въ Малороссіи крупныхъ поземельныхъ собственниковъ — польскихъ пановъ, а вмѣстѣ съ ними не стало и привилегированнаго сословія въ краѣ. Въ то время Малороссія рѣзко распалась на два сословія: на воителей и на пахарей, на козачество и посполство. Городоваго малороссійскаго сословія, наиболѣе въ государственномъ отношеніи спокойнаго, не смотря на заботы польскихъ королей вызвать его къ жизни и устроить города съ цѣлью стратегическою и административною, почти и не существовало въ ней. Королевскія привилегіи, правда, образовали дѣйствительно городскія общины, составившіяся изъ разнаго сброда, которыя пользовались многими преимуществами по такъ называемому Магдебургскому праву; но все таки народонаселеніе столпилось не въ города, а въ мѣстечки, которыя и до сихъ поръ по внѣшности не уступаютъ еще большей части искусственныхъ малороссійскихъ городовъ. Многіе города и теперь похожи на села и мѣстечки, а мѣстечки и села на города. Ясно, что магдебургское право не имѣло никакого живаго корня въ быту народномъ. При такихъ условіяхъ дальнѣйшее внутреннее устроеніе Малороссіи, дальнѣйшее ея гражданское развитіе должно было оформиться подъ вліяніемъ тѣхъ отношеній, которыя имѣли возникнуть между двумя наличными группами народонаселенія въ моментъ освобожденія отъ Поляковъ, между козачествомъ и посполствомъ. А эти отношенія сложились такъ. Хотя въ освобожденіи Малороссіи отъ Поляковъ участвовалъ весь народъ, но дѣйствительными освободителями „казаки сочи

исключительно себя и стали во главѣ населенія; казаками же считалась только та часть малороссійскаго народа, которая составляла полки Хмельницкаго, т. е. одни только воины. Приписывая себѣ всю заслугу въ освобожденіи родины отъ лядской неволи, „войсковое товариство“, по изгнаніи польскихъ пановъ, признало отвоеванную землю собственностью „войска“, а казацкихъ представителей — распорядителями ея. Словомъ, Малороссія получила въ то время военное козацкое устройство и управление. Всѣ гражданскія дѣла ея вѣдались гетманами и полковниками, сотниками и разными иными козацкими властями, которыя, ставъ такимъ образомъ господствующимъ, служилымъ сословіемъ, обратились постепенно въ шляхетство, въ пановъ, наконецъ въ россійскихъ чиновниковъ и дворянъ, а затѣмъ и въ россійскихъ помѣщиковъ. Выѣстѣ съ тѣмъ казачество присвоило себѣ право на владѣніе землею и устранило себя отъ всякихъ другихъ повинностей и обязанностей, кромѣ обязанностей служилаго сословія, предоставивъ посольству, заключавшему въ себѣ селянъ и мѣщанъ, нести всякія иныя повинности и земскую службу. Право на землю посольства хотя и не ограничивалось временемъ, но зависѣло отъ войсковаго управления, потому что земля объявлена была войсковою, а „войско“ составляло козацкое товариство. Таково было первоначальное военно-демократическое устройство освободившейся отъ власти Поляковъ Малороссіи ¹⁾.

1) На сколько было зыбко и неустойчиво на первыхъ порахъ право козачества на отвоеванную землю, доказываетъ тотъ фактъ, что самъ Богданъ Хмельницкій, «начальникъ и повелитель на тотъ часъ Малороссіи», по словамъ Кіевскаго митрополита Спльвестра Коссова, долженъ былъ испрашивать у московскаго государя жалованныя грамоты на села и мѣстечки, точно также какъ и его ближайшіе сподвижники и совѣтники — Самойло Богдановъ, Павелъ Тетери, Иванъ Выговскій, наказной гетманъ Иванъ Золотаренко и др. Любопытно, что какъ во время Богдана Хмельницкаго, такъ и послѣ его козацкіе представители, подавая московскому государю челобитныя о выдачѣ себѣ жалованныхъ грамотъ на маестности, выѣстѣ съ тѣмъ наввно сознавались предъ московскими боярами и подъячными, что одно только объявленіе «войску» подобныхъ грамотъ тотчасъ повлечетъ за собой избіеніе владѣльцевъ этихъ грамотъ. Извѣстенъ въ этомъ смыслѣ любопытный разговоръ въ Посольскомъ Приказѣ съ московскими дѣяками переяславскаго полковника Павла Тетери, признава-

Населеніе Малороссіи въ то время, не смотря на то, что еще Поляки усиленно заботились о заселеніи ея, было такъ незначительно, что множество земель находилось „впустѣ“, особенно по крайнимъ ея предѣламъ, по югу и сѣверу. Между прочимъ, во время присоединенія Малороссіи въ Россіи, указанные выше четыре сѣверныхъ уѣзда Черниговской губерніи были такъ мало населены, что извѣстныя въ то время села отстояли верстъ на 20 и болѣе одно отъ другого; значительное пространство тамошнихъ мѣстностей было покрыто сосновыми лѣсами и болотами. На этой-то свободной землѣ и сталъ расселяться народъ, уже не стѣсняемый польскими панами, отягочившими его тяжелыми поборами и повинностями, память о которыхъ сохранилась въ позднѣйшихъ народныхъ воспоминаніяхъ какъ о „лядской неволѣ“. Съ этого же времени, еще больше, чѣмъ прежде, въ Малороссію и въ частности въ сѣверные уѣзды нынѣшней Черниговекой губерніи начали цѣлыми толпами переселяться люди изъ за Днѣпра, изъ сосѣдней Бѣлороссіи, а также и изъ великороссійскихъ областей. И этимъ переселенцамъ предоставлялось также полное право занимать подъ свои осѣдлости вольныя и удобныя для нихъ мѣста, такъ какъ послѣднихъ было еще много и эти заселенія никого не стѣсняли. Словомъ, и первоначальная поземельная собственность въ гетманской Малороссіи возникла на правѣ свободнаго займа земель или такъ называемой займанщины. Всякій былъ воленъ занимать свободныя земли, и если на то было согласіе сосѣдей, жившихъ въ предѣлахъ заселяемаго грунта, то владѣніе такою землею тѣмъ самымъ было крѣпко. На такихъ-же условіяхъ, между прочимъ, первоначально селились здѣсь и великорусскіе раскольники, какъ то доказываютъ нѣкоторыя имѣющіяся на

емаго въ то время въ Москвѣ и Малороссіи самымъ умнымъ человекомъ,—разговоръ, происходившій 14 августа 1657 г. Оказывается, что выпрашиваемыи козацкой старшиной у московскаго царя маестностями не только нельзя было пользоваться, опасаясь избіенія, такъ какъ народъ вовсе не хотѣлъ козацкой старшиной замѣнить истребленныхъ или изгнанныхъ имъ польскихъ пановъ; но и самыя—то грамоты на эти маестности нужно было хоронить въ землѣ. Такова была дѣйствительность. М. А. М. Ю. Д. М. Ст. № 6001, переговоры 14-го августа. Варповъ, Г. Ѳ. Критич. обз. разраб. глав. рус. ист. до ист. Малор. относ. за время отъ 8 янв. 1654 г.—30 мая 1672 г. М. 1872 г. Стр. 90—92.

этотъ счетъ данныя. Такъ, при слѣдствіи о границахъ Синяго Колодезя, произведенномъ въ 1722 г., братья Велинскіе какъ владѣльцы с. Манюкъ, въ дачахъ котораго „подля Колодезя, прозываемаго Синяго, оселились были сперва раскольники“, показывали, что они „оселились тамо не въ особомъ какомъ обрубѣ, но въ грунтѣ манюковскомъ, безъ всякаго универсальнаго на то дозволенія, но съ дозволенія манюковскихъ обывателей, а не съ какого особливаго отводу“... Поселеніе раскольниковъ въ Синемъ Колодезѣ относится приблизительно къ началу послѣдней четверти XVII в. ¹⁾.

Позже на такихъ же повидимому условіяхъ поселились раскольники въ слободѣ Злынкѣ, но уже съ соблюденіемъ большей формальности, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Въ 1702 г. въ Стародубскомъ магистратѣ былъ записанъ актъ, по которому „жители села, прозываемаго Лысыхъ... новозачавшойся селити слободки Злынки грунтотъ опредѣленіе сознали, ставшоеся межи селомъ Лысыми и слободкою Злынкою, ограничене меновито такое: почавши отъ стариннаго лѣсу у Злынку рѣчку, а Злынкою рѣчкою чрезъ великій мохъ, а зъ великого моху у рубежный логъ, у Хмеліовку рѣчку, зъ Хмеліовки рѣчки въ Каменку рѣчку, Каменкою рѣчкою въ Ипутъ рѣку, Ипутью рѣкою внизъ у Злынку рѣчку, Злынкою рѣчкою у верхъ у Плоховки *на стеченые рубежи*, гдѣ Денисковичи село зъ Демянками селомъ лядскимъ граничатъ... Чрезъ якое размежованіе такъ с. Лысыхъ жители въ грунты слободскіе, яко и слобожане въ старовѣчнѣ с. Лысыхъ грунта втручатися, перешкоды, кривди, заводу вчинати не мѣють..., але спокойно оними владѣти вѣчными часы постановили и договорили обѣ двѣ стороны съ собою“... ²⁾. На основаніи этого акта можно полагать, что злынковцы первоначально поселились повидимому просто съ согласія Лысовцевъ, находившихся въ магистратскомъ вѣдѣніи.

Болѣе рѣзкій примѣръ свободнаго займа земли раскольниками представляется при заселеніи слободы Городище. Поселеніе этой раскольничьей слободки образовалось путемъ простаго захвата тростанскихъ земель, какъ видно изъ жалобы тростанцевъ 1732 г. Въ ней прямо говорится: „раскольникъ Констан-

¹⁾ Отдѣлочная книга Чолховской волости. Лазаревскій, А. М. Опис. ст. Малорос. т. I, стр. 416.

²⁾ Ibidem, стр. 451.

тинъ, безъ вѣдома всякой власти, самъ собою, въ нашихъ тростяныхъ грунтахъ, въ лѣсѣ, на старомъ Городищи, дворъ свой построилъ и два млина на криницѣ Кипячой занялъ; а гдѣ бы намъ сѣножати было можно розроблять, мѣсто оттопилъ; и близъ не только что землѣ въ томъ лѣсѣ роспахивать и сѣножателей чистить, но и надобнаго дерева рубить и ликъ драть намъ не допускаетъ и *своего расколу старцовъ скитокъ заводитъ началъ*“¹⁾).

Съ теченіемъ времени это право свободного займа земель все болѣе и болѣе ограничивалось, по мѣрѣ того, какъ войсковая земля съ разрѣшенія гетмановъ и полковниковъ все болѣе и болѣе переходила въ руки козачьей старшины и рядового товариства за ихъ войсковыя службы, а также и за всякія другія услуги разныхъ лицъ до Малороссіи касающіяся и даже вовсе не касающіяся. Множество свободныхъ земель, деревень и хуторовъ было разобрано старымъ и новымъ панствомъ казачьимъ и духовенствомъ, подъ фикціей „старыхъ займовъ“; не менѣе значительное число земель казачьихъ, магистратскихъ и крестьянскихъ разными неправдами также сдѣлалось ихъ достояніемъ. Раздачу малороссійскихъ земель началъ самъ Богданъ Хмельницкій подтвержденіемъ прежнихъ поземельныхъ правъ православнымъ монастырямъ, равно какъ и прежнимъ русскимъ землевладѣльцамъ, уцѣлѣвшимъ при полякахъ и помогавшимъ ему въ войнѣ за освобожденіе²⁾. Поспольштво, жив-

¹⁾ Ibidem, стр. 453—454.—О приобрѣтеніи помѣстій въ Малороссіи въ старину безъ особеннаго труда составилось слѣд. преданіе: задумавшій сдѣлать таковое приобрѣтеніе ставилъ на извѣстномъ пунктѣ никому не принадлежавшей земли 4-хъ всадниковъ и приказывалъ имъ скакать въ разные стороны до тѣхъ иоръ, пока выдержатъ ихъ кони. На опредѣленныхъ такимъ образомъ пунктахъ всадники втыкали копыя, а кривая, соединявшая ихъ, составляла границу новаго помѣстья. Такъ дѣлали, конечно, не раскольники, а лица болѣе или менѣе властные.

²⁾ Еще въ 1648 г. выданъ былъ Хмельницкимъ универсалъ на подтвержденіе поземельныхъ правъ Густынскому монастырю. Арх. Черн. каз. пал. св. акт. Густ. мон. Тамъ же хранятся подобныя акты и откос. другихъ монастырей нынѣшней Черниг. губ. О подтвержденіяхъ правъ старому панству см. Ак. Ю. и З. Р. III, 545. Х. И. А. Д. М. № 4712. Лазаревскій. Малорос. посполитые крестьяне, стр. 14—20. Ср. Мат. для стат. Росс. имп., изд. мин. вн. д., т. II, 1841

шее на такихъ земляхъ, съ переходомъ ихъ во владѣніе тѣхъ или другихъ лицъ, становилось въ обязательныя отношенія къ послѣднимъ, т. е. должно было за пользованіе землею отдавать „державцѣ“, владѣльцу ея, извѣстную часть своего труда. Державца считалъ себя полнымъ владѣльцемъ всѣхъ земель, кромѣ казачьихъ, входившихъ въ предѣлы полученной маетности, не исключая и земель, находившихся въ болѣе или менѣе давнемъ пользованіи у крестьянъ. Съ этимъ послѣднимъ правомъ „державцевъ“, конечно, крестьяне не соглашались, опираясь на фактъ своего безспорнаго владѣнія по наслѣдству отъ отца къ сыну и т. д. Вопросъ въ концѣ концовъ разрѣшался въ пользу войсковаго владѣльца земли, и посполитые, волею-неволею, должны были или мириться съ своимъ новымъ положеніемъ, или уходить „изъ подданства“ даннаго владѣльца къ другому; въ послѣднемъ случаѣ они теряли и всѣ права на его землю. Мало того, по силѣ дѣйствовавшаго въ то время литовскаго статута, державцы имѣли право отобрать отъ уходящаго съ его земли крестьянина и все его личное имущество. Такъ образовались въ Малороссіи бродячіе крестьяне или *лѣзные*—безземельники, переходившіе съ мѣста на мѣсто¹⁾).

Право свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому и сравнительная количественная незначительность посполитыхъ, сидѣвшихъ на владѣльческихъ земляхъ, на первыхъ порахъ не мало умѣряли владѣльческія отношенія къ „подданнымъ“. Во всякомъ случаѣ положеніе этихъ послѣднихъ въ Малороссіи было далеко не таково, какъ положеніе крѣпостныхъ великороссійскихъ помѣщичьихъ крестьянъ, или такъ называемыхъ хлоповъ въ Польшѣ. Эти „подданные“ въ сущности были лично свободны, и только пользованіе землей нала-

г., ст. А. Марковича: «Ист. и стат. зап. о двор. сосл. и двор. им. въ Черн. губ.». Зап. о южн. Росс. Кулиша, т. II, стр. 175 и 195.

¹⁾ Собственно съ польскаго языка *luzny, lózny*—праздношатающийся, свободный. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ XVIII в. лѣзные приравнивались къ бобыламъ, они же назывались убогими. См. напр. дѣло о пожарахъ въ раскольничьихъ слободахъ Зыбкой, Добранѣ и др. за 1768—1772 г.г. Х. И. А. Д. М. № 3125.—По имущественному положенію крестьяне въ Малороссіи дѣлились на тиглыхъ, т. е. имѣвшихъ грунтъ, полевою землю и рабочій скотъ, и огородниковъ, т. е. имѣвшихъ только усадьбу съ огородами. Подробности см. въ кн. А. М. Лазаревскаго: «Малоросс. посполитые».

гало на нихъ извѣстныя обязанности къ владѣльцамъ земель, также на первыхъ порахъ довольно легкія сравнительно съ тѣми, какія несли польскіе и великорусскіе крестьяне. Въ особенности положеніе вольныхъ русскихъ поселенцевъ на первыхъ порахъ было значительно лучше, чѣмъ положеніе крѣпостныхъ, даже тѣхъ, которые принадлежали добрымъ и справедливымъ панамъ. Уже одно сознаніе, что они не принадлежатъ пану какъ какая нибудь вещь,—пану, который можетъ торговать и распоряжаться ими по произволу,—придавало имъ извѣстное достоинство и возбуждало стремленіе къ улучшенію своего положенія. Эта-то особенность крестьянскаго положенія въ Малороссіи и привлекала сюда польско-литовскихъ и великорусскихъ крестьянъ, искавшихъ возможности избавиться какъ отъ крѣпостной зависимости, такъ и отъ религиозныхъ гоненій. Крестьянскія повинности были такъ незначительны, что на первыхъ порахъ, по словамъ г. Лазаревскаго, ограничивались только гаченіемъ плотинъ, уборкою сѣна, доставкой дровъ и тому подобными работами. Словомъ, все крестьянское „послушенство“ первоначально выражалось только въ томъ, что державца могъ требовать отъ крестьянъ извѣстной помощи въ своемъ хозяйствѣ, но во все не доходило до безусловнаго личнаго подчиненія. Но это было только на первыхъ порахъ. Такъ какъ личность и подданическія обязанности крестьянъ не были оформлены и ограждены никакимъ законодательнымъ актомъ, и „такъ какъ въ роль державцевъ становилась преимущественно войсковая старшина, то, пользуясь своею властію, она безъ труда переходила границы такъ неопредѣленно обозначеннаго „послушенства“, постепенно усиливая свою власть надъ посполитыми. Скоро державца извѣстной мѣстности сдѣлался и паномъ своихъ подданныхъ. Къ концу XVII в. отношенія посполитыхъ къ державцамъ уже опредѣлялись положительно: одни „панщину робили“, а другіе „на чиншѣ сидѣли“. Размѣры того и другаго вида повинностей не были точно установлены и вполнѣ зависѣли отъ воли и права державцевъ. Чиншъ и панщина однако же не всегда взаимно исключали другъ друга: владѣльческіе посполитые платили нерѣдко чиншъ и работали по одному или даже по два дня въ недѣлю отъ двора. Кромѣ панщины крестьяне обязаны были также доставлять державцамъ еще извѣстное количество живности и сельскихъ продуктовъ. Кромѣ отбыванія повинностей и работъ дер-

жавцамъ, посполитые нерѣдко работали еще на гетмановъ и полковниковъ, какъ и раскольники-слобожане, поселившіеся на владѣльческихъ земляхъ. Наприм. въ дѣлѣ о разграбленіи дома Родіона Боровкова 1700 г. находится указаніе, что раскольничья села Залужья, подданные Игната Рубца, высланы были лѣтомъ 1701 г. „по жнитву въ гетманскія слободы“¹⁾. Такъ постепенно изъ свободнаго посполства образовывалось малороссійское крестьянство, какъ сословіе несвободное, явившееся въ Малороссіи задолго до закона 3-го мая 1783 г., когда только лишь собственно легализировалось существовавшее уже на самомъ дѣлѣ крѣпостное право²⁾. Такое же „державское послушенство“, а затѣмъ и полное закрѣпощеніе, наравнѣ съ остальнымъ крестьянствомъ, ожидало и слободскихъ раскольниковъ, селившихся въ сѣверной Малороссіи на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ селились въ то время здѣсь и всѣ вообще крестьяне.

Обыкновенно недолго вольные великорусскіе поселенцы наслаждались полной свободой на занятыхъ ими свободныхъ земляхъ. Переходъ ихъ изъ состоянія свободнаго въ зависимое подданическое положеніе совершался иногда очень быстро. Такъ заселенная великорусскими раскольниками Злынка въ 1702 г. называлась еще „новозачавшейся слободкой“; въ 1704 г. она вмѣстѣ съ Тимошкинымъ Перевозомъ, Зыбкою и Деменкою, тоже почти только что заселенными великорусскими раскольниками, была уже отдана гетманскимъ универсаломъ въ личное владѣніе полковнику Миклашевскому; въ 1706 г., какъ личная собственность, Злынка перешла въ пожизненное пользованіе вдовѣ умершаго полковника Миклашевскаго. И этотъ примѣръ не былъ единственнымъ.

¹⁾ М. А. М. Ю. Кн. Малоросс. прик. № 83. См. въ «Матер. для ист. раск. на Вѣткѣ, и въ Старод.» № 11, стр. 102. Ср. интересныя указанія по этому поводу въ книгѣ А. М. Лазаревскаго: Опис. ст. Малор. т. I, 43.

²⁾ П. С. З. XXI, № 15724.—Подробности о формахъ «послушенства» посполитыхъ и подданическомъ бытѣ крестьянъ см. въ вышеуказанномъ изслѣдованіи о малороссійскихъ посполитыхъ А. М. Лазаревскаго, стр. 30—68, О положеніи посполитыхъ въ гетманство Самойловича: Соловьевъ, ист. Рос. т. XIII, стр. 256 и д. Лѣтоп. Рубана, стр. 129. Ср. ст. Е. П. Радоповой: Гетманъ Даніилъ Апостоль въ роли колонизатора. Кіев. Ст. 1891 годъ, июнь.

Еще быстрѣе становились въ зависимое отношеніе къ державцамъ тѣ выходцы изъ Литвы и Великороссіи, которые, не имѣя пристанища, съ женами и дѣтьми, при отсутствіи требованія на поденный трудъ, обыкновенно находили пріютъ въ державскихъ слободахъ. Это была уже давно установившаяся форма заселенія свободныхъ земель въ сѣверной Малороссіи; она практиковалась еще при Полявахъ, заботившихся о заселеніи пустопорожнихъ земель въ краѣ. Слободы обыкновенно садили державцы и монастыри на своихъ собственныхъ земляхъ или просто захваченныхъ, но почти всегда съ дозволенія гетмана или мѣстнаго полковника¹⁾. Державцы, обладая земельными богатствами и недостаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, очень хорошо сознавали этотъ недостатокъ и по возможности устраняли его „осадою“ слободъ на своихъ пустопорожнихъ земляхъ. Получивъ дозволеніе на право „закликать слободу“, державца обыкновенно старался привлечь поселенцевъ разнаго рода заманчивыми обѣщаніями; лучшимъ средствомъ считалось дать новымъ поселенцамъ извѣстное число льготныхъ лѣтъ отъ всякихъ повинностей и обязанностей. Въ свою очередь, по истеченіи льготнаго срока, привлекаемые слобожане обязывались быть всегдашними подланными поселявшихъ ихъ державцевъ и отдавать имъ надлежащее державское послушенство. Большею частію слободы осаживались на земляхъ вновь занятыхъ, не находившихся еще въ опредѣленномъ пользованіи. Дѣлалось это обыкновенно такъ: какойнибудь членъ войсковой старшины или вообще вѣятельный и достаточный человѣкъ, хотя бы и изъ мѣщанъ, выбиралъ себѣ посреди лѣсовъ подходящее удобное мѣсто, большею частію при рѣчкѣ, чтобы можно было построить водяную мельницу, и затѣмъ обращался къ гетману, чаще къ подлежащему мѣстному полковнику, прося выдать подтвердительный универсалъ на занятое мѣсто и дать позволеніе построить на немъ „млинокъ“ и „осадить слободу“. Подтверженіе такого пріобрѣтенія, совершеннаго путемъ „займы“, получалось легко, на томъ простомъ основаніи, что слободы способствовали увеличенію народонаселенія и развитію хозяйственной и промышленной дѣятельности

¹⁾ Нѣкоторые случаи осаживанія слободъ безъ универсальнаго на то разрѣшенія указываются въ Компутахъ стародуб. поляка 1723 г., см. л.л. 487, 513 об., 514 об., 540 и др.

въ краѣ. Такому просителю обыкновенно выдавался гетманомъ или полковникомъ универсалъ, по которому онъ дѣлался полнымъ владѣльцемъ занятой имъ земли, получалъ право осаживать на ней слободку „людми посторонними, якъ то зъ литовскихъ и зъ иныхъ сторонъ захожими, а не тутейшими старинными“, т. е. не мѣстными жителями. Последнихъ обыкновенно формально запрещалось зазывать на слободы, чтобы по возможности уменьшить и безъ того бывшее въ сильномъ ходу перемѣщеніе малороссійскихъ крестьянъ съ одного мѣста на другое. Въ универсалахъ временъ Самойловича и Мазепы ставилось непремѣннымъ условіемъ, чтобы слобожанами „не были господа изъ жилищъ осѣдлыхъ, на певныхъ селахъ маючихся“. Новый владѣлецъ, получивъ утвержденіе своей „займки“, строилъ на ней нѣсколько хатъ и становилъ на нихъ, или отдѣльно, высокій деревянный крестъ, на которомъ для грамотныхъ обозначалось письменнымъ начертаніемъ количество льготныхъ лѣтъ или слободы, въ продолженіе которыхъ новопоселенцы освобождались отъ всякихъ чиншовъ или оброковъ и господскихъ работъ, а для неграмотныхъ тоже самое обозначалось болѣе понятнымъ для нихъ образомъ—„сважинами проверченными“, или „колками на перечѣ креста“¹⁾. Иногда въ знакъ основанія слободы на томъ или другомъ занятомъ грунтѣ ставился просто только столбъ. Желаящихъ всегда являлось много на заманчивыя льготы и обѣщанія державцевъ, и слобода часто возникала въ одну весну. Льготы нерѣдко давались на значительный срокъ, примѣрно лѣтъ на 5—10 и даже болѣе, въ особенности на первыхъ порахъ по освобожденіи Малороссіи отъ Поляковъ; но заманчивыя условія льготнаго слободскаго существованія рѣдко сдерживались державцами, старавшимися обыкновенно поскорѣе поставить слобожанъ въ обязательныя подданическія отношенія.

Раскольники, какъ и другіе поселенцы въ Малороссіи, большею частію селились слободами на монастырскихъ, державскихъ и магистратскихъ земляхъ. Обыкновенно такимъ поселенцамъ при первоначальномъ заселеніи давались, хотя повидимому и не всегда, такъ называемые „осадные листы“ или „письма“, въ которыхъ обозначались условія поселенія и предопредѣлялись будущія отношенія поселенцевъ къ державцамъ, по большей ча-

¹⁾ Зап. о Южной Руси, т. II, стр. 194—196.

сти въ самыхъ общихъ и далеко не всегда опредѣленныхъ выраженіяхъ. Иногда дѣло и просто ограничивалось владѣльческимъ „словеснымъ дозволеніемъ“, какъ указывала въ 1767 г. кіевская губернская канцелярія въ своемъ доношеніи малороссійской коллегіи, отъ 30-го марта, по поводу земельныхъ споровъ слободскихъ раскольниковъ съ малороссійскими владѣльцами ¹⁾).

„Осадные листы“ служатъ одними изъ важнѣйшихъ источниковъ какъ для исторіи поселенія раскольниковъ въ Стародубѣ, такъ и для опредѣленія тѣхъ условій, на которыхъ они первоначально селились здѣсь, и тѣхъ отношеній, въ которыя они становились къ поселявшимъ ихъ владѣльцамъ земель. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ этого рода документы дошли до насъ; пока сдѣлалось извѣстно только 7 „осадныхъ листовъ“, и всѣ они начала XVIII в., при чемъ 3 выданы настоятелями монастырей: 1 архимандритомъ черниговскаго Троице-Ильинскаго монастыря Варлаамомъ Васильевичемъ и 2 архимандритомъ Кіево-печерской лавры Аѳанасіемъ Миславскимъ; 4 стародубскими полковниками: 2 М. А. Миглашевскимъ и 2 И. И. Скороподскимъ.

Какъ особенность „осадныхъ листовъ“, выданныхъ настоятелями мѣстныхъ монастырей, слѣдуетъ отмѣтить то, что въ нихъ болѣе точно и опредѣленно были выставлены условія поселенія, а равно и взаимныя отношенія между монастыремъ какъ владѣльцемъ земель и слобожанами раскольниками, чѣмъ въ другихъ подобнаго рода документахъ. Самымъ образцовымъ въ этомъ отношеніи осаднымъ листомъ можно считать тотъ, который выданъ былъ Добрянскому осадному Софронову съ товарищи черниговскимъ троице-ильинскимъ архимандритомъ въ 1706 году. Здѣсь мы именно читаемъ: „Варлаамъ Васильевичъ, православный архимандритъ свято-троицкій ильинскій черниговскій. Позволивше мы заведенной быти слободѣ на грунтѣ монастыря нашего..., за Черностаевкою, селомъ нашимъ монастырскимъ, пану Онисиму Θεодоровичу и зъ его товарищи, людямъ великороссійскимъ, которому изъ нихъ всякому застающему осѣсти господареви пляцу ку мешканью на сорокъ сажень заняти по-

¹⁾ Х. И. А. Д. М. № 2414, лл. 115—117. Ср. л. 126 и друг. Здѣсь между прочимъ положительно указывается, что расколичьи слободы стали селиться съ 1682 г., и что нѣкоторыя изъ нихъ были заселены безъ всякаго дозволенія и безъ всякихъ «осадныхъ листовъ».

зволюемъ, и на томъ занятъ себѣ пляцу чотыри года свободно безо всякого датку жити и для своего пожитку, якъ поля розробляти ку паханью, такъ тежъ и сѣножати заимовати не возброняемъ. По чотырехъ зась годахъ, всякъ тамъ застаючій господарь отъ своего пляцу, на якомъ маєтъ zostавати, долженъ будетъ на всякъ годъ податку къ святой обители по три копы давати; а за тымъ даткомъ свободны уже отъ всякой панцины мають быти. Року 1706, апрѣля 1¹⁾. Въ этомъ осадномъ листѣ точно и обстоятельно опредѣляются и предрѣшаются какъ условія льготнаго поселенія, такъ и будущія отношенія поселенцевъ—раскольниковъ къ монастырю, по истеченіи льготныхъ лѣтъ. Замѣчательно, что и въ позднѣйшей Румянцовской Описи Малороссіи 1767 г. при описаніи селеній почти всегда указаны размѣры повинностей монастырскихъ посполитыхъ, и очень рѣдко размѣры повинностей посполитыхъ владѣльческихъ.

Уже сравнительно менѣе точны и опредѣленны осадные листы, выданные кіево-печерскимъ архимандритомъ Аѳанасіемъ Миславскимъ, при поселеніи раскольниковъ въ лаврскихъ слободахъ—Ардоны Чернецкой и Свяцкой. Въ первомъ осадномъ листѣ, относящемся по времени къ 1711 г., условія поселенія обозначаются такъ: „Всѣмъ обще и каждому зособно, кому бы о томъ вѣдати надлежало теперъ и въ потомніе часы, симъ нашимъ объявляемъ писаніемъ, ижъ билъ челомъ намъ во обители свято-печерской Никифоръ Пантелимоновъ сынъ Шаровъ съ товариствомъ, расколщичкихъ слободъ жителми стародубовского полку, просячи насъ, абысмо позволили имъ осѣсти слободою на грунтѣ нашомъ власномъ обители свято-печерской гулящомъ, прозиваемомъ Ардонскомъ, въ полку Стародубовскомъ, за миль чотире отъ маестности нашей Лищичъ и Павличъ будочомъ, и просили насъ, абысмо позволили имъ, яко вновь осѣдаючимъ людемъ, ради разводу господарства и строенія домовъ своихъ, слободы лѣтъ на восемь. По докончанію тѣхъ восьми лѣтъ, общались быти вѣрными и вѣчными подданными нашими обители свято-печерской, не исходячи нигдѣ отуду, и никому изъ подданныхъ нашихъ во околичности тамъ застаючимъ не чинити ни якой перешкоди въ грунтахъ ихъ, доволствуочи полями и лѣсами, которыми мы, на прошеніе ихъ, повелимо городничому тамошнему отвести, на мили двѣ отмежовати отъ окрестъ жи-

¹⁾ Обзор. Румянц. Оп. Малорос. I, 73—74.

вущихъ, ради спокойнаго ихъ житія. И общались они жъ, по докончанію тѣхъ восьми лѣтъ, повлону намъ дать до обители свято-печерской денегъ золотихъ сто доброй монеты, пудъ меду и лисицу; въ прочіе же годи, по докончанію слободы, всякую повинность подданскую до обители свято-печерской отбывати денгами или работизною, ведлугъ своихъ пожитковъ зъ грунтовъ нашихъ, якоже и нини слобожане на грунтѣ нашемъ печерскомъ, тамъ-же въ полку Стародубовскомъ застаючіе, чинять. Мы теде, ради пожитку обители свято-печерской, понеже доволно тамъ гулячей обрѣтается земли, позволили имъ, предреченному осадчому Шарову на вышепомянутомъ грунтѣ слободою осѣсти и людей приходящихъ къ себѣ на житіе пріймovati, подъ кондиціями вышъ описанными. Во увѣреніе же совершенное далисмо имъ сіе писаніе при печати монастырской и съ подписомъ руки власной“. Таковъ же по своей сущности и по своимъ „кондиціямъ“ и осадчій листъ, выданный тѣмъ же киево-печерскимъ архимандритомъ Миславскимъ на поселеніе слободы Свяцкой. И въ послѣднемъ предоставляется слобожанамъ „яко вновь осѣдающимъ людямъ“, по ихъ просьбѣ, шести лѣтняя „слобода“ (въ первомъ случаѣ восьмилѣтняя) „ради разводу господарства и строенія домовъ своихъ“; тѣже поклонные денги „по докончанію тѣхъ шести лѣтъ“ съ пудомъ меду и лисицей; а въ заключеніе тоже отбываніе всякой „повинности подданской до обители денгами или работизною“, смотря по пожиткамъ съ грунтовъ, и вѣчное подданство. Любопытно, что какъ во всѣхъ сохранившихся „осадныхъ листахъ“, такъ и въ послѣднемъ—Свяцкомъ поселявшіеся раскольники не называются раскольниками, а просто слобожанами или „вновь осѣдающими людьми“, такъ что осадный листъ на поселеніе слободы Ардони Чернецкой представляется единственнымъ въ своемъ родѣ, въ которомъ раскольники названы своимъ собственнымъ именемъ. Характеристично и то, что монастыри, при заселеніи своихъ пустопорожныхъ земель, „вновь осѣдающимъ людямъ, ради разводу господарства и строенія домовъ своимъ“, предоставляли большее количество льготныхъ лѣтъ или большую льготность въ условіяхъ поселенія, тогда какъ державцы, какъ увидимъ ниже, дѣйствовали на оборотъ: давали меньше льготныхъ лѣтъ вновь поселявшимся слобожанамъ, но за то или строили для нихъ дома, или оказывали имъ содѣйствіе при построеніи послѣднихъ,

равно какъ помогали въ устроеніи ихъ первоначальнаго хозяйства скотомъ, зерномъ и пр.¹⁾

Гораздо меньшею точностью и опредѣленностью условий поселенія и дальнѣйшихъ обязательныхъ отношеній слобожанъ, поселявшихся на державскихъ земляхъ, характеризуются извѣстные намъ полковничьи осадные листы. Всѣ они также относятся къ началу XVIII в. Въ самомъ раннемъ изъ нихъ по времени, выданномъ въ 1701 г. полковникомъ Миглашевскимъ, по которому осажена слобода Зыбка, нынѣшній г. Новозыбковъ, читаемъ: „Чинимъ извѣстно, ижъ мы къ помочи мѣской хотячи въ сотнѣ Топалской, на урочищи Зыбой, межѣ Тростанью и иными селцами надъ рѣчкою Корною..., вновь слободку до ласки войсковою осадити людьми..., выслали старинныхъ людей изъ сосѣднихъ селъ, при которыхъ отведенъ былъ подъ слободу грунтъ на урочищѣ Зыбой“... Такимъ образомъ въ этомъ осадномъ листѣ указывается только мѣсто поселенія, даже безъ опредѣленія срока льготнаго времени и иныхъ льготныхъ условий, при чемъ, какъ видно изъ другаго тоговременнаго акта, посланы были „певніи особы для отведенія и ограниченія на тую слободку грунту, абы тоей слободкѣ поселеніе было безъ обиды людской и помежныхъ селець“. Ни однимъ словомъ не оговорены и въ послѣднемъ актѣ будущія обязательныя отношенія слобожанъ - раскольниковъ; за то видно, что полковникъ, выдавшій осадный листъ, сильно благоволилъ къ слобожанамъ, ставилъ ихъ въ завидное для коренныхъ жителей Стародубья положеніе, стараясь всячески оградить отведенные имъ грунты отъ захвата сосѣдей войсковаго и посполитаго званія. Между прочимъ онъ писалъ, чтобы „некто помежныхъ съ товариства войсковаго и посполитыхъ людей не важился слободцѣ тоей въ грунтахъ ограниченныхъ жадного чинити пренагабонья и наименшой перешкоди..., и Апанась Зѣнченко з сынами своими не важился на грунта опредѣленные находити и наименшой слобожанамъ чинити кривды и перешкоди, подъ виною до шкатулки войсковою тысячи золотихъ“ \swarrow Хотя эта слободка и была осажена повидимому въ интересахъ общественныхъ— „въ помочи мѣской“; но это была обыч-

¹⁾ Осадные листы на поселеніе Ардони и Свяцкой напечатаны цѣлкомъ въ Опис. ст. Мал. т. I, стр. 457, 461—462. Ср. ист. стат. оп. черн. еп. I, 127. Малор. посл. крест. Зап. черн. губ. стат. ком. кн. I, стр. 90.

ная въ то время фѣвція, прикрывавшая личный интересъ выдавшаго осадный листъ полковника. Черезъ три года и эта раскольничья слобода, вмѣстѣ съ другими, какъ выше и было упомянуто, уже формально была отдана гетманомъ Мазепой Миклашевскому и отдавала ему „належитое подданское послушество“¹⁾).

Нѣсколько полнѣе выясняются условія поселенія въ осадномъ листѣ полковника И. И. Скоропадскаго, по которому заселилась слобода Климова. Онъ былъ выданъ 25-го іюня 1708 года мѣщанину мѣстечка Головчина, „зъ заграници зашлomu Климу Ермолаевичу“, не задолго передъ тѣмъ вышедшему въ Польшу изъ Великороссіи. Въ немъ стародубскій полковникъ „ознаймывалъ“, что онъ „въ грунтахъ Чолховскихъ, въ селѣ волномъ между рѣками Рпою, Рпицею и Пѣсочною, въ особности мѣсця обширностью на милю въ себѣ маючогося, позволимъ, въ помощь волости Чолховской, сѣсти слободѣ, давши волѣ на семь лѣтъ людямъ“... Организациія заселенія новой слободы поручалась особому осадчому, только что нами названному, которому предоставлялось право принимать всѣхъ на поселеніе, кого онъ знаетъ, съ тѣми только ограниченіемъ, чтобы „осажовати людей еднакъ не тутешнихъ, але также зъ заграници зашлихъ“... Врядъ ли однакоже это послѣднее ограниченіе было серьезно сдѣлано полковникомъ; оно было повидимому простымъ отводомъ глазъ, кому слѣдуетъ, такъ какъ право приѣма на слободу предоставлялось исключительно осадчому-раскольнику, безъ всякаго контроля со стороны выдавшаго осадный листъ полковника и другихъ болѣе близкихъ къ слобожанамъ мѣстныхъ властей. Какъ въ данномъ случаѣ пользовался предоставленнымъ ему правомъ Климовскій осадчій, показываютъ намъ данныя переписныхъ книгъ 1715—1718 г. полковника Ергольскаго и 1729 г. капитана Брянчанинова. По переписнымъ книгамъ перваго въ слободѣ Климовой въ указанное время было 46 дворохозяевъ, не считая тѣхъ хатъ при дворахъ, въ которыхъ жили такъ называемые „сосѣди“, изъ нихъ 24 дворохозяина вышли прямо изъ центральныхъ великороссійскихъ губерній, 7 дворохозяевъ были „людьми тутейшими“, и только 15 были дѣйствительно „зъ заграници зашлими“. По переписнымъ

¹⁾ Ист. стат. опис. Чер. еп. вв. II, стр. 199—200. Обзор. Румянц. Оп. Малор. IV, 681—682.

книгамъ капитана Брянчанинова 1729 г., когда въ Климовой явилось новыхъ 6 дворовъ, было уже 27 дворохозяевъ, неопосредственныхъ выходцевъ изъ великороссійскихъ губерній. Въ-стѣ съ тѣмъ осаднымъ листомъ вмѣнялось въ обязанность мѣстной полковой старшинѣ и околичнымъ селянамъ, жившимъ въ предѣлахъ Чолховскаго грунта, чтобы никто изъ нихъ „не важился чинити новосѣсти маючимъ слобожаномъ жадной перешкоди въ розробленіи лѣсовъ, грунту и свободномъ ихъ поселеніи“¹⁾.

Подобно Зыбкой и слобода Климова устраивалась въ личныхъ владѣльческихъ интересахъ полковника Скоропадскаго, пользовавшагося въ данномъ случаѣ возможностью захватить побольше земли и увеличить число своихъ подданныхъ, съ тѣмъ различіемъ, что первая устраивалась въ интересахъ якобы магистратскихъ, а вторая подъ прикрытіемъ интересовъ волостныхъ или „волоскихъ“, именно „въ помощь волости Чолховской“. Что и въ данномъ случаѣ было именно такъ, какъ и въ первомъ, показываетъ тотъ фактъ, что чолховцы вмѣстѣ съ жителями околичныхъ сосѣднихъ селъ, земельныя права которыхъ естественно органичивались вновь заселяемою слободою, немедленно стали протестовать противъ подобнаго земельного захвата, такъ что Скоропадскому тотчасъ же, по выдачѣ универсальнаго позволенія на осаду новой слободы, пришлось прибѣгать къ угрозамъ, чтобы остановить непріязненное отношеніе сосѣдей къ слобожанамъ. 9-го іюля того же 1708 г. онъ писалъ: „Вамъ, войту Чолховскому, зъ громадою и всѣмъ околичныхъ селъ по близу новой слободы найдующихся обывателемъ, ознаймую, ижъ дошло мнѣ вѣдати, что вы мѣючи здобель къ потребѣ своей поженъ, а слобожаномъ, которые тамъ за моимъ позволеніемъ межи рѣчками Рпою, Рпицею и Песочною мають садитя, на самомъ томъ мѣстцу боронячи, кому иному на сторону zostавляете. Пре то ижъ не слушне противъ моей воли чините, такъ чрезъ сіе мое писаніе приказую вамъ, абисте ижъ въ тое мѣстце, гдѣ имъ, слобожаномъ, позволилемъ садитя, не заходили грунтовъ межъ тѣми вышечененными рѣчками лезачихъ, але бисте контентовалися тими грунтами, якихъ есть

¹⁾ Отдат. кн. Чолховской волости. Лазаревскій, А. М. Опис. ст. Малор. т. I, стр. 454.—М. А. М. Ю. кн. Малор. прик. № 118. См. Переп. кн. по слоб. Климовой.

не мало коло селъ вашихъ, поневажъ вамъ есть що и на сторону zostавляти; а имъ, слобожаномъ, и на свою потребу за вашею несфорностью негдѣ укусити. Конечно теде, абисте имъ, слобожаномъ, на томъ мѣспу, гдѣ садятся, ведлугъ першаго отъ насъ даннаго имъ писанія, жадной перешкоди чинити и поженъ боронити не важилися“¹⁾.... Такъ естественно уже самымъ фактомъ поселенія слобожанъ-раскольниковъ, какъ новыхъ поселенцевъ, вызывалось недовольство со стороны старыхъ насельниковъ мѣстности, видѣвшихъ въ нихъ нарушителей своихъ давнихъ правъ земельного владѣнія. Благоволительное и покровительственное отношеніе къ новымъ поселенцамъ мѣстныхъ державцевъ, въ особенности въ лицѣ стародубскихъ полковниковъ, должно было еще болѣе усугублять это недовольство. Вотъ на какой почвѣ залагались въ Малороссіи первоначальныя отношенія къ раскольникамъ со стороны разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія.

О томъ, какъ заботливо и участливо относился Скоропадскій къ поселявшимся въ Климовой раскольникамъ, показываетъ его универсалъ отъ 17-го января 1710 г., въ которомъ онъ точно разграничиваетъ слободскіе грунты отъ Чолховскихъ и Ропскихъ. Оказывается, что и въ это время, какъ и въ 1708 г., чолховскіе жители не допускали климовскихъ слобожанъ пользоваться тѣмъ вольнымъ грунтомъ, который былъ имъ указанъ въ осадномъ полковничьемъ листѣ, и что по прежнему происходили между ними взаимныя обиды и утѣсненія. Въ виду этого Скоропадскій, въ то время уже гетманъ, писалъ въ своемъ универсалѣ: „прекладалъ намъ Климъ Ермолаевичъ, осадчей слободы нашей, что жители чолховскіе, подданные наши жъ, не допускаютъ имъ (слобожаномъ) во владѣніе а ни мало грунту волного, къ слободцѣ прилеглого, и тымъ ихъ не помалу обижаютъ и утѣсняютъ. Зачимъ, хотячи мы аби такъ чолховскіе яко и слободскіе подданные наши не чинили спору межи собою, опредѣляемъ грунтъ до слободки границею... взявши по рѣчку Горбачъ, изъ рѣчки Горбача въ рѣчку Передель, дуброву съ пущами противъ самой слободки будучею, и силно варуемъ аби отседа жители ропскіи жадной имъ, слобожаномъ, в заживанью тыхъ опредѣленныхъ грунтовъ не чинили трудности и не важилися себѣ привлащати оныхъ“. Климовскіе раскольники

¹⁾ Ibidem, стр. 454—455.

добились у Скоропадскаго и того, что были выдѣлены изъ общаго „послушенства“ посполитыхъ подданныхъ и поставлены, какъ отдѣльное общество, подъ особое вѣдѣніе „слободскаго осадчаго“, а не „дозорцевъ“, какъ другіе посполитые, гетманскіе подданные. „Тутъ же пилно прикладаемъ“, писалъ гетманъ въ томъ же универсалѣ, „абы до осадчаго слободчаго Клина Ермолаевича никто зъ дозорцовъ нашихъ не мѣлъ дѣла и подъ свое послушенство не потегать, лечъ онъ маеть самъ отъ себя зъ жителми слободскими до двору нашего всякія отдавати повинности¹⁾“. Такъ дорожили и покровительствовали расколникамъ-поселенцамъ мѣстные полковники, стараясь всячески расположить ихъ въ свою пользу и предоставить имъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ по поселеніи порахъ, побольше выгодъ.

Сохранились еще два осадныхъ листа, именно на поселеніе слободъ Тимошкина Перевоза и Митьковки. Они заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что указываютъ намъ на роль осадчихъ, какъ первоначальныхъ устроителей и организаторовъ вновь возникавшихъ слободъ, и на отношеніе ихъ къ мѣстнымъ властямъ и владѣльцамъ заселяемыхъ земель. Особенно наглядно роль слободскихъ осадчихъ отбѣняется въ осадномъ листѣ на поселеніе слободы Митьковки, выданномъ 20-го сентября 1709 г. гетманомъ Скоропадскимъ. „Поневажъ“, говорится въ немъ, „въ слободѣ нашей Митьковской, въ уѣздѣ Ропскомъ находящейся, которая недавно начала осѣдати, не маеть осадчаго; теди вручались и приказали всякіе тамо устраивати порядки Семену Савельеву, которой мѣеть всѣхъ грунтовъ по Ирпу и по за Ирпю будущихъ, до той же слободки надлежащихъ, досматривать. За чимъ, абы никто зъ войсковыхъ и посполитыхъ полку Стародубского обывателей, также и дозорца нашъ Ропскій, не мѣлъ и не важился во осѣданіи людей на той вышепомянутой слободѣ и завѣдываніи грунтовъ, до оной належачихъ, и въ строеніи порядковъ Семену Савельеву наименшой чинити перешкоди и трудности, пилно повагою сего нашего универсалу приказуемъ²⁾“. Такая же въ общемъ роль предоставлялась осадчому и другимъ болѣе раннимъ осаднымъ или „осадчимъ“ листомъ, выданнымъ въ 1703 г. полковникомъ Миклашевскимъ Тимоею Максимову Пузеевскому на поселеніе слободы Тимошкина Перевоза.

¹⁾ X. И. А. Д. М. № 3125.

²⁾ Ibidem.

Осадчими раскольниковых слободъ были обыкновенно люди ловкіе, предприимчивые, а повидимому и болѣе или менѣе состоятельные. Такимъ былъ прежде всего только что упомянутый нами осадчій Тимошкина Перевоза Тимофей Максимовъ, пользовавшійся, какъ видно, особеннымъ покровительствомъ и благоволеніемъ полковника Миклашевскаго. Въ осадномъ листѣ на поселеніе этой слободы именно читаемъ: „зъ певныхъ респектовъ заховуючи при ласцѣ нашей Тимофея Максимовича, бывшого осадшого деменского, взглядомъ футорца его отъ лядчины по тамъ-томъ боку Ипути рѣки у Перевозу, урочищемъ надъ Кремномъ, для выпуска стату (скота) за позволеніемъ нашимъ построенномъ, межи острова Голови прозываемого, и Глѣбки, и Забочи урочищъ; тамъ же позволяемъ ему земли на пять дворовъ надъ озеромъ Шурою заграничными осадити людьми, до ласки далшой рейментарской... ку помочи мѣсту. И поромъ зовомый Деменскій, респектомъ того, поневажъ его, Тимошки, старанемъ власнымъ и неменшою працею, шляхъ черезъ Ипуть, на его тамъ дворокъ есть проложень, промысломъ его устроенный, ему жъ завѣдовати и владѣти позволяемъ. Жити тежъ свободно осѣдши дворами мѣють люди три года безъ дабели. А на семь боку Ипути рѣки, зъ прїѣзду, у тогожъ перевозу Деменского, якъ сягають ограниченіемъ его, Тимошки, купленніе пожни, то есть на Липвахъ коло Шуры озера и Байдака урочищъ и коло гумна его жъ Тимошковаго, по Селицкое болото, на тие пять дворовъ огорода заводити и дуброву на поле розробляти волно¹⁾“... Тимофеей Максимовъ былъ давнимъ поселенцемъ Стародубья; онъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ Максимомъ Аѳанасьевымъ Пузеевскимъ былъ организаторомъ слободы Деменки, почему и называется здѣсь „бывшимъ осадшимъ Деменскимъ“. Въ 1684—1685 г., когда заселялась Деменка, ему было не болѣе 20 л. отъ роду, какъ видно изъ показаній деменцевъ по дѣлу Шелковникова съ значковымъ товарищемъ Аѳанасіемъ Зѣнченкомъ, отъ 21-го октября 1700 г. Изъ тѣхъ же показаній видно, что Пузеевскіе въ Деменкѣ пользовались и общественнымъ уваженіемъ и имущественнымъ достаткомъ, устраивали для новопоселенцевъ-слобжанъ хаты, помогали въ устроеніи новозаводимыхъ ими хозяйствъ, за что послѣдніе и выплачивали имъ или своимъ трудомъ или деньгами. Въ Архивѣ Чернигов-

¹⁾ Лазаревскій А. М.: Оп. Ст. Мал. I, 452—453.

ской Казенной Палаты и въ приложенияхъ къ Румянцовской описи Малороссіи сохранились продажныя записи, купчія, облики и другіе акты, изъ которыхъ видно, что Пузеевскіе начали скупать казацкія и крестьянскія земли съ 1692 г., и что на эти земельныя приобрѣтенія ихъ былъ выданъ подтвердительный универсалъ полковникомъ Миклашевскимъ 6-го іюля 1702 г.¹⁾

Не менѣе дѣятельнымъ, предприимчивымъ и достаточнымъ человекомъ былъ и осадчій слободы Зыбкой, извѣстный Ерема Карповъ, съ 1718 г. первый слободской бурмистръ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ раскольниковыхъ слободахъ, какъ видно изъ его отношеній къ первому православному миссіонеру среди тамошнихъ раскольниковъ, іеромонаху Іосифу Рѣшилову, о чемъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ. Недовольствуясь своею частью общей слободской земли, отведенной для поселенцевъ, уже въ половинѣ втораго десятилѣтія XVIII в. онъ началъ скупать у сосѣднихъ Тростанскихъ и Засухскихъ казаковъ и крестьянъ грунты и сѣножати, а у иныхъ и просто отбиралъ „за позыченныя въ разные часы деньги“, устраивалъ водяныя мельницы, скупалъ пеньку и коноплю, билъ масло и продавалъ въ Стародубѣ. По всей вѣроятности за свой имущественный достатокъ въ современныхъ купчихъ вѣчныхъ записяхъ и обликахъ или долговыхъ обязательствахъ онъ и назывался нерѣдко „славетне урожонимъ²⁾“.

Фактически раскольниковы осадчіе завѣдывали всѣмъ дѣломъ первоначальнаго устройства и заселенія слободъ, и были прямыми посредниками со стороны слобожанъ для сношеній съ мѣстными властями и владѣльцами заселяемыхъ земель, или, по выраженію того времени, осадчіе ставились „для чиненія шелякаго порядку и для осажованія на мененномъ селищу людей новоприхожихъ“. Такіе осадчіе были въ каждой вновь заселяемой раскольниковою слободѣ какъ въ Стародубѣ, такъ и

¹⁾ Арх. Черн. Каз. Пал. №№ 1200—1224, 1207 и др. Ср. Матер. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Стародуб. № 5, стр. 52; № 10. Розыскъ предъ судомъ войсковымъ генеральнымъ по дѣлу о захватѣ разнаго имущества Шелковникова войсковымъ товарищемъ Ао. Зѣнченкомъ 1700 г. стр. 86.

²⁾ Румянц. Оп. Малор. CXVI, лл. 4 об., 7 об. См. также приложения къ войтовской вѣдом. Зыбкой. Тамъ же есть документальныя указанія и на земельныя приобрѣтенія Пузеевскихъ.

въ сосѣднихъ польско-литовскихъ областяхъ¹⁾. Само собою понятно, что роль слободскихъ раскольниковыхъ осадчихъ, при владѣльческой колонизаціи, какая только и практиковалась въ сѣверной Малороссіи въ XVII и XVIII вв., простиралась только на слободу извѣстнаго владѣльца или монастыря, а потому и была далеко ограниченнѣе той, какою пользовались осадчіе при заселеніи пустопорожныхъ земель въ украинскихъ слободскихъ полкахъ, при государственной колонизаціи края. Тамъ дѣятельность осадчихъ простиралась нерѣдко на значительный районъ и захватывала собою какъ обязанности обороны и охраны населенія отъ набѣговъ татаръ, такъ и административныя и даже судебныя обязанности и пр.²⁾

Положеніе слобожанъ, селившихся на владѣльческихъ земляхъ, не смотря на то, что они были вольными и свободными поселенцами, въ сущности и въ гетманской Малороссіи было довольно тяжелое и безправное. Кромѣ извѣстной зависимости, въ которую вступали слобожане уже самымъ фактомъ поселенія на чужой землѣ, они получали отъ поселявшихъ ихъ владѣльцевъ земель также нерѣдко дворы, лошадей, коровъ, раз-

¹⁾ Изъ «Расирсныхъ рѣчей» по дѣлу капитана Н. М. Шелковникова видно, что «першими слободъ Халецкаго осадчимъ» были вышедшіе изъ Старолубя во время гоненій С. И. Самойловича раскольники — «Пашка Ѳедоровъ зъ Кузмою да Микитою» Шелковниковыми. Какъ осадчій Панель Ѳедоровъ тратилъ свои средства *и на шляхты прійимны*. Мат. для ист. раск. № 9, стр. 73.

²⁾ Роль осадчихъ или «садчиковъ» въ слободскихъ полкахъ весьма наглядно обрисовывается въ прошеніи 1686 г. нѣкоего Карпа Алтухова, желавшаго быть осадчимъ по рр. Битюку и Икорцѣ (Воронежскаго у.), гдѣ въ то время селились разные пришлые люди (въ томъ числѣ и раскольники) и черкасы. Онъ просилъ, чтобъ ему «тѣхъ пришлыхъ людей и черкасъ, которые въ тѣхъ урочищахъ на Битюку и на Икорцѣ селятся и что подъ ними земель переписать и допросить, и которые впредь явятся по тому де переписывать же и до его в. г. указу приказнымъ быть и во всемъ ихъ вѣдать ему, Карпу Алтухову... И на Икорцѣ селятся вновь на житье русскіе люди и черкасы, а приказного человѣка и садчика у нихъ нѣтъ, и чтобъ в. г. пожаловалъ—велѣлъ ему въ тѣхъ вышенированныхъ урочищахъ по Битюкѣ и на Икорцѣ садчикомъ, и которые русскіе люди учнутъ приходить на житье, и ихъ ему во всемъ вѣдать, и о томъ дать ему свою в. г. грамоту съ прочетомъ». М. А. М. Ю. Столб. Сиб. Прик. Д. Малор. № 7279.

наго рода хлѣбъ и даже деньги, и тѣмъ только еще болѣе усиливали и закрѣпляли свою зависимость отъ нихъ. Правда, какъ лично свободные поселенцы, они имѣли право переходить отъ одного владѣльца къ другому и тѣмъ охранять свою личную вольность; но за то владѣльцы, въ свою очередь, всегда могли обставить этотъ переходъ такими затруднительными условіями, чтобы можно было когда-либо изъ нихъ выбиться. Въ данномъ случаѣ въ Малороссіи рано стали практиковаться тѣ порядки, которые выработаны были еще Поляками и внесены потомъ въ качествѣ закона въ такъ называемый литовскій статутъ. А на этотъ счетъ вотъ что мы находимъ въ этомъ законодательномъ памятникѣ въ разд. IX, артик. 29: „Устанавливаемъ, если бы человѣкъ свободный пришелъ подъ котораго князя, или господина, или шляхтича, и сѣлъ на слободѣ, и, высидѣвъ до конца, похотѣлъ паки прочь отойти, тогда перво долженъ отслужить тому господину своему столько, сколько на слободѣ просидѣлъ, и тогда пойти прочь; а буде бы не похотѣлъ отслужить, то имѣеть деньгами заплатить за всякую недѣлю слободы по шести грошей; а если бы таковой высидѣлъ слободу, ушелъ подъ другого кого нибудь, то тотъ, подъ кого придетъ, долженъ будетъ его выдать какъ наслѣднаго. А если бы еще такой человѣкъ, отходя прочь, убытокъ какой сдѣлалъ кому, то и то на немъ по доказательству доправить надлежитъ; а если бы такой господинъ на требованіе выдать не хотѣлъ того бѣглеца, и тотъ бѣглець отъ него потомъ прочь ушелъ, а то бы на немъ по челобитью правильными доказательствами въ судѣ показалось: тогда самъ таковой за его бѣглеца имѣеть платить за всякую недѣлю, сколько на слободѣ онъ сидѣлъ, а не работалъ по шести грошей, такожде и убытки, чрезъ онаго бѣглеца сдѣланные, по доказательствамъ онъ же уплатить долженъ¹⁾“. Довольно рано познакомились съ этимъ безправіемъ слободской жизни и вынуждены были нерѣдко жить „переходя съ мѣста на мѣсто“ и раскольники, поселившіеся въ сѣверной Малороссіи. Особенно тяжело было положеніе тѣхъ слобожанъ, которые жили на земляхъ сильныхъ властію и богатствомъ малороссійскихъ державцевъ; неугодныхъ имъ слобожанъ они просто

¹⁾ См. также разд. III, арт. 38; разд. VII, арт. 8; разд. XII, арт. 24. На эти статьи литов. статута часто ссылались въ подобнаго рода дѣлахъ малороссійскіе державцы. П. С. З. XVI, № 11987.

выгоняли изъ своихъ слободъ, отбирали дворы и пр. Такъ напр. поступалъ съ слобожанами извѣстный стародубскій полковникъ Миклашевскій. Въ 1701 г. онъ отобралъ дворъ у Деменскаго раскольника Шелковникова, но сдѣлалъ это подъ видомъ тогдашней малороссійской законности, именно посредствомъ вынужденной купли двора за 10 рублей и кучую записалъ подъ 20 мая „въ книгахъ столповихъ стародубовскихъ“, по которой самъ Шелковниковъ будто бы свой дворъ „продалъ и поступилъ въ мощь и держанне урожаю его милости пану Михаилу Миклашевскому“.... Заслуживаетъ вниманія по этому дѣлу разсужденіе полковника Лукьяна Жоравки, который въ донесеніи гетману отъ 3-го іюля 1714 г., по поводу указаннаго факта, писалъ: „А вольно-бъ ему (Миклашевскому) было, яко пану зъ крестьяниномъ своимъ що хотя учинити, и дармо взяти дворъ, и еднакъ того ему не учинилъ насилія ¹⁾“.

Выше мы видѣли, что раскольники селились въ сѣверной Малороссіи и путемъ свободнаго займа земель, и путемъ поселенія слободами на монастырскихъ, державскихъ и магистратскихъ земляхъ, съ согласія подлежащихъ владѣльцевъ. Изъ разныхъ актовъ конца XVII и первой половины XVIII в. мы узнаемъ и то, что раскольники селились также и въ качествѣ такъ называемыхъ „подсосѣдковъ“ въ свободныхъ хатахъ пановъ, казаковъ, духовенства и мѣстнаго цоспольства, и такимъ образомъ дѣлались „подсосѣдками“ панскими, казачьими и т. д., смотря потому, въ чьихъ хатахъ они поселялись. Были „подсосѣдки“ и собственно раскольничьи, селившіеся въ слобо-

¹⁾ М. А. М. И. Д. Д. М. св. 34, № 13, дѣло отъ 26 марта 1713 г. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 7, стр. 67—68. Интересно, что въ 90-хъ годахъ XVII в. ссужалъ деньгами и пр. того же Шелковникова сосѣдній съ Деменкой значковый товарищъ «Апанасъ Звнченко», 30-го августа 1700 г. въ генеральномъ судѣ въ Батуринѣ онъ показывалъ, что «далемъ я, мовить, ему, Микитѣ, перше, десять таларей готовихъ грошей въ позичку, потамъ коня въ десяти копахъ цѣною на боргъ, знову корову въ десяти золотихъ, сало у пята золотихъ, шпенацѣ три четверки, запомнелъ якоу цѣною, чотори осмачки конопяного сѣмя, цѣною по чотори золотихъ осмачка, которое сѣмя двома вози онъ, Микитка, приѣхавши забралъ, соли дви безмени жонѣ его Микитичной далъ на долгъ: за тое теди все тотъ долгъ сто и тринадцать золотихъ урослъ»... Ibidem, № 10, стр. 82.

дахъ при раскольничьихъ дворахъ. Въ послѣднемъ случаѣ они назывались также „пожилцами“, чаще „сосѣдами“.

Подсосѣдничество началось въ гетманской Малороссіи съ конца XVII в., когда державцы, утвердившись въ своихъ маетностяхъ, стали тѣснить посполитыхъ своимъ произволомъ, вслѣдствіе чего эти послѣдніе, для избѣжанія подданничества и отбыванія разныхъ повинностей, очень часто бросали свои осѣдлости и селились въ свободныхъ хатахъ пановъ, козаковъ и пр., или, по выраженію того времени, „выходили въ сосѣди“, дѣлались „подсосѣдками“. Подсосѣдничество впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не исключало возможности сохранить земельную собственность и пользоваться ею, какъ видно изъ универсала гетмана Мазепы 1689 г., по поводу подсосѣдковъ въ м. Мринѣ, жившихъ власными дворами и имѣвшихъ свои грунты, поля, сѣножати, лѣса, но не отдававшихъ „належитаго послушенства“ съ своихъ „ужитковъ“ черниговскому Борисоглѣбскому монастырю, на маетностяхъ котораго они жили, какъ жаловался архіеп. Лазарь Барановичъ¹⁾). Возможность зе-

-) Арх. Черн. Кав. Пал. Акты черн. Борисоглѣб. мон. Лазаревскій, А. М. Малоросс. поспол. крест., стр. 98—99.—Подсосѣдничество не было исключительно малороссійскимъ явленіемъ. О «подсосѣдникахъ» упоминается еще въ Псковской судной грамотѣ, и по ней они не находились въ личныхъ зависимыхъ отношеніяхъ. Пск. суд. грам. по изд. Мурзакевича, стр. 13—16. Точно также повидимому было и въ XVI в. А. Ю. № 289, 1568 г. Аналогичное явленіе было и въ Великороссіи въ эпоху смутнаго времени. На соборѣ 1619 г. было указано, что многіе люди, повинувши свои дворы, начинаютъ селиться въ чужихъ дворахъ, чтобы менѣе платить государевыхъ податей, раскладывавшихся по дворамъ. Кн. Разряд. I, 613: «а изъ московскихъ и украинныхъ городовъ посацкіе многіе люди, льгота себя, чтобы имъ въ городахъ податей никакихъ не платить, пріѣхали къ Москвѣ и живутъ на Москвѣ и по городамъ у друзей, а по городамъ, гдѣ кто жилъ напередъ сего, ѣхати не хотятъ. Переп. кн. 1646 и 1677 г.г. содержать напомниманія писцамъ, чтобы не сходились въ одинъ дворъ люди со многихъ дворовъ». См. также Переп. кн. 1678—1688 г. изд. Е. Е. Замысловскимъ, т. VIII, Лѣт. зан. арх. ком. и отдѣльно, стр. 12 и др. Чечулинъ, Н. Д. Города моск. госуд. въ XVI в., стр. 27—28, примѣчаніе, въ которомъ сведены цифры о возрастаніи людей по дворамъ по изд. переп. кн. XVII в. разныхъ городовъ, и чѣмъ дальше къ концу вѣка, тѣмъ больше шло это возрастаніе.

мельнаго владѣнія для подсосѣдковъ, да и то, конечно, коренныхъ малороссіянъ, была все таки рѣдкимъ, чуть ли не исключительнымъ явленіемъ; обыкновенно это были люди безземельные, лишившіеся всей своей недвижности и жившіе разнаго рода заработками. Быть подсосѣдковъ существенно отличался отъ слободскаго тѣмъ, что они не вступали ни въ какія обязательныя отношенія и ни въ какіе договоры съ владѣльцами помѣстій, въ которыхъ жили, и были свободны отъ всякихъ общенародныхъ повинностей. Уже гетманъ Мазепа старался если не пресѣчь вовсе подсосѣдничество, то по крайней мѣрѣ остановить его дальнѣйшее развитіе, какъ видно изъ его универсала полковнику стародубскому и всей тамошней старшинѣ, отъ 30-го сентября 1701 г. Въ немъ онъ писалъ, что „многіе посполитые люде такъ подъ областію и послушенствомъ городовимъ, яко и подъ влазюю духовныхъ и мирскихъ державцовъ, во всѣхъ регименту нашего полкахъ застаючи, ухляючися отъ належитыхъ себѣ повинностей, а найбарзѣй уходячи отъ должного войску охотницкому грошоваго мѣсячнаго датку, продають въ городахъ и селахъ грунта свои и двори войсковимъ людемъ, подъ которыхъ оборону таковымъ злохитрымъ удаючися способомъ, и въ тихъ же дворахъ, отъ себе проданныхъ, въ подусѣдкахъ свободно живучи, всякихъ неналежныхъ себѣ волностей самовластно заживають“... Гетманъ предписывалъ и давалъ право „духовнымъ и мирскимъ державцамъ... таковыхъ подусѣдковъ зъ протекціи козацкой до посполитыхъ тяжаровъ (тяжестей), послушенства и повинностей наклоняти и примушати“.... „А если бы который козакъ волѣ и указови нашему рейментарскому овазуючийся въ томъ противнымъ, черязъ шкюдливый себѣ упоръ“, писалъ въ заключеніе гетманъ, „смѣлъ подусѣдковъ своихъ отъ общей тяглости и послушенства охраняти, теды таковой противникъ не тилко жестокого отъ насъ не увойдетъ каранія, лечъ и посполитую отъ онога роскажемъ зъ тихъ его подусѣдковъ повинность отбирати“)“. Всѣ эти угрозы, повторяемые и въ послѣдующее время, однакоже мало помогали дѣлу; подсосѣдничество все болѣе и болѣе развивалось, пока наконецъ не было болѣе или менѣе остановлено административнымъ порядкомъ, именно въ 1734 г., по ини-

¹⁾ М. А. М. И. Д. Собраніе малоросс. подлинныхъ актовъ XI/13 пр. кн. 13. См. 2 реестръ малоросс. дѣлъ, св. 7, № 29.

п'ятихв' князя Шаховскаго, заступившаго м'сто гетмана Апостола, когда подсос'дки привлечены были къ отбыванію общенародныхъ повинностей ¹⁾).

Само собою разум'ется, что и раскольники, селившіеся въ качеств' подсос'дковъ или сос'дѣй въ хатахъ державскихъ, подлежали общимъ условіямъ посполитаго послушенства, и въ конц' концовъ готовили себ' полную зависимость и закр'пощеніе. Бол'е другихъ могли располагать своею личностію и имуществомъ казацьи и крестьянскіе подсос'дки. Между прочимъ въ эпоху московскихъ стр'лецкихъ волненій конца XVII в. многіе стр'льцы-раскольники выходили въ малороссійскіе города, преимущественно Стародубъ, Новгородс'верскъ, Глуховъ и др., и селились зд'сь въ свободныхъ хатахъ разныхъ лицъ, преимущественно въ казацьихъ хатахъ, въ качеств' подсос'дковъ, какъ ^{двоу} видно изъ показаній по д'лу о грабеж' въ Москв' п'ятисотеннаго Чубарова полка Родіона Боровкова, въ которомъ принимали участіе и старолубскіе слобожане ²⁾. Гораздо лучше было положеніе собственно раскольничьихъ подсос'дковъ, жившихъ въ слободахъ при раскольничьихъ дворахъ въ особыхъ хатахъ, нарочно устраиваемыхъ для того бол'е зажиточными слобожанами. Въ большинств' случаевъ они пользовались и общественною слободскою землею, а потому не избавлялись и отъ наложеннаго съ 1715 г. на слобожанъ овлада, но платили его въ значительно меньшемъ разм'р' сравнительно съ влад'льцами дворовъ и хатъ, въ которыхъ жили эти раскольничьи подсос'дки. Мало того, на первыхъ порахъ по поселеніи посл'дніе или вовсе освобождались отъ платежа известной доли овлада, или эта доля опред'лялась въ минимальномъ разм'р'ъ, такъ какъ раскладка всякаго рода податей производилась самими слобожанами, при чемъ всегда принимались во вниманіе средства и силы плательщиковъ.

Подсос'дничество было выгодно для зажиточныхъ и предприимчивыхъ слобожанъ; оно давало имъ дешевыя и нуж-

¹⁾ Подробности см. въ изсл'дованіи А. М. Лазаревскаго: Малорос. посп. крестьяне, стр. 100—106. Ср. Шафонскій, Ас. Топограф. опис. Черн. нам'стничества, стр. 56.

²⁾ М. А. М. Ю. Кн. Малорос. Прик. № 83. Показаніе Повуровскаго раскольника Василья Никитина Толстопятова о бывшихъ стр'льцахъ Протопопова полка Гришк' Леонтьевъ и Ивашк' Петровъ. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 11, стр. 98.

ныя руки. Оно же было и средством усиленія раскольниковяго элемента въ слободахъ. Въ качествѣ подсосѣдковъ или сосѣдей поселялись въ раскольниковыхъ слободахъ не только выходившіе изъ Великороссіи раскольники, но нерѣдко и просто бѣглецы православные крестьяне, переселявшіеся сюда въ значительномъ числѣ въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. изъ губерній верхневолжскаго бассейна, какъ мы видѣли выше. И они принимались съ полною охотою; имъ предлагали пріютъ, помощь на первое обзаведеніе въ хозяйствѣ, прискивали подходящую работу, и, въ концѣ концовъ, увлекали ихъ въ свою секту. Какъ трудно было сохранить свое православіе при поселеніи въ раскольниковыхъ слободахъ православнымъ выходцамъ, мы приведемъ одинъ изъ поразительнѣйшихъ примѣровъ этой трудности: путемъ перехода на житье въ раскольниковыя слободы даже малороссіане дѣлались раскольниками. Въ канцеляріи Кіевопечерской лавры 28 апрѣля 1753 г. Ардонскій раскольникъ поповщинецъ Зябкинъ рассказывалъ, что православный зять его „хохоль Лаврѣнъ Иваненко“, женившійся предъ тѣмъ лѣтъ за 20 и жившій въ с. Уношевѣ, Новомѣсткой сотни, около 1748 г. перешелъ на житье въ слободу Ардонь, „и опредѣлена ему хата противъ его Зябкина двора чрезъ улицу, въ которой хатѣ по маломъ времени родился у нихъ сынъ Степанъ. Когда же онаго сына, по прошенію родителей, пощъ Голубовскій въ благочестивую вѣру окрестилъ, то всѣ слободскіе ардонскіе раскольники онаго его зятя съ женою возненавидѣли, и ни въ какіе заработки употреблять не стали, и изъ той хаты выгнали, и опредѣлили оному зятю жить на дворѣ Зябкина въ другой избѣ“... Притѣсненія кончились тѣмъ, что Иваненко „прельщенъ былъ съ женою своею войтомъ Ардонскимъ Василюмъ Тепивинимъ и стариками ардонскими въ безпоповщину, и въ часовню ихъ онъ съ женою Василисою хаживали, а у него, Зябкина, никакой уже посуды позичать и въ хату до него ходить и съ его Зябкина сынами разговаривать не стали, и всѣ безпоповщины раскольники имъ милостыню давали“... Затѣмъ, когда „по доносу“ Голубовскаго священника Лищицкій управитель монахъ Галактіонъ приказалъ себѣ представить Иваненка съ женою, то

¹⁾ Арх. Черниг. Дух. Конс. № 484, лл. 9—10 С. Голубовка находится вблизи Ардови и принадлежало къ Лищицкой волости Кіевопечерской лавры, какъ и Ардонь.

оказалось, что они „невѣдомо гдѣ дѣлись“; „а надежно-де“, говорилъ Зябкинъ, „войтомъ и стариками расколу безпоповщины будыь сосланы“.

Точныя данныя о раскольниковыхъ подсосѣдкахъ или сосѣдяхъ находятся въ сохранившихся переписныхъ и окладныхъ книгахъ полковника Ергольскаго 1715—1718 гг. и таковыхъ же капитана Брянчанинова 1729 г. Изъ нихъ можно извлечь слѣдующія данныя о раскольниковыхъ подсосѣдкахъ въ 7 выше указанныхъ раскольниковыхъ слободахъ. Во время переписи Ергольскаго „въ сосѣдяхъ жили“ по слободѣ Еленкѣ при 10 дворахъ, при чемъ эти „сосѣди“ были выходцами разныхъ годовъ, начиная съ 1684 г. по 1708 г.; во время Брянчанинова „въ сосѣдяхъ жили еще при 13 дворахъ,—всего 25 семействъ (при 2 дворахъ по 2 семьи); въ первомъ случаѣ общее число дворовъ въ слободѣ было 67, во второмъ—71. По тѣмъ же переписнымъ даннымъ въ слободѣ Воронежѣ по Ергольскому въ сосѣдяхъ жили при 13 дворахъ 14 семей, а по Брянчанинову еще при 10 дворахъ 11 семей; въ слободѣ Лужкахъ по Ергольскому при 6 дворахъ 7 семей, по Брянчанинову еще при 4 дв.; въ слободѣ Зыбкой при 2 дворахъ, по Брянчанинову еще при 4 дв.; въ Клинцахъ по Ергольскому сосѣди жили только при 2 дворахъ, по Брянчанинову кромѣ того при 11 дворахъ 26 семей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ по 2—4 семьи во дворѣ, въ отдѣльныхъ хатахъ; въ Климовой по Ергольскому при 2 дв., по Брянчанинову еще при 3; наконецъ въ Радули сосѣди жили по Брянчанинову только при 3 дворахъ ¹⁾. Въ „Компутахъ“ 1723 г. въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ числѣ посполитыхъ указываются также и раскольничьи подсосѣдки. Такъ о раскольникѣ грунтовомъ с. Курковичъ Андреѣ Расоренко замѣчено, что у него 3 хаты подсосѣдковъ. Есть указанія на раскольниковыхъ подсосѣдковъ и въ Румянцевской Описи 1767 г. По войтовскимъ вѣдомостямъ этой послѣдней число сосѣдей при иныхъ дворахъ, наприм. въ слободѣ Лужкахъ, доходило до 20 и болѣе душъ обоого пола ²⁾.

¹⁾ М. А. М. Ю. Кн. Малорос. Прпк. № 118. Компуты 1723 г. л. 424 и об.

²⁾ Румянц. Оп., т. СХVII. См. вѣдом. Лужковскаго войта Фотія Томина. Были «ножилыцы» или подсосѣдки и въ другихъ слободахъ, напр. Деменкѣ и пр. Замѣчательно, что въ большинствѣ

Въ первой половинѣ XVIII в. началъ практиковаться и такой способъ поселенія, что выходящіе изъ Великороссіи или изъ Польши раскольники только приписывались къ той или другой раскольничьей слободѣ, платили въ ней окладъ, а жили въ другихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ, нерѣдко въ Петербургѣ и Москвѣ и даже за предѣлами Россіи. Таковъ фактъ впервые вскрылся предъ правительствомъ въ 1741 г., когда высочайшимъ указомъ повелѣно было возвратитъ въ подданство Кіевопечерской лавры поселившихся на ея земляхъ раскольниковъ трехъ слободъ: Ардони Чернецкой, Свяцкой и Тимошкина Перевоза. По этому поводу тогдашній слободской бурмистръ Сырейчиковъ съ нѣкоторыми приписанными къ Ардони раскольниками подалъ челобитье, въ которомъ объяснялъ, что они, по выходѣ изъ-за польской границы въ 1734 г., канцеляріей малороссійскаго министерскаго правленія опредѣлены были на житье въ слободу Ардонъ, но что въ ней однакоже „за не отводомъ подъ дворовое строеніе мѣстъ и пахатной земли не жили, а жили въ г. Стародубѣ и въ другихъ раскольничьихъ слободахъ, а къ этой слободѣ только что окладъ платили“. Фактъ былъ подтвержденъ полковникомъ и войсковою канцеляріи членомъ Тютчевымъ, приводившимъ въ исполненіе высочайшій указъ о передачѣ въ подданство Кіевопечерской лаврѣ сл. Ардони и о высылѣ поселившихся тамъ раскольниковъ сверхъ положенныхъ въ 1715 г. въ окладъ на прежнія мѣста жительства. Оказалось, что какъ бурмистръ Сырейчиковъ, такъ и прочіе челобитчики домовъ въ Ардонѣ не имѣли и тамъ никогда не жили. Вслѣдствіе этого они до времени оставлены были жить на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ и до того времени жили, какъ доносилъ въ канцелярію Малороссійскихъ дѣлъ при сенатѣ тогдашній правитель Малороссіи Леонтьевъ, отъ 11-го сентября 1741 г., требуя на этотъ счетъ „повелительнаго указа“ ¹⁾. Въ Румянцевской Описи количество приписныхъ къ тѣмъ или другимъ слободамъ раскольниковъ, но въ нихъ никогда или только временно жившихъ, показывается уже въ значительныхъ

случаевъ эти подсосѣдки были посадскіе люди, вышедшіе изъ разныхъ великороссійскихъ городовъ, преимущественно Москвы и Ярославля.

¹⁾ М. А. М. Ю. Дѣло правит. сената по Малорос. экспедиціи, кн. № 122/1849, дѣло № 64.

цифрахъ. Въ ней они обыкновенно называются „неосѣдлыми“, и однако же приурочиваются къ тому или другому двору. Жили они по паспортамъ волостной раскольничьей конторы въ разныхъ мѣстахъ. Такихъ „неосѣдлыхъ“ по слободѣ Воронку показано 40 м. и 30 ж., по Еленѣ 102 м. и 81 ж., по Клинкамъ 290 м. и 198 ж., по слободѣ Шеломы 11 м. и 8 ж., по сл. Чуровичи 23 м. и 16 ж. Были эти „неосѣдлые“ и по другимъ раскольничьимъ слободамъ Стародубскаго и Черниговскаго полковъ. Въ составъ ихъ входили бѣгле помѣщичьи, дворцовые и монастырскіе крестьяне, посадскіе, лица духовнаго званія, бѣгле солдаты и т. д. Такъ напр. въ слободѣ Климовой въ числѣ этихъ „неосѣдлыхъ“ было: купцовъ 4, посадскихъ 36, лицъ духовнаго званія 5, 1 уроженецъ тульской оружейной слободы, 1 уроженецъ Хотинской крѣпости, 3 козака, 1 ямщикъ Рогожской слободы, 78 мѣстныхъ уроженцевъ, 56 выходцевъ изъ Польши, 13 неизвѣстнаго происхожденія, крестьянъ дворцовыхъ и государевыхъ 24, монастырскихъ и архіерейскихъ 43, помѣщичьихъ 40; всего 310 неосѣдлыхъ мужчинъ и 172 женщины ¹⁾).

Изъ представленія въ сенатъ Кіевской губернской канцеляріи, отъ 18-го марта 1768 г., о томъ, что записанные въ описныя малороссійскія раскольничьи слободы, а живущіе съ семьями въ Польшѣ раскольники не желаютъ оттуда выходить, не смотря на неоднократныя имъ о томъ изъ волостной конторы объявленія, видно, что такихъ раскольниковъ было тогда „по присланному изъ волостной тѣхъ слободъ конторы имянному списку мужеска пола 263, да женска 216 душъ“. Всѣ они „по многократнымъ посылкамъ изъ Польши не выѣхали и оказались ослушны“, а между тѣмъ, любопытно, „подлежащіе съ нихъ деньги платили бездоимочно“. См. дѣло о томъ въ связкахъ дѣлъ переселенческихъ Кіевского Центрального Архива.

Были и такіе раскольники въ Стародубѣ, которые скупали казачьи грунты и пользовались даже повидимому казачьими правами. Такъ при описаніи С. Чубковичъ полковой сотни въ Компутахъ 1723 г. между прочимъ замѣчено: „Въ томъ же селѣ Иванъ Воронъ Филиповца скупилъ козака зъ вгрунтомъ и живеть на томъ грунтѣ его подданій. Того жъ Ворона хатокъ три,

¹⁾ Румянц. Оп. тт. СХVI, СХVII. См. соотвѣтствующія войтовскія вѣдомости.

сосѣди живутъ; зѣ онихъ жадной помочи и дабель нѣтъ“. Дворъ Ворона Филповца по тому же источнику указывается и въ самомъ полковомъ г. Стародубѣ ¹⁾). Аналогичные факты отмѣчаются и въ позднѣйшей Румянцовской Описи Малороссіи. Между прочимъ тамъ о Курковскихъ раскольникахъ Расорейяхъ въ заключеніе подворной и имущественной вѣдомости замѣчено: „Да сверхъ того въ козаковъ Курковскихъ Ивана Рубайлы, Ивана Немаченка, Федора Козла, Омельяна Коваля, Павла Ломаки, Федора Ломаки, Леона Чорниша, Ст. Довгиля имѣются въ грунтахъ с. Курковичъ грунта пахотніе и сѣновосніе съ ухажимъ бортнимъ деревомъ, лѣснымъ угодіямъ и огородами, доставшіеся имъ вмѣстѣ съ тамошними мужиками, поданными господина коллежскаго ассесора Туманскаго: Устиномъ Барбашемъ, Григоріемъ Аненченкомъ, Илією Лимонченкомъ; по куплѣ въ прошломъ 757 г. іюля 6 отъ умершаго бунчуковаго товарища Деяна Рубца, а онимъ Рубцемъ куплею набытіе отъ жіючихъ въ селѣ Курковичахъ раскольниковъ Якима и Фоминыхъ дѣтей Расореевъ за тысячу триста сорокъ рублей, на что съ крѣпостей при семъ приобрѣтаются (прилагаются) копіи. На которыхъ грунтахъ изъ пашенной земли посѣвается ржи во всѣхъ трехъ смѣнахъ 90 четвертей“... Оказывается, что раскольники въ Малороссіи могли скупать земли и имѣть „поданныхъ мужиковъ“ ²⁾). Тамъ же отмѣчается и такой фактъ, что слободскіе раскольники могли имѣть въ залогъ и крѣпостныхъ людей. Такъ при описаніи двора подъ № 195-мъ въ слободѣ Клинцахъ Василья Григорьева Аксенова, 35 л., отецъ котораго былъ посадскимъ человѣкомъ г. Коломны, а въ Польшу и потомъ въ слободу Ардонъ вышелъ въ 1734 г., замѣчено: „у него крѣпостные люди, заложенные отцу его, 1760 г., отъ помѣщицы Рыльской Марьи Анисимовой дочери съ невѣсткою ея Акулиной Петровой въ 143 руб., да отъ сына ея Василья Назарова Бырдина, Рыльскаго же помѣщика, въ 1763 г., въ 130 руб., о чемъ крѣпостей копіи при семъ представляются“ (2 м. и 3 ж.) ³⁾). У ротмистра козацкой службы Дмитрія По-

¹⁾ Компуты, лл. 317 об. и 448.

²⁾ Румянц. Оп. Мал. т. LXXXIII, л. 63 и др.

³⁾ Ibidem, т. CXVII, лл. 83—84. Замѣтимъ что Аксеновъ въ Клинцахъ пахатной земли не имѣлъ, а имѣлъ только огордѣ и сѣножать на 8 воевъ и занимался торговлей: «покупалъ конопляное масло и отвозилъ въ Москву и къ Сѣчи Запорожской; а оттуда возилъ соль, рыбу и

пова, бывшего Еленскаго раскольника, обратившагося потомъ въ православіе, дѣти котораго впрочемъ такъ и остались раскольниками и жили въ Еленкѣ, какъ и самъ онъ съ 1757 г., были и прямо крѣпостные люди, купленные у Карачевскихъ помѣщиковъ Юрасова и Пашьева ¹⁾).

Изъ сдѣланнаго нами анализа осадныхъ листовъ и другихъ относящихся сюда данныхъ объ условіяхъ поселенія нашихъ сектантовъ на земляхъ малороссійскихъ державцевъ можно сдѣлать только одно заключеніе, что послѣдніе смотрѣли на раскольниковъ вообще какъ на выгодныхъ поселенцевъ, удобныхъ колонизаторовъ ихъ пустопорожнихъ земель, не обращая особеннаго вниманія, или, правильнѣе, просто игнорируя ихъ разномысліе въ дѣлахъ вѣры съ господствующею православною церковію. И такъ смотрѣли на нихъ не только свѣтскіе державцы, но и духовные. За весь первый періодъ существованія раскольниковъ въ Малороссіи, начиная со времени первоначальнаго ихъ поселенія до 1716 г., когда они находились въ непосредственномъ распоряженіи малороссійскихъ властей и державцевъ, нѣтъ никакихъ указаній, чтобы послѣдніе такимъ или инымъ образомъ вмѣшивались въ церковно-религіозную жизнь своихъ слобожанъ, позволяли имъ открыто исповѣдывать свое

отвозилъ за границу въ польскую область. Капитала имѣлъ 1000 руб.». Весьма любопытна также въ дѣлахъ Х. И. А., № 3125, залоговая запись новоторжскаго помѣщика Андрея Ларіонова Свѣчина, поручика, по которой онъ уступалъ въ работу Клинцовскому раскольніку Трофиму Максиму Осокину крестьянина съ семействомъ на 10 л. за долгъ въ 20 руб. Запись эта была явлена и записана 30 іюля 1766 г. «у новоторжской крѣпостныхъ дѣлъ книгѣ». Въ ней помѣщикъ обязывалъ своего крестьянина «зъ женою и дѣтьми жить тихо и смирно, не воровать и воровскихъ людей подъ хозяйскій домъ не подводить, и съ воровскими людьми не знаться и воровскихъ пожитковъ не принимать, въ зернь, ни въ карты не играть, въ домѣ хозяина и хозяйку во семъ слушать и почитать, и не пьянствовать. А по прошествіи вышечисанныхъ лѣтъ за объявленные деньги упоминаемаго крестьянина зъ женою и дѣтьми отдать ему жъ Осокину въ работу еще на 5 л., и въ томъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ дать таковую жъ запись».

¹⁾ Румянц. Оп. СХVII. Вѣдом. ротм. Дм. Попова о жиломъ его дворѣ, такожъ о крѣпостныхъ его людяхъ и о принадлежностяхъ къ оному двору съ копіями крѣпостей и пр. См. въ приложеніяхъ къ описи слоб. Еленки.

старовѣрство, имѣть своихъ поповъ, устраивать церкви и монастыри, пустыни и свиты. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что какъ въ актахъ, относящихся къ поселенію нашихъ сектантовъ на тѣхъ или другихъ владѣльческихъ земляхъ, такъ и въ судебныхъ процессахъ по земельнымъ спорамъ раскольниковъ съ ихъ малороссійскими сосѣдами, они до 1716 г. сравнительно рѣдко назывались „раскольщиками“, „капитонами“, „филиповцами“ или „пилиповцами“ (болѣе позднее названіе), хотя и были извѣстны подъ этими названіями грамотнымъ людямъ Малороссіи (Лѣтопись Самовидца, письмо С. И. Самойловича къ отцу-гетману, отъ 2-го сентября 1684 г., Компуты 1723 г.). Мы имѣли уже случай отмѣтить, что изъ 7 извѣстныхъ осадныхъ листовъ только въ одномъ наши слобожане названы „раскольниковыхъ слободъ жителями Стародубовского полку“, да и то по всей вѣроятности сдѣлано по простому недосмотру. Выше также указывалось, что малороссійскія власти въ концѣ XVII в. всячески старались прикрывать и игнорировать предъ Московскимъ правительствомъ фактъ первоначальнаго поселенія раскольниковъ въ Малороссіи. И сами слободскіе раскольники, находившіяся на первыхъ порахъ по поселеніи подъ непосредственнымъ покровительствомъ мѣстныхъ державцевъ и властей, въ своихъ сношеніяхъ съ центральной государственною властію въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. также никогда не называли себя раскольниками, а просто или крестьянами или посадскими, смотря по принадлежности, какъ это видно наприм. изъ ихъ прошеній, подаваемыхъ на имя Петра I въ 1689, 1700 и 1713 гг. ¹⁾ Всѣ эти данныя даютъ одно ясное указаніе, что въ церковномъ отношеніи положеніе слободскихъ раскольниковъ, какъ во время Петра I, такъ и во все послѣдующее время до Петра III и Екатерины II было такое же нелегальное, какъ и въ Великороссіи, гдѣ не только церковныя, но и гражданскія права раскольниковъ были значительно ограничены ²⁾.

1) М. А. М. И. Д. Д. М. Арх. старшій, отд. 2, № 1264/1261, 1700 г. Св. 34, № 13, 1713 г. Св. 35, № 2, 1714 г.

2) По «Духовному Регламенту» раскольники были объявлены «лютыми непріятелями и государству и государю непрестанно зломыслящими»; для нихъ были закрыты всѣ должности «даже до послѣдняго начала и управленія»; отъ нихъ запрещалось принимать на судѣ свидѣтельство на православныхъ и пр. Ч. 11, п. 6 П. С. З.

А это значитъ, что и въ Малороссіи раскольники - слобожане не могли свободно, открыто и на законномъ основаніи исповѣдывать свое старовѣрство, имѣть своихъ поповъ, устраивать церкви и монастыри, скиты и пустыни, и если они дѣлали это, то дѣлали на свой страхъ и рискъ, при молчаливомъ согласіи и бездѣйствіи мѣстныхъ властей и державцевъ, видѣвшихъ въ томъ свой интересъ и потому имъ только потворствовавшихъ. Иначе и быть не могло со времени Московскаго собора 1667 г. въ православномъ русскомъ государствѣ, въ составъ котораго входила и Малороссія, когда раскольники были прокляты церковною властію и какъ ересики наказывались „не только церковнымъ наказаніемъ..., но и царскимъ, сирѣчь градскимъ закономъ и казненіемъ“ ¹⁾. Стало быть и права патронатства, которыя принимали на себя по отношенію къ раскольникамъ-слобожанамъ малороссійскіе державцы, ограничивались только непосредственными ихъ владѣльческими интересами и связанными съ ними общественно-гражданскими отношеніями, но вовсе не простирались на религіозно-церковную жизнь ихъ и разнообразныя ея проявленія, какъ это практиковалось по издавна установившемуся порядку по отношенію къ однороднымъ съ ними по исповѣданію своей вѣры мѣстнымъ „посполитымъ подданнымъ“ ²⁾.

№ 1308. Последнее ограниченіе было подтверждено указомъ 4 іюля 1724 г. Ibid. № 4526. Свобода исповѣданія, предоставленная записнымъ раскольникамъ, главнымъ образомъ по финансовымъ соображеніямъ, не имѣла большаго значенія, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ изданъ былъ цѣлый рядъ мѣръ для противодѣйствія дальнѣйшему распространенію раскола. «Хотя на раскольниковъ записныхъ двойной окладъ и положенъ и они записались, говорилось въ указѣ 16-го іюля 1722 г., «однако жъ не для того, чтобъ они свою раскольниковую прелесть разсѣвать могли и другихъ учили, но токмо двойной окладъ на нихъ положенъ за то, что по упрямству своему обращаться во св. церкви и въ соединеніи съ правовѣрными быть не хотятъ»... Ibid. №№ 2991, 4009, п. п. 14—17, 4027, п. п. 15 и 17, 4052, п. п. 3, 5—7 и др.

¹⁾ П. С. З. № 412, гл. VII. Ср. Ак. Ист. т. V, № 75, п. 2. П. С. З. № 1102.

²⁾ О правѣ патронатства, составляющемъ одно изъ выдающихся явленій церковно-исторической жизни нашего юго-запада, въ томъ числѣ и Малороссіи, особенно за XV—XVII ст., его формахъ и разно-

Гораздо шире и разнообразіе выразилось владѣльческое право патроната по отношенію къ поселявшимся въ Польшѣ и Литвѣ великороссійскимъ раскольникамъ. Прежде всего оно далеко не ограничивалось тамъ одними вотчинно-гражданскими отношеніями къ поселявшимъ ихъ владѣльцамъ-панамъ, но простиралось въ широкой мѣрѣ и на всѣ церковно-религіозныя отношенія и проявленія раскольничьей жизни. О религіозно-церковномъ положеніи поселявшихся въ Польшѣ великороссійскихъ раскольниковъ упоминалось и въ актахъ, соответственныхъ указаннымъ малороссійскимъ осаднымъ листамъ, которые выдавались обыкновенно панами при первоначальномъ на ихъ земляхъ поселеніи раскольниковъ. Далѣе, польскіе паны не только разрѣшали раскольникамъ строить церкви и монастыри, пустыни и скиты, но вмѣшивались даже въ споры раскольничьихъ толковъ, созывали по поводу ихъ раскольничьи соборы, такъ или иначе судили и радили противниковъ и вообще слѣдили за всѣми проявленіями и начинаніями въ области раскольничьей религіозно-церковной жизни. Такъ наприм. извѣстные Вѣтковскіе соборы первой половины XVIII вѣка, по поводу споровъ вѣтковцевъ съ діаконцами, двухъ первыхъ поповщинскихъ толковъ или согласій, созывались по „панскому повелѣнію“, и не только созывались, но даже и ихъ постановленія приводились въ исполненіе съ соизволенія шляхтичей Халецкаго и Красинскаго. Извѣстное начинаніе вѣтковскихъ раскольниковъ въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія о приобрѣтеніи себѣ епископа также производилось съ вѣдома и дозволенія владѣльца Вѣтки—пана Халецкаго, снабдившаго вѣтковскихъ искателей епископа даже собственнымъ „просительнымъ листомъ“, который они и доставили по принадлежности¹⁾.

Есть даже извѣстіе въ раскольничьихъ источникахъ, что церковное положеніе раскольниковъ въ Польшѣ довольно рано

образныхъ проявленіяхъ см. въ ст. «О правѣ патронатства въ юго-зап. Россіи въ XVI в.» (Литов. Епарх. Вѣдом. за 1878 т.), а также и въ изслѣдованіи проф. С. Т. Голубева: Ист. Кіев. дух. Акад., стр. 80—83. Исторія владѣльческаго патроната въ гетманской Малороссіи въ концѣ XVII и XVIII в. еще не подвергалась спеціальному изслѣдованію. Не мало любопытныхъ данныхъ на этотъ счетъ за XVIII в. можно найти въ дѣлахъ Черниговскаго консисторскаго Архива.

¹⁾ Сборн. Хлудов. библи. № 341, лл. 22—24, 27—28. Душен. Чт. 1870 г., № 1, стр. 35.

было обставлено формально легальными условиями и со стороны государства. Между прочимъ въ прошеніи Вѣтковскихъ старообрядцевъ о епископѣ, поданномъ Константинопольскому патриарху въ 1731 г., приводится указаніе, что когда раскольники появились за польскимъ рубежомъ, то къ нимъ пріѣзжалъ сначала „посолъ Полтевъ“, а потомъ „бискупъ Анцута“, и развѣдывали, какой они держатся вѣры, что католическій епископъ не нашелъ у нихъ никакого „схизматичества“, и что король тогда же издалъ грамоту о свободномъ жительствѣ раскольниковъ въ польскихъ предѣлахъ, при полной независимости отъ католическаго духовенства въ исправленіи вѣры и отправленіи обрядовъ. По всей вѣроятности упомянутые Анцута (Анчупа) и Полтевъ донесли королю только то, что раскольники не принадлежатъ къ числу опасныхъ для государства и церкви сектантовъ, благодаря чему и могла явиться вышеуказанная королевская грамота. Она неизвѣстна; но въ существованіи ея врядъ-ли можно сомнѣваться. Не даромъ уніатскіе миссіонеры въ XVIII в. въ своихъ предикахъ, обращенныхъ къ православнымъ западнорусскимъ людямъ, весьма сочувственно относились къ филипонамъ или филиповцамъ, какъ обыкновенно въ Польшѣ назывались наши раскольники, бывшіе въ большинствѣ тамъ безпоповцами. Вотъ напр. что говорилъ одинъ такой миссіонеръ въ Могилевѣ, „посреди базару на столпѣ стоя и крестъ въ рукѣ держа“: „Да еще обрѣтается въ Москвѣ сія же заблуждающая вѣра (т. е. православная). А посмотрите, что и тамъ, прежде ста и нѣсколько на десять лѣтъ, какая была вѣра, ежели не унія святая: понеже и филиповцы не откуду отторгнувшись, уразумѣвъ ихъ заблужденіе, вышли съ Москвы и нынѣ обрѣтаются въ Польшѣ“. Какъ бы то ни было, указанная королевская льготная грамота, если только она была дѣйствительно дана раскольникамъ, должна была не мало способствовать привлеченію русскихъ раскольниковъ за польскій рубежь, при тѣхъ стѣсненіяхъ, какія испытывались ими въ русскихъ предѣлахъ. „И ради сей свободности“, какъ справедливо замѣчено въ вѣтковскомъ прошеніи по данному поводу, „великороссійскихъ людей по всей Польшѣ населилася премногое число“¹⁾.

1) Вѣтковское прошеніе 1731 г. издано Н. И. Субботиннымъ въ Душеполезн. Чт. за 1870 г., № 1, стр. 26—44. Именно въ прошеніи по занимающему насъ предмету буквально сказано слѣд.: «Въ ней же

Но эта „свободность“ ограничивалась только раскольниками и вовсе не распространялась на православных „великороссійскихъ людей“, поселявшихся въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII в. въ предѣлахъ Польши и Литвы. На первыхъ порахъ, правда, какъ тѣ, такъ и другіе охотно принимались польскими панамы на поселеніе; но въ дальнѣйшей судьбѣ положеніе ихъ было весьма неодинаково. Если къ раскольникамъ польское правительство, паны и ксендзы относились терпимо, то отношеніе ихъ къ православнымъ далеко не отличалось этого терпимостію: послѣдніе, какъ православные, нерѣдко принуждались панамы и ксендами въ принятію униі. Это, какъ извѣстно, было время, когда, по словамъ кіевскаго архіепископа Рафаила Заборовскаго, „благочестіе святое въ Польшѣ римляне

вѣрѣ нашей, уже мы содержимъ, отъ величества короля польскаго перво чрезъ посла Полтева и во второе отъ бискупа Анцуты свидѣтельствованы, и по свидѣтельству ихъ яко истинно суть греческая вѣра, понеже въ церквахъ нашихъ никакого схизматичества не изыскали, того ради отъ короля польскаго и листъ намъ данъ во обители нашей и прочимъ скитамъ и всякаго чина людямъ нашимъ увольной, еже намъ въ вѣрѣ древняго обычая греческаго свободнымъ быти, и вѣру нашу отъ езуитовъ и ксензовъ невозбранно держати, которые ради свободы нашихъ великороссійскихъ людей по всей Польши населишася премногое число». Объ отношеніи къ зарубежнымъ польскимъ раскольникамъ Полтева и Анцуты (Анчуты) изъ другихъ источниковъ ничего не извѣстно. Относительно Анцуты можемъ только замѣтить, что здѣсь разумѣется по всей вѣроятности Georgius Casimirus Ancuta, th. dr., canonicus (1708) et officialis generalis Vilnensis, позже суфраганъ виленскій, извѣстный ученый противникъ диссидентовъ, написавшій въ 1719 г. опроверженіе претензій диссидентскихъ (*Libellus supplex*, 1718 г.) подъ заглавіемъ: *Jus plenum religionis catholicae in regno Poloniae et M. Ducatu Lithuaniae, juri praetensio dissidentium, oppositum*. О другихъ его сочиненіяхъ см. въ *Encyklop. kościeln. X. M. Nowodworskiego*, Т. I, стр. 221—222. О его церковно-гражданской дѣятельности см. также въ *Истор. Юридич. Мат.*, извлеч. изъ акт. кн. губ. Витебской и Могил. В. XIX, №№ 112, 115, 458, 480; В. XX, № 70. Витеб. 1889—1891. Ср. также нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о М. I. Анцутѣ въ *Corona polska Niesieckiego* въ изданіи 1728 г., при описаніи герба, стр. 20—21.—Объ отзывѣхъ униатскихъ миссіонеровъ о филиповцахъ см. въ сочиненіи И. А. Чистовича: «Диссид. вопросъ въ Польшѣ въ первой половинѣ XVIII в.» *Сборн. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н. Т. XXI*, стр. 74.

намѣрили въ конецъ разорить, и такъ тщатся, что церкви св. восточныя во вся спустошить, и всѣхъ православныхъ во вся или къ себѣ привлечь, или крайне сгладить, дабы ни единого православнаго въ Польской державѣ не обрѣталось“. Повсюду тогда въ югозападной Россіи въ сельскихъ приходахъ были поставлены уніатскіе пастыри, и имъ обязаны были подчиняться прихожане, независимо отъ вѣроисповѣной розни; всякое же неповиновеніе со стороны православныхъ уніатскому духовенству разсматривалось какъ неповиновеніе предержавшей власти ¹⁾. И такъ относились въ то время не только къ мѣстнымъ коренымъ православнымъ жителямъ, но и къ постоянно прибывавшимъ православнымъ великороссійскимъ людямъ. Послѣдніе, какъ болѣе устойчивые въ религіозномъ отношеніи, чѣмъ первые, издавна испытывавшіе на себѣ вліяніе католицизма и народившейся изъ него уніи, не желая отступать отъ своего унаслѣдованнаго отъ предковъ православія, нерѣдко обращались въ терпимый поляками и ксендзами изъ экономическихъ и религіозно-политическихъ видовъ расколь, чтобы избѣжать непріязненной уніи. Весьма характерно въ этомъ отношеніи показаніе раскольника поповщинскаго толка Захара Григорьева, переселившагося изъ-за польскаго рубежа въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка въ расколичью слободу Радуть, черниговскаго полка, гдѣ онъ „обучалъ дѣтей тамошнихъ обывателей русскаго письма по расколичьимъ книгамъ“... Въ стародубской полковой канцеляріи въ 1762 г. онъ рассказывалъ, что „родился польской области воеводства витебскаго, повѣта полоцкаго, въ д. Пустошки, владѣнія шляхтича князя Радзивилла“; что „отецъ его Григорій Михайловъ сынъ, какъ онъ, Захаръ, отъ него слыхалъ, родился въ Великороссіи и выведенъ его, Захара, дѣдомъ Михайломъ еще малолѣтнимъ зъ Россіи за польскую границу, гдѣ первіе оній его дѣдъ Михайло владѣнія шляхтича Радзивилла въ с. Кодоловъ въ церкви Успенія Пресв. Богородицы православной по смерть свою священнодѣйствовалъ, а по немъ и отецъ его Григорій въ той же церкви былъ попомъ православнымъ, пока она церковь православная на уніатскую превра-

¹⁾ П. С. П. и р. по вѣд. прав. исп. т. VII, № 2637, стр. 665. Ср. Антоновичъ, В. Б. Монографіи по ист. зап. и югозап. Рос. Очеркъ сост. правосл. церкви въ югозап. Руси съ полов. XVII в. до конца XVIII в. стр. 294—295.

щена. А по превращеніи оной на унѣятскую, оной отецъ его Григорій *поповалъ* гомельскаго уѣзда въ слободѣ раскольниковой Спасовой по раскольничому¹⁾. Такимъ образомъ покровительственное отношеніе польскаго правительства къ раскольникамъ и нетерпимость къ православнымъ содѣйствовали тому, что расколъ здѣсь распространялся на счетъ православныхъ великорусскихъ выходцевъ, поселявшихся въ прошломъ вѣкѣ въ предѣлахъ Польши. При Екатеринѣ II масса этихъ „великороссійскихъ людей“, сдѣлавшихся въ Польшѣ раскольниками, выслалась на льготныхъ условіяхъ обратно въ предѣлы Россіи— въ Стародубье, Поволжье и другія мѣста, естественно усиливъ собою и безъ того сильный здѣсь расколъ.

Еще болѣе наглядно и очевидно отражается общественное и церковное положеніе раскольниковъ въ Польшѣ, сравнительно съ таковымъ же въ малороссійскихъ раскольниковыхъ слободахъ, въ тѣхъ актахъ, которые выдавались польскими панами при первоначальномъ поселеніи раскольниковъ и которые назывались въ Малороссіи осадными листами. Однимъ изъ позднѣйшихъ и болѣе выразительныхъ актовъ этого рода слѣдуетъ признать тотъ, который былъ выданъ графомъ Ходкевичемъ въ 1771 г. при поселеніи раскольниковъ въ обширныхъ его маестностяхъ и устроеніи раскольниковьяго монастыря въ м. Чернобылѣ. По своей внѣшней формѣ актъ этотъ состоитъ изъ 15 пунктовъ раскольниковьяго прошенія относительно условій поселенія и резолюцій на нихъ графа Ходкевича. Прежде всего рѣчь здѣсь идетъ о свободномъ и безпрепятственномъ исповѣданіи старовѣрства, о правѣ имѣть своихъ поповъ, чернецовъ и черницъ, устраивать церкви и монастыри, пустыни и скиты. Именно раскольники просили: 1) „поповъ намъ своихъ и по нашему закону и вѣрѣ примать, чтобъ было невозбранно“; 2) „церкви въ монастыряхъ и по слободахъ становить по нашему закону и вѣрѣ безъ всякаго утѣсненія отъ пановъ, и отъ есіонзовъ, и отъ поповъ, и отъ жидовъ, и отъ мужиковъ, и отъ всякаго чина, якоже у насъ въ Чонки и на

¹⁾ Арх. Черн. дух. консист. ящ. 52, № 1419. Дѣло по промеріи стародубской полковой канцеляріи 1762 г. о раскольникѣ слободы Радуля Захарѣ Григорьевѣ, пойманномъ «съ раскольниковьямъ причастьемъ и прочими у него имѣвшимися нѣкоторыми вещами».

Вѣтки, безъ всякаго поруганія и утѣсненія и порицанія“¹⁾; 3) „попамъ и чернцамъ и черницамъ въ мѣстѣ и по селамъ и по слободамъ ходить и ѣздить, и въ торгахъ и ярмонкахъ или гдѣ прилучится куповать и продавать збожье всякое, воскъ, и медь, и масло, и рыбу, и холстъ и всякую рѣчь про свою нужду монастырскую безъ торгового, и безъ перевозовъ, и безъ объѣздохъ“. Графъ Ходкевичъ согласился съ этими первыми и главными пунктами раскольниковьяго прошенія и положилъ противъ нихъ такія резолюціи: 1) „Волно будетъ поповъ держать. 2) Церкви въ монастыряхъ и по слободахъ безъ всякаго препятствія становить вольно будетъ. 3) Попамъ, чернцамъ и черницамъ въ мѣстѣ, по селахъ и по слободахъ ѣздить, ходить вольно будетъ, а что касается всякаго торгу збожья, меду, воску, холста, то все по обыкновенію обывательскому состоятъ маеть съ мѣщаны чернобыльскими ровно“. Въ пунктѣ 15 раскольники испрашивали себѣ право устраивать въ маестностяхъ Ходкевича пустыни и скиты. И на этотъ пунктъ послѣдовало графское согласіе; чернды могли жить по одному, по два, по три, „или сколько по совѣту между собою восхотятъ жить особливе, гдѣ изберуть себѣ мѣсто, или островъ, кромѣ монастыря“, во всѣхъ тамошнихъ обширныхъ маестностяхъ Ходкевича.

Не менѣе любопытны и другія условія, на которыхъ селились здѣсь раскольничьи чернды. Подъ монастырь былъ назначенъ особый островъ подъ названіемъ Никольскій, а грунту и сѣножатей къ нему давалось столько, сколько могли обработать раскольничьи монахи (пп. 8—9). Между прочимъ монахамъ предоставлялось право „рыбу ловить всякимъ временемъ по рѣкахъ и всякимъ посудомъ и всякую рыбу въ Припети и въ Уши, и озерахъ, и въ забокахъ, и поймахъ, лѣтомъ и зимою, и всякимъ часомъ, про свою нужду невозбранно ни отъ кого и повсямѣстно“ (п. 4), и, кромѣ того, давалось

1) Подъ «Чонкой» здѣсь разумѣется раскольничья слобода, находившаяся въ 10 в. отъ Гомеля, на берегу р. Сожа, гдѣ былъ и раскольничій Чонскій Успенскій монастырь. Въ 1797 г. послѣдній былъ присоединенъ къ единовѣрью. Въ настоящее время онъ управляется православнымъ настоятелемъ, но службы въ монастырѣ совершаются по старопечатнымъ книгамъ; число монашествующихъ менѣе 10 человекъ. Нынѣ онъ извѣстенъ подъ названіемъ—Чонскій—Макарьевскій. Оп. опис. могил. губ. кн. 1. Могилевъ. 1882 г. стр. 678.

монастырю въ Чернобылѣ особое озеро, по прозванію Синее, „къ закату рыбной ловли безъ перешкоды“. Выговорено было также право „поставить своимъ коштомъ млинъ, гдѣ присмотрится мѣсто удобное“ къ тому, даже, въ случаѣ надобности, съ помощью отъ панскаго двора. Монахи освобождались „отъ подводъ и пригоновъ“, и даже „гаты или мосточки..., по близости нужные“, должны были исправляться для нихъ „пригономъ“, т. е. панскими крестьянами (п. 5, 6 и 14). По резолюціи графа Ходкевича „слободы на то все“ давалось „лѣтъ десять“, при чемъ относительно платы, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, имѣлъ быть составленъ особый договоръ въ томъ смыслѣ, что „сколько бъ на островѣ будинковъ (домовъ) и людей не было, о томъ не исчислять“ (п. 12)¹⁾. Подобныя отношенія къ поселявшимся раскольникамъ со стороны державцевъ были не мыслимы въ гетманской Малороссіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., и ничего подобнаго мы и не находимъ въ „осадныхъ листахъ“ и другихъ относящихся къ поселенію раскольниковъ въ Малороссіи актахъ.

Само собою понятно, что различіе въ условіяхъ поселенія раскольниковъ за Польскимъ рубежомъ и въ сѣверной Малороссіи не могло не вліять и на число поселенцевъ—раскольниковъ тамъ и здѣсь. Относительно числа слободскихъ малороссійскихъ раскольниковъ имѣются болѣе или менѣе точныя данныя за XVIII в., начиная со временъ Петра Великаго до временъ Екатерины II включительно, чего нельзя сказать относительно зарубезныхъ польскихъ раскольниковъ. Число слободскихъ малороссійскихъ раскольниковъ до временъ Екатерины II было сравнительно ничтожно. Такъ по Переписнымъ книгамъ полковника Ергольскаго во всѣхъ 17 слободахъ было только 377 дворовъ, и всѣхъ раскольниковъ въ стародубскомъ и черниговскомъ полкахъ числилось всего 3112 человекъ, а именно—мужеска пола 1712, женска 1400, т. е. нѣсколько болѣе чѣмъ по 8 чел. на дворъ²⁾. По „Компутамъ“ 1723 года въ одномъ

¹⁾ Прощеніе раскольниковъ и резолюціи на него графа Ходкевича извлечены нами изъ дѣлъ религиозныхъ Киев. Центрального Архива. Мат. для ист. раск. на Вѣтеѣ и въ Старод. № 51, стр. 244—246.

²⁾ П. С. З. Т. VII. № 4553. Полн. собр. пост. и расп. по вѣдом. прав. исп. V, № 1669. Всѣ эти 3112 человекъ, кромѣ 1519 р. об-

стародубскомъ полку было уже 373 двора грунтовыхъ раскольниковъ, т. е. имѣвшихъ земли, 159 бобыльскихъ хатъ и 50 пустыхъ. По переписи 1729 г. капитана Ивана Брянчанинова, сверхъ прежней переписи Ергольского, прибылыхъ дворовъ оказалось 91. На эти дворы, по силѣ инструкціи министерской канцеляріи, по прежнему примѣру, сверхъ Ергольского окладу прибавлено на каждый дворъ по 2 р. по 88 к. и по $\frac{3}{4}$ коп., а всего 262 р. 96 $\frac{1}{2}$ коп., такъ что съ 1730 г. слобожане, по распоряженію Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, старый и новый прибавочный окладъ и за откупныя статьи (въ сл. Тимошеинѣ Перевозѣ за перевозъ черезъ р. Ипутъ 11 р. и за кожевенный заводъ въ слободѣ Клинцахъ Соболящикова 12 р.) платили всего 1804 р. 96 $\frac{1}{2}$ коп.¹⁾ Далѣе, въ отпискахъ волостной раскольничьей конторы въ Кіевскую губернскую канцелярію за вторую половину 1759 г., на вопросъ, „сколько въ которой слободѣ мужеска и женска пола душъ имѣется“, приведены слѣдующія цифровыя данныя о количествѣ раскольническаго населенія въ слободахъ за первую половину XVIII в. и за первое десятилѣтіе второй половины вѣка. „По переписи полковника Ергольскаго муж. пола 2110, жен. 2005 (по 14 слободамъ, бывшимъ въ вѣдѣніи волостной конторы, т. е. за исключеніемъ трехъ слободъ—Ардони, Святской и Тимошеина Перевоза, состоявшихъ въ подданствѣ Кіево-Печерской лавры). А обоихъ половъ капитана Брянчанинова муж. 862, жен. 682; майора Павлова (1736 г.): муж. 471, жен. 416. Итого прежнихъ переписей: муж. 3443, жен. 3203. Вышедшихъ изъ за границы: муж. 2355, жен. 1808. Перешедшихъ изъ слободъ Кіево-Печерской лавры: муж. 203, жен. 145. Вновь родившихся: муж. 112, женщ. 79. Итого прибылыхъ: муж. 2770, жен. 2032; а обоихъ половъ 4802. Умершихъ: муж. 53, жен. 30; бѣжавшихъ: муж.

щихъ государственныхъ повинностей, за принадлежность къ расколу особыхъ денегъ не платили. Срав. Оп. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. син. т. IV, № 38 (289, стр. 13).

¹⁾ М. А. М. Ю. Кн. Малорос. Прик. № 118 (1719—1744 г.), лл. 158—164.—М. А. М. И. Д. Д. М. св. 67, № 16. По Вѣдомости кіев. губ. канцеляріи 1760 г. всего окладныхъ и неокладныхъ сборовъ слобожане уже платили 2965 р. 90 $\frac{1}{2}$ коп., да съ новоприбылыхъ съ каждой души муж. пол. по 72 $\frac{1}{2}$ коп., всего 1706 руб. 75 коп. Дѣла переселенческія въ связкахъ Кіев. центр. архива. Ср. Х. И. А. № 3125.

54, жен. 30; итого бѣжавшихъ и умершихъ 167. Всего прежде поселившихся обоихъ половъ 11, 281. По „Вѣдомости Кіевской губернской канцеляріи, сколько поселившихся въ Малой Россіи, въ стародубскомъ и черниговскомъ полку, раскольниковъ, какъ прежде поселившихся, такъ и вновь прибывшихъ, мужеска и женска пола, и сколько вновь родились и изъ за польской границы въ расколичьи слободы прибыло..., и за тѣмъ генваря съ 1-го по 1-е іюля 1762 г. дѣйствительно на лицо состоитъ“, число слободского расколичьяго поселенія опредѣляется слѣдующими цифрами: по переписямъ Ергольскаго, Брянчанинова и Павлова: м. 3864, ж. 3500; вновь прибывшихъ отъ 1730 г. по 1762 г.: м. 3331, ж. 2268; перешедшихъ изъ отданныхъ Кіево-Печерской лаврѣ: м. 217, ж. 59, вновь прибывшихъ въ 1762 г.: м. 19, ж. 33; перешедшихъ изъ отданныхъ лаврѣ—17; не введенныхъ въ перепись управителя Морозова (1758—1759 гг.): м. 1071, ж. 864. А всего мужеска и женска пола, какъ прежде поселившихся, такъ и вновь съ 1730 г. и не введенныхъ въ перепись Морозова 15 443 д. ¹⁾). Сюда нужно еще прибавить раскольниковъ, жившихъ на земляхъ Кіево-Печерской лавры, которыхъ было по ревизіи 1765 г.: въ Святской—146 д., въ Ардони—115 д. и Тимошкинѣ Перевозѣ—80 д. ²⁾). Такимъ образомъ общее число слободскихъ раскольниковъ во времени Екатерины II по этимъ даннымъ было 15 884 д. Въ продолжительное царствованіе Екатерины II число ихъ въ слободахъ увеличилось болѣе чѣмъ въ три раза.

¹⁾ Дѣла переселенческія въ связкахъ Кіев. Централ. Архива. Приблизительно тѣже цифры относительно числа слободскаго расколичьяго населенія указываются и въ обширномъ дѣлѣ Харьковскаго историческаго архива № 3125, извлеченія изъ котораго сдѣлалъ проф. Багалъй въ своей рецензіи на книгу А. М. Лазаревскаго: «Описаніе старой Малороссіи. Сиб. 1891 г. стр. 92—95. Цифровыя данныя этого дѣла относятся къ 1759—1760 г. Общее число слобожанъ по 12 слободамъ стародубскаго полка, за исключеніемъ 3 слободъ Кіево-Печерской лавры, здѣсь опредѣляется въ 10 606 д. (у проф. Багалъи 9606 д.); если прибавить 1396 д. въ двухъ слободахъ черниговскаго полка Добрянкѣ и Радулѣ и 441 д. въ трехъ лаврскихъ слободахъ, то общая численность слободскихъ раскольниковъ по даннымъ этого дѣла выразится въ 12 443 д.

²⁾ Опис. акт. архива Маркевича о старод. скитахъ. Чт. въ общ. ист. и древ. Росс. при Москов. унив. 1884 г., кн. II, стр. 9.

По Румянцовской Описи 1767 года было 713 дворовъ, 767 бобыльскихъ хатъ и 565 пустыхъ дворовъ и хатъ; а въ 1781 г., когда, предъ открытіемъ намѣстничества, по распоряженію графа П. А. Румянцева, сдѣлано было статистическое описаніе Малороссіи, число раскольниковъ дворовъ, бобыльскихъ и бездворныхъ хатъ въ 17 малороссійскихъ раскольниковыхъ слободахъ выразилось уже въ слѣдующихъ цифрахъ: 2101 дв., 3188 х. и 397 бездворныхъ хатъ или келей. Въ 1790 г., на основаніи документальныхъ данныхъ, по словамъ преосвященнаго Черниговскаго Филарета Гумилевскаго, какъ и по другимъ указаніямъ, болѣе раннимъ, считалось всѣхъ слободскихъ раскольниковъ уже до 50 т. чел. ¹⁾

О численности зарубежныхъ Польскихъ раскольниковъ нѣтъ болѣе или менѣе точныхъ указаній оффиціального происхожденія; всѣ наши свѣдѣнія о нихъ въ этомъ отношеніи ограничиваются почти единственно случайными указаніями самихъ раскольниковъ, данными по разнымъ поводамъ русскимъ правительственнымъ властямъ. Но и эти случайныя указанія даютъ ясное понятіе о томъ, что зарубежныя раскольники значительно превосходили своею численностію малороссійскихъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ указаній. По словамъ обратившагося изъ раскола въ 1722 г. стародубца Ивана Бѣляева, всѣхъ раскольниковыхъ слободъ около Вѣтки было уже въ то время болѣе 20 съ значительнымъ числомъ дворовъ ²⁾. Въ 1732 г. Волоколамскій старецъ Антоній, жившій на Вѣткѣ около трехъ лѣтъ, показывалъ въ конторѣ раскольниковыхъ дѣлъ, что около Покровскаго монастыря на Вѣткѣ „жительствовавшихъ россійскаго народа раскольниковъ имѣется слободъ съ 20; да отъ онаго мѣста расположеніемъ верстъ въ 300 въ Воложской землѣ россійскаго же народа раскольниковъ многое же число, о которыхъ слышалъ онъ отъ вѣтковскихъ жителей“ ³⁾. Въ 1753 г., по донесенію полковника Панова, отправленнаго въ Польшу для сыска бѣглыхъ, ихъ было тамъ до милліона, и въ

¹⁾ Щекатовъ. Словарь географическій росс. Госуд. Ст. 1362. Лазаревскій: Опис. Старой Малорос. т. I, стр. 447—433. Ист. стат. опис. Черн. еп. кн. I, стр. 151.

²⁾ Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. IV, ст. 239. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Синод. т. I, ст. 588 в.

³⁾ Есповъ, Г. Раскол. дѣла XVIII ст. 1, 245.

⁴⁾ Соловьевъ. Ист. рос. XXIII, стр. 272—273.

томъ числѣ значительное число раскольниковъ⁴⁾. Въ 1757 г. зарубежный раскольникъ Алексѣй Рымарь, присланный вмѣстѣ съ другими съ Васильевского форпоста, показывалъ въ Киевской губернской канцеляріи, что за границей въ Рудницкой слободѣ до 200 дворовъ раскольниковъ, въ Разбойной до 70, въ Бушниковой до 200, въ Пенковѣ, въ которой Рымарь и самъ нѣкоторое время жилъ въ подданствѣ М. Мурахвы, державцы Подлевскаго, до 50 дв., въ Борской до 150, въ Медвѣжей Ушкѣ до 70, въ Потаповой до 20, въ Жуковской до 50, въ Манковой до 40, въ Ярошовой до 20, въ Хрепчеевой до 100, въ Матвѣевой до 15, въ Краснянской до 40, въ Макаровой до 40, въ Лѣшковцовкѣ до 20, Лютоновой до 30, Петрашевой до 30, въ Филиповой до 20, Сквировой до 15. О Каменной горкѣ, Гамарной, Мазогровкѣ и Озерицѣ заявилъ, что не знаетъ тамъ числа дворовъ. Въ Волощинѣ онъ же показалъ какъ на мѣста поселенія раскольниковъ—на Соколинцы, Рущоры, Лихоманову, Замостье, Ворону, Анбуровку, Кунишную и др. (Кіев. централ. архивъ. Св. дѣлъ о колонизаціи). Въ 1760 г. зарубежные раскольничьи монахи Θεодосій и Филаретъ сказкою, поданною гетману Разумовскому, а имъ представленною въ Сенатъ, показали, что „въ Польской сторонѣ близъ границы Россійской, подъ владѣніемъ старосты Гомельскаго князя Черторижскаго, имѣется населенныхъ великороссійскими людьми до 30 слободъ, въ которыхъ отъ 50 до 100 и болѣе дворовъ въ каждой слободѣ есть. Да подъ владѣніемъ подкомораго Киевскаго Халецкаго имѣется жъ слободъ зъ 20, въ томъ числѣ м. Вѣтка. Да и подъ владѣніемъ разныхъ многихъ Польскихъ шляхтичовъ въ княжествѣ Литовскомъ много населено слободъ одними великороссійскими людьми, и какъ они слышали, что только по рѣку Березу имѣется слободъ до 70, въ другихъ же мѣстахъ Польскихъ по всей великой Польши даже до границы турецкой, на Подольѣ и около Волощины, весьма многое число слободъ населено одними жъ великороссійскими людьми“ (Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод., стр. 211). Въ 1763 г. въ вѣрность св. Елисаветы къ капитану лейбъ-гвардіи князю Грузинскому приходили „отъ живущихъ въ Польшѣ бѣглыхъ россійскихъ раскольниковъ повѣренные 25 человекъ“ съ просьбой представить,

⁴⁾ Кіев. центр. архивъ. Св. дѣлъ о колонизаціи. Мат. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Старод. № 49, стр. 235—236.

куда надлежитъ, „о позволеніи поселиться имъ на степи между Дона, Терека, Кубани и другихъ рѣкъ“, и говорили, что ихъ „до 70 тысячъ дворовъ имѣется“¹⁾. Большою сравнительно точностію повидимому отличается „Реестръ, сочиненный въ волостной описныхъ государевыхъ раскольническихъ слободъ конторѣ, по развѣдыванію чрезъ проѣзжающихъ за границу въ Польскую область имѣющихъ торговой промыселъ оныхъ описныхъ слободъ обывателей, сколько именно въ Польшѣ и за какими владѣльцами живутъ въ подданствѣ оставшіе отъ высылки въ Россію бѣгле великороссійскіе люди, и въ какихъ слободахъ, сколько дворовъ осталось“... Реестръ этотъ составленъ вскорѣ послѣ второй Вѣтковской выгонки. Мы приведемъ цѣликомъ данныя этого „Реестра“, такъ какъ они представляютъ изъ себя новый документальный источникъ офіціального происхожденія и даютъ указаніе на мѣста зарубежныхъ раскольническихъ поселеній и число дворовъ въ нихъ. Вотъ эти данныя.

„*Староства Гомельскаго* въ нижеписанныхъ слободахъ: въ слоб. Огороднѣ 10 дв., въ Крущѣ 11, въ Жгунской Будѣ 15, Дубовомъ логѣ 10, Горьковичахъ старыхъ и новыхъ 10, Леонтьевой 6, Спасовой 30, Красной 12, Милчѣ 20, Марьиной 60.

„Во владѣніи шляхтича *Халецкаго*: въ слоб. Вѣткѣ 20, Тарасовкѣ 60, Косицкой 20, Романовой 30, Путеевкѣ и Сивенкѣ 30.

„Въ повѣтѣ *Рыччиномъ* во владѣніи шляхтича Огинскаго въ нижеписанныхъ четырехъ слободахъ живутъ все бѣгле жъ великороссійскіе люди, а *ходятъ въ платъ подъ видомъ малороссійскихъ мужиковъ*, какъ подданные польскіе: въ слоб. Горы—40, Осиповкѣ—25, Ракицкой—30, Загорьѣ 30.

„За шляхтичемъ *Свѣтловскимъ* въ слоб. Аѣшингѣ 30.

„Во владѣніи жъ вышеписаннаго шляхтича *Огинскаго*: въ сл. Покотой 43, Будищѣ 30, Фощни 15, Бѣляевкѣ 40, Яцковщинѣ 20, Избонищѣ 20, Салмановкѣ 15.

„Во владѣніи князя Радивила близъ г. Невля: въ слоб. Городищѣ 6, въ дер. Озеровкѣ 4.

„Въ повѣтѣ Бреславскомъ во владѣніи шляхтича *Ильзана*: въ д. Загорьевѣ 13, Молявкахъ 15, Коноваловшинѣ 10, Спускахъ 18, Евтеришкахъ 5, Питкукахъ 13, Черномордовой 5, Горущкѣ 6, Пустошкѣ 7, Глубошкѣ 5, Черневой 3, Кропишкахъ 7, Заскудѣ 12.

„Во владѣнніи оного жъ шляхтича *Ильяна* въ Лифляндіи: въ д. Вертоловѣ 25, Тестечковѣ 20, въ дер. Окрѣ надъ озеромъ Окрою въ уругѣ 100, въ д. Русколевѣ 8, Сварынцѣ 7, Ковалевоу 9, Лущахъ 6.

„*Бреславскаго* жъ повѣту во владѣнніи шляхтича *Платыря*: въ д. Пантелишкахъ 30 дв., Вышкахъ 40, Брентелишкахъ 20, Михаиловоу 20, Граверѣ 15, Рачинскоу 10, Кривинишкахъ, Кирицѣ 10.

„*Витебскаго* повѣту во владѣнніи шляхтича *Патоя*: въ д. Голедчинѣ 4, Подлазинкахъ 2, Сарылевоу 4.

„Во владѣнніи вышеписаннаго шляхтича *Оцинскаго*: въ д. Рыжей 20, Фокиноу 2, Даниловоу 10, Желудовоу 6, Писаревоу 8.

„Во владѣнніи шляхтича *Минкевича*: въ д. Дудвиноу 8, Вороновоу 4, Марковоу 7, Запрудиѣ 10.

„Итого во всѣхъ вышеписанныхъ слободахъ 1202 двора¹⁾).

Всѣ эти данныя даютъ однако далеко не полное понятіе о численности зарубежныхъ польскихъ раскольниковъ.

¹⁾ Киев. Центр. Архивъ. № 206. Пограпичная кн. кievскаго воеводства съ 1754 по 1775 г. лл. 246—247. Сверху перваго листа замѣчено: «Копія съ копій»; а въ концѣ его: «Подлинное подписано такъ: Бурмистръ Алексѣй Хрущовъ. Съ подлиннымъ свидѣтельствомъ секретарь Василій Чернявскій. Съ подлиннымъ читаль канцеляристъ Федоръ Анисимовъ....»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первые организаторы раскола въ Стародубѣ и на Вѣткѣ.

Первыми духовными организаторами раскола въ Стародубѣ и на Вѣткѣ, по свидѣтельству „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“ Ивана Алексѣева, были уже извѣстные намъ попы: московскій попу Кузьма, имѣвшій свой приходъ при церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, и нѣсколько позже его пришедшій въ Стародубе попу Стефанъ изъ Бѣлева. Первый, по тому же свидѣтельству, поселился въ извѣстной уже намъ Понуровкѣ, второй—сначала въ Замышевѣ, а потомъ перешелъ въ заселенную его сыномъ Дмитріемъ Степановымъ слободу Митьковку, названную такъ будто бы по его имени. О времени ихъ прихода и поселенія въ Стародубѣ мы уже говорили и пришли къ тому заключенію, что они не были въ этомъ краѣ первыми поселенцами изъ раскольниковъ, и что могли появиться здѣсь не раньше конца семидесятыхъ годовъ XVII в., т. е. приблизительно спустя 8—10 лѣтъ послѣ первоначальнаго поселенія раскольниковъ въ этомъ краѣ, такъ какъ это послѣднее и по другимъ источникамъ, кромѣ „Исторіи“ Алексѣева, приурочивается непосредственно ко времени послѣ московскаго собора 1666—1667 г. Возможно, стало быть, что и раньше ихъ появленія могли быть здѣсь раскольниковы попы или чернецы, но о нихъ мы не имѣемъ пока никакихъ свѣдѣній. Поэтому и первыми насадителями раскола въ Стародубѣ, о которыхъ впрочемъ сохранилось очень мало извѣстій, нужно считать двухъ вышеупомянутыхъ поповъ, дѣйствовавшихъ сначала въ Стародубѣ, а потомъ на Вѣткѣ.

О попу Кузьмѣ извѣстно, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ и авторитетомъ какъ среди мѣстныхъ стародубскихъ и вѣтковскихъ раскольниковъ, такъ и среди вообще всѣхъ при-

верженцевъ древняго русскаго благочестія. О немъ говорили вездѣ, какъ о „святителѣ“; переселеніе его въ отдаленную въ то время окраину Московскаго государства представлялось великимъ подвигомъ и вызывало естественное соображеніе у всѣхъ ревнителей старообрядства, что „не для чего больше, какъ старой вѣры ради онъ такъ далеко странствуетъ“, и что „древнее благочестіе удобнѣе содержать при немъ“. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго и въ томъ, что къ нему стали приходять скоро толпы простаго народа отовсюду, гдѣ преслѣдовали за древнее благочестіе и его внѣшнія формы¹⁾. И это отношеніе массы къ мнимому раскольниковъ „святителю“ совершенно понятно: Кузьма былъ священникъ стараго крещенія и посвященія, такъ высоко цѣнимыхъ старообрядцами на первыхъ порахъ, открыто говорившій за старую вѣру, самымъ дѣломъ слѣдовавшій ей, желавшій во всемъ сохранить ее, безъ всякихъ Никоновскихъ „новоперемѣнъ“. Все это не могло не привлекать массы ревнителей церковной старины къ такому представителю старой вѣры, вышедшему вдобавокъ изъ Москвы, считавшейся до введенія Никоновскихъ новшествъ представительницей истиннаго благочестія и возведенной даже въ народномъ сознаніи на степень третьяго Рима. Интересно, что въ попѣ Кузьмѣ чтили именно священника-москвича, представителя того духовнаго центра православнаго русскаго населенія, которое всегда чтило и уважало церковный авторитетъ и духовную іерархію, которое и на новомъ мѣстѣ поселенія желало во всемъ устроиться относительно внѣшней церковности по московскому обычаю. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи отзывъ о попѣ Кузьмѣ стародубскаго раскольниковъ историка: „Козма іерей баше сынъ нѣкоего утѣшенія и человекъ баше свободныя мысли, града Москвы, изволи на позываніе народа къ службѣ приобрѣсти колокола и устави звонъ“²⁾.

Далеко не такимъ сыномъ утѣшенія и человекомъ свободной мысли представляется тѣмъ же стародубскимъ историкомъ другой духовный пришелецъ—священникъ Стефанъ изъ Бѣлева. „Стефанъ же попъ баше прикрутъ и твердъ вѣрою, памятуячи рос-

¹⁾ Журавлевъ, А., протоіерей. Полн. ист. изв. изд. 2. Спб. 1795. Ч. I. Стр. 85.

²⁾ Тихонравовъ, Н. С. Лѣтоп. рус. лѣт. IV. Смѣсь. Ист. о бѣгств. свящ. стр. 58.

сійское себѣ гоненіе, любя подѣ нѣкимъ спудомъ жити и въ невѣдомствѣ. Тѣмъ и зѣло сваряшеса въ ономъ звонѣ на Козму попа, глаголя: мы (рече) не славится сѣмо забѣгохомъ, но отъ новинъ и гоненій укрытиса, и въ тайныхъ сокровищахъ сихъ цѣло и непорочно соблюсти древнее, а онъ гласъ издаеть, чтобы призвати на ся шаки гоненіе“. Вопросъ о звонѣ по Алексѣву есть единственный пунктъ разногласія между Кузьмой и Стефаномъ, на которомъ они расходились и сварились „якоже и Козма иногда съ Даміаномъ о яйцѣ“; въ то же время онъ признаеть, что это разногласіе не доходило до раздѣленія между ними, и что „обои быша небеснаго званія, а не раздорницы св. церкви“. Врядъ ли однакоже справедливо это послѣднее утвержденіе стародубскаго историка, какъ можно догадываться и изъ нѣкоторыхъ послѣдующихъ замѣчаній, дѣлаемыхъ имъ же самимъ по поводу ихъ взаимныхъ отношеній. Правда, тотъ и другой по Алексѣву признавали необходимымъ перекрещиваніе для тѣхъ, кто оставлялъ никоніанство и приступалъ въ „старой вѣрѣ“; тотъ и другой учили своихъ духовныхъ дѣтей блюстися новинъ и опасно соблюдать древнія церкви преданія ¹⁾

¹⁾ По вопросу о перекрещиваніи протоіерей Андрей Іоан. Журавлевъ нѣсколько дополняетъ свидѣтельство Ив. Алексѣева относительно попа Кузьмы. По его словамъ, попъ Кузьма приходившихъ въ расколъ отъ никоніанства принималъ слѣд, образомъ: кто послѣ Никона патріарха родился и крещенъ по новоясравленнымъ книгамъ, тѣхъ вторично крестилъ, а которые старое крещеніе имѣли, т. е. до-никоновское, тѣхъ только муромъ мазалъ, о которомъ увѣрялъ, что и оно стараго освященія. По его же словамъ, попъ Кузьма *первымъ* началъ «растлѣвать тайну крещенія повтореніемъ». Ibid. Ч. I, стр. 85. Относительно послѣдняго замѣчанія слѣдуетъ замѣтить, что врядъ ли справедливо попу Кузьмѣ приписывать инициативу перекрещиванія. Есть старообрядческое извѣстіе о соборѣ въ Москвѣ (1654 г.) по поводу споровъ о крещеніи и перекрещиваніи Никоніанъ, на которомъ между прочимъ участвовалъ Досіеѣй, потомъ игуменъ Никольскаго Бесѣднаго монастыря, близъ Тихвина, приблизительно съ 1662 г. по 1667 г. Указаніе на этотъ соборъ въ Житіи инока Корнилія, бѣжавшаго вмѣстѣ съ Досіеѣемъ послѣ 1667 г. на Донъ, — ркн. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 141, л. 167 об. Г. Дружининъ въ своемъ изслѣд. «Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.» (Спб. 1889 г., стр. 74, примѣч. 35) не безъ основанія предполагаетъ, что въ Житіи Корнилія заимствовалъ свѣдѣнія объ этомъ соборѣ авторъ сказанія «О страданіяхъ и кончинѣ Павла Коломенскаго», но перенесъ мѣсто собора въ Курженскую обитель,

Вмѣстѣ съ тѣмъ къ тому и другому Алексѣевъ относить и то, что они новорукоположенныхъ іереевъ какъ сами не принимали, такъ и заповѣдывали „всѣмъ по нимъ наставшимъ не пріймати таковыхъ“; но въ особенности этотъ послѣдній пунктъ ихъ ученія онъ приписываетъ попу Стефану, который, по его словамъ, и при смерти своей болѣе всего поучалъ своихъ „духовныхъ дѣтей“ о томъ, „да всячески отъ новаго рукоположенія сохранять себе, и да изволятъ тако умерети, нежели отъ тѣхъ коего дѣйства пріятниками быти“... Ничего подобнаго этотъ раскольничій стародубскій историкъ не говоритъ въ частности о попѣ Кузьмѣ, кромѣ общаго сдѣланнаго имъ по этому поводу замѣчанія, что такъ учили вмѣстѣ съ Кузьмой и Стефаномъ и другіе раскольничьи іереи,—Іовъ, Досиѣей и Іоасафъ. Передавая

близъ Повѣнца. Это послѣднее обстоятельство дало основаніе преосв. Макарію (Ист. рус. раск., стр. 250, примѣч. 447) опровергать существованіе этого собора указаніемъ на хронологическую невозможность присутствія на соборѣ упоминаемыхъ въ сказаніи лицъ. Послѣдніе и не упоминаются въ Житіи Корнилія. Принимая же указаніе Житія новаго Корнилія можно полагать, что перекрещиваніе утвердилось въ старообрядческой практикѣ значительно раньше старообрядческой дѣятельности въ Стародубѣ попа Кузьмы. Уже по выраженію собора 1666 г. противники книжнаго исправленія проповѣдывали, что церкви осквернены скверною антихристовою, а отъ антихриста крещеніе не можетъ быть пріято. О соборѣ противниковъ никоновскаго исправленія въ Москвѣ, а не въ Курженской обители, см. интересную статью проф. Н. И. Ивановскаго въ Правосл. Собесѣд. за 1882 г., въ февр. книжкѣ, подъ заглавіемъ: «Измышл. старообрядч. соборъ. Разборъ раскол. рукописи». Стр. 167—193. Ср. въ старообрядческомъ рукописномъ сборникѣ Высокопреосв. Макарія, повѣйшаго письма, хранящ. теперь въ бібліотекѣ Кіев. Дух. Акад. (Аа, 124), статью: «Требующимъ доказательства отъ кого и съ конхъ временъ пріаща благословеніе простые и нерукоположенные, по паденіи отъ лѣтъ Никона патріарха, новокрещенныхъ покрещевати и на покаянiе пріимати».... лл. 131—138. И здѣсь старообрядческой соборъ о перекрещиваніи Никоніанъ приурочивается къ Курженской (въ подлинникѣ—Куржерской) обители, а еп. Павелъ Коломенскій является его предсѣдателемъ: «первый предсѣдательствуя свящ. епископъ Павелъ Коломенскій изустнымъ своимъ приказаніемъ и заповѣданіемъ Досиѣею вышепомановенному игумену, своеручною ему данною грамотою, на соборъ принесенною, въ ней же и анаѣемы на новоявившіися никоніаствы (!) и на ихъ новыя не богоугодныя догматы положены суть вѣчныя клятвы»...

дальше рассказъ объ обстоятельствахъ рукоположенія послѣдняго Тверскимъ архіереемъ, неизвѣстнымъ ему по имени, о странствованіяхъ Іоасафа по разнымъ тогдашнимъ старообрядческимъ иритонамъ и приходѣ въ раскольничью слободу Вылевъ (въ нынѣшней Могилевской губерніи), Алексѣевъ замѣчаетъ, что сторонники попа Стефана не признавали истиннымъ іерейское рукоположеніе Іоасафа. Именно онъ говоритъ, что послѣдніе „ругательно его поношаху и злословяху“, потому что онъ хотя и былъ рукоположенъ Тверскимъ архіереемъ, имѣвшимъ „крещеніе и рукоположеніе староцерковнаго преданія“, но уже такимъ, который совершалъ служеніе по новымъ книгамъ¹⁾. Не такъ повидимому относились къ Іоасафу сторонники и почитатели попа Кузьмы, его духовные дѣти. Если первые считали Іоасафа недостойнымъ пріятія отъ истинныхъ христіанъ, каковыми они мнили себя, то вторые, не смотря на то, что онъ рукоположенъ былъ архіереемъ—отступникомъ отъ старой истинной вѣры, позволили тому же Іоасафу даже совершить обрядъ погребенія надъ своимъ духовнымъ отцомъ, какъ передаетъ самъ Иванъ Алексѣевъ, на основаніи дошедшаго до него сказанія²⁾.

¹⁾ Кто былъ Тверской архіерей, рукоположившій Іоасафа по старому Чиновнику, сказать трудно, за недостаткомъ у Алексѣева опредѣленныхъ указаній. Во время патріарховъ Іосифа и Никона тверскими архіепископами были слѣд. лица: 1) Іона, хиритонисованный 24 декабря 1642 г., изъ игуменовъ Московскаго Богоявленскаго монастыря, по 1654 г.; 2) Лаврентій, хиротон. 16 апрѣля 1654 г., а 26-го іюля 1657 г. переведенный въ Казань; 3) Іоасафъ, хиритон. въ августъ 1657 г., умеръ въ 1676 г. Строевъ, П. М. Списки іерарховъ. Сиб. 1877 г. стр. 443.

²⁾ Лѣтоп. рус. лит. стр. 60. Подобная двойственность отношеній къ новопоставленнымъ священникамъ замѣчается и у первыхъ главнѣйшихъ расколоучителей, сознававшихъ трудность грознаго для нихъ вопроса объ іерархін, вслѣдствіе оскудѣнія, а затѣмъ и окончательнаго прекращенія дониконовскаго священства. Въ сочиненіяхъ ихъ находится нѣсколько отрывочныхъ, не вполне опредѣленныхъ и между собою несогласныхъ указаній на то, какъ быть вслѣдствіе оскудѣнія священства. Указанія эти встрѣчаются впрочемъ лишь у двухъ писателей—Аввакума и Θεодора. Послѣдній, отличавшійся наибольшою послѣдовательностію, сравнительно съ другими, совершенно отвергалъ значеніе хиротоніи послѣ Никона. Аввакумъ высказываетъ ту основную мысль, что безъ ценовъ міру бысть нельзя (въ посл. къ неиз-

Вотъ почему мы находимъ возможнымъ утверждать, что попъ Кузьма, этотъ „сынъ нѣкоего утѣшенія и человѣкъ свободныя мысли града Москвы“, какъ характеризуетъ его самъ Алексѣевъ, былъ менѣе строгъ и разборчивъ въ приѣмѣ новорукположенныхъ іереевъ, чѣмъ Стефанъ, и принадлежалъ въ этомъ случаѣ къ тѣмъ ревнителямъ церковной старины и староперковнаго преданія, которые не отвергли бы священниковъ, поставляемыхъ высшею законною церковною властію, если бы ихъ оставили при старопечатныхъ книгахъ и старинныхъ церковныхъ обрядахъ. Это соображеніе отчасти подтверждается и тѣмъ, что съ именемъ попа Стефана православнымъ обличителямъ раскола прошлаго вѣка, напр. Теофилакту Лопатинскому, автору Обличенія неправды раскольнической, былъ извѣстенъ даже особый раскольничій толкъ—*Степановщина*, быть можетъ несовсѣмъ точно и правильно только названный особымъ толкомъ. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что Иванъ Алексѣевъ, какъ безпоповецъ, написалъ свою „Исторію бѣгствующемъ священствѣ“ съ тенденціозною цѣлію—доказать незаконность

вѣстному по Хлудов. сп., см. «Мат. для ист. раск.», т. V, стр. 221 въ примѣч.), и указываетъ двойкій выходъ изъ затруднительнаго положенія. Съ одной стороны онъ усвоитъ право лицу несвященному на совершеніе и преподаваніе нѣкоторыхъ таинствъ, и въ этомъ случаѣ идетъ по слѣдамъ перваго бывшаго въ Москвѣ раскольническаго собора, о которомъ разсказывается въ Житіи Корнилія. Этимъ соборомъ было узаконено «никоніанское крещеніе за истинное не вѣнчать» и «если не случится іерея прежняго посвященія, то по нуждѣ дозволить совершеніе обряда крещенія простолюдину» (на основаніи наставленій св. Никифора патріарха, Иринея, бл. Августина и Номоканона). Аввакумъ пошелъ и далѣе въ этомъ направленіи. Онъ усвоилъ даже право простолюдину и на совершеніе покаянія (Кн. всѣмъ горемыкамъ мленькимъ. Мат. V, стр. 233—235, 237) и причащенія «истиннымъ запасомъ», давая при этомъ подробныя, какъ это слѣдуетъ, наставленія (Жит. Ibid. стр. 39 и посл. горемык. стр. 234). Наставленіе о причащеніи мало устраняло предстоящее затрудненіе, такъ какъ самый запасный агнецъ возможенъ только при существованіи священства. Съ другой стороны, въ сочиненіяхъ Аввакума встрѣчается мысль о возможности прибѣгать къ попамъ новаго рукоположенія, если бы кто изъ таковыхъ полюбилъ старину. «Гдѣ есть цѣнне внутри алтаря и на клиросахъ, писалъ онъ, а попъ новопоставленъ, о семъ посудить. Аще попъ онъ проклинаятъ никоніанскую

ность бѣгствующаго іерейства самой исторіей первыхъ отцовъ этого старообрядческаго іерейства, почему и выставилъ какъ общее положеніе, какъ общій и якобы единодушный завѣтъ первыхъ раскольниковъ отцовъ въ Стародубѣ всѣмъ наставшимъ по нимъ то, чтобы они всячески сохраняли и оберегали себя „отъ новаго рукоположенія“. Между тѣмъ у мѣстныхъ поповцевъ, по словамъ того же историка, на частое вопрошеніе безпоповцевъ о бѣгствующемъ священствѣ: „почему оно введено и по какой силѣ дѣйствуетъ“? всегда былъ одинъ отвѣтъ: „отцы наши, первѣйшіе іереи, сіе ввели и благословили, и тѣхъ благословіемъ дѣйствуемъ“¹⁾. Къ числу этихъ—то „первѣйшихъ іереевъ“ и нужно, какъ намъ кажется, прежде всего отнести попа Кузьму, положившаго начало бѣглопоповщинѣ и надолго упрочившаго своимъ авторитетомъ поповщину, съ бѣглыми попами во главѣ, въ стародубскихъ и вѣтковскихъ предѣлахъ.

Какъ бы тамъ ни было, но эти „первѣйшіе іереи“, Кузьма и Стефанъ, были начальными духовными вождями поселившихся въ Стародубѣ раскольниковъ, на первыхъ порахъ весьма еще немногочисленныхъ, и отправляли для нихъ разныя церковныя требы. Естественно, что попъ Кузьма, какъ Понуровскій поселенецъ, завѣдывалъ понуровскими и въ сосѣдствѣ съ Понуровкой жившими раскольниками, а попъ Стефанъ, поселившись на самой въ то время границѣ съ Польшей въ Замишевѣ, исправлялъ церковныя нужды Замишевскихъ и сосѣднихъ съ ними Митьковскихъ, Синаго и Бѣлаго Колодязей раскольниковъ. Они же, по словамъ Алексѣева, въ простыхъ избахъ отправляли общественное богослуженіе, кромѣ литургіи, для совершенія которой необходимы церкви, престолъ и антиминсъ, которыхъ у

ересь и службу ихъ, и всею крѣпостію любить старину, по нуждѣ настоящаго времени, да будетъ попъ, и къ тѣмъ церквямъ приходи». (См. ст. объ Аввакумѣ въ Брат. слов. 1875 г., кн. 4, стр. 303; авторъ ея пользовался сборн. Аввакумовыхъ сочиненій А. И. Хлудова, № 237. Ср. Мат. V, подстроч. примѣч., стр. 221). Такимъ образомъ Аввакумъ обращалъ свои взоры и на священниковъ послѣ Никона поставленныхъ. Дьяконъ Ѳедоръ былъ радикальнѣе Аввакума въ данномъ случаѣ: онъ рѣшительно отвергалъ возможность обращаться къ попамъ новаго посвященія, хотя бы они и по старинѣ служили. Мат. VI, стр. 63—64, 74—75.

¹⁾ Ibidem, стр. 53.

нихъ не было. Понятно, что какъ частное, такъ и общественное богослуженіе отправлялось ими по неисправленнымъ письменнымъ и старопечатнымъ книгамъ и по тому же уставу, какъ и въ православной церкви, за исключеніемъ второкрещенія, этого старообрядческаго новшества, бывшаго дѣйствительнымъ отступленіемъ отъ староцерковнаго преданія русской православной церкви ¹⁾.

Дѣятельность первыхъ стародубскихъ расколуучителей—поповъ, Кузьмы и Стефана, относится въ одинаковой мѣрѣ какъ къ Стародубью, такъ и къ возвысившейся на счетъ Стародубья Вѣтѣ, столь извѣстной въ исторіи поповщинскаго раскола. О стародубской собственно дѣятельности этихъ расколуучителей, весьма впрочемъ непродолжительной, пока въ нашей исторической литературѣ по расколу не обращается никакихъ иныхъ свѣдѣній, кромѣ сообщаемыхъ Иваномъ Алексѣевымъ, вдобавокъ не весьма опредѣленныхъ и точныхъ. Всѣ сообщаемыя имъ свѣдѣнія въ этомъ отношеніи сводятся только къ двумъ фактамъ: къ факту поселенія ихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Стародубья и къ факту удаленія ихъ изъ послѣдняго, при миссіонерскомъ преслѣдованіи мѣстныхъ раскольниковъ со стороны стародубскаго полковника Семена Ивановича Самойловича. Сохранившаяся переписка по поводу послѣдняго факта, хотя и далеко не въ полномъ видѣ, съ одной стороны—между польскимъ шляхтичемъ Халецкимъ и стародубскимъ полковникомъ Самойловичемъ, съ другой—между сыномъ-полковникомъ и отцомъ-гетманомъ, по поводу преслѣдованія первымъ раскольниковъ въ Стародубѣ, инструкція послѣдняго отправляемому имъ въ Москву старшему войсковому канцеляристу Василью Кочубею по разнымъ пограничнымъ дѣламъ, касающаяся между прочимъ и поселенія раскольниковъ въ Стародубѣ и сосѣдней Литвѣ, писанная въ началѣ января 1685 года, а также и сохранившійся весьма интересный процессъ изъ конца XVII и начала XVIII в. по дѣлу о наследствѣ раскольника—москвича Никиты Михайлова Шелковникова (онъ же назывался и Чугуевцемъ по мѣсту первоначальнаго своего поселенія) даютъ намъ нѣсколько новыхъ данныхъ какъ о дѣятельности этихъ первыхъ стародубскихъ расколуучителей, такъ

¹⁾ Русская церковь до п. Филарета не имѣла даже правила о вторичномъ крещеніи католиковъ, переходящихъ въ православную церковь, и только уже послѣ смерти Дмитрія Самозванца сталъ практиковаться въ ней обрядъ перекрещиванія.

и вообще о положеніи раскола въ стародубскомъ краѣ за первое время его существованія здѣсь. Къ сожалѣнію, письма Халецкаго и полковника-гетманича къ отцу—гетману о своемъ преслѣдованіи раскольниковъ, а также и гетманская инструкция Василью Кочубею сохранились не въ подлинникахъ и не въ точныхъ копіяхъ съ подлинниковъ, а въ необстоятельныхъ переводахъ съ нихъ моосковскихъ подъячихъ, какъ видно не вполне понимавшихъ тогдашній письменный малороссійскій языкъ. Лучше сохранился интересный какъ въ юридическомъ, такъ особенно въ бытовомъ отношеніи процессъ о наслѣдствѣ Шелковникова, большею частію въ подлинныхъ актахъ. Первые документы хранятся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи въ столбцахъ Малороссійскаго Приказа, № 5901, а процессъ Шелковникова въ Московскомъ же Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Наиболѣе важныя и характерныя изъ этихъ документовъ напечатаны нами въ „Матеріалахъ для начальной исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ“. На основаніи новыхъ данныхъ, заключающихся въ указанныхъ документахъ, положеніе раскола въ Стародубѣ, подъ духовнымъ руководствомъ поповъ Кузьмы и Стефана, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Первый изъ указанныхъ документовъ, письмо къ стародубскому полковнику Самойловичу польскаго шляхтича Казимира Халецкаго, старосты Мозырскаго и Ливскаго, отъ 9-го августа 1684 г., по поводу обидъ, причиненныхъ въ Стародубѣ порубежнымъ его подданнымъ, великороссійскамъ людямъ, даетъ намъ нѣкоторыя указанія о тѣхъ пограничныхъ столкновеніяхъ, которыя происходили при первоначальномъ поселеніи раскольниковъ за польскимъ рубежомъ и въ сѣверной Малороссіи между польскими и малороссійскими державцами. Въ письмѣ Халецкаго эти отношенія характеризуются такъ: „По истиннѣ скоро какъ вижу не токмо чрезъ листъ, но и чрезъ слугу моего Пузовскаго объявленное вашей милости обѣщаніе обмануло, что подданнымъ моимъ, паче же порубежнымъ, безъ всякой помѣшви, ото всякаго спокойно и безопасно въ тамошнемъ краю жить было, какъ и у насъ люди сѣверскіе и украинскіе бываютъ. А нынѣ инако дѣлается, когда не токмо Москву на слободахъ живущую безъ вины отягчаютъ, но и дѣдичныхъ подданныхъ халчанскихъ непріятельскимъ утѣсняють способомъ. Дошло до меня въ обозѣ челобите отъ мѣщанъ халчанскихъ

на нѣкова Брачинскаго, которой, незнаемо по какому домыслу, не токмо сусѣдкаго не соблюдая покою, но, сверхъ того, поставленные межъ пресвѣтлѣйшими монархами нашими ни во что вмѣняя договоры, дерзнулъ подданныхъ моихъ, по добровольной дорогѣ возвращающихся съ сѣзду стародубскаго праздничного, перенимая бить немилосердо и драть и въ тюрьму сажать, что есть ли пристойно, твоему подаю разсужденію“... Въ особой припискѣ къ письму, прося стародубскаго полковника, какъ брата, жигъ съ нимъ по-дружески, Халецкій высказывается такъ: „Пусть насъ не рознить въ доброй дружбѣ та Москва, которая знатно ничего зла не учинивъ на Москвѣ, перешла къ намъ; понеже и договоры межъ пресвѣтлѣйшими монархами не запрешаютъ людямъ переходити жить за рубежомъ... О семь и десятирицею молю, чтобы лошади пограбленные московскіе отданы были; а я, за прибытьемъ моимъ, готовъ прислужитися твоей милости гнѣздомъ собакамъ борыхъ презрядныхъ“. Существеннымъ дополненіемъ и уясненіемъ смысла этого письма служить дальнѣйшая переписка о тѣхъ же раскольникахъ между сыномъ-полковникомъ и отцомъ-гетманомъ и инструкція послѣдняго Василію Кочубею.

2-го сентября 1684 г. полковникъ-гетманичъ писалъ отцу-гетману, что онъ по его „явственной волѣ и указу“ какъ прежде того, такъ въ особенности въ послѣднее время присматривался къ поселившимся въ его полку „вѣры провлятой капитонской москалямъ“, а наконецъ ихъ „и добрѣ притиснулъ, не токмо заключеніемъ, но и знатнымъ наказаніемъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ полковникъ писалъ, что капитоны-москали поселились и въ „пустыни“ укоренились „поганымъ своимъ гнѣздомъ“ раньше его полковничества, а также и то, что „нѣкоторые“ изъ простыхъ малороссіянъ также явились послѣдователями „вѣры капитонской“¹⁾. Замѣчательно, что стародубскій полковникъ бо-

¹⁾ *Капитонами* раскольники назывались по имени монаха Капитона Колесникова, насаждавшаго и распространявшаго расколъ «въ предѣлахъ Костромскихъ и Вязниковскихъ». Потомъ это названіе сдѣлалось ругательнымъ и прилагалось ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, образъ дѣйствій которыхъ не нравился и которымъ посильнѣе нужно было выставить свое неудовольствіе. Особенно этотъ ругательный терминъ распространенъ былъ въ средѣ духовенства и употреблялся наравнѣ съ другими «неподобными словами», наприм. наравнѣ съ браннымъ

лѣе выдвигаетъ и выставляетъ на видъ при своемъ преслѣдованіи капитоновъ не религіозный мотивъ, на который, какъ мы уже видѣли выше, указываетъ исключительно Алексѣевъ, а другой болѣе реальный и жизненный, коренившійся въ отношеніяхъ новопоселившихся раскольниковъ къ владѣльцамъ земель, съ согласія которыхъ они здѣсь поселились и крупнымъ представителемъ которыхъ былъ самъ стародубскій полковникъ. Оказывается, что около этого времени поселившіеся въ Стародубь раскольники начали убѣгать въ лядскую сторону и селиться въ Халетчинѣ возлѣ самой границы, или иными словами—на Вѣткѣ, во владѣніяхъ Халецкаго и другихъ тамошнихъ представителей польской шляхты. Въ виду этого полковникъ, „по примѣтнымъ мѣстамъ, заставамъ своимъ, прилежно приказалъ стеречь, оберегая, дабы ни одинъ человекъ отъ тѣхъ проклятыхъ оттуду сюды не былъ пропущенъ, наипаче такový, чтобъ пойманъ и задержанъ былъ, для того, что безпрестанно оттуду сюды подѣзжая будто для исправленія какова нарочнаго дѣла..., нашихъ уже подговариваютъ къ себѣ людей и тайно выводятъ“. Въ инструкціи самага гетмана старшему канцеляристу Василью Кочубею, отъ 12-го января 1685 г., по

названіемъ «ворами», «еретиками», «жидами», «католиками», «люто-рами» и т. под. Такими «неподобными словами» и между прочимъ «Капитонами» называлъ съ пьяна Вяземскаго Предтечева монастыря архим. Θεодосій не нравившихся ему монаховъ, какъ видно изъ «суднаго дѣла о безчинствахъ и неистовствахъ В. П. М. архим. Θεодосія» (1686—1689 гг.). См. Собр. реч. Вѣлдева, А. Е. Викторова.—Н. Н. Оглоблинъ: Вязем. архим. Θεодосій. Ист. Вѣстн. июль, 1887 г., стр. 91—121. Подробности о мовахъ Капитонѣ см. въ «Ист. раскола» Макарія, изд. 2, стр. 265—268. Свѣдѣнія о немъ тамъ извлечены изъ III посл. Игнатія, митроп. Тобольскаго, посланія котораго изд. въ Прав. Соб. Казань, 1857 г. См. гл. 15—17, стр. 96—100. Игнатій былъ современникомъ Капитона, и кромѣ того въ 1687 г., будучи еще Новоспасскимъ архимандритомъ, былъ отправленъ и. Іоакимомъ въ Костромскій и Кинешемскій уѣзды, гдѣ дѣйствовалъ Капитонъ, для увѣщанія раскольниковъ, и написалъ «историч. извѣстіе» объ этомъ путешествіи. Евгеній, Слов. ист. о писат. дух. чина. I, 195. Ср. о Капитонѣ ст. протоіерея Діева въ Яросл. Губ. Вѣдом. 1890 г. №№ 11—12. Ст. сообщена А. А. Титовымъ. Извѣстность Капитона повидимому началась еще въ началѣ 50-хъ годовъ XVII в. Въ архивѣ Ипатьевскаго монастыря сохранилась интересная грамота царя Алексѣя Михайло-

вопросу главнымъ образомъ о разграниченіи сѣверной Малороссіи съ Польшею рѣкою Сожемъ и о поселившихся при границѣ русскихъ раскольникахъ, о послѣднихъ говорится: „А что и подданные въ тѣхъ селцахъ обрѣтаются..., по большей части межъ ими таковы, которые съ ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества державы поушли, а еще капитонскою ересью повреждены, откуда и сюды въ города и села регименту нашего приходятъ они тайно, простыхъ людей общихъ прельщаютъ, которымъ тамошняя шляхта для подданской должности была рада и имѣла ихъ въ своей оборонѣ..., которыхъ капитоновъ въ тѣ прошлыя времена велѣли мы беречь и задерживать“.

Изъ этой переписки ясно только то, что раскольники поселились и укоренились въ стародубскихъ предѣлахъ раньше полковничества С. И. Самойловича, что здѣсь у нихъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ ихъ поселенія, наприм. въ Поморьѣ, на Дону, въ Поволжьи и пр., были свои пустыни, служившія вездѣ духовными центрами и могучими средствами распространенія раскола, что расколъ проникалъ и въ среду простыхъ посполитыхъ малороссіянъ, и что наконецъ „по явственной волѣ и указу“ самаго гетмана раскольники подверглись со стороны стародубскаго полковника „не токмо заключенію, но и знатному наказанію“. Но совершенно не ясно, было ли это гоненіе, о которомъ упоминаетъ и Иванъ Алексѣевъ и о которомъ мы теперь имѣемъ свидѣтельство въ лицѣ самаго виновника его,—производимо по настоянію московскаго правительства, или же оно было личнымъ дѣломъ гетмана и его сына полковника. Какъ листъ сына, такъ и инструкция гетмана-отца канцеляристу Ва-

вича архимандриту Ипатъевск. монастыря Герману съ братією, отъ 31-го октября 1651 г., въ которой сказано, что послана царская грамота на Кострому къ воеводѣ къ Юрію Аксакову..., велѣно въ Костромскомъ уѣздѣ на рѣкѣ на Шачѣ *взять съ кельяхъ старца Капитона старцевъ и міскихъ людей робятъ*, которые въ тѣхъ кельяхъ живутъ, а быть имъ до нашего указа у васъ въ Ипаткомъ и Богоявленскомъ монастыряхъ подъ началомъ... И вы бы взявъ ихъ велѣли держать въ монастырѣ подъ крѣпкимъ началомъ и въ черной работѣ, а съ монастыря ихъ никуда не спускать... и беречь на крѣпко, чтобы не ушли.... Содерж. ркн., хранящ. въ арх. Ипатъев. монастыря. Члена Костром. арх. ком. И. В. Миловидова. В. I. Кострома-1687. Стр. 58.

силью Кочубею рѣшительно не даютъ никакого основанія для того или другаго заключенія. Въ особенности гетманская инструкция въ той своей части, въ которой рѣчь идетъ о раскольникахъ, очень кратка и написана съ большою дипломатическою ловкостію и казуистическою изворотливостію; изъ ней видно только то, что число раскольниковъ въ Стародубѣ было и крайне незначительно, и они явились здѣсь какъ бы случайно, и что случайно сюда являвшихся раскольниковъ берегли и задерживали. Эта казуистическая изворотливость гетмана могла прикрывать и личные владѣльческіе интересы и усыплять настойчивость московскаго правительства, энергично боровшагося въ то время съ расколомъ, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ могла прикрывать и благонамѣренность гетмана по отношенію къ московскому правительству въ данномъ случаѣ. Нельзя повидимому сомнѣваться въ томъ, что Самойловичи, отецъ и сынъ, были сильно заинтересованы въ поселеніи раскольниковъ, подобно той польской шляхтѣ, которая, по словамъ инструкціи гетмана, была рада имъ „для подданнической должности“. Этимъ же соображеніемъ отчасти можно объяснить и ту особенную настойчивость, которую обнаружилъ гетманъ предъ московскимъ правительствомъ о присоединеніи посожскихъ селъ и деревень къ стародубскому полку, хотя у него на то были и другія, болѣе резонныя историко-политическія основанія, какъ видно и изъ той же самой инструкціи въ цѣломъ ея составѣ.

Гораздо яснѣе представляется положеніе раскола и его послѣдователей въ Стародубѣ, въ періодъ времени отъ первоначальнаго ихъ здѣсь поселенія до миссіонерскаго преслѣдованія полковника Самойловича, въ другомъ близкомъ къ тому времени свидѣтельствѣ, именно въ „Распросныхъ рѣчахъ предъ судомъ войсковымъ генеральнымъ о Никитѣ капитонѣ, увезенномъ въ дѣтствѣ изъ Москвы“. Эти „Распросныя рѣчи“ помѣчены 1-мъ сентября 1700 г. и хранятся теперь въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ числѣ малороссійскихъ подлинныхъ актовъ. Въ качествѣ свидѣтелей къ этому дѣлу привлечены были почти всѣ тогдашніе стародубскіе старожилы, хорошо знакомые съ положеніемъ мѣстныхъ дѣлъ, въ томъ числѣ бывшій не разъ стародубскимъ полковникомъ, начиная съ 1676 г., Тимошей Алексѣевъ, Спиридонъ Яковлевичъ Ширай, тогдашній стародубскій войтъ, занимавшій этотъ урядъ около 30 лѣтъ, съ

1681 г. по 1708 г. Всѣ они, между прочимъ, подтвердили, что „о церковномъ раздорѣ“, какъ здѣсь называется расколъ, „повелѣно было“, во время полковничества С. И. Самойловича, „испытанные и рассмотрѣніе въ городахъ Малороссійскихъ (учинить), а барзѣй (преимущественно) въ Стародубовѣ, идѣ церковного ради смущенія многихъ зъ посполитого народа, клеветы ради расколнической, зъ церквей Божіихъ блазнилися“.

По этому свидѣтельству расколъ въ Стародубѣ былъ такъ силенъ, что у многихъ въ это время явилось церковное смущеніе, и именно „клеветы ради расколнической“, и что „зъ церквей Божіихъ блазнилися“ не только поселившіеся здѣсь раскольники, но и многіе завлеченные ими въ свою „прелесть“ изъ посполитаго народа. Проявленіе раскола было такъ очевидно, что оно наконецъ обратило на себя вниманіе правительства, вслѣдствіе чего и повелѣно было произвести испытаніе и рассмотрѣніе о церковномъ раздорѣ и въ малороссійскихъ городахъ, въ особенности въ самомъ полковомъ городѣ Стародубѣ. Характеръ и направленіе этого церковнаго смущенія и блазненія съ церквей Божіихъ объясняется въ данномъ случаѣ только той чертой, что мѣстные церковные безпорядки произошли „клеветы ради расколнической“. Это объясненіе, ясное и характеристичное и само по себѣ, можно поставить въ связь съ тѣми церковными безпорядками въ Стародубѣ, которые описываются въ Лѣтописи Самовидца подъ 1677 годомъ. Здѣсь лѣтописецъ прямо говоритъ, что жители Стародуба „духовныхъ нѣ за що не мѣли, хлюбячися (по списку Юзефовича—„хлюбячися“) оздобою церквей Божіихъ, отказючи, же намъ не трудно (по др. списку безъ отрицанія—„трудно“) о(тѣ) поповъ и священниковъ; любо напоминали, не слушали, але отъ таковихъ, которіе ихъ за зброднѣ до покути приводили, з гнѣвомъ отходили и по своихъ воляхъ собѣ духовныхъ шували, не жалуючи за грѣхи“. Сюда же, быть можетъ, слѣдуетъ отнести и случай избіенія народомъ священника стародубскаго Якова Хапчинскаго, вытащеннаго при этомъ народомъ изъ алтаря послѣ службы Божіей. Случай этотъ произошелъ въ томъ же 1677 г., именно 13 августа ¹⁾. Хапчинскій до священства былъ архіерейскимъ конюшимъ; а какъ священникъ онъ имѣлъ отношеніе и къ по-

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, изд. Кіев. врем. Ком. Кіевъ. 1878 г. Стр. 135—137.

селившимся въ Стародубѣ раскольникамъ, какъ намъ уже приходилось выше упоминать, говоря о поселеніи въ с. Демьянкахъ раскольниковъ. Подобнаго рода столкновенія между стародубскимъ духовенствомъ и раскольниками были и послѣ и выражались весьма рѣзко, даже нападеніемъ на церкви и поруганіемъ креста Христова, какъ наприм. во время миссіонерской дѣятельности въ Стародубѣ извѣстнаго іеромонаха Іосифа Рѣшилова ¹⁾).

Откуда исходило повелѣніе о испытаніи и разсмотрѣніи церковнаго раздора въ малороссійскихъ городахъ, отъ мѣстной ли малороссійской или отъ центральной московской власти, не ясно и въ разсматриваемомъ нами свидѣтельствѣ. Однако въ этомъ послѣднемъ свидѣтельствѣ, взятомъ въ цѣломъ, есть данныя, приближающія къ болѣе или менѣе положительному разрѣшенію поставленнаго нами вопроса. Дѣло въ томъ, что въ тѣхъ же „Распросныхъ рѣчахъ“ прежде всего говорится о появленіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ раскола „отъ ересей начинниковъ, смутившихъ церковь Божію“, а также и о *повелѣніи* „пресвѣтлаго царскаго величества, по совѣту строителей Таинъ Божіихъ, пастырей и старецъ, благочестія великаго таинства искусныхъ и правовѣрія рачительныхъ..., о испытаніи ересеначальниковъ и подражающихъ имъ ихъ соучениковъ“. Если мы теперь сопоставимъ это общее указаніе съ сказаннымъ далѣе о малороссійскихъ городахъ, то можемъ повидимому безошибочно утверждать, что повелѣніе о испытаніи и разсмотрѣніи церковнаго раздора и въ послѣднемъ случаѣ исходило отъ того же центрального московскаго правительства, а не отъ мѣстнаго малороссійскаго.

Труднѣе опредѣлить время появленія этого царскаго повелѣнія. За недостаткомъ прямыхъ указаній приходится обратиться къ косвеннымъ и довольствоваться пока только приблизительнымъ опредѣленіемъ времени появленія означеннаго повелѣнія. Для хронологической даты по этому вопросу даютъ нѣкоторый матеріалъ и „Распросныя рѣчи“ по дѣлу о наслѣдствѣ Шелковникова, а также и „Выпись изъ книгъ мѣскихъ стародубовскихъ права майдебургскаго“, отъ 3-го іюня 1714 г., по дѣлу того же Шелковникова о захваченныхъ его позитвахъ

¹⁾ Полн. соб. пост. и раск. по вѣд. прав. исп. т. IV. Спб. 1876. Стр. 166—167 и др.

Аеанасіємъ Зѣнченкомъ, войсковымъ товарищемъ полку Стародубскаго. Въ „Распросныхъ рѣчахъ“ съ повелѣніемъ о испытаніи и разсмотрѣніи церковнаго раскола въ малороссійскихъ городахъ соединяется бѣгство матери Шелковникова съ дѣтьми „изъ слободы Понуровской“, находившейся „въ влючу Стародубовскомъ“: „тогда побѣгла она, matka Микиткина, до границъ польскихъ или литовскихъ; осѣли на границѣ въ селѣ Замишевѣ“. Въ указанной „Выписи изъ книгъ мѣскихъ“ еще точнѣе и опредѣленнѣе объясняется это бѣгство матери Шелковникова съ близкими ей лицами изъ слободы Понуровской: „А при полковничествѣ Семена гетманича переселися изъ села Понурницъ въ село Замѣшево полковничье, и тамъ Авилина, matka Кузмина и Никиткина, по кончинѣ житія своего, погребена.... А когда на капитоновъ было *гоненіе* отъ Семіона гетманича, полковника стародубовскаго, тогда онъ, Павелъ Федоровъ (работникъ и любовникъ Акилины), съ Кузьмою и Никитою ушли на Вѣтку за пана Халецкаго на житье“. Здѣсь ясно различаются два гоненія, о которыхъ упоминаетъ и стародубскій безпоповщинскій историкъ Иванъ Алексѣевъ. По словамъ послѣдняго дѣло представляется такъ: когда разгласился указъ царевны Софьи Алексѣевны къ Черниговскому архіерею и стародубскому полковнику, и когда стали „забѣглыя народы, или ласкою, или прещеніемъ градскимъ къ новымъ догматамъ“ приводить, тогда, „ревнителіе древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разсѣяшася. Слабѣйшіи же, не хотяще стяжанія и домовъ лишиться, къ новодогматствованію приступиша. Времени убо нѣкоему въ томъ пребывающу, утишися таковая зѣльность гоненія, и бысть тишина; паки собрашася гониміи. Но паки отъ того же Симеона гоненіе наста. Видѣвше же людіе толику бурю гоненія на тѣхъ возстающу, обще вси совѣтъ (съ Козмою и Стефаномъ) положиша отъйти въ Польшу. И тако усовѣтовавше, поидоша и поселишася въ области пана Халецкаго, при рѣцѣ Вѣткѣ“ (стр. 58). Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ видно, что одно гоненіе было по повелѣнію царскому, когда повидимому особенно досталось Понуровѣ, какъ главному раскольничьему „гнѣзду“, по выраженію того времени, въ стародубскихъ предѣлахъ, гдѣ жилъ уважаемый всѣми старообрядцами и чтимый за „святителя“ попъ Кузьма, и другое собственно отъ полковника гетманича, по „явственной волѣ и указу“ самаго гетмана, когда раскольники, встревожен-

ные первымъ гоненіемъ, стали уходить изъ Стародубья въ Ляцкую сторону. Что въ первомъ случаѣ преслѣдованіе раскольниковъ было и не особенно сильно и не простиралось на все раскольниковыя населеніе Стародубья, указываетъ и тотъ фактъ, что понуровскіе раскольники въ то же время могли селиться въ полковничьемъ селѣ Замишевѣ. Во второмъ случаѣ преслѣдовался главнымъ образомъ переходъ раскольниковъ въ Халетчину, нарушавшій владѣльческіе интересы малороссійскихъ державцевъ. Первое гоненіе съ вѣроятностію можно относить къ концу 1682 г. или къ самому началу 1683 г., когда и въ Малороссіи, какъ мы и видѣли въ своемъ мѣстѣ, отозвалось соединенное движеніе московскихъ стрѣльцевъ и раскольниковъ, а второе къ первой половинѣ 1684 г., какъ можно заключать изъ „листа“ къ гетману С. И. Самойловича, отъ 2-го сентября 1684 г.

Какъ бы то ни было, фактъ гоненій стародубскихъ раскольниковъ при полковникѣ С. И. Самойловичѣ—фактъ несомнѣнный, какъ несомнѣнно и то, что Понуровка какъ чисто раскольниковыя слобода, какъ главное гнѣздо раскола на первыхъ порахъ въ Стародубщинѣ, перестала существовать съ того именно времени, когда попы Кузьма и Стефанъ, въ виду гоненій, по общему совѣту съ своими духовными дѣтьми, ушли на житье на Вѣтку къ пану Халецкому, старостѣ Мозырскому и Ливскому. Съ этого времени исторія стародубскихъ раскольниковъ надолго связывается съ исторіей Вѣтки, именно до устройства Покровскаго раскольниковыя монастыря около слободы Климовой въ началѣ царствованія Екатерины II, когда Стародубье снова получаетъ значеніе религіознаго центра поповщинскаго раскола, хотя и не надолго.

Вѣтка въ сущности была раскольниковыю колоніею изъ Стародубья и находилась въ ту пору почти непосредственно за русской границей въ польскихъ предѣлахъ. Первоначальное раскольниковыя поселеніе здѣсь если и образовалось не одновременно съ раскольниковымъ поселеніемъ въ Стародубѣ, то во всякомъ случаѣ въ ближайшее съ нимъ время и потомъ усилилось во время преслѣдованій новыхъ насельниковъ въ послѣднемъ при полковникѣ—гетманичѣ¹⁾). Больше же всего число

¹⁾ Что Вѣтка заселялась раньше 1684 г. показываетъ и письмо Халецкаго къ стародубскому полковнику С. И. Самойловичу, отъ 9-го августа 1684 г. О томъ же свидѣтельствуетъ и дипломатическое

новыхъ насельниковъ Вѣтки, какъ и окружающихъ ее другихъ раскольничьихъ слободъ, увеличилось при послѣдующихъ преслѣдованіяхъ раскольниковъ въ Великороссіи, особенно послѣ изданія извѣстныхъ статей 1685 г., по которымъ раскольниковъ, какъ враговъ церкви и государства, велѣно было розыскивать, ловить и жечь съ ихъ жилищами. Тогда, по словамъ Алексѣева, „мнози (старовѣрцы) оставляюще своя отечества, течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствованіе, оземствование паче утѣшенія своихъ мѣсть со отступленіемъ. И сицевыми народы пустыя мѣста и звѣропаственная населяхуся, и въ мѣсто древесъ людей умноженіе показася, трава и тернія растущая въ вертограды и садовія обратшася, гради вторіи показашася населеніемъ человекъ, ими же населися Косецкая, Романово, Леонтіево“¹⁾.

Собственно Вѣтка есть небольшой островъ, имѣющій въ окружности не болѣе двухъ-трехъ верстъ. Названіе свое она получила по небольшому проливу, отдѣляющему ее отъ рѣки Сожа, составляющему какъ бы вѣтвь послѣдней. Вѣтка была здѣсь, такъ сказать, только ядромъ поселенія раскольниковъ, такъ какъ по ограниченности своего пространства она не могла

ческая переписка о русско-польской границѣ; въ числѣ пограничныхъ мѣстностей упоминается и Вѣтка раньше 1684 г. Доп. къ Акт. Истор. XI, № 6, стр. 16 и д. Изъ показаній по дѣлу о грабежѣ въ Москвѣ пятисотнаго Чубаровскаго полка Родіона Боровкова видно, что великорусскіе раскольники селились подъ Халчей, въ Косицкой волости, въ концѣ 70-хъ годовъ XVII в. Показаніе Ѳедора Степанова, раскольника слободы Елены. М. А. М. Ю. Кн. Малорос. Прик. № 83. Во всякомъ случаѣ до 1684 г. слободы Халецкаго и другихъ пограничныхъ польскихъ шляхтичей считались и самими раскольниками «еще не населенными» въ такой мѣрѣ, какими онѣ явились впоследствии, въ самомъ концѣ XVII в. Указаніе на этотъ счетъ находимъ въ «Распрос. рѣчахъ» 1700 г. по дѣлу о наслѣдствѣ Шелковникова. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод., № 9, стр. 71—73. Здѣсь прямо сказано: «По смерти маткн Микиткины Пашко Ѳедоровъ, выхванецъ и пѣстунъ ихъ (Шелковниковыхъ), уйшелъ съ ними за границу лядскую на слободы теперешнія Халецкаго, тогда еще не населенія, идѣ Пашко Ѳедоровъ съ Кузмою да съ Микиткою першими тамъ слободъ Халецкаго zostали осадцами, призываючи едновѣрныхъ собѣ въ сожитіе»....

¹⁾ Алексѣевъ, Ист. о бѣгств. свящ. Ibid. стр. 58.

вмѣстить всѣхъ бѣжавшихъ за границу отъ преслѣдованій духовнаго и гражданскаго правительствъ. Около ея въ концѣ XVII и самомъ началѣ XVIII в. образовались и другія слободы, на пространствѣ 30—40 верстъ въ окружности, а именно: 1) слобода Косецкая, 2) Дубовый логъ, 3) Папсуевка, 4) слобода Марьиная, 5) Миличи, 6) слоб. Красная, 7) Костюновичи, 8) Буда, 9) Крупецъ, 10) Гродня, 11) Нивки, 12) Грабовка, 13) Тарасовка, 14) Спасовка. По словамъ обратившагося изъ раскола въ 1722 г. Ивана Бѣльева позже заселенія указанныхъ слободъ образовалось около Вѣтки еще 9 слѣдующихъ слободъ: „первая слобода Вылевска, имѣеть дворовъ 85. Вторая слобода Побужъ, записныхъ раскольниковъ, которые въ двойной окладъ въ Москвѣ записались и бѣжали, 65 дворовъ; съ ними обрѣтаются чухонцы, имѣють дворовъ съ 30, или больше. Третья слобода Курѣвва, имѣеть 35 дворовъ. Четвертая слобода Копрянка, имѣеть дворовъ 20. Пятая слобода московскихъ жителей, 50 дворовъ. Шестая слобода новгородскихъ жителей, 25 дворовъ. Седьмая слобода нижегородскихъ жителей, 25 дворовъ. Осьмая слобода донская, 65 дворовъ. Девятая слобода нововыѣзжихъ разныхъ чиновъ людей“¹⁾.

Скоро послѣ стародубскихъ гоненій раскольниковъ полковника Самойловича Вѣтка пріобрѣла огромное значеніе въ раскольниковомъ мірѣ и сдѣлалась организованнымъ училищемъ

¹⁾ Журавлевъ: Полн. ист. изв. о раск. III, стр. 18. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. IV. Сиб. 1876. Ст. 238. Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливались количествомъ дворовъ и жителей и прежнія Вѣтковскія слободы. По словамъ того же Бѣльева въ тѣхъ старыхъ слободахъ вновь было построено «дворовъ съ 300». Ibidem. Стр. 239. Срав. Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. Сив. т. I. ст. 1886. Здѣсь замѣчено о новыхъ слободахъ, по словамъ Бѣльева, что онѣ были заселены въ 1720—1721 гг. Врядъ ли справедливо это замѣчаніе. По крайней мѣрѣ Вылевская слобода получила свое начало еще въ XVII в., по словамъ Ив. Алексѣева, именно «въ десятое лѣто, по настатіи заграничныхъ слободъ». Во второе лѣто населенія Вылева пришелъ сюеа черныи попъ Іоасафъ. О времени его прихода см. наше соображеніе ниже. О времени основанія слободы Городни, находящейся въ трехъ миляхъ отъ Гомеля, см. показаніе раскольника Василья Никитина Толстопятова, жителя села Понуровки. М. А. М. Ю. Кн. Малор. Прик. № 83. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № II, стр. 98.

поповщинскаго раскола. Устроенныя здѣсь раскольниками церкви и монастыри, кромѣ раскольничьей пропаганды, весьма дѣятельной и повсемѣстной, были и школами грамотности и раскольничьяго вѣроученія. Грамотные вѣтковскіе чернды и черницы, объѣзжая русскіе города и села подѣ видомъ купцовъ и купчихъ или „купецкихъ людей“, въ соотвѣтственномъ тому мірскомъ уборномъ русскомъ платьѣ, нерѣдко съ ружьями и рогатинами, развозили отъ своей Вѣтковской Покровской церкви „крохи“ причащенія, просфоры, благословенные хлѣбы и освященную воду; подѣ видомъ нужды тѣже вѣтковскіе чернецы и черницы исповѣдывали и причащали въ городахъ и деревняхъ и „крохи“ причащенія оставляли всякому желающему за деньги на смертный случай. Эти вѣтковскіе „крохи“ причащенія считались въ прошломъ вѣкѣ такою старообрядческою святынею, что чуть не во всякомъ домѣ поповщинецвъ-раскольниковъ хранились въ складняхъ и тайникахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ вѣтковскіе чернецы и черницы читали подѣ родильницами очистительныя молитвы, крестили младенцевъ, отпѣвали по ночамъ умершихъ и читали надъ ними разрѣшительныя молитвы, положенныя въ Потребникахъ, собирали пожертвованія на свои монастыри и церкви и пр. Словомъ, Вѣтка, какъ рассадникъ раскола, всюду разсылала по русской землѣ и особенно въ Москву своихъ учителей и учительницъ, проповѣдниковъ, уставщиковъ.... Не въ одномъ низшемъ классѣ крестьянскомъ были раскольники; ихъ много было много и между дворянами, купеческими и посадскими людьми; къ нимъ примыкали и многіе подьячіе и другіе чиновные люди. Во всѣхъ этихъ разнородныхъ слояхъ тогдашняго русскаго общества вѣтковцы находили и своихъ сторонниковъ и своихъ благотворителей. Все это какъ увеличивало благосостояніе Вѣтки, такъ усиливало и ея духовное вліяніе на темную массу старообрядствующаго русскаго люда, и, понятно, въ широкой мѣрѣ содѣйствовало распространенію и упроченію раскола вездѣ, куда забирались эти вѣтковскіе раскольничьи пропагандисты. Въ первой половинѣ XVIII в. Вѣтка занимала уже видное положеніе въ раскольничьемъ мірѣ поповщины сдѣлалась главой послѣдней отрасли раскола; къ Вѣткѣ прислушивались и духовно подчинялись поповцы Москвы и Поволжья, Дона и Яика, какъ и поповщинскія колоніи раскола въ юго-западной и юго-восточной Россіи. На опасность распространенія и усиленія раскола отъ Вѣтки первый указалъ Питиримъ, хорошо

знавшій силу и значеніе Вѣтки, потому что самъ до священства живаль здѣсь. Еще въ 1715 г., т. е. за 20 лѣтъ до такъ называемой „первой вѣтковской выгонки“, онъ предлагалъ раззорить раскольничьи поселенія за польскимъ рубежомъ и въ особенности совѣтовалъ уничтожить устроенную раскольниками церковь на Вѣткѣ¹⁾. Въ своемъ „Доношеніи о раскольщикахъ“, поданномъ императору Петру I въ 1718 г., онъ писалъ: „Въ Польшу на Вѣтку, въ державу пана Халецкаго, множество выѣхало, и еще туды же собираются, понеже тамо у нихъ поставлена самочиніемъ церковь, и отъ нея на всѣхъ согласія Діаконова принимаютъ тайны, и всеконечно надлежитъ тамо ихъ разорить и ложную ихъ церковь не отлагая,—велия будетъ въ томъ польза,—понеже бѣжать будетъ не куды“²⁾. И раньше Пителимова „Доношенія“ доходили до русскаго правительства свѣдѣнія о религіозномъ значеніи Вѣтки для раскольниковъ—поповщинцевъ и ея пропагандѣ въ самыхъ центральныхъ частяхъ государства. Такъ, нѣкій Иванъ Андреевъ, иконописецъ, по происхожденію бобыльскій сынъ Нижегородской Благовѣщенской слободы, патриаршей вотчины, начавшій свое скитальничество въ 80-хъ XVII в. по разнымъ раскольничьимъ скитамъ и пустынямъ, въ 1712 г. въ Преображенскомъ Приказѣ показалъ, что „тому третій годъ въ великій постъ былъ онъ, Иванъ, въ Клушинской пустыни, что за Волокомъ Ламскимъ, и въ то время въ ту пустыню пріѣзжалъ изъ Польши изъ монастыря черной священникъ Іоасафъ.... А тотъ священникъ въ разговорахъ сказывалъ: о нашемъ де монастырѣ благочестивому государю доношеніе есть, что въ нашемъ монас-

¹⁾ Есиповъ, Г. В. Расколъ дѣла XVIII в. Сиб. 1863. Т. II, 220. На опасность отъ Вѣтки и необходимость энергическихъ мѣръ противъ нея указывали потомъ и управители бывшей московской тиунской палаты (потомъ приказъ церковныхъ дѣлъ) священники—Феофанъ и Михайловъ, въ 1721 г. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Синод. Т. I. Прилож. ССХСІХ.

²⁾ Чт. въ общ. ист. и древн. Рос. 1860. IV. Смѣсь. Стр. 283. На раззореніе Вѣтки, находившейся въ чужихъ владѣніяхъ, Петръ I, какъ видно, не рѣшился, хотя во время розысковъ надъ несчастнымъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и посылалъ на Вѣтку за чѣмъ-то рекомендованнаго ему Пителимомъ Юрьевца Поволжскаго Успенскаго монастыря монаха Авраамія. Чѣмъ кончилась эта посылка—неизвѣстно.

тырѣ живутъ русскіе и поляки, и у того Іоасафа онъ, Иванъ, исповѣдывался и причащался въ той пустынѣ въ кельѣ, и то причастіе тотъ монахъ привозилъ съ собою. А въ тѣхъ де пустыняхъ, гдѣ онъ бывалъ, святыхъ церквей нѣтъ“ ¹⁾).

Первыми духовными организаторами раскола и на Вѣткѣ были уже извѣстные намъ капитонскіе попы Кузьма и Стефанъ, съ общимъ характеромъ дѣятельности которыхъ мы познакомились выше. Въ частности, относительно вѣтковской ихъ дѣятельности, можно отмѣтить только то, что здѣсь они, по дошедшему до Алексѣева сказанію, отдѣлились другъ отъ друга послѣ нѣкоторой совмѣстной жизни и дѣятельности. О вѣроятныхъ мотивахъ этого отдѣленія мы высказались выше, и потому здѣсь остается только констатировать тотъ фактъ, что попъ Кузьма, по населеніи Косецкой слободы, „отлучился отъ Стефана и живяше на Косецкой“; здѣсь онъ закончилъ свои послѣдніе дни и погребенъ своимъ преемникомъ попомъ Іоасафомъ. Въ свою очередь, и попъ Стефанъ, „ревнитель сый велий староцерковныхъ преданій“, удалился съ Вѣтки въ Лоевъ и жилъ потомъ „въ слободѣ Карповѣ на утиши, славы челоувѣческія бѣгал, духомъ горя, присно взыскауй горняго, и въ той слободѣ жизнь свою сконча“ ²⁾. Что заставило этого послѣдняго удалиться съ Вѣтки—мы не знаемъ; ни Исторія о бѣгствующемъ священствѣ Алексѣева, ни другіе источники не даютъ никакихъ данныхъ для разъясненія этого обстоятельства. О попѣ Стефанѣ мы знаемъ только то, что онъ жилъ на Вѣткѣ еще въ началѣ 1689 г. и фигурировалъ, въ качествѣ капитонскаго попа, въ процессѣ о наслѣдствѣ Никиты Михайлова Шелковникова предъ судомъ пана Халецкаго, какъ составитель оказавшейся потомъ подложной „духовницы“ отъ имени матери Шелковникова. Въ „Распросныхъ книгахъ“ 1700 г. по этому дѣлу сказано между прочимъ слѣдующее: „Микитка безбожній намовить осмого року по смерти матерней безсовѣстную дѣвицу, именовъ Марфу, дочку попа капитонскаго престарѣлаго, же бы ему отъ лица матери его, вмѣсто отца своего написала, яко писати умѣющая, духовницу, по ложному его ученію..., просить ей соблюсти это до времени, и просить же бы тоєю своею духовницею послѣдній помрачила умъ отцу своему, ни

1) Есиповъ. Ibidem. т. II, стр. 63.

2) Алексѣевъ: Ист. о бѣгств. свящ. Стр. 58—59.

зрѣнія, ни слуха совершенно не маючому, то есть, же бы сказала, що она помнить, якъ отецъ писалъ тую матери Микитиной духовницу "... Марфа, по этимъ показаніямъ, разыграла свою роль блестяще и заставила „удобъ преклоняющійся изнемогшій умъ отца престарѣлаго своего утвердить, сказать во время потребное, що онъ писалъ тую духовницу матцѣ небожчицѣ Микитиной и написавши держалъ до времени въ книжѣ, именуемой Прологъ“. Стефанъ Ивановъ, какъ называется онъ въ этомъ дѣлѣ, „ни зрѣнія, ни слуху, ни ума людскаго уже не маючій“, показалъ на судѣ предъ паномъ Халецеицъ, 12-го февраля 1689 г., допрошенный „подъ ерействомъ“, такъ, какъ заставила его показать дочка ¹⁾. Такимъ представляется этотъ „ревнитель велій стародеревенскихъ преданій“, по свидѣтельству „Распросныхъ рѣчей“ 1700 г., въ противоположность характеристикѣ его, сдѣланной Иваномъ Алексѣевымъ.

Какъ въ Стародубѣ, такъ и на Вѣткѣ эти первые организаторы раскола положили начало и упрочили своею дѣятельностью и своимъ авторитетомъ расколъ въ формѣ поповщины. Слѣдуетъ замѣтить и то, что въ дѣятельности этихъ первыхъ стародубско-вѣтковскихъ расколоучителей не видно никакого противогосударственнаго направленія; всѣ ихъ стремленія по видимому единственно направлены были къ тому, чтобы отыскать себѣ безопасное убѣжище отъ преслѣдованій духовныхъ и гражданскихъ властей московскихъ. Понятно, что они, какъ ревнители религіозно—церковной старины, хотѣли распространить и перенести эту ревность и на своихъ духовныхъ дѣтей, и потому, если это была пропаганда раскола, то во всякомъ случаѣ она вытекала изъ чисто религіозной потребности прозелитизма, изъ пониманія своихъ монастырскихъ задачъ и обязанностей, заставлявшихъ оберегать своихъ пасомыхъ, съ ихъ точки зрѣнія, отъ сѣтей врага и нивоніанъ и отъ всякихъ „новоперемѣнъ“ послѣднихъ. Они по видимому вовсе не похожи были на тѣхъ многихъ священниковъ и діаконовъ, которые, по неповорности церковной власти, убѣгали въ поповщинскую севту раскола, потому что тамъ они могли жить „по своей волѣ“, не имѣя надъ собой никакихъ благочинныхъ іереевъ, „кои бы имъ отъ епископовъ были предпоставлены, и сами, кто какъ

¹⁾ Мат. для ист. раск.: Распр. рѣчи, № 9, стр. 73—74.

хотѣлъ, такъ и самовластвовалъ“²⁾). Если это были и неразумные ревнители церковной старины, исполненные „всякаго несмыслства и самомиѣннаго мудрованія“, какъ говорили о такихъ ревнителяхъ отцы собора 1666 г., то во всякомъ случаѣ искренніе и глубоко убѣжденные въ правотѣ своего дѣла люди. Лучшая, непристрастная и снятая какъ бы съ дѣйствительности, характеристика этихъ многочисленныхъ первоначальныхъ дѣятелей раскола изъ церковниковъ и результатовъ ихъ дѣятельности сдѣлана отцами собора 1666 г. „Мнози невѣжды“, говорили послѣдніе, „не точію отъ простыхъ, но и отъ священныхъ и монаховъ, ови отъ многога невѣдѣнія божественныхъ писаній и разума растлѣнна, ови же во образѣ благоговѣнія и житія мнимаго добродѣтельнаго, являюща быти постни и добродѣтельны, полни же всякаго несмыслства и самомиѣннаго мудрованія, иже мнѣтся быти мудри—объюродѣша. Ови же мнѣтся и отъ ревности, и таковыя имуща ревность не по разуму: возмутѣша бо многихъ души неутвержденныхъ. Ови бо устно, ови же и письменно, глаголюще и пишуще, якоже восшепта имъ сатана: нарицаху бо книги печатныя новоисправленныя и новопреведенныя при Нивонѣ, бывшемъ патріархѣ, быти еретическія и растлѣнныя; и чины церковныя, яже исправѣшася съ греческихъ и древнихъ русскихъ книгъ, злословиша, имены хульными нарицаша ложно; и весь архіерейскій чинъ и санъ уничтожиша и возмутѣша народъ буйствомъ своимъ, и глаголаша церковь быти не церковь, архіереи—не архіереи, священники—не священники“ и пр. Такъ постепенно „во многихъ отъ народа мѣніе вниде, яко ересыми многими и антихристовою скверною осквернивъ церкви, и чины, и таинства и послѣдованія церковныя, соблазнишася же и о исправленіи святаго сѣмвола, и о трегубой аллилуіи, о знаменіи честнаго и животворящаго креста, о сложеніи тріехъ первыхъ перстовъ и о Исусовѣ молитвѣ и прочихъ“. Тогда же „мнози христіане отлучишася церковнаго входа и молитвы, и о грѣсѣхъ своихъ покаенія и исповѣданія, и пріятія пречистаго тѣла и крове Христовы лишѣшася; могущіи же по домамъ своимъ начаша держати вдовыхъ священниковъ безъ благословенія и свидѣтельства архіерейскаго, инии же изъ тѣхъ священниковъ мнози подѣ запряченіемъ и изверженіемъ отъ своего имъ архіерея

1) Зеркало для старообрядства 1799 г. Стр. 60.

служажу и по домамъ и угождаху непокорниомъ святяя восточныя церкве, не хотящимъ слушать въ церквахъ пѣнія, идѣже совершается по исправленнымъ печатнымъ книгамъ по обычаю св. восточныя церкве“¹⁾). Такъ началось бѣглопоповство, первыми представителями котораго въ стародубско-вѣтковскихъ предѣлахъ и были попы Кузьма и Стефанъ, оставшіе добрую по себѣ славу у тамошнихъ слобожанъ. Стародубскій раскольникій историкъ, сравнивая современныхъ ему бѣгствующихъ отъ господствующей церкви іереевъ съ „первѣйшими“ слободскими іереями, выражается такъ, что, если „тѣхъ древнихъ іереевъ отъ праха земного Господь Богъ зѣницы ихъ отрѣшивъ, ихъ ревности благовѣрія возставилъ бы, и между сихъ іереевъ поставилъ: не аки ли бы злато посредѣ глины возблещали, и аки ангели посредѣ плотскихъ челоуѣкъ воспрославили бы ся и видѣли бы сихъ подѣ именемъ тѣхъ іерейства показующихся? Въ коликое уже безобразіе и нелѣпотство настоящее іерейство приде! Онѣ іереи быша ревнители благочестія древняго, сіи чествованія мірскаго. Онѣ утѣшающеса въ дусѣ, сіи же въ брѣсѣ. Онѣ упованіе свое имуще на Бога, сіи же на злато и откупки своя. Онѣ прилежаще бесѣдамъ духовнымъ, сіи бесѣдамъ мірскимъ. Онѣ вѣру праву и догматы истинны соблюдаху, сіи же трапезамъ вѣру неприложну имуть... Онѣ іереи истинніи бяху, сіи же истинныхъ іереевъ токмо имена содержатъ, а достоинствъ правильныхъ далече отстоятъ. Онѣ аки пчельныя матки быша, сіи шершни, жалы своими на поготовѣ имуще, да како любо противныхъ себѣ уязвятъ, уранятъ, изгонятъ“.... Тотъ же историкъ сравниваетъ въ заключеніе современныхъ ему бѣгствующихъ іереевъ съ тѣми стрѣльцами, которые при Хованскомъ промѣнѣяли старую вѣру на ушатъ пива, простаго и подѣльнаго, и на мѣру меда и вина²⁾).

Начало возвышенію Вѣтеи, какъ поповщинскаго центра раскола, положилъ третій духовный раскольникій представитель ея, черный попъ *Іоасафъ*, называемый совершенно справедливо въ „Лѣтописи Вѣтковской церкви“ Якова Степанова Бѣляева „засѣдателемъ Покровскаго монастыря“ на Вѣтеѣ,

¹⁾ Дополн. къ Акт. Ист. т. V, стр. 483.

²⁾ Алексѣевъ, Ист. о бѣгств. свящ. Ibid Стр. 67—69.

т. е. его основателем¹⁾. По своему происхожденію, онъ былъ тверской монахъ, келейникъ и ученикъ извѣстнаго тихаго и мирнаго сѣятеля раскола какъ въ средней Россіи, такъ и на Дону, *Іова Тимоѳеева* († 1680). Этотъ послѣдній, какъ извѣстно, былъ сыномъ польско-литовскаго шляхтича, и поступилъ въ прислужники къ митрополиту Филарету Никитичу, во время его польскаго плѣна. Взятый потомъ въ Москву, онъ состоялъ при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ келейникомъ, былъ постриженъ потомъ въ монахи, а за тѣмъ за великія иноческія добродѣтели и изрядное послушаніе удостоенъ и посвященія въ священный санъ. Еще при жизни п. Филарета, по склонности къ уединенной иноческой жизни, онъ, по благословенію патріарха, удалился отъ своего высокаго покровителя и поселился въ Старицкомъ уѣздѣ нынѣшней тверской губерніи, гдѣ потомъ, самъ собой, около строгаго и добродѣтельнаго инока образовался монастырь съ значительнымъ числомъ иночествующей братіи. Этотъ первый основанный имъ монастырь въ 1651 г. получилъ названіе Ракова монастыря. Любовь къ тихой пустынной жизни и обѣтъ „безмолвнаго житія“, на который самъ себя обрекъ Іовъ, не могли быть примирены имъ съ сожительствомъ въ обществѣ многихъ иноковъ, желавшихъ его разумомъ „на пути спасенія наставлятися“ и „учиться у него преданіямъ иноческой философіи“. Пустыннолюбивый Іовъ удалился въ другое болѣе или менѣе безлюдное мѣсто, сравнительно не въ дальнемъ разстояніи находящееся отъ перваго; но и здѣсь не могъ удовлетворить своей любви къ пустынножителству и выполнить обѣтъ безмолвія. Слова объ иноческихъ подвигахъ Іова переходила вмѣстѣ съ нимъ и вызвала у многихъ желаніе ему послѣдовать, а потому и на новомъ мѣстѣ его уединенія пришлось вскорѣ устроить монастырь, названный впоследствии Никольскимъ. Онъ находился уже въ тогдашнемъ тверскомъ уѣздѣ. Время гоненій на раскольниковъ, nastавшее послѣ собора 1666—1667 г., коснулось и монастыря Іова, который съ любовью къ пустынножителству соединялъ и любовь къ староцерковному преданію и староцерковной обрядности, и не могло не ко-

¹⁾ Лѣтопись Вѣтк. церкви—ркп. нашей библ. л. 21 об. О Яковѣ Ст. Вѣляевѣ и его литературной производительности см. наше «Опис. ркп. Черн. Сем. Библ. Сиб. 1880. Стр. 162—163.

снутья, въ виду близости его монастыря къ Москвѣ и личной извѣстности самого Іова тверскому архіепископу, въ предѣлахъ епархіи которато онъ жилъ. Не способный на дѣятельное сопротивление и стремившійся прожить остатокъ дней своихъ спокойно, въ „старой вѣрѣ“, безъ всякихъ Никоновскихъ новшествъ или „новоперемѣнъ“, Іовъ направился на югъ, въ нынѣшнюю Курскую губернію, и близъ г. Рыльска основалъ новый Льговскій монастырь. Время основанія этого послѣдняго монастыря относится приблизительно къ 1669 г. ¹⁾ И здѣсь, въ новомъ основанномъ имъ монастырѣ Льговскомъ, третьемъ по счету, Іовъ не нашелъ „утишія“ и возможности спокойнаго соблюденія излюбленнаго имъ староцерковнаго преданія: „понеже широко новымъ догматомъ раздающимся и прещенію повсюдулежащу, тѣсно бысть сему Іову въ томъ монастыри пребывати, изыде изъ тоя обители, переходя крыся по мѣстомъ, приде къ Дону и поселися тамо при Чирѣ рѣцѣ“ ²⁾. Здѣсь Іовъ также основалъ, съ разрѣшенія донской войсковой старшины, столь извѣстную въ исторіи донского раскола, Чирскую пустынь, въ которой сначала совмѣстно сожителствовали

¹⁾ Въ 1779 г., при образованіи Курскаго намѣстничества, урочище упраздненнаго Льговскаго монастыря съ находящеюся при немъ слободкою назначено уѣзднымъ городамъ. Спис. насел. мѣстъ по свѣдѣн. 1862 г. Курск. губ. Спб. 1863. XXXVII.

²⁾ Алексѣев., Ист. о бѣгств. свящ. Ibid., стр. 55. Въ житіи боярыни Морозовой (Мат. для ист. раск. т. VIII, стр. 174—175) между прочимъ сказано, что Іовъ Льговскій былъ въ Москвѣ во время темничнаго заключенія Морозовой и причащалъ «великую Феодору въ юзахъ и за крѣпкою стражею», явившись къ ней «бѣлецкимъ образомъ». Это было еще до патриаршества Питирима, т. е. до 7-го іюля 1672 г. стр. 176.—На Чирѣ рѣку и раньше Іова пробирались раскольничьи попы, напр. какой-то курскій попъ Никѣфоръ Ивановъ. Изъ отписки князя Григорія Ромадоновскаго къ царю Алексѣю Михайловичу видно, что этотъ попъ выѣхалъ съ Дону, и «какъ де Стенка Разинъ стрѣльцовъ на Волгѣ разбивалъ, и этотъ де попъ былъ съ нимъ Стенкою на стругу и воровалъ и людей побивалъ выѣсть». Изъ показаній самаго попа оказывается, что пошелъ онъ, попъ, для сбора милостыни на церковное строеніе въ Курска на Донъ въ вышней въ Чирѣ городокъ». Этотъ же попъ, полагають, писалъ для Стеньки «обольстительныя письма». Поповъ. Матер. для ист. возмущ. Ст. Раз. 8, 13; Акт. арх. экспед., IV № 179, стр. 231; А. В. Опис. нѣк. соч. 1, 276. Спб. 1861.

иноки и инокини, дѣвки и ребята, а потомъ раздѣленную на двѣ соотвѣтствующія обители, находящіяся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга. При мужской обители Іовомъ была устроена и церковь, которую ему однакоже не удалось освятить при своей жизни. Это послѣднее переселеніе Іова, относимое В. Г. Дружининымъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ приблизительно къ 1672 г., было и на самомъ дѣлѣ послѣднимъ въ жизни этого любителя пустыннаго уединенія и мирнаго сѣятеля раскола, производившаго своею тихою и пустынною жизнію и дѣятельностію едва ли не болѣе сильное впечатлѣніе и вліяніе на народъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на распространеніе раскола, чѣмъ то дѣлали первые кичливые и шумливые московскіе дѣятели раскола—Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь, потомъ Никита Пустосвятъ и другіе. Невидно, чтобы Іовъ обращался къ народу съ намѣренною проповѣдію въ смыслѣ староцерковнаго преданія и старался распространять въ немъ свои старообрядческія убѣжденія. Всѣ извѣстія о немъ указываютъ только на то, что это былъ въ строгомъ смыслѣ инокъ—отшельникъ, любитель уединенія изъ любви къ нему, во все не имѣвшій въ виду въ своей дѣятельности какихъ либо внѣшнихъ цѣлей, какъ и всѣ древнерусскіе пустынножители, невольные колонизаторы страны, основатели обителей ¹⁾.

¹⁾ О жизни и дѣятельн. Іова см. у Ив. Алексѣева, Ист. о бѣгст. свящ., стр. 54—55, 59 и 61. Іона Курносый: Ист. о бѣгст. свящ. у Есипова въ Раскол. дѣл. XVIII ст., т. II, въ приложеніи, стр. 184. Кратк. ист. древлеправосл. рос. церкви благоч. свящ. Яссы. 1878 г., л. 11. Амвросій, Ист. рос. іерарх. т. V, стр. 31, 665. Макарій, Ист. рус. раск. стр. 292. Строевъ, Си. іерарх. стр. 477, 674. Соловьевъ, ист. рос., т. XIII, стр. 287. Доп. къ Акт. ист. т. XII, № 17, стр. 130, 235—236 и др. Старообр. синод. въ Сборн. втораго отд. Ак. наукъ, т. XXI, стр. 12, и въ Памятн. древн. писъм. за 1883 г. Кривич. сопоставленіе всѣхъ данныхъ о Іовѣ см. въ трудѣ В. Г. Дружинина: Расколъ на Дону. въ концѣ XVII в. Спб. 1889 г. стр. 69—71. Заслуживаетъ вниманія въ данномъ случаѣ и показаніе Бѣленскаго раскольника чернца Никодима, показаніе котораго не имѣлъ въ виду г. Дружининъ: «постриженъ де въ пустыни, что на Лговѣ, между Рыльска и Курска, и жилъ въ той пустыни лѣтъ съ шесть; а въ той де пустыни служили литургію на седми просфорахъ, а на оныхъ де просфорахъ знаменіе—крестъ съ подножіемъ и адамовою главою; и изъ той де пустыни съ строителемъ іеромонахомъ Іовомъ

Таковъ былъ учитель у Иоасафа, третьяго духовнаго раскольничьяго представителя Вѣтки. Подъ духовнымъ руководствомъ Іова и его „иноческой философіи“ Иоасафъ находился до переселенія послѣдняго на Чирь рѣку, т. е. приблизительно до 1672 г. Протоіерей Журавлевъ въ своемъ „Полномъ историческомъ извѣстіи о раскольникахъ“ тенденціозно передаетъ объ Иоасафѣ, что онъ происками и разнаго рода ходатайствами склонилъ своего тверскаго архіепископа посвятить его въ священнической санъ, чего и дѣйствительно добился и былъ посвященъ по старому Чиновнику, потомъ бѣжалъ въ расколъ и долго не могъ найти себѣ раскольничьей паствы, какъ посвященный все таки архіереемъ, измѣнившимъ староцерковному преданію и служившимъ по новымъ книгамъ ¹⁾. Гораздо проще и естественнѣе передаетъ тоже самое извѣстіе Иванъ Алексѣевъ, слова котораго видимо тенденціозно извращаетъ протоіерей Журавлевъ. По Алексѣеву, Иоасафъ съ дѣтства почти находился при старцѣ Іовѣ, какъ „нѣкое дѣтище, которое послѣдній училъ и имѣлъ въ послуженіе свое“, а потомъ взялъ его съ собою еще въ то время, когда уходилъ изъ Москвы по благословенію п. Филарета искать уединеннаго иноческаго и пустыннаго житія. вмѣстѣ съ Іовомъ, по словамъ Алексѣева, Иоасафъ попеременно переходилъ потомъ изъ одного устраиваемаго имъ монастыря въ другой до Льговскаго включительно. Въ послѣднемъ монастырѣ Иоасафъ жилъ съ Іовомъ уже какъ облеченный „иноческямъ одѣяніемъ“ и посвященный въ духовный санъ. Самый же фактъ посвященія Иоасафа тверскимъ архіереемъ по старымъ книгамъ Алексѣевъ объясняетъ тѣмъ, что Іовъ, имѣя „велие дружество“ съ послѣднимъ, просилъ его, чтобы онъ посвятилъ Иоасафа „по старымъ книгамъ“. И просьба была удовлетворена, такъ какъ „и самъ той архіерей, аще нуждею къ новодогматствованію и привлеченъ, обаче древняя лобызаша“. Мало того, по отношенію къ великороссійскимъ архіереямъ вообще, Алексѣевъ дѣлаетъ при этомъ весьма характеристичное

да съ начальнымъ отцемъ монахомъ Нифонтомъ и съ прочими монахи, всего сто тридцать человекъ, вышли они, и, пришедъ на Донъ въ лѣсъ, построили церковь во имя Покрова Богородицы, и въ той пустыни служили также на седми просфорахъ. Полн. собр. пост. и раск. по вѣд. прав. ист. т. III, стр. 70.

¹⁾ Полн. историч. изв., ч. I, стр. 99 (по второму изд.).

дополнительное замѣчаніе: „еще не весьма новое въ нихъ баше укоренено“ ¹⁾. И въ этомъ указаніи Алексѣева нѣтъ ничего невѣроятнаго; въ то время не одинъ тверской архіерей относился сочувственно къ староцерковному преданію среди великороссійскихъ архіереевъ; съ нимъ раздѣляли это сочувствіе и нѣкоторые другіе тогдашніе іерархи, сами еще не твердые въ новыхъ церковныхъ порядкахъ. Извѣстно, что Александръ Вятскій въ 1667 г. на соборѣ самъ приносилъ раскаяніе въ приверженности къ старинѣ (Дополн. къ Акт. ист. т. V, стр. 447). Не даромъ и у старообрядцевъ сложилось преданіе о Макаріѣ Новгородскомъ, Маркеллѣ Вологодскомъ, не говоря уже объ Александрѣ Вятскомъ, какъ о ревнителяхъ древняго благочестія и староцерковнаго преданія ²⁾.

¹⁾ Алексѣевъ: Ист. о бѣгств. свящ Ibid., стр. 55, 59, 67.

²⁾ Виноградъ Россійскій Денисова. Церков. ист. инока Павла, напечат. въ Черновцахъ, стр. 49 и 67. О Макаріѣ и Маркеллѣ, какъ равнителяхъ церковной старины, нѣтъ твердыхъ историческихъ данныхъ; но нѣтъ и достаточно сильныхъ данныхъ для опроверженія старообрядческаго преданія. Въ пользу послѣдняго могутъ служить слѣдующія оправдывающія его обстоятельства: Макарій Новгородскій замѣтно медлилъ разсылкою по своей епархіи новаго Служебника, напечатаннаго и разосланнаго въ 1656 г. (Мат. для ист. раск. 1878 г., т. III, стр. 4). Маркеллъ Вологодскій въ 1663 г. предъ своею смертію выразилъ желаніе быть погребеннымъ въ Соловецкой обители. Предсмертная воля его была исполнена: тѣло его перенесено изъ Вологды въ Соловецкій монастырь, торжественно встрѣчено и погребено. Архим. Варооломей съ братією въ донесеніи царю писалъ, что не смотря на 11 недѣль, прошедшихъ со времени смерти, «тѣло Маркелла ни чимъ же рушимо, и лице свѣтло,—духъ же исколѣтъ отъ тѣла его добровонень» (Ист. Опис. Соловец. мон. 1836 г. Ч. I, стр. 140). Соловецкіе монахи, презиравшіе уже въ то время приверженцевъ Никоновыхъ «новоперемѣнъ», едва ли бы встрѣтили прахъ Маркелла съ такимъ почетомъ и отозвались о немъ съ благоговѣніемъ, если бы не знали, что Маркеллъ при жизни былъ болѣе благосклоненъ къ старообрядству, чѣмъ къ никоніанству. Срав. статью рукоп. сборн. Высокопреосв. Макарія, теперь библ. К. Д. Ак. Аа, 24 подъ заглавіемъ: «Требующимъ доказательства, отъ кого и съ конякъ временъ пріаша благословеніе простыя и нерукоположенныя... новокрещенныхъ покрещевати»... Здѣсь рассказывается, что еще Павелъ Коломенскій въ Палеостровскомъ заключеніи указывалъ на Макарія Новгородскаго, Маркелла, Вологодскаго и Александра Вятскаго какъ на

Въ своей иноческой жизни и дѣятельности Іоасафъ видимо старался подражать своему учителю „иноческой философіи“, старцу Іову. Оставленный послѣднимъ при уходѣ на Донъ въ Львовскомъ монастырѣ вмѣстѣ съ іеродіакономъ Герасимомъ, Іоасафъ однако не могъ долго здѣсь оставаться; потѣсненный „отъ новодогматствованія“, онъ покинулъ устроенную Іовомъ Львовскую обитель, перешелъ сначала не подалеку отъ нея „на Амону рѣку въ пасѣву“ и „по инымъ мѣстамъ крыся“, пришелъ наконецъ въ находящуюся въ 20-ти верстахъ отъ Вѣтки въ новооснованную заграничную раскольничью слободу Вылевскую (Вылевъ)¹⁾. Это было по Алексѣеву „во второе лѣто населенія“ указанной слободы и „десятое по настатіи заграничныхъ слобод“. Здѣсь онъ первоначально поставилъ свою келью при рѣкѣ Ипути въ пяти верстахъ отъ слободы, „и пребываше въ той келии уединенъ, проходя безмолвное житіе“, замѣчаетъ стародубскій безпоповщинскій историкъ. Скоро сосѣдніе слобожане познакомились съ инокомъ—пришельцемъ и раз узнали, что онъ „новаго рукоположенія“; это обстоятельство тотчасъ же подало поводъ къ сомнѣнію и относительно чистоты исповѣдуемаго

трехъ свѣтильниковъ великороссійской церкви, хранившихъ «древнее непорочное благочестіе», которые могли послѣ него «возжечь священства свѣтильникъ»... Лл. 132—134. Ср. въ Исторіи Саввы Романова отзывъ о Новгородскомъ м. Корнилиі. Извѣстно, что и архіеп. Тобольскій, землякъ Аввакума, Симеонъ, раздѣлялъ отчасти Аввакумовскія убѣжденія относительно Никона и его дѣйствій. Есиповъ: Раск. дѣла XVIII в. т. I, стр. III. Въ Ист. Императ. Петра Великаго (Спб. 1773 г., стр. 6) Феофанъ Прокоповичъ объ Аѳанасіѣ Холмогорскомъ замѣчаетъ: «Аѳанасій Холмогорскій искусенъ ихъ хитростей (раскольничьихъ), яко тояжде ихъ ереси прежде бывшій подражатель».

¹⁾ О совмѣстной жизни Герасима съ Іоасафомъ въ Львовской обители послѣ Іова замѣчено у Алексѣева (Ibidem, стр. 59). Этотъ діаконъ въ мартѣ 1686 г. явился изъ Львова къ освященію церкви въ Чирской пустыни на Дону; его приходъ объясняли потомъ раскольники чудеснымъ образомъ, какъ будто бы онъ приведенъ былъ ангеломъ или ниспосланъ съ неба. Доп. къ Акт. ист. т. XII, № 17, стр. 130, 151. О немъ упоминается и въ «Словѣ о нѣкоемъ мужѣ именемъ Тимоѣѣ», изданномъ по списку Имп. публ. Библ. (в. XVII, № 37) В. Г. Дружининнымъ въ приложеніяхъ къ сочиненію: «Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.» Спб. 1889. Стр. 239.

имъ староцерковнаго преданія. Сомнѣніе перешло затѣмъ въ злословіе и издѣвательство надъ пришельцемъ, въ особенности со стороны почитателей и духовныхъ дѣтей болѣе строгаго въ соблюденіи старообрядства попа Стефана, которые даже не хотѣли называть его отцемъ Іоасафомъ а просто звали „Асапомъ“. Стараніе Іоасафа убѣдить слобожанъ въ староцерковности своего рукоположенія не имѣло успѣха; слобожане просто гнушались его рукоположеніемъ, какъ совершеннымъ отступникомъ—архіереемъ, хотя и по старымъ книгамъ. Въ такомъ критическомъ положеніи, „видѣвше тако отъ народа себе хулима и презираема“, Іоасафъ рѣшился обратиться за совѣтомъ къ прежнимъ своимъ духовнымъ руководителямъ, жившимъ тогда еще въ устроенной старцемъ Іовомъ на Дону Чирской пустынѣ. Въ то время игуменствовалъ тамъ бывшій игуменъ Тихвинскаго Бесѣднаго монастыря Досіеѣй, сдѣлавшійся духовнымъ руководителемъ Чирской пустыни около 1685 г. Этотъ Досіеѣй былъ однимъ изъ первыхъ и видныхъ дѣятелей въ начальной исторіи раскола, соблазнившійся „новоперемѣнами“ Никона еще въ то время, когда послѣдній былъ новгородскимъ митрополитомъ, какъ показываетъ житіе инока Корнилія, написанное Пахоміемъ. Въ качествѣ игумена Никольскаго Бесѣднаго монастыря, находившагося близъ Тихвина, каковымъ онъ сдѣлался съ 1662 г., Досіеѣй имѣлъ сношенія съ выдающимися тогдашними московскими расколу учителями и состоялъ въ перепискѣ даже съ извѣстнымъ протопопомъ Аввакумомъ. До собора 1666—1667 г. Досіеѣй скрывалъ свою приверженность „къ старой вѣрѣ“, не выдвигая слишкомъ рѣзко своего пристрастія къ послѣдователямъ староцерковнаго преданія; съ этого же времени онъ сталъ открыто на сторону послѣднихъ, бѣжалъ сначала на Донъ, гдѣ пробылъ около трехъ лѣтъ, а потомъ, возвратившись оттуда, поселился въ Олопецкихъ предѣлахъ, въ Курженской обители старца Евфросина, близъ Повѣнца, бывшей однимъ изъ центровъ раскола на сѣверѣ въ эпоху первоначальнаго его распространенія. Какъ ревностный и убѣжденный противникъ Никоновскихъ „новоперемѣнъ“, имѣвшій при томъ священннй санъ, Досіеѣй былъ скоро избранъ старообрядствующею братією игуменомъ Курженской обители. По сожженіи послѣдней, по приказанію Питирима, бывшаго еще митрополитомъ Новгородскимъ, стало быть до 7-го іюля 1672 г., когда Питиримъ возведенъ былъ въ пат-

ріаршій санъ, Досноей, послѣ долгихъ скитаній по разнымъ старообрядческимъ пустынямъ и скитамъ, снова наконецъ попалъ на Донъ и сдѣлался тамъ игуменомъ устроенной старцемъ Іовомъ Чирской пустыни. Во время своихъ продолжительныхъ скитаній онъ сошелся между прочимъ съ Іовомъ и Іоасафомъ и былъ даже духовнымъ отцомъ послѣдняго. Къ этому-то Досноею и обратился въ своемъ затруднительномъ положеніи Іоасафъ за совѣтомъ, спрашивая, что ему дѣлать въ виду „народнаго соблаженія“ относительно его священства, т. е. священнодѣйствовать ему или не священнодѣйствовать. И Досноей, по разсказу Алексѣева, „не словомъ тое прошеніе разрѣши, но метну жребій, что тѣмъ показано будетъ; и паде жребій на Іоасафа священнодѣйствовать“¹⁾.

¹⁾ О Досноеѣ см. выше примѣчаніе по поводу старообрядческаго собора въ Москвѣ по вопросу о перекрещиваніи никоніанъ. О его жизни и дѣятельности: Ист. о бѣгств. свящ. Алексѣева. Ibidem, стр. 58, 60—61, а также въ Исторіи Іоны Курносаго, у Есипова въ Раск. дѣлахъ, т. II, прилож., стр. 184. Строевъ, Спис. іерарх., стр. 94. О Бесѣдномъ монастырѣ у Амвросія, Ист. Росс. іер. т. III (М. 1816), стр. 350. О сношеніи Досноея съ Аввакумомъ и другими московскими раскольниками (постриженіе Θεодосіи Морозовой) Мат. для ист. раск. Н. И. Субботина, т. VIII, стр. 93—94, 97—98, 155. О пребываніи его въ Курженской обители и его странствованіяхъ: Журавлевъ, Ист. изв. о раск. ч. I, стр. 71—72. Филиповъ: Ист. Выгов. старообр. пуст. Сиб. 1862, стр. 79—80, 82—83, 86 и 129. Есиповъ: Раск. дѣла т. I. стр. 270—271, 273. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Сив. т. I, ст. 179, 584, пр. 2. Въ упомянутомъ выше рукоп. сборникѣ Высокопреосв. Макарія о Досноеѣ сказано: «мужъ святъ житіемъ, словомъ и дѣломъ, велій въ добродѣтелѣхъ, просіявый яко солнце въ Новгородскихъ предѣлѣхъ, игуменъ Досноей, бывшій Никольскаго Бесѣдовскаго монастыря, разстояніемъ отъ Тихвина три поприща имѣюще. Сей мужъ такожде, ради новыхъ догматовъ и подлежаща ради гоненія и принужденія, остави свой монастырь, укрываясь по разнымъ мѣстамъ, яже часто прибѣгая къ пустыни нѣкоей Куржерской..., въ ней же и св. церкви бяху. Въ нпхъ же св. отецъ Досноей собираяся со многими великими отцы и съ постники и со знаменосцы, понеже бо тамо отъ многихъ странъ собравшеса..., п тамо службу Богу за весь міръ выну приношаху. Приходящіе же которые отъ великороссійскія церкви люди... покрещевати судиша тѣхъ всѣхъ по соборному уложенію и по благословенію свящ. еписколъ и игуменовъ... за древнецерковное благочестіе стоявшихъ мужественно: свящ. еп. Павла

Время пребыванія Іоасафа въ Чирской пустыни у Досиеея можно приблизително отнести къ 1686—1687 гг., такъ какъ въ началѣ 1688 г., когда московское правительство болѣе энергично взялось за искорененіе раскола на Дону и его представителей, чирскіе иноки „положили на томъ, чтобы имъ въ тое пустыни не жить и по новоисправленнымъ книгамъ не служить“, стали собираться въ путь и въ самый Ильинъ день ушли на Куму, гдѣ и поселились „на три части“: въ одномъ мѣстѣ старцы, въ другомъ бѣльцы, а въ третьемъ старицы съ бѣлицами¹⁾. Не вдругъ однакоже и послѣ того, какъ Досиеей разрѣшилъ недоумѣнное сомнѣніе Іоасафа, послѣдній снова появился въ Вылевской слободѣ, очевидно сильно озадаченный первымъ приѣмомъ. Нѣкоторое время онъ жилъ опять въ рыльскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Амони „при деревенькахъ“, потомъ въ пограничномъ городѣ Трубчевскѣ, далѣе у какого-то полковника на пасѣкѣ въ малороссійскомъ городѣ Сумахъ, наконецъ въ Обояшинѣ въ Шигальской Будѣ, и только послѣ того появился въ Вылевѣ, поселившись уединенно въ семи верстахъ отъ сло-

Коломенскаго, свящ. Макарія, м. Новгородскаго, и свящ. Маркелла, архіеп. Вологодскаго, и свящ. еп. Александра Вацкаго, и свящ. архим. Или Соловецкаго, и сего игумена Досиеея... Л. 134. Обь устройствѣ Досиеея въ *Милеевой пустыни* въ Карачевскихъ лѣсахъ и его пропагандѣ: Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. III, ст. 70. Тоже, т. I, ст. 73. О Чирскомъ его игуменствѣ въ показаніяхъ разныхъ лицъ по дѣлу о донскихъ раскольникахъ въ Доп. къ Авт. вст. т. XII, № 17. Критическое сопоставленіе данныхъ о Досиееѣ, хотя и далеко неполное, въ соч. В. Г. Дружинина, стр. 73—79 и др. Обь отношеніяхъ Іоасафа къ Досиеею см. у Журавлева въ Полн. ист. изв. о раск. изд. 2, ч. I, стр. 99—100. Интересно и показаніе новгородскаго крестьянина Семена Яковлева, рассказывавшаго въ 1725 г. въ канцеляріи св. Синода исторію своего пребыванія въ расколѣ. Между прочимъ онъ рассказывалъ, что въ 1702 г. «обрѣлъ онъ мужика, въ новгородскихъ предѣлахъ, въ лѣсу живуща, близъ р. Волхова, 40 лѣтъ, а сказывалъ онъ о себѣ народомъ, будто ему повелѣлъ де *иужень Досиеей Керженскій* крестить и исповѣдывать и будто ему далъ запаса таинства, имъ же онъ народъ причащалъ. И азъ къ нему прилѣпихся и уразумѣхъ, ажно онъ пекъ просвиры простыя и тѣмъ причащалъ». П. с. п. и расп. по вѣд. прав. ист. т. V, № 1604, ст. 134.

¹⁾ Показаніе старца Нааанаила. Дополн. къ Авт. вст. т. XII, № 17, стр. 236.

боды. На этотъ разъ обстоятельства благопріятно измѣнились въ пользу Іоасафа; потому что „во времени семъ не малая была Былевскимъ (Былевскимъ) въ священнодѣйствѣ нужда“. Нужда эта была на столько существенна, что теперь сами слобожане стали обращаться къ нему за своими церковными потребностями и просили переселиться въ нимъ поближе; мало того, по общему совѣту и съ согласія Іоасафа, они устроили ему келью при самой слободѣ. Скоро между тѣмъ и Вѣтка опустѣла отъ іерейства; въ это время, по сказанію Алексѣева, умеръ попъ Кузьма, жившій около Вѣтки въ Косецкой слободѣ. Вѣтковцы, оставшись безъ священника, особенно сильно почувствовали это отсутствіе у нихъ іерейства, по исконной любви русскаго человѣка къ церковности, при наступленіи свѣтлаго праздника пасхи: „отъ неимѣнія іерея, не малое вѣтковскому народу наступаше сѣтованіе“. За неимѣніемъ другихъ поповъ, и вѣтковцы принуждены были обратиться съ просьбой, въ лицѣ своихъ „лучшихъ людей“, къ тому же прежде презираемому ими Іоасафу, чтобы онъ прибылъ къ нимъ и совершилъ торжественное пасхальное богослуженіе. Іоасафъ согласился, а потомъ, по общей просьбѣ вѣтковскихъ слобожанъ, и окончательно къ нимъ переселился, хорошо понимая, что съ этимъ переселеніемъ связано дальнѣйшее его возвышеніе въ старообрядческомъ мірѣ. Препрежнее сомнѣніе вѣтковцевъ относительно его рукоположенія, ради священнодѣйственной „нужды въ немъ“, было забыто; забылъ и Іоасафъ ихъ препрежнее издѣвательство, хуленіе и порицаніе и согласился быть пастыремъ „овецъ непризорно ходящихъ“ и „смятенныхъ душами“. На Вѣткѣ онъ поселился тамъ, гдѣ жилъ прежде попъ Стефанъ и гдѣ потомъ имъ самимъ были устроены монастырь и церковь. Время его переселенія на Вѣтку, по смыслу данныхъ, сообщаемыхъ Алексѣевымъ, можно приблизительно отнести къ 1689—1690 гг. (Ibidem, стр. 60—61).

Сдѣлавшись преемникомъ Кузьмы и Стефана, этихъ духовныхъ „первоначинниковъ“ стародубско-вѣтковского раскола и духовнымъ руководителемъ этой великорусской раскольничьей колоніи на краю Бѣлороссіи и Малороссіи, Іоасафъ, по примѣру своего учителя „иноческой философіи“, старца Іова, устроившаго на Дону въ основанной имъ Чирской пустыни церковь, началъ располагать и „свое словесное стадо“ на трудъ созиданія на Вѣткѣ церкви. Призывъ Іоасафа не остался безъ

послѣдствій; онъ легко склонилъ вѣтковцевъ къ устроению церкви тѣмъ, что съ умноженіемъ населенія на Вѣткѣ и въ сосѣднихъ слободахъ быстро истощались запасные дары, принесенные прежними священниками, а также вѣроятно и самимъ Іоасафомъ отъ Досіея изъ Чирской пустыни ¹⁾.

Эта „нужда святаго причащенія“ видимо ясно сознавалась мѣстными слобожанами, и была весьма убѣдительнымъ мотивомъ для нихъ къ устройству на Вѣткѣ церкви: они усердно и радостно откликнулись на призывъ Іоасафа, рѣшились всей общиной построить церковь и „вѣждо древо на строеніе тоя представляше“. Дѣло было сдѣлано: церковь была устроена по инициативѣ Іоасафа; но ему, какъ и Іову, не удалось при своей жизни освятить ее; онъ умеръ въ 1695 г., достигши глубокой старости, проживъ на Вѣткѣ не болѣе пяти-шести лѣтъ. Тихому и благоувѣтному Іоасафу, какъ характеризуетъ его стародубскій старообрядческій историкъ, удалось, какъ видно, собрать около себя и иночествующую братію, иноковъ и старицъ. Одинъ ихъ первыхъ фигурировалъ потомъ въ дѣлѣ приглашенія на Вѣтку Θεодосія, преемника Іоасафа, какъ „искусный инокъ“, котораго Алексѣевъ называетъ Нифонтомъ. По сообщенію того же Алексѣева къ Іоасафу на Вѣтку привезенъ былъ и антиминосъ нѣкоей „Меланіей, старицей Бѣлевской“ ²⁾. Устройство церкви и

¹⁾ Досіеевскими запасными дарами пользовались еще въ началѣ XVIII в. будто бы многіе старообрядческіе скиты и пустыни, какъ и отдѣльныя лица. Пойманнѣй въ 1720 г. въ Можайскихъ лѣсахъ старецъ Урванъ, ученикъ Досіея, относительно найденныхъ у него даровъ, какъ и другіе съ нимъ пойманные раскольники показывали, что «тайнство» они имѣютъ отъ игумена Досіея; а въ особой запискѣ, взятой при этомъ у одного раскольника, сказано, что «того тайнства еще будетъ на пять тысячъ лѣтъ ста тысячамъ челоуѣкамъ безъ нужды». Опис. док. в д., хран. въ арх. св. Снв. т. 1. Спб. 1868 г. Ст. 179—180.

²⁾ Ист. о бѣгств. сваш. Ibid. стр. 62—63. О Меланіи, старицѣ Бѣлевской, говорится въ Житіи боярыни Морозовой и пр. Мат. для ист. раск. Н. И. Субботина, т. VIII, стр. 147—148, 151 и др. Она стояла во главѣ старицъ, жившихъ у Морозовой, и пользовалась большою извѣстностью у тогдашнихъ раскольниковъ. Объ обстоятельствахъ появленія этой старицы-инокини у Морозовой и ея вліяніи на послѣднюю въ житіи говорится: «послѣди же отъ страдальца отца Трифілія увѣдѣ о нѣкоей инокинѣ благоговѣйной, именовъ Меланіи, и

собраниемъ инововъ и старицъ Іоасафъ положилъ начало дальнѣйшему возвышенію Вѣтки и ея вліянію среди великороссійскихъ старообрядцевъ.

Іоасафа можно назвать и первымъ единовѣрцемъ въ средѣ раскола. Онъ былъ дѣйствительно первымъ изъ раскольниковъ рукоположенцемъ отъ архіерея православной церкви съ соблюденіемъ старыхъ обрядовъ, если вѣрить сказанію о посвященіи его тверскимъ архіереемъ по старому Чиновнику, какъ о томъ сообщается Алексѣевымъ.

При преемникѣ Іоасафа, Θεодосіѣ, по фамиліи Ворыпинѣ, Вѣтка достигла наибольшаго возвышенія и процвѣтанія и сдѣлалась настоящимъ духовнымъ центромъ всего поповщинскаго раскола¹⁾. Θεодосій пользовался великимъ уваженіемъ и авторитетомъ во всей почти тогдашней поповщинѣ, и этимъ расширеніемъ своего вліянія и управляемаго имъ Вѣтковскаго Покровскаго монастыря обязанъ какъ личному своему характеру и умѣнью пользоваться обстоятельствами, такъ и самымъ обстоятельствомъ своей жизни, связавшимъ его почти со всѣми современными ему и бо-

призвавши и слышавъ словеса ея, возлюбилъ зѣло и изволи ю въ мать себѣ избрати. И смирившися Христа ради, отдадеса ей подѣ началъ, и до конца отсѣче свою волю. И спде пребысть до конца опасная послушница, яко и до дне смерти своя ни въ чемъ повелѣнія ея не ослушалася». Во время заключенія Морозовой въ земляной тюрьмѣ Боровска Меланія жила уже «въ пустыни». Ibid. стр. 202. Въ томъ же Житіи и другія старицы называются «Бѣлевками» и описываются самыми фанатичными приверженицами раскола. Анна Михайловна Ртищева обращается въ Житіи къ боярынь Морозовой съ такими словами: «о, сестрица голубушка! Стѣли тебя старицы бѣлевки». И. Е. Забѣлинъ (Быть рус. царицъ, стр. 122, примѣч.), объясняя это мѣсто Житія Морозовой, говоритъ, что «Бѣлевками названы старицы изъ Бѣлева, а можетъ быть старицы бѣлицы», ходившія въ бѣлецкомъ, мірскомъ платьѣ. Въ Боровскомъ изданіи того же Житія это мѣсто читается уже такъ: «старицы бѣглевки». См. интересныя замѣчанія объ этомъ послѣднемъ изданіи въ Брат. Словѣ 1886 г., т. 1, стр. 231—235. *

²⁾ *Ворытиннымъ* Θεодосіѣ называется въ одной изъ раскольничьихъ рукописей Хлудовской бібліотеки, № 341, подѣ заглавіемъ: «Опроверженія діаконщины—(рук. въ 8-гу), л. 118. Здѣсь сказано именно: «А нижегородскіе отцы соборны о прѣвнѣ Тимоееа Лысенина и учениковъ ево..., егда у нихъ прѣвнѣ было со старцемъ Θεодосіемъ Ворытиннымъ, а именно въ лѣто 4212, іюня въ 4 день».

лѣе или менѣе значительными и выдающимися дѣятелями и колоніями поповщины.

О происхожденіи Θεодосія Ворыпина и обстоятельствевахъ его первоначальной жизни и дѣятельности, до выступленія на поприще расколуучителя, мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Со словъ Ивана Алексѣева извѣстно только то, что онъ былъ „крещенія и поставленія древняго“ и рукоположенъ во священнической санъ еще Іосифомъ, патриархомъ Московскимъ, „въ градъ Рыльскій, въ церковь Василя Неовессарійскаго, Никольскаго монастыря.“ Фактъ посвященія Θεодосія патриархомъ не только возможенъ, но и совершенно естествененъ, такъ какъ Рыльская десятина съ городомъ Рыльскомъ и уѣздомъ входила въ составъ патриаршей области по управленію даже и въ то время, когда открыта была 17-го мая 1667 г. въ этомъ краѣ новая епархія Бѣлгородская ¹⁾. О дальнѣйшей судьбѣ Θεодосія тотъ же Иванъ Алексѣевъ передаетъ, что онъ, „утѣсненъ бывъ тамо новодогматныхъ введеніемъ, отшедь оттуду, приде на Донецъ рѣку, и живяше тамо въ пустыни.“ При какихъ обстоятельствахъ произошло это утѣсненіе, заставившее Θεодосія удалиться на Донецъ, ни Алексѣевъ, ни другіе источники не даютъ никакихъ положительныхъ указаній; о нихъ можно только догадываться. Неизвѣстно съ точностію и то, когда бѣжалъ Θεодосій изъ Рыльскаго монастыря на Донецъ; но въ 1684 г. онъ уже былъ тамъ и дѣйствовалъ какъ расколуучитель, на что есть и документальныя указанія. Въ виду этого, бѣгство Θεодосія на Донецъ, не безъ основанія, можно поставить въ

¹⁾ Истор. о бѣгств. свящ. Ibidem, стр. 61.—О Рыльской десятинѣ, количествѣ церквей и часовенъ въ ней, во время п. Никона, см. въ Приход. книгахъ патриарш. ваз. прик., хранящ. въ Моск. главн. арх. Мнн. Юст., №№ 33, 35, 37, 39, 40 и 42, за 7161—166 гт. —Проф. Н. И. Ивановскій (Руков. по ист. и облич. старообр. раск.) полагаетъ, что Θεодосій былъ рукоположенъ патр. Іоасафомъ I, предшественникомъ Іосифа (стр. 89), и повидимому безъ всякаго основанія. Въ позднѣйшей лѣтоп. Вѣтков. церкви Я. С. Бѣляева, какъ и у Алексѣева, говорится, что «священнонокъ схимникъ Θεодосій поставленъ былъ собственною рукою Іосифа патриарха». Л. 21 об.—Николаевскій Рыльскій монастырь, подъ городомъ Рыльскомъ, близъ устья рѣчки Рыла, впадающей въ Сеймъ. Въ археологическомъ отношеніи замѣчательно въ роцѣ и въ лѣсу его древнее кладбище. См. Курск. губ. Списокъ населен. мѣстъ по свѣд. 1862 г. Слб. 1868. XI.

связь какъ съ мѣрами противъ раскольниковъ Московскаго собора 1681 г., такъ и принятыми противъ нихъ же мѣрами 1682 г., послѣ раскольничьяго бунта Никиты Пустосвята, какъ извѣстнѣ, усилившими бѣгство раскольниковъ на окраины государства и даже за его границы. Дѣло въ томъ, что въ это именно время въ первые былъ принятъ принципъ отыскиванія раскольниковъ, и это отыскиваніе вмѣнялось въ обязанность свѣтскимъ и духовнымъ властямъ, причемъ дѣятельность первыхъ властей относительно сыска и преслѣдованія церковныхъ мятежниковъ ставилась подъ непосредственный надзоръ послѣднихъ. Въ свою очередь и епархіальнымъ властямъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность употреблять и съ своей стороны мѣры воздѣйствія для искорененія раскола, вразумлять и увѣщевать ревнителей старины при своихъ приказахъ, или же разсылать ихъ для этой цѣли по монастырямъ. Въ то время, какъ извѣстно, противъ упорствовавшихъ въ своихъ заблужденіяхъ были приняты самыя энергическія мѣры; ихъ повелѣвалось—пытать на крѣпко, бить на козлѣ вкutomъ и даже казнить смертію—жечь. Словомъ, въ то время дѣло шло о томъ, чтобы раскольниковъ—„воровъ“ и имъ пристанища нигдѣ не было, какъ показываетъ грамота царя Θεодора Алексѣевича, отъ 20-го Апрѣля 1681 г., орловскому воеводѣ (нынѣшней Воронежской губерніи) С. И. Павловскому, приведенная нами выше (гл. 1.) Это то усиленіе преслѣдованій раскольниковъ въ указанное время и было, надо полагать, вѣроятною причиною побѣга на Донецъ Θεодосія, не хотѣвшаго подчиниться увѣщанію „къ новодогматствованію“; это - то увѣщаніе и преслѣдованіе раскольниковъ по всей вѣроятности Алексѣевъ и называетъ „утѣсненіемъ“ и „новодогматныхъ введеніемъ“, тѣмъ болѣе, что и въ Рыльскѣ дѣло повидимому далеко не ограничивалось однимъ только увѣщаніемъ. Старообрядческій „Синодикъ“, „Помянникъ“ или просто „Поминанъ“, какъ обыкновенно называется этотъ памятникъ въ старообрядческихъ рукописяхъ, изданный А. Н. Цыпнымъ и потомъ Обществомъ Древней Письменности, отмѣчаетъ въ статьѣ первой, посвященной „за благочестіе пострадавшимъ“, нѣкоего „Θеодора, сожженнаго въ Рыльскѣ“¹⁾.

¹⁾ Сборн. отдѣл. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. XXI, стр. 8. Памят. древ. писм. за 1883 г. Въ раскол. Поманникъ Высокопресвящ. Макарія, теперъ библ. К.

В. Г. Дружининъ въ своемъ изслѣдованіи—„Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.“ (Спб. 1889 г. стр. 81)—относить приблизительно время прихода Θεодосія Ворыпина на Донецъ въ 1684 г. Это приблизительноное опредѣленіе времени прихода его на Донецъ косвенно подтверждается показаніемъ атамана Айдарской станицы, Якима Кузовченка, по дѣлу о стрѣльцѣ Кузькѣ Войлоковѣ, даннымъ 10-го Мая 1688 г. въ Посольскомъ Приказѣ, что пришло тотъ Кузька въ Айдаръ послѣ старца Θεодосія тому третій годъ¹⁾. О пребываніи и раскольничьей пропагандѣ Θεодосія въ Донецкихъ краяхъ имѣются слѣдующія показанія. Подъячій Петръ Ахматовъ, посланный на Донъ съ царскою грамотою, по возвращеніи оттуда 24-го февраля 1686 г. въ Посольскомъ Приказѣ рассказывалъ въ распросѣ: „какъ ѣхалъ онъ на Донъ, и въ Донецкомъ Боровскомъ городѣ извѣщалъ станичному атаману Якову Черному и въ сей его станицѣ и ему, Петру, черный попъ Памва, который живетъ близко того городка Боровскаго, что-де на рѣкѣ Жеребцѣ, отъ Маяковъ въ 20-ти верстахъ, черный пришлый попъ Θεодосей со учениками своими въ службѣ своей, на эктеніяхъ и въ молитвахъ, за великихъ государей и за св. патріарха Бога не молятъ и говорятъ непристойныя слова, и многихъ старыхъ козаковъ перекрещиваетъ, и учитъ своимъ ученіемъ, противно соборной апостольской церкви²⁾. По этому показанію, черный попъ Θεодосій жилъ на устьѣ рѣки Жеребца съ своими учениками, за царей и патріарха Бога не молилъ и перекрещивалъ здѣсь окрещенныхъ.

По другимъ показаніямъ, Θεодосій устроилъ потомъ пустынь на устьѣ рѣки Айдара, въ 4-хъ верстахъ отъ Айдарской станицы, гдѣ у него была и своя часовня. Упомянутый Айдарскій атаманъ въ Посольскомъ Приказѣ рассказывалъ, что онъ въ Айдарѣ „въ Θεодосію хаживалъ, и какъ-де книгу Библию онъ толковалъ слушивалъ, только де себѣ того ничего не внялъ, для того, что онъ неграмотный;“ что онъ, Якимко, съ женою

Д. Ак. (Аа, 151), XVIII—XIX в., на стр. 106 замѣчено: „Θεωδοσιου σο^κ в рылс....“

¹⁾ Дополн. къ Ак. ист. т. XII, № 17, стр. 208.

²⁾ Донск. дѣла въ арх. Мин. ин. дѣлъ, св. XV, 1684 г., № 6, л.л. 6—7. Мат. для нач. ист. раск. на В. и въ Старод. Докум. и письма. № 1, стр. 34, 37.

своею и „съ дѣтьми принялъ крещеніе отъ чернаго попа Θεодосія“ и „отъ него старца слыхалъ въ рѣчахъ, что онъ служить по старымъ книгамъ и стоитъ за вѣру старую-жь; да и то отъ стороннихъ людей слыхалъ же, что тотъ старецъ Θεодосій приказывалъ попамъ, чтобы служили по старому Служебнику и на большомъ выходѣ за великихъ государей Бога не молили и св. патріарха не поминали.“ По его же показанію Θεодосій находился въ оживленныхъ письменныхъ и личныхъ сношеніяхъ съ вліятельными казаками въ Черкасскѣ, сторонниками противомосковской раскольничьей партіи на Дону, Самойломъ Лаврентьевымъ, Кирѣемъ Чурносковымъ и Пашкой Чекуновымъ и др., приславшими ему часто „грамотки“ и приказывавшими Айдарцамъ, чтобы „казави его, старца, слушали и вельми почитали..., для того, что де онъ старецъ добрый и учительный человекъ“. У нѣкоторыхъ изъ этихъ вліятельныхъ казаковъ Θεодосій былъ и „духовнымъ отцомъ“, по свидѣтельству попа Ермолая, показывавшаго, что „старецъ Θεодосій по рѣкѣ Дону многимъ казакамъ отецъ духовный“¹⁾.

Θеодосій Ворыпинъ былъ однимъ изъ ревностныхъ и энергичныхъ пропагандистовъ раскола въ Донскихъ краяхъ, собственно „въ верхнихъ городкахъ“, и во все не походилъ въ этомъ случаѣ на инока-отшельника Іова Тимоѣева, не входившаго повидимому, въ бытность свою на Дону, въ какія бы то ни было сношенія съ окрестными казаками. Изъ извѣта Острогожскаго козака Василя Донца, словесно сказаннаго въ Посольскомъ Приказѣ 5-го апрѣля 1688 г., видно, что Θεодосій дѣйствовалъ въ Айдарѣ энергично въ дѣлѣ обращенія казаковъ въ расколъ и съ помощію атамана станицы, принуждавшаго

¹⁾ О пребываніи и дѣятельности Θεодосія въ Донецкихъ краяхъ самое существенное значеніе имѣютъ показанія Айдарскаго атамана Кузовченко и уличавшаго его казака Θомы Голоднаго. См. Допросъ Давида Кузовченка, очную ставку его съ Θомою Голоднымъ и особое показаніе перваго въ Допол. къ Ак. ист. т. XII, стр. 185—186, 205—209. О сношеніи Θεодосія съ Черкасскими казаками показывалъ 6-го февраля 1688 г. въ Посольск. Приказѣ Петрушка Смиренной, что про Θεодосія старца «слышалъ отъ казаковъ, что онъ въ войско пріѣзжалъ бить челомъ о строеніи пустыни; и ему-де Θεодосію стровить войскомъ поволили». Ibid. стр. 165. Ср. также Распрос. рѣчи въ Посольск. Приказѣ 1686 г., Іюня 29, Донскихъ священниковъ, Ермолая и Ивана. Ibid., стр. 128.

казаковъ къ перекрещиванію или крещенію „вдругорядъ“; мало того, послѣдній, очевидно подѣ влияніемъ Θεодосія, и „вѣшивалъ“ тѣхъ изъ казаковъ, кто не хотѣлъ держаться раскола, и выгонялъ изъ своей станицы не желавшихъ перекрещиваться. Θεодосій какъ самъ пріѣзжалъ изъ своей пустыни въ Айдаръ городоць, такъ и къ нему казаки „пріѣзживали“ для крещенія дѣтей, совершенія браковъ и другихъ церковныхъ требъ, при чемъ дѣло, конечно, необходимо безъ подобающихъ съ его стороны наставленій о содержаніи старой вѣры. Кузовченко показывалъ, что старецъ ему и инымъ говаривалъ, чтобы они держались старой вѣры. Изъ показаній бѣлыхъ поповъ Ермолая и Ивана видно, что Θεодосій пользовался духовнымъ влияніемъ и у казаковъ на Валуйкѣ. Въ то время какъ Θεодосій былъ привезенъ ими связаннымъ на Валуйку, къ нимъ явились Валуйчане: ямщикъ Яшка Тороповъ да посадкой человекъ Петрушка Серапионовъ, и говорили имъ въ тайнѣ, „чтобы они того старца Θεодосія имъ отдали, для того, что онъ имъ отецъ духовный; а они имъ хотѣли дать восемьдесятъ рублей, а воеводѣ де за отпускъ его давали полтора ста рублей“¹⁾. Дѣятельность его, какъ мы уже и видѣли, простиралась и далѣе „верхнихъ городоць“.

Θеодосій на Дону видимо примыкалъ къ той противомосковской партіи вліятельныхъ казаковъ, среди которой особенно выдавались Самойло Лаврентьевъ, Кирѣй Чурносоевъ и др. Свое противодѣйствіе Москвѣ представители этой партіи прикрывали знаменемъ раскола и стремились повторить на Дону снова Разинское движеніе; расколъ былъ для нихъ удобнымъ средствомъ привлечь къ себѣ многочисленныхъ сторонниковъ, и такимъ образомъ парализовать другую партію казаковъ, видѣвшихъ свой интересъ въ вѣрномъ и честномъ служеніи московскому правительству. Рапсоевъ Самойла 2-го мая 1688 г. съ пытки въ Посольскомъ Приказѣ причислялъ къ этой противомосковской партіи и старцовъ Досиея, Пафнута и Θεодосія, которые „церковъ де костеломъ, а патріарха антихристомъ называли...; а въ Библии, смотря орла, говорили и называли орломъ блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича..., а орлятами называли нынѣ царствующихъ великихъ князей..., и толковали съ сего свѣта о скоромъ ихъ пре-

¹⁾ Извѣтъ Василя Донца и пр. Ibidem., стр. 184—185, 206, 208, и въ Матер. для нач. ист. раск. на В. и въ Старод. № 1, стр. 37.

кращеніи отъ пришедшихъ царей Меретинскихъ и иныхъ, которые приидоша въ Москву, и тѣ де будутъ и царствовать, и мечъ отъ нихъ ихъ государей поясть, и отъ нихъ де отъ прихожихъ и вѣра утвердится старая по прежнему. А блаженный де памяти великаго государя и великаго князя Алексѣя Михайловича... наслѣдіе произошло отъ яроснаго гнѣва и рвенія безъ разсужденія. А что въ Библии написано о гласу орліи, что исходящъ не отъ главы, но отъ середины тѣла, и то де они потому-жъ вмѣняли къ произволенію блаженного памяти великаго государя..., будто по его государскому разсмотрѣнію чинилось не умно, но яростно, со многими рвеніемъ къ кровопролитію за вѣру¹⁾. Для большаго возбужденія ревности къ церковной старинѣ, изъ среды этой партіи исходила и такая проповѣдь, „что въ церквахъ де нынѣ стала Польша, поютъ будто въ гудки, и волынки, и шеламайки, и въ органы играютъ, и стали де церкви костелами“. Всѣ церковныя нововведенія и новоперемѣны приписывались вліянію южнорусскихъ іерарховъ, и, главнымъ образомъ, вліянію наиболѣе извѣстнаго и выдающагося изъ нихъ Лазаря Барановича. Въ церковномъ отношеніи духовные представители этой партіи договаривались и до того, „чтобъ учинить на Дону особаго патріарха, или епископа“; говорили, „что семь поповъ восьмого освятить могутъ“, какъ показывалъ Судженскій протопопъ Василій Ивановъ въ 1688 г. въ Посольскомъ Приказѣ, бывшій прежде въ Черкасскѣ и хорошо знавшій всѣхъ тогдашнихъ представителей раскола на Дону. Они же распускали слухъ, что епископъ Павелъ Коломенской, „которой отъ Никона былъ сосланъ и изъ ссыленіи ушолъ, и нынѣ на Дону у нихъ“¹⁾.

Дѣятельность Θεодосія на Донцѣ продолжалась почти до первой половины 1686 г. влючительно, когда московское пра-

1) О сторонникахъ московскаго правительства на Дону и ихъ противникахъ см. у Соловьева, Ист. Рос., т. XIII, М. 1879 г.; у Дружинина (Расколъ на Дону), стр. 60—64 и др. Допросы съ пытокъ священ. Самойла. Дополн. къ Ак. Ист. т. XII, № 17, стр. 187. Показаніе протоп. Василя Иванова тамъ же, стр. 180. О толкованіи III гл. 3 кн. Евдры тамъ же, стр. 144, 182, 187. Судя потому, что рѣчь при толкованіи шла объ орлѣ, нужно полагать, что на Дону имѣлось московское изданіе Библии 1663 г., на оборотѣ заглавнаго листа котораго былъ напечатанъ Россійскій гербъ. Строевъ, Опис. старопеч. книгъ... въ библ. Толстова. М. 1829. Стр. 283.

вительство рѣшилось болѣе энергично приняться за усилившихся на Дону раскольниковъ, дѣйствія которыхъ стали грозить большими осложненіями внутренней жизни государства. Инициатива въ преслѣдованіи Донскихъ раскольниковъ, какъ противогосударственной партіи, исходила отъ князя Василія Васильевича Голицына, о которомъ они говорили, что „нельзя де намъ одного боярина Голицына подвести къ себѣ, а то ужъ есть тысячи съ три и бояръ, что съ нами тянуть и за насъ стоять“¹⁾. 1-го марта 1686 г. послана была на Донъ царская грамота о томъ, чтобы ловить тамъ „луцкихъ заводчиковъ“ раскола и приводить ихъ въ Москву. Казаки не спѣшили исполненіемъ царскаго указа, такъ какъ значительное число наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ было на сторонѣ раскола и принадлежало къ противомосковской партіи, замѣтно усилившейся вмѣстѣ съ усиленіемъ раскола на Дону. Исполнить царскій указъ и обезвредить „богомерзкую отъ тѣхъ воровъ противность и привращеніе къ такому жъ злему дѣлу простолюдиновъ и легкомысленныхъ людей“ взялись два бѣлыхъ священника: Ермолай изъ Бесергенева городка и Иванъ изъ Мелехова. Они, вмѣстѣ съ подговоренными ими пятью казаками, схватили старца Θεодосія Воряпина и 29-го іюня того же года представили его въ Посольскій Приказъ. Алексѣевъ передаетъ, что Θεодосій былъ пойманъ на Донцѣ разсыльными Бѣлгородскаго архіерея и что послѣдній по поимкѣ много увѣщевалъ его, а потомъ, какъ упорнаго и закоренѣлаго раскольника, отослалъ въ Москву на судъ патріарха,—разсказъ, не подтверждаемый показаніемъ упомянутыхъ священниковъ, дѣйствовавшихъ на свой страхъ, совершенно независимо отъ тогдашняго Бѣлгородскаго митрополита. Очевидно, въ разсказѣ Алексѣева смѣшаны два факта,—фактъ увѣщанія Θεодосія Бѣлгородскимъ митрополитомъ, происходившій по всей вѣроятности послѣ его побѣга изъ Рыльска, во время скитаній по Слободской Украйнѣ и верхнимъ донецкимъ городкамъ, и фактъ поимки его на Донцѣ упомянутыми двумя священниками²⁾.

1) 2-е извѣстное письмо. Дополн. къ Акт. Ист. XII, № 17, стр. 152. Вислѣдствіи князь Голицынъ, какъ одну изъ своихъ главныхъ государственныхъ заслугъ, выставлялъ усмиреніе Донскихъ раскольниковъ, грозившихъ церкви и государству. Розыск. дѣла о Оед. Шакловитомъ. Т. III, стр. 112, № 60.

2) Распросн. рѣчи въ Посольскомъ Приказѣ 29-го іюня 1686 г. тамъ же, стр. 128. Ист. о бѣгств. свящ. Ibidem. Стр. 61.

Переданный изъ Посольскаго Приказа на судъ патріарха Іоаннѣма, Θεодосій, по лишеніи сана, какъ не пожелавшій снова сдѣлаться членомъ церкви, былъ заточенъ, по словамъ Алексѣева, подтверждаемымъ и другими источниками, въ извѣстный Кирилловъ Бѣлоозерскій монастырь, гдѣ и просидѣлъ, по тому же свидѣтельству, „семь лѣтъ, въ темницѣ нужней и водней“, „отъ уныніа“ писалъ тамъ книги, а закончилъ тѣмъ, что склонился „къ новотворнымъ догматамъ“. Во время слѣдствія въ Посольскомъ Приказѣ по дѣлу о Донскихъ раскольникахъ, именно въ февралѣ 1688 г., въ письмахъ Кирѣя Матвѣева была между прочимъ найдена „грамотка съ Москвы Фролу Минаеву, Поздѣю Степанову изъ Кирилова монастыря отъ чернаго попа Θεодосія, чтобы они били челомъ великимъ государемъ объ немъ, чтобы его взять изъ Кирилова монастыря и быть въ Чудовѣ монастырѣ“... Это уже очевидно было послѣ склоненія Θεодосія „къ новотворнымъ догматамъ“, если онъ желалъ быть переведеннымъ въ Чудовъ монастырь. А если такъ, то Θεодосій далеко не 7 л. провелъ въ Бѣлоозерской темницѣ нужней и водней“, какъ свидѣтельствуется Ів. Алексѣевъ. Желаніе Θεодосія видимо неосуществилось; по словамъ Алексѣева, „по пристатіи къ новотворнымъ“, когда Θεодосію дали нѣкоторую свободу, его заставили читать синодальныя, а потомъ, „малому времени въ томъ минувшу“, т. е. вскорѣ послѣ его обращенія „къ новотворнымъ догматамъ“, онъ былъ увезенъ своими старыми темными друзьями сначала въ Поморье, откуда потомъ былъ переправленъ въ Керженскіе лѣса¹⁾. Въ этихъ лѣсахъ, по словамъ П. И. Мельникова, было въ то время 77 скитовъ и въ нихъ болѣе семи сотъ монаховъ и слишкомъ 1800 монахинь, деревенскій же людъ поголовно былъ въ расколѣ. Тамъ писались выписки и

¹⁾ Ист. о бѣгств. свящ. стр. 61—62. Допол. къ Акт. Ист. т. XII, № 17, стр. 171. Кирилловъ монастырь вмѣстѣ съ Вологодскимъ Каменнымъ считался однимъ изъ самыхъ удобныхъ для содержанія раскольниковъ «въ твердомъ присмотрѣ». Ср. Есиповъ: Раскол. дѣла XVIII в. т. I. Стр. 126. Въ «Обличенія на протопопа Андрея Большія Охты» (реп. Хлуд. библ., № 302) рассказывается, что «Θεодосій» хотя и много былъ увѣщаемъ п. Іоакимомъ, но что онъ «его не послушалъ и пребывалъ въ старообрядствѣ непреклоненъ, за что новики п. Іоакимъ обнажилъ его священства и сослалъ въ Кирилловъ монастырь подъ началь, откуда старовѣрческіе христіане тайнымъ образомъ похитили на Керженецъ, а оттуда въ Калугу» (л. 92 об.).

слагались потомъ розказни о Петрѣ-антихристѣ; тамъ бывали раскольническіе соборы; тамъ принимались бѣглецы отъ церкви попы и разсылались по Россіи ¹⁾). На Керженцѣ Θεодосій сначала поселился вмѣстѣ съ Пошехонскимъ дворяниномъ Ѳедоромъ Яковлевымъ Токмачевымъ, на Белмашѣ, а потомъ въ скиту Смольянскомъ, основанномъ еще около 1656 г. извѣстными родовитыми Смольянами—Сергіемъ Салтыковымъ, Ефремомъ Потемкинымъ и др., пришедшими сюда изъ Бизюкова монастыря ²⁾). Это былъ большой и старый скитъ, или такъ называемый „Старый Керженецъ“, центръ всего Керженца и Чернораменья, разоренный еще прежде Питирима. До прихода сюда Θεодосіа Ворыпина главою здѣсь считался Діонисій Шуйскій, имѣвшій у себя значительный запасъ мвры и св. даровъ, освященныхъ будто бы еще при патріархѣ Іосифѣ, чѣмъ и возвысилъ себя на степень главы мѣстнаго поповщинскаго раскола, а свой Керженецъ сдѣлалъ какъ бы митрополіею поповщины. За Іосифовскими св. дарами и мвромъ пріѣзжали на Керженецъ старообрядцы и изъ другихъ мѣстъ, болѣе отдаленныхъ, и тѣмъ распространяли славу Діонисія и Керженца, въ то время еще не раздѣлявшагося на секты. Въ началѣ 90-хъ годовъ преемникомъ Діонисія Шуйскаго сдѣлался Θεодосій Ворыпинъ и вмѣстѣ съ Токмачевымъ правилъ всѣмъ Керженцомъ: собиралъ соборы, снабжалъ старообрядствующихъ русскихъ людей мвромъ и запасными дарами, дѣятельно распространялъ и поддерживалъ расколъ, и тѣмъ скоро обратилъ на себя вниманіе правительства. Начавшіеся розыски повели въ тому, что Токмачевъ былъ схваченъ, осужденъ и соженъ, а Θεодосію удалось бѣжать въ Калугу. Это было приблизительно въ 1694 г.

Во второй половинѣ XVII в. расколъ въ Калугѣ и вообще въ Калужскомъ краѣ свилъ себѣ довольно прочное гнѣздо. Еще во время моровой язвы 1654 г., когда п. Никонъ, по просьбѣ самаго царя, оставилъ Москву и отправился съ царскимъ семействомъ въ мѣста свободныя отъ мороваго повѣтрія, ревнители старины распустили молву, будто общественныя бѣдствія постигли государство за начатое патріархомъ исправленіе

¹⁾ Ист. оч. поповщ. Ч. I. Стр. 78.

²⁾ Белмашъ—рѣчка, впадающая въ Керженецъ, въ Макарьевскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, на самой почти границѣ съ Нижегородскою.

церковныхъ книгъ, и въ подтвержденіе своихъ бредней ссылались между прочимъ на видѣніе какой-то жены Стефанидки Калуженки и брата ея Терешки, утверждавшихъ, что имъ было видѣніе отъ образа о прекращеніи печатанія новоисправленныхъ книгъ (Собран. государств. грамотъ и договоровъ, т. III, № 178). Въ 1669 г. челобитствовала царю Алексѣю Михайловичу игуменья Козельскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, упраздненнаго въ 1764 г., Маремьяна на уставщицу и крылошанокъ, что онѣ „не хотятъ говорить по новымъ книгамъ“, присланнымъ въ то время по царскому указу въ монастырь ¹⁾. Извѣстно также, что царь Феодоръ Алексѣевичъ, задававшійся широкими планами относительно ограниченія дальнѣйшаго распространенія раскола и ослабленія и искорененія его тамъ, гдѣ онъ упрочился и укоренился, въ виду умноженія „церковныхъ противниковъ“, проектировалъ въ 1681 г. открыть новую епархію и въ Калугѣ. Главная причина распространенія раскола по отношенію къ Калужскому краю въ томъ повидимому и заключалась, что край этотъ, принадлежавшій до половины XVII в. (до расширенія западной границы и присоединенія Малороссіи) къ русской Украйнѣ, по непонятной неосторожности и забвенію, слишкомъ долгое время былъ оставленъ внѣ ближайшаго церковнаго правительственнаго надзора. Крутицкіе владыки, къ епархіи которыхъ онъ принадлежалъ съ 1672 г.,

¹⁾ Челобитная игум. Маремьяны напечатана въ Калуж. Епарх. Вѣдом. за 1862 г. № 9, стр. 142—144. Она писана скорописью на столбцѣ и принадлежитъ Калужскому дѣвичьему монастырю. Между прочимъ игуменья писала: «А нынѣ, Государь, крылошанка Ефимья сошла съ крылоса, не хотя по новымъ книгамъ говорить, да изъ моей кельи крылошанку въ младыхъ лѣтахъ запретила..., и я, Государь, ту крылошанку про то истезала, что и она по новымъ книгамъ не говоритъ: и въ палатку ее сажала и на цѣпь, и въ кельѣ, Государь, поучала, и на соборѣ, Государь, хотѣла ее плетью бить и уставщикъ ее отпечаловалъ Василей. И мнѣ крылошанки говорятъ: какъ была на уставѣ Елена Хрущова и приказала намъ цѣть и говорить, такъ мы и нынѣ хотимъ, и говорятъ по ея уставу. И та, Государь, Елена уставщица бьетъ челоуъ тебѣ, В. Г., и свитителю Крутицкому м. Павлу, будто я нищая твоя царская богомолца по тѣмъ новымъ книгамъ говорить не велѣла, а я, Государь, въ грамотѣ не умлю... А какъ тѣ книги новые... въ монастырь присланы, и она, Елена, съ той поры и въ церковь перестала ходить»....

проживая въ Москвѣ, какъ мѣстоблюстители патриаршаго престола, были обременены дѣлами по управленію обширной патриаршей области. На сторонѣ раскола, кромѣ простого народа, купцовъ и мѣщанъ, стояли здѣсь и многія духовныя лица, священники и монахи. Въ самомъ концѣ XVII в., какъ и въ первыя два десятилѣтія XVIII в., между прочимъ, въ числѣ старообрядствующихъ считался здѣсь сначала игуменъ (съ 1698 г.), а потомъ съ 1708 г. архимандритъ Калужскаго Лаврентьева монастыря Каріонъ (+ 2 янв. 1722 г.), какъ свидѣтельствовали въ 1720 г. московскіе священники, бывшіе управители тѣнскаго палаты, Феоктистовъ и Михайловъ. По ихъ свидѣтельству Каріонъ „въ томъ градѣ (Калугѣ) болши двадцати лѣтъ самъ чинилъ соблазнъ и противность церкви святѣй, и того града священникамъ и жителямъ во всемъ чинилъ прикрытие и охраненіе и потачку. Здѣсь же, въ Брынскихъ лѣсахъ, за Угрюю рѣкою, разбѣяна была почти съ самаго появленія раскола масса старообрядческихъ келій и скитовъ, въ которыхъ жили черныя раскольническіе цопы и старцы, постригавшіе, исповѣдывавшіе и причащавшіе. Въ началѣ XVIII в. здѣсь были и раскольничьи „святые“, на могилахъ которыхъ служились панихиды ¹⁾. Вотъ почему по всей вѣроятности послѣ

¹⁾ Главнымъ гнѣздомъ раскола здѣсь были скиты и пустыни въ глубинѣ Брынскихъ лѣсовъ, по которымъ протекаетъ рѣка Брынь, въ Мещовскомъ и Жиздринскомъ уу.; но изъ разныхъ указаній, относящихся къ исторіи раскола въ Калужскомъ краѣ, видно, что упоминаемыя въ нихъ пустыни и скиты Брынскіе были разбросаны по всему пространству лѣсовъ, составлявшихъ въ прежнее время нашу сторожевую пограничную линію. И до сихъ поръ близъ с. *Старая Брынь* раскольники указываютъ, по сказанію старыхъ людей, памятникъ имъ мѣста нѣкоторыхъ бывшихъ здѣсь скитовъ. Особенно же уважаютъ такъ назыв. *Савватіевскій*, мѣсто коего указываютъ глубокой оврагъ съ пещерою, куда они ходятъ чтить память этого мнимаго подвижника. И до сихъ поръ расколъ удерживается здѣсь, не смотря на разныя принимаемыя противъ него мѣры. Леонидъ, іером. Ист. церкви въ предѣл. нынѣш. Калуж. губ. и калуж. іерархіи. Калуга. 1876. Стр. 178 и д., стр. 248, примѣч. 288. О проектѣ въ Калугѣ епископ. кафедръ въ 1681 г. Собр. госуд. грам. и догов. IV, ст. 393—394. О Каріонѣ, какъ ревностномъ сторонникѣ старообрядцевъ, документальныя данныя см. въ Опис. докum. и д., хран. въ арх. св. Свн. т. I. Спб. 1868 г., 343—344. Прилож. XXV. CCLXVIII—CCLXX. Полн. соб. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. I. Изд. 2. Спб. 1879 г.,

Смолянской катастрофы Θεодосій Ворыпинъ не случайно попалъ въ Калугу, а именно въ виду того, что считалъ болѣе удобнымъ и надежнымъ укрыться отъ преслѣдованій властей у тамошнихъ ревнителей старины, хорошо жившихъ и съ мѣстными духовными властями, сочувствовавшими имъ. Этими же мѣстными условіями повидимому можно объяснить и то обстоятельство, что въ Калугѣ Θεодосію удалось въ одной запустѣвшей отъ ветхости церкви Покрова Богородицы, въ которой престоль и антиминсъ освящены были еще при п. Іосифѣ, иконостасъ же сохранился отъ временъ царя Іоанна Грознаго, совершить ночью на великій четвертокъ 1695 г. литургію, а „ко удовлетвенію причастія и агнецъ запасный сотворить“. Такъ у Θεодосія снова появились запасные дары, которыхъ онъ лишился при Смолянской катастрофѣ и безъ которыхъ его положеніе въ раскольниковомъ мірѣ не могло быть прочнымъ и вліятельнымъ. Эти запасные дары, освященные имъ на литургіи, совершенной по старому Служебнику, въ дониконовской церкви, на дониконовскомъ антиминсѣ, священникомъ дониконовскаго рукоположенія, были разосланы въ болѣе видные пункты раскольниковьяго міра, гдѣ жили старообрядцы. Святость ихъ для всѣхъ старообрядствующихъ русскихъ людей была совершенно несомнѣнна; даже безпоповцы, по словамъ П. И. Мельникова, основаннымъ повидимому на изученіи старообрядческой литературы, обращались къ Θεодосію съ просьбой о снабженіи ихъ освященными имъ дарами ¹⁾. Θεодосій безъ сомнѣнія и ранѣе

стр. 57—59, 72—75. Инаго характера свѣдѣнія сообщаются о Каріонѣ въ ст. Калуж. Еп. Вѣдом. за 1862 г., № 2, стр. 24—25 (Историч. опис. Калуж. Лаврент. монаст.), а также въ брошюрѣ іером. Леониды подъ тѣмъ же заглавіемъ, вышедшей въ Калугѣ въ 1888 г. О. Леонидъ говоритъ, что Каріонъ въ 1708 г. удостоенъ сана архимандрита за особенную заботливость о внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ ввѣренной ему обители, и что самое мѣсто погребенія въ притворѣ нижней церкви, въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ раки св. праведнаго Лаврентія (+ 1515 августа 10 дня) свидѣтельствуетъ, что настоятель этотъ въ свое 24-лѣтнее управленіе обителью заслужилъ любовь и уваженіе братства, имъ окормляемаго. Что въ 1698 г. Каріонъ былъ уже игуменомъ, см. дозорную и межевую кн. патр. прик. 1698 г., кн. 84, въ М. А. М. Ю.

¹⁾ Ист. о бѣгств. свящ. Алексѣева. Ibidem. Стр. 62. Мельниковъ: Ист. очер. поповщ. Ч. I. М. 1861 г. Стр. 67.

былъ извѣстенъ во всѣхъ зараженныхъ расколомъ мѣстностяхъ, какъ страдалецъ отъ никоніанъ и какъ учительный старецъ, ревностно подвизавшійся для распространенія и укрѣпленія старой вѣры на Дону и потомъ на Керженцѣ. Новый фактъ изъ его калужской дѣятельности также долженъ былъ вызвать сочувственное одобреніе и обратить на него всеобщее вниманіе ревнителей старины. Вѣсть о такомъ выдающемся въ то время раскольничьемъ дѣятелѣ дошла и до Вѣтки, имѣвшей связи съ старообрядствующими калужскими купцами, издавна развѣзавшими по своимъ торговымъ дѣламъ по Бѣлороссіи и Малороссіи, и тогда, за смертію „тихаго и благоувѣтнаго Іоасафа“, разыскивавшей себѣ новаго попа, „нужды ради своея великія“ въ немъ. Нуждаясь и въ запасныхъ дарахъ, и въ попѣ, который исправлялъ бы у нихъ „нужды крещенія, исповѣданія и постриганія“, Вѣтковцы, ни мало не медля, отправили въ Калугу „нѣкоего искуснаго инока Нифонта съ просительными грамотами“ звать Θεодосія къ себѣ за рубежь. Предложеніе Вѣтковцевъ было принято, тѣмъ болѣе, что Θεодосію въ его положеніи за польсколитовскимъ рубежомъ было не въ примѣръ надежнѣе и безопаснѣе, чѣмъ въ русскихъ предѣлахъ. „Созволи“, говоритъ стародубскій историкъ Ив. Алексѣевъ, „прошенію ихъ (вѣтковцевъ) Θεодосій; преиде отъ Великороссіи въ польскую область, идѣже радостными привѣтствы возблагодаривша приходъ его къ нимъ и вси радостное торжество о немъ сотворяюще, всяко мѣсто и всякъ домъ радостное возглашающе, ликующе купно и веселящеся, на вступленіи того вси увядшіи печалію, весело хождаху“ (стр. 62).

По прибытіи своемъ на Вѣтку Θεодосій прежде всего обратилъ вниманіе на устроенную Іоасафомъ церковь, нашель, что она мала и не можетъ вмѣщать всѣхъ слобожанъ—богомольцевъ, такъ какъ къ тому времени населеніе Вѣтки и окружавшихъ ее слободъ значительно возрасло, а потому и считалъ необходимымъ распространить ее въ длину и ширину. По словамъ Алексѣева, „пришедъ убо на Вѣтку сей Θεодосій, видѣвъ многъ народъ стекающеся на общую молитву, и толико, яко оной новостроенной церкви не вмѣщати ихъ, приложи радѣніе, и повелѣ оную церковь, Іоасафомъ содѣланную, въ длину и въ ширину подъ крыльями распространити“. Вѣтковцы взялись за топоры и въ короткое время, по желанію Θεодосія, церковь была расширена. Въ то же время Θεодосій озаботился достать

черезъ калужанъ покупкою изъ Калужской Покровской церкви, въ которой онъ совершилъ ночью литургію на великій четвертокъ, старый иконостасъ съ алтарными дверьми, будто бы еще время царя Ивана Васильевича Грознаго, призвалъ къ себѣ изъ Рыльска брата своего, „попа блага Александра новопоставленна“, т. е. священника новаго уже рукоположенія, а изъ Москвы какого-то Григорія, тоже новорукоположенца, и вмѣстѣ съ ними, безъ діакона, осенью 1695 г. освятилъ Вѣтковскую церковь во имя Покрова Богородицы, на ветхомъ антиминисѣ, принесенномъ еще Іоасафу Бѣлевской старицей Меланіей. Это была первая раскольникія церковь въ стародубско-вѣтковскихъ предѣлахъ, и литургія, совершенная въ день ея освященія тремя собравшимися изъ разныхъ мѣстъ попами, была здѣсь первой раскольникіей литургіей. Первымъ „установщикомъ“ при ней былъ нѣкій Аѳанасій, жившій тамъ съ первыхъ лѣтъ существованія Вѣтки до самой почти первой выгонки; имъ былъ подписанъ антиминсѣ при освященіи Вѣтковской церкви, не имѣвшій „еще написанія, вѣгда Θεодосій храмъ освящаше“¹⁾.

О внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ первоначальной Вѣтковской церкви у раскольниковъ почти не сохранилось никакихъ извѣстій. Лѣтописецъ Вѣтковской церкви второй половины XVIII в., т. е. когда она находилась уже не на Вѣткѣ, а въ стародубской раскольникіей слободѣ Климовой, извѣстный Яковъ Степановъ Бѣляевъ, прямо говорить, что „о заграничной церкви подленныхъ извѣстій нѣтъ“²⁾. Въ отвѣтахъ Софонтьева согласія на 130 вопросовъ, предложенныхъ въ 1715 г. Питиримомъ, сообщаются только общія свѣдѣнія о построеніи и освященіи церкви на Вѣткѣ въ отвѣтахъ 35—40, 126—127, безъ всякихъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ указаній относительно внѣшняго и внутренняго ея устройства³⁾. Этотъ недостатокъ раскольникіихъ свидѣтельствъ о своей первоначальной церкви восполняется въ извѣстной мѣрѣ довольно обстоятельно о ней вѣдомостью полковника Сытина, составленною въ моментъ перваго разгрома Вѣтки въ 1735 г. Вотъ въ какомъ видѣ нашель

¹⁾ Ист. о бѣгств. свящ. Ibid., стр. 62—63. Журавлевъ: Полн. ист. изв. изд. 2. Ч. I, стр. 102.

²⁾ Лѣтоп. Вѣтков. церкви. Рук. Л. 1 об.

³⁾ Опис. нѣк. соч., напис. рус. раск. Ал. В. Ч. II.

Сытинъ устроенную Θεодосіемъ церковь: „въ олтарѣ на престолѣ 3 Евангелія: первое на зеленомъ бархатѣ, евангелисты серебряныя и вызлочены; второе на красномъ бархатѣ, евангелисты серебряныя и вызлочены; третье на красномъ же бархатѣ, евангелисты серебряныя и вызлочены; за престоломъ образъ пресв. Богородицы Володимерскія, риза кованая, серебряная и вызлочена, вѣнецъ и ожерелье низаны жемчугомъ, три серги двойчатки, при одной серги копѣйка старая серебряная, семь крестовъ серебряныхъ, въ томъ числѣ четыре вызлочены; на другой сторонѣ онаго жъ образа написанъ образъ Николая Чюдотворца въ окладѣ серебряномъ и гривна серебряная, вызлочена; крестъ запрестольный изображенъ на деревѣ; на немъ вѣнецъ и гривна серебряныя, вызлочены; двѣ лампы мѣдныя, на зеленыхъ цѣпяхъ,—одна вызлочена. На жертвенникѣ два сосуда, одинъ серебряной, вызлоченъ, другой мѣдный, въ срединѣ вызлоченъ же; дискосъ съ звѣздою серебряныя, вызлочены; двѣ тарелки серебряныя, позлочены; двѣ ложки серебряныя внутрь и по конецъ вызлочены; кадило серебряное, вызлочено, на серебряныхъ цѣпяхъ; четыре на мѣдныхъ цѣпяхъ, два на желѣзныхъ; крестъ серебряной, вызлоченъ, съ мощами въ футлярѣ кипарисномъ, выбитъ бархатомъ краснымъ. Сундукъ за печатью, а въ немъ полотняная рухлядь и прочая; въ немъ же мѣшечикъ за печатью при ярлыкѣ съ ломомъ, серебромъ и съ прочимъ, какъ значить на ярлыкѣ, да въ бумажкѣ 4 креста серебряныя, въ томъ числѣ одинъ не вызлоченъ; бахромы серебряной аршинъ, позументу золотого съ аршинъ. Въ ризничей шесть шендаловъ мѣдныхъ, два оловяныхъ, ендова мѣдная, горшечъ мѣдной съ крышечкою, кубганъ оловяной одинъ; три кропила, одно съ серебряною оправою, вызлочено; шанва епискупская съ камнями въ футлярѣ зеленомъ; въ сундукѣ за печатью все одѣяніе епискупское, что принадлежитъ; ризъ праздничныхъ разныхъ цвѣтовъ десять; пять потрафилей разныхъ цвѣтовъ, оплечья ризная серебромъ и золотомъ вышито одно; поручей праздничныхъ разныхъ цвѣтовъ десять; поясовъ священническихъ нитныхъ четыре; два уляра діаконскихъ; ризъ будничныхъ выбойчетыхъ и прочихъ четырнадцать; стихарей и подризниковъ десять; шесть потрафилей бумажныхъ и бумажныхъ; три уляра діаконскихъ; поручей бумажныхъ восемь; коверъ персидской одинъ; пеленъ разныхъ цвѣтовъ девятнадцать; сорочица престолная одна; убрूसъ съ прорѣзнымъ кружевомъ

серебрянымъ одинъ. Въ церкви иконъ мѣстныхъ: въ началѣ Спасителя образъ и Богородицы съ вѣнцами, на немъ три вѣнца и три гривны; другой Покрова жъ пресв. Богородицы, крестъ серебряной, вызолоченъ, съ мощами, лампада маленькая мѣдная; одно поникадило мѣдное болшее, внизу кисть бисерная. Да въ шафѣ книгъ большихъ и малыхъ пятьдесятъ двѣ. Въ предѣлѣ на правой сторонѣ образъ пресв. Богородицы Казанскія, вѣнецъ и гривна серебряная, вызолочены; при немъ же образъ серги съ жемчугами и камнями красными одни; крестъ серебряной съ винисью одинъ; поникадило мѣдное неболшее; образъ Николая Чюдотворца, на немъ вѣнецъ серебряной, кованой, вызолоченъ. Въ предѣлѣ на лѣвой сторонѣ Спасителя образъ, вѣнецъ и гривна серебряныя, кованыя, вызолочены; образъ Іоанна Предтечи, на немъ вѣнецъ серебряной, кованой, вызолоченъ, лампада оловянная маленькая одна; образъ Пресв. Богородицы запрестольной, на немъ два вѣнца и гривны серебряныя, кованыя, позолочены; убрूसъ низанъ жемчугомъ и камнемъ; четыре лампы мѣдныя, оловянная неболшая одна. Да прочей монастырской утвари: колоколовъ большихъ и малыхъ двадцать, часы желѣзные боевые одни¹⁾. Такимъ образомъ изъ этой вѣдомости узнаемъ, что устроенная Θεодосіемъ церковь была довольно значительныхъ размѣровъ; кромѣ главнаго алтаря, она имѣла два боковыхъ предѣла, съ правой и лѣвой стороны, и была богато снабжена какъ иконами, такъ и всею вообще церковною утварью.

Понятно, какое значеніе для старообрядцевъ должна была имѣть освященная Θεодосіемъ Воринымъ Покровская на Вѣткѣ церковь, и не только въ Вѣтковскихъ и Стародубскихъ предѣлахъ. Еще болѣе должны были усилить ея значеніе устроившіяся при ней раскольничьи обители—мужская и женская, начавшіяся организоваться еще при Іоасафѣ. Скоро Θεодосій счумѣлъ прославить среди старообрядцевъ-поповщинцевъ свой Покровскій на Вѣткѣ монастырь и открытіемъ „мощей“, какъ вещественныхъ признаковъ святости мѣста и спасительнаго дѣйствія вѣры. Первымъ Вѣтковскимъ святымъ, по всей вѣроятности по предложенію самаго Θεодосія, былъ объявленъ инициаторъ и устроитель на Вѣткѣ церкви, „тихий и благоувѣтный Іоасафъ“. Въ свое время были составлены на Вѣткѣ чудесныя сказанія

¹⁾ Опис. акт. арх. Маркевича, относ. къ исторіи стародуб. скитыхъ. Чт. въ общ. ист. и древ. Росс. 1884 г. кн. 11, стр. 6 и 7.

и службы новоявленнымъ вѣтковскимъ святымъ ¹⁾). Такимъ образомъ Вѣтка, какъ „вѣтвь древняго благочестія“, уже при Θεодосіѣ Ворыпинѣ обладала всѣми необходимыми средствами для привлеченія къ себѣ темныхъ старообрядствующихъ русскихъ людей.

Вѣтка съ церковью, обѣдными и мощами, стала быстро возвышаться; толпы за толпами приходили сюда со всѣхъ концовъ Россіи, привлекаемые рассказами о безопасности заграничнаго убѣжища и разными удобствами жизни, а также и вѣстію о вновь устроенной церкви, первой и единственной въ то время у вѣтковско-стародубскихъ старообрядцевъ. Единственной она была въ то время и вообще у поповщинцевъ. „На то-

¹⁾ Обращавшихся въ XVIII в. среди старообрядцевъ сказаній о Вѣтковскихъ святыхъ и чудесныхъ видѣніяхъ намъ не удалось отыскать, какъ и составленныхъ на Вѣткѣ службъ новоявленнымъ раскольниковымъ святымъ. См. показаніе по дѣлу о Воронковской лжехристовщинѣ Агаѣи Мелентьевой. Х. И. А. Д. Р. № 21299. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 25, стр. 143. Собственно о существованіи Вѣтковскихъ святыхъ имѣются слѣд. данныя. Во время первой Вѣтковской выгонки, когда полковникъ Сытинъ неодобрительно отнесся къ суевѣрію Вѣтковцевъ, раскольники, защищая свою старую вѣру, указали ему на прежнихъ своихъ отцовъ—священниковъ: Іоасафа, Θεодосіа съ братомъ Александромъ, прославленныхъ нетлѣніемъ мощей. Гробы Вѣтковскихъ угодниковъ немедленно были запечатаны и отправлены въ Россію; по докладу о томъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, мощи эти повелѣно было сжечь, что и было произведено публично не далеко отъ Новгородсѣверска, на р. Колоскѣ. Журавлевъ: Полн. ист. изв. Ч. III, стр. 44—45. Объ Антоніи см. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. нси. т. IV, стр. 161, 164. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. син. т. I, 585. Ср. ст. Мельникова въ Рус. Вѣст. за 1867 г., Февраль, стр. 626. Іона Курносый въ своей Ист. о бѣгств. свящ. говоритъ только о мощахъ Θεодосіа: «по преставленіи же его (Θеодосіа) обрѣтошася мощи его цѣлы ни чимъ же вредимы, и погребоша его въ церкви. Во время же первой выгонки изъ Польши христіанъ взаты оныя мощи присланными полководцы, и безъ вѣсти учинились». Есиповъ: Раскол. дѣла, II, Приложенія, стр. 187. Въ «Книжидѣ о каженіи», вышедшей изъ подъ пера автора-діакононца во второй четверти XVIII в., послѣ первой Вѣтковской выгонки, Іоасафъ и Θεодосіа также упоминаются, какъ Вѣтковскіе святые. См. согласіе 17. Рукоп. церковно-археолог. Музея при К. Д. Ак. О. 8^о—41. Іона Курносый. Ист. оч. поповщ. ч. I. стр. 80.

ликую убо славу новосвященныя церкви“, говоритъ Иванъ Алексѣевъ, „вси народи во всѣхъ странахъ радости исполнишася, на нуже отсюду приходяще людіе, оставляюще дома, въ толикій путь труды воспріимаху. Господіе честніи о зданіихъ своихъ вознерадѣша, и госпожи честныя течаху на оное жительство, дѣвы отхождаху родителей своихъ, на вѣчную чистоту вдающеса, иноческимъ одѣніемъ покрывахуса. Откуда безчисленными народы наполни вѣтковское жительство и аки градъ великъ въ населеніи тѣхъ явися“ (Ibid., стр. 63). Въ безопасности своей зарубежныя вѣтковскіе раскольники были вполне увѣрены: польскіе паны, на земляхъ которыхъ поселились русскіе старообрядцы, стояли за нихъ горою, въ особенности панъ Халецкій, вступавшійся за своихъ раскольниковъ поселенцевъ при всякомъ случаѣ. Не даромъ впоследствии Вѣтковцы говорили, что хотя „у Петра рука долга, а сюда не хватить¹⁾“.

Со времени Θεодосія Ворыпина Вѣтка становится организационнымъ центромъ для всего поповщинскаго раскола, а Θεодосій главою его, „пастыремъ и наставникомъ“, какъ величали его Вѣтковскіе отцы послѣ его смерти. Въ качествѣ главы Вѣтковской церкви онъ разсылалъ благословенія и св. дары своей церкви по всѣмъ поповщинскимъ общинамъ, принималъ бѣглыхъ отъ господствующей церкви поповъ, исправлялъ ихъ по раскольничьи и разсылалъ затѣмъ по разнымъ мѣстамъ. Самый Керженецъ, несомнѣнно болѣе старый очагъ раскола, бывший дотолѣ и самъ виднымъ средоточіемъ поповщины, долженъ былъ теперь преклониться предъ Вѣткой. Вліяніе и авторитетъ

¹⁾ О перепискѣ Казимира Халецкаго съ стародубскимъ полковникомъ С. И. Самойловичемъ, по поводу обидъ, причиненныхъ въ Стародубѣ его зарубежнымъ подданнымъ, раскольникамъ по преимуству, мы уже упоминали выше. Съ такими же письмами обращались польскіе шляхтичи и къ послѣдующимъ стародубскимъ полковникамъ и къ самому гетману. Такъ Михаилъ Халецкій, староста Мозырскій, писалъ къ гетману Мазепѣ 20 сентября 1701 г.: «хотя въ моемъ первомъ листѣ объявилъ вашей милости, моему милостивому господину, прошеніе мое, прося, чтобъ люди державы Сужинской задержанные въ полку Черниговскомъ, были отданы,—того ради и нынѣ тѣмъ же прошеніемъ вашей милости... доучаю, чтобъ то получить съ почитанія любви вашей милости... М. А. М. Ю. Кн. Малор. прик. № 83. л. 973. Ср. Мат. для ист. раск. на В. и въ Стар. стр. 55.

Θеодосія сильны были и здѣсь: онъ и самъ ходилъ сюда мирить возникавшіе въ то время на Керженцѣ раскольниковыя споры и посылалъ съ Вѣтки увѣщательныя и наставительныя грамоты. Стало выходить у старообрядцевъ старое дониконовское муро; по нуждѣ, по ихъ сказаніямъ, старое Іосифовское муро разбавлялось деревяннымъ масломъ, да и то было на исходѣ, если только оно дѣйствительно было: Θеодосій, удовлетворяя насущной нуждѣ, сварилъ и муро. Словомъ, онъ дѣлалъ все, чтобы возвысить себя и организованный имъ монастырь съ церковью, и достигъ своей цѣли: Вѣтка возвысилась на степень поповщинскаго центра. „Прелести ея“, какъ справедливо замѣчаетъ протоіерей Журавлевъ, „часть отъ часу болѣе распространялись повсюду, такъ что самыя отдаленныя города, уѣзды и селенія Россіи не избѣгли заразы ея... Монахи и монахини отъ Вѣтки разсыпались повсюду и простой народъ вездѣ развращали, и по всѣмъ мѣстамъ отъ Вѣтковой церкви таинство причащенія разносили, такъ что купля сія главнымъ промысломъ у сихъ бродягъ учинилась“¹⁾...

Этому возвышенію Вѣтки способствовало какъ внѣшнее положеніе раскола въ русскихъ предѣлахъ, стѣсненнаго мѣрами гражданскаго и духовнаго правительствъ, такъ въ особенности внутреннее состояніе раскольниковыхъ общинъ, распавшихся на многіе толки или согласія и боровшихся между собою. Объ отношеніи Θеодосія къ поповщинскимъ общинамъ въ русскихъ предѣлахъ имѣются слѣдующія данныя. Керженскіе старообрядческіе скиты, образовавшіеся еще по всей вѣроятности во времена п. Никона и долгое время привлекавшіе къ себѣ вниманіе всѣхъ послѣдователей и ревнителей старой вѣры, послѣ Смольянской катастрофы, въ особенности же въ началѣ XVIII в., потеряли прежнее первенствующее положеніе въ старообрядческомъ мірѣ, благодаря начавшимся миссіонерскимъ преслѣдованіямъ со стороны Пятирима, а болѣе всего благодаря внутренней борьбѣ между образовавшимися тамъ толками—Софонтьевскимъ,

¹⁾ Полн. ист. изв. о раск. Ч. III, стр. 16 в др. О превращеніи древняго муро писалъ Θеодосію посланіе діаконовъ Александръ, какъ свидѣтельствуеъ Ив. Алексѣевъ. Ibid. 63. Овареніи муро на Вѣткѣ упоминается и въ отвѣтахъ Керженскаго Софонтьева толка на 130 вопросовъ Пятирима 1715 г. См. Отв. 42—45, 118. Опис. нѣвот. соч., напис. рус. раск. Ал. Б. Ч. II, стр. 193.

Онуфріевскимъ и Діаконовскимъ. При такихъ условіяхъ, дѣятельному и энергичному Вѣтковскому старцу—схимнику, Θεодосію Ворыпину, пользовавшемуся у старообрядцевъ вообще прославленною страданіями за вѣру извѣстностію, лично управлявшему и Керженскими святами, не трудно было пріобрѣсть духовный авторитетъ и на Керженцѣ и подчинить послѣдній Вѣткѣ. И дѣйствительно, онъ принималъ и личное участіе въ тогдашнихъ Керженскихъ спорахъ и несогласіяхъ, и разрѣшалъ на Вѣтковскихъ соборахъ недоумѣнія и жалобы, приносимыя ему отъ Керженскихъ и Нижегородскихъ пустынножителей.

Іона Курносій, авторъ другой „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“ рассказываетъ, что Θεодосій принималъ личное участіе на Керженскомъ соборѣ, по поводу происходившихъ тамъ споровъ о пріемѣ отъ никоніанства священниковъ и мірянъ. Многіе въ то время и на Керженцѣ вмѣстѣ съ попомъ Исидоромъ Козмодемьянскимъ говорили, что „крещеніе отъ великороссійской церкви нѣсть крещеніе и обращающихся отъ Россійской церкви начаша паки крестити, не взирающе же ни на древній обычай, ниже на правила церковныя“. Мѣстное собраніе по этому вопросу хотя и пришло къ заключенію, что „не бы то исправленіе благочестія, но поврежденіе истины и обычая отъ правилъ преданнаго“, тѣмъ не менѣе порѣшило, по словамъ того же старообрядческаго историка, обратиться на Вѣтку къ собраннымъ тамъ Θεодосіемъ отцамъ, чтобы они прислали „единого отъ отецъ на уврѣпленіе обычая церковнаго. Попрошенію же ихъ,“ рассказываетъ далѣе Іона Курносій, „приде къ нимъ священноинокъ Θεодосій, который прежде былъ на Белашѣ... Тогда же много увѣщающе оныхъ возмутителей, приводяще во свидѣтельство соборныя правила, а наипаче указующе на Павла, епископа Коломенскаго, прежде ихъ бывшаго, како повелѣваше въ жизни своей обращающихся пріимати: аще суть священницы, то съ первою хиротонією, и воторы не хиротонисатися. И потомъ запретиша крестити паки; повелѣваше же пріимати обращающихся и кающихся съ писаніемъ и муропомазаніемъ, по правиламъ св. отецъ...“ Интересно заключительное замѣчаніе Іоны Курносаго о практикѣ самаго Θεодосія въ данномъ случаѣ: „сей же священноинокъ Θεодосій обращающихся пріималъ по соборному тому уложенію, чрезъ муро, и потомъ паки возвратися на Вѣтку къ церкви, и, тамо пребывая

труды ко трудамъ прилагая“¹⁾... Такимъ образомъ оказывается, что Θεодосій, перекрещивавшій въ Донскихъ городахъ окрещенныхъ, въ вѣтковскій періодъ своей дѣятельности рѣзко измѣнилъ свою прежнюю практику и явно вступилъ на путь болѣе умѣреннаго отношенія къ господствующей церкви, чѣмъ какое и раньше и въ то время пробивалось у болѣе крайнихъ представителей старообрядства, наприм. на новгородскомъ сѣверѣ, на Дону въ ученіи Кузьки Косаго и другихъ, и даже въ Стародубѣ и на Вѣткѣ въ ученіи попа Стефана и его послѣдователей.

Дѣятельное участіе Θεодосія Ворыпинъ принималъ и въ другихъ Керженскихъ спорахъ начала XVIII в. Тамъ въ то время боролись три толка: Онуфріевскій, Софонтьевскій и только что вновь тогда образовавшійся Діаконовскій. Исторія отношеній Θεодосія въ этомъ толкамъ и главнымъ образомъ къ Діаконовскому весьма обстоятельно разсказывается въ его посланіи на Керженецъ 1709 г., давно извѣстномъ, и въ двухъ рукописныхъ сборникахъ Хлудовской бібліотеки (№ № 340 и 341, по описанію А. Попова), составленныхъ на Вѣткѣ въ опроверженіе діаконовскаго согласія. Посланіе Θεодосія, писанное на старинномъ долгомъ столбцѣ, почему и называется нерѣдко въ старообрядческихъ рукописяхъ „свиткомъ“, напечатано протоіереемъ Журавлевымъ въ

¹⁾ Ист. о бѣгств. свящ. Іоны Курносаго напечатана частію Г. В. Есиповымъ въ приложеніяхъ ко 11 т. его сочиненія: Раск. дѣла XVIII ст. (Сиб. 1863), безъ обозначенія почему-то имени ея автора. Авторъ этой исторіи, раскольничій писатель поповщинскаго толка, жилъ во второй половинѣ XVIII в. въ извѣстномъ Комаровскомъ скиту, въ 25 в. отъ г. Семенова. Объ этой исторіи и ея авторѣ, какъ поповщинскомъ историкѣ, болѣе обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія сообщалъ П. И. Мельниковъ въ своихъ Ист. оч. поповщ. (Ч. 1, стр. 26—28, примѣч.) и называлъ его однимъ изъ самыхъ умныхъ и начитанныхъ старообрядцевъ того времени. Не такъ смотритъ на него проф. Н. И. Субботинъ. Онъ называетъ Іону Курносаго „писателемъ безграмотнымъ и недобросовѣстнымъ“, главнымъ образомъ на томъ основаніи, что недобросовѣстность его уличали и сами старообрядцы (Никодимъ) на извѣстномъ московскомъ раскольничьемъ соборѣ 1779—1780 г., по поводу споровъ „о томъ, комъ чиномъ принятии приходящихъ отъ великороссійскія церкви поповъ и мірянъ“. Журавлевъ: Пол. ист. изв. о раск. ч. IV, стр. 62—65. Въ данномъ случаѣ Іона Курносый рѣзко расходится съ Ив. Алексѣевымъ, который говоритъ, что Θεодосій, якоже и прежніи отцы, новотвор-

„Историческомъ извѣстїи о раскольникахъ“ (ч. IV, 8—15), но въ значительно сокращенномъ видѣ. Хлудовскій сборникъ подь № 340 составляетъ небольшую рукопись, всего на 53 л., въ 8-ку, писанную скорописью XVIII в., и состоитъ въ сущности изъ одной статьи съ нѣсколькими къ ней приложеніями, озаглавленной такъ: „Возобъявленіе обители Покрова пресвятыя Богородицы Вѣтковскаго монастыря казначея Павла и головщика Филарета и уставщика Исосимы и соборныхъ старцевъ Тихона, Феодосія и прочихъ“. Это „Возобъявленіе“ есть почти буквальное воспроизведение посланія Феодосія 1709 г. на Керженецъ, сдѣланное въ концѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка и заключающее въ себѣ, съ соотвѣтственнымъ примѣненіемъ къ тогдашнему положенію борющихся между собою толковъ, довольно подробную и обстоятельную исторію борьбы Вѣтковщины съ Діаконовщиной при Феодосіи и послѣ него до 1728 г. вѣлчительно. Оно обращено къ „правовѣрнымъ христіанамъ, сыновомъ св. церкви“, чтобы они при чтеніи посланія Феодосія „умилилися и новоначинательныхъ распрей престоли“. По своему общему содержанію оно направлено главнымъ образомъ противъ современныхъ его написанію Вѣтковскихъ и Стародубскихъ діаконовцевъ, начавшихъ переселяться съ Нижегородскаго повожья въ Вѣтовскія и Стародубскія слободы еще при жизни Феодосія Ворыпина и потомъ усилившихся здѣсь во время миссіонерскихъ пре-

ныхъ крещеніе повторяше своимъ крещеніемъ и въ семъ согласоваше древнимъ іереемъ, предъ нимъ бывшимъ. Относительно приема новорукоположенныхъ и Алексѣевъ прямо говорятъ, что онъ открылъ дверь и начало „положилъ онимъ священнодѣйствати, откуда поступающіи по немъ уже и новокрещенныхъ и новорукоположенныхъ поповъ приемятъ и дають имъ власть священная дѣяти, не яко прежніи іереи,“ что настоящіи по немъ въ приѣмѣ хиротоніи новыхъ согласуютъ Феодосію, а въ крещеніи новотворныхъ иначе поступаютъ. Ibid. стр. 63. По всей вѣроятности и въ послѣднемъ отношеніи Алексѣевъ руководился своими тенденціозными соображеніями—доказать незаконность старообрядческаго іерейства самой его исторіей; во всякомъ случаѣ Іона Курносый здѣсь точнѣе отмѣчаетъ практику вѣтковскаго согласія, чѣмъ Алексѣевъ. По установившейся издавна Вѣтковской практикѣ происходящихъ отъ великороссійской церкви принимали вторымъ чинномъ, перемазывая во второй разъ мѣромъ, т. е. именно такъ, какъ сообщаетъ Іона Курносый, а не Ив. Алексѣевъ. Указанія на этотъ счетъ есть и въ Лѣтоп. Як. Вѣлаева.

слѣдованій ихъ въ повожьѣ еп. Пятирима ¹⁾). Другой Хлудовскій сборникъ гораздо значительнѣе перваго по объему (373 л. л. въ 8-ку) и содержанію. По времени своего происхожденія онъ относится приблизительно къ тридцатымъ годамъ прошлаго вѣка и составленъ несомнѣнно на Вѣткѣ, какъ и первый, и представителемъ Вѣтковскаго согласія, крайне враждебно относившимся къ Діаконовщинѣ. Въ этомъ послѣднемъ сборникѣ для насъ особенно важно въ данномъ случаѣ „Описаніе пренія старца Θεодосія съ нѣкимъ Тимошеемъ Матвѣевымъ Лысениномъ и съ ученикомъ его Васиіемъ Власовымъ и съ ихъ единовольниками о честномъ и животворящемъ крестѣ Христовѣ... (л. 126—143), напечатаное нами въ Матеріалахъ для ист. раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣхъ подъ № 1 (стр. 3—9). Преніе это происходило на Вѣткѣ 9-го іюня 1709 г.

О личности Т. М. Лысенина нѣтъ точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній. Извѣстно только то, что онъ жилъ съ семействомъ первоначально на Керженцѣ, потомъ переселился на Вѣтку и былъ здѣсь однимъ изъ видныхъ представителей Діаконовскаго толка. По всей вѣроятности онъ же принималъ участіе въ борьбѣ съ извѣстнымъ Онуфріемъ изъ за Аввакумовыхъ писемъ, обличая въ нихъ „неправое мудрованіе“ Аввакума, слышавшаго на первыхъ порахъ у раскольниковъ за „изящнаго страдальца“ за старую вѣру, „за протосингела російскія церкви“. По крайней мѣрѣ извѣстно письмо нѣкоего Тимооеа Матвѣева къ Онуфрію, отъ 22-го іюня 1708 г., въ которомъ онъ убѣждалъ послѣдняго отложить „спорныя и не церковныя письма“ Аввакума, „понеже они не согласны съ божественнымъ писаніемъ“ какъ въ ученіи о св. Троицѣ, такъ и въ ученіи о крестѣ Христовѣ. „Да въ его же письмахъ Аввакумовыхъ“, писалъ Тимооей Матвѣевъ, „крестъ святой четвероконечный римскою блядію нареченъ“. *Вопросъ* о четвероконечномъ крестѣ былъ главнымъ пунктомъ пренія Лысенина и съ Вѣтковскимъ старцемъ Θεодосіемъ Ворыпинымъ. Для характеристики этого Тимооеа Матвѣева интересно отвѣтное письмо ему Онуфрія, въ которомъ послѣдній писалъ: „Тимооей Матвѣевичъ, спаси

¹⁾ Въ одномъ изъ старообрядческихъ сборниковъ библи. Высокопресвященнаго Макарія, хранящемся теперь въ библиотекѣ К. Д. Ак. (Аа., 148) сказано, что Нижегородскіе раздорники—діаконовцы поселились близь Θεодосіевой обители пресв. Богородицы.

Богъ на поученьѣ твоємъ, что насъ неразумныхъ поучаешь и наказуешь; а хорошо бы, другъ, намъ мѣра своя знать. Высоко ты летаешь; да лише бы съ высоты тое не свалился низу. Отъ кого ты учительскоѣ-тъ санъ воспріялъ, и кто тебя въ учителя-то поставилъ! Всѣ учителя стали, а послушать не кому. Горе намъ и времени сему и живущимъ въ немъ! Дитя ты молоденькое, а дерзаешь высоко; а намъ право и слушать не хочется учительства твоего... Хороши вы учителя! Иной пришолъ грозить: палками де прибьемъ. Добро увидимъ, какъ станете бить. А иной грозить: предательствомъ намъ предательство... А мы тебя и незнаемъ, кто ты; а поученіе-то твое не нужно намъ: самъ прежде научися, и тогда не скоро на себя учительскоѣ-тъ санъ восхищай"...¹⁾ Характеристика эта вполне подходит, какъ увидимъ изъ нижеслѣдующихъ данныхъ, и къ Тимоѣю Матвѣеву Лысенину, спорившему на Вѣткѣ съ старцемъ Θεодосіемъ.

Сущность споровъ Лысенина и другихъ первоначальныхъ сторонниковъ Діаконовскаго толка съ старцемъ Θεодосіемъ Ворыпинимъ, по указаннымъ источникамъ, состояла въ слѣдующемъ. Лысенинъ называлъ истиннымъ и животворящимъ кре-

¹⁾ Письмо Т. Матвѣева отъ 22-го іюня 1708 г. и отвѣтное ему письмо Онуфрія напечатаны Г. В. Есиповымъ во 11 т. его книги: «Раск. дѣла XVIII ст.», стр. 244—249. Въ этой перепискѣ, какъ и въ письмахъ Никодима, бывшаго друга и единомышленника Онуфрія, и въ отвѣтномъ на него письмѣ Тимоѣя Матвѣева, отъ 18-го октября 1708 г., послѣдній по фамиліи не называется. О письмахъ Аввакумовыхъ см. у Журавлева въ «Ист. изв. ч. I, 81—82, ч. III, 2, 7. Ист. рус. раск. Макарія, стр. 316—319; Матер. для ист. раск. т. VI; Брат. слово 1875 г., ст. объ Аввакумѣ, стр. 265 и д., от. 2; наше Опис. ркп. черн. сем. биб., №№ 135—136, статьи: 1) «Собравіе отъ божеств. пис. вкратцѣ на обличеніе ложныхъ и нецерковныхъ, несогласныхъ съ божеств. писаніемъ св. отецъ писемъ протопопа Аввакума, отложенныхъ христіанскимъ соборомъ въ лѣто отъ созданія міра 7217, мѣсяца ноября въ 28 день». 2) Доказательство отъ божеств. писанія о св. Троицѣ»..., написанное въ обличеніе нецерковныхъ, ложныхъ, спорныхъ писемъ Аввакума. Стр. 141. 142, 145—146. Въ «Обличеніи на протопопа Андрея Большія Охты (ркп. Хлудов. библ. № 302) письма о св. Троицѣ, приписываемыя Аввакуму, называются подложными, «никогда же писанными и по смерти его (Аввакума) явленными, непотребными и злохульными на самое Божество» (л. 102). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что они сочинены «нѣкими вредоумными и кривослагательными людьми». См.

стомъ Христовымъ, какъ и всѣ послѣдующіе Діаконовцы, крестъ двучастный или четвероконечный, и признавалъ его „равнымъ и единочестнымъ трисоставному кресту Христову величествомъ“, который сложенъ „отъ трехъ деревьевъ, отъ кипариса, и пѣвга, и кедра“, какъ учили Вѣтковцы и старецъ Θεодосій. Этотъ споръ о двучастномъ и трисоставномъ крестѣ Христовомъ долго потомъ волновалъ Діаконовцевъ и Вѣтковцевъ, принимая за частую очень рѣзкую по выраженіямъ форму, какъ было и въ данномъ случаѣ. О предметѣ этого спора Лысенинымъ была написана цѣлая книга, „а въ ней“, по словамъ втораго источника, „писано его Тимоѣево мудрствованіе и отъ божественнаго писанія сбирано развращенно, по его низшему разуму и по еретическому обычаю: откровенное писаніе оное напередѣ оставляше, оное же въ срединѣ обходяше, оное же послѣди оставляше“... Въ личныхъ спорахъ о томъ же предметѣ Лысенинъ называлъ „старца Θεодосія отметникомъ креста Христова при многихъ отцѣхъ и мірскихъ людехъ“..., а о священномъ предметѣ спора выражался крайне дерзко и кощунственно. Между прочимъ въ „Описаніи пренія“ приведенъ такой разговоръ между старцемъ и міряниномъ о двучастномъ крестѣ.

Мірянинъ. Сей крестъ (двучастный) како называешь? Христовъ, или Петровъ, или инако како?

Старецъ. Никако, токмо прообразование креста Христова нарицаю.

Мірянинъ. Рцы отъ обою едино: Христовъ или чортовъ?

Старецъ. Ты рече; азъ о семъ глаголю твоемъ потреби не имамъ навывенути.

Мірянинъ. Христовъ или того же?

Старецъ. Время глаголати, время и молчати.

Мірянинъ (возъярився). Глаголю ти, отъ обою едино рцы...?

Старецъ. Азъ съ тобою о семъ въ словопреніе не дамъся, но еже что отъ писанія увижу, то ти реку.

Подобнымъ же образомъ высказывались о томъ же предметѣ и ученики Лысенина, какъ видно изъ указанныхъ нами о нихъ тамъ лл. 109, 123 и 232. Набрасывается даже тѣнь въ сочинительствѣ ихъ на св. Дмитрія Ростовскаго (л. 109). Первый изъ раскольничьихъ писателей, пытавшійся опровергнуть самую подлинность Аввакумовыхъ писемъ, былъ Семень Денисовъ, высказавшій эту мысль въ своемъ «Виноградѣ російскомъ» (ст. объ Аввакумѣ).

источниковъ. Въ „Возобъявленіи“ разсказывается, что „былъ у старца Θεодосія Тимоѳеевъ Лысенина ученикъ Василій Власовъ и сложилъ на крестъ два угарка лучиновые, и, перекрестясь, цѣловалъ ихъ, и еще перекрестивъ, и поклонился имъ, а исповѣдывалъ истиннымъ и животворящимъ крестомъ Христовымъ и единосестнымъ и едину де славу имущимъ съ трисоставнымъ. И поклоняся и исповѣдавши истиннымъ крестомъ Христовымъ, тѣ угарки кинулъ на землю“ (Хлудов. сб. № 340, л. 33). Онъ же считалъ возможнымъ называть истиннымъ и животворящимъ крестомъ и поклоняться всякому по своей внѣшней формѣ кресту, даже начертанному ногтемъ или мѣломъ на стѣнахъ и на картахъ, а также на столѣ пивомъ „и на нечистыхъ мѣстахъ лежащему на крестъ“ (Ibidem, л. 36)¹⁾. „Да онъ же Василій“, по словамъ того же источника, „не токмо словесно, но и письменно написа, что де у Никоніанъ на просфорахъ напечатанъ двучастный крестъ и тотъ де истинный и животворящій крестъ Христовъ, на немъ же распятся Господь нашъ І. Христосъ, и якобы они въ томъ съ никоніаны согласны, а въ прочихъ новыхъ преданіяхъ несогласны“²⁾. Другой ученикъ Лысенина Тимоѳей Алексѣевъ, по другой редакціи Тимоѳей Аванасьевъ, дворянинъ по своему происхожде-

¹⁾ Ср. въ вышеупомянутомъ рукопис. сборн. Высокопреосв. Макарія въ церковно-археолог. Музеѣ при К. Д. Ак. Аа., 148, л. 151.

²⁾ О дальнѣйшей судьбѣ Василія Власова извѣстно, что онъ въ 1719 г., какъ одинъ изъ закоренѣлыхъ противниковъ и учителей раскольническихъ, былъ присланъ еп. Питиримомъ къ Юрію Ржевскому для наказанія. А наказаніе ему учинено такое: былъ битъ кнутомъ и посланъ на каторгу съ вырѣзаніемъ поздрей. См. представленіе Ржевскаго Петру I, отъ 12 февраля 1719 г. Каб. дѣла, кн. 42, стр. 11—12. Есиповъ: раск. дѣла, 11, приложенія, стр. 202. Въ реестрѣ 1721 г., кто за какія винны сосланы на каторгу въ вѣчную работу (Госуд. арх. каб. дѣлъ, 2 от., кн. № 56, лл. 925—926; Есиповъ, 11, стр. 269) сказано, что Власовъ сосланъ «за возмущеніе народа и за ложное его называніе книги *Соборнаго длянія*, которая, по его, великаго государя, указу, печатана въ Москвѣ на еретика армянина Мартына, *ложною и подставною*... По указу отъ 27 октября 1722 г. посланные въ Сибирь, по письму еп. Питирима, каторжные невольники, «между которыми Василій Власовъ злой раскольщикъ и учитель», поворочены и посланы въ вѣчную работу въ Рогервикъ. М. А. М. Ю. Дѣла правит. сен. по св. син. кн. № $\frac{45}{807}$, дѣло № 9).

нію, тогда же предъ отцами говорилъ, что онъ „бороды ради пошелъ изъ двора“ и „отъ Мосевы отсталъ“, и что „двоечасный крестъ на просфорахъ и въ сердца и въ души самый совершенный, божественный и животворящій крестъ Христовъ“, а „трисоставный де крестъ не апостольское преданіе, но царя Ивана Васильевича новая затѣя“. Хлудов. сб. № 340, л. 38 и об.; № 341, лл. 120 и 143.

По поводу этого спора „о образѣхъ крестныхъ“ Лысенинъ съ учениками былъ призванъ Θεодосіемъ Ворыпинимъ на соборъ, имѣвшій прежде всего въ виду „досмотрить и съ божественнымъ писаніемъ сличить“ книгу о томъ Лысенина. Последній книги на соборъ не принесъ и остался съ учениками при своемъ „мудрствованіи“, почему „отцы и правовѣрніи вси купно возгласиша: не имѣти съ ними общенія и со единомысленники ихъ“. Между прочимъ на этомъ же соборѣ рѣчь шла и о приписываемомъ Θεодосіемъ Василию Власову мнѣніи, „еже бы на дву древѣхъ распятіе Господне писати“. На замѣчаніе по этому поводу Θεодосія Лысенинъ отвѣтилъ: „аще истина сія глаголанная, ересь латынская, еже на дву древѣхъ распятіе писати“.

Нижегородскихъ раздорниковъ Θεодосій судилъ съ своими Вѣтковскими отцами и на соборѣ 1710 г., когда „Нижегородскихъ странъ скитьстїи пустыножительніи отцы, древній старецъ Сергій страдалецъ и Яковъ Зубовъ и прочіи“, обратились къ Вѣтковскому старцу, ихъ духовному отцу, съ жалобой на попа Дмитрія, діакона Александра и извѣстнаго уже намъ Тимоѳея Лысенина¹⁾. Жалоба указанныхъ пустынножителей состояла въ томъ, что „начаша де оніе сами собою, безъ совѣту прочихъ отецъ, вново вадити двукратно, и трикратное каженіе отставили. Еще де начаша въ томъ каженіи прообразовати крестъ и видимо начертовати вмѣсто тричастнаго двучастный. И трикратнымъ де каженіемъ по толкованію святыхъ святая Троица прообразуется и славится во всемъ мірѣ; а они де двобратнымъ каженіемъ св. Троицы прообразовати и славити купно съ правовѣрными,

1) По свидѣтельству св. Дмитрія Ростовскаго именемъ Якова Зубова назывался особый скить, и что его послѣдователи, какъ и онъ самъ, «крестъ четвероконечный, якоже и прочіи раскольщики, отменютъ, мнутъ же сожительствующи себѣ въ единыхъ келїяхъ купно монахины»... Розыскъ, ч. 1, л. 27.

по преданію св. апостоль и отецъ, не восхотѣша. Еще же де они сладкій крестъ во образъ двудревного въ какой-либо вещи въ древѣ или начертанному на стѣнѣ кланяются, и прочимъ кланятися научаютъ, и почитать равночестію трисоставному кресту Христову повелѣваютъ, и нарицаютъ четвероконечнымъ и знаменіемъ Христовымъ и самымъ крестомъ истиннымъ и животворящимъ“... (Хлуд. сб. № 340). Новоначинники названы въ этой жалобѣ „злыми раскольщиками и хищниками словесныхъ овецъ“, за то, что „перемѣнили де они многіе чины и уставы церковные“. Жалоба была написана по старинному на столбцахъ.

Вмѣстѣ съ присланными отъ Нижегородскихъ пустынножителей столбцами явились на Вѣтку и сами виновники нововведеній—попъ Дмитрій и дьяконъ Александръ, По поводу какъ жалобы нижегородскихъ скитниковъ на новоначиниковъ—діаконовцевъ, такъ и другихъ привезенныхъ отъ нихъ „писаній“ относительно дѣйствій Софонтія, Онуфрія и прочихъ Нижегородскихъ раздорниковъ, Θεодосій созвалъ на соборъ не только своихъ монастырскихъ иноковъ, но и окрестныхъ „искусныхъ инокъ, не въ дальнемъ разстояніи живущихъ :инока отца Нифонта, инока схимника Варѣоломея, инока схимника Гавріила, инока схимника Сергія и ученика его инока схимника Іова“. Изъ вѣтковскихъ соборныхъ старцевъ принимали участіе на соборѣ: инокъ Серапіонъ, бывшій въ то время казначеемъ, инокъ схимникъ Филаретъ, схимникъ Зосима, инокъ Павелъ и прочая братія. Присутствовали на соборѣ и депутаты со стороны Нижегородскихъ пустынножителей. Прежде всего на этомъ Вѣтковскомъ соборѣ прочитана была жалоба Нижегородскихъ отцовъ; затѣмъ были призваны явившіеся на Вѣтку попъ Дмитрій и дьяконъ Александръ, и „предъ отцомъ своимъ духовнымъ Θεодосіемъ, по св. заповѣди, были вопрошены и въ томъ подлинно сами сказали, что двократнымъ каженіемъ стали кадить сами собою и безъ совѣту Нижегородскихъ отецъ; а прежде де того они и сами кадили по обычаю св. церкви, и то де оставили... Потомъ приде статія о крестѣ Христовѣ, что будто они не право мудрствуютъ о честнѣмъ животворящемъ трисоставномъ крестѣ Христовѣ и о четвероконечномъ, и тогда мы ихъ въ томъ истязали. И они стали сказывать, что мы де вѣруемъ и исповѣдуемъ, како пріяла церковь Христова, согласно со святыми; и потомъ вземъ присланный отъ васъ (Нижегородскихъ

пустынножителей) столбець о крестѣ Христовѣ, выписано отъ божественнаго писанія и отъ святыхъ отецъ преданія..., и въ вашемъ столбцу, что исповѣданіе о крестѣ Христовѣ, и руки приложили съ клятвами, и такую же исповѣдь и намъ дали за руками своими.

„Еще и въ томъ сказали и повинились, что де они отъ дву древъ начертанному кресту или отъ вещи сдѣланному поклонялися и протчихъ кланяться научали, и почитали равночестію съ трисоставнымъ крестомъ Христовымъ.

„Потомъ они, попъ и діаконъ, предъ отцемъ своимъ духовнымъ, предъ Θεодосіемъ и протчими, клятвенно обѣщали и своеручно по влятвенному обѣщанію руки подписаша и рекоша, чтобы имъ отъ того мудрованія престати и протчихъ неучити, и написанную книгу о томъ мудрованіи, совѣтника ихъ Тимоея Лысенина книгу, сыскати, и тою книгу принести предъ Нижегородскихъ отецъ на соборъ, и въ той книгѣ несогласное и противное мудрованіе чтобъ до конца истребити...

„А по влятвенномъ обѣщаніи и по исповѣданіи священноинокомъ отцемъ Θεодосіемъ, сподоби ихъ быти причастниками св. таинъ, еще часть пречистыхъ таинъ на путное шествіе даде“ (Хлудов. сборн. № 340).

Такимъ образомъ, нижегородскіе раскольничьи новаторы или раздорники, попъ Дмитрій и діаконъ Александръ, отказались на Вѣтковскомъ соборѣ какъ отъ своего уставнаго кажденія, такъ и отъ принятаго ими мудрованія Тимоея Лысенина относительно формъ креста Христова, и въ томъ у Θεодосія и Вѣтковскихъ отцовъ прощеніе испросили, „въ чемъ было отъ неразумія, или отъ дерзости, свару въ словесѣхъ и дѣлѣхъ погрѣшеніе“.

Результатомъ того же собора было и извѣстное Вѣтковское соборное посланіе 1710—г. въ нижегородскіе скиты, напечатанное въ сокращеніи протоіереемъ Журавлевымъ въ „Историческомъ извѣстіи о раскольникахъ“. (Изд. 2, ч. IV, стр. 8—15). Оно было написано и отправлено по назначенію тотчасъ же послѣ описаннаго Вѣтковскаго собора съ попомъ Дмитріемъ и діаконемъ Александромъ¹⁾. Что посланіе было отправлено въ Ни-

¹⁾ Въ литературѣ по исторіи раскола по какому-то странному недоразумѣнію нерѣдко относятъ это посланіе къ 1717 г., напр. преосв. Макарій въ Ист. рус. раск., стр. 230, относятъ ко времени „прежде 1717 г.“, другіе, какъ Г. В. Есаповъ (Раск. дѣла XVШ в., т. II, стр. 216), проф. Н. И. Ивановскій (Руков. въ ист. и облич. раск., стр.

жегородскіе скиты съ попомъ Димитріемъ и діакономъ Александромъ, о томъ въ указанномъ Хлудовскомъ сборникѣ, послѣ приведенныхъ жалобныхъ пунктовъ и повинной предъ Θεодосіемъ главныхъ виновниковъ измѣненій „чиновъ и церковныхъ уставовъ“, прямо сказано: „также оный отецъ Θεодосій и прочіи отцы сошедшася соборѣ написаша и послаша съ нимъ (п. Димитріемъ и д. Александромъ) посланіе за руками“.. Посланіе это есть подробный и обстоятельный отвѣтъ на всѣ „писанія“ нижегородскихъ скитниковъ, по поводу многихъ „раздоровъ, сваръ и раздѣленій единовѣрноживущихъ“, производимыхъ не только послѣдователями діакона Александра, а также и послѣдователями Софонтія, Онуфрія и др. Здѣсь Θεодосій обращается ко всѣмъ начальствующимъ скитникамъ, инокамъ и инокинямъ, и говоритъ съ ними, какъ власть имѣющій духовный начальникъ. Разрѣшая недоумѣнія, возбужденныя діакономъ Александромъ и его приверженцами, прежде всего по вопросу объ уставномъ и крестообразномъ кажденіи, Θεодосій со властію повелѣваетъ имъ „отселѣ престати тако кадить, и кадить бы по древнему церковному обычаю, ради умирения и соединенія церковнаго и всего православнаго христіанства сумѣнія... И прочетше наше сіе посланіе обще предъ всѣми, примиритесь и согласитесь во едино..., и отъ насъ смиренныхъ прощеніе приимете. Аще же кто начнетъ наекъ мятежъ и смущеніе чинити, и насъ ко исправленію не послушаютъ, мы таково чужди во всемъ, и да будутъ отлучени отъ церкви, дондеже смирятся, тогда и прощеніе получаютъ“. Говоря далѣе о недоумѣніяхъ, возбужденныхъ у нижегородскихъ раскольниковъ попомъ Герасимомъ, Θεодосій благословляетъ ходить къ нему „на духъ“ и разрѣшаетъ ему „всякую святыню исправляти, того ради, что въ писаніи къ намъ присланномъ и рука его приложена, что отъ насъ смиренныхъ прощенія просить и благословенія требуетъ, и отъ церкви православныя нашей приимлетъ святое тѣло“... Совсѣмъ инымъ образомъ относится Θεодосій къ противникамъ Вѣтковской церкви, не признающимъ его духовнаго

133) уже прямо къ 1717 г. Между тѣмъ во всѣхъ нами указанныхъ рукописяхъ и главнымъ образомъ въ Хлудов. сборникѣ № 340, л. I. время написанія и отправления посланія отмѣчается отъ сотворенія міра 7218 годомъ, т. е. 1710 г. отъ Р. Хр.

авторитета: онъ имъ грозитъ лишеніемъ „при самой смерти тайнъ Христовыхъ“. Обращаясь затѣмъ къ Софонтію, организатору особаго Керженскаго скита, неподчинившемуся духовному авторитету Вѣтковской церкви и ея представителя, Θεодосій запрещаетъ дѣтямъ своимъ духовнымъ ходить къ Софонтію и принимать его за священника: „потому что онъ причастіа¹ святаго отъ церкви нашея и отъ насъ смиренныхъ не требуетъ, и отца духовнаго себѣ не имѣетъ, и поставленія его вѣдаючи отъ Нивоніанъ сталъ. Еще и то сказываетъ онъ, что и людей жигаль, и иное творить не по уставу церковному¹).

Подозрительно Θεодосій относится и къ старцу Онуфрію и другимъ Керженскимъ почитателямъ извѣстныхъ догматическихъ писемъ „изящнаго страдальца“ и „протосингела Христовы церкви“ Аввакума, которые считали ихъ даже „вѣчнымъ евангеліемъ“. Въ нихъ Аввакумъ, какъ извѣстно, грубо антропоморфически представлялъ и иповѣдывалъ Троицу „на трехъ престолахъ и трибожну и въ трехъ лицахъ по три состава, а Христа называлъ четвертымъ Богомъ, сѣдящимъ на четвертомъ престолѣ“ и пр. Онъ же Аввакумъ, какъ извѣстно, еще раньше слишкомъ человѣкообразно училъ объ ангелахъ: „глаголаше у нихъ власы быти и торочки на главахъ, и зеркала въ рукахъ и крыла у нихъ“ и т. д. (Брат. Слов. 1875 г., кн. IV, отд. 2, стр. 258 и д.). Какъ ни очевидны были догматическія заблужденія этихъ Аввакумовскихъ писемъ, но и они нашли себѣ приверженцевъ между невѣжественными Керженскими скитниками, во главѣ которыхъ и стоялъ вышеупомянутый старецъ Онуфрій, наставникъ одного изъ многочисленныхъ тамошнихъ скитовъ. Изъ—за этихъ писемъ раздоръ на Керженцѣ начался еще въ концѣ XVII в., приблизительно съ 1693 г., когда Θεодосій Ворыпинъ дѣйствовалъ тамъ совмѣстно съ извѣстнымъ въ исторіи старообрядства Пошехонскимъ дворяниномъ Ѡ. Я. Токмачевымъ. Послѣдній, болѣе другихъ понимавшій христіанское ученіе, первымъ изъ Керженцевъ обратилъ вниманіе на противность въ догматическомъ отношеніи писемъ Аввакума „православному

¹) Софонтіій былъ выходцемъ изъ Соловецкаго монастыря. Память его и до нынѣ чтится мѣстными старообрядцами. Въ исторіи Нижегород. іерархінъ разсказывается, что мощи его и доселѣ привлекаютъ къ себѣ благоговѣйныхъ почитателей (въ Семен. уѣздѣ, Нижегород. губ., около Дьякова), стекающихся сюда на пасхѣ и въ Духовъ день для поклоненія. Стр. 37, примѣч. 7.

мудрованію и святымъ богословцамъ“, напр. о сѣченіи св. Троицы на три существа, о воплощеніи Богочеловѣка, о сошествіи Христовѣ во адъ, человѣческой душѣ и пр. По поводу начавшихся изъ—за Аввакумовыхъ писемъ споровъ собиралось на Керженцѣ множество многолюдныхъ сходоѣвъ и составлялось много посланій. Онуфрій упорствовалъ, читалъ Аввакумовскія письма во время церковной службы, написалъ даже икону Аввакума и началъ молиться ей, посылалъ своихъ учениковъ въ окрестныя села съ проповѣдью Аввакумова ученія. Борьба эта неразъ доходила до такого ожесточенія, что спорившіе прибѣгали къ оружію, къ пищаламъ и саблямъ. Послѣ нѣсколькихъ сходоѣвъ, на которыхъ Онуфрій оказывался постоянно несостоятельнымъ, потому что не могъ, конечно, доказать своего ученія изъ свѣщ. писанія, онъ, наконецъ, въ виду угрозы отлученія отъ общенія, рѣшительно отказался отъ своего ученія; самыя письма были сожжены предъ народомъ. Въ мировомъ свиткѣ, подписанномъ 9 Керженскими старцами, было положено „предавать церковной казни и отлучать отъ общенія всѣхъ, кто впредь будетъ читать письма Аввакума, по нимъ мудрствовать и учить или защищать и въ міръ объявлять“. Однако Ѳеодосій Ворышинъ на Вѣткѣ не вѣрилъ мирному соглашенію Керженскихъ учителей съ Онуфріемъ, хотя и закрѣпленному „собраннымъ писаніемъ“ 28-го ноября 1708 г. и приложеніемъ рукъ, по которому Онуфрій и его сторонники рѣшились „учить и мудрствовать по писанію святыхъ, а не по письмамъ Аввакумовымъ“. Для прекращенія волненій Ѳеодосій приказывалъ Керженскимъ старцамъ „крѣпко и опасно“ испытать искренность раскаянія Онуфрія и его приверженцевъ, а именно, „отъ души ли они отлагаютъ тѣ письма“, такъ долго волновавшія Керженскихъ грамотныхъ старообрядцевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настаивалъ на такомъ принятіи Онуфрія въ общеніе съ Вѣтковскою церковію, которое было бы произведено „по правиламъ и общимъ совѣтамъ со священники и со всѣми христіанами опасно и крѣпко, выписавши всѣ вины изъ писемъ Аввакумовыхъ и разославши о томъ вѣдомостѣ къ Москвѣ и по городамъ“. вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось скиты обоихъ странъ, ради исправленія многихъ душъ христіанскихъ, обойти съ обличеніемъ всѣхъ заблужденій Онуфрія, съ радвніемъ и нелѣпно. Изъ посланія Ѳеодосія видно, что и угроза отлученія не произвела своего дѣйствія на всѣхъ послѣдователей Онуфрія. Именно въ посланіи онъ

писалъ, что „нынѣ, послѣ его старца Онуфрія лицемѣрнаго миру и обману, учинилося наипаче разсѣченіе и раздоръ и стоятъ за нихъ (за письма) наипаче прежняго, и насъ правыхъ христіанъ вельми поносятъ и говорятъ ругательно..., и отого учинилося смятеніе душамъ христіанскимъ“.

Вліяніе и авторитетъ Θεодосія въ то время на Керженцѣ былъ такъ силенъ, что безъ благословенія Вѣтковскаго настоятеля не могли дѣйствовать здѣсь и вновь приходящіе отъ великороссійской церкви попы. Этому вопросу повидимому было посвящено первое несохранившееся посланіе Θεодосія на Керженецъ къ священнику Лаврентію, о которомъ между прочимъ упоминается и въ только что разсмотрѣнномъ нами посланіи Θεодосія. Здѣсь именно сказано: „А которые дѣти мои духовные ходятъ къ попу Авраамію безъ моего благословенія, и о томъ писано въ первомъ посланіи, что къ священнику Лаврентію“. Дѣло очевидно въ немъ шло о заманенномъ Лаврентіемъ на Керженецъ тамбовскомъ попѣ Аврааміѣ, называвшемся потомъ въ насмѣшку „лѣснымъ патриархомъ“, а также и попомъ „поротыя ноздри“. Послѣднимъ названіемъ онъ обязанъ жестокимъ миссіонерскимъ приемамъ нижегородскаго еп. Питирима ¹⁾.

Вотъ какія посланія разсылалъ Θεодосій Ворыпинъ, какъ настоятель церкви и покровскаго раскольничьяго монастыря на Вѣткѣ. Замѣтимъ кстати, что у подлиннаго посланія въ нижегородскіе свиты, только что нами разсмотрѣннаго, по указанію „Слова на прекословцевъ“ (Хлудов. сборн. № 351, л. 92 об.), приложены слѣдующія руки: „священникъ Θεодосій, священникъ Александръ, старецъ Нифонтъ, чернецъ Варфоломей, старецъ Гавріилъ, старецъ Іовъ вмѣсто отца Сергія, казначей Серапіонъ, старецъ Филаретъ, старецъ Зосима“. Посланіе было закрѣплено старцемъ Павломъ Вѣтковскимъ.

Ясно, что въ началѣ XVIII в. всѣ главные священники и чернцы, проповѣдники и учителя поповщинскаго толка въ керженскихъ лѣсныхъ скитахъ были подчинены Вѣткѣ и ея главному представителю Θεодосію Ворыпину. Единственное исключеніе представляли въ то время одни послѣдователи и по-

¹⁾ Ист. изв. о раск. ч. IV, стр. 15 и др. Есиповъ: Раск. дѣла, т. II, 223—259. О понахъ Лаврентіѣ и Аврааміѣ подробности см. у Есипова, т. I, стр. 610—621, 636; т. II, стр. 571 и др.

читатели Софонтія, основателя одного изъ керженскихъ свитовъ, обыкновенно называвшихся по имени своихъ основателей. Старець Софонтій, какъ мы и видѣли выше изъ словъ самаго Θεодосія, старался игнорировать Вѣтковскую церковь и ея настоятеля, чтобы тѣмъ возвысить свое личное значеніе и кредитъ у своихъ послѣдователей. Изъ отвѣтовъ Софонтіевцевъ на 130 вопросовъ Птирима, предложенныхъ въ 1715 г. разнымъ керженскимъ главарямъ поповщинскаго раскола, непризнававшимъ православной церкви, видно, что между Софонтіевцами и Вѣтковцами были уже не малыя разногласія. Такъ, на вопросъ 31: „понъ аще кого второе крестить сущимъ трикратнымъ погруженіемъ, можетъ ли таковой, безъ прощенія архіерейскаго, паки вся священнодѣйствовать“, гдѣ спрашивающій имѣетъ въ виду хорошо знакомую ему практику нѣкоторыхъ вѣтковскихъ священниковъ,—представитель Софонтіевщины отвѣчаетъ: „у насъ таковая не творятся“. На вопросы, относящіеся къ освященію Θεодосіемъ на Вѣткѣ мвѣра, тоже согласіе старается рѣшительно отдѣлать себя отъ Вѣтвовцевъ: „попы наши мвѣра святаго не составляютъ, и правилъ таковыхъ не обрѣтаемъ; у насъ такового составленія мвѣра небывало и составлять тако не подобаетъ; таковое смѣшеніе за сущее святое мвѣро не имать быти“¹⁾. За этимъ единственнымъ исключеніемъ, вліяніе Вѣтки отъ времени Θεодосія Ворыпина продолжалось здѣсь до второй половины XVIII в., когда почти одновременно съ возвышеніемъ Стародубья, сталъ постепенно возвышаться Ирғизъ, сдѣлавшійся на нѣкоторое время въ послѣдней четверти XVIII в. однимъ изъ видныхъ центровъ поповщинскаго раскола.

Предметомъ особенной заботливости Θεодосія были стародубскія и черниговскія раскольническія слободы, тогда еще слабо населенныя, находившіяся въ постоянномъ и непосредственномъ церковномъ общеніи съ Вѣткою и ея монастырями. Общеніе это поддерживалось какъ сравнительною близостью Вѣтки отъ Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольничьихъ слободъ, такъ и рано начавшимися оживленными торговыми и промышленными сношеніями зарубежныхъ въ то время Вѣтковскихъ раскольниковъ съ Стародубьемъ и Малороссіей вообще. Напечатанные нами въ „Матеріалахъ для исторіи раскола на Вѣткѣ

¹⁾ Опис. нѣкот. соч., напис. рус. расколн. А. Б. (Бровковича, вполнѣд. архіеп. Никанора). Ч. II, стр. 165.

и въ Стародубьѣ“ документы изъ конца XVII и начала XVIII в., по дѣлу Шелковникова о наслѣдствѣ и о захватѣ его же имущества войсковымъ товарищемъ Зѣнченкомъ, даютъ не мало указаній о существовавшихъ уже и въ то время дѣятельныхъ и оживленныхъ торговыхъ и промышленныхъ сношеніяхъ между Вѣткой и Стародубемъ. На ту же торгово-промышленную связь между зарубежными и малороссійскими раскольниками указываетъ и переписка шляхтича Халецкаго съ стародубскимъ полковникомъ С. И. Самойловичемъ и потомъ гетманомъ Мазепой. Въ свою очередь образовавшіеся на Вѣткѣ старообрядческіе монастыри, пріютившіе значительное количество чернцовъ и черницъ, разѣвжавшихъ съ проповѣдью раскола и Вѣтковскими тайнствами по довольно отдаленнымъ отъ Вѣтки мѣстностямъ обширной и въ то время Русской земли, имѣли предъ собою въ раскольничьихъ стародубскихъ и черниговскихъ слободахъ болѣе близкое и сподручное поприще для своей дѣятельности. Вѣтковскіе пропагандисты въ то время могли въ сѣверной Малороссіи пріобрѣтать и новыхъ членовъ раскола, такъ какъ сюда переселялись изъ Великороссіи далеко не одни раскольники и далеко не изъ однихъ религіозныхъ мотивовъ. Кромѣ временныхъ разѣздовъ по стародубскимъ и черниговскимъ раскольничьимъ слободамъ вѣтковскихъ поповъ, чернецовъ и черницъ, какъ это дѣлалось повсюду въ русскихъ предѣлахъ, гдѣ жили раскольники, при Θεодосіи Ворыпинѣ было положено начало и болѣе устойчиваго порядка отношеній между Вѣткой и Стародубемъ. Именно Θεодосій, по свидѣтельству старообрядческаго историка Ивана Алексѣева, отличающагося рѣдкой у раскольническихъ писателей правдивостью въ изложеніи событій, отправилъ въ эти слободы особаго постоянного бѣлаго попа Бориса,—перваго попа, перезваннаго или просто переманеннаго имъ изъ Калуги. Это свидѣтельство Алексѣева подтверждается показаніемъ Еленскаго раскольника Ивана Парфенова Подпружникова, рассказывавшаго въ синодальной канцеляріи въ 1723 г., что попь Борисъ былъ присланъ изъ зарубежа съ Вѣтки лѣтъ 15—17 тому назадъ. Именно онъ показывалъ 12-го іюня въ синодальной канцеляріи, что ушолъ на Вѣтку изъ Москвы изъ Сыроматной слободы лѣтъ 17 тому назадъ, жилъ на Вѣткѣ у пана Халецкаго „полтретья года“, а потомъ сошелъ „въ дворцовое село Еленки“, гдѣ съ семействомъ исповѣдывался и св.

тайнъ причащался „отъ присланнаго изъ за рубежа съ Вѣтки раскольническаго попа Бориса“¹⁾.

Попъ Борисъ первоначально презванъ былъ Θεодосіемъ собственно для Вѣтки, когда тамъ въ концѣ XVII или самомъ началѣ XVIII в., по словамъ Алексѣева, „велия нужда наста въ тайнѣ брака“, при значительномъ наплывѣ изъ великорусскихъ областей новыхъ поселенцевъ — раскольниковъ, нежелавшихъ поступиться старорусскими обычаями и сдѣлаться „нѣмцами“, какъ выражались тогдашніе противники петровскихъ реформъ. Этотъ попъ Борисъ, имѣвшій, по тому же свидѣтельству, „крещеніе старое, а рукоположеніе новое“, поселился въ Стародубѣ въ слободѣ Воронкѣ. Въ послѣдней слободѣ засталъ попа Бориса, получившаго отъ Θεодосія благословеніе „церковныя тайны по древнему совершати“, въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка извѣстный стародубскій миссіонеръ іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ. Въ своемъ письмѣ къ бурмистру стародубскихъ и черниговскихъ раскольниковыхъ слободъ Ерѣмѣ Карпову съ товарищи, Рѣшиловъ называетъ этого попа „пустопомомъ Борисомъ, первымъ принципаломъ и учителемъ“; вообще для обрисовки попа Бориса Рѣшиловъ не щадитъ красокъ; говоритъ, что онъ правитъ „козлинымъ стадомъ, смѣшаннымъ съ дивини звѣрми“, называетъ „жителемъ Вавилонскимъ“ и пр. Въ другомъ случаѣ говоритъ о немъ, что „въ его духовенствѣ двадцать слободъ“, что взять его самимъ миссіонерамъ, не прибѣгая къ содѣйствию свѣтской гражданской власти и солдатамъ, затруднительно, а „увѣщательнаго нашего писанія оной попъ Борисъ Калуженинъ не слушаетъ и у записанныхъ раскольниковъ крестить младенцевъ и неосвященнымъ муромъ мажетъ и вѣнчаетъ въ простыхъ избахъ“, и что причастіе имѣетъ отъ Вѣтковской церкви. Борисъ жилъ въ Стародубѣ и послѣ миссіонерской здѣсь дѣятельности Рѣшилова, въ концѣ двадцатыхъ и даже самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, на что есть указанія въ позднѣшемъ дѣлѣ о Воронковской джехристовщинѣ, именно въ показаніяхъ Семена Моисеева и его свояченицы, Анастасіи и Агаѳіи. Всѣ уцѣлѣвшія свидѣтельства о попѣ Борисѣ Калуженинѣ говорятъ, что онъ пользовался большимъ авторитетомъ и значеніемъ у стародубскихъ раскольниковъ

¹⁾ Ист. о бѣгств. свящ. стр. 63. Опис. док. д., хран. въ арх. св. Сян. т. III, ст. 342.

ковъ и умѣлъ властвовать надъ умами своихъ прихожанъ, что Борису слобожане — раскольники, обыкновенно относившіеся критически къ своимъ бѣглымъ попамъ и нерѣдко вмѣшивавшіеся въ ихъ дѣйствія, повиновались всегда и во всемъ безусловно ¹⁾).

Вліяніе Θεодосія Ворыпина и Вѣтковскаго монастыря при немъ далеко однако не ограничивались только Керженцемъ и Стародубьемъ. Въ самомъ началѣ XVIII в., еще при жизни Θεодосія, Вѣтковскіе иноки, число которыхъ по нѣкоторымъ указаніямъ уже въ то время простиралось „примѣрно со сто человекъ“, равно какъ и „исправленные“ Θεодосіемъ черные и бѣлые попы, перешедшіе отъ великороссійской церкви, дѣйствовали какъ раскольничьи миссіонеры въ Москвѣ, Калугѣ и другихъ центральныхъ великороссійскихъ мѣстностяхъ, гдѣ еще въ XVII в. составились болѣе или менѣе значительные раскольничьи общины. Къ сожалѣнію, о дѣятельности Вѣтковскихъ пропагандистовъ этого періода, проникавшихъ въ самыя глухія мѣстности Россіи и имѣвшихъ значительное вліяніе на народные массы, мы не имѣемъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ свѣдѣній, за исключеніемъ случайныхъ указаній, находящихся въ разныхъ архивныхъ дѣлахъ первой половины прошлаго вѣка, относящихся къ исторіи раскола. Но и изъ этихъ случайныхъ указаній, частію уже сдѣланныхъ нами выше, частію же имѣющихъ быть сдѣланными въ слѣдующей главѣ, можно уже видѣть какъ сильна и обширна по пространству была дѣятельность Вѣтковскихъ иноковъ какъ пропагандистовъ раскола. Уже одинъ тотъ фактъ ясно свидѣтельствуетъ о силѣ и вліяніи Вѣтковской пропаганды, что на Вѣтку и въ окрестные съ ней мѣста въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. выселялись значительныя массы русскихъ людей не только изъ центральныхъ

¹⁾ О попѣ Борисѣ Іона Курносый въ своей исторіи о бѣгствующемъ священствѣ замѣчаетъ, что онъ, какъ и другіе приходившіе къ Θεодосію попы были принимаемы «вторымъ чиномъ, съ писаніемъ отрицанія нововводныхъ и муропомазаніемъ. И священниковъ сихъ съ первою хиротонією пріялъ». Интересно и слѣдующее здѣсь замѣчаніе: «Сиде и мірскихъ не покрещеваху, взирающе на благословеніе прежде бывшаго Павла епископа» (Коломенскаго). Есиповъ: Раскол. дѣла XVIII в., т. II, приложенія, стр. 185.—Х. И. А. № 21299. Матер. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 25, стр. 137, 140—141. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. правосл. исп. т. IV (1724—1724 г.), ст. 159, 169, 237.

областей русскаго государства, но и изъ сѣверовосточныхъ и сѣверозападныхъ русскихъ областей, какъ равно съ Дона, Поволжья и другихъ тогдашнихъ русскихъ окраинъ. О томъ же вліяніи Вѣтки и широкой ея пропагандѣ свидѣлствуютъ и факты старообрядческаго паломничества на Вѣтку изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ великороссійскихъ мѣстностей, откуда старообрядствующіе паломники выходили убѣжденными приверженцами старой вѣры и усердными ея распространителями. Многіе изъ этихъ старообрядческихъ паломниковъ учились на Вѣткѣ „словесной грамотѣ“ по старопечатаннымъ книгамъ, а также иноческому житію и отправленію Богослуженія „по старонарѣчнымъ книгамъ“¹⁾.

Легко понять, почему раскольничьи миссіонеры вообще и Вѣтвовскіе въ частности пользовались большими успѣхами въ народѣ, при томъ положеніи народной массы, въ какомъ она находилась въ эпоху преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, когда именно жилъ и дѣйствовалъ на Вѣткѣ Ѳеодосій Ворыпинъ. Время Петра Великаго, составляющее эпоху во внутренней и внѣшней жизни Россіи, было замѣчательнымъ временемъ и для раскола. Для раскола это было прежде всего время особенно сильнаго его распространенія, главнымъ образомъ вслѣдствіе новыхъ чисто гражданскихъ обстоятельствъ. Гражданскія преобразованія, измѣненія въ обычаяхъ, сжившихся съ народными понятіями, какъ напр. измѣненіе верхняго русскаго платья сначала на венгерскій кафтанъ, а потомъ на саксонское и французское платье, запрещеніе носить бороды, перемѣна сентябрьскаго лѣтоисчисленія на январьское и пр., множество темныхъ слуховъ, ходившихъ въ то время въ народѣ, сильно волновали народную массу, въ понятіяхъ огромнѣйшаго большинства русскихъ людей представлялись измѣненіемъ самой вѣры православной, опасностью для самой чистоты ея. Переходъ отъ національныхъ формъ быта къ европейскимъ, которыя

¹⁾ Алексѣевъ: Ист. о бѣгств. свящ. стр. 58. Журавлевъ: Ист. звз. о раск. III, стр. 18. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, стр. 171, 238—239; V, ст. 135—136. Оп. док. и д., хран. въ арх. св. син. I, ст. 587—588 в., III, ст. 340—343. Чт. въ общ. ист. и древ. Рос. 1870 г. кн. II, стр. 39—46. Есиповъ: Раск. дѣла XVIII в. т. I, стр. 234—242, 246—247, 251—253 и др.—М. А. М. Ю. Кн. Малор. прик. № 83 и 118. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 11, стр. 98.

Петръ Великій хотѣлъ ввести силой одной своей власти въ то время, когда огромнѣйшее большинство всѣхъ сословій русскаго народа еще крѣпко жило старорусскими своими понятіями, вѣрованіями и взглядами, былъ слишкомъ быстръ и рѣзокъ и естественно не могъ совершиться безъ сильныхъ нравственныхъ потрясеній. Мысль объ отступленіи всѣхъ властей отъ истинной вѣры находила въ тогдашнихъ событіяхъ и явленіяхъ внутренней жизни Россіи новое питаніе и подтвержденіе; въ новшествахъ Петра темной народной массѣ видѣлись ясныя знаменія антихриста, выраженіе его нечистаго духа. Самыя мелочи, какъ напр. вошедшая тогда въ моду пудра, служили подтвержденіемъ мысли о послѣднемъ антихристовомъ времени. „Государь де нашъ принялъ звѣриный образъ и носить собачьи кудри, какой де онъ царь...; нарядилъ людей бѣсомъ, подѣлали нѣмецкое платье и эпанчи жидовскія, и пришло“, тольковали невѣжественные противники Преобразователя, „послѣднее время, и скоро придетъ страшный судъ; царствуетъ подлинно антихристъ и на немъ сей вѣкъ кончается...: должно скрытиса подъ персть и главы прикрыть въ горы или вертепъ“ и т. п. При такихъ условіяхъ раскольничьимъ миссіонерамъ оставалось только объяснять съ своей точки зрѣнія современные событія и явленія, которыя и безъ того тревожили народъ матеріально, и нравственно и возбуждали въ немъ сильное неудовольствіе, и темнымъ, но впечатлительнымъ людямъ изъ народныхъ массъ уже трудно было оставаться сынами православной церкви.

О томъ, когда прекратилась дѣятельность Вѣтковскаго „пастыря и наставника“, какъ неоднократно назывался Θεодосій Ворыпинъ въ послѣдующихъ Вѣтковскихъ посланіяхъ, на это нѣтъ опредѣленныхъ и тоговременныхъ указаній. Съ достаточною однако вѣроятностію можно относить время его смерти въ самому началу втораго десятилѣтія XVIII в. Въ упомянутомъ выше посланіи „къ благосочетанному собору“ Керженскихъ священно-инокѣвъ, иноковъ и инокинь, начальствующихъ и подначальствующихъ и всѣхъ тамъ находящихся его духовныхъ дѣтей, написанномъ какъ бы въ тонѣ предсмертнаго завѣщанія, Θεодосій говоритъ „о немощи конечныя старости своея“, о старости „до конца изнемогшія“ и пр. Немощнымъ старцемъ представляется онъ неизвѣстнымъ авторомъ и въ „Описаніи пренія старца Θεодосія съ нѣкоюмъ мірянинѣомъ Тимоѣеємъ Матвѣевымъ да съ ученикомъ его Василиємъ Власовымъ и съ

ихъ единовольники.... въ лѣто 7217-е, іюня въ 9 день“. На Вѣтковскомъ соборѣ, бывшемъ 25-го февраля 1727 г., по поводу усиленія на Вѣткѣ и въ Стародубѣ пропаганды Діакононовцевъ, о Ѳеодосіи Ворыпинѣ и братѣ его Александрѣ говорили уже какъ о давно умершихъ и относили ихъ къ древнѣйшимъ отцамъ, ставя наравнѣ съ Іовомъ, Досіеемъ и благоувѣтнымъ Іоасафомъ. Точно также и авторъ „Слова на непокоривыхъ басенародословцевъ, паче же прекословцевъ и на раздирателей мира Божія и любви“, т. е. Діакононовцевъ, которое было составлено на Вѣткѣ въ концѣ третьяго десятилѣтія XVIII в., относитъ Ѳеодосію къ древнѣйшимъ отцамъ. Въ 1725 г. одинъ новгородскій крестьянинъ, обратившійся изъ раскола въ православіе, рассказывалъ въ канцеляріи св. Синода, что онъ былъ на Вѣткѣ въ 1711 г., и что тамъ въ монастырѣ „начальствующими учителями“ были Александръ да Арсеній, не упоминаемая при этомъ ни однимъ словомъ о Ѳеодосіѣ¹⁾.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Собрн. Хлудов. библ. № 341, лл. 126—143. Журавлевъ: Ист. изв. о раскол. IV, 14. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. V, № 1604, ст. 136—137.

I.

КЪ ВОПРОСУ О „ЗЛАТЫХЪ ЦѢПЯХЪ“.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы имѣли случай высказаться ¹⁾ о сборникахъ, извѣстныхъ въ нашей древней письменности подъ именемъ „Злагой Цѣпи“, и, опредѣляя характеръ и мѣсто ихъ среди другихъ древне-русскихъ сборниковъ, сдѣлали замѣчаніе ²⁾, что Златяя цѣпи, не отличаясь такой послѣдовательностью и опредѣленностью содержания по спискамъ разнаго времени, какъ напр. Златоусты и Измарагды, въ то же время не могутъ быть причислены и къ сборникамъ вполне неопредѣленнаго и произвольнаго состава, какихъ дошло до насъ огромное множество безъ особаго принадлежащаго имъ заглавія, что Златяя Цѣпи занимаютъ въ этомъ отношеніи середину. Цѣль настоящей замѣтки заключается въ томъ, чтобы подтвердить и дополнить это замѣчаніе на основаніи нѣкоторыхъ новыхъ рукописныхъ данныхъ, съ которыми намъ пришлось ознакомиться позднѣе.

Къ числу тѣхъ шести рукописей, носящихъ названіе „Златой Цѣпи“, о которыхъ уже было говорено нами ³⁾, можемъ присоединить теперь еще двѣ, постатейное описаніе которыхъ, въ виду неизвѣстности ихъ въ печати, тутъ и представляемъ:

1. Рукопись Московской Епархіальной библиотеки, XVI вѣка, № 561.

Л. 1. Книга нарицается чепъ златал. ꙗко же кто носитъ на выи чепъ злату. краситъ выю. Оци и в сѣю вѣнникающій книгу. краситъ ѿзмарагдъ. сирѣчь ѿмъ. ꙗще оубо кто почитаетъ с вѣрѣю. ꙗща позы дши свои тому жео ꙗкителъ бжнїю кагдтню ѿкрыкаѣмс. ꙗще ли кто вѣрѣ проходитъ нектѣрїемъ почитаѣа не ползы ради но ища словѣсъ. даки (sic) дрѣга прѣспрїти дакы сѣе ѿного

¹⁾ Серапионъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка Спб. 1888, стр. 189—201.

²⁾ Тамъ же, стр. 190.

³⁾ Тамъ же, стр. 194—198, 227—235,

мудрейшии показати, таковыи ничтоже полезно ѿвращает. Писании гл҃еть. в злохитрѣ дѣю не кидетъ ад҃ръ ни можетъ вкоренити.

— Григоріи. *Нач.* Какъ же болаша слова кр҃сть...

— Іѡанна дамаѡна (на полѣ внизу приб. ѿ развѣтѣ).

Нач. Ничтоже ѿ развѣта ѿтнѣиши...

Л. 3. Ѹ мысли. *Нач.* Понеже всакъ безъ мысли начинае вещь іако же ко тлѣ шестеует.

— Ѹ философи. *Нач.* Философія ѿ (sic) разумъ сущи по імѹж суща сѹт... *Далѣе слѣдуетъ нѣскольکو иныѣхъ краткихъ опредѣленій философіи.*

Л. 4. Григоріи. *Нач.* Всако риторско слово раздѣлаетъ в собѣтное ѿ припрателное ѿ торжественное...

— Іѡан дамакина написаніе ѿ кр҃сть ѿ како подобаетъ вѣровати хр҃тианомѣ. *Нач.* Вѣрѣдіа въ ідиного б҃га ѡца нерождина ѿ въ ідиного с҃на рождина...

Л. 7. Ѹ ст҃ен тр҃цѣ и ѿ кр҃сть. *Нач.* Прже всѣхъ ѿ со кр҃сти ѿ ради всѣхъ подобаетъ истинному хр҃тианину вѣдѣти, что ѿ бѣ и како бѣ ѿ по чему дѣлаетъ бж҃тво...

Л. 7. об. Ст҃го Кирила архієппа александрскаго. въспрѣ ѿ ѡвѣт. ѿ ст҃ен тр҃ци. *Нач.* Въспрѣ (sic). Колико іствъ исповѣдѹши. ѡтвѣт. ідино. сирѣ бж҃ство...

Л. 8 об. Ст҃го макариа ѿзложити ѿ кр҃сть въкратцѣ въпрашати ѿ ѡвѣщати всакому хр҃тианину православному. *Нач.* Въспрѣ. Колико іствъ исповѣдѹши ѿ ідиносущности ѿ нераздѣлимѣи тр҃ци. ѡвѣт. ідино іство исповѣдѹю... *Несмотря на одинаковое начало этой статьи съ предыдущей, она не составляетъ повторенія послѣдней, хотя и заключаетъ въ себя догматическіе вопросы и отвѣты подобнаго же характера.*

Л. 10. Сказаніе. ѿ всѣхъ ст҃хъ ссорѣхъ ѿ въ времени чинѹ ихъ. которіи по которомъ бѣ. *Нач.* Вѣдомо бѹди ѿ се іако ѿзложение ссором. и бѣ по чинѹ ихъ... *Краткое обозрѣніе вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, въ концѣ котораго читается слѣдующая замѣтка:* подобаетъ же вѣдѣти прочтати кр҃имѣ. іако ѿ прочни ссорѣ иже ѡ на іменовани бѣша подобно трѣмъ вселенскимъ прияти сѹт ссорною ѿ апл҃кою цр҃квю. ѿ вса заповѣди іаже ѡ нѣ помѣнены. іакоже апл҃кала правела ѿ заповѣди цр҃кви ѡелобызаетъ вселенстни седмѣ чокмо нарикоша. по-

неже повелѣннѣмъ црквиамъ сущиѣмъ въ всѣхъ градѣхъ римскихъ же и греческихъ ст҃анъ съзываети бывахѣ. ины послахѣ в себе мѣсто. и на иппы. и на мѣстныя епископы. и на мѣкыя ѿ старѣишнихъ презвитеръ. и на кождо нжъ велинскихъ скоръ. ѿ вѣрѣ къзисканіе и съзпрашаніе бы и суд. рѣши оуставы заповѣдемъ и правномъ изложнѣ бы первыи бо скоръ оустави и проповѣда единосущна ѿцю сна. и зѣща же и въ стыхъ вѣрвати.

Л. 14. Мѣца. июліа. въ сѣ. памат ст҃ого осційномч. андиногена. иппа бывшаго в пидахтон (?). і. оучиикъ іго стхъ. *Нач.* Андиногенъ мчим оубинъ бы...

— В тси же днѣ. ст҃ихъ седми скоръ. памат ст҃ихъ и бгосносныхъ ѿцъ т҃ни. иже в никен. *Нач.* Странна сна ѿчьска ісѣва глѣть арїи... *Далѣе идуть въ тотъ же день „памяти“ и остальныхъ шести вселенскихъ соборовъ.*

Л. 17. Андриа Критскаго ѿ чести и ѿ поклоеннїи ст҃хъ иконъ. *Нач.* Ничтоже ѿ христіанствѣ безъ оуказанна ничто же чюже...

Л. 18. Вѣлліе. ѿ мѣа. *Нач.* Амниъ глау каи, іако сѣт нѣщїи ѿ зде столицхъ. иже не имуть късенти смерти...

Л. 18 об. Вѣлліе. *Нач.* И по днѣхъ шестихъ поіат іс петра іакова и іованна брата его...

— Анастаса Сїнайскаго. *Нач.* Что іго болше и на страшнѣише видѣти сѣ егѣ въ ѿвразѣ члн іакоже сѣнце...

— Ѹ пасцѣ. *Нач.* Понеже пострадати подобаше хѣ во тѣ днѣ законна пасхы...

Л. 19 об. Шестого събора правнао пд. *Нач.* Сїсныа ст҃рїти в постѣ и въ мѣтѣ и оумилнїи срдца...

— Единого іаже синаксаркѣ. *Нач.* Подобаетъ вѣдѣти іако и шестынъ съборъ повелѣ...

Л. 20. Ѹ того же ѿ ст҃ѣи недли велицѣи. *Нач.* Подобно бо і снѣ свершатнѣа послѣдованню великаа недла пасхы..

— Ст҃го иендора о днѣхъ хѣа въскрїнїа. *Нач.* Въ шестынъ ча пѣтка распѣсѣ гѣ...

— Днѣишнѣа. александрїискаго ѿ пасцѣ. *Нач.* Днѣишнѣа. василдѣ възлюбленномѣ моєму снѣ и братѣ и съслуженику и бгослѣпномѣ ѿподѣ радоватнѣа...

Л. 22 об. Ѹ июдѣ. *Нач.* Тогда видѣвъ июда предавъи іго. іако ѿсуднша и...

Л. 23 Тогож. *Нач.* Їудѣ же предаѣа . ѿ неаже рече папѣа (sic) оуѣнкѣ ѿ ѿанна сугласта...

Л. 23 об. Сѣтго апла. нафанана. ѣдного ѿ. Ѧ. ти. *Нач.* Нафанана хѣз дръгѣ и аплаз вѣе оуко ѿ канѣ града галаанѣскаго...

Л. 24. На оуспинѣ прѣтна бѣи. *Нач.* Мы же апла. видѣхом дѣшю божна мѣре мѣна...

Л. 24 об. Сѣтго прѣсвѣчника стѣфана. *Нач.* Тогда гнѣваася саваз растѣрза рѣзы скоа...

Л. 25. Толкованѣ. *Нач.* Прѣвѣшѣ Павла посѣганиша на ѣрнекѣ ледѣ. ѣрнекѣ лед сѣдѣще вѣе вѣе града ѣфанѣска. .

Л. 25 об. Ѣклѣсѣствѣ. *Нач.* Ї верѣ трѣпрѣчѣтна не скоро прѣторгнетѣа...

Л. 26. Того же. *Нач.* Что ѣ оуже трѣпрѣчѣнно. не скоро прѣторѣ вѣе...

Л. 28. Толкованѣе словесем *Нач.* Їко не ѣхи з (sic) морекѣи съставалят шестѣе кораблю кѣ неаже хранашѣ трѣвѣчѣрѣиѣи стѣранѣа...

Л. 30 об. Їпополѣтѣо (sic). что ѣ мдрѣтѣ сздавѣннѣа сѣкѣ домѣ. *Нач.* Хѣ з бѣа ѣи ѿца мдрѣтѣ ѣ снаа. ѣ слакою плотѣ. са ко бо плотѣ бѣ...

Л. 32. Ѣ бжѣтѣвнѣа лѣстѣвнѣа ѿ разлѣчнѣ везѣмоуѣна. прѣходѣа среднѣе посреди. *Нач.* Покровино сказѣтѣ ѿщѣ. аже вѣ истѣуплѣннѣи видѣвѣа на мѣтѣкѣ сѣщѣ...

Л. 32 об. Ѣ пасланиа сѣтго васнана. *Нач.* Їсаѣа глѣтѣ. видѣхѣ га сѣдѣща на прѣстолаѣ кысоцѣ ѣ прѣвѣзѣннѣе .

Л. 33 об. Кирѣа. *Нач.* Повѣжѣ ми что ѣ вѣтѣтѣво хрѣвѣнѣскоѣ...

Л. 34—35 об. *Нѣсколькѣ изреченѣи и мелкиахъ разсказовѣ, озаглавленнѣахъ:* Соломон, ѣпифанѣа кипрекаго, ѣѣрѣаа прѣка, фѣѡдорѣта и пр.

Л. 35 об. Ѣ бжѣтѣвнѣемѣа дѣлатѣсловѣѣ. *Нач.* Прѣвоѣ рече гѣ кѣ моѣсно да ѣ еудѣтѣ ти ѣз нѣѣхѣ разѣѣе миѣе...

Л. 36. Ѣ ѡбѣадиннѣа словѣс. *Нач.* Снѣа адама смѣртѣи прѣдаѣтѣ. ѣи мирѣ скончаниа наведе...

— Ѣ златѣѣ чѣпи. Лѣтѣ же роди ѣмона ѿ стѣарнѣша сѣи дѣщѣри. ѿ негоже ѣ ѣмонѣтѣи. ѣи моѣвѣ ѿ менѣша дѣщѣри. ѿ негоже ѣ ѣмонѣтѣи.

— Словѣо чѣноѣ ѡ адамаѣ. *Нач.* Їко ѣфѣланѣа нарѣчѣтѣ ѿ вѣтѣров...

Л. 36 об.—37 об. *Нѣсколькѣ изреченѣи озаглавленнѣахъ:* Златѣоустѣаг, ѿ философѣхъ, ѣи врачѣхъ, ѿ лѣстѣвнѣи, ѿ нѣаслѣтѣи.

Л. 37 об. Кирил. ѿрѣльскѣи ѿ фунѣсѣ. *Нач.* Но иицѣт ѣлини ѿзѣ мрткѣхъ вѣскрѣниа еце іаклина ѿ глѣють...

Л. 38. Ѿ млахиседецѣ. *Нач.* Сѣтъ рода ендок. еѣла египтланина црѣ египетскаго. .

Л. 38 об. Преложениѣ градомѣ *Нач.* Прѣжде же вѣсѣхъ грамоутъ вѣи жидовскаѣа грамота...

Л. 40 об. Прелѣдрагѣ георгіа писѣда похвала къ гѣ егѣ ѿ створении вѣиа чкарѣ *Нач.* Іѣко вѣзвѣлчиша дѣла тѣола гѣ вѣа прѣдрѣтѣю створѣи .

Л. 42. Ѿ нѣси

Л. 42 об. Ѿ широтѣ ѿ долготѣ земли.

— Ѿ стадинѣ ѿ поприщѣхъ.

— Ѿ земномъ оустрѣбѣнии.

Л. 45. Ѿ еже колѣко ѿстоитѣ нѣо ѿ земли

— Ѿ трѣсѣ.

Л. 46. Ѿ чѣтырѣхъ стѣнѣхъ.

— Ѿ чѣтырѣхъ морѣхъ.

Л. 46 об. Ѿ вѣсѣрѣхъ.

Л. 47 об. Ѿ ѣкѣлѣстѣнѣ рѣцѣ.

Л. 48. Ѿ теплыхъ водахъ.

Л. 48 об. Ѿ ѿбѣлакохъ.

Л. 49 об. Ѿ вѣ. вѣтрѣхъ.

Л. 50. Ѿ громовохъ ѿ мазинѣхъ.

Л. 50 об. Ѿ днѣнѣицѣхъ.

Л. 51. Ѿ ѿбѣлачныхъ знаменѣи еѣхъ.

Л. 52 Ѿ мазинѣи

— Ѿ грымѣ сказаниѣ.

Л. 52 об. Нѣвѣ. *Нач.* Грымѣмъ ѣ и хже стѣрѣлемъ ѣнерѣ тѣоритѣ..

— Ѿ грымѣгласнѣ шѣбаниѣ.

Л. 53. Бѣгословѣ. *Нач.* Бѣ нѣсѣи же стѣрѣти грымѣи ѿ трѣсканиѣи ѿ пачѣ еѣтѣа ...

— Мол. ігда грымѣ грымѣитѣ. *Нач.* Вѣсокѣи цѣю ходѣи къ грымѣ...

— Іѣванъ дамаскѣи. *Нач.* Поганиѣа еѣтъ звѣздобѣдѣна ѿ грымѣи созѣрѣниѣи...

Л. 54. Ѿ трѣхъ крѣзѣхъ. ѿ еѣлѣномѣ ѿ лѣнѣиѣи. ѿ земномѣ. *Нач.* Глѣють во плѣсѣна. Колѣма колѣи еѣ еѣлѣнымъ крѣгомъ земѣнаго крѣга...

Л. 55. Діонісі. *Нач.* Съ свѣтлыи ѿ звездани долнѣиши нѣо послѣди бы...

— Іѡан. дамакина. ѡ вѣщѣхъ. *Нач* Гъ ѣв вѣки створи. тѣо бо предъ вѣкы ість. .

Л. 56. Ѡ аггльхъ. *Нач.* Сѣ агглькыи ѣ сздѣталь ѿ теорыцъ ѡ небытнл въ бытнѣ прывед ѿхъ ..

Л. 58 об. Ѡ днавольтѣ. ѿже сѣ наречетъ сздѣталь. ѿ ѣо вѣсѣхъ же его. *Нач.* Ѡ снхъ агглькыхъ снлхъ старни. прнстѣвникъ земномѣ чинѣ...

Л. 59. Ѡ зданнн видѣмѣль. *Нач.* Сѣ ѣв нашъ. ѿже і днннствомъ и тронцнѣю. слоко словеснлхъ сздѣорнелы нѣо и землѣю...

Л. 59 об Ѡ нѣсн. *Нач.* Нѣо ість ѡблчнѣ виднмаго ѿ невиднмаго созданнл...

Л. 61 об. Ѡ свѣтѣ и ѡ ѡгни ѡ ѡ свѣтлннцѣхъ. *Нач.* Ѡгна і дннл внрѣ ість ѡ чтырь...

Л. 66. Ѡ въздухѣ и ѡ вѣтрѣхъ. *Нач* въздухъ ість стѣхнн чпоко. волгоко же ѿ чпало...

— Ѡ водахъ. ѿ ѡ морѣ. *Нач.* вода же і дннл ѡ чтырь вщнн і тварь бжнл прдобрл...

Л. 68. Ѡ землн. ѿ ѡже ѡ нел. *Нач.* Землл і дннл ѡ чтырь стѣхнн і колѣѣ ѿ стѣднл...

Л. 69 об. Ѡ і дѣмьскомѣ. рѣн. *Нач.* Понѣже хотѣше ѣв ѡ виднмаго ѿ невиднмаго зданнл створнчн чѣка ..

Л. 72. Ѡ самовластномѣ члѣцѣ. *Нач.* Тако оубо разумноі сущнѣ сздѣавн ѣв. .

Л. 74 об. Грнгоріи бѣгословѣ к нѣлѣ Ѡолннѣ. *Нач.* ѿ іже ѡ свѣтѣкъ повѣстѣтѣ стѣн глѣтѣ. іако ѡлннѣ же мнрѣ ѡ бѣ прѣведл...

Л. 77. Грнгоріи бѣгословѣ. на пасхѣ. *Нач.* Сѣ оубо въсхотѣвъ хнчрнцѣ показати слоко...

Л. 79. Грнгоріи бѣгословѣ. *Нач* ѿже рѣч днелл нѣуднфѣ помылснл бо ѣѣ рѣч и прѣдсташа чн влчнскл. .

Л. 82. Грнгоріи бѣгословѣ. *Нач.* Понѣже подѣаше рѣч смѣшннн протнвеннхъ бытн. .

Л. 89. Грнгоріи. *Нач.* Пнсанно оубо і въ нѣходѣ. рѣч гѣ к мѡнсею...

Л. 101. Грнгоріи бѣгословѣ. на пѣтдѣлѣтннцѣ. *Нач.* Сѣдмѣ же и сѣгрѣшннл кѣннѣ сѣдмѣ же ѿ на снхъ мѣчннл...

Л. 105 об. Григорин бгослов на ржтко хѣо. *Нач.* Въ мирскомъ бытїи мойси спокѣтеовазѣ і...

Л. 109. Григорин бгословъ. *Нач.* Оумрыи бо грѣхѣ живитъ есако въ добродѣтели бо свпротивенои грѣхѣ...

Л. 117. Бгослов. *Нач.* Другу. вѣрнѣ нѣ и змѣны ѿ сущихъ ничтоже...

Л. 117 об. О дрѣзѣхѣ. *Нач.* Оудобо етлажи друга игоже аце не въхоушиш...

— ѿ шестоднїика. о созданїи адамаи. *Нач.* Иако же посланинѣ и ницѣ члкъ и сътраннѣ. пришедъ къ преворама княжскомуу двору...

Л. 118 об. Впросъ. Чувствен ли е ран. или разумнѣ тлѣннѣ ли. или не тлѣннѣ. ѿвѣт. Иако же и два перелама писанинѣ покѣдаст...

Л. 119. ѿифаннїиво. ѿ того же. *Нач.* Аце ли на земли нѣ рал. не сѣт истина въ родствѣ писанаа...

Л. 120. Дионнїиа. александринскаг. *Нач.* Аце же рал не мирскѣю часть свшѣ наречиш...

— О ран. *Нач.* Ран сврѣзѣ е и чувственнымъ и разумнѣ ..

Л. 120 об. Кирилъ ирлмьскыи. *Нач.* Ввниди дже еса, и ѿ своіго състава разумѣн хитрїирика...

— Стго макима о недовѣдомыхъ. *Нач.* Дреко животной. прамдростъ глѣтѣ быти въ писанїи...

Л. 122 об. О рассуженнїи. *Нач.* Вижь рассуженнїи. Иако и въ таковыхъ крадет...

Л. 124. Впросъ. Како е разумѣти даже не создася адама. прежде въобразилъ плочъ хѣа и апли. ѿвѣтъ златоустаго. Послушай павла глѣуща. тана съкровина ѿ кѣка и ѿ родѣ...

Л. 125. Настаса синайскаго. о сущии. иже по ѿбразу и по подобїю. *Нач.* Придемъ оубо на сущи. иже по ѿбразу и по подобїю ежню созданѣ бы члкъ...

Л. 126. Григорин бгослов. *Нач.* ѿеть бо въ насѣ оумѣ слово и дхѣ, триже неразѣлна и равна..

— Иже въ стхѣ ѿца ишго васана. *Нач.* Чтѣже е еже по ѿбразѣ. въ стхѣ. и аце еудамѣ стни, по ѿбразѣ есаы ежню. .

Л. 126 об. Фѣодорита. *Нач.* Сотворимѣ рече члкъ по ѿбразу ишмѣ и по подобїю...

Л. 127. Иже въ сѣхъ ѿца нѣшего касала ѿ перкозданнѣм члцѣ. *Нач.* Вземъ переть рече ѿ земля и созда члца...

Л. 132. Кирила мниха ѿ престѹплени ежна заповѣди и ѿ изгнани адала из раа. *Нач.* Смотри zde и разумѣи ѿ бытнйскыхъ книгъ...

Л. 133. Петра дамакина смиреннаго инока. ѿ изгнани адала из раа. *Нач.* Седе адалъ тогда плакаса прамю пища райскыа...

Л. 133 об. ѿ книгъ глѣмыхъ маргарите. понеже изгна бѣ адала из раа. пламенное ѿрѹжне погтабнѣвъ возероналюще емѹ не входити в раа. ѿрѹжне бо бѣ ѿбращаемо. рѣчи. *Нач.* Велко же обращаемо. дондеже приразѣла чьсомѹ. не может стати...

Л. 134. ѿ горнѣмъ нѣрлмѣ. *Нач.* Тако же и грѣомѣхъ снѣ ѿванъ ѿткрѣвенѣмѣ. ѿ бѹдѹщи томѹ свѣтлостн прозра глѣть...

Л. 135. Немена иппа. мѣскаго. ѿ ѣстествоѣ члци. *Нач.* Члца вѣмѣ исперка. ни смертна исповѣдаѣмѣ. ни бессмертна бышла...

Л. 135 об. Григорин. *Нач.* Краснѣ бѣ взором. и доерѣ в пицѹ оумерткнѣнѣмъ мѣ плод...

Л. 136. Написанне афонасна мниха нѣрлмѣскаго к панковѣ ѿ дръвѣ разумнѣм доерѹ и зал. *Нач.* Повѣдаша ны нѣщнн, иако многы оучѣи ѿ дръвѣ разумнѣм доерѹ и залѹ...

Л. 137 об.—140. *Мелкя изреченя и вопросы съ отвѣтами объ Адамѣ и раѣ „Иоанна Златоустаго“, „Афанасія Александрийскаго“, „Дамаскина“, Анастасія Синайскаго“.*

Л. 140. ѿ самовластнн. иако блгѹ виннѣхъ бѣхъ. *Нач.* И се три вѣдти ѣ. иако блгдть ѿ бѣа дастьса въ ѣстѣ члци ..

Л. 141 об. ѿ воскресннн. *Нач.* Свѣтори бо рече бѣ адалѹ и жнѣ его рнзы кожаны...

Л. 143 об. ѿглашннѣ крѣпѣлымъ въ нѣрлмѣ. согласно въ грядѹщаго в слакѣ судити жнѣвым и мртѣвым. ѣгоже црѣтвеню не бѹдетъ конца. *Нач.* И ѿ антихрѣтѣ. и чтени ѿ даннаа. вндѣхъ дондеж прѣстан погтаблннн бышла...

Л. 152. ѿ книгъ даннаа прѣрка. *Нач.* Глѣть оуѣо нѣковѣ. нѣкѣмн лѣковѣ нѣоѹда. ѿ лѣторасаннн. мон взнде...

Л. 157 об. ѿ бытннн сказаннн. ѿ зарѣ и ѿ фарѣ. *Нач.* Нѣо и ѿ смѣхъ бжтѣвноѣ писаннн сказа. въ перѣвыхъ книгѣхъ монѣншѣхъ пишеть...

Л. 163. Начало римскаго цѣтка. *Нач.* Бѣста два брата в западныхъ странахъ. ромъ и римъ... *Краткое перечисленіе цесарей римскихъ до Октавіана включительно*

Л. 163 об. Какують оубо ѿ раздѣлениа разлѣшнаго донелѣже принде Авраамъ ѿ междубчиа... *Хронологическій обзоръ нѣкоторыхъ библейскихъ событій.*

Л. 164 об. Вопросы и отвѣти дкою философовъ. панагюта ѿ азимата. *Нач.* Азиматъ рече, что ѿ гора высокая. Панагюта рече. гора выская ѿ стѣа гора...

Л. 165 об. Сѣтго ипифанна архіепископа кипрскаго града константина. ѿ ересехъ. *Нач.* Всемихъ ересемъ мѣри сѣт. и пересобразныи четыре каркательство скѣфство. елннство и оуденство...

Л. 167. Исповѣданіе кратце како и коіго ради дѣлаѿл ѹчнша ѿ на латини. и извержени бѣша ѿ перекънства своіго и ѿ книгъ полѣбныхъ иже пришутел православнии патриарси. в лѣт. 5. 1. пс. *Нач.* Бѣша на седмомъ съборѣ андрианъ папа римскыи.

Л. 169 об. Ина повѣсть никифора калиста, ѿ вечерехъ хѣбехъ. *Нач.* Вечеръ га нашего ии хѣ идна бѣ в домъ Симона прокажанаго...

Л. 170 об. Ѹ тайнѣи бѣи. *Нач.* Вѣдомо бѣди іако истиннѣишии пріахоломъ ѿ стѣхъ іуалнствѣ...

Л. 171. Вопросы и ѿвѣти ѿ вѣрѣ христианствѣи како подобаетъ вѣровати христианинѣи и каковыи словомъ хоцетъ быти христианинѣи. Блгѣи ѿчи. *Нач.* Вѣрѣю ѿ стѣи троици. идно іство бжство. ѿ хѣ единомъ стѣи трѣца...

Л. 173. Сѣтго василла. іа снѣ и слово ѿ оца родиса. *Нач.* Іако же бо и наше слово невѣднмое должноі слышлени на свѣтѣи износитъ.

Л. 173 об.—180. *Мелкія изреченія и статьи:* „Феолага“, „Златоуста“, „Иринея Лугдунскаго“, „Григорія Богослова“, „Св. Василия“, „Іоанна Дамаскина“, „Діонисія Ареопагита“, „Григорія Чюдотворца“, „Григорія епископа Нисскаго“, „Епифанія епископа Кипрскаго“, „Феодорита“ и др.

Л. 180. Что ість іфудѣ. ииже въпрашаше стѣл бѣа. *Нач.* Има іго оубо толкѣмо ѿ авлениі. иан изъавлениі...

Л. 180 об. Златоустаго ѿ ризѣ стѣлствѣи. *Нач.* Облчаше стѣл ѣ вѣтѣблѣи. въ стѣа стѣлѣи ѣ подирѣ...

Л. 181. Сѣго ѿпифанна покрѣсть ѿ камыцѣхъ. насажени. ѿ ѿзежаннѣи ѿже енахѣ (sic) на логи оу сѣла. *Нач.* Сарданаъ еналонскыи нарицаемыи. чрѣленъ ѿ яко крокъ...

Л. 184. Сѣго вѣси чокъ. сѣнинчьскаго чина. что ѿ ирѣи ѿ почелу глѣтел сѣнинчкѣ. ѿ что ѿстрѣжени главы ѿго ѿсть. *Нач.* Чтиць ѿ столпѣ мѣнчьскыи. послухъ бо цркви ѿсть...

Л. 185 об. Толкъ ежѣвныа литургия. *Нач.* Антифоны сѣт сѣтен литургии прѣскаа речинна...

Л. 191. Оставлено мѣсто для заглавіа, которое не написано. *Нач.* Слыши ирѣискыи прѣденыи себорѣ. к еамъ ми слово...

Л. 193. Побѣниѣ православыа еѣры. попомъ и чрѣцемъ. ѿ екакому чакѣ. Слово сѣгыхъ оць. ѿ прозкитѣрѣхъ. ѿ ѿ црквиѣмъ чинѣ. ѿ ѿ сѣсудѣхъ црковныхъ. ѿ еанкаго себора. *Нач.* Попомъ ѿ есаму сѣнинному чинѣ. что рѣчѣтъ правнао. ѿже рѣчѣтъ да ѿзвѣжитѣ. что ѿѣже ѿзебрѣнъ...

Л. 194. Оучителемъ. *Нач.* ѿко страшиъ сѣдъ оучѣлаю. ѿ себѣ оучашѣ а не ѿ закона...

Л. 195 об. ѿ правосѣрни. *Нач.* ѿдиногѣ оубѣ еѣа чѣсти намѣ. ѿ ежѣскаа писаніа единъ оубѣ истинна ми есѣхъ еѣъ ѿсть...

Л. 199 об. Лаѣдникискаго себора правнао. *Нач.* ѿко ни мнрскыхъ естабленихъ пѣмокъ глѣти въ цркви. ни ниисправленихъ книгѣ чѣтѣ...

Л. 200 об. ѿ книгахъ. *Нач.* Сѣтъ еѣтѣхаго заѣѣта книги. кѣ. втораго закона іѣу наѣгинъ. сѣдни. рѣфѣ...

Л. 201. ѿ самозластни. *Нач.* ѿко елѣгу вниен еѣа ѿ се трѣбѣ вѣдѣти ѿ. *Начало статьи, помѣщенной на л. 140—141 об.*

— Тимофеа. архіепѣа александрискаго. правнао. еѣ. ѿ градскаго закона црквихъ книгѣ. заповѣдася при оустѣанѣ. тожъ. пѣ. глаб. лѣ. грам. ѣ. ныхъ црквихъ книгѣ. *Нач.* вѣѣмъ чѣкомъ сѣцимаъ въ благочѣстїи хрѣтѣанскаго города. правосѣрныа еѣры.

Л. 204. ѿ покаяни. ѿкожъ согрѣшнѣшала ѿлучити подѣбастъ вѣмина оуставлена. *Нач.* вѣгда согрѣши мѣнамаъ къ братѣ рѣчно еѣ ѿ нѣи...

Л. 208. Сѣхъ ѿплѣ. *Нач.* Ни оубѣ црѣ заочѣнныи црѣствѣютъ къ тому но мѣтѣ...

— Сѣго великаг. каснаѣ. ѿ причащеніи. върѣ. аще достоитъ кому. не сущѣ сщніку. рукою своєю причащатиса ѿчебѣт. въпросиши се ѡвѣста не треуютъ...

Л. 208 об. Върѣ. о сѣбѣ причащеніи. *Нач.* Въпроси сѣмъ лѣва стирійскіи. митрополита коринфійскаго глѣ...

Л. 209—215. *Небольшія статьи и вопросы съ отвѣтами подобнаго же характера, какъ и предыдущія, разныхъ авторовъ.*

Л. 215. Сѣ палин. *Нач.* Бгѣ прже ксѣхъ вѣкѣ. ирѣкоі сътворилъ агглы свѣл...

Л. 216. Врѣмннѣкѣ. *Нач.* Сифѣ же наипрѣвѣ грамотѣ жидовскѣю и прѣмѣдрѣсть. и знаминна ненал...

Л. 222 об. *Заглавіе вверху на полѣ притисано:* Сѣ никона. ѿ тридцѣт сирерникохъ. *Нач.* Обрѣтохѣомъ толкованиа сѣго максима глѣущіи ..

— Сѣго Кирила. ѿ л. сирернищѣхъ. *Нач.* Лептѣ зокѣтиса ассаріи рѣкш ивѣмнл. .

Л. 223. Ѧ животворѣмѣхъ дрѣвѣ како ѡбрѣтиса. *Нач.* Мѣжнѣ ко ипрѣва вѣборнѣи и неѣвѣрни по сѣпнѣи тогда сѣрѣти...

Л. 226—235 об. *Небольшія статьи и изреченія разныхъ авторовъ и разнообразнаго содержанія.*

Л. 235 об. Ѧ члѣн. ѿ главнѣхъ знаминнѣхъ *Нач.* Созда вѣ члѣка. тѣ ничѣтоже створи безъ лѣпѣты...

Л. 236. Сѣ оумѣ.

Л. 236 об. Ѧ дѣшн.

— Ѧ носѣ.

Л. 237. Ѧ лзыщѣ.

— Ѧ срдѣн.

Л. 237 об. Ѧ дѣшн. и оумѣ. и ѿ мысли.

Л. 238 об. Ѧ чѣвѣствѣхъ члѣскихъ.

Л. 239. Днѣнѣ дѣда прѣка и цѣл. слѣген ѡчи. *Нач.* Бѣ мѣжѣ слѣгѣ въ днѣ цѣтѣва слоѣла цѣл живын в вифлѣомѣ...

Л. 246 об. Сѣ лѣтописца. *Нач.* Въ днѣхъ каснаѣ иже ѡ македонна цѣтѣвавшѣго вѣ неѣкѣи инокѣ...

Л. 247 об.—256 об. *Небольшія статьи и изреченія:* „Анастасія Синайскаго“, „Иезекиилево“, „Сборникъ“, „Отъ апостольскихъ заповѣдей“, „Златоуста“, „Св. Нила“ и др.

Л. 256 об. *О* книгахъ. *Нач.* Ногаго же закона сѣтъ книзѣ. *апокалипѣи, ѿван златѣу... ¹⁾*

Л. 258. *Сѣтго великаго. адоначна архипѣпа александрийскаго.* къ *аимонѣ мнихѣ ѿ соблажнающихся в ноши* *Нач.* *Сѣи ли елѣговеѣни. которыи грѣхъ имать ѿни ничѣтотѣу ѣстенсѣ нѣкоѣ неизволеное истечениѣ...*

Л. 266 об. *В* лѣтѣ *ѣс. ѣ. ѣс.* во *цѣтѣко константина ѿ васналя при патриарсѣ доутии крѣтиса самѣ владимеръ ѿ всю роуцѣ ..*

Л. 269. *Во* *има* *ѿца* *и* *сна* *и* *сѣтго* *дѣа.* *се* *ѣзѣ* *кнѣзь* *в-*
ликии *василии* *нарецаемыи* *владимерѣ* *снѣ* *сѣтославѣ* *внѣуцѣ* *ѿгорекѣ*
и *кѣжнѣна* *ѿльги.* *всприиах* *сѣтѣ* *крѣцини.* *ѿ* *грѣцеских* *цѣи* *ко-*
сстантина *и* *васналя ..*

Л. 269 об. *Се* *ѣзѣ* *кнѣзь* *великии* *ѿрославѣ* *снѣ* *влодими-*
ровѣ. *по* *даннѣ* *ѿца* *свогѣ.* *сѣгадалѣ* *всѣ* *с* *митрополитомѣ* *кни-*
ским *и* *всѣа* *рѣсѣ* *ѿларишном.* .

2. Рукопись Императорской Публичной библиотеки изъ собр. Погодина, XVII вѣка, № 1027.

Л. 1. Книга глаголемая златая чеп, предслобне. *Нач* *Сна*
книга *нарицаемаа* *златая* *чѣпъ* *какож* *во* *кѣто* *носитѣ* *на* *внѣ*
чѣпъ *златѣю* *краситѣ* *кѣно .. и т. д., како во предшествую-*
щей рукописи, л. 1.

— Григорій рече. *Нач.* *Сна* *же* *коша* *словеса* *и* *кѣша...*

— Слово сѣтаго ѿбѣнна дамаскии *о* *разумѣ.* *Нач.* *Ничѣтоже*
естѣ *разума* *чѣтнѣши...*

Л. 3 об. Слово тогож ѿван дамаскии *о* *мысли.* *Нач.* *По-*
нежѣ *всѣакѣ* *безѣ* *мысли* *начинаа* *вѣцѣ* *ѿакож* *во* *тамѣ* *шестѣвет...*

— Сѣтго ѿван дамаскии написани *ѿ* *вѣре.* *Како* *подобаетѣ*
вѣрѣвати *хрѣтианомѣ.* *Нач.* *Вѣрѣу* *во* *единаг* *ѣга* *сѣца* *перожен-*
наго. *и* *во* *единаг* *сна* *рожеинаг...*

Л. 7. *Сѣ* *сѣтѣи* *трѣицы.* *и* *о* *вѣре* *слово.* *Нач.* *Прежѣ* *всѣхѣ*
и *со* *всѣми.* *и* *ради* *всѣхѣ.* *подобаетѣ* *истинномѣ* *хрѣтианинѣ*
видѣти *чѣ* *ѣ* *ѣгѣ...*

¹⁾ Тутъ рук., повидимому, кончается; дальнѣйшія статья писаны другимъ почеркомъ и составляютъ двѣ независимыя отъ предшествующихъ листовъ тетради.

Л. 7 об. Слово сѣго кирила архиппа. александрскаго ксеп-
росы и отвѣты ѡ сѣмъ тронцѣ. *Нач.* (б) Коинко естистез
исповѣдши. (ѡ) Единно сѣи рѣчь ежтѣо. .

Л. 9. Слово сѣга максима исповѣдника. изложинне вѣре
вкратце впрашати и отвѣщати есакомѣ християнинѣ правосла-
номѣ. *Нач.* (б) Коинко сѣтѣ исповѣдши ѡ сѣмъ еднносѣинни
и праздианмѣмъ троицы. (т) Единно сѣщество исповѣдѣю ..

Л. 10 об. Сказанне ѡ вѣсѣхъ сѣтѣхъ соборѣхъ ѡ вѣре и ѡ
времени чинѣ ихъ которын по которомъ бы *Нач.* Вѣдомо же
бѣди и сие. іако изложинне соборомъ не бысть по чинѣ ихъ..

Л. 23. ѿ родословни отца богородична ішснда сѣрѣчника
сія слово. *Нач.* Дѣдъ црѣ многи имѣ сѣны..

Л. 24 об. Слово како бѣ бѣца по плоти сродница еанса-
бѣди. *Нач.* Бѣ некто ѡ рода сѣтлька именемъ матданѣ при црѣ-
ствѣ ксѣпатрѣоке...

Л. 25. Слово како бѣ прѣтча ноан сродникѣ бысть первен
жинѣ носифа сѣрѣчника. *Нач.* Авниа архирѣи роди нодѣла, ігоже
нарицахѣ карахла...

Л. 26 об. Сѣт же по шѣтѣванню рожиний. *Нач.* Первѣи
сифѣ, иже тобѣтѣца кокрѣни. ко авела мѣсто рожинѣ ..

Л. 27 об. Спифанна мниха и прозвѣтера ѡ знаминнихъ
прака и возраста прѣтѣна влѣдчи нѣше бѣца. *Нач.* Бѣлши ѡбо
ѡлѣчно ко храмѣ гни еанз лѣвѣиа страны жертѣвника...

Л. 28 об. Знаменне гѣ бѣга і сѣса нѣшегъ ісѣ хѣ. *Нач.* Гѣ
же нѣшегъ ісѣ. бѣ образомъ красинѣ зело ..

Л. 29 об. Слово сѣга андрѣа архиппа критскаго ѡ чѣти
и ѡ поклонини сѣгыхъ иконѣ. *Нач.* Ничтоже ѡ хрѣтианствѣ безъ
ѣказанниа бы...

Л. 31 об. Сказанне сѣгыхъ аплѣ ѡ успенин прѣтѣи бѣца *Нач.*
Мы ѣбо аплѣ видѣхомѣ дѣшѣ ежнѣ мѣтрѣ мѣна...

Л. 32. Слово ѡ сѣтемѣ аплѣ нафананлѣ. *Нач.* Нафананлѣ
хѣвѣ дѣргъ и аплѣ бѣ бо ѡбо отъ кана града гаанлѣйскаго...

Л. 33. ѿ пѣини сѣга прѣомѣка стѣфана слово. *Нач.* Гнѣ-
балса зело сѣбѣ. разтѣрза ризы евоа...

Л. 34. ѿтѣ дѣкини сѣгыхъ аплѣ слово. *Нач.* Понмѣше адниѣианѣ
пабла и вѣдѣша на арнеѣ лѣд...

Л. 35. Посланный сѣго басилана великаго слово. *Нач.* Исанна глаголет видѣхъ гѣ сѣдища на прѣла высоце и прѣкознесеи... .

Л. 37. Слово сѣго Кирила александръскаго. *Нач.* Повѣжда ми, что истество хрѣстемско...

Л. 37 об. Слово ѡ миледице. *Нач.* Ѡ рода ендова египчанина сѣа цѣа египтскаго...

Л. 38. Ѡ пасце законни слово. *Нач.* Понеже пострадати подобаетъ хрѣ. вѣ тои днѣ законныа пасхи...

Л. 40. Слово сѣго ипифанна. архиеппа кырѣскаго ѡ созданнй глѣчистемъ. *Нач.* Сотвори жео седмь дѣлъ блговѣщенна глѣ въ ншъ...

— Слово исанна дамакина. *Нач.* Трѣе жео намъ на дхоное прийти законное повѣлѣние...

Л. 40 об. Слово чег ради кокрѣни гнѣ ѡсмо наречино бл *Нач.* Прже жео хрѣа кокрѣенна. седмь точию кокрѣеннй мертвымъ быша. .

Л. 41 об. Ѡ попушини ежни грѣхъ ради ншнхъ. (б) Почто црквалѣ многожды и блговѣрнымъ члекомъ видим паденна ..

Л. 42. Слово сѣго дѣонисна архѣпагита ѡ означанем ржѣтѣ гѣ ншг ис хрѣа. *Нач.* Безвѣстно жео горне. прже всѣхъ вѣкѣ ѡ ѡца...

— Блжнаг нила черноризца посланне к хариклиу прозвѣтерѣ сѣроко нападающу на сорѣшанцаа. и глѣща не подобаетъ на покляниие. исповѣдание учѣтъ. аще и дѣла постническа не еддѣтъ. *Нач.* Слово минши ми на ежествиннаго покаянна неразвѣта...

Л. 47. Повѣсть полѣзнаа ѡ латини кода отлѣчиша от грѣкѣ от сѣла ежня цркви и како изобрѣтоша сѣе ерен еже ѡпрѣсночнаа служити. и хрѣа еже на сѣог дхѣа. *Нач.* Вѣ лето блговѣтскаго црѣа константина и ирны мѣтин его...

Л. 60. Чтѣнѣшаг хартофлаака и прѣтосѣгела никиты никѣенскна цркви ѡ безкваснои слѣж и ѡ латинехъ. и ѡ слѣжеи ихъ. *Нач.* Бесквасноу слѣжеу снй рѣчь ѡпрѣсночнѣу не приемлемъ...

Л. 69 об. Иже во сѣтыхъ оца ншг никона ѡ толиже ѡпрѣсноце. *Нач.* Иже жео ѡпрѣснокомъ служатъ ежествиннуѣ слѣжеу хрѣу тавѣ...

Л. 71 об. Ина повѣсть никифора калнста ѡ вечерахъ хрѣхъ. *Нач.* Вечера гѣ ншг ис хрѣа едина бысть в дому симона прѣкажеина...

Л. 73. О немецком прелестии. Како научи их гвгннблн Петръ ерси. *Нач.* Вгда прелестъ бысть от елмона колхвба в рнм..

Л. 74 об. Стыхъ аплх правило 6. е. *Нач.* Аще который епѣ или прозвнтеръ или дьяконъ, или евлщнннческга чина почитатца со нудн...

Л. 77. Правило 11. нже в тудлѣ полатнем. *Нач.* Да никто ѿ причтнхъ во ещнннческнй чинъ или мнскнй члвкъ...

Л. 77 об. О постѣ ебютнем апльска запокд. *Нач.* Подобаетъ же о постѣ ебютнем рещи...

Л. 78 об. Стыхъ аплх правило 2д. *Нач.* Аще который причтннкъ обращатца въ нльннй днъ постаса...

Л. 79 об. Поучнне правослабныа бѣры прозвнтером и дьякономъ и чернцемъ и епакому члвкъ. Слово стыхъ отцъ о прозвнтерехъ, и о црковном чинѣ и о едѣх црковныхъ от елнкаг собора прозвнтером. і еемю ещнннчомъ чинѣ. Что рѣтъ правило, нж речт да нзбержатца то ѡж нзбѣжнъ. аще ли речт да отлвчнтца. то ѡж на время нѣколко протнкү греху и пакн ещнннкъ. *Нач.* Вже прозвнтерн не что ебжатъ и не ебдѣтъ нмъ здѣ страстнй на показанн...

Л. 81 об. Вх спрѣ ѿ стѣм причащннн. *Нач.* Вопросы стхнй лүка астрннскнй мнтрополнтга корндненскаг...

Л. 82 об. Нже во стыхъ оца ншг ннкнфора патрнарха костнтнннградга нсповѣдннка, правило 3. е. *Нач.* Подобаетъ подавати ежтѣное причащнне болащемү ..

Л. 83. Правило тнмофѣга архннппа александрскаго. мс. о еблжннщнхъ ел ене. *Нач.* Еблжннъ еывъ в ношн во енѣ. аще ебо от помышлннга ебдннга...

— Стгаго елнкаг афонсна архннппа александрскаг ко алонѣ мннхъ. *Нач.* Рци ми елгоговѣннѣ который грѣх нматъ или чнстотѣ...

Л. 83 об. Правило іерѣом. *Нач.* Нерѣн аще хощетъ анторгннсатн...

Л. 84. Правило собора антнѣохннскаг. *Нач.* Аще жнна мннмаг ради воздржннна воздржатца от мѹжа своего...

Л. 84 об. Оернтохом во сказаннн нѣкако енце еывше нж н разебднхом напнсакше преданнне. *Нач.* Прозвнтеръ еѣ нѣкнн нѣ в коей стѣане нмѣга жннү нже еывста оба млада...

Л. 85 об. Правило стѣхъ аплаъ и стѣхъ седми собороу кесавинскихъ. *Нач.* Заповѣдаемъ нерѣкѣмъ и ерѣмъ видающимъ книги...

Л. 86 об. Читателямъ. *Нач.* Яко страшенъ ездъ учителю отъ свѣѣ ѡчащѣ, а не отъ закона...

Л. 88 об. Тимофѣя архиеппа александрийскаго правило бѣ. отъ градекаго закона црѣкнхъ книгъ. Заповѣдася при ѡсѣтнѣи црѣ. глѣа лѣз. граница шестѣдсѣатнаа з црѣкнхъ книгъ. *Нач.* Всѣмъ члѣомъ свѣи во бѣгочѣтнн хрѣстианскагъ рода правобѣрныа ерѣры...

Л. 93 об. Правило стѣхъ аплаъ и стѣхъ оѣцъ о покоианнн. *Нач.* Аще члѣкъ новъ покарѣца к покоианнн не быкал...

Л. 95 об. Поучение и наказанне ерѣмъ прозвѣтѣромъ како подобаетъ дѣтн своа дхѣовныа учнтн и оспитѣмъи намъ давати по заповѣдамъ и по правиломъ стѣхъ оѣцъ. *Нач.* Стѣи оѣи ѡставиша ѡстаѣъ родѣ хрѣтианскомѣ...

Л. 97 об. Ѡ скитскагъ ѡстаѣа стѣхъ оѣцъ правило инокомъ. *Нач.* Нѣже не раднтѣ и не вѣржѣтѣ. о ннхъже оѣщасѣа е...

Л. 101. Нѣже во стѣхъ оѣца ншго адонаснѣа бланкагъ о внѣтрннѣмъ постѣѣ. рекше по советнн. житнѣа ѡмннхъ хранимѣмъ. Ѣже не точню отъ брѣшнн постнннѣа. но и отъ всѣакнхъ стѣрастѣи дшѣтлнннхъ крѣпко соблюдатн и отѣѣгатн. *Нач.* Вѣдомо да естѣ о имъ впаколю хрѣтианннѣу, ѣако обрѣтаѣтѣа и ене преданнѣ отъ бжтѣвнннхъ писаннн...

Л. 104. Ѡ колѣнопрклоненнн, ѣако не подобаетъ комѣ нераднтн о енхъ. кромѣ днн ѣже бжтѣвнннмн правиломъ ѡстаѣлено естѣ и во нѣщн нз вѣтннхъ не преклонѣютъ колѣнѣ. во свонхъ мѣтѣахъ. *Нач.* Бѣди же вѣдомо ѡ енхъ. ѣако еже о колѣнопрклоннннхъ...

Л. 106 об. Врѣ чѣ. нпоклонннцн глѣннн. *Нач.* Стѣи на всѣако вѣрѣмѣа мѣтѣъ свонхъ колѣнѣ не хотѣатѣ прклоннтн...

Л. 107 об. Ѡ стѣи пѣтдсѣатннцн и ѡ дрѣгнхъ ндѣахъ. в ннхъже ѡстаѣлено естѣ бжтѣвнннмн правиломъ не бытн постѣу в таковыхъ днѣхъ ннже колѣнопрклоннннѣа. *Нач.* Вѣдомо же да естѣ ѣако же ѡ стѣи пѣтдсѣатннцн.

— Ннкѣнскагъ собора правило двѣтцѣтѣе. *Нач.* Пѣннже нѣщнн стѣтѣ в нлѣю колѣна прклонѣюще...

Л. 110 об. Ѡ сырнѣи нлн. *Нач.* Та же сырнѣю нлѣю всѣмъ стѣи сыръ повелѣ стѣи соборѣ ..

Л. 111. Никѣнскаѣ собора правнало ѿ сѣгымъ постѣ великии мѣ. ницы еже божественными правналы уставлено есть. Соблюдати иноко же и римскимъ. *Нач.* Иже мѣи кто хощетъ постити да поститсѣа во сѣгю великю мѣ. ницѣ...

Л. 115. Ѽ сѣгыхъ постехъ хѣа рѣтѣа. и сѣгыхъ аплѣ и успенія прѣгна еѣа. *Нач.* Во сѣгый же постъ хѣа рѣтѣа. поклѣно есть и узаконено божественными правналы...

Л. 118. Ѽ прочихъ дней всего лѣта егда нѣсть поста. Или дни разрешенныхъ божественными правналы. *Нач.* В прочихъ жео дняхъ всего лѣта кромѣ уставленыхъ постѣ...

Л. 119 об. Ѽ незаконныхъ постехъ иже соборная цѣкви предаде православнымъ хрѣтианомъ сѣгыхъ аплѣ правнало *Зд. с.* *Нач.* Аще который еписѣ, или прозвитер, или дьякон, или чтецъ, или певецъ. во сѣгю мѣ. ницѣ не поститѣа...

Л. 120. Иже в гангре собора правнало ии. *Нач.* Аще кто отъ воздержашисѣа. кромѣ телесныа нѣжа разгордитсѣа...

Л. 121. Ѽ праздницехъ гѣскихъ и великихъ сѣгыхъ. еже в конхъ разрешаетсѣа постѣ и колѣнопоклонения не творитъ. ѿ житийъ рекше о пощенихъ. и разрешенийъ всего лѣта. *Нач.* Подобаеѣтѣ вѣдати яко аще славитсѣа праздникъ хѣа рѣтѣа...

Л. 122 об. Ѽ антогниахъ и о трапезѣ. *Нач.* Подобаеѣтѣ вѣдати и ѿ сѣгнъ божественннъ славѣ.

Л. 125 об. Ѽ праздницехъ чѣскихъ и великихъ сѣгыхъ еже в конхъ разрешаетсѣа постѣ и колѣнопоклонения не творити. *Нач.* Подобаеѣтѣ вѣдати ѿ сѣмъ. яко в предъчиненыхъ снхъ праздником...

Л. 126. Лаодикийскаго собора правнало. нѣ. *Нач.* Аже не достонѣтѣ во сѣгю мѣ. ницѣ роженія творити или брако начинания...

Л. 126 об. Слово еѣаго апла павла ѿ почитанийъ книжемы. не толковаино сѣгымъ ѿанно златоустом. и сѣгымъ басилемъ великимъ. *Нач.* Приидемъ братие да слышимъ слово поэы дѣвныа.

Л. 128. Саско стѣо ѿанна златоустѣа како не ленити кни чѣ. *Нач.* Мнози жео не почитаниемъ божественныхъ писанийъ с правѣ пути обратившасѣа...

Л. 129. Бгословие ѿ сѣгнъ и живоначѣней. единосѣщней троицы предисловіе. Сынъ есмь везде и всѣа совершаю любящій ама прѣно скоро и твердо даю утѣшение. дѣломъ сѣгымъ ѿ оѣце и еѣе и сѣгымъ дѣѣ. *Нач.* Бгъ еѣаше прѣно. и есть и вѣдетъ патѣ прѣно...

Л. 134 об. Написание сѣа адоуасна мнѣха іерлѣмскаго к пан-
дови о древе развѣннѣмъ доверѣ и злѣ. *Нач.* Повѣдаше нѣщѣи
іако многи ѡчиша о древе развѣннѣмъ доверѣ и злѣ...

Л. 138 об. Приподобнаго вноха, написавша отъ кни прѣ по-
топа. *Нач.* Сльшнѣте чада моѣ прѣ дажѣ (sic) всѣа не вѣннѣ гѣ
постави вѣка тѣорнаго...

Л. 142. Слово ѡ сѣдеахъ вѣннѣхъ. вѣже сѣднѣти тѣои един
достоннѣ вѣтъ. *Нач.* Вѣбн. единномѣ ѡпракдати и осѣжати вѣ-
дѣща комѣжѣ составлннѣ и снлѣ ..

Л. 142 об. Сѣтѣ прѣка незнкѣннѣа. *Нач.* Прѣвѣда прѣвѣнаго на
немѣ вѣднѣтъ...

— Сѣтѣ епифаннѣа отъ панарій. *Нач.* Нѣвѣтъ покаяннѣа по
смерѣти...

Л. 143. Слово іѡаннѣа злѣу. отъ матѣеа. *Нач.* Никѣтоже
ко отѣудѣ не разрѣшнѣтъ грѣхѣвъ. шѣ тамѣо ..

— Слово сѣа іѡаннѣа златѣвѣта зело дѣшполезно всѣакомѣ
чаккѣ. *Нач.* Нѣже молнѣтца хѣднѣ и ношѣ, прнчастннѣтъ вѣтъ раю...

Л. 147 об. Сло(sic) сѣтѣхъ ѡцѣ ѡ нѣвѣ. *Нач.* Аще рѣче отъ
хлѣба сѣа вѣдержѣ а не вѣдержѣсѣа ѡ грѣба...

Л. 148 об. Слово ѡ прнчѣтѣ и ѡ наказаннѣи чѣ. *Нач.* Каз-
ннѣ сѣа своѣго отъ внощнѣи ѣ, и покѣнтѣ тѣа на сѣтарѣо тѣсѣо...

Л. 149 об. Слово ѡ рѣнннѣи гѣзыка. *Нач.* Аще хѣщнѣте в
жнзннѣ сѣи дѣрѣо пожнѣтн цѣаднѣте ѡста своѣа ѡтъ многа глѣаннѣа...

Л. 150. Повчнннѣ іако дѣверо тѣщнѣ ко цѣркѣнѣ и прѣснѣтнѣ по-
лезнѣхъ ѡ сѣа. *Нач.* Потѣннѣтѣсѣа вѣратнѣи и сѣстры зѣвѣщѣ ко
цѣркѣнѣ ѡставнѣте дѣла рѣкѣ кашнѣхъ ..

Л. 151. Поучнннѣ ѡ мѣтѣкѣ, іако тѣои отѣ вѣрѣхъ зѣлѣ сво-
божѣаннѣа. *Нач.* Дѣверо ѣ вѣратнѣи всѣгда ѣ мѣтѣвѣ всѣѣдовѣтнѣи сѣ
вѣгомѣ вѣтрнѣннѣщнѣи ко нѣа...

Л. 152. Слово ѡ вѣннѣчѣвннѣхъ и возносѣннѣхъ гордѣстннѣи.
Нач. Не возноснѣсѣа чѣкѣ да не паднѣшнѣ сѣа вѣнезѣпѣу...

Л. 152 об. Слово ѡ вѣзлѣвѣрнѣи печѣлн. *Нач.* Нѣвѣтъ дѣрѣо
в вѣзлѣвѣрнѣю пѣчѣа прѣдѣкнѣвѣсѣа нзнѣмогѣтнѣ но снѣннѣтнѣ прѣ вѣгомѣ...

Л. 153. Слово ѡ мѣтнѣи цѣа іѣраклнѣа грѣчѣскѣа. *Нач.* Быстѣтъ
чѣдо к константнѣнѣградѣ (sic)...

Л. 153 об. Слово сѣтѣхъ ѡцѣ ѡ наказаннѣи. *Нач.* Нѣже
отѣлѣчѣтъ чѣкнѣи отъ вѣга и прнкоднѣтъ ко днѣавѣлѣ...

Л. 154 об. Слово о некоемъ властели бѣгѣ. *Нач.* Нѣкто властелинъ когатъ рѣ убогнамъ...

Л. 155. Слово сѣгаго касланиа о бѣгодаренин. *Нач.* Седя на трапезе молася, принося хлѣбъ ко устемъ...

Л. 155 об. Слово сѣгаго касланиа о ѿбѣяденин. *Нач.* Вѣемъ убо трекно етъ еже нѣднѣти си воздержати утробѣ...

Л. 157. О питии. *Нач.* Бѣгѣ надыши в пирѣ перебѣю чаши испи (sic) ко здравнѣ...

— Слово сѣгаго прѣка іонаиа отъ книги глѣмына пчелы о пьянствѣ. *Нач.* Пьянство етъ самосонный бѣе отъ сласти в дѣшахъ ржака...

Л. 159. О варварѣ разбойнице. Како приведе его бѣгъ на покаяни. *Нач.* Сий варваръ хѣвъ мѣникъ бы в прѣ разбойникъ люте ко странахъ лѣкаскскихъ...

Л. 161 об. Слово ѿ разбойнице спсѣшемъа малыхъ ради слезъ. въ і. днѣ. *Нач.* При маврий црѣ бы етер разбойникъ ко странѣ дѣростенъ сверѣпъ и жесток...

Л. 164. Слово сѣгаго іованъ златоустѣ ѿ нищемъ лазарѣ и о бѣгѣмъ. *Нач.* Бѣе некто нищѣ именемъ лазаръ и предъ браты когатѣ лежаше...

Л. 166 об. Слокъ козлы прозвѣтера. о ѿходившихъ изъ мира в мнѣтъ и не могущихъ печаленъ мирскихъ тѣрѣптѣ. *Нач.* Мнози убо охѣдивши в мнѣтра не могущи тѣрѣпти мирскихъ печаленъ и тѣрѣдѣ...

Л. 170 об. Слово сѣга іованна златоустѣ о злыхъ женѣ. *Нач.* Ничтоже етъ подобно на зѣли женѣ злосазычней.. ¹⁾

¹⁾ Въ собраніи Погоднова, подѣ № 1119, на 178 л., имѣется конія рукописи № 1027, писанная новѣйшимъ уставомъ XIX вѣка раскольническаго почерка; въ началѣ сдѣлана раскрашенная заставка, которой нѣтъ въ № 1027.

Изъ сходнаго заглавія обѣихъ описанныхъ рукописей видно что оно тождественно съ заглавіемъ Погод. № 1025 ¹⁾, но по содержанію эта послѣдняя рукопись существенно отъ нихъ разнится, имѣя сходными съ ними лишь нѣсколько начальныхъ небольшихъ статей ²⁾. Вникая въ составъ всѣхъ извѣстныхъ намъ теперь списковъ „Златой Цѣпи“, мы можемъ распределить ихъ на слѣдующія группы:

1. Древнѣйшій текстъ „Златой цѣпи“ Тр.-С. Лавры № 11 исх. XIV вѣка, и по заглавію весьма краткому („Книги глаголемыя Златая Чепь, на поученіе ко всѣмъ крестьяномъ“), и по содержанію, стоитъ совершенно особнякомъ и, кромѣ своего названія, не представляетъ никакой преемственной связи со списками „Златой цѣпи“ болѣе поздними. Содержаніе его можетъ быть охарактеризовано замѣчательной выдержанностью поучительнаго элемента: сборникъ представляетъ рядъ болѣе или менѣе краткихъ поученій, приспособленныхъ къ бытовымъ условіямъ народа, еще мало утвердившагося въ основахъ нравственнаго и христіанскаго просвѣщенія. Эти поученія одинаково могли быть пригодны и для проповѣдыванія въ церкви, и для назидательнаго чтенія дома. Изъ статей сравнительно крупныхъ могутъ быть въ немъ отмѣчены лишь двѣ: Слово Евсевія Александрійскаго о пришествіи Іоанна Предтечи въ адъ (л. 11 об.—19 об.) и знаменитый Стословецъ Геннадія патріарха Константинопольскаго (л. 67 об.—76 об.). Что касается матеріала сборника въ отношеніи авторства, то тутъ находятся: или произведенія, которыя принадлежатъ извѣстнѣйшимъ русскимъ проповѣдникамъ (Ѳеодосій Печерскій, Кириль Туровскій, Серапіонъ Владимірскій), или такія, которыя, весьма вѣроятно, русскаго или вообще славянскаго происхожденія ³⁾, но авторы которыхъ не опредѣлены (нѣкоторыя изъ нихъ учеными приписаны Кириллу II епископу Ростовскому и Матѳею Сарайскому) или такія, наконецъ, которыя носятъ на себѣ имена знаменитѣйшихъ греческихъ отцовъ церкви (Іоанна Златоустаго, Васи-

¹⁾ Серапіонъ Владимірскій, стр. 197.

²⁾ Ср. № 1025, л. 2—10 съ одной стороны и № 1027, л. 1—23, и № 561, л. 1—14 съ другой.

³⁾ См. наши Древнія поученія на воскресные дни великаго поста въ Сборникѣ 2-го Отд. Акад. Наукъ т. XL. Сиб. 1886, введеніе, стр. VIII—XII.

лія Великаго, Григорія Богослова, Петра Дамаскина, Ефрема Сирина); остается затѣмъ нѣсколько статей апокрифическаго характера (между ними апокрифическое видѣніе Іоаса царя израильскаго, съ толкованіемъ, л. 57) ¹⁾. Какъ можно видѣть, сборникъ богатъ и разнообразенъ по содержанию, значительная часть котораго притомъ, по всей вѣроятности, непереводнаго происхожденія; эти качества давно уже выдвинули данную рукопись какъ весьма рѣдкій и драгоцѣннѣйшій памятникъ древнерусской письменности, давно заслуживающій изданія цѣликомъ, какъ то имѣлъ въ виду А. Н. Поповъ, но не успѣлъ исполнить. ²⁾ Такимъ образомъ, древнѣйшій, насколько это намъ извѣстно, сборникъ подъ именемъ „Златой Цѣпи“, взявши свое названіе изъ чужой литературы ³⁾, однако же сложился довольно самостоятельно въ подборѣ своего содержанія.

Остальные рукописи „Златой Цѣпи“, по преобладающему характеру своего содержанія, могутъ быть распредѣлены на два разряда.

2. Моск. Епарх. бібліотеки № 561 XVI вѣка; Царск. № 691 XVI вѣка, съ л. 289 об. до конца; Погод. № 1027 XVII вѣка. Собственно болѣе или менѣе самостоятельными являются тутъ лишь первая и третья рукописи, такъ какъ Царск. № 691, въ указанной части, является сокращеніемъ №-ра 561 Моск. Епарх. бібліотеки или однороднаго съ нимъ по содержанию ⁴⁾. „Златая Цѣпь“ Моск. Епарх. бібліотеки и Погодина, какъ можно видѣть изъ представленнаго выше описанія, заключаютъ въ себѣ нѣсколько общихъ статей ⁵⁾; но сходство не ограничивается

1) Описаніе Слав. рукописей Тр.-Сергіевой Лавры. I, 15—18.

2) См. его Библиографическіе матеріалы XX. Изд. В. Шенкинымъ М. 1890 стр. XXXIX и 109.

3) Серапіонъ Владимирскій, стр. 190—191.

4) Если даже было наоборотъ, т. е. что № 561 является распространеніемъ №-ра 691, то сущность дѣла отъ этого, въ данномъ случаѣ, не мѣняется.

5) Ср. № 561

№ 1027

л. 1—14

л. 3 об.--23

л. 17

л. 29 об.

л. 23 об.—25 об.

л. 32—35 об.

л. 33 об., 38

л. 37—37 об.

л. 136

л. 134 об.

отдѣльными статьями, а проникаетъ въ общій составъ и характеръ содержанія того и другого сборника: именно, оба они изобилуютъ статьями и отрывками каноническаго, религіозно-полюемическаго и назидательно-бытового содержанія, заключаая въ себѣ постановленія апостольскія и вселенскихъ соборовъ (равно и историческія свѣдѣнія о послѣднихъ), наставленія церковно-служителямъ относительно ихъ обязанностей, отрывки изъ индекса истинныхъ и ложныхъ книгъ, полемическія статьи противъ еретиковъ (въ томъ числѣ отрывки изъ сочиненія Епифанія о ересьяхъ) и противъ латынянъ (въ тотъ числѣ Прѣвіе Панагіота съ Азимитомъ); затѣмъ, разнаго рода назиданія какъ въ видѣ безыменныхъ статей, такъ и означенныхъ именами разныхъ отцовъ и писателей церкви (Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова, Кирилла Іерусалимскаго, Діонисія Ареопагита, Теодорита, Петра Дамаскина, Ипполита, Іоанна Дамаскина, Кирилла Александрійскаго, Андрея Критскаго, Анастасія Синайскаго, св. Исидора и др.); наконецъ, содержаніе обоихъ сборниковъ расширяется разнаго рода статьями, не отвѣчающими прямо указаннымъ основнымъ чертамъ ихъ и привлеченными сюда какъ бы для достиженія энциклопедическаго ихъ назначенія: таковы выдержки изъ Хронографа, Пален, Миней, Пролога, Георгія Писиды, Пчелы, Шестоденника, Маргарита; сюда же должны быть отнесены безыменные вопросы и отвѣты о разныхъ предметахъ и отрывки изъ апокрифическихъ сочиненій (о двѣнадцати камняхъ, насажденныхъ на святительской ризѣ; изъ книги Еноха).

Изъ этого обзора можно заключать, что рукописи указанного состава „Златой Цѣпи“ предназначались для очень широкаго употребленія и должны были удовлетворять очень разнообразнымъ запросамъ ума и религіознаго чувства. Эти тексты, безъ сомнѣнія, обильнѣе и разнообразнѣе по содержанію, чѣмъ древнѣйшій ихъ собратъ по названію, XIV вѣка: тутъ мы находимъ весьма много отрывковъ изъ такихъ произведеній византійской литературы, которыя, по всей вѣроятности, сдѣлались извѣстными въ славянскомъ переводѣ уже послѣ XIV вѣ-

л. 169 об.

л. 71 об.

л. 193—195 об.

л. 79 об., 86 об.

л. 201 об., 258

л. 88 об., 83.

ка; но вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ и другую черту указанныхъ текстовъ—почти полное отсутствіе русскаго самостоятельнаго элемента, если не принимать въ расчетъ послѣднихъ статей №-ра 561, которыя могли быть прибавлены случайно.

Мы не можемъ теперь пока назвать прямого литературнаго источника, болѣе или менѣе обширнаго по объему и сборнаго по характеру, изъ котораго образовался указанный составъ „Златой Цѣпи“ второго вида, и который былъ бы посредникомъ между названными произведеніями небольшого объема и всѣмъ, довольно значительнымъ, составомъ „Златой Цѣпи“; открытіе соотвѣтствующаго матеріала въ будущемъ, можетъ быть, разъяснить этотъ библиографическій вопросъ; въ настоящее же время не можемъ не указать на два сборника Моск. Синодальной бібліотеки № 268 (700) XVI в. и № 339 (1001) XVII в. (вторая его половина, л. 294—до донца), которые и общимъ своимъ характеромъ и многими отдѣльными статьями и отрывками сильно напоминаютъ только что описанный видъ „Златой Цѣпи“ и могли, какъ намъ кажется, посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, играть нѣкоторую роль въ литературной судьбѣ занимающаго насъ памятника ¹⁾.

3. Третью группу составляютъ: Солов. бібліотеки № 349 (258) XVI в.; Погод. № 1025 XVI в.; Моск. Синод. библ. № 339 (1001) XVII в. Такимъ образомъ, третья рукопись является какъ во второй, такъ и въ третьей группѣ списковъ „Златой Цѣпи“ и играетъ между ними какъ бы посредствующую роль. Дѣло въ томъ, что сборникъ состоитъ изъ двухъ половинъ: въ первой, л. 1—294, помѣщено 45 словъ изъ Пандектъ Никона Черногорца, а во второй, л. 294—до конца, рядъ статей и отрывковъ, изъ которыхъ многіе сходны съ соотвѣтствующими статьями второго вида „Златой Цѣпи“, какъ о томъ только что мы говорили. На первомъ листѣ рукописи находимъ ея заглавіе: „Книга божественныхъ заповѣдей толкованіе, совокуплены же

¹⁾ См. Горскій и Невоструевъ, II, 3, стр. 297—306, 823—834. Поэтому намъ кажется, что оговорка писца сборника № 339 передъ началомъ второй его части, что названіе «Златой Цѣпи» относится лишь къ первой части рукописи, л. 1—294, заключающей въ себѣ выборъ изъ Пандектъ Никона Черногорца (см. Горскій и Невоструевъ II, 3, стр. 823; Серапіонъ Владим., стр. 194), о которой сейчасъ будетъ рѣчь, не вполнѣ основательна.

ветхимъ и новымъ писаниемъ, глаголетъ же ся *чѣль золотая*“. Намъ думается, повторяемъ, что, не смотря на оговорку писца на л. 293 об., названіе „Златой Цѣпи“ относится не къ одной первой половинѣ рукописи, но ко всему ея составу, и объяснить упомянутую оговорку можно такимъ образомъ: писецъ рукописи № 339 (предполагая, что онъ былъ только писцомъ, а не составителемъ сборника), переписавши выборку изъ Пандектъ Никона Черногорца, пришелъ къ мысли, что „Златая Цѣпь“ тутъ кончается—потому, что, дѣйствительно, были рукописи „Златой Цѣпи“ съ весьма сходнымъ заглавіемъ, заключавшія въ себѣ единственно выборку изъ Пандектъ Никона Черногорца: такова именно рукопись Солов. библиотеки № 349 ¹⁾; въ дѣйствительности же „Златая цѣпь“ въ рукописи продолжалась до конца, какъ въ этомъ убѣждаетъ насъ второй, по нашему подраздѣленію, видъ „Златой Цѣпи“, весьма сходный по общему характеру и по отдѣльнымъ статьямъ со второй частью рукописи № 339, которая такъ смутила писца: послѣднее обстоятельство не имѣло бы мѣста, если бы онъ былъ знакомъ и со вторымъ видомъ „Златой Цѣпи“.

Итакъ, основой третьяго вида являются Пандекты Никона Черногорца; популярность этого произведенія въ древней русской письменности, отвѣчавшаго аскетическимъ запросамъ древнихъ нашихъ книжниковъ и читателей, достаточно объясняетъ примѣненіе къ нему весьма почетнаго названія „Златой Цѣпи“, которое вполне соответствовало и внѣшней его формѣ: произведеніе состояло изъ отдѣльныхъ „словъ“, объединенныхъ единствомъ темы и связанныхъ по содержанію, какъ однородныя звенья одной цѣпи. Такимъ образомъ, Пандекты Никона, разъ давши начало извѣстному виду „Златой Цѣпи“, опредѣлили аскетическо-покаянный характеръ его содержанія, въ отличіе отъ полемико-назидательнаго характера другого разсмотрѣннаго нами ея вида. Съ этой точки зрѣнія вполне оправдывается принадлежность къ третьей группѣ и Погод. № 1025, отличающагося именно указаннымъ характеромъ заключающихся въ немъ статей, между которыми многія взяты „отъ патерика“, „отъ лимониса“, а другія или однородны съ ними по содержанію или представляютъ довольно значительныя по объему и весьма популярныя въ древней русской письменности

¹⁾ См. Описаніе рукописей Сол. библ. I. 547—550.

произведенія покаянно-аскетическаго содержанія, какъ Слово Палладія мниха о второмъ пришествіи и о страшномъ судѣ (л. 100) или Діоптра Филиппа пустытника (л. 272 об.)¹⁾.

Таковы три вида (мы не можемъ сказать: редакціи) „Златой Цѣпи“, возникшіе въ разное время и совершенно независимые одно отъ другого по содержанію. Повторяемъ надежду, что, можетъ быть, со временемъ удастся и для второго вида этого сборника указать такой же литературный источникъ объясняющій его общій характеръ, какимъ для третьяго вида являются Пандекты Никона Черногорца.

Значительная распространенность „Златой Цѣпи“ доказывается многими выписками изъ нея въ разнаго рода рукописныхъ сборникахъ, съ указаніемъ источника заимствованія²⁾.

1) Серапіонъ Влалм., стр. 227—235.

2) Къ тому, что уже нами отмѣчено (Серапіонъ Владимирскій, стр. 199, прим. 1), прибавимъ слѣдующія указанія: Новг.-Соф. библ. № 1490, л. 561 об: отъ Златыя чепи сказаніе св. отецъ, како подобаетъ креститися и благословити; то же въ сборникѣ № 1560, л. 290 той же библіотеки (Ф. Смирновъ. Описаніе 24 рукописныхъ сборниковъ XVI вѣва Новг.-Соф. библіотеки, стр. 79, 100); Унд. № 136, л. 85: Златоуста Чѣпъ (Описаніе, 144), № 398, л. 164 об: книга Златая Чепъ историческая (тамъ же, 266) № 659, л. 336: отъ Чепи златой (тамъ же, приб. стр. 50), Вахрам. № 483 л. 244: изъ книги Златыя Чепи, списано толкомъ о ускомъ пути, ведущимъ въ жизнь вѣчную (Описаніе г. Титова II. 277). Ср. также Карповъ, Азбуковникъ, стр. 122—123.—Представляемъ, наконецъ, перечень статей одного небольшого сборника Императ. Публичной библіотеки Q. I. 522 XVII в., заключающаго въ себѣ выписки изъ «Златой цѣпи»: л. 1. Премудрость ѿ многихъ книгъ избраниѡ ѿ Златыѡ Чепи. Премудрость Соломона ѿрѡ ѡна дѣдка. *Нач.* Премудрость созда себѣ храм... и далѣе идетъ рядъ вопросовъ съ отвѣтами, содержащими въ себѣ толкованія на разныя мѣста св. Писанія ветхаго и новаго завѣта; затѣмъ, рядъ вопросовъ съ отвѣтами церковно-обрядоваго и нравственно-религіознаго характера. Л. 41. Бесѣда трехъ свѣтъ Григоріѡ бѣгослова, Ивана Златоустаго, Василиѡ Кѣсарѣйскаго, с толкомъ ѿ патеріѡ римскаго. *Нач.* Григорій рече... Л. 52. Ѣ апсѡ с толкомъ изъраноѡ. *Нач.* Ѣкрытѡ гнѣвъ бѣжнїи и с ѣнн... Л. 54 об. Снїи же словѣсѡ пракѣднаѡ на прочитаннїи ѡрѡкамъ конжди бѣ всесѡ оумѣ нмѣнїи, доверѣ бонсѡ бѣдѡщаго шѣжднннѡ. *Нач.*

Проме на рѣзтво хѣво. Хѣ ражастьсл... Л. 55 об. А се ѿ книги
 Фелона приточникъ. *Нач.* Рече ѿ исть црць и т. жинимыхъ.
 Л. 59 об. ѿ прѣтчи. *Нач.* Нетинна исть Иванъ прѣтча... Л.
 60 об. А се въпрошание кнѣзѣ Антишха сѣго Ядонасиа. *Нач.*
 ѿ сѣщетка и скѣта сего аглан сътворени суть... Л. 64—67.
 разные постороннія приписки XVII и XVIII вѣковъ, изъ которыхъ
 послѣдняя слѣдующая: Ся книга чиновная Златые Чепи села ве-
 ликого посатцего чѣка Александра Ивановича сѣна Добрынина кра-
 слиника, а до той кнѣги никому дела нетъ ꙗ не вступатца, а будъ
 хто учнетъ вступатца, ꙗ на немь їмрк доправитъ за бесчестье рубль
 дватцать семь алтынъ с копѣйкой, а потписал на сей кнѣиге Сементъ
 Добрынинъ.

III.

Древнерусское поученіе изъ сборника Рум. Муз. № 182.

Помѣщаемое ниже „Слово во всему міру на пользу слышащимъ“ весьма любопытно. Форма его нѣсколько оригинальная: поученіе представлено въ видѣ увѣщанія самого І. Христа къ „митрополитамъ, епископамъ, игуменамъ, попамъ, дьяконамъ, князьямъ, вельможамъ и всему міру“. Есть два упоминанія о „поганныхъ“ („лицы кы козѣранѣи поганѣи“; „изъяслю кы ѿ рѣки поганѣи“), подъ которыми Востокъ ¹⁾ разумѣлъ татаръ и на основаніи этого отнесъ поученіе къ татарской порѣ, хотя въ синод. спискѣ этого поученія (№ 231, XVII в.) упоминается о „поганныхъ печенѣгахъ“ ²⁾. Дѣло идетъ тутъ о кончинѣ міра,—слѣдовательно, на тему весьма общую, которая легко могла быть примѣнена и во времени татарскаго нашествія, независимо отъ времени дѣйствительнаго происхожденія „слова“. Русское происхожденіе „слова“ вообще довольно вѣроятно ³⁾. Первый указалъ на это поученіе Востокъ (П. с.) въ спискѣ „Златоуста“ Рум. Муз. 1555 г. № 182, л. 261 об. и сборникѣ XV в. № 451, л. 60 (тамъ же, стр. 722). Мы издаемъ его по первому списку какъ болѣе полному; списокъ № 451 не имѣетъ начала, а въ той части этого поученія, которая имѣется въ этомъ спискѣ, нѣтъ никакихъ важныхъ варьянтовъ сравнительно со спискомъ № 182. Внизу текста приводимъ мы варьянты по списку Публ. Б-ки XVII в. Q XVII № 43, л. 188; въ иныхъ мѣстахъ онъ сокращенъ сравнительно со спискомъ Рум. Муз., но этихъ сокращеній мы не отмѣчали.

Кромѣ упомянутыхъ, еще извѣстны намъ слѣдующіе списки этого поученія: Тр.-С. Л. №№ 142, 787 и 791—всѣ XVI в.; Нов. Соф. № 1289 XVI в.; Москв. Дух. Ак. № 146 XVII в. и Москв. Синод. Типогр. № 1492 (435) XVI в.

¹⁾ Опис. рук. Рум. Муз., 232.

²⁾ Горскій и Невоструевъ, II, 3, стр. 105.

³⁾ См. П. Ф. Николаевскаго, Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ. Ж. М. Н. Пр. 1868 № 2, стр. 336.

Филаретъ Черниговскій ¹⁾ склоненъ приписывать это поученіе Кириллу II, митр. Кіевскому, но безъ достаточныхъ основаній.

Слѣ ко ксеѣмѹ мїрѹ на ползѹ слышати на бл҃г-
ен оч. ²⁾.

Трѡнца ѡцѣ ѿ снѣ стын дхѣ гѣ ншѣ Ісѣ Хсѣ бл҃гословаетъ
тва; своѣ ³⁾ ѿ созданїе своѣ, митрополиты ѿ іппы, иг҃мены,
попы, дѣлконы и князї и велможы ѿ кѣ мнрѣ; на се дѣло кѣ
глтѣ оуцты скѡйми: чада моѡ мнлаѡ ⁴⁾, почто ѡсте пошан к ⁵⁾
чужю землю ѿ заблѣднанса ѡсте, а ваша земля ѡпхстѣла, ѿ
козраете по неѿ тернїѣ ѿ волчыцѣ ⁶⁾? но пойдите в землю своѣ,
взыщете пѡти истїннаг ⁷⁾ ѿ пойдите ко ѡцѣ вашелѡ, прѣсѣ-
ванте ⁸⁾ к любѣн, чада моѡ мнлаѡ! Не мозите сего забл҃гн,
глтѣ гѣ, любѣз ѡсам ѡз, к любѣн прѣсѣкаѡ, ко мнѣ прѣсѣкайте ⁹⁾.
Сѡче ншѣ прїзываете ¹⁰⁾ мѡ, ѡ волѡ моѡ не творите. Аще ѡца
мѡ нарицаѣт, то ѿ творитъ волѡ моѡ, еже волѡ моѡ; еѣ тоѡ
ко любѣн не прїмѡтны ваша мѡтѣы, ни сѡжѣы вашѣѡ прїмѡѡ ¹¹⁾.
Вѣ мѡтѣы мѡесто зло мн прїнесѡте, ѿ много сн тѡжнх ѿ мно-
го сн сѡжалнх, яко оумножїшасѡ беззаконнѡ ваша. Почто ¹²⁾
ко гнѣвѣ сѡжѣы творите ѿ кѣѣ трѣждаѣтсѡ ¹³⁾? Аще гнѣѡ

1) Обзоръ русск. дух. литературы, 3-е изд., стр. 60.

2) *Заглавіе списка Публ. библиотеки:* Слѡско Гѡ ншѣго нѣѡ хѡ
пшѡчїне хрїстїанѡм на показнїѣ. Бл҃гѣн ѡчи. ³⁾ ксѡ. ⁴⁾ возакс-
ленѡ *приб.* хрїстїанѣ ⁵⁾ на ⁶⁾ *см.* и волчыцѣ *стоитъ:* зкѣрн оумно-
женїѣ. ⁷⁾ *см.* пѡти истїннаг *стоитъ:* пшѣннїца многи. ⁸⁾ прѣсѣ-
днѣ ⁹⁾ *Изъ сѡ Публ. библ.; съ текстъ:* прѣсѣкаетъ ¹⁰⁾ прїзываете ¹¹⁾
см. еже волѡ... прїмѡѡ *стоитъ:* еѣ же ѿ волѡ моѡ. любѣнте мѡ не-
лицѡмѣрно, чѡвчн. аще ѿмѣѣте гнѣѣѡ на когѡ не прїмѡѡ мѡтн
вашѣѡ. ¹²⁾ *приб.* прѣѡбендѣѣши дрѡга своѣго ¹³⁾ *приб.* ѡ кнзн волѡ
на лица сѡд сѡдїѡ. но правнѡ сѡд сѡднѣте. мзды не ѿмѡтн. ни
ѡ когѡѡ ѡ бл(с)тѣлн. велможѡ моѡ. цркн не ѡскѡжѡйте ни
пѡславшѡгѡ мѡ. кѡвнїц не прѣѡбенжанте. снѡѡ жалѡйте ннцнх
и стѡрнннхѣ. ѡбогнх пнчѡйте. аще лн тако не творите то ѡвѣѣтѣ.
даднѣте вѣ днѣ сѡднѣ. стѡрншнѡ сѡд и ѡ лѡтѣѣ тако творите.
гѡршнѣ вѣсѣго.

имѣете, почто идѣте ко цркви 1) и ѡскверняете храмъ сѣмъ и ѡскорбляете агглы моа сѣмъ в ча службы вашей? Не со страхомъ стоите въ цркѣ. Почто есте ходили ндаю или дѣе или б. лѣта 2) или издѣтська, на которыи вѣсѣхъ сбраѣте, ѡдѣше маса чачкал? Тако глѣтъ гъ: вѣшам, книжникомъ и и҃г҃аминомъ: почто не вчите дѣтен своихъ страхъ бж҃ію, видѣше не видѣте, слышаше не слышѣте? Вѣты сконани 3) глѣте: гъ помолнмса, ѡпнтелю молвнте: станемъ доере, станемъ со страхомъ; вѣты сконані молкнте со страхомъ. а сердца ваша ѡдалша ѡ мене 4), держаще засѣ и гнѣе! Рѣканъ есте, вгда кр҃стнї іеме: ѡрнцѣтса сочоны вѣсѣхъ дѣлз іго, почто, чада моа мѣлаа, сочонїна дѣла творнте? Се вы есте, чада, дѣла сочонїна, иже со гнѣеомъ служѣте творнте 5). Вгда хошнте что оукрастн, и не имѣтса по немъ цвѣт, камо са хошнте дѣтн? Тако глѣтъ гъ: тако вы попове еходитеа во црковъ, а страха бж҃іа не имѣше 6), то мѣтвы ваша акї ѡслак кровакъ смѣшенъ съ незаконїемъ. Не прїнмѣте просѣры и всякаго приношенїа во цркѣ ѡ корчннѣ и ѡ рїзонмѣца и граентела 7) и чародѣа и оубѣнца и ѡ крѣаго сднїи, ѡ мздонмѣца и ѡ тачтїи, ѡ рочнїка и ѡ гнѣеа; тѣхъ во просѣры гнѣсны и свѣщї ихъ оубаааютъ. Тако глѣтъ гъ: на рочѣ к цркѣ не пѣшанте, се во не рочнїца создана, но молвннїца; собранте к нїи на молѣѣ. Аще вы что и в клѣт свою, не пѣшанте на рочѣ. **Ѡ** горе тому поплъ, нжъ едѣт пѣшала въ цркѣ свою что с нимѣ ѡвещю мѣкѣ прїнмѣт! Се во вы горѣ вѣсѣхъ і, ѡ такобыхъ просѣвр не прїнмѣтн; тѣи, оучтѣл, рїцї іаму: аще имѣшн гнѣе на кого, чадо, ндн самнрса с нимъ, і азъ прїнмѣ просѣвр твою и прїнесѣ на жрѣтвеннїк, тако возноснтса мѣтѣа твоа чта к бж҃. Аще ли прїнмѣтѣ ѡ тѣхъ, что с нимѣ ѡсѣднтса въ мѣкѣ. Вгда стоите въ цркѣ, глѣше дрѣг со дрѣгомъ, а страха бж҃іа не имѣш,

1) аще тако творнте, что пшчто въ цркѣхъ ходнтѣ. 2) *ам.* или б. лѣта *стоитъ*: или мѣцъ и гвд. 3) *вѣтнма* сконанма 4) *Съ этою мѣста начинается списокъ Рум. Муз. № 451.* 5) *іже* гнѣеа держати и з гнѣеомъ служѣа творнти. 6) *ам.* а страха... имѣше *стоитъ*: гнѣеа не держати ни на когѣ а дѣтн своа вчнтѣ. а вы чада моа послѣшанте. миръ семѣ побчанте аще ли сами не творнте. ни люди вчнтѣ. 7) *грабѣжнїка.*

ѿз шалаи агглы соѡа ѿ снѡснѣ с нѣсн ѡгнь, ѿ стѡнѣ гортѣ.
 Аци сѡ слоѡа не послѡшаѣтѣ, наплѡю на вы грьѣе соѡн и нач-
 нѣтѣ грьѣтѣ ѡзыки соѡа, тогда вын мѣтѣ ѿз гортанѣ соѡнхъ:
 такоѡа мѡжа еѡдетъ еѡм на сѡмѣ свѣтѣ; тогда начнѣтъ дѡхом
 молѣтѣ, но ѿкѡторѡи еѡдетѣ ѡгрѣхъ. Вннманѣтѣ цѣтѣ, оуѣтан:
 ѣгда поѡшн еѡ цѣкен, кто тѣ начнѣтъ гѡтѣ ѡ сѡѣтнхъ, ѡсѡтѡен ж
 мѡтѣѡ ѿ ѡчи ѣго со всѣмѣ стѡрахѡмѣ еѡжѣм стѡлѡтн; аци чѣ
 еѡдетъ кнѡз ¹⁾, не стѡднѡсѡ ѣго. ѿ аци тѣ еѡдетъ еѡсѡтѣтѣ ѡ ннѡ,
 да ѡ еѡа чѣ чѣ еѡдетъ; аци ли наѡчншн со стѡрахѡм еѡжѣм стѡлѡтн
 со цѣкен, чѡ почнѣтъ на гѡлѣтѣ тѡѡн дѡхъ сѡѣн. Аци кто ѿдетъ со
 цѣкен со стѡрахѡм еѡжѣм, со всѣм сѡдѡмѣ ²⁾ грьѣѡа не ѿмѣѡтъ,
 но снѡтъ дѡша ѣго ѡко сѡнѡ, ѿ косѡднѣтъ мѡтѡѡ ѣго ѡко тѣ-
 мѡнѣ; тогда агглы мѡн ³⁾ ѿсѡднѣтъ ѿз ѡпѡтѡрѡлѡ, ѡсѡл кѡстѣ в
 рѡкѣ соѡнѡ ⁴⁾, ѿ знѡмнѡетъ ѣго на чѡлѣ, ѿ чѡко почнѣтъ на нѡм
 дѡхъ сѡѣн ⁵⁾. Пѡчѡ слоѡѣ мѡнхъ не еѡжѣтѣ? Пѡсѡл вы ѿннѡ-
 лѡн на зѡмѡлѡ ⁶⁾, ѿ чѡко еѡѣрѡ мѡтѣ. Пѡчѡ зѡтѡѡрѡѡтѣ
 вѡрѡтѡ ѡ нѡшнхъ? Тако гѡтѣ гѣ: колѡм ѿ сѡнѡм ѡтѣ мѡѣсто со
 дѡѡрѣхъ вѡшнхъ, ѡ мнѣ нѣ мѡѣста со дѡѡрѣхъ вѡшнхъ? гѡтѣ под-
 клѡнѣтѣ гѡлѡѡ сѡѡтѡѡшѡсѡлѡ по ѡлѡцѡмѡ чѡ со прннѡсѡтѣ на сѡѣт
 сѡн, ѿмѣ чѡ ѡннѡсѡтѣ? Пѡ мѡрѡ тѡрѡѡѣтѣ нѡзѡвѡмѡлѡ вѡшнѡ. Пѡ-
 тѡрѡѡсѡхѣ зѡмѡлѡн, ѿ чѡко еѡѣрѡ мѡтѣ; пѡсѡтнхъ на вы ѿз мѡлѡтѡнѡ ⁷⁾,
 ѿ чѡко прѡлѡшѡ еѡѡѡ вѡшнѡ. Аѡѡлѡ лѣ вы пѡсѡтнхъ на вы ѿнѡн нѡ-
 наѡнѡлѡ ⁸⁾. мнѡ мн ѡ рѡдъ крѡѡннѡкѣ, нѣскѡлѡко мн зѡлѡ сѡѡѡѡн-
 сѡтѣ. Пѡчѡ зѡтѡѡрѡлѡн ѡтѣ цѣкен? То аци вы козѡрѡмѡлѡн погѡнѡн,
 чѡ еѡм бѡлѡ ѡсѡтѡѡѡтн еѡ ѿмѣѡнѡн ѿ ѿтѣтѣ еѡлѡ со цѣѡѡѡ, чѡ

1) см. кнѡзъ стѡнтѣ: цѣ ѿнѡн кнѡзѣ ѿнѡн еѡлѡѡѡѡ ѿнѡн ко-
 гѡчннѡ. еѡдѣ. 2) прѡб. ѿ мнѡлѡстннѡѡ. а 3) ѣгѡ 4) вѣ рѡцѣ соѡнѡ
 5) прѡб. ѡлѡ мѡлѡ козѡлѡѡѡнѡлѡ 6) мнѡгѡѡ ѡчнхъ еѡ вѣ пнѡсѡнѡлѡ
 7) ѿнѡпѡлѡмннннѡнѡн 8) прѡб.: не крѡднѡтн. нн рѡзѡѡѡнѡтѣ нн лѡжнѡтѣ
 нн кѡѡѡчнѡтѣ. нн зѡѡнѡнѡтѣ. нн еѡѡѡтѡѡ дѡрѡжѡтн. нн пѡлѡшнѡтѣ.
 нн гѡлѡмнѡтѡсѡлѡ. мн ѿгрѡнѡтѣ мн рѡкѡмѡ, нн нѡгѡлѡмѡ чѡ со ѣ ѡгѡѡѡ-
 дѡшнѡ днѡѡѡлѡ кѡлѡмѡ чѡлѡѡ лѡѡѡтѣ, ѡ сѡѡѡтѡѡ нн лѡѡѡтѣ. нн сѡднѡчѣ
 еѡнѡѡ. нн по мѡзѡѣ тѡлѡжнѡтѣ нн послѡѡн еѡдѣтѣ, нн ѡѡнѡнѡтѣ.
 ннѡкѡѡѡ жѡ нн вѣ чѡлѡѡѡ. ѿ еѡдѣтѣ сѡмнѡ нн ѡѡнѡнѡнѡн. вѣ еѡдѡѡ-
 цнѡѡѡ еѡѡѡѡ. мѡчѡ ѡѡѡѡѡѡ сѡѡѡѡрѡнѡѡнѡн ѡ сѡѡѡнѡѡтѣ. ѡ лѡѡѡѡѡ (ѡ)
 дѡлѡѡѡлѡ кѡлѡдѣтѣ. ѡ лѡѡѡѡѡ чѡѡѡѡ.

аще вы и кровь свою пролѣте, а заповѣди мои не претѣплетѣ бы. Почему претѣплетѣ заповѣди и соборѣ стѣхъ ѿцѣ прѣимаетѣ прокля-
тчи? 1) Азъ вамъ даю инокѣвъ инокѣшайа бы, а вы есте вса в рѣкѣу мою. и вса содрѣжю и даю вы жѣкоу. Не днево есте члвкѣу спаситиса, но падшіи востати покаѣниемъ. Аще ѿ ба падѣтъ храмѣна наї хлѣ-
бѣна, то вы ѿ томъ печалѣте много, а ѿ грѣсѣхъ своихъ никогда печалѣтиса и мнѣте ничтожъ зла сотворѣше, претѣпнише заповѣ-
дѣи моѣ и стѣхъ ѿцѣ соборы. И аще вы чада глѣо ерднѣной ко-
лѣзнію нѣ харатѣю, ни черпѣломъ, но ѣты ко ѣтомъ: послушайте мене, чада мѣлаа, малыа сѣа заповѣди, подензѣнтиса на мѣтѣжъ:
ничтожъ ео тако хоцѣю, іакожъ мѣтѣвы башѣа. Аще хоцѣте по-
слажѣайте мене, и пожѣйте; ходите со крѣты ѣ праздникіи моѣ 2), и забавлю вы ѿ рѣки поганыхъ, прѣимните ѿпитѣію хотѣа малѣ.
Тако глѣтъ Гѣъ: велміи прогнѣбастѣ ма, и вси вы стѣрпѣхъ, его не могѣхъ терпѣти. Почему затворѣте цркви, вложѣте ео ѿчлѣ-
нїе, іаже ѣ есго горѣѣ ѿчлѣтѣ члвкѣу? Поденгнѣмѣа покаѣнїемъ
оулолѣтчи еизлоенѣаго бѣга; прѣеланжѣте ко мнѣ, і азъ к вамъ прѣ-
еланжѣсѣа, глѣтъ Гѣъ. Томѣ ео ѣ печалъ ѿ на инокѣпнѣшѣмѣ ны
свою кровѣю; жѣеотъ своѣ инокѣшн члвкѣ 3), но мы не ѿстѣпнѣа
ѿ него, дондежъ повѣант инокѣшнѣком ѿнѣтчи ѿ на, се ео помнѣте
сѣтѣ: прѣшла лѣтѣа численнѣа 4). Стѣхъ ео прѣжъ: нѣо и земла
мѣмондѣт, а словѣса мѣа не мѣмондѣт; добры еждѣте—прѣдамъ
вамѣ, а заї еждѣте—ѿнѣму ѿ ба. Тако глѣтъ Гѣъ: прѣждѣте въ
стѣрѣе ежѣи и в еждѣтѣ правѣи и въ ератѣебѣи; нѣщнхъ не ѿендѣ-
те и родитѣла своѣ чѣтѣше и елѣжнѣкіи своѣ правѣа анѣлѣшн. И
вы, црѣи и кнѣзѣи и ежѣи, имѣѣте Гѣа радн заповѣдѣ сѣю малѣю, да

1) поповъ не чѣтѣте ерѣнъ мои меншѣѣ едовнѣцъ едѣднѣхъ люднн не жалѣйте а послѣлы сѣмѣте а дѣла своѣ гѣвѣте. палѣшѣте. нѣграѣте чѣрѣ
нѣоу члвкѣ адѣте а дѣла мѣнхъ не чѣкорѣте. лѣнца своѣ лѣпѣте и рѣцѣ
своѣ лѣмѣте. многъ хнѣтъ (?) нѣмѣѣте. то ео ѣ ѣгоднѣ дѣлѣволѣу. а
ежѣнѣа ѣпорѣнѣцы. рѣчъ ео гѣ егѣ чл мѣа. еозлѣелнѣа ѿстѣавѣте
всѣа нѣподѣеаа. и помѣшлѣннѣа. то ѣ заповѣдн мѣа. ѿца дѣхъ-
нагѣо. аще кѣто послѣшѣѣ прѣимѣѣ жѣзнь едѣчнѣю. аще кѣто не по-
слѣшѣѣ прѣимѣѣ мѣкѣу едѣчнѣю. 2) прѣб: и на еовѣтѣ крѣтѣ носѣте
чѣтно 3) ѿ ерѣга жѣеѣ своѣ инокѣшн ѣ члвкѣ. 4) мыслѣннѣа.

БѢДИТЪ ВЪ РАДОСТѢ, ꙗкоже не бывала нѣкогдаже; не прѣидохъ е
 предныхъ прѣзвати, но грѣшныхъ на покаѣнїе; азъ есмь с ками
 до скончаннѣ вѣка. Мы жъ вѣрнѣи хваламъ ѿ слѣнамъ стѣю троицѣ
 ѿца ѿ сѣна ѿ стго дха за бесчисленнѣю его млчть ѿ великоѣ члвко
 лкостѣ всегда ѿ ннѣ и прѣно.

О Б Ъ И З Д А Н І И

Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій

въ 1894 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этой цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1) — официальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) — неофициальную (статьи научнаго содержания), съ отдѣлами— *критико-библиографическимъ*, посвященнымъ критическому обзорѣ выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники* заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1894 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. с., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Г.г. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Иконниковъ.

Содержаніе неофіціальныхъ отдѣловъ и приложенийъ первыхъ двѣнадцати томовъ „Извѣстій Института Князя Безбородко“.

I ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.).

- 1) Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла *П. И. Люперольскаго*.
- 2) Козловъ. Философскіе этюды. Критическій очеркъ *Н. Я. Грота*.
- 3) Анализъ составныхъ частей славянскаго слова, съ морфологической точки зрѣнія. *А. С. Будиловича*.
- 4) О землѣ Половецкой. *Н. Я. Аристова*.
- 5) Забѣтка о текстѣ русскихъ былинъ. *Н. А. Лавровскаго*.
- 6) Изслѣдованіе въ области греческаго мѣстоимѣнія. *А. В. Добіаша*.

II ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.).

- 1) Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. Рѣчь, произнесенная на актѣ 30 августа 1877 г. и. д. профессора философіи *Н. Я. Гротомъ*.
- 2) Нѣсколько поправокъ къ тексту Горациа. *Г. Э. Земера*
- 3) Первобытныя Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. Отд. *А. А. С. Будиловича*.

III ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.).

- 1) Дипломатическія сношенія и борьба Императора Александра I съ Наполеономъ. Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ, по случаю юбилея рожденія Императора Александра I, 12 декабря 1877 года, ординарнымъ профессоромъ всеобщей исторіи *П. И. Люперольскимъ*.
- 2) Состояніе образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I. *Н. Я. Аристова*.
- 3) Гимназія высшихъ наукъ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832 г.) *Н. А. Лавровскаго*.
- 4) Рѣчь М. Туллія Цицерона о консульскихъ провинціяхъ *Р. А. Фохта*.

- 5) Патмоскія схолія къ Демосеену *П. В. Никитина*.
6) Первобытныя Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. (Вып. II.) *А. С. Будиловича*.
IV ТОМЪ. Вып. I. (Ц. 75 к.).

1) Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана. Эпизодъ изъ Хорватской исторіи. Рѣчь *А. С. Будиловича*.

2) Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича, Османъ. *Р. Θ. Брандта*.

3) Еще нѣсколько замѣтокъ о трудныхъ мѣстахъ у Горація, *Г. Э. Зенера*.

IV томъ. Вып. II.

Психологія чувствованій I. Историческій отдѣлъ *Н. Я. Грота*

(Экземпляровъ II-го выпуска въ Институтъ не имѣется).

V ТОМЪ. (Ц. 3 р.)

1) Политическая и литературная дѣятельность Цицерона. Рѣчь, читанная на актѣ 30 августа 1879 года преподавателемъ Института *И. А. Адриановымъ*.

2) Психологія чувствованій. II. Теоретическій отдѣлъ. *Н. Я. Грота*.

3) Начертаніе славянской акцентологіи. *Р. Θ. Брандта*.

(Экземпляровъ V т. уже не имѣется въ Институтѣ).

VI ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.).

1) Къ біографіи Н. В. Гоголя. Рѣчь, произнесенная по случаю открытія памятника Гоголю въ Нѣжинѣ 4 сентября 1881 года. *Н. А. Лавровскаю*.

2) Гоголь, какъ національный русскій поэтъ-художникъ. Рѣчь, произнесенная 4 сентября 1881 г. *И. А. Сребницкаю*.

3) Первобытныя Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ. Т. II. *А. С. Будиловича*.

4) Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. Отвѣтъ *А. А. Козлову*. *Н. Я. Грота*.

5) Новыя догадки о порченныхъ чтеніяхъ у Горація. Дополнительные разъясненія. *Г. Э. Зенера*.

6) Критическія и экзегетическія замѣтки. Лексикологическія замѣтки. О знакахъ ударенія въ папирусномъ спискѣ Алкманова Пареенія *С. Н. Жданова*.

7) Синтаксисъ Аполловія Дискола. Вып. I. *А. В. Добіана*.

VII ТОМЪ. (Ц. 3 р.)

† Николай Яковлевичъ Аристовъ. (Некрологъ).

1) Къ вопросу о реформѣ логики. Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ. Вып. I. Введеніе (главы I—III). Проф. *Н. Я. Грота*.

2) Критическія и экзегетическія замѣтки, III. Профессора *С. Н. Жданова*.

3) Критическія замѣтки къ т. н. двумъ первымъ книгамъ Проперція. Профессора *Г. Э. Зенера*.

4) Высшія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи. Почетнаго Попечителя Института, графа *А. А. Мусина-Пушкина*.

5) Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, Графа Джованни *Жирро*. Переводъ съ итальянскаго *Н. В. Гоголя*.

6) Памяти Гоголя. Матерьялы для библиографіи литературы о немъ. *С. И. Пономарева*.

7) Разборъ сочиненія Шушерина о жизни и дѣятельности патріарха Никона. Студ. *М. А. Козминскаго*.

8) Францискъ Ладиславъ Челяковскій. Студ. *В. Н. Шамраева*.

9) Оцѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича Студ. *Н. И. Иванова*.

10) О бытѣ, преданіяхъ и понятіяхъ Болгарь по памятникамъ народной словесности. Студ. *А. Я. Никольскаго*.

VIII ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

1) Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ. Рѣчь, сказанная на годичномъ актѣ 1882 г. (30 августа). *Р. Θ. Брандта*.

2) Объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи. Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи, читанная 8 ноября 1882 г. *М. Н. Бережкова*.

3) Памяти В. А. Жуковскаго. Рѣчь, читанная на актѣ 30 января 1883 г., въ столѣтній юбилей поэта. *М. Н. Бережкова*.

4) Критическія и экзегетическія замѣтки, IV. V. *С. Н. Жданова*.

5) Синтаксисъ Аполлонія Дискола. Вып. II. (Окончаніе). *А. В. Добіаша*.

6) Къ вопросу о реформѣ логики, Вып. II. (Окончаніе)
Н. Я. Грота,

7) Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Переводъ бывшего студента Института *Н. В. Шлякова*, подъ редакцію *Романа Брандта*. Вып. I. Старословенскій языкъ,
Ф. Г. Миклошича.

IX. ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

1) Критическія и экзегетическія замѣтки VI, VII. *С. Н. Жданова*.

2) Эпиграфическія и другія замѣтки. *Г. Э. Зенера*.

3) *P. Terenti Afrī Eunuchus*; съ введеніемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ. Предисловіе, введеніе и дѣйствія I—IV, 2, 6. *А. М. Фогеля*.

4) *M. Tullī Ciceronis Laelius de amicitia*. Латинскій текстъ съ русскими объясненіями *П. А. Адрианова*.

5) Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ *Ф. Г. Миклошича*. Переводъ бывшего студента Института *Н. В. Шлякова*, подъ редакцію *Р. Э. Брандта*. Вып. II, языки ново-словенскій, болгарскій и сербскій.

X. ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

1) *Ждановъ С. Н.* Критическія и экзегетическія замѣтки. VIII.

2) *Фогель, А. М.*—*P. Terenti Afrī Eunuchus*, съ введеніемъ объясненіями и критическимъ прибавленіемъ. Окончаніе, (отъ IV, 2, до конца).

3) *Миклошичъ Ф. В.*—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Переводъ бывшего студента Института *Н. В. Шлякова*, подъ редакцію *Р. Э. Брандта*. Вып. III и IV: Языки русскій, чешскій и польскій.

4) *Карскій—Е. Э.*—Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи.

XI ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

1) *Ждановъ С. Н.* Грамматическія наблюденія.

2) *Соколовъ М. И.* Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ.

3) *Миклошичъ Ф. В.* Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Перевелъ бывшій студентъ Института *Н. В. Шляковъ*, подъ редакцію *Р. Э. Брандта*. Вып. V: Языки верхнелужицкій и нижнелужицкій. Поправки и дополненія.

4) Фогель А. М. *Titi Livii ab urbe condita lib. XXX съ русскими объясненіями.*

5. Фокковъ Н. Ф. Разборъ книги «Основанія метрики у древнихъ Грековъ и Римлянъ. Я. Денисова. Москва 1888 г.

ХІІ. ТОМЪ. (Цѣна 2 р. 50 к.)

1. Сребницкій И. А. Преподобный Сергій Радонежскій, заступникъ земли Русской.—Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи 25 сентября 1892 г.

2. Бережковъ М. Н. Троицкая Сергіева Лавра въ смутное время Московскаго государства начало XVII в. Рѣчь, произнесенная 25 сентября 1892 г.

3. Лилеевъ М. И. Церковно-государственное служеніе русской землѣ преп. Сергія и основанной имъ обители. Рѣчь, произнесенная 25 сент. 1892 г.

4. Лилеевъ М. И. Новые матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII в.

5. Пѣтуховъ Е. В. Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности.

